

ЖК

56

В-42 АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

XXIX

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ЖК
56
В-42

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

Том XXIX

СПЕЦИАЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1969

Г П И Б
ОБМЕН. ФОНД

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

доктор исторических наук *З. В. Удальцова* (отв. редактор),
действительный член Академии художеств СССР *М. В. Алпатов*,
доктор ист. н. *А. П. Каждан*,
член-корреспондент АН Грузинской ССР *С. Г. Кауцхцивили*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
доктор ист. н. *Е. Э. Липшиц*,
кандидаты ист. н. *Г. Г. Литаврин* (зам. отв. редактора),
Р. А. Наследова (отв. секретарь),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пугулевская*,
доктора ист. н. *Е. Ч. Скржинская*, *М. Я. Сюзюмов*.

Гос. уч. пу...
ПОДАЩЕНО
1969 г.

СТАТЬИ

ВИКТОР НИКИТИЧ ЛАЗАРЕВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Виктору Никитичу Лазареву исполнилось 70 лет. Из них почти полвека отданы служению науке, служению самоотверженному, преданному, страстному. Превосходный педагог, умелый и энергичный организатор, человек самых разносторонних интересов, он все умеет подчинить своей главной жизненной цели — научному творчеству. Высокую одаренность он соединяет с величайшим трудолюбием. Ни при каких обстоятельствах, ни на один день не прерывается его работа. И сегодня с гордостью и уважением мы можем оценить поистине замечательные результаты творческой деятельности В. Н. Лазарева.

Являя в своих трудах прекрасные образцы современной методологии научного исследования, В. Н. Лазарев выступает как достойный продолжатель лучших традиций передовой русской науки. Глубину и скрупулезную обстоятельность аналитического изучения отдельных явлений и памятников художественной культуры он органически сочетает с широкими обобщениями. Самый круг его научных интересов поражает своей разносторонностью, подлинной энциклопедичностью. С равным успехом он занимается изучением византийского, древнерусского и западноевропейского искусства, привлекая при этом огромный историко-филологический материал. Широта эрудиции, столь необходимая всякому крупному ученому, синтетичность исследовательского метода, продиктованная потребностями современной науки, позволили ему в каждой из названных областей истории искусства создать капитальные труды большой научной ценности.

В. Н. ЛАЗАРЕВ

В. Н. Лазарев родился в Москве 3 сентября (22 августа) 1897 г. в семье архитектора-инженера. Уже в гимназические годы у него проявляется серьезный интерес к истории искусства. Близкое знакомство с А. Н. Бенуа во время его приездов в Москву окончательно определило жизненное призвание В. Н. Лазарева. В 1916 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Однако военная служба помешала его занятиям. Он был призван в армию и до 1917 г. в чине прапорщика принимал участие в военных действиях на Кавказском фронте. Вернувшись в университет, он вскоре вновь вынужден был прервать учебу: в 1918—1919 гг. в качестве командира взвода тяжелой артиллерии он сражался на фронтах гражданской войны. Несмотря на все эти перерывы в учебе и трудности (и здесь сказалась примечательная черта характера В. Н. Лазарева: умение настойчиво и целеустремленно работать), в 1920 г., за короткий срок, он успешно закончил Московский университет. Вслед за тем он поступил к аспирантуру Института археологии и искусствознания РАНИОН, которую окончил в 1924 г., защитив диссертацию на тему: «Происхождение портрета в итальянском искусстве».

Уже в университете выявился круг основных научных интересов В. Н. Лазарева. Занятия у профессора Н. И. Романова, прекрасного знатока итальянского искусства, окончательно укрепили в нем юношеское стремление к изучению западноевропейского искусства, и в первую очередь — итальянского Ренессанса. Именно с этой целью, по рекомендации Н. И. Романова, он был оставлен при университете для «приготовления к профессорскому званию». Вместе с тем работа в семинаре профессора В. Н. Щепкина, известнейшего исследователя древнерусской миниатюры и палеографии, активно вовлекла В. Н. Лазарева в совершенно иную область истории искусства. Быть может, именно с того времени появился у него особый вкус к изучению византийской миниатюры. Очень большую роль в его занятиях византийским искусством сыграл Д. В. Айдалов, с которым В. Н. Лазарев постоянно встречался, часто бывая в Ленинграде. Но, думается, что в сложении В. Н. Лазарева как западника и как византиниста сказались не только воздействие его непосредственных учителей и наставников. С одной стороны, блестящее развитие русской византистики, получившей всеобщее признание в мировой исторической науке, а с другой — новые методы исторического и формального анализа искусства, выдвигавшиеся в зарубежной науке, открывали перед молодым советским искусствознанием, разрабатывавшим принципы марксистской методологии, широкие и увлекательные перспективы. И не случайно в те годы многие наши молодые ученые соединяли занятия византийским и древнерусским искусством с проблематикой западноевропейского искусства, хотя из них, может быть, только один В. Н. Лазарев достиг той основательности в изучении своего предмета, которая позволила ему стать не просто хорошим знатоком западноевропейского, византийского и древнерусского искусства, но ведущим ученым-исследователем во всех этих трех областях искусствознания.

К моменту окончания аспирантуры уже совершенно четко обрисовался диапазон научных интересов В. Н. Лазарева; в специальных журналах стали появляться его первые статьи. С того же времени началась и его разносторонняя педагогическая, музейная и научно-организационная деятельность: с 1924 г. он стал читать лекции в Московском университете, тогда же — работать в Московском музее изобразительных искусств, а с 1927 г. В. Н. Лазарев — редактор отдела искусств БСЭ. В 1925 г. с обширной программой научных и музейных штудий он отправился в длительную заграничную командировку. За полтора года он посетил все важнейшие художественные центры и музеи Италии, Франции, Германии, Австрии, Бельгии, Голландии, Греции и Турции, с особенной обстоятельностью изучая памятники византийского и итальянского искусства. Соб-

ранные за время поездки материалы, богатейшие художественные впечатления послужили прочной основой для многолетней работы. Подобного рода путешествия, столь насыщенные для историков искусства, в дальнейшем стали важной составной частью его научной деятельности. С 1926 по 1930 г. В. Н. Лазарев совершает систематические поездки по стране, посещая все основные художественные центры России и Кавказа. В последующие годы такие поездки (особенно — в древнерусские города) он предпринимал регулярно, вплоть до настоящего времени. Реставрационные работы в Софии Киевской требуют его постоянного внимания. Увидеть вновь хорошо знакомый памятник — для В. Н. Лазарева большое удовольствие. И он спешит в Новгород, Псков. В Одесском музее обнаружена картина, приписываемая Караваджо, и он едет в Одессу, чтобы самому осмотреть картину, которой позднее посвящает специальную публикацию. С 1955 г. возобновились его зарубежные поездки. Он вновь и вновь посещает столь близкую ему Италию, бывает в других странах, совершает специальные поездки в страны народной демократии для ознакомления с их художественными сокровищами. Конгрессы, лекции, общественные выступления за рубежом используются им, чтобы еще раз побывать в музеях, осмотреть нужные памятники, поработать в библиотеках.

Свыше сорока лет связан В. Н. Лазарев с Московским университетом, где с 1924 г. он начал преподавать, сначала как доцент, затем как профессор. Последние семь лет он заведует кафедрой истории зарубежного искусства. Все эти годы он читал и основные и специальные курсы по истории западноевропейского и византийского искусства и поныне продолжает вести свой любимый курс по искусству Возрождения. Молодым профессором он вел увлекательный спецсеминар по творчеству Джотто, а несколько лет назад — подобный же семинар по Микеланджело. Его лекции, в которых отражены результаты многолетней научно-исследовательской работы, отличаются большой глубиной, ясностью, четкой идейной направленностью и широтой обобщения фактического материала. Строгий, но чуткий педагог, он пользуется авторитетом и любовью среди студентов. Многие поколения выпускников Московского университета справедливо считают его своим учителем, в особенности те, кто аспирантом прошел выучку в его научной и педагогической школе. В. Н. Лазаревым много сделано в подготовке молодых специалистов и вне университета. С 1937 по 1949 г. он был профессором и заведующим кафедрой истории искусства Московского художественного института им. Сурикова.

В. Н. Лазарева хорошо знают в нашей стране как активного музейного работника. Еще будучи студентом, он в 1918 г. некоторое время работал сотрудником Отдела музеев и охраны памятников искусства и старины. Как свидетельствуют его первые научные публикации, он испытывал сильное влечение к музейной работе. Вернувшись в 1926 г. из заграничной поездки, он с энтузиазмом отдается этому делу. К 1924 г. Московский музей изобразительных искусств сильно расширился и изменился по своему характеру в результате включения в него картин Румянцевского музея, Третьяковской галереи и ряда частных собраний, превратившись из скромного учебного музея при университете в первоклассное художественное собрание западноевропейской живописи, которое в последующие годы продолжало быстро расти. Вновь созданная коллекция потребовала большой и разнообразной работы по атрибуции, систематизации и реставрации сотен произведений. Хранитель Отдела итальянской живописи, а затем заведующий картинной галереей и заместитель директора по научной части, В. Н. Лазарев был теснейшим образом связан с самым трудным, но самым интенсивным и творческим периодом в жизни московского музея. Благодаря ему коллекция пополнилась многими новыми картинами, в том числе превосходными византийскими и

итальянскими иконами, а ее систематизация и экспозиция были поставлены на строго научную основу. В музее вокруг В. Н. Лазарева сформировалась группа помощников и учеников, усилиями которых в короткий срок была проделана значительная работа по реорганизации музея. Немало картин, ныне украшающих московский музей, были определены и изучены самим В. Н. Лазаревым; им посвящены многие его исследования и публикации. Оставив в 1936 г. работу в музее, он долго еще сохранял с ним живую связь, постоянно возвращаясь к столь излюбленным для него проблемам музейных атрибуций.

Ученый-исследователь, педагог, музейный работник, В. Н. Лазарев много времени и сил уделял научно-организационной работе в Академии наук. Избранный в 1943 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР, он вскоре вместе с академиком И. Э. Грабарем стал одним из создателей Института истории искусств АН СССР, где пятнадцать лет (с 1945 по 1960 г.) возглавлял сектор живописи и скульптуры. При его активнейшем участии было предпринято издание 12-томной «Истории русского искусства», в которой В. Н. Лазаревым написаны все разделы по древнерусскому изобразительному искусству XI—XV вв. С обычной энергией и трудолюбием взялся он вместе с И. Э. Грабарем за это трудное дело. Нужно было подобрать и объединить большой авторский коллектив, наметить четкую программу всего издания, выработать единые методологические и редакционно-технические принципы, коллективно обсудить и придирчиво отредактировать тысячи страниц текста. Многое здесь и для института и для издательства было совершенно новым, непривычным, немало неизбежных ошибок и просчетов приходилось исправлять на ходу, многократности потребовалось преодолеть, отстаивая свои научные принципы и взгляды. И если ныне это почти завершенное издание может считаться самым серьезным и обширным изложением истории отечественного искусства, то в этом нельзя не усмотреть большой заслуги В. Н. Лазарева. Немало труда положил он и на организацию периодических изданий института — «Ежегодника» и «Сообщений». Многие годы В. Н. Лазарев является председателем научно-методической комиссии по реставрации Софии Киевской. Более двадцати лет он состоит членом редколлегии «Византийского временника» — одного из старейших журналов Академии наук.

Достижения советской исторической науки об искусстве В. Н. Лазарев достойно представляет за рубежом. Его книги и статьи переиздаются в разных странах, ему часто приходится выступать с докладами на международных конгрессах, конференциях, в университетах и институтах. Его научные заслуги получили широкое международное признание. Вице-президент международной ассоциации византинистов, он — член Британской академии, Сербской академии наук, Венецианского института наук, литературы и искусств, Флорентийской и Сицилийской академий искусств. Как вице-президент общества «Италия — СССР» он ведет большую общественную работу.

Исключительно интенсивная творческая деятельность (всего им написано около двухсот печатных работ), глубокий и новаторский характер его научных исследований давно уже выдвинули В. Н. Лазарева в число крупнейших представителей советского искусствознания. Развитие его как ученого совершалось вместе с развитием самой науки. Направление его интересов, методы исследования во многом определялись уровнем и задачами современной истории искусства. Но можно сказать, что в своих наивысших научных достижениях, в своей полной методологической зрелости В. Н. Лазарев в своих трудах не только отражает состояние современной науки, но (что особенно важно) указывает дальнейшие перспективы ее развития.

Начало научной деятельности В. Н. Лазарева относится к 1920-м годам, когда вскоре после окончания университета появились его первые

атрибуционные публикации (1922—1925) картин итальянских мастеров в советских собраниях. Этот увлекательный жанр знаточеских изысканий, захвативший в те годы все европейское искусствознание и тесно связанный с музейной практикой, навсегда остался для В. Н. Лазарева одним из излюбленных в его научной работе. Излюбленным, но далеко не единственным. Одновременно с первыми атрибуционными статьями он печатает работы широкого концепционного плана — полемическую брошюру «Освальд Шпенглер и его взгляды на искусство» (1922), небольшую книжку о Н. П. Кондакове (1925) с превосходной характеристикой этого выдающегося ученого. Наконец, его собственная диссертация, посвященная итальянскому портрету эпохи Возрождения (1924), имела ярко выраженную проблемную направленность. Такой интерес к крупным историко-художественным проблемам, несомненно, был продиктован активным стремлением как русской, так и западноевропейской академической науки, особенно так называемой «венской школы», к созданию достаточно цельных и стройных теоретических концепций, способных охватить все богатейшее многообразие фактического материала истории искусства. Обстоятельное знакомство с этим материалом во время заграничной поездки, как и знакомство с видными западноевропейскими историками искусства, еще более укрепили молодого ученого в необходимости серьезного изучения художественных памятников и фактов истории искусства, чтобы получить прочное основание для обобщающих выводов. Работа в музее, университете и в редакции Большой Советской Энциклопедии чрезвычайно способствовала этому, предопределив до конца 1930-х годов особенности и формы его научных публикаций.

В те годы среди работ В. Н. Лазарева главенствующее положение занимают атрибуционные статьи с результатами изучения неизвестных памятников византийской и итальянской живописи. Его особенно интересует круг итаलो-византийских и раннеитальянских произведений XIII—XIV вв. и одновременно с этим — творчество итальянских живописцев XVII—XVIII столетий. С 1927 г. в БСЭ регулярно стали печататься его статьи, в которых он выступает как знаток всей западноевропейской живописи, от Возрождения до конца XVIII столетия. Отдельные очерки и популярные монографии тех лет, посвященные великим мастерам XVII в. — Рубенсу (1933), Вермееру Дельфтскому (1933), братьям Ленеэн (1936), Рембрандту (1936), — прекрасно характеризуют эту сторону его деятельности.

К концу 1930-х годов уже ясно вырисовываются серьезные научные достижения В. Н. Лазарева как историка византийского и западноевропейского искусства. Изучение конкретных аспектов итало-византийских художественных связей в XIII в. завершается обширной статьей о мозаиках Чефалы (1935) и «Этюдами по иконографии богоматери» (1938). Проблемы итальянского Возрождения широко трактовались в монографии о Леонардо да Винчи (1936) и двух капитальных статьях о Пьеро делла Франческа (1940) и позднем Тициане (1939). Разносторонние занятия западноевропейским искусством получили блестящее воплощение в книге о портрете XVII столетия (1937). К этому времени опыт и знания достигли той полноты, научный метод той зрелости, а литературное мастерство того совершенства, которые позволили В. Н. Лазареву успешно приступить к широкому обобщению результатов его многолетней исследовательской работы.

С конца 30-х годов начинается новый период его творческой биографии, период, характерный созданием фундаментальных трудов по византийскому, итальянскому и древнерусскому искусству, давний интерес к которому быстро вырастал в его новую научную специализацию. После окончания Великой Отечественной войны одна за другой печатаются книги, написанные В. Н. Лазаревым между 1935 и 1945 гг. Первым, в

1947 г., публикуется «Искусство Новгорода», год спустя заканчивается издание двухтомной «Истории византийской живописи», а в 1956—1959 гг. увидели свет давно подготовленные к печати два тома его исследования «Происхождение итальянского Возрождения».

В это первое послевоенное десятилетие при всем энциклопедическом разнообразии книг и статей в творческой деятельности Б. Н. Лазарева преобладает горячее увлечение древнерусским искусством. За книгой о Новгороде последовали три тома академической «Истории русского искусства (1953—1955), в которых он изложил всю историю древнерусской живописи и пластики с XI по XV в. Позже этот монументальный цикл дополнили монография о Феофане Греке (1961), написанная еще в конце войны, две монографии о Рублеве (1960, 1966), к творчеству которого он возвращается вновь и вновь, развернутые исследования о фресках Старой Ладogi (1960), о мозаиках Софии Киевской (1960) и Михайловских мозаиках (1966).

Работа над новой историей древнерусской живописи теснейшим образом переплеталась в послевоенные годы с дальнейшими исследованиями в области византийской живописи. Эти занятия нашли отражение в статьях В. Н. Лазарева и его докладах на двух международных конгрессах по византиноведению (1955, 1961). Возникла необходимость в новом обобщении всего сделанного им и другими учеными по изучению византийской живописи, и В. Н. Лазарев расширяет и перерабатывает свою «Историю византийской живописи», подготовив ее для второго издания.

Как ни велико значение всех этих итоговых трудов В. Н. Лазарева в трех различных областях истории искусства, ученый не останавливается на достигнутом. Многие работы последнего десятилетия свидетельствуют о новом направлении его научного творчества. Вместе с обобщающими историческими трудами он пишет специальные статьи и монографии, где дается многогранный анализ того или другого выдающегося памятника и связанных с ним историко-художественных вопросов. Этот наиболее трудный и ответственный жанр открывается в 1957 г. статьей «Неизвестный памятник флорентинской живописи дученто и некоторые общие вопросы истории итальянского искусства XIII века». К тому же типу исследований, самое название которых прекрасно раскрывает их методологическую специфику, принадлежит и другая статья — «Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV века» (1958). Упомянутые выше монографии о фресках Старой Ладogi и особенно киевских мозаиках дают поистине классические образцы этого рода публикаций. Их удачно дополняют такие методологически важные статьи, как «Константинополь и национальные школы в свете новых открытий» (1961) или «Древнерусские художники и методы их работы» (1963).

Если взглянуть на список трудов В. Н. Лазарева, то легко можно заметить, что все эти годы он не оставлял занятий итальянским Ренессансом. Последние месяцы, отдыхая на время от своих древнерусских и византийских штудий, он с огромным удовольствием пишет о живописцах Раннего Возрождения. В этом непрерывном ритмическом чередовании научных занятий разными областями истории искусства, в этой удивительной многосторонности состоит первая и самая характернейшая черта всей его творческой биографии. Притом его никак нельзя упрекнуть ни в разбросанности, ни в поверхностности. Стоит поближе познакомиться с его книгами и статьями по византийскому, древнерусскому и итальянскому искусству — и тогда нетрудно уловить глубокую внутреннюю связь этих трех, на первый взгляд столь различных сторон его научной деятельности.

Как византинист он обладает знаниями, без которых невозможны плодотворные исследования древнерусской, южнославянской и кавказской живописи. Изучение же древнерусского искусства позволяет ему правильно понять сложные исторические связи искусства Древней Руси

с Византией. Вообще проблема распространения византийских художественных традиций в различных национальных школах получает в его трудах конкретное и строго научное истолкование. Наконец, прекрасное знание византийского искусства и тонкое понимание его художественной специфики сделали особенно эффективными его исследования итальянской живописи XIII в., а также венецианской живописи XIV столетия. С другой стороны, постоянная работа с произведениями западноевропейской живописи обогатила его как византиниста, научила чутко воспринимать чисто художественную выразительность иконного искусства. Вместе с тем как западник В. Н. Лазарев ясно видит ограниченные стороны византийского и древнерусского художественного наследия, когда обращается к развитию западноевропейского реалистического искусства. В своих работах по итальянскому искусству он внимательно прослеживает этот процесс от Средних веков до Возрождения, обращаясь затем к творчеству европейских мастеров XVII—XVIII столетий. Здесь он покидает эстетические критерии и методы исследования, применимые к средневековому искусству. Отдельные эпохи, стилистические школы и течения, творческую индивидуальность художника он рассматривает сквозь призму реалистической эстетики нового европейского искусства. И сами методы исследования становятся иными. Так, взаимно дополняя друг друга, развиваются три основных направления научной работы В. Н. Лазарева. Каждое из них связано со своими задачами, трудностями и достижениями. Взятые вместе, в том органическом единстве, как они существуют в его творчестве, они дают истинное представление о масштабах деятельности этого выдающегося ученого.

В. Н. Лазарев — один из крупнейших в мире специалистов по истории византийского искусства. Его исследовательская работа в этой области началась в те годы, когда многое уже было сделано для исторического и художественного изучения Византии. Замечательные достижения русской дореволюционной византистики, представленные трудами таких историков, как В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, А. А. Васильев, П. В. Безобразов, и таких историков искусства, как Н. П. Кондаков, Н. П. Лихачев, Д. В. Айналов, существенно дополнялись исследованиями западноевропейских ученых — Ш. Диля, Г. Милле, О. Вульфа, И. Стржиговского. Но старая византистика, несмотря на свои значительные научные завоевания, не смогла правильно разрешить многие задачи, как исторические, так и методологические. В истории раннего византийского искусства по-прежнему с крайне односторонних позиций трактовалась пресловутая проблема «Восток или Рим», развитие всей поздней византийской живописи периода «Палеологовского Ренессанса» совершенно безосновательно рассматривалось многими как результат итальянских влияний, а вся история русского, южнославянского и кавказского средневекового искусства оценивалась лишь как простое отражение византийской художественной культуры. Подобная ошибочность суждений проистекала от недостаточности самого метода, какой применялся для анализа произведений византийского искусства. Долгое время это был иконографический метод, разработанный Н. П. Кондаковым. Ограниченные возможности этого метода, особенно ярко проявившиеся в работах последователей Н. П. Кондакова (например, у Н. В. Покровского), вызвали потребность в ином подходе к художественным проблемам византийского и древнерусского искусства. Уже Н. П. Кондаков ощущал потребность эстетической оценки памятников¹. Важный шаг от церковной археологии к искусствоведению сделал его ученик Д. В. Айналов в своей классической работе «Эллинистические основы византий-

¹ Н. П. К о н д а к о в. О научных задачах истории древнерусского искусства. — «Памятники древней письменности и искусства», СХХХП, 1899, стр. 1—47.

ского искусства» (1900). С годами он еще решительнее стал выдвигать «историко-сравнительный анализ форм и стилей памятников»². Применение методов формально стилистического анализа к памятникам византийской и древнерусской живописи, характерное для целого направления предреволюционной русской художественной критики (П. П. Муратов и др.), немало способствовало раскрытию чисто эстетической ценности икононого искусства. Однако в полемике с культурно-исторической и иконографической школами новый метод анализа, замыкаясь в кругу формальных проблем, грозил исказить подлинную историю и идейно-художественную сущность древнего искусства. Заслуга В. Н. Лазарева состояла в том, что, критически развивая методы старой науки, он сумел сохранить все ценное, что было достигнуто его предшественниками.

Результаты его двадцатилетней исследовательской деятельности были суммированы в «Истории византийской живописи» (1947—1948), пользующейся широкой известностью и получившей всеобщее признание специалистов. Этот труд является наиболее полным из числа всех созданных до сих пор исторических обзоров византийской живописи. Впервые эстетическая сущность, хронологические и территориальные границы византийской живописи получили ясное определение, а ее общая периодизация и отдельные этапы четкую характеристику. Рассматривая «произведения византийской живописи прежде всего как произведения искусства»³, В. Н. Лазарев классифицирует их по стилистическим, а не по иконографическим признакам. Его книга — это история развития византийского художественного стиля, а не византийской иконографии; его методом оценки памятников является художественно-стилистический анализ. Вполне закономерно поэтому, что своей работе он предпосылает в качестве введения разделы о социально-культурных основах византийской живописи и о византийской эстетике. Затем шаг за шагом он прослеживает сложную эволюцию византийской живописи — от ее зарождения на обломках позднеантичного искусства до последнего расцвета в Палеологовскую эпоху. Основой этой эволюции было историческое развитие византийского общества и его культуры, ее главным центром — константинопольская художественная школа. Вместе с тем книга В. Н. Лазарева раскрывает широкую панораму всего процесса формирования и развития восточно-христианского искусства со своими собственными центрами, стилистическими направлениями, памятниками, находящимися в сложном взаимодействии со столичной художественной традицией. В орбиту этого процесса вовлекаются Италия, балканские государства, Кавказ, Древняя Русь.

Монументальный труд В. Н. Лазарева с исключительной полнотой охватывает гигантский фактологический материал. Читатель найдет в нем характеристику всех основных памятников, освещение всех, связанных с ними проблем. Но, пожалуй, самым большим достоинством книги является то, что она дает *цельную* картину исторического развития византийской живописи. В такой истории легко ориентироваться, легко отличать главное от второстепенного, легко видеть узловые моменты. Но и после того как книга была написана и вышла в свет, В. Н. Лазарев продолжал работу над историей византийской живописи. В своем втором издании (1967 г., на итальянском языке) его труд включил в себя и все новые реставрационные открытия последних лет, и все новые точки зрения, выдвинутые в последних работах. Он включил в себя и все недавние исследования самого В. Н. Лазарева.

В истории византийской живописи В. Н. Лазарева интересует все. Есть, однако, проблемы, которые привлекают его особое внимание. В

² Д. В. Ай н а л о в. Византийская живопись XIV столетия. — «Записки классического отделения Русского археологического общества», т. IX. Пг., 1917, стр. 70.

³ В. Н. Л а з а р е в. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 6.

начальной истории византийской живописи его чрезвычайно занимает проблема кристаллизации стиля константинопольской школы V—VII вв. Благодаря новым открытиям и исследованиям он получил возможность более тонко дифференцировать во втором издании своей книги различные стилистические течения раннехристианского искусства на Востоке и на Западе, привлекая для характеристики константинопольской школы V в. такие памятники, как мозаики Санта Мария Маджоре в Риме и мавзолея Галлы Пластидии в Равенне. Новую трактовку получили и знаменитые равеннские мозаики VI в., которые он рассматривает как памятники достаточно самобытной местной школы, подобной другим школам той эпохи, когда «пути развития константинопольского искусства резко разошлись с путями развития сирийского, египетского и западного искусства»⁴. В реконструкции основных тенденций и стилистических черт раннего константинопольского искусства VI—VII вв. очень важную роль В. Н. Лазарев отводит фрескам конца VII в., открытым в 1944 г. в ломбардском городке Кастельсеприо. Связывая их со столичным искусством, он еще более укрепляется в своей прежней мысли о длительном сохранении в нем эллинистических традиций, которые поддерживались в Константинополе определенными социальными предпосылками. В полемической статье, направленной против слишком поздней датировки К. Вейцманом этих фресок, он подчеркивает, что они еще «овеяны живым дыханием античности», а их свободный стиль исполнения и необычный для средневекового искусства реализм образов «наглядно показывают, какой была константинопольская живопись перед началом иконоборческого движения»⁵.

Другая проблема, привлекающая В. Н. Лазарева (ей посвящен большой экскурс в новом издании его книги), относится уже к эпохе окончательного сложения эстетической и иконографической системы византийской живописи в мозаических декорациях церквей IX—XI вв. Эти величественные живописные ансамбли, известные по литературным источникам и дошедшие до нас в мозаиках Хосиос Лукас, Софии Киевской, Неа Мони и Дафни, знаменовали высшую точку в развитии византийского монументального искусства и одно из самых совершенных художественных выражений спиритуалистического идеала Средних веков. Анализ идейного содержания и формального строя церковной росписи, примененный, в частности, в разборе мозаик Софии Киевской⁶, помогает В. Н. Лазареву раскрывать существенные черты византийской художественной культуры не в форме отвлеченных умозаключений, а с образной наглядностью, всегда отличавшей лучшие искусствоведческие исследования.

В том же плане его интересует реконструкция византийского темплона — мраморной алтарной преграды, украшенной иконами. Он восстанавливает конкретные особенности этих целостных художественно-иконографических комплексов, существовавших в византийских храмах XI—XII веков, с их последующей трансформацией в многоярусные иконостасы — «процесс, получивший свое логическое завершение уже на русской почве»⁷.

Но, конечно, центральной проблемой истории зрелой византийской живописи давно уже стала для В. Н. Лазарева проблема художественного влияния Византии на другие национальные школы. С самого начала, как показывают его ранние исследования о мозаиках Чефалу (1935) и итальянской иконописи XIII в. (1927, 1931, 1933, 1936), он старался решать ее дифференцированно, применительно к конкретным национальным и историческим условиям. Это направление его работы переросло в само-

⁴ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 61.

⁵ В. Н. Лазарев. Фрески Кастельсеприо. — ВВ, VII, 1953, стр. 367, 377.

⁶ См. В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 7—76.

⁷ В. Н. Лазарев. Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 188.

стоятельные исследования итальянской, русской и южнославянской средневековой живописи. С точки зрения византистики оно получило свое итоговое обобщение в статье «Константинополь и национальные школы в свете новых открытий» (1961). В ней автор в сжатом виде излагает свою принципиальную позицию в решении целого ряда важнейших вопросов истории итальянской, древнерусской и сербской живописи в их связях с Византией. Более того, по своему содержанию статья имеет широкий программный характер вообще для изучения средневекового искусства. Вот ее самые основные положения: «Было бы, конечно, неверно игнорировать ведущую роль Константинополя и сбрасывать со счета все то, что он дал Италии, Древней Руси, Сербии, Болгарии, Армении и Грузии. Без выяснения взаимосвязей различных художественных центров средневекового искусства невозможно строго научное изучение последнего. Но еще более ошибочно сводить весь художественный процесс в рамках национальных школ к одним византийским влияниям и не замечать при этом, как в борьбе с этими влияниями складывались национальные черты и как постепенно эти черты возобладали над всем занесенным извне»... «Процесс кристаллизации национальных черт — вот что должно стоять в центре внимания исследователей средневековой художественной культуры. И если наших предшественников более всего интересовали черты сходства между произведениями отдельных национальных школ и константинопольской школы, что обычно приводило к явной переоценке византийских влияний, то нас теперь в гораздо большей мере интересуют черты различия. Только так, в результате тщательного изучения каждого отдельного памятника, а не на основе туманных искусствоведческих домыслов, станет возможным решение такой сложнейшей исторической проблемы, как проблема национальной специфики в средневековом искусстве»⁸. Именно в разрезе этих программных положений решается в статье и других работах В. Н. Лазарева вопрос о трансформации византийских художественных образов и традиций в Сицилии и Венеции, в Древней Руси и на Балканах, в Армении и Грузии. На их основе он решает проблему македонской живописи XI—XII вв. с ее обилием небольших местных центров и сложным переплетением константинопольских традиций с национальными славянскими чертами⁹.

Правильное решение вопроса о формировании национальных школ позволяет В. Н. Лазареву по-новому осветить и чисто византийские проблемы. Сопоставление процессов развития византийского и итальянского искусства в XIII—XIV вв. приводит его к четкой исторической оценке «Палеологовского Ренессанса»: «В передовой Италии, в связи с зарождением капиталистических отношений и появлением нового класса — буржуазии, в искусстве стали быстро нарастать реалистические тенденции, в отсталой же Византии, продолжавшей цепляться за свое прошлое, все новое неизменно облекалось в старые формы, почерпнутые из арсенала эллинистического искусства. Поэтому проникнутое духом глубокого ретроспективизма «Палеологовское Возрождение» ни в какой мере не может быть приравнено к итальянскому Проторенессансу, выдвинувшему в лице Николо Пизано, Арнольфо, Каваллини и Джотто мастеров, которые пролагали совсем новые пути в искусстве. И трагедия гордой и замкнутой Византии заключалась в том, что она не создала на последнем этапе своего развития ничего равноценного этому. Более того, она сознательно пренебрегла художественным опытом Запада, безнадежно пытаясь оживить такие традиции, которые к подлинному Возрождению привести никак не

⁸ В. Н. Л а з а р е в. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. — ВВ, XVII, 1961, стр. 93, 104.

⁹ В. Н. Л а з а р е в. Живопись XI—XII веков в Македонии. — «XIIe Congrès International des études byzantines. Ochride, 1961. Rapports, V». Belgrade — Ochride, 1961.

могли»¹⁰. Приговор суровый, но исторически справедливый. Он несколько не мешает однако В. Н. Лазареву видеть художественное значение последнего взлета византийской живописи, характеристике которого он посвятил не одну свою работу. И когда утонченный язык раннепалеологовского искусства многое подкасал сладостному съенду Дуччо¹¹. И когда его художественные новшества «породили быстрый отклик на территории Греции, на Балканах, на Кавказе и в Древней Руси»¹². И когда в самой Византии это неозллинистическое течение вызвало к жизни такой памятник, как мозаики Кахриэ Джами, которые принесли строгому и суровому византийскому искусству более смелое и свободное использование выразительных средств, «более гуманное, более мягкое, порой даже несколько сентиментальное понимание религиозного образа»¹³. С традициями этого нового стиля В. Н. Лазарев связывает и последнее великого художника Византии — Феофана Грека, чья судьба неразрывно слилась с судьбами русского искусства. Сознвая всю историческую ограниченность «Палеологовского Ренессанса», В. Н. Лазарев, однако, решительно возражает против попыток некоторых итальянских ученых, повторяющих давнее заблуждение Д. В. Айналова, видеть в византийском искусстве той эпохи лишь отражение итальянского Проторенессанса. Все особенности нового стиля он полностью выводит из художественной и социально-культурной эволюции Византии.

Наоборот, В. Н. Лазарев отказывает в какой-либо оригинальности и художественной значительности итало-греческой и итало-критской школам, некогда ошибочно объявленным Н. П. Кондаковым и Н. П. Лихачевым одним из высших достижений византийской живописи¹⁴. Пожалуй, это — единственная проблема византийской художественной истории, которую он трактует только негативно. Интерес к ней проистекал из желания освободить историю венецианской, балканской и древнерусской живописи от ложных концепций, искажающих правильное понимание поздней византийской живописи и ее роли в развитии других национальных школ. Для него этот заключительный этап истории византийской живописи (вторая половина XIV—XVII в.), лишенный глубоких социальных корней, творчески бесплодный и художественно беспомощный в своей архаизирующей греко-итальянской эклектике, был не более чем затянувшимся процессом полной деградации некогда великого искусства исчезнувшей Византийской империи.

Вряд ли можно переоценить заслуги В. Н. Лазарева в деле изучения древнерусского искусства. Здесь он также имел немало выдающихся предшественников. Но и здесь на его долю выпала честь по-новому осветить многие кардинальные проблемы, сделать новые открытия. Он был первым, кто с позиций современной науки сумел изложить историю древнерусского изобразительного искусства. Критически используя опыт своих предшественников и современников, опираясь на новейшие исторические и методологические достижения искусствознания, он взял на себя трудную задачу — обобщить весь ранее накопленный материал по истории древнерусской живописи и пластики. А вместе с его обобщением шел в его творчестве и процесс углубления научного исследования древнерусского искусства.

¹⁰ В. Н. Л а з а р е в. Константинополь и национальные школы..., стр. 100.

¹¹ V. L a s a r e f f. Duccio and Thirteenth-Century Greek Icons— «Burlington Magazine», LIX, 1931, p. 154—169.

¹² В. Н. Л а з а р е в. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 26.

¹³ Там же, стр. 25.

¹⁴ В. Н. Л а з а р е в. К вопросу о «греческой манере», итало-греческой и итало-критской школах живописи (Против фальсификации истории позднейшей византийской живописи). — «Ежегодник Института истории искусств АН СССР. 1952». М., 1952, стр. 152—200.

У истоков науки о древнерусском искусстве возвышается величественная фигура Ф. И. Буслаева. Прочные основания этой отрасли науки были утверждены его учеником Н. П. Кондаковым, развиты Н. П. Лихачевым, Д. В. Айналовым и В. Н. Щепкиным. Однако старая иконографическая школа во главе с Н. П. Кондаковым, знакомая с памятниками, преимущественно поздними или искаженными грубыми записями, склонна была рассматривать древнерусскую живопись лишь как прямо продолжение византийской. В результате весь ранний период древнерусского искусства оставался неразработанным и по существу неизвестным, а в общей художественной эволюции главные акценты смещались в сторону поздних и далеко не лучших образцов русской иконописи. Между тем интерес к самым разнообразным проявлениям самобытности русской художественной культуры все возрастал. Он далеко вышел за пределы научных кругов, где зародился раньше всего. Коллекционирование произведений русского искусства приняло широкий размах (достаточно вспомнить деятельность одного только П. М. Третьякова). Стали составляться превосходные собрания икон, в том числе такие, как коллекция И. С. Остроухова в Москве, Н. П. Лихачева — в Петербурге. В 1913 г. была устроена «Выставка древнерусского искусства», на которой было представлено много расчищенных икон. «И сразу же всем стало очевидным, что это искусство не было ни аскетическим, ни суровым, ни фанатичным. Что в нем ярко отразилось живое народное творчество. Что оно перекликается своей просветленностью и какой-то особой ясностью в строе своих форм с античной живописью. Что его следует рассматривать как одно из самых совершенных проявлений русского гения»¹⁵.

С этого момента *иконографическому* изучению древнерусской живописи было противопоставлено ее *художественное* изучение. Активная роль в этом принципиальном переломе принадлежала группе молодых историков искусства и художественных критиков: П. П. Муратову, Н. Н. Пунину, Н. М. Щекотову и др. Новое направление, как уже отмечалось выше, выступило против старой науки Ф. И. Буслаева и Н. П. Кондакова, чьи концепции действительно мало учитывали *художественную* ценность и своеобразность древнерусской живописи. Но в своих крайних проявлениях эта критическая тенденция, подхватывая некоторыми журнальными критиками и художниками, вместо выработки нового научного метода исторической классификации открываемого материала ограничивалась «суммарными эстетическими характеристиками, в которых повторение одних и тех же мыслей призвано было искупить недостаток строго научных фактов»¹⁶. К счастью, такой внеисторический эстетизм, как и несправедливо огульные нападки на отечественную науку встретили отрицательное отношение среди наиболее серьезных молодых ученых¹⁷. В те годы огромная заслуга в выборе верного направления в изучении древнерусского искусства принадлежала И. Э. Грабарю. Создавая свою «Историю русского искусства», он руководствовался прежде всего конкретным историко-художественным изучением памятников, дополненным обширными архивными разысканиями. Напечатанный в VI томе этого издания большой очерк П. П. Муратова «Русская живопись до середины XVII века» (1915) был первой и по тому времени успешной попыткой дать связную научную историю всей древнерусской живописи.

Когда после революции И. Э. Грабарь возглавил все работы по систематическому собиранию и реставрации памятников древнерусской живописи, став инициатором и руководителем многих важнейших экспеди-

¹⁵ В. Н. Л а з а р е в. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 20.

¹⁶ Там же, стр. 21.

¹⁷ Ср. статью Н. М. Щекотова «Иконопись как искусство» и резко критический ответ на нее Л. А. Мацулевича, выступившего в защиту русской науки об искусстве.— «Русская икона», сб. 2. СПб., 1914, стр. 115—149.

ций, вокруг этого дела сплотилась целая группа исследователей (А. И. Анисимов, Н. П. Сычев, Л. А. Мацулевич, К. К. Романов) и реставраторов (Г. О. Чириков, П. И. Юкин, А. И. Бригин), деятельность которых началась еще в предреволюционные годы. За короткий срок усилиями советских ученых и реставраторов был открыт и собран богатейший материал. Историю древнерусского искусства нужно изучать и писать заново. К тому времени, в 1920—30-е годы, рядом с И. Э. Грабарем и учеными старшего поколения выросло новое поколение советских историков древнерусского искусства — А. И. Некрасов, Н. И. Брунов, В. Н. Лазарев, М. В. Алпатов, Г. В. Жидков, Н. Н. Воронин, М. К. Каргер, Ю. Н. Дмитриев, М. А. Ильин. Им и пришлось выполнять эту задачу.

Воссоздавая историю древнерусской живописи, В. Н. Лазарев начал с того, что очень тщательно исследовал вопрос о художественных связях Древней Руси с Византией. Как и для основоположников науки о древнерусском искусстве (Ф. И. Буслаева и Н. П. Кондакова), для него всегда было очевидным то, что «понимание древнерусского искусства невозможно без предварительного изучения древнехристианского и византийского искусства»¹⁸. Никогда не вызывала у него сомнения и роль византийского художественного наследия для Древней Руси. Но здесь он решительно отходит от слишком упрощенного понимания этой проблемы у старых исследователей. Неприемлема для него и противоположная, но столь же неисторическая концепция, имевшая хождение в нашей науке, согласно которой древнерусское искусство в своих истоках и в своем развитии почти полностью изолировалось от византийского. Вопрос о византийских влияниях в древнерусском искусстве для В. Н. Лазарева — не самодовлеющая проблема академической науки. Это — путь к строго научному раскрытию процесса зарождения и развития русского национального искусства во всем его неповторимом художественном своеобразии. Отсюда необходимость в самом конкретном изучении художественных связей с Византией на разных исторических этапах. Отсюда же настоятельная потребность в четком разграничении византийских и русских памятников, в пристальном анализе памятников, явившихся плодом творческого сотрудничества греческих и русских мастеров. И каждый раз решение данной проблемы определяется конкретными социально-историческими и художественными условиями развития древнерусской и византийской культуры. Оно будет одним для XI — XII вв., другим для конца XIV в., для Киева не таким, как для Владимира, совсем иным для республиканского Новгорода, новым для великокняжеской Москвы.

Здесь следует сказать о разработке В. Н. Лазаревым другой важнейшей проблемы истории древнерусского искусства — проблемы местных художественных школ. Ее решение наметилось в советской науке в 20—30-е годы, когда благодаря новым музейным коллекциям и реставрационным открытиям чрезвычайно обогатилось и изменилось наше представление о древнерусском искусстве. «Главнейшие школы приобрели четкие очертания, сделалось очевидным, что их истоки восходят не к XIV веку, как это обычно считали, а к XI — XII столетиям, рельефно выступила роль отдельных мастеров»¹⁹. Свою собственную задачу В. Н. Лазарев видел в дальнейшем развитии этой работы по научной классификации всего материала древнерусского изобразительного искусства, в углубленном изучении отдельных периодов и живописных школ, в более полной и точной характеристике крупнейших мастеров. Со всеми этими проблемами он вплотную столкнулся, когда писал свою историю византийской живописи. Вскоре они превратились в самостоятельную научную цель,

¹⁸ В. Л а з а р е в. Никодим Павлович Кондаков. М., 1925, стр. 8.

¹⁹ В. Н. Л а з а р е в. Искусство Новгорода, стр. 22.

когда ученый начал писать историю древнерусской живописи. Тогда вслед за монографией о новгородском искусстве последовали три тома академической «Истории русского искусства», в которых В. Н. Лазарев дал развернутую характеристику всех главных художественных школ в древнерусской живописи и пластике XI—XV столетий. Создание такой систематической истории древнерусского изобразительного искусства повлекло за собой специальную разработку многих новых проблем, связанных с отдельными этапами общего процесса художественного развития Древней Руси.

На протяжении последних десяти лет ряд его публикаций был посвящен киевскому искусству XI—XII вв. Сюда относятся обе книги о Софийских и Михайловских мозаиках (1960, 1966), а также всесторонний анализ интереснейшего памятника ранней монументальной живописи — группового портрета семейства Ярослава в Софии Киевской (1959). Все эти работы базировались на новейших реставрационных открытиях и исследованиях, которыми руководил сам В. Н. Лазарев. Благодаря тонкой дифференциации византийских и местных художественных элементов в киевских памятниках ему удалось убедительно показать живой процесс зарождения русского монументального искусства по мере его обособления от искусства византийского. Дальнейшее развитие этого процесса он наблюдает во фресках конца XII в. в Дмитровском соборе во Владимире. Неоднократно возвращаясь к анализу этой росписи, он пришел к выводу, что различные ее части исполнили пять живописцев: «приехавший из Константинополя главный мастер, его греческий помощник и три русских мастера»²⁰. Отсюда В. Н. Лазарев протягивает прямые связи к памятнику владими́ро-суздальской иконописи, пластики и прикладного искусства (Суздальские врата) конца XII — первой трети XIII в. Их анализ позволяет ему утверждать, что именно во Владимиро-Суздальской земле с ее «самобытным укладом жизни усиленным темпом протекал тот процесс кристаллизации новой, *русской* иконографии, который начался уже в Киевской Руси»²¹. Вместе с тем складывался особый художественный стиль владими́ро-суздальской школы, получивший свое оригинальное развитие в иконописи ярославской и раннемосковской школ.

Но особенно много внимания уделил В. Н. Лазарев изучению новгородского искусства, которое, как он признавался, сделалось одной из его «самых крепких привязанностей»²². Действительно, уже его первая книга по древнерусскому искусству была посвящена Новгороду (1947) — этому яркому и самобытному художественному центру Древней Руси. В предисловии к своей книге он писал: «Для нас, русских, Новгород — это наше славное и любимое прошлое. Мы дорожим им не меньше, чем итальянский народ дорожит Флоренцией. Он был для нас таким же городом-музеем, где каждый камень напоминал о временах великого расцвета искусства»²³. Монография В. Н. Лазарева была первым трудом, в котором дано широкое и обстоятельное изложение всей истории новгородского искусства. Для самого же автора она стала началом дальнейшей работы в этой области. Отдельные памятники и проблемы, которым в книге было отведено по несколько страниц или даже строк, теперь сделались предметом его специальных исследований и публикаций.

Так, вопросы раннего этапа новгородской монументальной живописи получили свое уточнение и всестороннее развитие в книге «Фрески Старой Ладоги» (1960). Путем детального иконографического и стилистического анализа В. Н. Лазарев уточняет место этих известных росписей

²⁰ В. Н. Лазарев. Константинополь и национальные школы..., стр. 103.

²¹ В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. — «История русского искусства», т. I. М., 1953, стр. 470.

²² В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, стр. 4.

²³ Там же, стр. 3.

в эволюции новгородской живописи XII в., устанавливает их связь с определенным художественным направлением, с определенными социальными кругами. Он рассматривает фрески церкви св. Георгия в Старой Ладогe как памятник, исполненный новгородскими мастерами в том византизирующем стиле, который поддерживался княжеской средой. Но при этом он видит в нем проявление некоторых черт другого направления ранней новгородской живописи, более демократического и более решительно порывающего с византийской традицией.

Двум памятникам новгородской монументальной живописи XIV в., уничтоженным фашистскими захватчиками, — фрескам Сковородского и Ковалевского монастырей — он также посвятил отдельные публикации (1948, 1958). Особенно интересна вторая статья, где дается очень тонко построенная иконографическая, стилистическая и идейная характеристика фрескового цикла. В аскетической и догматической интерпретации образов, в использовании афонской традиции В. Н. Лазарев усматривает своеобразную реакцию на ересь стригольников, в иконографии и стиле Ковалевских фресок — их тесную связь с сербской живописью. Выясняя связи новгородской живописи с сербской, он правомерно ставит вопрос об обратном воздействии древнерусского искусства на сербское.

Как одно из самых ярких явлений новгородской художественной жизни XIV столетия В. Н. Лазарев рассматривает деятельность Феофана Грека, «который только на русской почве обрел необходимую творческую свободу»²⁴. Его монография об этом мастере (1961), написанная им вместе с книгой о Новгороде, — одна из лучших его работ. Только ученый, равно владеющий знанием византийского и древнерусского искусства, мог, не впадая в упрощение, дать верную оценку искусству Феофана Грека, рожденному на историческом пересечении византийской и русской культуры. Исключительно важное значение Феофана Грека в истории древнерусского искусства определяется также и тем, что его творчество неразрывно связано с расцветом московской школы иконописи и ее гениальным выразителем — Андреем Рублевым. «Новгородцам Феофан явился главным образом бунтарскими и реалистическими сторонами своего творчества, москвичам — глубиной психологических решений и совершенством художественных приемов»²⁵. И. Э. Грабарь первым сделал попытку широко обрисовать творческую индивидуальность Феофана (1922) и Рублева (1926). В. Н. Лазарев в своих монографиях дает более строгий отбор бесспорно принадлежавших им произведений, более точную характеристику их живописного стиля. Он устанавливает их взаимоотношение с другими художественными течениями и памятниками того времени, вскрывает связь их искусства с духовной и социальной жизнью.

В своей последней книге о Рублеве (1966) В. Н. Лазарев прослеживает весь творческий путь художника, выясняет истоки его стиля. По крупицам собирая отрывочные документальные сведения, пользуясь приемами точного искусствоведческого анализа, он воссоздает яркую картину древнерусской живописи рублевской эпохи. Для него Рублев — это высшее выражение художественного гения Древней Руси, мастер, полнее всех воплотивший самые тонкие и сокровенные черты, самые возвышенные идеалы духовной жизни русского народа. Простыми, но выразительными словами, точными и ясными формулировками определяет В. Н. Лазарев сущность искусства Рублева и его историческое значение. «Было бы неверно, — пишет он, — рассматривать Андрея Рублева как первого русского художника. Уже задолго до него владимирские, новгородские и псковские мастера сумели выразить на языке живописи

²⁴ В. Н. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. 1. Высоцкий чин. — ВВ, IV, 1951, стр. 127.

²⁵ В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа, стр. 106.

то неповторимо русское, что лежит вне сферы византийского мироощущения. И если мы все же воспринимаем Рублева как новатора, то только потому, что в его работах получает свое логическое завершение процесс обособления русской живописи от византийской, наметившийся уже в XII веке и развивавшийся в непрерывном нарастании вплоть до XV... Рублев окончательно отказывается от византийской суровости и византийского аскетизма. Он извлекает из византийского наследия его античную, эллинистическую сердцевину. Он освобождает ее от всех позднейших напластований, он проявляет удивительную для человека того времени восприимчивость к античной грации, к античному этосу, к античной просветленности, к античной ясности замысла, лишенного всяких прикрас и подкупающего благородной и скромной простотой. Нервной, византийской красочной лепке Рублев противопоставляет спокойную гладь ровных красочных пятен, византийскому, как бы вибрирующему контуру — ясный и скупой очерк, позволяющий охватить силуэт фигуры с одного взгляда, сложной системе византийских бликов — графически четкую трактовку, приводящую к оплощению формы... Краски русской природы он переводит на высокий язык искусства, давая их в таких безупречно верных сочетаниях, что им присуща, подобно творению великого музыканта, абсолютная чистота звучания... Доброе и нежное искусство Андрея Рублева навсегда останется одним из совершеннейших образцов эллинистического стиля. По своей глубочайшей поэтичности оно выдерживает сравнение с гениальным «Словом о полку Игореве». Но все то, что было там эпически-величавым, у Рублева приобретает тот оттенок особой душевной мягкости, в котором уже чувствуются веяния новой, более человеческой по своим идеалам эпохи»²⁶.

В истории древнерусской живописи есть две общие проблемы, которые давно изучает В. Н. Лазарев. Одна — историческая, она связана с зарождением и развитием иконостаса как особой, типично русской формы живописного украшения храма. Превращение в эпоху Рублева некогда скромной алтарной преграды, сходной с византийским темпломом, в грандиозный иконный ансамбль знаменовало окончательное сложение русского национального стиля. Другая проблема связана со спецификой творческого метода древнерусских живописцев. Затронув ее впервые в статье 1946 г. («О методе работы в Рублевской мастерской»), он много позже, в 1963 г., посвятил ей новую работу, где суммировал все документальные данные по этому вопросу, сопоставляя их с аналогичными фактами из практики западноевропейских средневековых мастеров («Древнерусские художники и методы их работы»).

С самого начала научной деятельности В. Н. Лазарева, параллельно с изучением византийской живописи, развертывалась его работа в области итальянского искусства, в котором его более всего привлекали две эпохи — позднее средневековье и Возрождение, причем не только каждая в отдельности, но и в их исторической взаимосвязи.

Начиная с 1920-х гг. он опубликовал много неизвестных произведений живописцев дученто и треченто (XIII—XIV вв.), в том числе несколько уникальных памятников. Однако эта очень специфическая отрасль искусствознания, сделавшаяся для одних ученых единственным занятием всей их жизни, а для других так и оставшаяся навсегда недоступной, отнюдь не была для него самоцелью. Атрибуционные изыскания служили ему основанием для решения более существенных историко-художественных проблем и прежде всего проблемы формирования в недрах итальянского средневековья нового искусства — искусства Возрождения.

Изучая истоки искусства Возрождения, В. Н. Лазарев много сделал для всестороннего анализа вопроса об отношении итальянской живописи

²⁶ В. Н. Л а з а р е в. Андрей Рублев и его школа. М., 1966, стр. 53—54.

XIII—XIV вв. к византийской. Этот аспект истории итальянского искусства оставался раньше наименее изученным, так как среди зарубежных ученых не было и нет ни одного, кто бы, подобно В. Н. Лазареву, столь полно владел глубоким знанием итальянского и византийского искусства. Соединив в своем лице византиниста и итальяниста, он легко избегает той упрощенной односторонности суждений, какая свойственна историкам итальянского и историкам византийского искусства, когда они обращаются к мозаикам Сицилии и Венеции XII—XIII вв. Для многих из них эти мозаики — просто византийские памятники. В. Н. Лазарев возражает против такой чрезмерной переоценки византийских влияний в Италии. В сицилийских и венецианских мозаиках он видит отражение длительного и сложного процесса сложения нового художественного стиля²⁷. Его исходной точкой были чисто греческие мозаики Чезалу (1148). Но уже последующие мозаические ансамбли Сицилии 50—80-х годов XII в., исполненные при возрастающем участии местных мастеров, представляют «не l'art byzantin en Italie, а рождение нового стилистического варианта, гораздо более живого и реалистического по сравнению с тем, что мы находим в это же время в византийской живописи»²⁸. Что касается венецианских мозаик, то их мастера «уже на ранних этапах... широко использовали местные традиции, восходившие к Равенне и художественной культуре экзархата»²⁹. В венецианских мозаиках XIII в. еще более заметны тесные связи с романским стилем, «западные черты в них преобладают над греческими», а быстро усиливающееся реалистическое «повествовательное начало перерастает узкие рамки византийского канона»³⁰. Так происходит сложение того стиля, который под именем «maniera bizantina» вошел в историю итальянского искусства XIII в.

Памятникам этого стиля и проблемам итальянской живописи XIII—XIV вв. В. Н. Лазарев посвятил целый цикл работ, опубликованных им в разные годы³¹. В своей совокупности они дают четкую картину дальнейшего развития художественных связей Италии с Византией, а вместе с ними и национального стиля итальянской иконописи. В этих работах он конкретно показал особенности таких связей на разных исторических этапах, в разных художественных центрах — в Сицилии, Южной Италии, в городах Тосканы (Лукке, Пизе, Сьене, Флоренции), в Венеции. Он уточнил, с какими именно направлениями византийской живописи соприкасались итальянские мастера, в какой форме они усваивали ее традиции, раскрыл противоречивую роль византийского влияния по мере сложения нового искусства Италии. Наконец, он ясно обрисовал своеобразный круг итало-византийских памятников, как ранних, так и поздних. В одних случаях решение всех этих вопросов имело большее значение для истории византийской живописи, например для проблемы «итало-критской» школы, в других — оно было очень важно для правильного понимания процесса формирования итальянского искусства XIII—XIV сто-

²⁷ См. статьи В. Н. Лазарева: «Early Italo-Byzantine Painting in Sicily». — «Burlington Magazine», LXIII, 1933; «The Mosaics of Cefalù». — «Art Bulletin», XVII, 1935; «Константинополь и национальные школы в свете новых открытий», а также его «Историю византийской живописи» (гл. VII, VIII).

²⁸ В. Н. Лазарев. Константинополь и национальные школы..., стр. 97.

²⁹ Там же, стр. 98.

³⁰ Там же, стр. 98, 99.

³¹ См. его статьи (их выходные данные указаны в списке работ В. Н. Лазарева): «Two Newly Discovered Pictures of the Lucca School» (1927), «Some Florentine Pictures of the Trecento in Russia» (1927), «Über eine neue Gruppe byzantinisch-venezianischer Trecento-Bilder» (1931), «Duccio and Thirteenth-Century Greek Icons» (1931), «New Light on the Problem of the Pisan School» (1936), «Studies in the Iconography of the Virgin» (1938), «Мастро Паоло и современная ему венецианская живопись» (1954), «Неизвестный памятник флорентинской живописи дученто и некоторые общие вопросы истории итальянского искусства XIII века» (1957), «Saggi sulla pittura veneziana dei sec. XIII—XIV...» (1965—1966) и главу VIII «Истории византийской живописи».

летий. Особенно большую научную ценность в этом отношении имеет его статья «Неизвестный памятник флорентинской живописи дученто и некоторые общие вопросы истории итальянского искусства XIII века» (1957). В этой статье на нескольких страницах дается такая яркая, точная и глубокая характеристика итальянской живописи дученто в связи со всей эпохой, какую не сыщешь в многочисленных томах, посвященных изучению этого материала. В. Н. Лазарев вскрывает социальные и идеологические предпосылки бурного развития итальянской иконописи XIII века. Важнейшей особенностью этого развития он считает формирование в городах Тосканы местных живописных школ и выделение из безличной цеховой среды отдельных мастеров, обладающих ясно выраженной индивидуальностью творческой манеры. Вместе с этим процессом в византизирующем стиле итальянской живописи дученто усиливаются национальные черты и растет реализм образов, что в конечном счете приводит к преодолению косных традиций византийского художественного наследия и к победе передового, проторенессансного направления.

Накопив огромный материал, касающийся не только искусства, но и всех сторон общественной жизни и культуры Италии XIII—XIV вв., В. Н. Лазарев еще до войны приступил к созданию одного из самых значительных своих трудов — «Происхождение итальянского Возрождения» (1956—1959). В противовес традиционным взглядам, В. Н. Лазарев выдвинул свою концепцию генезиса Возрождения, показывая развитие новой художественной культуры Италии не как непрерывно восходящую линию, а как сложный, диалектически противоречивый процесс с неравномерным развитием различных сторон культуры и искусства, — процесс, в котором ожесточенная борьба старого и нового — в общественной жизни, идеологии, искусстве — привела в начале XV в. к победе Возрождения. В своей книге он по-новому разрабатывает периодизацию итальянского искусства XIII—XV столетий, по-новому трактует проблему Проторенессанса и готики, по-новому освещает творчество Джотто, истоки его живописного стиля, идейную и художественную специфику его образов.

Работа В. Н. Лазарева приобретает особую ценность благодаря тому, что итальянское искусство он рассматривает не изолированно, а в тесной связи с литературой, со всеми другими сторонами культурной и социальной жизни того времени. Характеристика Джотто перекрещивается с характеристикой Данте, рассказ о Петрарке и Боккаччо существенно дополняет историю тречентистского искусства, художественный анализ памятников дается на фоне разнообразных исторических событий. С большой полнотой воссоздает автор трудный путь зарождения новой культуры. Его книга — не простой обзор истории итальянского искусства за два столетия, а целеустремленное исследование, где все подчинено раскрытию главных закономерностей исторического процесса, где детальный разбор фактов и явлений художественной жизни XIII—XIV столетий служит одновременно ключом к пониманию следующей эпохи — Раннего Возрождения. Глубина научного анализа, энциклопедичность содержания решительно выделяют книгу В. Н. Лазарева среди бесчисленной литературы об итальянском Возрождении. Много новых и тонких наблюдений содержат также его статьи и монографии о художниках Возрождения — Пьеро делла Франческа (1940 и 1966), Леонардо да Винчи (1936 и 1952), Чима да Конельяно (1957), Джорджоне (1956), Тициане (1939), Микеланджело (1965). Можно смело утверждать, что в вопросах художественной культуры Возрождения В. Н. Лазарев — крупнейший авторитет в советском искусствознании.

Отказываясь от упрощенного, статического представления о культуре Возрождения, унаследованного от старой исторической науки, опиравшейся на концепцию Я. Буркгардта, В. Н. Лазарев непримиримо высту-

пает против фальсификации этой великой эпохи в трудах некоторых современных западноевропейских ученых, когда они тенденциозно стирают принципиальную грань между Средними веками и Возрождением, а ренессансную культуру рассматривают как простое продолжение средневековой и когда противопоставляют период позднего Возрождения, связанный с кризисом гуманистического мировоззрения, классическому Возрождению как новую художественную эпоху — маньеризм. В этом сознательном уничтожении Возрождения, положившего начало всей новой европейской цивилизации, в этом отрицании революционного характера происходивших в ту эпоху перемен, в ограничении хронологических рамок ренессансной культуры В. Н. Лазарев справедливо усматривает антиисторическую и реакционную тенденцию, чуждую нашей науке. Именно поэтому он много занимался вопросами историографии культуры и искусства Возрождения.

Их он рассматривает и в своей книге о происхождении итальянского Возрождения и в отдельных работах, среди которых хотелось бы выделить статью «Герцен о Возрождении» (1954).

Разнообразная музейная деятельность, знакомство с лучшими художественными коллекциями Европы весьма способствовали пробуждению у В. Н. Лазарева активного интереса к западноевропейскому искусству XVII—XVIII столетий. В молодости его особенно привлекало творчество итальянских живописцев той эпохи; монографический очерк о Джузеппе Мария Креспи (1928) и статья о Франческо и Джанантонио Гварди (1934) принадлежат к числу его наиболее удачных работ. Написанные в годы, когда еще только развертывалось широкое изучение итальянской живописи XVII—XVIII вв., эти публикации, а также статьи о Строцци (1929) и Кастильоне (1930) имели немаловажное научное значение. Прекрасный знаток искусства барокко, как показывает, например, его содержательный очерк о Рубенсе (1933), В. Н. Лазарев всегда выступал как горячий пропагандист реалистической живописи. Его любимые мастера — это Караваджо, Луи Ленэн, Хальс, Рембрандт, Вермеер, Шарден. Их творчеству посвящены десятки увлекательных страниц в книге «Портрет в европейском искусстве XVII века» (1937). О Вермеере Дельфтском, братьях Ленэн и Шардене он написал в разные годы (1933, 1936, 1947) три отдельные монографии.

Чрезвычайно взыскательный к своим работам, В. Н. Лазарев избегает писать о тех разделах истории искусства, изучением которых он систематически не занимается. Однако он всегда был и остается тонким ценителем и знатоком искусства в самом широком смысле этого слова. Все, что отмечено печатью подлинно художественного творчества, — будь то произведение древнейшего или современного, западного или восточного искусства — живо его интересует.

Характеризуя В. Н. Лазарева как историка искусства, нельзя не остановиться на главных особенностях его метода научно-исследовательской работы.

Свое отношение к старому иконографическому методу и новое понимание основных проблем истории византийского искусства В. Н. Лазарев высказал еще в 1925 г. в биографическом очерке, посвященном Н. П. Кондакову. Уже тогда, критически рассматривая исторические концепции и иконографический метод Кондакова, он выдвинул решающую роль художественного фактора в правильной оценке общего исторического развития и отдельных явлений византийского искусства. Определяя научное значение иконографического метода Кондакова, он отмечал, что «в основу этого метода была положена совершенно правильная мысль», что с его помощью открывалась «возможность найти целый ряд точек опоры для датировки, хронологии и классификации памятников» и что «ни одна работа в области византистики не сможет обойтись и впредь

без иконографических экскурсов»³². Но при этом он обоснованно упрекал Кондакова в том, что «в его трудах эстетические факты почти ничем не отличаются от исторических», отчего «между иконографией и искусством ставится знак равенства», а применение им иконографического метода было связано с «недооценкой чисто художественных факторов и их специфической природы воздействия»³³. Как и другие критики Кондакова, он предлагал положить «в основу изучения византийского искусства... формальный анализ»³⁴, в различных аспектах применявшийся западноевропейским искусствоведением (Г. Вельфлин, П. Франкль, В. Боде, Б. Бернсон, М. Фридендер). Однако в отличие от этого нового течения он вовсе не предполагал формальным анализом заменить иконографический. Он скорее думал об их соединении в едином методе, высказывая следующее положение: «Иконография является вне всякого сомнения одним из атрибутов формы... Поэтому развитие иконографии есть не что иное, как отражение развития стиля»³⁵. Эту мысль о связи иконографической и художественно-стилевой эволюции византийской живописи он последовательно развивает в позднейших работах, особенно в «Этюдах по иконографии богородицы» (1938) и в статье об образе Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве (1953). В последней работе он убедительно показал, как под воздействием жизни развивался и обогащался традиционный иконографический тип, получивший в различных исторических и общественных условиях различное идейное и художественное выражение. Таким образом, новое понимание задач и метода иконографического анализа, первоначально определенное им как связь иконографии с художественным стилем, в зрелых работах В. Н. Лазарева получила дальнейшее развитие в плане марксистской методологии.

Сам В. Н. Лазарев очень четко устанавливает цель своих иконографических исследований и их принципиальное отличие от старого иконографического метода: «Не говоря уже о том, что в иконографическом методе содержание механически отрывается от формы, оно получает к тому же столь суженное и обедненное толкование, что весь анализ сводится, строго говоря, к определению номенклатурного иконографического типа, живущего отвлеченной жизнью, никак не связанной с реальной действительностью. От этих иконографических «типов» в лучшем случае переносится мост к литургике, обычно же они существуют сами по себе, развиваясь по своим абстрактным законам. Такая в корне неверная трактовка содержания средневекового искусства ничем не оправдана, поскольку последнее, как и любое искусство, сложилось на реальной исторической почве, в определенных общественных условиях, а потому и содержание его на различных этапах развития отражало различные идеологические установки... Смена одного иконографического типа другим объясняется вполне реальными историческими причинами... Старый иконографический метод, как и формалистическое истолкование искусства, не могут воссоздать связную картину художественного процесса и вскрыть его движущие силы»³⁶.

В руках В. Н. Лазарева иконографический метод исследования, обязательный для каждого медиевиста, стал и тоньше, и точнее, и богаче, а главное — получил принципиально новую ориентацию. Блестящим примером его конкретного применения может служить иконографи-

³² В. Л а з а р е в. Никодим Павлович Кондаков, стр. 23, 24, 25.

³³ Там же, стр. 21, 26, 25.

³⁴ Там же, стр. 38.

³⁵ Там же, стр. 26.

³⁶ В. Н. Л а з а р е в. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. — ВВ, VI, 1953, стр. 221—222.

ческий анализ мозаической и фресковой декорации Софии Киевской³⁷. Во всеоружии своей эрудиции автор подробно рассматривает теологическую программу всей росписи. Но он преследует совсем иную цель, нежели старые иконографы. Он основывается на своем тезисе о связи иконографии с социальной жизнью: «Несмотря на... внимательный контроль со стороны средневекового духовенства над содержанием церковной росписи, это содержание не оставалось неизменным, и каждый раз в него привносились индивидуальные оттенки. Последние бываете подчас очень трудно уловить из-за догматичности общего содержания, но как раз они особенно важны для исследователя, поскольку в них наиболее наглядно отражаются связи с жизнью. Часто в определенном подборе сюжетов, в выдвижении на первый план того или иного житийного цикла, наконец, в подчеркивании значения определенных святых сказывается вполне конкретная тенденция, продиктованная жизненными интересами различных общественных сил»³⁸. Именно таким путем открывается ему «доступ к пониманию живого процесса развития средневекового искусства»³⁹. По существу, тонкие приемы иконографического анализа используются им для развернутого анализа идейного содержания. С ним органически связан второй раздел его монографии о мозаиках Софии Киевской, в котором дается детальный анализ стиля всего живописного ансамбля и отдельных его частей с подробнейшим разбором каждой мозаики, каждой фигуры, каждого орнаментального мотива. Этот идейно-художественный анализ памятника довершается очень важными экскурсами о технике и красочной палитре киевских мозаик, о формах организации работ мозаичистов, их возможном числе и происхождении. Свои собственные наблюдения и выводы автор подкрепляет результатами специальных реставрационных исследований (включая физико-химические анализы) и прекрасным знанием всех литературных источников по данным вопросам.

Монография В. Н. Лазарева о мозаиках Софии Киевской очень интересна тем, что представляет во всей полноте его метод исследования памятников средневекового искусства. Первой отличительной чертой этого метода является его многогранность, точнее — синтетичность. В нем своеобразно соединились в единое целое различные методологические принципы современного искусствознания. Иконографический анализ памятника перерастает в идейный, который в свою очередь переплетается с формально-стилистическим, дополняется точными сведениями по технике живописи, надежными археологическими реконструкциями, изысканиями об особенностях творческой практики средневековых мастеров. Умелый выбор исторических, филологических, археологических, технических фактов придает результатам его чисто искусствоведческих построений особую весомость и объективность.

Естественно, что при обращении В. Н. Лазарева к материалу западноевропейского реалистического искусства его методические приемы получают иную направленность. Так, «иконографический метод исследования теряет всякое значение для европейского искусства уже к началу XIV века»⁴⁰, когда он полностью вытесняется идейно-стилистическим анализом. При этом все большее значение для выявления идейной сферы искусства приобретают его прямые связи с социальной жизнью, со светской, а не религиозной идеологией, с наукой, литературой, театром. В свою очередь резко возрастает необходимость многостороннего анализа чисто художественных проблем — эстетических теорий, общих принципов структуры художественной формы, их индивидуального преломления. Творческая личность художника, неповторимое своеобразие его стиля,

³⁷ В. Н. Л а з а р е в. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, глава 1.

³⁸ Там же, стр. 24.

³⁹ Там же.

⁴⁰ В. Л а з а р е в. Никодим Павлович Кюндаков, стр. 25.

его индивидуального языка, его миросозерцания в связи с общим художественным развитием его эпохи — вот то, что становится центральной задачей историка западноевропейского искусства. И не случайно В. Н. Лазарев в этой области отдает явное предпочтение монографическому жанру, будь то обстоятельная творческая биография какого-либо мастера или краткий очерк, раскрывающий только самые существенные стороны его искусства.

Другая характерная черта научного метода В. Н. Лазарева — последовательный историзм мышления. Явления художественной жизни он не представляет себе вне конкретной исторической среды, а в них самих он видит сложное отражение социальных и духовных процессов. Ему уже недостаточно поставить художественный памятник в связь с другими памятниками, найти его место в иконографической и стилистической эволюции. Для него это — лишь первая задача историка искусства. Вторая задача — раскрыть связь художественного содержания памятника со своей эпохой. Тут от историка искусства требуется самое серьезное знание и политической истории, и культуры вообще, и религиозной идеологии в частности. И не только знание, но умение привлечь этот материал для решения специально искусствоведческих проблем.

С величайшим уважением относится В. Н. Лазарев к фактам. Только после их кропотливого собирания, объективного изучения и отбора позволяет он себе перейти к выводам и обобщениям. Последние всегда имеют у него очень большую убедительность, так как они возникают в результате анализа огромного фактологического материала, а не являются плодом предвзятых социологических или художественных концепций. Историзм его метода проявляется и в том, что он гибко пользуется им в зависимости от конкретной задачи, конкретных исторических фактов, умело выдвигая на первый план те или другие художественные проблемы. Установление общих закономерностей развития искусства не мешает ему раскрывать индивидуальные особенности этого развития в каждой эпохе, в каждой школе, в каждом отдельном произведении искусства, и в истории византийской, и в истории древнерусской, и в истории итальянской, и в истории голландской, и в истории французской живописи. Коротко говоря, дилетантизму и формалистическому эстетству, приносящим много бед нашему искусствознанию, В. Н. Лазарев сумел противопоставить подлинно научный метод. Как не вспомнить тут слов Ф. И. Буслаява, написанных почти столетие тому назад: «Сравнительный метод состоит не из набора разных клочков того и сего... а в точном аналитическом разборе действительных фактов известного места и времени, кои подлежат рассмотрению. Если нет этой твердой фактической основы, исследователь отрешается от научной почвы, пускается в мечтания и мистицизм и, как искатель приключений, строит воздушные замки»⁴¹.

Как историк искусства В. Н. Лазарев отличается не только исключительной эрудицией. Он наделен также ценным даром понимания живописного произведения в его чисто колористической специфике. Глубоко симптоматично, что при своей разносторонности он сравнительно мало занимался архитектурой и скульптурой, гравюрой и рисунком, но очень много — живописью. Он необычайно чутко улавливает тончайшие оттенки колористического строя и византийской мозаики, и древнерусской иконы, и ренессансной фрески, и картины художника XVIII в., и картины художника-импрессиониста. Недаром его всегда влекли к себе живописцы с особенно совершенным чувством цвета и тона — Рублев, Пьеро делла Франческа, Джорджоне, Тициан, Веласкес, Рубенс, Хальс, Рембрандт, Вермеер, Гварди, Шарден. Недаром он всегда избирает для пристального и любовного анализа произведения высокого живописного мастерства —

⁴¹ Ф. И. Буслаяв. Сочинения, т. III. Л., 1930, стр. 40.

киевские мозаики, фрески и иконы Феофана Грека, Рублева, Дионисия, картины венецианских мастеров Раннего и Высокого Возрождения, картины лучших колористов XVII и XVIII столетий. В византийской живописи он почти всегда отдает предпочтение памятникам константинопольской школы, из которой вышли самые уточненные образцы колористического мастерства. Страницы, посвященные художественной характеристике русской иконы периода ее расцвета, принадлежат к лучшему, что было написано им об искусстве⁴². Зато его совершенно не интересует ни поздняя византийская, ни поздняя древнерусская иконопись с их явным оскудением живописного искусства. Он глубоко равнодушен к мастерам академической школы в западноевропейской живописи XVII—XVIII столетий, ибо они никогда не были хорошими колористами.

Говоря об особенностях научного метода В. Н. Лазарева, нельзя обойти молчанием еще одну важную черту его творческой индивидуальности: он умеет по-разному писать об искусстве. В зависимости от жанра и конкретных задач той или другой работы меняется его метод изложения, его литературная манера. В исследовательских статьях целые страницы посвящены подробному разбору одного памятника. В обобщающих монографиях его стиль строг и лаконичен, анализы кратки, многие детали опущены, все изложение последовательно подчинено решению ведущих проблем работы, огромное значение имеет критико-библиографический аппарат, служащий универсальным справочником литературных источников по затрагиваемым в тексте вопросам. Наконец, совсем в ином плане строятся книги и статьи, написанные в жанре художественно-критических очерков. Главное в них — целостный портрет творческой личности живописца. Острота, а не полнота изложения материала характеризует их стиль — очень гибкий, красочный и эмоциональный. Таковы, например, книга о портрете XVII в., статья о позднем Тициане, монографии о Шардене и Пьеро делла Франческа, очерк о древнерусской иконописи в альбоме, изданном ЮНЕСКО, недавняя монография о Микеланджело.

Как настоящий ученый, В. Н. Лазарев не мнит себя непререкаемым авторитетом в тех областях истории искусства, в которых он работает, хотя в действительности он нередко выступает в них как крупнейший знаток и первооткрыватель. С огромным уважением и вниманием относится он к трудам своих коллег — и тех, кто работал задолго до него, и тех, кто работает сейчас, независимо от того, являются ли они известными учеными или только начинающими исследователями. Прежде чем самому взяться за перо, он почитает своим долгом ознакомиться со *всею* доступной ему литературой по вопросу, который его интересует. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на библиографические примечания к любой его работе. При всем том он всегда независим в собственных суждениях и в случае необходимости отстаивает свою точку зрения с присущей ему прямоотой и острой полемичностью. Тогда его критические замечания или рецензии, корректные по форме, бывают весьма резкими и бескомпромиссными по содержанию. И здесь интересы науки он ставит выше всего.

Виктору Никитичу Лазареву — 70 лет. Но все, кто давно и хорошо его знает, и даже те, кто сталкивается с ним случайно, очень неохотно соглашаются признать этот факт. Его огромная жизненная энергия, его трудоспособность, которой молодые ученые могут лишь завидовать, исключительная творческая продуктивность последних лет дают нам основание ожидать от Виктора Никитича еще много новых и ценных работ.

В. Н. Гращенков

⁴² См. «Искусство Новгорода», стр. 113—117.

Список трудов В. Н. Лазарева

1922

Новый портрет Сальвиати. — «Среди коллекционеров», 1922, № 11—12, стр. 3—8.
Освальд Шпенглер и его взгляды на искусство. М., 1922.

1923

Новая Мадонна Якопо ди Чьоне. — «Среди коллекционеров», 1923, № 6, стр. 3—7.
Una Madonna del Bacchiacca. — «L'Arte», XXVI, 1923, p. 86—88.
Zwei neue Madonnen von Bronzino. — «Jahrbuch für Kunstwissenschaft», 1923, S. 249—258.
Ein Bildnis des Vincenzo Capello von Tintoretto. — «Jahrbuch der preussischen Kunstsamm-
lungen», XLIV, 1923, S. 172—177.
Ein Bild des Francesco Solimena. — «Belvedere», II, 1923, S. 120—126.

1924

Происхождение портрета в итальянском искусстве (рукопись). Диссертация, защищен-
ная в 1924 г. в РАНИОН.
Una Madonna di Lorenzo Monaco a Mosca. — «L'Arte», XXVII, 1924, p. 124—126.
Un quadro del Parmigianino a Pietroburgo. — Ibid., p. 169—171.
An Unnoticed Botticelli in Petersburg. — «Burlington Magazine», XLIV, 1924, p. 119—
126.

1925

Никодим Павлович Кондаков (1844—1925). М., 1925.
Ein byzantinisches Tafelwerk aus des Komnenenepoche (совместно с М.В. Алпатовым). —
«Jahrbuch der preussischen Kunstsammlungen», XLVI, 1925, S. 140—155.
Two Unknown Paintings by Guardi. — «Burlington Magazine», XLVI, 1925, p. 58—63.

1926

A Newly Discovered Fiorenzo di Lorenzo. — «Burlington Magazine», XLVIII, 1926, p.
219—224.

1927

Организация художественных музеев на Западе и очередные вопросы русского музей-
ного строительства. — «Печать и революция», 1927, кн. 5, стр. 111—123.
Борромини. — БСЭ, т. 7, стб. 195—197*.
Боттичелли. — БСЭ, т. 7, стб. 255—258.
Брунеллески. — БСЭ, т. 7, стб. 659—663.
Two Newly Discovered Pictures of the Lucca School. — «Burlington Magazine», LI, 1927,
p. 56—67.
A New Panel by Roberto Oderisi. — Ibid., p. 128—133.
Some Florentine Pictures of the Trecento in Russia. — «Art in America», XVI, 1927,
p. 25—40.

1928

Западноевропейский художественный рынок и частное собирательство. — «Печать и
революция», 1928, кн. 8, стр. 132—145.
Венецианская школа. — БСЭ, т. 10, стб. 178—180.
Вермеер Дельфтский. — БСЭ, т. 10, стб. 299—301.
Веронезе. — БСЭ, т. 10, стб. 315—317.
Una pittura di Filippino Lippi a Leningrado. — «L'Arte», XXXI, 1928, p. 36—37.
Studies on Giuseppe-Maria Crespi. — «Art in America», XVII, 1928/1929, p. 3—25,
92—100.

1929

Гальс. — БСЭ, т. 14, стб. 440—443.
Гварди. — БСЭ, т. 14, стб. 708—710.
Гверчино. — БСЭ, т. 14, стб. 730—731.
Beiträge zu Bernardo Strozzi. — «Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst.», N. F. VI,
1929, S. 11—30.

* Из множества статей, написанных В. Н. Лазаревым для Большой Советской Эн-
циклопедии, в данном списке его трудов приводятся только наиболее важные. Боль-
шинство этих статей с некоторыми изменениями было напечатано во втором издании
БСЭ.

1930

- Картинная галерея ГМИИ (Ее состояние и перспективы).— «Жизнь музея». М., 1930, стр. 17—22.
- К вопросу изображения у египтян человеческих фигур на плоскостях.— «Труды секции истории искусств Института археологии и искусствознания РАНИОН», IV, М., 1930, стр. 3—21.
- Гойя.— БСЭ, т. 17, стб. 393—396.
- Über einige neue Bilder von Benedetto Castiglione. Studien zur Geschichte des Pastoralen.— «Städel-Jahrbuch», VI, 1930, S. 96—108.
- Einige kritische Bemerkungen zum Chludov-Psalter.— «Byzantinische Zeitschrift», XXIX, 1929/1930, S. 279—284.

1931

- Джорджоне.— БСЭ, т. 21, стб. 823—824.
- Джотто.— БСЭ, т. 21, стб. 825—827.
- Донателло.— БСЭ, т. 23, стб. 185—187.
- Дуччо.— БСЭ, т. 23, стб. 683—684.
- Duccio and Thirteenth-Century Greek Ikons.— «Burlington Magazine», LIX, 1931, p. 154—169.
- Über eine neue Gruppe byzantinisch-venezianischer Trecento-Bilder.— «Art Studies», VIII, 1931, p. 3—31.

1933

- Ян Вермеер Дельфтский. М., 1933.
- Жизнь и творчество Рубенса.— В кн.: Петр Павел Рубенс. Письма. М.— Л., 1933, стр. 13—60.
- Итальянская архитектура.— В кн.: «Основные этапы мировой архитектуры».— М.— Л., 1933, стр. 71—73, 82—103, 115—122.
- Энгр.— БСЭ, т. 64, стб. 357—358.
- Early Italo-Byzantine Painting in Sicily.— «Burlington Magazine», LXIII, 1933, p. 279—287.
- An Unkown Picture by Michelin.— «Art in America», XXII, 1933, p. 32—36.

1934

- Жизнь и творчество Леонардо да Винчи.— В кн.: «Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи, живописца и скульптора флорентинского». М., 1934, стр. 5—45.
- Византийское искусство; Итальянское искусство (совместно с В. К. Шилейко).— В кн.: «ГМИИ. Путеводитель по музею», вып. 3, ч. 1. М., 1934, стр. 11—15, 28—74.
- Шарден.— БСЭ, т. 61, стб. 849—851.
- Un nuovo dipinto di G. M. Crespi.— «L'Arte», XXXVII, 1934, p. 246—249.
- Francesco and Gianantonio Guardi.— «Burlington Magazine», LXV, 1934, p. 53—72.

1935

- Пьеро делла Франческа.— БСЭ, т. 59, стб. 156—158.
- The Mosaics of Cefalù.— «Art Bulletin», XVII, 1935, p. 184—232.

1936

- Леонардо да Винчи. М.— Л., 1936.
- Братья Ленэн. Л., 1936.
- Проблема портрета у Рембрандта.— «Искусство», 1936, № 6, стр. 23—44.
- Жизнь и творчество Рембрандта.— В кн.: Рембрандт ван Рейн. Каталог выставки. М.— Л., 1936, стр. 7—29.
- Флорентийская школа.— БСЭ, т. 58, стб. 14—16.
- New Light on the Problem of the Pisan School.— «Burlington Magazine», LXVIII, 1936, p. 61—73.

1937

- Портрет в европейском искусстве XVII века. М.— Л., 1937.
- Итальянское искусство.— БСЭ, т. 30, стб. 309—351.
- Каналетто.— БСЭ, т. 31, стб. 210
- Караваджо.— БСЭ, т. 31, стб. 423—424.
- Новые открытия в киевской Софии.— «Архитектура СССР», 1937, № 5, стр. 51—54.
- То же: A Great Rediscovery of Xlth-Century Byzantine Art.— «Illustrated London News», 1937, July 17, p. 127—129.
- Byzantine Ikons of the XIVth and XVth Centuries.— «Burlington Magazine», LXXI, 1937, p. 249—261.

1938

- Государственный Эрмитаж в Ленинграде. — «Юный художник», 1938, № 8, стр. 1—10.
Леонардо да Винчи. — БСЭ, т. 36, стб. 314—316.
Ленэн. — БСЭ, т. 36, стб. 590—594.
Мантенья. — БСЭ, т. 38, стб. 50—51.
Микеланджело Буонарроти. — БСЭ, т. 39, стб. 326—333.
Studies in the Iconography of the Virgin. — «Art Bulletin», XX, 1938, p. 26—65.

1939

- Поздний Тициан. — «Искусство», 1939, № 5, стр. 57—81.
К истории ренессансного пейзажа (Новый пейзаж Доссо Досси). — «Труды Гос. Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина». М.—Л., 1939, стр. 13—18. То же: A Dosso Problem. — «Art in America», XXIX, 1941, p. 129—138.
Палладио. — БСЭ, т. 44, стб. 16—18.
Искусство древней Армении. — В газете «Советское искусство», 1939, 24 октября.

1940

- Пьеро делла Франческа. — «Искусство», 1940, № 1, стр. 127—144.
Леонардо да Винчи. — «Юный художник», 1940, № 12, стр. 10—14.
Пизано. — БСЭ, т. 45, стб. 344—345.

1941

- Скульптура итальянского Проторенессанса. — «Искусство», 1941, № 1, стр. 67—80.
Рафаэль. — БСЭ, т. 48, стб. 307—310.
Рембрандт. — БСЭ, т. 48, стб. 593—597.

1944

- Новгородская живопись XII—XIV веков. — «Известия АН СССР, серия истории и философии», 1944, № 2, стр. 60—74.

1945

- Настоящее и будущее цветного кино. — «Искусство кино», 1945, № 2—3, стр. 4—5.

1946

- Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII вв. (К истории иконостаза). — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», вып. XIII, 1946, стр. 67—76. То же: La scuola di Vladimir-Susdal: Due nuovi esemplari della pittura da cavalletto russa dal XII al XIII secolo (per la storia dell'iconostasi). — «Arte veneta», X, 1956, p. 9—18.
О методе работы в Рублевской мастерской. — «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 1. М., 1946, стр. 60—64.
Тинторетто. — БСЭ, т. 54, стб. 265—267.
Тициан. — БСЭ, т. 54, стб. 332—336.

1947

- Искусство Новгорода. М.—Л., 1947.
История византийской живописи, т. I—II. М., 1947—1948.
Шарден. М., 1947. То же: Chardin. Leipzig, 1965.
Гьёполо. — БСЭ, т. 55, стб. 430—431.

1948

- Росписи Сквородского монастыря в Новгороде. — В кн.: «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М.—Л., 1948, стр. 77—101.
Рецензия на книгу: Г. Недошивин. Дионисий. М.—Л., 1947. — «Советская книга», 1948, № 6, стр. 113—116.

1949

- Рецензия на книги и статью: G. Millet and D. Talbot Rice. Byzantine Painting at Trebizond. London, 1936; H. Buchthal and O. Kurz. A Hand List of Illuminated Oriental Christian Manuscripts. London, 1942; K. Weitzmann. Constantinopolitan Book Illumination in the Period of the Latin Conquest. — «Cazette des Beaux-Arts», 1944, I, p. 193—214. — «Византийский временник», II, 1949, стр. 360—373.

1950

- Барокко (совместно с М. А. Ильиным). — БСЭ, 2 изд., т. 4, стб. 254—261. То же: Der Barock. Berlin, 1954.
Царьградская лицевая псалтирь XI в. — «Византийский временник», III, 1950, стр. 211—218.

- Рецензия на книгу: E. T. de W a l d. The Illustrations in Manuscripts of the Septuagint, vol. III. Princeton, 1941. — «Византийский временник», III, 1950, стр. 302—304.
Рецензия на книгу: И. М. Л е в и н а. Гойа и испанская революция 1820—1823 гг. Л., 1950. — «Советская книга», 1950, № 10, стр. 108—111.

1951

- Новые памятники византийской живописи XIV века. 1. Высоцкий чин. — «Византийский временник», IV, 1951, стр. 122—131.
Против фальсификации истории культуры Возрождения. — В кн.: «Против буржуазного искусства и искусствознания». М., 1951, стр. 106—128.

1952

- Леонардо да Винчи. М., 1952.
Леонардо да Винчи — художник. М., 1952
Великий художник и ученый. — «Новый мир», 1952, май, стр. 214—224.
Леонардо да Винчи. — «Советская книга», 1952, № 4, стр. 13—21.
Великий художник. — «Огонек», 1952, № 16, апрель.
Новый памятник константинопольской миниатюры XIII в. — «Византийский временник», V, 1952, стр. 178—190.
К вопросу о «греческой манере», итало-греческой и итало-критской школах живописи (Против фальсификации истории позднейшей византийской живописи). — «Ежегодник Института истории искусств АН СССР, 1952». М., 1952, стр. 152—200.

1953

- История русского искусства, т. I, М., 1953, разделы: Киевская Русь (стр. 95—110), Живопись и скульптура Киевской Руси (стр. 155—232), Культурное наследие Киевской Руси (стр. 298—300), Искусство западнорусских княжеств (совместно с Н. Н. Ворониным; стр. 303—329), Владимиро-Суздальская Русь (стр. 333—339), Скульптура Владимиро-Суздальской Руси (стр. 396—441), Живопись Владимиро-Суздальской Руси (стр. 442—504), Татарское иго и судьбы владимиро-суздальского искусства (стр. 523—525). То же: «Geschichte der russischen Kunst», Bd. I. Dresden, 1957.
Васильевские врата 1336 года. — «Советская археология», XVIII, 1953, стр. 386—442.
Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. — «Византийский временник», VI, 1953, стр. 186—222.
Этюды о Феофане Греке, I. — «Византийский временник», VII, 1953, стр. 244—258.
Фрески Кастельсеприо (К критике теории Вейцмана о «Македонском Ренессансе»). — «Византийский временник», VII, 1953, стр. 359—378. То же: Gli affreschi di Castelseprio (Critica alla teoria di Weitzmann sulla «Rinascenza Macedone»). — «Sibirium», III, 1956—1957, p. 87—102.

1954

- История русского искусства, т. II, М., 1954, разделы: Новгород Великий (стр. 7—15), Живопись и скульптура Новгорода (стр. 72—283), Псков (стр. 307—309), Живопись Пскова (стр. 340—373), Вклад Новгорода и Пскова в русское искусство (стр. 374—376), Заключение к первым двум томам (совместно с Н. Н. Ворониным; стр. 379—385). То же в кн.: «Geschichte der russischen Kunst», Bd. II. Dresden, 1958.
Этюды о Феофане Греке, II: Феофан Грек и московская школа миниатюры 90-х годов XIV века. — «Византийский временник», VIII, 1954, стр. 143—165.
Новгородская живопись последней трети XIV века и Феофан Грек. — «Советская археология», XXII, 1954, стр. 212—236.
Памятник новгородской деревянной резьбы XIV века — Людогоченский крест (совместно с Н. Е. Мневой). — «Сообщения Института истории искусств АН СССР», вып. 4—5, 1954, стр. 145—166.
Маэстро Паоло и современная ему венецианская живопись. — «Ежегодник Института истории искусств АН СССР, 1954». М., 1954, стр. 298—314. То же: Maestro Paolo e la pittura veneziana del suo tempo. — «Arte veneta», VIII, 1954, p. 77—89.
Герцен о Возрождении. — «Искусство», 1954, № 4, стр. 64—69.

1955

- История русского искусства, т. III, М., 1955, разделы: Искусство среднерусских княжеств XIII—XV веков (совместно с Н. Н. Ворониным; стр. 7—42), Возвышение Москвы и объединение русских земель вокруг Московского княжества (стр. 45—50), Живопись и скульптура великокняжеской Москвы (стр. 71—214), Дионисий и

- его школа (стр. 482—541). То же в кн.: «Geschichte der russischen Kunst», Bd. III. Dresden, 1959.
- Этюды о Феофане Греке, III: Иконостас Благовещенского собора. — «Византийский временник», IX, 1955, стр. 193—210.
- Новые открытия в Софии Киевской (Доклад на X Международном конгрессе по византиноведению). М., 1955 (см. также «Byzantinistica», XIX, 1958, p. 85—95). То же: I mosaici e gli affreschi della cattedrale di Santa Sofia a Kiev. — «Corsi di cultura sull' arte revennate e bizantina». Ravenna, 1959, fasc. II, p. 123—135.
- Un crocifisso firmato di Ugolino di Tedice. — «Paragone», n. 67, 1955, p. 3—13.
- Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей». — В кн.: «Из истории социально-политических идей. Сборник статей к 70-летию академика В. П. Волгина». М., 1955, стр. 130—140.

1956

- Происхождение итальянского Возрождения, т. I: Искусство Проторенессанса. М. 1956.
- Выставка «Джорджоне и джорджонески» в Венеции. — «Искусство», 1956, № 1, стр. 56—69. То же: Giorgione e i giorgioneschi. — «Rassegna Sovietica», 1956, n. 3, p. 43—68.
- Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. — «Византийский временник», X, 1956, стр. 161—177.
- La méthode de collaboration des maîtres byzantines et russes. — «Classica et Mediaevalia. Revue danoise de philologie et d'histoire», XVII, 1956, p. 75—90.
- У истоков теории реалистического искусства Возрождения. — В кн.: «Материалы по теории и истории искусства». М., 1956, стр. 73—79.
- Новый зарубежный труд по истории русского искусства (рецензия на книгу: G. Hamilton. The Art and Architecture of Russia. Harmondsworth, 1954). — «Искусство», 1956, № 3, стр. 69—74.

1957

- Снеготорские росписи. — «Сообщения Института истории искусств АН СССР», вып. 8, 1957, стр. 78—112.
- Неизвестный памятник флорентинской живописи дученто и некоторые общие вопросы истории итальянского искусства XIII века. — «Ежегодник Института истории искусств АН СССР. 1956». М., 1957, стр. 383—459. То же: Un nuovo capolavoro della pittura fiorentina duecentesca. — «Rivista d'arte», XXX, 1955, p. 3—63.
- Opere nuove e poco note di Cima da Conegliano. — «Arte veneta», XI, 1957, p. 39—52.

1958

- СССР. Древние русские иконы. Нью-Йорк, 1958 (серия ЮНЕСКО «Мировое искусство»). Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV века. — «Ежегодник Института истории искусств АН СССР. 1957». М., 1958, стр. 233—278.
- Bizantino: Pittura. — «Enciclopedia universale dell'arte», vol. II. Venezia — Roma, 1958 col. 666—691.
- Collections des étoffes anciens à l'URSS. — «Bulletin de liaison du Centre International d'études des textiles anciens». Lion, 1958.

1959

- Происхождение итальянского Возрождения, т. II: Искусство треченто. М., 1959.
- Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет семейства Ярослава. — «Византийский временник», XV, 1959, стр. 148—169.
- La Trinité d'André Roublev. — «Gazette des Beaux-Arts», 1959, II, p. 289—300.
- Le opere di Pietro Antonio Solari in Russia ed i rapporti artistici italo-russi nel tardo Quattrocento. — «Arte e artisti dei laghi lombardi, I: Architetti e scultori del Quattrocento». Como, 1959, p. 423—440.
- L'architecture en Russie du XI-e au XVII-e siècles. — «Les architectes célèbres», t. II. Paris, 1959, p. 44—54.
- Новая энциклопедия искусств (рецензия на: «Enciclopedia universale dell'arte», vol. I—II. Venezia — Roma, 1958). — «Искусство», 1959, № 12, стр. 76—77.

1960

- Мозаики Софии Киевской. М., 1960.
- Фрески Старой Ладогги. М., 1960.
- Андрей Рублев. М., 1960. То же: Rubl'ov. Budapest, 1963.
- Приемы линейной стилизации в византийской живописи X—XII веков и их истоки (Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов). М., 1960.

1961

Феофан Грек и его школа. М., 1961.

Константинополь и национальные школы в свете новых открытий.— «Византийский временник», XVII, 1961, стр. 93—104. То же: Constantinopoli e le scuole nazionali alla luce di nuove scoperte.— «Arte veneta», XIII—XIV, 1959—1960, p. 7—24.

Живопись XI—XII веков в Македонии.— «XIIe Congrès international des études byzantines. Ochride, 1961. Rapports, V». Belgrade — Ochride, 1961.

Рецензия на книгу: H. B u c h t a l. Miniature Painting in the Latin Kingdom of Jerusalem. Oxford, 1957.— «Византийский временник», XVII, 1961, стр. 273—277.

1962

Russian Icons. From the Twelfth to the Fifteenth Century. New York, 1962 (в серии «A Mentor-UNESCO Art Book»).

1963

Древнерусские художники и методы их работы.— В кн.: «Древнерусское искусство XV — начала XVI веков». М., 1963, стр. 7—21.

Два новых памятника станковой живописи палеологовской эпохи.— «Зборник радова Византолошког института», кн. VIII₁ (Mélanges G. Ostrogorsky, I). Београд, 1963, стр. 195—200.

Una nuova opera del Caravaggio: «La presa di Cristo all'orto». — «Scritti di storia dell'arte in onore di M. Salmi», vol. III. Roma, 1963, 275—285.

1964

Микеланджело.— В кн.: «Микеланджело. Жизнь, творчество». М., 1964, стр. 7—122.

Slavi centri e correnti: Introduzione; Centri russi.— «Enciclopedia universale dell'arte», vol. XII. Venezia — Roma, 1964, col. 591—596, p. 611—633.

Rublev.— Ibid., col. 123—125.

L'arte bizantina e particolarmente la pittura in Italia nell'alto medioevo.— «L'Oriente cristiano nella storia della civiltà». Roma, Accademia Nazionale dei Lincei, 1964, p. 661—669.

Una nuova Madonna lombarda e alcuni problemi del primo leonardismo a Milano.— «Arte lombarda», IX, 1964, p. 83—90.

Необоснованная атрибуция (рецензия на книгу: М. А. Г у к о в с к и й. Коломба. Л., 1963).— «Искусство», 1964, № 9, стр. 71—72.

1965

Saggi sulla pittura veneziana dei sec. XIII—XIV, la maniera greca e il problema della scuola cretese, I—II.— «Arte veneta», XIX, 1965, p. 1—15; XX, 1966, p. 43—61.

О принципах научного каталога (рецензия на книгу: В. И. А н т о н о в а, Н. Е. М н е в а. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII века, т. I—II. М., 1963).— «Искусство», 1965, № 9, стр. 66—71.

1966

Old Russian Murals and Mosaics. From the XIth to the XVth Century. London, 1966.

Михайловские мозаики. М., 1966.

Андрей Рублев и его школа. М., 1966. То же: Andrej Rublev. Milano, 1966.

Пьеро делла Франческа. М., 1966.

Об одной новгородской иконе и ереси антитринитариев.— В кн.: «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 111—122.

Appunti sul manierismo e tre nuovi quadri di Battista Naldini.— «Arte in Europa. Scritti di storia dell'arte in onore di E. Arslan», vol. I. Milano, 1966, p. 581—590.

Рецензия на книгу: R. P a l l u c c h i n i. La pittura veneziana del Trecento. Venezia — Roma, 1964.— «Art Bulletin», XLVIII, 1966, стр. 119—121.

Рибера.— «Огонек», 1966, № 8, стр. 8—9.

1967

Storia della pittura bizantina. Ediz. ital. rielabr. e ampliata dall'autore. Torino, 1967.

Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон.— «Византийский временник», XXVII, 1967, стр. 162—196. То же: Trois fragments d'épistyles peintes et le templon byzantin.— «Δελτίον χριστιανικῆς Ἀρχαιολογικῆς ἑταιρείας» пер. Δ', τ. Δ'. Ἀθήνα, 1964, σελ. 117—143.

Новые фрагменты росписей из Старой Ладогы.— В кн.: «Культура и искусство Древней Руси. Сборник статей в честь М. К. Каргера». Л., 1967, стр. 77—81.

1968

О росписи Ссфин Новгородской.— В кн.: «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода». М., 1968, стр. 7—62.

Teofane il Greco.— «Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina». Ravenna, 1938, p. 179—200.

(составил В. Н. Грациенков)

М. Я. СЮЗЮМОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ВИЗАНТИИ И ЕЕ МЕСТО ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

(В порядке дискуссии)

Долгое время ученые в своих концепциях истории Византии представляли ее как совершенно чуждое Западу общество, как особый мир застоя, перманентных дворцовых смут и деспотизма. Историю Византии изучали сквозь призму взглядов Монтеスキе и Вольтера. От Гиббона вплоть до середины XIX столетия (до Чаадаева, Герцена и молодого Маркса) о Византии говорили, как о примере «худшего государства», как об оплоте реакции и застоя. Славянофилы в России фактически утверждали подобные взгляды на Византию, восторгаясь ролью империи как преградой на пути новых идей.

В то время как с легкой руки Монтеスキе Византию объявили отсталым государством по сравнению со средневековыми странами Западной Европы, сами современники империи — представители западноевропейского общества, как правило, отнюдь не склонны были оценивать уровень развития Византии ниже, чем степень развития стран Запада. Напротив, было широко распространено мнение о «мудрости» и образованности греков. О богатствах империи ходили легенды. Впоследствии, когда Византия была разорена итальянцами и турками, образованные круги Западной Европы стали проявлять пристальное внимание к наследию византийской культуры.

Тем более настоятелен ответ на вопрос, почему у прогрессивных деятелей науки и культуры XVIII—XIX вв. сложилось столь невыгодное для Византии представление о ее истории. Этому, на наш взгляд, способствовали два обстоятельства. Во-первых, передовые мыслители того времени были настроены резко враждебно против абсолютизма, а Византия считалась образцом абсолютистского государства. Во-вторых, тогда как по внутренней истории стран Западной Европы уже в XVIII в. имелись солидные труды, созданию которых способствовал спор между германистами и романистами, внутреннее историческое развитие Византийской империи практически не изучалось до середины XIX в.

Византийское общество, как и общество западноевропейских стран, жило полнокровной жизнью. Общественный строй империи также проходил разные стадии закономерного развития. Разумеется, за тысячелетнее существование Византии ее историческая роль и ее место среди других государств не оставались неизменными. Но нельзя представить себе всемирную историю без того вклада, который был внесен Византией, оставившей заметный след в прогрессивной истории человечества.

Наиболее важную историческую роль Византия сыграла, по нашему мнению, на раннем этапе своей истории. Период с IV до середины VII в.

представлял собой эпоху революционного краха рабовладельческого строя, гибель которого совершилась по-разному на западе и востоке Римской империи. Всякий общественный строй после ухода с исторической сцены оставляет после себя как пережитки старого уклада, которые надолго задерживают поступательный, закономерный ход развития общественного бытия, так и элементы нового, которые являются плодом длительной эволюции и способствуют дальнейшему прогрессу человечества.

На западе империи крах рабовладельческого общества сопровождался внедрением и преобладанием на длительный срок пережитков последнего этапа родоплеменного строя, которые, с одной стороны, ускорили падение отжившей общественной системы, а с другой — способствовали уничтожению большей части важнейших достижений античного мира и тем самым привели Западную Европу на пороге средневековья к общественной деградации и культурному регрессу.

На востоке империи (в Византии), напротив, крах рабовладельческого строя, хотя и совершался в условиях сохранения пережитков рабовладения, не сопровождался уничтожением большей части ценнейших достижений античного общества.

Отмеченное различие определяет двойственную роль Византии. Пережитки старого в ее общественном организме препятствовали прогрессу, а сохранение и распространение элементов античной цивилизации — способствовали ему. Последнее обстоятельство имело кардинальное значение для исторических судеб Европы при общей культурной деградации на Западе в раннее средневековье.

Германские и славянские племена, усваивая некоторые достижения сельского хозяйства и военного дела позднеантичного мира, уже не переоценивали реальные силы империи, но еще долго признавали ее политическое и культурное превосходство. Формирующаяся знать варварских государств, упрочивая свое господство, усматривала в этом деле в Византии образец, достойный для подражания. Мало того, вплоть до создания империи Карла Великого политические деятели германских стран Запада не отвергали своей причастности к «всемирной» империи (Византии), пытаясь иногда прикрыть свое господство над романизированным населением ее авторитетом, имитируя ее монеты, ведя счет лет в хрониках по правлениям византийских императоров, вводя при дворе высшие почетные титулы империи¹.

Образец прочного и сильного государства усматривала в Византии и правящая знать славянских стран, которая, хотя и не поступалась своим суверенитетом, переняла немало элементов византийского государственного аппарата и ее общественных институтов.

Таким образом, объективно Византия выступила в ранний период своей истории как государство — образец классового господства, что было особенно важно в условиях, когда господствующий класс варварских государств находился на стадии формирования. Лишь ко времени торжества на Западе классической феодальной раздробленности и установления новых форм классового господства, византийская автократия утратила свое обаяние. Впрочем, ее престиж снова возрос, когда страны Европы вступили в стадию перехода от феодальной раздробленности к национальному централизованному государству. Идея «вечного» Рима, автократия Юстиниана I вновь привлекла внимание западноевропейских

¹ Престиж власти византийского императора ощущался на Западе даже после создания там своей империи. Василевсу Византии подражали государи всех стран Европы. Так, Карл Лысый вызывал неудовольствие подданных пристрастием к византийскому этикету: после своей коронации он выступал в одеянии и с инсигниями византийского императора (J. E b e r s o l t. *Orient et Occident; recherches sur les byzantines et orientales en France avant les Croisades*. Paris, 1928, p. 60; F. D ö l g e r. *Byzanz und Abendland vor den Kreuzzügen*, in: «Paraspora», Ettal, 1961, S. 80f.).

политиков. Потребности эксплуататоров в идейном санкционировании сильной государственной власти в условиях перехода к феодальному строю обусловили не только торжество христианства — они привели также к созданию особой идеологической доктрины — фикции существования «всемирной» Римской империи².

Идея сильного централизованного государства была, на наш взгляд, по преимуществу прогрессивной в средние века, несмотря на те тяготы, которыми существование такого государства сопровождалось для трудящихся масс³. В раннее средневековье Византию считали таким государством, и политика следования ее примеру способствовала сплочению слабо связанных между собой племенных организаций и преодолению пережитков родоплеменного быта⁴. В эпоху феодальной раздробленности представление о едином государстве с централизованным аппаратом власти помогало переходу к национальному государству, а в период абсолютизма строй юстиниановской империи служил источником, образцом для формирования институтов новой государственной системы. Разумеется, после того как абсолютизм миновал стадию прогрессивного развития (к началу XVIII в.), идеализация Византийского государства стала служить реакционным целям.

В продолжение всего своего существования Византия, как ни одно современное ей государство, была страной, в которой принципы полной частной собственности нашел классическое оформление в действующем праве. С древнейших времен вплоть до стадии нисходящего развития капиталистического строя полная частная собственность и связанные с нею товарное обращение и предпринимательская деятельность были одной из движущих сил прогресса в классовом обществе. Принцип полной частной собственности в докапиталистических формациях представлял собою в зародыше основу более прогрессивной формации — капитализма, который завершается цикл типов антагонистических обществ.

Полная частная собственность не была всеобщим институтом рабовладельческого общества и классического римского права. Наряду с собственностью «по праву квиритов», которая являлась как бы привилегией, существовала собственность перегринов, бонитарная собственность. Античная собственность к тому же была связана со структурой полиса, с литургиями. В ходе расширения внутреннего товарного обращения и процесса разложения рабовладельческого способа производства система полисов стала отмирать, а вместе с тем стали стираться и различия между видами античной собственности.

² Эти реминисценции послужили основой националистических теорий трансляции (перенесения) «руководящей» роли отдельных народов в истории. В Византии полагали, что после победы христианства «избранной богом» народностью являются уже не римляне, а греки, так как язык Евангелия и вселенских соборов — греческий. Константинополь называли Новым Римом. При Карле Великом теория трансляции была развита на Западе: утверждалось, что право гегемонии после отхода греков от римской церкви перешло к франкам. При Фридрихе Барбароссе в Германии проводили идею, что права римлян на мировое господство принадлежат отныне немцам. (O t t o F r i s i n g e n s i s, MGH, SS, XX, 338—496).

³ В. И. Ленин подчеркивал, что призывать историческую прогрессивность отнюдь не означает быть ее апологетом, так как и исторически неизбежные процессы несут с собой немало тягот для трудящихся. Апологет лишь тот, кто стремится замолчать мрачные стороны такого рода процессов и явлений (см. В. И. Л е н и н. Собр. соч., т. 3, стр. 523).

⁴ Наиболее яркими из таких пережитков последней стадии родоплеменного общества являлись указанные Ф. Энгельсом особенности строя военной демократии, которые в условиях феодализации стали на длительное время тормозом для дальнейшего культурного развития. «Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война... становится постоянным промыслом» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 2, стр. 164). Образ Raubritter'a — последнее воплощение этого пережитка военной демократии — является ярким антиподом идеалу представителя господствующего класса централизованной империи эпохи Юстиниана I.

Именно в этот период — во время упадка античной⁵ и до оформления феодальной собственности — римские юристы разработали гражданское право в духе полной частной собственности. Это право «было в сущности антифеодальным и в известном отношении буржуазным. Римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений»⁶.

Окончательно принцип полной частной собственности в римском праве был оформлен только в 530 г. в законодательстве Юстиниана, где провозглашалось: «Не должно быть никакого различия между собственниками... Пусть каждый будет полнейшим и законным собственником либо на раба, либо на другие объекты, ему принадлежащие»⁷. Юстинианово право, таким образом, «полностью предвосхитило современную частную собственность»⁸.

Частная собственность в ее полном виде стимулировала предпринимательскую деятельность. Именно к V—VI вв. относятся археологические данные о размахе урбанизации в Византии, когда деревни разрастались в города. Надписи Корики и папирусы содержат большое количество наименований различных ремесел⁹.

Разумеется, уровень производительных сил того времени не мог привести к созданию крупного производства, но он обусловил распространение собственности мелкого производителя на средства производства, развитие свободного ремесла и розничной торговли. Гражданское право, основанное на полной частной собственности, играло в этих условиях прогрессивную роль, поскольку только в рамках полной частной собственности могло развиваться товарное хозяйство, без которого в конечном итоге невозможно развитие самого феодального строя. Однако в дальнейшем это развитие предпринимательства было пресечено. Этому способствовали, с одной стороны, варварские нашествия и ослабление мощи государства, которое уже не могло полностью обеспечить охрану частной собственности, а с другой стороны — создание в корпорациях средневековых привилегий и система государственного регулирования предпринимательства и прибылей, которые стеснили размах производства, сведя свободное ремесло Византии к типично средневековому — корпоративному. Эта политика регулирования ремесла и торговли стала проводиться уже при Юстиниане.

Многовековое традиционное существование полной частной собственности наряду с развитием и упрочением собственности феодальной придает особую специфику истории Византии, где длительное время шла борьба за власть между различными прослойками господствующего класса, опиравшимися на разные способы эксплуатации. Несмотря на господство в поздней Византии феодальных институтов, в актах купли-продажи и передачи владений упорно подчеркивалось, что объекты сделки переходят в «самую полную собственность» (*κατὰ τελεσίαν δεσποτεία*)¹⁰.

⁵ Необходимо отметить, что в античном обществе, согласно К. Марксу, «только в период разложения» наступило «полное развитие денег, которое составляет предпосылку современного буржуазного общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 729).

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 412.

⁷ Cod. Just., VII, 25.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 412.

⁹ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt.— «Berichte zum XI. Internationalen Kongress», Bd. 3. München, 1958, S. 12.

¹⁰ Actes de Xénophon.— ВВ, X, 1903. Приложение, № V, 1319; Actes de Chilandeg.— ВВ, XVII 1911. Приложение, № VIII. 27; № XXIII. 20—34. Как в XI, так и в XIV в. секуляризация монастырского имущества рассматривалась как грубое нарушение начал частной собственности.

Византия выделялась среди прочих стран того времени своим единым для всего государства правом, которое решительно преобладало над местными обычаями¹¹. Византийский суд со всеми его недостатками (продажностью судей, формализмом, медленностью и классовой направленностью судопроизводства) стоял тем не менее на недостижимой высоте по сравнению с судом варварских правд с их ордалиями, поединком, котелком с кипятком и раскаленным железом как средствами определения невинности и виновности. Как бы ни были жестоки приговоры византийского суда, они не могут идти в сравнение с патриархальной жестокостью варварских правд¹².

Находясь в крайне тяжелых внешнеполитических условиях, особенно в последние века своего существования, Византия не смогла использовать преимуществ гражданского права, и оно было развито в странах Западной Европы, содействуя прогрессу раннекапиталистических отношений. Феодальный строй на Западе шел по пути поступательного развития, соединив прогрессивные элементы новой формации (рост техники производства в условиях принадлежности средств производства мелкому непосредственному производителю) с достижениями античного мира (товарное производство, право, основанное на принципе частной собственности). Роль Византии в прогрессивном развитии Запада как хранительницы правового наследия античности несомненна.

Нельзя не отметить, однако, что наряду с прогрессивными положениями в византийском праве имелись и пережитки рабовладельческого общества. Распространение принципа частной собственности на человека оказало безусловно отрицательное влияние на положение трудовых масс. Феодальные собственники, опираясь на официальное законодательство, пытались рассматривать институты зависимости в свете полной собственности на человека, стремясь приблизить положение зависимых к статусу рабов. Подобные тенденции имели место и среди юристов Запада (Брактон), и в некоторых славянских странах («кмет и вся его маетность — наша»). В период первоначального капиталистического накопления и колонизации «Обеих Индий» юридический статус раба был распространен на захваченные территории, вновь расцвела торговля людьми.

Однако существование рабства в Византии вряд ли оказало какое-либо значительное влияние на распространение этого института на Западе. В варварских правдах рабству уделяется относительно даже больше внимания, чем в римском праве. В Византии регламентируемый государством юридический статус раба был, несомненно, более мягким, чем патриархальное рабство в племенных организациях варваров, где положение раба определялось лишь капризами его господина.

Византийский раб мог быть хозяином мастерской, мог самостоятельно вести коммерческие дела в случае получения права свободного управления цекулием; господин отвечал за убийство своего раба. Ничего подобного не знало варварское общество¹³.

¹¹ Византийское право отнюдь не было оторванной от жизни ученостью, существенной лишь для преподавателей и студентов. В Византии существовала сложная система судопроизводства с признанным правом апелляции от низших инстанций к высшим, имелись руководства для судей в виде разного рода синопсисов. «Василики» были действующим правом, о чем свидетельствуют акты XIII—XIV вв. При актах передачи земельного участка специально оговаривалось, что в дальнейшем не будет сделано никаких попыток законным образом аннулировать сделку. Причем детально перечислялись все статьи действующего права, согласно которым такое дело об аннулировании сделки могло быть возбуждено.

¹² Например, Салическая Правда легализовала родовую месть: мстители отрубали врагам руки и ноги и бросали их умирать на перекрестках дорог, а закон даже преследовал тех, которые из сострадания убивали несчастных, чтобы пресечь их мучения (Салич. Правда, 41, § 8).

¹³ Неограниченное право господина над рабом в древнейшем римском праве было генетически, как мы думаем, пережитком отношений, характерных для последнего

Таким образом, если пережитки рабовладельческих отношений, характерные для Византии, оказывали тормозящее влияние на дальнейшее развитие, то еще в большей степени препятствовали прогрессу пережитки родоплеменных отношений в западноевропейских странах (обычное право, ордалии, фэйда, примитивные формы собственности). Попытки внедрения таких отживших институтов в Византии не имели успеха¹⁴. Западные университеты, в которых изучалось право Юстиниана, безусловно, немало способствовали ликвидации пережитков родоплеменного быта.

Гражданское право в Византии могло быть действенным только при наличии сильной государственной власти с централизованным и разветвленным аппаратом управления. Византия — классическая страна бюрократии. Господство бюрократии со всеми ее недостатками, продажностью, волокитой, формализмом, враждебностью к народу тем не менее более прогрессивно, чем всевластие феодала и местного обычая. Византийские источники сообщают массу фактов о незаконных чиновничества, но эти факты отмечались именно потому, что всем были известны права и обязанности служебного лица, все знали, что можно было жаловаться вышестоящей инстанции. В условиях же патриархального произвола можно было просить о заступничестве только «господа бога».

В условиях отсутствия дифференцированного административного аппарата было невозможно хотя бы частичное сохранение в раннефеодальных странах Запада культурного уровня позднеантичного общества. Колоссальные, не поддающиеся регулированию судебные штрафы разоряли здесь свободное крестьянство быстрее и основательнее, чем насилие и произвол чиновничества. Полное подчинение феодалам крестьян на Западе произошло быстрее, чем в Византии с ее бюрократией и ответственностью чиновников перед законом.

Однако отмеченное обстоятельство было и преимуществом и недостатком Византии. Никогда фискальная система империи не могла так полно извлекать прибавочный (а иногда и необходимый) продукт труда крестьянина, как сеньориально-вотчинная эксплуатация¹⁵. В первую очередь, это отразилось на развитии военного дела, которое на Западе в основном покоилось на повинностях подвластного феодалам населения. Феодално раздробленные страны Запада с их сравнительно обеспечен-

---

этапа родоплеменного строя. Классическое римское и византийское законодательство знает только регулируемое государством право собственности на человека. По словам Приска, «римляне поступают с рабами гораздо снисходительнее, чем варвары... Им (римлянам) не позволено предавать их (рабов) смерти, как это водится у скифов. Рабы имеют много способов получить свободу...» (УЗ Второго отделения имп. АН, VI, 1, 1861).

¹⁴ Когда в XIII в. от Михаила Палеолога, обвиненного в заговоре, потребовали оправдаться по западному обычаю, взяв раскаленное железо, он ответил: «Так как я римлянин и происхожу от римлян, то пусть меня и судят по римским законам и письменным установлениям» (Georgii Acropolitae opera, rec. A. Heisenberg, I. Lipsiae, 1903, p. 98. 4—14).

¹⁵ Впрочем, вопрос об относительной тяжести эксплуатации в Византии по сравнению с другими странами (в особенности — странами Западной Европы) еще нуждается в тщательном и детальном изучении. С одной стороны, даже при самых легких формах частновладельческой эксплуатации в такой стране, как Византия, почти непрерывно находящейся под Дамокловым мечом иноземного вторжения, имел место усиленный гнет в форме государственных налогов и повинностей. С другой стороны, закон централизованного государства в гораздо большей мере мог защитить население от внеправового гнета, чем обычное право. Безусловно, и государственные законы, и нормы обычного права утверждаются в интересах эксплуататоров, однако значение официального и обычного права могло быть различным на разных этапах и в разных исторических условиях. В научной литературе имеется тенденция, восходящая еще к трудам Фюстель де Кулянка и Виноградова, идеализировать местное обычное право. Конечно, источники свидетельствуют о тяжелом положении крестьянства в Византии. Но не меньше подобных известий и для стран Западной Европы: в самом обычном праве наряду с нормами, регламентирующими крестьянские повинности, встречаются положения, узаконивающие произвол феодала («laborare omnie die quidquid mandatur, ad mandatum domini») и виселицы в каждом замке.

ным рыцарством опередили в военном отношении Византию — страну дорогостоящей централизованной бюрократии и регулярного войска. Начиная с X в. ощущается постепенное отставание Византии в военном деле. Сосуществование феодального и римского права в империи делало затруднительным аккумуляцию прибавочного труда в военных целях. Византийские проиары не могли в военном отношении сравниться с западными феодалами.

Византийские правовые воззрения оказали также большое влияние на развитие концепций верховной политической власти. Если на Западе власть короля представляла собой развитие власти вождя племени периода военной демократии, что ощущалось в Германии длительное время, то в Византии с ее начала и до конца действовал принцип, согласно которому император — высший магистрат: «что принцепсу угодно, получает силу закона, так как законом о его власти народ предоставил ему всю свою власть и могущество»¹⁶.

Теория делегирования народом неограниченной верховной власти была принята всеми монархами Западной Европы, начиная с Фридриха Барбароссы, а затем разработана западными легистами как теоретическая основа абсолютизма. Однако эта теория имела и иной аспект: фикцию зависимости верховной власти от народа трудящиеся массы иногда использовали как повод к избранию нового императора. Эта же теория в период борьбы папской и императорской власти служила папам предлогом к свержению императоров, а впоследствии, начиная с Марсилиа Падуанского, она легла в основу идеи народного суверенитета.

В политических концепциях Византии все большее значение приобретала теория божественного происхождения верховной власти. Эта теория проникла в позднеримское и византийское право с Востока¹⁷ и превратилась в религиозную санкцию автократии. Императорская власть обрела мистический божественный ореол и возвысилась над народом. Было создано представление о ее надклассовом характере.

Эта теория нашла восторженных приверженцев на Западе, где монархи и крупные сеньоры старались оправдать свою власть божественной волей (*Dei Gratia, divina favente clementia* — «Божьей милостью»). Воспринятая из Византии теория божественного происхождения всякой верховной власти была приемлема для всех правительств, стремившихся поставить себя выше народного волеизъявления. Эта доктрина предполагала распространение божественной санкции не только на власть самого государя, но и на его аппарат управления.

Представление о божественном происхождении императорской власти способствовало в Византии подчинению церкви государству, а также превращению императора фактически в служителя церкви, стража правопорядка. Конфликты вассалов с высшим клиром и особенно с монашеством были постоянными в истории империи, но добиться свободы избрания патриарха православной церкви так и не удалось. Пример господства императорской власти над церковью воодушевлял и западных монархов в их борьбе против пап (Генрих IV вместе с Алексеем I Комнином боролся против папы Григория VII).

Факт длительного сохранения в Византии сильной централизованной власти расценивался и расценивается западными историками как доказательство того, что Византия не знала феодализма и тем выделялась среди

¹⁶ Dig., I, 4, 1.

¹⁷ Впрочем, восточные элементы византийской автократии в литературе обычно преувеличиваются. Действительно, в великолени константинопольского двора нашло отражение некоторое влияние придворных порядков персидской и индийской монархий. Но само оформление этого двора с его недоступностью и пышностью было следствием не восточного влияния, а закономерного развития Римской империи, результатом развития системы централизованной эксплуатации, следствием замены управления через сословные организации управлением через бюрократический аппарат.

современных ей стран Западной Европы. В советской историографии наблюдается тенденция усматривать в централизованном управлении Византии реакционное явление, создавшее преграду на пути перехода к этапу феодальной раздробленности как исторически прогрессивной стадии развития местных экономических центров. Действительно, те исключительные привилегии, которыми обладал Константинополь в ущерб другим городам, препятствовали развитию производительных сил в провинциях. Правительство сознательно ослабляло экономически и политически провинциальные города, опасаясь развития тенденций к сепаратизму, которые в самом деле имели место во всех городах, сколько-нибудь отдаленных от центра (далматинские, итальянские, сирийские города, Херсон). Поэтому, не имея достаточной внутренней политической организации, так легко пала Фессалоника в 904 г. Поэтому в войнах с венецианцами во время Второго крестового похода византийские приморские города становились легкой добычей врагов¹⁸.

Вместе с тем, однако, нельзя не учитывать и того, что именно отсутствие централизации сделало Франкское королевство после распада империи Карла Великого еще более беспомощным перед бандами норманнов. Западноевропейская система феодальной раздробленности способствовала прогрессу лишь в условиях, когда отсутствовала серьезная внешняя опасность, от которой Западную Европу с востока защищали Русь и Византия, принявшие на себя основные удары бесчисленных турецких и монгольских полчищ.

Во всяком случае, до конца XI в. не централизация ослабляла экономику византийских провинций, а разрушительные нашествия врагов, а с конца этого столетия — иноземное экономическое засилье, которое, хотя и содействовало освобождению провинциальных центров от монополии Константинополя и установлению прямых связей с итальянскими городами, привело вскоре к полной ликвидации независимости византийской экономики.

Говоря о византийском централизованном государстве, следует отметить также, что именно централизация обусловила развитие византийской дипломатии, оказавшей решающее влияние на организационные принципы европейской дипломатической службы. Во все периоды своего существования империя сохраняла широкие международные связи и старалась находиться в курсе всех событий, происходящих в окружающем ее мире. Придавая дипломатии большое значение, византийское правительство учитывало и фиксировало тот колоссальный опыт, который оно накопило в международных связях. Дипломатия папства и венецианская дипломатия вышли в конечном итоге из византийской школы.

Исключительное значение для истории всей средневековой Европы имело то обстоятельство, что в период краха городской культуры на Западе в результате нашествия варваров Византия оставалась единственным государством Европы и Средиземноморья с большим числом развитых городских центров.

Создание городов как центров ремесла, торговли и культуры является таким достижением античного мира, которое сыграло огромную роль в процессе исторического развития всего человеческого общества. Лишь усвоив уровень развития производительных сил античности (в том числе

¹⁸ В литературе имеется также тенденция усматривать реакционную роль Византии в том, что она, цепляясь за власть в Равенне, Южной Италии и Сицилии, будто бы препятствовала политическому объединению Италии. Мешала этому не Византия, а завоеватели-лангобарды. В 50-х годах VI в. Италия была политически объединена, имелась полная возможность ее существования как политического целого, так и возможность подчинения папства светской власти. И впоследствии не Византия, а папский престол был причиной раздробленности страны (ср. З. В. У д а л ь ц о в а, Г. Г. Л и т а в р и н. Советское византиноведение в 1955—1960 гг. — ВВ, XXII, 1963, стр. 41).

их городские организационные формы), раннефеодальное общество двинулось по пути прогресса.

Сохранив города, товарное хозяйство, морскую торговлю, Византия оказала огромное экономическое воздействие на развитие стран Запада. Товарное обращение для развития феодального строя как более прогрессивного было необходимо еще в большей мере, чем для строя античного¹⁹. Пока на Западе не сложились крупные городские центры, европейская морская торговля не могла подняться выше той стадии, на которой находилась финикийская торговля VII—VI вв. до н. э., когда купец был в то же время грабителем и насильником. Именно такой характер носила торговля норманнов и других варваров. Византийское влияние в значительной мере содействовало изживанию этой стадии развития торговли в странах Европы.

Византия была родиной торгового морского права. Византийская юридическая компиляция под названием «Морской закон» нашла отражение во всех последующих сборниках обычных и официальных правовых норм морской торговли. Положения о византийских товариществах хреокиниях, как они представлены в «Морском законе» (III, §§ 9, 17) послужили на Западе примером для организации сообществ предпринимателей по принципу коллегации, или коменды²⁰.

Только в начале IX в., когда эмират Кайруан, укрепившись в Карфагене, стал занимать одну за другой позиции Византии в Средиземном море, роль византийской морской торговли стала падать.

Византия, и в первую очередь ее столица — Константинополь представлялись современникам средоточием богатств, роскоши и великолепия. Вплоть до 1204 г. полагали, что две трети всех богатств мира сосредоточены на Босфоре и лишь одна треть рассеяна по свету²¹.

Блеску византийской столицы способствовало богатство и многогранность ее искусства: эллино-римская культура испытала значительное влияние сирийской, африканской, персидской, арабской и славянской культур. Подобно «золотому мосту», Константинополь соединял Восток и Запад²². Золотая валюта империи играла поистине роль международной.

¹⁹ «Крепостническое общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли и промышленности, что еще тогда вело к капитализму» (В. И. Ленин. Собр. соч., т. 24, стр. 371).

²⁰ G. A s t u t i. Origine e svolgimento storico delle comenda fino sec. XIII. Turin, 1953; R. L o p e z. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century. — DOP, XIII, 1959, p. 78.

²¹ На ранней стадии развития феодального общества, в эпоху классового образования, роскошь отнюдь не была одним из проявлений разложения господствующего класса, как в позднеримском Риме. Привозимые из Византии предметы роскоши содействовали выделению господствующей прослойки в свободном варварском обществе. Вывоз предметов роскоши из «мастерской великолепия» — Константинополя служил интересам укрепления господства феодализирующейся знати. С другой стороны, пышность византийского двора и торжественных приемов была призвана произвести эмоциональное воздействие на варваров, вызвать особое уважение к империи у соседей, находящихся на более низкой стадии культурного развития. Бьющему на эффект придворному церемониалу соответствовало и театрализованное, полное эмоций церковное богослужение.

²² В различные периоды истории Византии эта роль Константинополя была неодинаковой. В IV—VI вв. с Константинополем еще конкурировали Александрия и Антиохия. Со времени же арабской экспансии сирийские и египетские товары стали все меньше проникать в Европу. В VIII—IX вв. в вывозе на Запад восточных товаров, шелковых тканей и пряностей, парфюмерных и ювелирных изделий Константинополь занимал почти монопольное положение. Вплоть до XII в. посредниками в торговле с Западом были преимущественно еврейские общины торговцев и ремесленников с развитой на базе религиозной общности системой торговой взаимопомощи (A. A n d r e a d è s. Les Juifs dans l'Empire Byzantin. — BEVZ, VI, 1929, p. 8; J. S t a r r. The Jews in the Byzantine Empire 641—1204. — «Texte und Untersuchungen zur byzantinisch-neugriechischen Philologie», 30. Athen, 1939). С XII в. Константинополь теряет значение «золотого моста», хотя его связи со странами Востока сохранялись. Дело в том, что посредниками в этих связях стали не византийцы, а венецианцы и генуэзцы. Из стра-

Мопеты с изображением Юстиниана ходили в Скандинавии и на востоке вплоть до реки Хоанхе²³.

На рубеже античности и средневековья Византия выступила на исторической арене также как носительница новой идеологии — торжествующей новой мировой религии, христианства. Античная ойкумена делилась на два мира — мир «господ», эллиноримлян, и мир «варваров», стоявших на низшей стадии цивилизации и «призванных быть рабами». В какой-то мере для такого деления имелись объективные основания: без освоения культурных достижений рабовладельческого общества, в первую очередь в области земледелия и военного дела, варвары не могли выйти из стадии варварства.

К IV в., однако, окружающие империю народы один за другим стали овладевать и техникой земледелия, характерной для стадии разложения рабовладельческого строя, и той военной техникой, которая была свойственна войскам Рима. Существование двух миров, мира господ и мира рожденных для рабства, перестало быть оправданным. Идеология античной ойкумены, исключительная религия господ-эллиноримлян зашла в тупик. Выход из него был найден на путях принятия космополитической религии — христианства. В силу своей способности к синкретизму оно стало быстро распространяться в соседних странах, иногда даже становясь господствующей формой религии раньше, чем в самой Византии. Христианство стало одним из важнейших средств византийского политического, торгового и культурного влияния²⁴.

Ранняя Византия, страна наиболее чтимых отцов церкви и богословия, страна вселенских соборов, выступала в качестве оплота правоверия, тогда как в Италии, Испании и Бургундии главенствовали ариане. Византийский император в борьбе с еретиками играл роль хранителя чистоты вероучения²⁵.

Однако уже во второй половине V в. на Западе в полновластии императора над церковью стали усматривать ущемление ее свободы и — более того — отступление от самого духа церковного учения²⁶.

Забота о сохранении догматической чистоты православия в Византии оказала отрицательное влияние на все страны христианского мира. От-

ны, вывозящей предметы роскоши, Византия стала с XIII в. страной, вывозящей зерно и сырье.

²³ С я Н а й. Золотая византийская монета, найденная в могиле периода династии Суй. — ВВ, XXI, 1962, стр. 178.

²⁴ Через принятие христианства Армения и Грузия надолго оказались под политическим и культурным влиянием Византии. Укрепляя связи с Византией и готы Северного Причерноморья, где лишь появление гуннов в корне изменило ситуацию. Персия была политическим и торговым конкурентом Византии. Персидская религия была непримирима к христианству. Борьба за влияние на кавказские народы и на арабов между Персией и Византией выразилась также в антагонизме Христа и Ахурмазды, как впоследствии в борьбе Византии с арабами — в антагонизме Христа и Магомета. В VII—VIII вв. мусульманство одержало победу в Аравии, Месопотамии и частично на Кавказе. Отдаленность средних районов Африки исключала возможность византийской агрессии — влияние империи в IV—V вв. осуществлялось здесь посредством торговли и христианизации. В V и VI столетиях греческий язык был языком придворной знати Эфиопии.

²⁵ В буржуазной историографии высказано мнение, что византийский император, господствуя над церковью, сосредоточил в своих руках полную власть над обществом и превратился в душеителя свободы, тогда как на Западе разграбление светской и церковной властей препятствовало «тоталитарному волеизъявлению монарха». Однако идеологическая диктатура папства вплоть до XIV в. была, по нашему мнению, еще большим врагом свободной мысли, чем императорская власть в Византии (ср. А. W. Z i e g l e r. Die byzantinische Religionspolitik und der sogenannte Caesaropapismus. München, 1913).

²⁶ Ф. Дэльгер (F. D ö l g e r. Europas Gestaltung im Spiegel der fränkisch-byzantinischen Beziehungen des IX. Jh. Byzanz und die Europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 282) поднимает в связи с этим важную проблему влияния Византии, которое она оказывала в течение пятисот лет на образование европейского единства, и ставит вопрос о последствиях разрыва в IX в. между империей и Западом.

стаивая неизбежность церковного учения и идеологическое единство, империя превратилась в страну принудительной стагнацизирующей идеологии. Начиная с Константина Великого, издавались жестокие декреты против несогласных с учением господствующей церкви. Через Августина Запад быстро перенимал опыт борьбы «за чистоту христианства». Византийская богословская ортодоксия сыграла свою роль в установлении страшного духовного гнета нетерпимости к инакомыслящим, господства инквизиции, которые царили в Западной Европе вплоть до Великой французской революции, а в некоторых странах — и после нее. По всему западному миру загремели анафемы, наполнились тюрьмы, запылали костры. В XV в. костры вспыхнули и в России.

Но вместе с тем именно в Византии в раннее средневековье наиболее ярко проявился и протест против того мира насилия и гнета, который санкционировало христианство. На границах Армении и Византии, где население подвергалось двойной эксплуатации — со стороны централизованного государства и феодализирующейся армянской знати, развилось мощное движение павликиан, которое, проникнув в Болгарию и модифицировавшись там в богомилство, распространилось затем по Европе, сплачивая народные силы в борьбе против средневекового гнета. Роль Византии в появлении на Западе этого идеологического движения нельзя подвергнуть сомнению ²⁷.

Византия — родина монашества, пережившего существенную эволюцию в ходе своей многовековой истории. В ранней Византии монахи — это по преимуществу люмпен-пролетариат в рясах, на практике осуществлявший идею бегства от мира угнетения и создававший многочисленные братские общезжития. В дальнейшем — это боевой отряд религиозных фанатиков, приверженцев утверждающейся феодальной идеологии. Наконец, монашество само перешло на положение особой привилегированной прослойки; общезжития монахов — монастыри стали коллективными феодальными собственниками и идеологическими центрами господствующего класса. Институт монашества быстро проник с Востока на Запад, но монастырские уставы имели здесь существенные особенности, будучи приурочены к специфике западного феодализма. Не была популярной на Западе также и идея полного отхода от мирских интересов, выразившаяся в Византии в таких нелепых крайних формах «служения богу», как столпничество, юродство и т. п.

Византия была также и родиной христианской мистики. Сравнительно с обычным обрядово-догматическим христианским учением мистика в Византии отличалась тем, что сулила верующему не только спасение на том свете, но обещала ему и при жизни возможность обожения, соединения с божеством. В этом заключалась сила и влияние этого наиболее враждебного науке и прогрессу религиозного течения ²⁸. Идея мистического общения с богом и святыми являлась основой иконопочитания. Под несомненным влиянием египетского и синайского монашества выработался особый канон для иконописи, соблюдение которого было так же обязательно, как и признание самих церковных догматов. Повышенная оду-

²⁷ Впрочем, причины того почему протест народных масс против эксплуатации проявился в столь острой форме именно в Византии, нельзя объяснить лишь наличием двойного гнета государства и феодалов: во время появления павликианского движения значение вотчинно-сеньориальной эксплуатации еще было ничтожным. Следует учитывать, на наш взгляд, тот факт, что всюду, где существует официальное право, основанное на частной собственности и санкционированное религией, всякое его нарушение вызывает немедленный и горячий протест.

²⁸ Следует сказать, что мистика не исключала самостоятельности мысли в сфере религиозного учения. Ее идеи иногда в корне противоречили положениям господствующей церкви и *mutatis mutandis* служили идеологической предпосылкой реформации и основой народно-еретических движений. Особенное влияние на Западе в этом смысле оказало сочинение так наз. Дионисия Ареопагита, которое в 858 г. было полностью переведено Иоанном Скотом Эригеной.

хотворенность образа с элементами схематизма, характерная для этого канона и постепенно проникшая в творчество живописцев других христианских стран, была непререкаемым качеством иконы, рассматривавшейся как средство общения с божеством²⁹.

Что касается просвещения, то византийская православная церковь стремилась полностью захватить в свои руки не столько начальную школу, сколько высшую, факультеты философии и риторики. Монашество Александрии уже в IV—V вв. вело отчаянную борьбу против высшей философской школы, не останавливаясь перед любыми средствами, и в VI в. добилась ее клерикализации. Преподавателями стали монахи. Языческий университет уходил с исторической сцены. Уничтожение высших школ при активном участии монашества привело к ослаблению культурно-идеологического единства интеллигенции поздней античности и усилило местные культурные тенденции. Это было тяжелым ударом по эллинистическим традициям.

Роль связующего фактора, объединявшего средневековую интеллигенцию, стала играть распространившаяся в Византии с IV в. схоластика как метод научного мышления, который быстро стал господствующим и на Западе. Стремясь сохранить чистоту христианского учения, св. отцы IV в. старались выдать все свои положения не за собственные мысли, а за непреложные истины священного писания, ссылаясь на которое аргументировалась любая идея. Богословы словно боялись сказать что-либо новое. Иоанн Дамаскин как будто даже ставил себе в заслугу то, что не сказал ничего собственного. Приспособленные к потребностям христианского учения труды античных авторов также были превращены в непререкаемые авторитеты³⁰.

Традиционализм в истории византийской культуры сыграл, однако, и положительную роль: в тяжелое время гибели культурных ценностей и резкого падения уровня образованности он поддерживал преемственность между культурой средневековья и античным наследием и в этом состоит его всемирно-историческое значение. Едва ли не более существенной была роль византийского традиционализма в поздний период истории империи. Чем тяжелее становилась борьба Византии против внешних врагов, чем больше слабело государство, тем усерднее обращалась византийская интеллигенция к классическому наследию Эллады. Во времени это совпало с переходом Запада к новой идеологии — Ренессансу, и Византия дала Западу то, в чем он нуждался, — свои античные традиции и рукописи классиков античного мира.

Что касается судеб исторической науки в настоящее время, то для ее развития изучение истории Византии, ее внутреннего строя и культуры играет значительную роль. Почти вся средневековая история Юго-Восточной Европы была тесно связана с историей Византийской империи. Влияние ее цивилизации, политических идей, правовых концепций, искусства, религиозных учений трудно переоценить. Мало того, изучение исторических судеб империи заставляет по-новому взглянуть на принятую в нашей науке концепцию становления феодализма: история Византии дает важный материал для характеристики различных типов фе-

²⁹ А. В. Банк. Труды по византийскому искусству в *Dumbarton Oaks Papers*. — ВВ, XXII, 1963, стр. 260—279.

³⁰ Схоластика восторжествовала и в юриспруденции. Юстиниан I запретил самостоятельное комментирование Кодекса и Дигест. Юристам разрешалось лишь сравнивать различные положения права. Юридическая наука была скована: анализ и критика законодательства с позиций целесообразности были невозможны. Как экзегеза Нового Завета богословами, так и пояснение законов юристами находились на одном уровне, усвоенном без изменений и на Западе. Схоластика и традиционализм пропихали и математику и естествознание, физику и медицину. Все покоилось на изучении древних авторов, которые были объявлены стоящими вне критики (Аристотель, Гален, Юстиниан).

дального строя и разных путей самой феодализации. Именно на примере византийской истории можно проследить роль античных городов в период перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Проблема преемственности античных традиций и институтов, роль континуитета в оформлении новых структурных связей, вопрос о значении идеологических импульсов, порождаемых идейным наследием античности, — все это еще остается недостаточно изученным и теоретически не обобщенным комплексом проблем, решение которых способно внести серьезные коррективы в наши представления о закономерностях исторического развития общественного бытия и сознания.

В генеральном пути человечества к бесклассовому обществу византийской культуре принадлежит заметная роль. Развитию французского материализма, немецкой идеалистической философии и английской политэкономии, обусловленных своеобразием генезиса капитализма в этих трех странах Европы, предшествовала эпоха Возрождения как необходимый этап раскрепощения человеческой мысли от средневекового гнета. Как ни разнотечно протекал этот этап развития в различных странах, он всюду был связан в основном с освоением античного наследия. Роль Византии здесь была двойной: кодификация римского права была импульсом для развития товарных отношений, а борьба за «чистоту» христианского мировоззрения сковывала развитие свободной мысли. Но несмотря на это, Византия сумела сохранить достижения античности, необходимые для дальнейшего прогресса общества в области городской культуры, товарного хозяйства, гражданского права, гуманитарных и точных наук.

Закономерное развитие стран Западной Европы могло протекать относительно спокойно, без катастрофических неожиданных потрясений, поскольку с одной стороны эти страны были ограждены океаном, а с другой их защищали от нашествий с Востока Русь и Византия, принявшие на себя главный удар бесчисленных полчищ кочевников.

но
те
ко
во
ил
де
то
фо
ю
дь
ти
тр
а
4;
ц
—
за
ВД
пр
la
(В
la
a t
Jea
193
ni
egy
Un
P.
Pa
гр
pra
196
194
не
Pa
рол

И. Ф. ФИХМАН

К РАЗВИТИЮ ПАТРОЦИНИЕВ В ВИЗАНТИЙСКОМ ЕГИПТЕ ¹

Патроцинии и тесно связанный с ними колонат ², составляющие основное содержание социально-экономического развития ранней Византии, давно привлекают интерес исследователей ³. Патроцинии не были, конечно, явлением исключительно или типично египетским. Достаточно вспомнить известную речь Ливания «О патронатах» (*Lib. Or. XLVII*) ⁴ или сочинение Сальвиана «Об управлении божьем» (*Salv. De gubernatione dei*) ⁵. Р. Ремондон даже считает, что если подходить к патроциниям с точки зрения института, устанавливающего не временные, а постоянные формы социальных отношений, связанных с определенными аграрными и юридическими структурами, то патроцинии были даже явлением, чуждым Египту ⁶. Тем не менее из восьми конституций, направленных против патроциниев (*Cod. Theod.*, XI, 24, 1—6 и *Cod. Just.*, XI, 54, 1—2), три относятся непосредственно к Египту (*Cod. Theod.*, XI, 24, 1; 3; 6;) ⁷, а в двух он упоминается среди других провинций (*Cod. Theod.*, XI, 24, 4; *Cod. Just.*, XI, 54, 1). Это, несомненно, свидетельствует о широком распространении патроциниев именно в Египте.

¹ Статья представляет собою текст доклада на VII Всесоюзной конференции византистов в Тбилиси в декабре 1965 г. Часть доклада опубликована в № 1 ВДИ за 1966 г., посвященном памяти акад. В. В. Струве (стр. 110—112).

² P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. Les sources et les problèmes. — RH, CCXIX, 1958, p. 405 [со ссылкой на недоступную нам книгу M. P a l a s s e. Orient et Occident à propos du colonat romain au Bas Empire. Lyon, 1950. (Bibliothèque de la Faculté de Droit de l'Université d'Alger, 10)]; R. R é m o n d o n. La crise de l'Empire romain de Marc Aurèle à Anastase. Paris, 1964, p. 180; cf. Cl. P r é a u x. Les modalités de l'attache à la glèbe dans l'Égypte grecque et romaine. «Société Jean Bodin. Réunions des 16, 17 et 18 octobre 1936. Bruxelles. Le servage». Bruxelles, 1937, p. 53 (2-е издание нам недоступно).

³ Основную литературу см.: G. D i ó s d i. Zur Frage der Entwicklung des Patrociniums in Ägypten. — JJP, XIV, 1962, p. 57₂₋₄. См. idem. A patrociniium egyes kérdései az egyiptomi papiruszok alapján. — «Acta Facultatis politico-iuridicae Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae», IV, 1, 1963, p. 181—195. Мы пользовались немецким вариантом.

⁴ Подробный разбор см.: L. H a r m a n d. Libanius. Discours sur les patronages. Paris, 1955.

⁵ См. и Nov. Just., XVII, 13—14; XXVIII, 5; XXIX, 4; В. В е л к о в. Селото и грады в Тракия и Дакия през IV—V в. от н. е. — ИИ, XI, 4, 1955, стр. 38—39.

⁶ R. R é m o n d o n. Papyrologie et histoire de l'Égypte gréco-romaine, in: Ecole pratique des Hautes Études. IVe section. Sciences historiques et philologiques. Annuaire 1964—1965, p. 173; ср., однако, idem. La crise..., p. 261.

⁷ Утверждение А. Сегре (A. S e g r é. The Byzantine Colonate. «Traditio», V, 1947, p. 105 sq et Byz., XXI, 1951, p. 209), что законодательство относится к Сирии, не представляется убедительным. Кстати говоря, в недавно опубликованном Р. Веатты Рапор. II, IX₂₂₈ упоминается впервые термин митрокомпия, играющий столь важную роль в аргументации А. Сегре.

Прежде всего, что следует понимать под патронием? Если считать, что любая форма оказания защиты и любое проявление покровительства следует признать патронием, то тогда патронии существовали в Египте в птолемеевское время, вероятно, даже и раньше⁸. Но патронии — историческое явление, характерное для определенной эпохи, а именно, как показывают источники, для Ранней Византии. Суть их заключалась в том, что могущественные в силу своего служебного, общественного и экономического положения лица⁹ оказывали другому лицу или лицам¹⁰, а также целым селениям¹¹ противозаконную защиту, ущемляющую в первую очередь фискальные интересы государства, поскольку патронии давали возможность избавиться от уплаты непосильных налогов и несения повинностей¹². Но подобная защита могла быть предоставлена и против собственного землевладельца, и против соседних селений, и на суде и т.д. Иногда патронатное соглашение заключалось не столько вследствие потребностей в защите, сколько в результате применения патроном экономического давления и внеэкономического принуждения в целях увеличения своих доходов (за защиту надо было платить)¹³.

Предоставление патронии, в зависимости от лиц и обстоятельств, могло принимать самые различные формы. Отметим основные: 1) предоставление убежища и защиты на земле патрона крестьянам, бежавшим из своей деревни; крестьяне превращались в колонов, патрон получал зависимую рабочую силу; 2) предоставление защиты землевладельцу при условии уплаты им известного вознаграждения или передачи патрону права собственности на землю патронируемого. Передача земли оформлялась, во всяком случае на более позднем этапе, посредством фиктивной сделки, например, под видом дарения, продажи, аренды¹⁴. Патрон увеличивал свои владения, а бывший владелец превращался в арендатора, вероятнее всего наследственного, зависимое положение которого со временем приводило его в разряд энапографов. Разумеется, когда под патронат отдавалась целая деревня, то процесс утери самостоятельности ее жителями растягивался на более длительный срок.

Патронии, как очень четко показал Р. Ремондон¹⁵, не только глубоко задевали интересы государства, лишавшегося части своих доходов и возможности распоряжаться своими подданными, не прибегая к сильным и в известной мере независимым посредникам, но сказывались отрицательно и на судьбе различных слоев и групп населения империи: они подрывали свободное крестьянство¹⁶, сокращали размеры подчиненной курии

⁸ H. Braunert. Die Binnenwanderung. Studien zur Sozialgeschichte Ägyptens in der Ptolemaer- und Kaiserzeit. Bonn, 1964, S. 421 (дополнения к тексту на стр. 313); cf. M. Piatkowska. A propos de la *σκέπη* dans l'Égypte ptolémaïque. — «Eos LIV, 2 (1964), p. 244; N. Lewis. Exemption from Liturgy in Roman Egypt. — «Atti dell' XI Congresso Internazionale di Papirologia». Milano, 1966, p. 509—512.

⁹ Их перечень дан в Cod. Theod., XI, 24, 4 (399 r.); *magistri utriusque militiae sive comitis sive ex proconsulibus vel vicariis vel Augustalibus vel tribunis sive ex ordine curialibus vel cuiuslibet alterius dignitatis*. Следует еще добавить представителей церкви.

¹⁰ *coloni, vicani, agricolae vel vicani, propria possidentes, possessores, homologi coloni*.

¹¹ *vici, metrocopiae*; сам титул в Cod. Theod., XI, 24 носит заглавие «De patrociniis vicorum».

¹² Cod. Theod., XI, 24, 4; *fraudandorum tributorum causa ad patrocina solita fraude confugerint*.

¹³ Cod. Just., XI, 54, 2 (468 г.): *ἄποσχυσιν προσδιδόν ἢ ἕτερον κέρδος λαμβάνων*. Ср. с *μετῶδες*, о котором говорит Ливаний.

¹⁴ Cod. Just., XI, 54, 1 (468 г.): *sub praetextu donationis vel venditionis seu conductionis aut cuiuslibet alterius contractus*.

¹⁵ R. Remondon. La crise..., p. 180—181, 244—245; i d e m. École pratique des Hautes Etudes. IVe section. Sciences historiques et philologiques. Annuaire 1963—1964, p. 118.

¹⁶ Обстоятельно и эмоционально это обрисовано Сальвианом в отношении Запада (S a l v., De gub. dei, V, 38—44).

территории и ослабляли муниципальное землевладение¹⁷, не выдерживавшее борьбы с патронами. Они нанесли тем самым чувствительный удар по куриям, являвшимся важным звеном государственной администрации. Все это усиливало остроту борьбы против патроциниев.

В этой борьбе Египет занимает особое место по двум причинам. Во-первых, в Египте сложились особо благоприятные условия для бурного развития патроциниев. Как известно, частное землевладение было здесь менее развито, чем в других провинциях империи, значительная часть земли под разными наименованиями принадлежала государству и обрабатывалась в порядке аренды, часто принудительной. В связи с кризисом III в., вызвавшим сокращение площади обрабатываемых земель и числа лиц, желавших ее обрабатывать, происходят глубокие изменения в системе землевладения и землепользования. Постепенно исчезают различные категории царской, государственной и т. п. земель, которые переходят в частную собственность¹⁸ в условиях жестокого, непрерывно растущего налогового гнета и глубокого экономического кризиса. Не видя путей к преодолению хозяйственных трудностей собственными силами, не имея возможности самостоятельно оказать сопротивление требованиям фиска и домогательствам коррумпированных представителей государственной администрации, египетские крестьяне, часть которых только недавно стала земельными собственниками, сравнительно легко могли расставаться с этой собственностью в обмен на защиту патрона.

Во вторых, Египет был житницей империи, египетские патроцинии могли прямо или косвенно поставить под угрозу снабжение государства зерном.

Борьба государства против патроциниев, первым законодательным отражением которой является конституция Констанция от 360 г. (Cod. Theod., XI, 24, 1), не увенчалась успехом, и в 415 г. государство по существу было вынуждено капитулировать, правда, обеспечив в какой-то мере свои фискальные интересы¹⁹. Исходя из того что конституция 415 г. упразднила термин «патрон» (в папирусах он действительно больше не встречается) и что Юстиниан не включил в свой кодекс титул «De patrociniis vicorum», А. Джонсон и Л. Уэст²⁰ решили, что государство одержало верх. Эта точка зрения вызвала возражение со стороны ряда ученых, в том числе и с нашей стороны. К доводам, приведенным в нашей рецензии на книгу А. Джонсона и Л. Уэста²¹ (а именно, что в законодательстве Юстиниана есть статьи, направленные против патроциниев, и что рост крупного землевладения имел место), можно еще добавить указание на дарование права автопрагии отдельным деревням и на наличие в папирусах термина *prostacia*, одно из значений которого вполне адекватно латинскому *patrocinium*.

Итак, можно считать, что патроцинии, вероятно, в скрытой форме (см. P. Lond., V, 1796) продолжали предоставляться и после 415 г. В связи с этим возникает вопрос, какую эволюцию прошли патроцинии в течение своего двухвекового документально зафиксированного существования. Этому вопросу посвятил интересную статью венгерский исследова-

¹⁷ Это подчеркивает А. П. Каждан (О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи. ВДИ, 1953, № 3, стр. 103).

¹⁸ Подробней см.: А. С. Johnson, L. C. West. Byzantine Egypt: Economic Studies. Princeton, 1949, p. 19 sq.

¹⁹ Cod. Theod., XI, 24, 6. В толковании отдельных частей конституции нет единогласия среди ученых (см. L. Harmand. Le patronat sur les collectivités publiques des origines au Bas Empire. Paris, 1957, p. 449₁₃), что же касается общей ее оценки, то она не вызывает особых разногласий (исключения составляют взгляды А. Джонсона и Л. Уэста).

²⁰ А. С. Johnson, L. C. West. Byzantine Egypt..., p. 22, 28, 32, 48; cf. A. C. Johnson. Egypt and the Roman Empire. Ann. Arbor, 1951, p. 83.

²¹ ВДИ, 1952, № 2, стр. 197.

тель Д. Дионди, содержащую ряд тонких наблюдений и оригинальных выводов. К разбору предлагаемой им периодизации патроциниев мы сейчас и переходим.

По мнению Д. Дионди, развитие патроциниев делится на три периода, или фазы: 1) период зарождения патроциниев, когда патроны оказывали патронируемым защиту от притеснений фиска и чиновников; 2) период окончательного оформления и укрепления патроциниев, когда происходит переход от отдельных случаев оказания помощи к постоянным отношениям зависимости; 3) период, характеризуемый обращением патронируемых за помощью к императору или к другим крупным землевладельцам против собственных патронов²².

Первый период устанавливается им на основе анализа BGU, I, 23 (II—III вв.), P. Cair. Isidor., 68 (нач. IV в.) и архива Авинья, второй — путем анализа P. Ross. Georg., III, 8 (IV в.), а третий — посредством разбора ряда папирусов VI в., о которых речь будет идти ниже.

Сама по себе подобная периодизация не может вызвать возражений, поскольку, логически рассуждая, вполне можно допустить, что патроцинии прошли через фазу зарождения, оформления и расцвета и, наконец, разложения. Необходимо, однако, проверить, насколько логическая схема подтверждается источниками, в частности папирусами.

Прежде всего нельзя согласиться с утверждением Д. Дионди, что в BGU, I, 23 (как показал Н. Льюис, документ относится к рубежу II и III вв.)²³ говорится о патроцинии, т. е. нельзя принять его предположение отнести начало патронатного движения к периоду, отстоящему более чем на 1,5 века от даты первой императорской конституции (360 г.). Как уже было сказано, не любое покровительство следует считать патроцинием. В BGU, I, 23 содержится жалоба трех (а не четырех, как у Д. Дионди) лиц на некоего Пасиона, занимающего, по-видимому, военно-полицейскую должность²⁴, о том, что он оказывает покровительство четырем своим братьям и другим лицам²⁵, взыскивает налоги с деревень, сам же обрабатывает земли в других деревнях и за них не платит. Судя по всему, мы имеем дело с нередким засидельствованным в источниках фактом злоупотребления властью в личных интересах и интересах членов семьи. Кто эти «другие», которым он покровительствует, неизвестно, возможно, что они упомянуты только для отягчения вины Пасиона. Действия Пасиона, который вряд ли был, как утверждает Д. Дионди, куриалом²⁶, не позволяют видеть в нем патрона (термин в тексте не упоминается) в указанном нами выше смысле.

В P. Cairo Isid., 68, так же как и в BGU, I, 23, встречается слово *σχεπέσειν* и отсутствует термин «патрон», но, согласно данному тексту, покровительство оказывает не одно лицо, а четыре. Один из них — *γραμματεὺς τῆς κώρης*, профессия или положение остальных лиц не указано. Хотя об-

²² Другую интересную периодизацию предложил Р. Ремондон, исходя из социальной принадлежности патронов. По его мнению, можно установить следующую последовательность: патронат военных (сер. IV в.), патронат курИАЛЬНОЙ аристократии (вторая половина IV в.) и, наконец, с царствования Феодосия II патронат бюрократии *officia*, из числа которой постепенно выделяется несколько семей египетской «знати». В определении этой последовательной смены слоев большую роль сыграла политика Константинополя (R. R é m o n d o n. Papyrologie..., p. 173—174).

²³ N. L e w i s. Miscellanea papyrologica. ChE, XXIX, N 58, 1954, p. 292.

²⁴ О термине *κολλητιών*, который Д. Дионди вслед за издателем и NB (Namenbuch... bearbeitet und hrsg. von F. Preisigke. Heidelberg, 1922) принимает за имя собственное, см. N. L e w i s. Op. cit., p. 292, где дана литература, а также J. S a u e n a i l l e. Influence latine sur le vocabulaire grec d'Égypte. — ChE, XXVI, 1951, p. 397 и S. D a r i s. Il lessico latino nella lingua greca d'Égipto. — «Aegyptus», XL, 1960, p. 222.

²⁵ Стк. 11 *καὶ ἄλλους σκεπέσει* пропущена в приводимом Д. Дионди (G. D i ó s d i. Zur Frage..., S. 60₁₀) тексте BGU I, 23.

²⁶ См. F. O e r t e l. Die Liturgie. Studien zur ptolemäischen und kaiserlichen Verwaltung Ägyptens. Leipzig, 1917, S. 133 и N. L e w i s. Op. cit., p. 292.

ста
те
га
ра
ны
во.

зы

кр

к

ро.

см

ар.

ду

ня

заг

ре

нос

ест

ств

но

нат

сны

кол

тел

етс

пат

ще

дам

Ма

Ми

нил

сво

нов

име

stitt

и ль

стр.

точк

R. F

stan

в од

хара

к час

эти

сипа

эксп

чени

тори

р. 68

XXV

ратн

Ann

пере

куме

становка и предъявленное им автором жалобы обвинение в покровительстве тринадцати жителям деревни дают некоторые основания полагать, что речь идет о патронатных отношениях, отсутствие данных, характеризующих взаимоотношения между покровителями, с одной стороны, и между покровителями и покровительствуемыми — с другой, не позволяют утверждать это с уверенностью.

Что же касается Авиннея, то ряд корреспондентов действительно называл его патроном, к тому же он военачальник, т. е. принадлежал к кругу лиц, из которых в это время выходили патроны²⁷; в ряде случаев к нему обращались с просьбами, с которыми обычно адресовались к патрону. Вопрос о том, можно ли считать Авиннея патроном в подлинном смысле, давно дебатруется в литературе, и в связи с переизданием его архива в 1962 г. эта проблема снова стала предметом обсуждения. По ряду соображений, которые мы изложили в другом месте²⁸, мы все же склоняемся к мнению, что Авиннея нельзя считать патроном в указанном в законодательстве значении²⁹. Следует, однако, признать, что частое употребление слова «патрон»³⁰ в середине IV в. говорит о том, что патронатное движение приняло к этому времени широкий размах. Это вполне естественно, поскольку деятельность Авиннея непосредственно предшествует первой императорской конституции (360 г.). Мы полагаем, что именно середине, в крайнем случае первую половину IV в., следует считать началом патронатного движения, а не рубеж II—III вв., и это легко объясняется особенностями эволюции египетских аграрных отношений, о которых говорилось выше. Первым же несомненным документом, свидетельствующим о патронии, причем о патронии целой деревни, является P. Ross. Georg., III, 8, который следует отнести к уже развитой форме патронии и который мы понимаем одинаково с Д. Диопди.

В обоснование своего вывода, что третья фаза характеризуется обращением за помощью к императору или к другим крупным землевладельцам, Д. Диопди приводит следующие основные³¹ доводы: 1) P. Cairo Masp., I, 67002 содержит жалобу жителей деревни Афродито на действия Мины, управляющего имением Апионов, а P. Cairo Masp., I, 67024 сохранил ответ императора, в котором Юстиниан обещает взять деревню под свою защиту (стр. 66—67); 2) в числе поручительств за приписных колонов, содержащих обязательство, что колоны не покинут свои держания, имеются три документа, относящиеся к хозяйству Апионов, в которых

²⁷ К вопросу о патронате военных см.: R. G a n g h o f f e r. L'évolution des institutions municipales en Occident et en Orient au Bas Empire. Paris, 1963, p. 227 (там и литература).

²⁸ И. Ф. Ф и х м а н. Египетский архив середины IV в. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 302—304.

²⁹ См. также: Н. B r a u n e r t. Die Binnenwanderung, S. 421. Противоположная точка зрения особенно отчетливо высказана Р. Ремондоном в ряде работ, в особенности R. R é m o n d o n. Militaires et civils dans une campagne égyptienne au temps de Constance II. — «Journal des Savants», 1965, p. 132—143.

³⁰ В P. Herm. Rees, 14 (конец IV в.) из четырех лиц, находившихся, по-видимому, в одинаковом отношении к адресату, три называли его патроном, один — сыном.

³¹ Д. Диопди указывает еще на ряд фактов, свидетельствующих о феодальном характере развитого патронии (наличие вуккелариев, частных тюрем, стремление к частному судопроизводству и т. д.) (G. D i ó s d i. Zur Frage... S. 67). Все это верно, но эти факты свидетельствуют только о силе крупных землевладельцев и об их способности справиться с непокорными. Единственная возможность избавиться от непосильной эксплуатации заключалась в бегстве, но и оно не всегда приносило ожидаемого облегчения. Колона могли поймать и посадить в тюрьму (о заключении беглых колонов в тюрьму см. E. R. H a r d y. The Large Estates of Byzantine Egypt. New York, 1931, p. 69—70), он сам мог быть вынужден обстоятельствами вернуться обратно (см. P. Оху., XXVII, 2479 — просьба колона, находившегося три года в беггах, принять его обратно). Утверждение А. Джонсона (A. C. J o h n s o n. Egypt and the Roman Empire. Ann Arbor, 1951, p. 170³³), что P. Оху., XVI, 2055 (VI в.) свидетельствует о возможности перехода держателей из одного имения в другое, опровергается самим заглавием документа: Γῦσ(τς) γεωργ(ων) φυγ(όντων).

прямо указывается, что колонны не будут прибегать к какому бы то ни было патроцинию (*προστασία*). Это *Cairo Masp.*, III, 67296³²; 67297³³; 67334³⁴ (все VI в.). То, что это условие встречается три раза, заставляет предполагать, что с такой возможностью приходилось считаться. В это время патроциний из средства защиты от государства превратился в средство защиты от крупных землевладельцев^{34а}.

Рассмотрим эти документы. Мина из *P. Cairo Masp.*, I, 67002 ничего общего не имеет с Миной, столь часто упоминаемым в документах Апионов. В то время как последний является, по всей вероятности, рабом (*οἰκέτης*), представляющим своего господина при заключении сделок, первый — свободный и выступает в качестве пагарха (*Ι6: τὸ λαμπροτάτου σκριμαρίῳ [κ]αὶ παγαρχῶ*). Если он и был управляющим имением, то, как полагает Х. И. Бэлл, основываясь на *P. Lond.*, V, 1660₇₋₈, управляющим имением Патрикии³⁵. Но это единственное упоминание Мины в этом качестве относится, по-видимому, к 553 г., в то время как *P. Cairo Masp.*, I, 67002 по новой датировке, предложенной его издателем Ж. Масперо³⁶ и принятой таким блестящим знатоком папирусов из Афродито, как Х. И. Бэлл, следует отнести к 567 г.³⁷ К этому времени Мина вполне уже мог не быть управляющим Патрикии, на что указал Х. И. Бэлл³⁸. Во всяком случае, в *P. Cairo Masp.*, I, 67002, документе длинном и многословном, нет прямых указаний на то, что Мина выступал в качестве представителя крупного землевладельца. Основное обвинение, которое ему предъявляется (что было отмечено еще издателем³⁹), заключается в том, что Мина, будучи пагархом, позволил себе нарушить права автопрагии, предоставленные деревне Афродито. Все бесчинства, приписываемые ему, были следствием желания Мины сломить сопротивление деревни, в чем он был заинтересован, разумеется, и из чисто материальных соображений. Как показывают источники, еще до конфликта с Миной деревня Афродито отдалась под покровительство императрицы Феодоры, поскольку право автопрагии оказалось недостаточной защитой. Следовательно, даже если допустить, что Мина был еще и в это время представителем крупного имения, то его действия следует понимать не как акт насилия над собственными колоннами, которые вынуждены искать защиты у императора (толкование Д. Диошди), а как притеснение жителей деревни, не находящейся в зависимости от данного крупного землевладельца. Нельзя утверждать и того, что императорский рескрипт, сохранившийся в *P. Cairo Masp.*, I, 67024, был результатом обращения к императору с жалобой на действия Мины как представителя патрона, поскольку ответ Юстиниана хронологически предшествует событиям, изложенным в *P. Cairo Masp.*, I, 67002⁴⁰. Притеснителями являлись некий Феодосий (стк. 8), интриги которого оказались сильнее императорских распоряжений (стк. 15—16), и пагарх Юлиан, а не Мина. Документы из Афродито свидетельствуют о наступлении местных властей и крупных землевладельцев на

³² Стк. 11: ἀνεὸ οἰαδῶν ὑπὸτε προστασίας.

³³ Стк. 9—10: ἐκτίς... οἶον δῶν ὑπὸτε προστασίας (читать: οἰαδῶν ὑπὸτε προστασίας).

³⁴ Стк. 8: ἐφ' οἱ[α]νδῶν ὑπὸτε π[ρο]στασίαν.

^{34а} G. D i ó s d i. Zur Frage..., S. 68—69.

³⁵ Введение к *P. Lond.*, V, 1660 (стр. 22).

³⁶ J. M a s p e r o. Les Papyrus Beaugé. — BIFAO, X, 1912, p. 140—142.

³⁷ Х. И. Бэлл полагал даже, что папирус можно датировать началом 568 г. [*P. Lond.*, V, 1663, прим. к стк. 1; *P. Lond.*, V, 1674 (введение)]. В более поздней работе (H. I. B e l l. An Egyptian Village in the Age of Justinian. — JHS, LXIV, 1944, стр. 24, 33) он датирует документ 567 г.

³⁸ Введение к *P. Lond.*, V, 1660.

³⁹ J. M a s p e r o. Études sur les Papyrus d'Aphrodité. I. Un procès administratif sous le règne de Justinien. — BIFAO, VI (1908), p. 89—90.

⁴⁰ По всей вероятности, *P. Cairo Masp.*, I, 67024 следует датировать 551 г. о хронологии событий см. R. G. S a l o m o n. A. Papyrus from Constantinople (*Hamburg Inv. N 410*). — JEA, XXXIV, 1943, p. 103—106.

свободные деревни, которым не всегда помогает ни право автопрагии, ни даже покровительство могущественного, но все же находящегося далеко императорского дома, т. е. рисуют картину, показывающую силу крупных землевладельцев, не столько обеспокоенных необходимостью преодолеть сопротивление собственных колонов, сколько полных желания расширить круг зависимых от них лиц и увеличить свое состояние любым путем.

Переходим к поручительствам. Среди договоров о поручительстве, принадлежащих к типу *ἐγγύη εἰς παράστασιν* или *παράστασις* (Gestellungsbürgschaft), сущность которых заключалась в том, что поручитель принимал на себя обязательство обеспечить постоянное пребывание поручаемого в условленном месте и представлять его по требованию (или в определенный срок), выделяется большая группа документов, относящихся к крупным имениям, главным образом светским. Это в первую очередь почти однотипные⁴¹ поручительства из архива Апионов⁴².

К числу этих документов, Д. Диопди относит, как указывалось, P. Cairo Masp., III, 67296, 67297 и 67334, в которых действительно упоминается об отказе от обращения к патроцинию. Но, к сожалению, и эти папирусы также не имеют никакого отношения ни к крупному имению, ни тем более к Апиону⁴³. Все поручительства происходят из Афродито и адресованы рипарию деревни Афродито, а не представителю крупного имения⁴⁴. Ручаются в этих документах не за колонов, а за лиц других категорий⁴⁵. Мы видим, таким образом, что патронат еще не потерял своей привлекательности.

Итак, имеются все основания полагать, что наличный папирологический материал не позволяет утверждать, что VI век характеризуется обращением колонов за помощью к императору или к другим землевладельцам против собственных патронов. Случаи бегства колонов были, бывали, возможно, и отдельные случаи обращения с просьбой оказать защиту против собственных патронов к императору или к другим землевладельцам. Однако эти обращения не представляли столь массового яв-

⁴¹ Исключение: SB VI, 9152 (492 г.) и P. Vars., 30 (571 г.). Образцом принято считать неоднократно переиздаваемый и переводимый P. Oxy., I, 135 (=W. Chrest., 384=Jur. Pap., 51=Sel. Pap., I, 26 = FIRA III, 13 (579 г.), которому посвящена большая литература.

⁴² SB, VI, 9152 (492 г.); P. Lond., III, 778 (568 г.); P. Vars., 30 (571 г.); P. Oxy., I, 135 (579 г.); PSI, I, 59 (582 г.); P. Oxy., VI, 996 (584 г.); XXVII, 2478 (595 г.); I, 200 (VI в.); XVIII, 2203 (?) (VI в.); PSI, III, 180 (?) (VI—VII вв.); 61 (609 г.); P. Oxy., XXIV, 2420 (610 г.); PSI, I, 62 (612 г.); P. Oxy., XVI, 1979 (613 г.), возможно, и P. Heid., 248 (VI—VII вв.). Не во всех перечисленных документах идет речь о колонах, но колоны представляют подавляющее большинство лиц, за которых дается поручительство. Список, приводимый Д. Диопди (G. D i ó s d i. Op. cit., p. 68₅₃), с одной стороны, неполный (P. Oxy., XXVII, 2478 и P. Heid., 248 не могли быть им учтены), с другой — в него включены документы, не относящиеся к крупному имению: P. Oxy., XII, 1426; P. Oslo, III, 113; PSI, VIII, 932; P. Cairo Masp., III, 67296; 67297; 67334. Некоторые из этих документов и хронологически не относятся к тому периоду, который Д. Диопди считает третьей фазой развития патроциниев (P. Oxy., XII, 1426—332 г.; P. Oslo, III, 113—346 г.).

⁴³ Издатель (во введении к P. Cairo Masp., III, 67296) сравнивает его (и вполне справедливо) с P. Cairo Masp., I, 67094 и II, 67252, а не с P. Oxy., I, 135, который ему, несомненно, был известен.

⁴⁴ Это прямо указано в P. Cairo Masp., III, 67296 и 67297. Соответствующее место не сохранилось в P. Cairo Masp., III, 67334, но, судя по титулу, упоминаемому в стк. 9 *παρά τῆς οἰκ[ῆ]ς ἐντροχίας*), преимущественно применяемому к рипарию, также имеется в виду рипарий. См., напр., P. Cairo Masp., I, 67094₁₄; 67092₁₂; III, 67328, IV₁₈; P. Flor., III, 284₁₀; возможно, и PSI, VIII, 932₁₁. В документах из архива Апионов стоит обычно *παρά τῆς οἰκ[ῆ]ς ὑπερφορίας*.

⁴⁵ В P. Cairo Masp., III, 67296 идет речь о пчеловодах (стк. 7), причем без уточнения *ἐναπύραφοι*, в P. Cairo Masp., III, 67297 — о золотых дел мастерах (стк. 7), в P. Cairo Masp., III, 67334 соответствующее место не сохранилось, но дошедшая часть папируса очень близка по формулировкам к первым двум документам.

ния, чтобы их можно было считать характерной чертой целой фазы в развитии патроциниев, да и вряд ли они были характерны только для этой фазы ⁴⁶.

Подводя итоги сказанному, мы приходим к следующим выводам.

1. Началом интенсивного развития патроциниев в Египте следует считать середину или по крайней мере первую половину IV в. Патроцинии развивались столь быстро, что в этом же веке мы наблюдаем вполне развитые их формы. Первым несомненным свидетельством о *patrocinium vicorum* является P. Ross. Georg., III, 8.

2. Императорское законодательство не приостановило развития патроциниев, а только внесло известные модификации в практику оформления патроциниев в обход законодательства и, возможно, несколько замедлило темпы процесса.

3. VI век нельзя считать периодом борьбы против патронов при помощи других лиц, в том числе императора. Данные папирусов и законодательства говорят скорее об укреплении мощи крупных землевладельцев и об их стремлении расширить свои владения и круг зависимых от них лиц.

⁴⁶ Об использовании множества патронов одним и тем же лицом в зависимости от обстоятельств см. L. H a r m a n d. Le patronat..., p. 462—463; R. R é m o n d o n. Militaires et civils ..., p. 142.

Б
Г
Г
П
Л
З
Т
Н
Д
К
О
С
Ш
Т
О
—
Н
А
19
И
К
И
VI

Е. Э. ЛИПШИЦ

К ИСТОРИИ «ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ЗАКОНА» В ВИЗАНТИИ
И В СРЕДНЕВЕКОВЫХ БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Византийский Земледельческий закон принадлежит к числу наиболее популярных памятников средневекового обычного права стран Юго-Восточной Европы. Большое число списков этого интересного юридического источника в греческом оригинале и в славянских переводах хранится в рукописных собраниях многих крупнейших хранилищ СССР и зарубежных стран. Часть этих рукописей Земледельческого закона датируется тем временем (XVI—XVIII вв.), когда Византийская империя уже не существовала. Большинство же (около 100) относится к XI—XV вв.¹ Само собой разумеется, что такое исключительное внимание к этому памятнику не могло быть случайным. Хотя мы и не располагаем прямым свидетельством о практическом применении норм Земледельческого закона в Византии при судопроизводстве, все же есть основания считать, что его многочисленные копии вызваны к жизни требованиями практики².

В течение последних десятилетий изучению Земледельческого закона было уделено в византиноведении значительное внимание. Однако в центре исследований при изучении этого источника стояли, что и естественно, главным образом вопросы исторического характера, проблемы датировки памятника и его роли в социально-экономической жизни Византии. Анализ содержания Закона служил в первую очередь целям уяснения отразившихся в нем аграрно-правовых отношений VI—IX вв.

При всей важности этой проблематики, думается, она не исчерпывает того круга вопросов, который ставит перед исследователями этот сложный источник. Заслуживает особого внимания и изучения его необычно долгая жизнь (вплоть до XVIII столетия). Важно, думается, выяснить, в каком направлении шла переработка текста Закона по мере изменения общественно-правовых отношений и в самой Византии, и в тех Балканских государствах, где Земледельческий закон был принят в период существования Византийской империи и позднее. Проблемы изучения истории византийского права и в послевизантийское время, разумеется, очень широки и сложны. Поставленная нами задача является лишь од-

¹ W. A s h b u r n e r. The Farmer's Law. — JHS, v. XXX, 1910, p. 86. О рукописной традиции Земледельческого закона см.: J. de M a l a f o s s e. Les lois agraires à l'époque byzantine. Tradition et exégèse. — «Recueil de l'Académie de Législation», 49. Toulouse, 1949.

² Интересные соображения в пользу этого взгляда были в свое время высказаны известным канонистом А. С. Павловым: А. С. П а в л о в. Византийские «Книги Законые в древне-русском переводе». Сборник Отделения Русского языка и словесности имп. Ак. наук, т. 38, СПб., 1885, стр. 34—35.

³ Ср. Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первой половины IX в. М.—Л., 1961, где приведена литература вопроса.

ним из звеньев в длинной цепи вопросов, которые встают при исследовании этой большой проблемы. Некоторые сделанные здесь наблюдения, надо думать, окажутся небесполезными при ее решении.

Нами были обследованы и сопоставлены друг с другом семь различных версий Земледельческого закона:

1. Греческий текст Закона, изданный критически В. Эшбернером в 1910 г. — наиболее близкий к несохранившемуся и условно конструируемому оригиналу⁴ (далее — З. з.).

2. Переработанный текст «Земледельческих законов», являющийся приложением к Шестикнижью фессалоникского номофилака Константина Арменупула, составленному в 1345 г.⁵ Вопрос о том, был ли этот вариант текста Земледельческого закона создан самим Арменупулом, или был присоединен к Руководству Арменупула кем-либо другим, остается открытым⁶. Во всяком случае, этот вариант текста Закона возник не позднее XV столетия. Он входит в состав приложений к «Шестикнижью» Арменупула, в том числе и тех, которые относятся к XV в.⁷ (далее — Арм.).

3. Новогреческий текст Земледельческого закона, написанный Николаем Кунали Христопулосом в 1498 г., переписанный протонотарием Константинопольской церкви в 1744 г. и впервые изданный Алексеем Спаносом в Венеции в 1844 г.⁸ (далее — Сп.).

4. Сербский перевод статей Земледельческого закона, включенных в так называемый «Закон царя Юстиниана»⁹ (далее — З. ц. Ю.).

5. Сербский перевод Земледельческого закона по рукописи Хиландарского монастыря на Афоне № 466, относимой опубликовавшим этот текст Дж. Радочицем к началу XV в.¹⁰ (далее — Срб.).

6. Румынский текст статей Земледельческого закона, вошедших в состав Молдавского и Валашского законодательства, изданного в 1646 и 1652 гг., переведенного в свое время Лонжинеску и Патронье, исследованного Дину Арионом в 1929 г. и критически переизданного Румынской Академией наук в 1961 г.¹¹ (далее — Рум.).

7. Славяно-русский перевод Земледельческого закона, изданный А. С. Павловым по рукописи XV в. с разночтениями из двух рукописей XV и XVI вв.¹² (далее — Слав.-рус.).

Остановимся прежде всего на тех изменениях, которые внесены в первоначальный текст в версии, приложенной к Руководству Арменупула. Уже при первом взгляде бросается в глаза ее большой объем. Вместо прежних 85 статей мы находим в ней 103 статьи. Редакция Арм. отличается и самым характером расположения материала. Если в древнейшем тексте Закона статьи следовали друг за другом без какой-либо строго выдержанной системы, и весь текст носил на себе отпечаток, свойственный памятникам обычного права, то с Арм. дело обстоит совсем по-другому. Весь материал систематизирован по-новому, статьи распределены по десяти титулам строго тематически. В некоторых списках Руководства тексту Закона предпослано введение, полностью отсутствующее в древ-

⁴ W. Ashburner. Op. cit.

⁵ Constantini Armenopuli Manuale Legum cum legibus agrariis illustravit G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851.

⁶ Ibid., p. XV—XVI.

⁷ W. Ashburner. Op. cit., p. 86.

⁸ Dinou C. Arion. Le nomos georgikos et le régime de la terre dans l'ancien droit roumain jusqu'à la réforme des Constantin Mavrocordat. Paris, 1929, p. 109—160.

⁹ Г. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Стефана Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888, стр. 448—492.

¹⁰ Дж. Радочиц. Српски рукопис Земљорадничког Закона. — ЗРВИ, 3. Београд, 1955, стр. 15—28.

¹¹ Dinou C. Arion. Op. cit.; Carte romineasca de Invatatura. Editie critica. Bucuresti, 1961, p. 54—65; cf. p. 199—214.

¹² А. С. Павлов. Указ. соч., стр. 41—62.

нейшей версии. Поскольку это «Введение» повторяет в довольно мало вразумительной форме положения, имеющиеся во второй книге Руководства Арменопула, создается впечатление, что оно не могло быть составлено самим автором Руководства¹³. Во «Введении» в краткой форме воспроизведены некоторые положения более ранних законодательных памятников общего характера: «О делениях вещей», «О приобретении права собственности». Нельзя не обратить внимания, однако, на то, что конкретные примеры, заимствованные автором «Введения» из этих источников, имеют весьма отдаленное отношение к содержанию Земледельческого закона. Поэтому «Введение» никак нельзя признать органической частью его текста.

Помимо включения в текст Закона новых статей в некоторые из старых внесены подчас существенные изменения. Попробуем выяснить те основные направления, по которым шли эти изменения и дополнения. Их вряд ли можно считать случайными. Напротив, забегая вперед, можно сказать, что они придали существенно иную окраску этой новой версии Земледельческого закона. Как показывает сопоставление текстов, именно эта новая версия оказалась в позднейшие времена более жизнеспособной, чем старая.

Прежде всего, при сопоставлении друг с другом аналогичных по своему содержанию статей старой и новой редакций Земледельческого закона, бросается в глаза тенденция к усилению наказаний за некоторые правонарушения в Арм. В древнейшем тексте (З. з., ст. 57) виновный в поджоге чужого холма (в вариантах «границы» или «кровли») и в порубке чужих деревьев подлежал наказанию штрафом в двойном размере за нанесенный ущерб. В Арм. (ст. VIII, 2) это наказание было сочтено недостаточным. Виновный должен был быть подвергнут клеймению руки. Аналогичное же усиление наказания за поджог и уничтожение чужих деревьев мы находим в Слав.-рус., ст. 55: «Аще кто жьжет лес чужіи, или сѣчет деревіе чужее, соугоубо да осуженъ боудеть и роука его знаменана боудеть». Из Арм., ст. VIII, 2 исходит и Рум., ст. VIII, 77, где статья, однако, несколько переработана. В ней речь идет о разведении огня в чужом лесу и о поджоге чужих деревьев. За эти преступления и по румынской версии виновник карается двойным штрафом и клеймением руки. То же наказание предусмотрено и в Сп., ст. VIII, 2. В Срб., ст. 54 никаких отступлений от древнейшего греческого текста не наблюдается. В З. з., ст. 70 так же, как и в Арм. V, 4, речь идет о лицах, виновных в том, что они пользуются неправильной (уменьшенной) мерой для вина или зерна. В обоих вариантах текста наказанием являются плети. Однако в то время, как в древнейшем тексте говорится просто о наказании плетью, в Арм., ст. V, 4 предусмотрено «сильное» наказание плетью. Эта деталь повторена и в трех других версиях (Сп., ст. VIII, 4; Рум., ст. VIII, 57; Слав.-рус., ст. 68), Срб., ст. 67 и в данном случае следует за древнейшим текстом. В З. ц. Ю. аналогичных статей нет.

Тенденции к более строгой защите прав собственности, а также к борьбе с самоуправством при конфликтах выражены с большей яркостью и в дополнительных статьях Арменопуловской редакции Закона. Следует сказать, что все эти статьи основаны на законоположениях, восходящих к законодательству Юстиниана. Частью эти статьи дополняют и уточняют те постановления, которые имелись уже в древнейшем тексте Закона. Другие же вводят новые постановления, отражающие те коренные изменения, которые произошли в византийском обществе за шестьсот лет.

¹³ Текст этого Введения, как и соответствующих статей второй книги Шестикижия Арменопула, основан на статьях Gai Inst., II, 66—68; Inst. Just., II, I, 12; Dig., 42, I, 1—5; Basil., 50, I, 1—4.

К числу статей, уточняющих старые постановления, относится статья Арм., ст. VII, 5, говорящая о рубке чужих деревьев. Она примыкает по своему содержанию к рассмотренным нами статьям о поджоге и рубке деревьев (З. з., ст. 57 и Арм., ст. VIII, 2). В новой статье Арм., ст. VII, 5 говорится, что «срубающие деревья, и в особенности — виноградную лозу, наказываются как разбойники». Далее рассматривается вопрос, ко всякому ли дереву относится это запрещение. Законодатель указывает, что под «деревом» подразумевается лишь жизнеспособное дерево: «Деревом же называется виноградная лоза или плющ, или тростник, или верба. То, что не имеет корней, не называется деревом; не называется им и такое, у которого корни высохли, хотя бы оно и стояло. Если же его можно посадить (собственно — пересадить), оно считается деревом. И корни маслины считаются деревом, и если их срубили, каждый из виновников отвечает в полном объеме». Дополнением к этой статье является следующая (Арм., ст. VII, 6), возлагающая ответственность и на того, кто срубил дерево не сам, но поручил это сделать другому — «рабу или свободному». Поскольку уже в древнейшем тексте Земледельческого закона имелся ряд статей, запрещающих под страхом отсечения руки самовольно рубить виноградную лозу и другие деревья (З. з., ст. 80) или выкорчевывать их (З. з., ст. 59), эти дополнительные статьи кажутся инородными в тексте Закона. Ведь все статьи древнейшего текста сохранены в Арменопуловской редакции (ср. Арм., ст. VII, 3 и 4). Рассмотренные выше две новые статьи, заимствованные из более ранних законодательных сборников (Bas., 60, 16,2; 5; Dig., 47, 7,2; 3), восходящих к комментариям Гая и Ульпиана, по-видимому, потребовались для того, чтобы более точно дифференцировать степень правонарушения и соответственно — наказания. Одно дело, если срубается плодоносное или жизнеспособное дерево, другое — если уничтожается мертвое. Весьма вероятно, что с такими правонарушениями судьям приходилось очень часто сталкиваться на практике. Поскольку закон в этой новой редакции, вероятно, был построен по образцу всего «Руководства» Арменопула, включившего самые нужные для судей постановления, разбросанные по различным законодательным сборникам, введение этих статей являлось необходимым для правильного разрешения конфликтов.

Любопытно, что эти статьи вошли и в состав позднейших обработок Земледельческого закона. В Рум. три статьи (72, 73 и 74) повторяют в краткой и четкой форме обе статьи Арменопуловской редакции и статью обеих версий о рубке виноградных лоз (З. з., ст. 59 — Арм., ст. VII, 4). Текст Арм. включен и в поствизантийскую версию (Сп., ст. VII, 5). Ни в обоих сербских переводах Земледельческого закона, ни в славяно-русском мы подобных дополнений не находим. Эта более точная дифференциация преступлений свидетельствует о более высокой степени судебного разбирательства.

Таким образом, в Арм. редакции сделана не только новая внешняя систематизация материала, но и вводятся новые постановления для более всестороннего рассмотрения круга вопросов, связанных с темой данного титула.

Большое внимание уделено в этой версии закона вопросам защиты собственности. В титул, посвященный потравам, включено несколько новых статей (дополняющих те, которые были в древнейшей версии), со ссылками на закон Аквилія. Преследуя самоуправство в обращении с чужими животными и жестокость, которая может вызвать их смерть, законодатель, опираясь на закон Аквилія, предлагает владельцу участка в случаях обнаружения на нем чужого скота возбуждать иск против хозяина животных для взимания с него штрафа в двойном размере (Арм., ст. ст. IV, 2; V, 3). Вторая из этих статей, гласящая, что «пасущий незаконно своих овец на чужой земле привлекается по закону Аквилія [к

штрафу] в двойном размере», дополняет существенным образом З.з., ст. 79, соответствующую Арм., ст. V, 2. В этой статье устанавливается, что если кто-либо пасет свой скот после снятия урожая на своем участке, когда на соседних полях урожай еще не собран, и если скот причиняет ущерб соседним виноградникам, то владелец скота присуждается к наказанию 30 плетями и возмещению ущерба потерпевшему.

Совершенно очевидно, что между рассмотренными двумя статьями Арм., ст. V, 2 и Арм., ст. V, 3 имеется существенное различие. В Арм., ст. V, 2, восходящей к древнейшей версии, в принципе не возбраняется пастба скота на чужом участке, если это сделано после снятия урожая. Цель статьи — охрана владельца соседнего участка от ущерба, защита его собственности (урожая). Во второй же — новейшей (Арм., ст. V, 3), отсутствовавшей в древнейшем тексте, цель совершенно иная. Пастба скота на чужом участке воспрещена вообще, если только владелец скота не имеет «законных» прав на тот участок. Цель статьи — защитить собственность на землю от вторжения соседей.

Дополнения, более строго охраняющие права владельца участка, включены и в Сп., ст. IV, 2; V, 3 и в Рум., ст. IV, 48.¹⁴ Во всех прочих версиях этих статей нет.

Следует сказать, что вопросу более строгой защиты права собственности на участки посвящены еще некоторые из дополнительных статей закона, появляющиеся впервые в Арм. версии. Так, в Арм., ст. X, 3 указывается: «если кто-либо засадит чужую землю, потеряет вместе с ней и посаженное». Эта новая статья, подобно другим таким же, восходит к Юстинианову законодательству (Cod. Just., III, 32, 11, а. 293), Сп., ст. X, 3 повторяет статью Арм., ст. X, 3 с тем отличием, что там говорится о чужой земле, засаженной «без согласия владельца». Любопытное дополнение внесено в Рум., ст. X, 88. Там сказано, что на чужой земле запрещается делать не только посадки, но и прививки. Нарушение влечет за собой соответственно потерю не только посаженного, но и привитого.

Заслуживают также внимания две дополнительные статьи Арм., ст. X, 10 и Арм., ст. X, 11. Обе они также опираются на более раннее законодательство. Первая из них основана на постановлениях Cod. Just., IX, 12, 6, а. 317; Dig., 48, 6, 10, 1; 48, 7, 2, 3; Bas., 60, 18. Насильственное вторжение на чужую землю, сопровождавшееся убийством кого-либо, карается, согласно этой статье, смертью (обезглавливанием). Вторая статья строго наказывает за самоуправство при решении спорного вопроса о праве собственности на поле или что-либо иное. Виновный в пренебрежении к суду наказывается потерей не только спорного имущества, но и своего собственного. Арм., ст. X, 11 имеет также прототип в Cod. Just., IX, 12, 7, а. 319; Dig., 60, 18.

Суровость этих дополнительных статей, карающих за самовольное присвоение спорной земли или ее части, выступает особенно ярко, если напомнить, что и в древнейшем тексте, и в Арм. имеется близкая по содержанию статья (З. з., 1; Арм., ст. I, 1), в которой подобное нарушение чужих прав расценивается совсем по-другому. Земледелец, нарушивший чужую границу и уменьшивший долю соседа, согласно этой статье, карается лишь потерей плодов своего труда.

Борьба с самоуправством в Македонии XIV в. была, по всей вероятности, обусловлена тогдашними неблагоприятными историческими условиями. Время создания Арменоцуловской версии закона — середина или вторая половина XIV в. — было весьма беспокойным для этого района¹⁵.

¹⁴ В Рум., ст. IV, 48 нет ссылки на закон Аквиллия.

¹⁵ О политическом и социально-экономическом положении Македонии в XIV в. см. новое исследование Г. А. Острогорского — Серрска област после Душанове смрти. Београд, 1965.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания и на явственно выступающую при сравнении обеих версий тенденцию в Арм. к более строгому ограждению прав собственности на отдельные участки земли. Эта тенденция нашла свое отражение и в некоторых других статьях того же титула Арм. (V, 2; V, 3; V, 5), на что в свое время справедливо указывал уже Б. А. Панченко¹⁶.

На фоне рассмотренных дополнений, которые свидетельствуют о прогрессирующих тенденциях к охране частной собственности на землю, воплотившихся в новой редакции закона, особенно контрастно выглядит новая редакция двух важных статей закона о судьбе участков земли, покинутых крестьянином. Эти статьи неоднократно стояли в центре внимания исследователей древнейшего текста Земледельческого закона.

Напомним содержание этих статей. В статье 18 З. з. указано, что «если земледелец, не имеющий средств для обработки своего поля, бежал и удалился в чужие края, то пусть ответственные перед казной за подати собирают плоды, и не имеет права возвратившийся назад земледелец взыскивать с них что-либо». Эта статья в Арм., I, 13 осталась неизменной, хотя, строго говоря, она вступает в явное противоречие с тем, что говорится в статье Арм., X, 3, где сказано. «Тот, кто произведет посадки на чужой земле, потеряет вместе с ней и плоды», а равным образом и с Арм. X, 2: «Тот, кто на чужой земле построит, посадит или посеет или сделает там что-либо другое, да будет лишен и собственности и не получит никакой компенсации за расходы». Статья 18 З. з. повторяется без изменений не только в Арменопуловской редакции, но и в некоторых других. Так, в тексте Сп., X, 13 она повторена лишь с небольшими изменениями¹⁷. Без существенных изменений она приведена и в сербском и славяно-русском переводах Закона (см. Серб., ст. 16 и Слав.-рус., ст. 18). Любопытно то, что в Рум., I, 14 текст, хотя и переработан частично, но по существу сохранен, так же как и в Арменопуловской версии. В румынском переводе вместо выражения «ответственные перед казной за подати» говорится, что земля, покинутая земледельцем, возвращается господарю или собственнику поместья (*domniei sau a stapinu lui a cui va fi locul*). Сохраняя неизменным смысл статьи, румынский законодатель, однако, исключает как анахронизм возможность использования поля другими такими же крестьянами, как и бежавший член общины. Вместо них владельцем участка становится помещик, который и извлекает из этой земли доход. Из этого текста вытекает также, что собственником земли, включая этот участок, является не земледелец, а помещик. Другими словами, речь идет не о свободном крестьянине — общиннике, как это имелось в виду в древнейшей версии Земледельческого закона, а о крестьянине, сидящем на господской земле. Если он вернется, то так же, как и по древнейшей версии данной статьи, он может получить обратно тот же участок земли; равным образом, как и в древнейшей версии статьи, он не может требовать с тех, кто использовал его землю, какого-либо возмещения.

Следующая, 19 статья З. з. тесно связана с рассмотренной выше 18 статьей З. з. В своем первоначальном виде она гласила: «Если земледелец, бежавший со своего поля, платит ежегодно экстраординарные подати в казну, то пусть собирающие плоды и пользующиеся полем понесут ответственность в двойном размере». Совсем иначе трактована эта статья в Арм., I, 14: «Если земледелец покинул свое поле, пусть платят в казну ежегодно экстраординарные налоги пользующиеся и владеющие полем.

¹⁶ Как отметил Б. А. Панченко, статьи Арм., V, 2; V, 3 и V, 5, добавленные в этой версии, выражают строгое применение римского понятия земельной собственности и принципа *superficies cedit solo* (cf. Dig., 43, 17, 7: «Interdictum uti possidetis»; Bas. 58, 17; Cod. Just. VIII, 6, 1, а. 294-Dig. 17,1). Б. А. П а н ч е н к о. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903, стр. 20.

¹⁷ В Сп., X, 13 речь идет не о поле, а о винограднике и саде.

Если же они не платят, то штрафуются в двойном размере». Таким образом, в первом, древнейшем варианте текста 19 статьи З. з. предусмотрена возможность сохранения права на землю бежавшим земледельцем, если он исправно уплачивает подати. Следовательно, если интересы казны не страдают, законодатель берет такого крестьянина под защиту и даже карает тех, кто воспользовался его участком. В Арм., I, 14 дело обстоит иначе. Цель этой статьи состоит отнюдь не в том, чтобы защитить права на землю бежавшего крестьянина. Возможность уплаты им налогов за время отсутствия вообще не принимается во внимание. Как справедливо указывал в свое время Б. А. Панченко, «позднейшие переписчики или редакторы не представляли себе возможности, чтобы убежавший крестьянин сохранял за собой права собственности»¹⁸. Закон считает вполне нормальным использование земли соседями и переход к ним владения. Если последние не будут исправно платить налоги, они караются в двойном размере.

Нетрудно увидеть, что эта версия статьи вступает в решительное противоречие с отмеченной нами выше общей тенденцией Арменопуловской версии к более строгой защите права собственности на землю отдельных лиц, чем то было в древнейшей версии.

Это противоречие, думается, легко находит себе объяснение в том, что новая редакция имеет в виду, в отличие от древнейшей, регламентацию правоотношений уже не свободных крестьян, а таких, которые в своем большинстве были прикреплены к земле. Бегство с земли поэтому расценивается в Арм. как нарушение закона. В том, что это так, нас убеждает дополнительная статья (Арм., I, 17) «О неприеме чужих крестьян». Какого-либо аналогичного постановления мы в древнейшей версии не имеем. Опираясь и здесь на Юстинианово законодательство, закон предписывает: «Пусть никто не принимает чужого крестьянина. Если же примет, то пусть возвратит его в имение, которое тот покинул. И если тот, кто его принял, имеет притязание на крестьянина, пусть дело будет им передано на рассмотрение архонта. Если же он пренебрег этим, пусть заплатит в казну двенадцать литров серебром и двойную сумму собственнику имения. И таким образом припуждается архонтом вернуть крестьянина со всем возмещением за нанесенный ущерб и вред и вместе с пекулием его» (ср. Cod. Just., XI, 48,6, а. 366; XI, 48, 12,2).

Эта важная статья повторена с небольшими изменениями и в Рум., I, 18, а также и в Сп., I, 187. В последнем, однако, в отличие от текста Арм., I, 17 и Рум., I, 18, нет упоминания о штрафе, уплачиваемом в двойном размере собственнику (в Рум. — *voiarinului*) имения. Ни в обеих сербских версиях, ни в славяно-русской сходных статей нет.

Как правило, версии Рум. и Сп. следуют тексту Арм. редакции и отступают от древнейшего текста, внося подчас немаловажные уточнения и изменения. Так, например, в упомянутой ранее статье Рум., I, 15, соответствующей З. з., 19 и Арм., I, 14, неясный термин «экстраординарные налоги» подробно раскрыт в соответствии с принципами налогообложения более позднего времени как налог, уплачиваемый ежегодно «пропорционально доходу, извлеченному из земли». В тексте Арм., I, 14, как и в более древнем, о таком принципе исчисления налога не говорится ни слова¹⁹.

¹⁸ Б. А. Панченко. Указ. соч., стр. 15.

¹⁹ Обращают на себя внимание также существенные изменения, внесенные в ст. З. з. 56 (ср. Арм., VIII, 1; Сп., VIII, 1; Рум., VIII, 76), влияющие на смысл статьи, важной для характеристики сельского хозяйства и его системы. В то время, как в древнейшем тексте, как и в Серб., 58 и Слав.-рус., 54, речь идет о разведении огня в своем лесу или поле (сербская «ледина», славяно-русское «стернище» или «селище»), в перечисленных выше версиях говорится о разведении огня «близ леса» (Арм., VIII, 1), «на своем хоррафии» (Сп., VIII, 1), «в своем фруктовом саду» (*potatul*, Рум., VIII, 76).

Т а б л и ц а
соответствия версий Земледельческого закона²⁰

З. з.	Арм.	Сп.	З. ц. Ю.	Срб.	Рум.	Слав.-рус.	Примечание
1	I, 1	I, 1	16	1	I, 1 2	1	
2	I, 2	I, 2	25	2	I, 3	2	
3	I, 4	I, 4	18	4	I, 6	3	В З. ц. Ю. по Ходошскому списку
4	I, 3	I, 3	19 *	3	I, 4	4	
5	I, 5	I, 5	18	4	I, 5 *	5	В З. ц. Ю. по Раковецкому списку
6	I, 6	I, 6	20	5 фргм.	I, 7 *	6	
7	I, 9	I, 9	21 *	6 *	I, 10	7	
8	I, 8	I, 8	—	7 *	I, 9 *	10	
9	I, 20	I, 20	22	8	II, 21	9	
10	I, 21	I, 21	—	8	II, 22	8	
11	I, 10	I, 10	—	9	I, 11	11	
12	I, 23	I, 23	23	11	XI, 24	—	
13	I, 22	I, 22	14	10 *	III, 23	12	
14	I, 25	I, 25	16	фргм.	III, 26	13	
15	I, 24	I, 24	15 *	фргм.	III, 25	14	
16	I, 11	I, 11	13 *	15	I, 12 *	15 *	
17	I, 12	I, 12	24 *	—	I, 13	16 *	
18	I, 13	I, 13	—	16 *	I, 14 *	17 *	
19	I, 14	I, 14 *	—	17 *	I, 15 *	18	
20	I, 7	I, 7	—	18 *	I, 8 *	19 *	
21	X, 1	X, 1	—	19	X, 86 *	20	
22	II, 1	II, 1	—	20* фргм.	III, 27	21	
23	III, 2	III, 2	—	21	III, 40	22	
24	III, 1	III, 1	—	22	III, 41	23	
25	III, 3	III, 3	—	23	III, 42	24	
26	III, 4	III, 4	—	24	III, 43	25	
27	III, 5	III, 5	—	25	III, 44	26	
28	III, 6	III, 6	—	26 фргм.	III, 45	27 *	
29	III, 7	III, 7	—	27	III, 46 *	28	
30	II, 2	II, 2	—	28	III, 28	29 *	
31	VII, 2	VII, 2	—	29	VII, 70	30 *	
32	VII, 1 *	VII, 1	—	30	VII, 69	31	
33	II, 3	II, 3 *	—	31	III, 29 *	32	
34	II, 4	II, 4 *	—	32 фргм.	III, 30 *	33	
35	II, 5	II, 5	—	33 *	III, 31 *	—	
36	I, 19	I, 19	—	34	I, 20	34 *	
37	I, 18	I, 18	—	35	I, 19	35	
38	IV, 1	IV, 1	—	36	IV, 47	36 *	
39	VI, 1	VI, 1	—	37	VI, 58 *	37	
40	VI, 2	VI, 2	—	38	VI, 59	38	
41	II, 6	II, 6	—	39 фргм.	III, 32 *	39	

²⁰ Звездочкой отмечены статьи, в которых имеются смысловые отличия от первоначального текста З. з. Стилистические различия в таблице не учтены. В дополнительных статьях, отсутствующих в З. з., звездочкой отмечены статьи, имеющие отличия от Арм.

З. з.	Арм.	Сп.	З. ц. Ю.	Срб.	Рум.	Слав.- рус.	Примечание
42	II, 7	II, 7	—	40	III, 33	40	
43	VI, 3	VI, 3	—	41	VI, 60*	41	
44	VI, 4	VI, 4	—	42	—	42	
45	IX, 1	IX, 1	—	43	IX, 81*	43	
46	IX, 2	IX, 2	—	44*	IX, 82*	44	
47	IX, 3	IX, 3	—	45*	IX, 83*	45	
48	IV, 3	IV, 3	—	46 фргм.	IV, 49	46	
49	IV, 4	IV, 4	—	47	IV, 50	47	
50	IV, 5*	IV, 5	—	48	IV, 51	48*	
51	IV, 6	IV, 6	—	—	IV, 52	49	
52	VI, 5	VI, 5*	—	49	VI, 61*	50	
53	IV, 7	IV, 7	—	50	IV, 53	51	
54	—	—	—	51	—	52	
55	VI, 10	VI, 10	—	52	VII, 66	53	
56	VIII, 1*	VIII, 1*	—	53	VIII, 76	54	
57	VIII, 2	VIII, 2*	—	54	VIII, 77*	55	
58	VIII, 3	VIII, 3*	—	55	VIII, 78	—	
59	VII, 4	VII, 4	—	56	VII, 72	56*	
60	II, 8	II, 8*	10*	57	III, 34*	57	В З. ц. Ю. по Софийскому списку
61	II, 9	II, 9	8* и 9*	58	III, 35	58	В З. ц. Ю. по Софийскому списку
62	II, 10	II, 10*	—	59*	III, 36*	59*	
63	II, 11	II, 11	—	60	III, 37	60	
64	VIII, 4	VIII, 4	—	61	VIII, 79*	61	
65	VIII, 5	VIII, 5	—	62	VIII, 80	—	
66	X, 4	X, 4	—	63	X, 89*	82	
67	I, 15	I, 15	—	64 фргм.	I, 16	62	
68	II, 12	II, 12	—	65	III, 38*	63	
69	II, 13	II, 13	—	66	III, 39*	—	
70	V, 4	V, 4	—	67	V, 57*	68	
71	IX, 4	IX, 4	—	68	IX, 84*	69	
72	IX, 5	IX, 5	—	69	IX, 85	70	
73	I, 16	I, 16	—	70	I, 17	71	
74	VI, 12	VI, 12	—	71 фргм.	VII, 68*	72	
75	VI, 11	VI, 11	—	—	VII, 67*	73	
76	VI, 8	VI, 8*	—	—	VII, 64*	74	
77	VI, 9	VI, 9	—	—	VII, 65*	—	
78	V, 1	V, 1	—	—	V, 55*	75	
79	V, 2	V, 2	—	—	V, 56	—	
80	VII, 3	VII, 3	—	—	VII, 71*	76	
81	X, 6	X, 6*	—	—	X, 91	77	
82	X, 7	X, 7	—	—	X, 92*	78	
83	X, 8	X, 8	—	—	X, 93	79	
84	X, 9	X, 9	—	—	X, 94	80	
85	IV, 8	IV, 8	—	—	IV, 54	—	
—	V, 3	V, 3	—	—	—	—	
—	IV, 2	IV, 2*	—	—	IV, 48*	—	
—	I, 17	I, 17*	—	—	I, 18*	—	

З. з.	Арм.	Сл.	З. ц. Ю	Срб.	Руб.	Слав.-рус.	Примечание
—	VI, 6	VI, 6	—	—	VII, 62*	—	
—	VI, 7	VI, 7	—	—	VII, 63	—	
—	VII, 5*	VII, 5	—	—	VII, 74*	—	
—	VII, 6	VII, 6	—	—	VII, 75	—	
—	VIII, 6	—	—	—	—	70*	Ср. Ecloga, XVII, 41
—	X, 2	X, 2	—	—	X, 87	—	Ср. Cod. Just., III, 32, 11, a. 293
—	X, 3	X, 3	—	—	X, 88*	—	Ср. Cod. Just., III, 32, 11, a. 293
—	X, 5	X, 5*	—	—	X, 90	—	Ср. Dig., 43, 17, 3, 7,
—	X, 10	—	—	—	—	—	
—	X, 11	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	64	Ср. Ecloga, XVII, 38
—	—	—	—	—	—	65	Ср. Ecloga, XVII, 39
—	—	—	—	—	—	81*	Ср. Bas., 15,4,9

Итак, мы должны констатировать, что тексты Рум. и Сл. опираются не на древнейший текст З. з., а на переработанный текст Арм. версии. Главной отличительной чертой этих трех версий является то, что они имеют в виду регламентацию отношений не свободных крестьян, как то было в З. з., а лишенных права свободы переходящих.

Другую линию развития можно проследить в обоих сербских переводах — в З. ц. Ю. и Срб. Первый, включающий лишь 13 статей, заимствует их из древнейшего греческого оригинала З. з. Три из этих статей (З. ц. Ю., ст. 13, 14, 24; З. з., ст. 13, 14, 17) имеют некоторые отличия от З. з. Второй сербский перевод содержит 71 статью. Он также целиком опирается на З. з. Отличия в терминологии, наблюдающиеся в обоих переводах, дают основание считать, как это правильно отметил еще издатель Срб., что эти переводы были сделаны независимо друг от друга.

Что касается слав.-рус. перевода, содержащего 83 статьи, то и он, подобно обоим сербским, восходит к древнейшей греческой версии. В этом переводе также имеются некоторые изменения в редакции статей. Вместе с тем следует отметить, что иногда изменения в редакции статей совпадают с теми, которые мы находим в Арм. тексте. Слав.-рус. перевод включает несколько статей, заимствованных из XVII титула Эклоги, а также из Василик. Ни оба сербских перевода, ни славяно-русский не включают дополнительных статей Арм. версии.

Все рассмотренные версии имеют черты, свидетельствующие в большей или меньшей степени о самостоятельной обработке первоначального текста З. з., косвенно указывающей на практическое значение этого памятника на протяжении всего средневековья в балканских странах ²¹.

²¹ Византийский Земледельческий закон был использован также при составлении «Руководства» воеводы Стефана Михаила Раковицы в 1765 г. (ст. Dinou C. A g i o n. Op. cit., p. 181—196).

ке
за
да
то
ля
Гр
вел
Фр
пу
ра
ны
ли
чи
на
ти
по
чет
ст
не
сте
пр
на
час
ист
—
СПб
Ein
S. 2
мов
стр.
ск
фил
189:

В. А. АРУТЮНОВА

К ВОПРОСУ ОБ «ἄνθρωποι» В «ТИПИКЕ»
ГРИГОРИЯ ПАКУРИАНА

Слово «ἄνθρωποι» (люди)—одно из самых многозначных в греческом языке. В различных источниках оно приобретает самые разные оттенки в зависимости от времени написания документа, места его написания и даже от личности автора. И потому для исследователя важно установить точное значение этого слова в каждом отдельном случае.

Целью данной статьи является выяснение, в каком значении употребляется слово «ἄνθρωποι» в одном из памятников XI в., а именно в «Типике» Григория Пакуриана. Этот типик был написан полководцем и государственным деятелем Григорием Пакурианом в 1084 г. для основанного им во Фракии монастыря Богородицы Петрицонитиссы. Один из талантливейших византологов прошлого века Н. А. Скабаланович, отмечая огромное распространение в Византии в XI в. монастырей, писал, что самые разные причины побуждали людей этого времени строить монастыри. Строили императоры, патриархи, частные лица¹. Строили из-за вечной неустойчивости политической жизни, ввергающей империю в постоянные войны на всех ее границах, из-за экономического крушения, с горя или, напротив, в благодарность за удачу², или в заботе об имуществе, или, наконец, по политическим соображениям. В мотивах основателей причудливо сочетались религиозное чувство и мирские побуждения. «Кто только мог, строил монастырь,— писал Скабаланович,— снабжал его движимым и недвижимым имуществом, собирал монахов — и двойная цель была достигнута: совершено дело, угодное богу, и принята предосторожность про черный день»³.

Основатели монастырей часто писали для них уставы⁴. Типик делился на две части — литургическую и дисциплинарную (пролог). Последняя часть знакомит как с внутренними распорядками монастыря, так и с историей его внешней жизни⁵. Эта часть обычно и содержит весьма цен-

¹ Н. А. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в., СПб., 1884, стр. 429—433.

² Там же, стр. 427.

³ Н. А. Скабаланович. Указ. соч., стр. 428.

⁴ О слове *τοῦτικόν* см. W. Nissen. Die Diataxis des Michael Attaleiates von 1077. Ein Beitrag zur Geschichte des Klosterwesens im byzantinischen Reiche. Jena, 1894, S. 2—5. О *κτιτορικὰ τοπικά* см. *ibid.*, S. 5—22. См. также И. Соколов. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII в. Казань, 1894, стр. 318—319 (в частности, о типике Григория Пакуриана, стр. 321); Ф. И. Успенский. Типик монастыря св. Маманта в Константинополе. — «Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете». Одесса, 1892, стр. 25.

⁵ Ф. И. Успенский. Типик монастыря св. Маманта..., стр. 25.

ные для историка сведения о различных чертах жизни и деятельности ктитора и его монастыря.

Типик Пакуриана содержит только пролог, литургическая часть отсутствует. Первые византийцы познакомились с этим уставом в новогреческом переводе Мусеоса ⁶.

Он был, однако, весьма неточен⁷. В 1904 г. этот устав издал по рукописи XVIII в. из библиотеки Бухарестской семинарии Л. Пти⁸. В 1954 г. М. Тархнишвили опубликовал грузинскую редакцию этого текста с переводом на латинский язык⁹ (рукопись № 1598 библиотеки им. Корайса на о. Хиос). И наконец, в последнее время типик Григория Пакуриана был издан С. Г. Каухчишвили¹⁰. Текст, изданный в свое время Л. Пти, был уточнен по хиосской рукописи XI—XII вв. из библиотеки Корайса. С. Г. Каухчишвили указал различия и приложил к изданному тексту небольшой комментарий. Благодаря тщательной текстологической обработке, уточнениям и исправлениям, типик приобретает еще большую ценность как источник по византийской истории. Типику Пакуриана посвящена литература на болгарском и русском языках, относящаяся как к началу века, так и к последнему времени¹¹.

Некоторые исследователи этого памятника обращали внимание на термин «*ἄνθρωποι*», но мнения их при оценке этого термина расходились. И. И. Соколов, например, явно считает, что «люди» Григория — это непременно либо его рабы, либо солдаты¹². Г. Цанкова-Петкова полагает, что термином *ἄνθρωποι* обозначается зависимое население¹³.

Г. Литаврин, исследуя значение термина *ἄνθρωποι* в памятнике, современном типику Пакуриана (в «Стратегиконе» Кекавмена), приходит к выводу, что среди лиц, обозначавшихся этим словом, были и зависимые крестьяне, и пастухи, конюхи, слуги, рабы, дворовая челядь, а также экононы, управители владений господина, ключники и скевофилаки, т. е. что у Кекавмена этот термин весьма многозначен¹⁴.

Слово «*ἄνθρωποι*» в типике Григория Пакуриана не имеет столь широкого значения. Знаменательно то, что везде, где автор говорит о своих «людях», он упоминает их наряду со своими родственниками¹⁵. Напри-

⁶ Γ. Μουσαῖος. Γρηγόριος Πακουριανός, μέγας δομῆτικος τῆς Ἀδελφῆς καὶ τῆς ὑπ' αὐτοῦ, τοπικῆς τῆς μονῆς τῆς Θεοτόκου τῆς Πετριτσωνίτιδος. «Dissertationes Jenenses». IV. Leipzig, 1888, p. 135—210.

⁷ Н. Я. Марр. Аркауи, монгольское название христиан в связи с вопросом об армиях-халкедонитах. СПб., 1905, стр. 17.

⁸ L. P e t i t. Typicon de Grégoire Pakourianos pour le monastère de Petritzos (Bačkovo) en Bulgarie. — ВВ, т. XI, 1904. Приложение.

⁹ М. Т а r c h n i š v i l i. Typicon Gregorii Pacuriani. Louvain, 1954.

¹⁰ «Сведения византийских писателей о Грузии», т. V. Греческие тексты с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1963, стр. 98—301 (в дальнейшем цитируем по этому изданию).

¹¹ И. И. С о к о л о в. Грузинский монастырь в Византии. — «Христианское чтение», т. ССХХI, ч. II, 1906, стр. 552—579, т. ССХХII, 1906, стр. 570—583; Н. Я. М а р р. Аркауи, монгольское название христиан...; В. З л а т а р с к и. Къде и кога е бил заточен и умрял българският патриарх Евтимий. — «Летопис на Българското книжовно дружество», кн. VI. София, 1905; И. И в а н о в. Асеновата крепост на Стенимака и Бачковският манастир. — «Известия на българското археологическо дружество», т. II. София, 1912; С. С т а н и м и р о в. Бачковският манастир през XV век. — «Известия на българското историческо дружество», кн. XIV—XI. София, 1937; е г о ж е, Бачковският манастир в миналото. — Споменик «Отец Паисий», год VIII, кн. 7. София, 1935; Архимандрит И о н а. Бачковски манастир (кратък исторически очерк). София, 1956; Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI в. М., 1960, стр. 99—101, 135—137, 227; Г. Ц а н к о в а — П е т к о в а. За аграрните отношения в средновековна България през XI—XIII вв. София, 1964, стр. 37—41; С. Л и н ш е в. За стоковото производство във феодална България. София, 1957, стр. 68—69.

¹² И. И. С о к о л о в. Грузинский монастырь..., стр. 558—568.

¹³ Г. Ц а н к о в а — П е т к о в а. За аграрните отношения..., стр. 132.

¹⁴ Г. Л и т а в р и н. Были ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом? — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 229.

¹⁵ Пак, гл. I, стр. 118, § 4.13; гл. 18, стр. 198, § 5.24—25.

мер, Пакуриан рассказывает о том, что попал в тяжкий плен вместе с «многочисленными родственниками и верными, самыми дорогими моими людьми»¹⁶. В 25 гл. типика о «людях» Григория также говорится наравне с его родственниками¹⁷. Частое сопоставление родственников и «людей» Григория, на наш взгляд, знаменательно. Очевидно, и «родственники», и «люди» — лица, одинаково близкие Григорию и занимающие сходное положение. В этом отношении не лишено интереса следующее место в типике. Григорий призывает проклятия на голову тех из его родственников или «людей», которые захотели бы «каким-нибудь образом выступить против моей церкви или монастыря, либо против находящихся под ним деревень или крепостей, или агридиев, либо построить жилище, или так называемый *σταλίων*, т. е. убежище, в крепостях и жить в них, либо же обманом выманить какой-нибудь вид податей из этих мест»¹⁸.

Ясно, что предостерегать против подобных действий можно было только людей достаточно сильных и влиятельных. Ни слуги, ни крестьяне, ни даже управители не располагали возможностями для нанесения подобного ущерба монастырю. Выступить против деревень или крепостей монастыря, т. е. построить свою крепость, собрать подати могло только лицо, в той или иной мере принадлежащее к правящему классу. То, что родственники Григория — феодалы, сомнений не вызывает. На основании этой цитаты можно заключить, что и «люди» Григория принадлежали к его же классу, но, возможно, это были более мелкие феодалы, чем его родственники¹⁹.

Разумеется, для того, чтобы решить эту проблему, нужно рассмотреть, какой характер носила зависимость «людей» от Григория Пакуриана. Для выяснения этого вопроса нам представляется уместным рассмотреть ряд других свидетельств. Термин *ἀνδροποι* встречается и в источниках более раннего периода. Некий Лев Аргир со своими «людьми» совершал набеги на павликиан Тефрики²⁰. А. П. Каждан отмечает, что в хрониках, наряду с родней и друзьями, упоминаются «люди» знатного вельможи Андроника Дуки, и при этом указывает, что в разных изводах хроники Симеона Логофета для обозначения зависимых людей Андроника употребляются разные термины (*ἀνδροποι*, *συγγενεῖς*, *δοῦλοι*, *φίλοι*)²¹.

Основным, однако, термином, употреблявшимся в X в. для обозначения зависимых «людей», согласно работам А. П. Каждана, был термин *ἀνδροποι*. А. П. Каждан считает, что этот термин обозначал в это время вассалов крупного феодала²².

¹⁶ Там же, гл. I, стр. 118, § 4. 13—14.

¹⁷ Там же, гл. 25, стр. 218. 25—28.

¹⁸ Пак., гл. 18, стр. 198—200, § 5; сравнить с упоминанием в документах Лавры «людей» брата Алексея I Адриана, которые притесняли монахов этого могущественного монастыря. Люди же Исаака Комнина пытались облагать налогами метохи той же Лавры св. Афанасия (Г. Г. Л и т а в р и н. Был ли Кекамен, автор «Стратегикона», феодалом?, стр. 238).

¹⁹ Мы вовсе не утверждаем, что во всех памятниках этого времени слово *ἀνδροποι* употребляется только в этом значении. См., например, завещание Кали Пакуриана, очевидно, родственницы Григория. В ее завещании часто упоминаются *ἀνδροποι*. Но здесь слово «люди» почти синонимично слову «слуги», Кали их осыпает богатыми подарками, завещает им скот, одежды, драгоценности, деньги (См. Г. Ц а н к о в а — П е т к о в а. За аграрные отношения... Приложение II, стр. 180—181). Но это все же не такие люди, которые равны по положению родственникам. Может быть, их можно сблизить с теми министерялами, о которых говорил М. М. Фрейденберг (М. М. Ф р е й д е н б е р г. О феодальной вотчине в Византии в XI—XII вв.— ВВ, XVIII, 1961, стр. 28).

²⁰ Theophanes Chronographia, Bonnæ, 1838, p. 374, 17.

²¹ А. П. Каждан. Город и деревня в Византии в IX—X вв. М., 1960, стр. 69, прим. 52.

²² А. П. Каждан. Крестьянское движение в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии.— ВВ., V, 1952, стр. 84. е г о ж е. Формирование феодального поместья.— ВВ, XI, 1956, стр. 117—118.

Мы рассмотрели ряд монастырских уставов, относящихся приблизительно к тому же отрезку времени, что и типик Пакуриана. Это типик монастыря Богородицы Милостивой, написанный в 1080 г. епископом Тивериополя монахом Мануилом для основанного им монастыря у Струмицы в Македонии²³; типик константинопольского монастыря Богородицы Евергетиды, составленный в XI в. монахом Тимофеем, вторым ктитором этого монастыря²⁴; Διάταξις Михаила Атталиата, который он написал в 1077 г. для основанных им приютов для бедных в Редесто и Константинополе, а также для связанного с ними монастыря²⁵, и, наконец, типик монаха Христодула от 1091 г. — ктитора монастыря на о. Патмосе²⁶. При этом мы убедились, что единственным типиком XI в., в котором встречалось бы слово *ἄνθρωποι* в том смысле, какой мы ему придаем, является типик Григория Пакуриана. В этом отношении близок к типу Пакуриана устав, написанный более чем полвека спустя. Это типик монастыря богородицы Космосотиры, составленный крупнейшим вельможей того времени Исааком Комнином для основанного им в 1152 г. монастыря близ Эноса²⁷.

В типике Космосотиры сведения об *ἄνθρωποι* довольно конкретны. Названы их имена. Это грамматик Михаил, Лев Кастамонит, Конститца — воспитанник Исаака, Никита Романит, Константин пинкери и Константин протовестиарий. Прежде всего и больше всего сказано в типике о Льве Кастамоните. Исаак Комнин называет его своим *ἀπόχειρος*, он упоминает его как «*τὸν πιστότατον μου καὶ γνησιώτατον ἀπόχειρον*», который с раннего возраста находился рядом с ним и отдал много трудов и забот для исполнения его (Исаака) желаний. Он считает «своего человека» Кастамонита лучшим из *ἐπὶ χεῖρα τῶν δεσπότων*²⁸. Это явно не просто слуга. Исаак отдает в пожизненное владение Кастамониту проахий Галата и деревню Черникий (Τσερνικίον)²⁹. Кроме того, Кастамонит имеет право жить в пределах монастырской ограды³⁰, при этом игумен и монахи должны рассматривать его как *σβῆρα καὶ θρέμμα τῆς μονῆς*³¹. Все эти привилегии, правда, даются Кастамониту пожизненно, его имущества должны после его смерти отойти к монастырю³², но он, по-видимому, все же имел какие-то особые права при составлении своего завещания³³. Исаак строго запрещает хоронить кого-нибудь постороннего в ограде монастыря, но для Кастамонита делает исключение³⁴. Он подробно описывает, какая роскошная гробница должна быть поставлена для Кастамонита; указывает, что его имя должно быть занесено в диптихи «для постоянного поминания в молитвах»³⁵, и обращается к богу с мольбой причислить этого Льва, человека, полного душевной красоты и верности, к душам праведным³⁶. Все это с достаточной убедительностью доказыва-

²³ L. Petit. Le monastère de Notre-Dame de Pitié en Mecédoine. — ИРАИК, VI, вып. 1—3, 1900.

²⁴ А. А. Дмитриевский. Толька. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Киев, 1895, т. I, Синаксарь или типикон Константинопольского Евергетидского монастыря по рукописи XII в., № 788 библиотеки Афинского университета, стр. 617—654.

²⁵ W. Nissen. Die Diataxis des Michael Attaleiates..., S. 5.

²⁶ Ἰστορικὸς θεολογικὸς εἶτος διὰ τὰς τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Χριστοδοῦλου (ΜΜ, VI, р. 59—80).

²⁷ L. Petit. Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos (1152). — ИРАИК, XIII, 1908, стр. 17—77.

²⁸ Косм., гл. 54, стр. 46. 23—37.

²⁹ Там же, гл. 69, стр. 52. 35—36.

³⁰ Там же, гл. 107, стр. 69. 40, стр. 70. 1—8.

³¹ Там же, стр. 69. 27, 31.

³² См. прим. 29, см. также Косм., гл. 107, стр. 70. 8.

³³ Там же, гл. 107, стр. 70. 8.

³⁴ Там же, гл. 86, стр. 61. 36.

³⁵ Там же, гл. 86, стр. 62. 1—2; гл. 54, стр. 46. 23.

³⁶ Там же, гл. 54, стр. 46. 23—37.

ет, что Лев — не *serviteur* (слуга), как полагал Л. Пти³⁷, а скорее человек из числа *κατωτέρων ἀρχόντων*³⁸.

К той же мелкой знати принадлежит, очевидно, и грамматик Михаил. Исаак говорит о многих услугах, оказанных ему Михаилом, в частности, о деятельной помощи Михаила при постройке монастыря³⁹. За верную службу Михаилу были пожизненно дарованы деревня Калосера, поле Чичи (Τζιτζη) и какие-то места в Траянополе⁴⁰. Кроме того, грамматику Михаилу принадлежали здания, воздвигнутые Исааком, в которых Михаил жил постоянно. Исаак запрещает игумену и монахам удалять его оттуда. Грамматику Михаилу предоставлено также право получать часть доходов монастыря⁴¹. В отношениях с монастырем он так же, как и Кастамонит, пользуется особыми правами⁴². После его смерти для него должна быть воздвигнута гробница, достойная его трудов⁴³, и так же, как и для Кастамонита, — в пределах монастырской ограды⁴⁴. Его имя также должно быть внесено в диптихи⁴⁵.

Воспитанник Исаака Конститца тоже в отношении к монастырю назван как его *σβίρα καὶ θρέμμα*⁴⁶. Заботы о нем от Исаака переходят к монастырю. Имущество Конститцы должно быть в ведении монастыря, пока ему не исполнится 24 года⁴⁷. Он также должен быть погребен в монастыре с соответствующими почестями⁴⁸. Исаак передает ему во владение деревню Хатисия, но он — единственный из «людей» Исаака, чье обладание деревней не является пожизненным. При наличии наследников и при желании лишь Конститца может передать свое имение им, а не монастырю⁴⁹. Например, пинкерт Константин имеет деревню Радавунта, полученную от Исаака только в пожизненное владение; после смерти Константина деревня переходит к монастырю⁵⁰ так же, как и деревня Никиты Романита — Керкисий. Очевидно, Конститца, как воспитанник Исаака, находится в особо привилегированном положении.

Итак, в типике монастыря богородицы Космосотиры термин *ἄνθρωποι* употребляется по отношению к мелким феодалам, зависящим от более крупного. Эту зависимость можно охарактеризовать как вассальную. *ἄνθρωποι* Исаака — его вассалы⁵¹.

Кем же были *ἄνθρωποι* Григория Пакуриана? Рассмотрим некоторые аспекты взаимоотношений этого крупного феодала с его «людьми». Прежде всего служба у Григория приносила его «людям» довольно ощутимые выгоды. Не случайно Кекавмен замечает, что «люди» знатного господина, служа ему, преследуют личные цели⁵². Сам Григорий говорит по этому

³⁷ Там же, гл. 107, стр. 69. Заглавие.

³⁸ Jus., III, p. 255. 7—13.

³⁹ Косм., гл. 107, стр. 69. 15—20.

⁴⁰ Там же, гл. 69, стр. 53. 1—7.

⁴¹ Там же, гл. 107, стр. 69. 28.

⁴² Там же, стр. 69. 27.

⁴³ Там же, стр. 69. 36.

⁴⁴ Там же, гл. 86, стр. 61. 33—39. В ограде монастыря имеет право быть погребенным и другой человек Исаака, протовестиарий Константин (там же, стр. 61. 38).

⁴⁵ Там же, гл. 86, стр. 62. 1—2, см. также гл. 107, стр. 70.1.

⁴⁶ Там же, гл. 107, стр. 70. 17.

⁴⁷ Там же, гл. 117, стр. 74. 16—19.

⁴⁸ Там же, гл. 107, стр. 70. 20.

⁴⁹ Там же, гл. 69, стр. 52. 38—39.

⁵⁰ Там же, гл. 69, стр. 52. 36.

⁵¹ В связи с этой проблемой интересна статья Ж. Верпо, посвященная вопросу об *οἰκεῖοι ἄνθρωποι*. Он считает положение людей типа Льва Кастамонита и Михаила Грамматика средним между положением близкого человека и доверенного слуги, отрицая возможность вассальных связей между ними и Исааком Комниным (J. Verpe a u x. Les *οἰκεῖοι*. Notes d'histoire institutionnelle et sociale. — REB, XXIII, 1965, p. 90).

⁵² Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus, ed. B. Wassiliwsky et V. Jernstedt. — «Записки историко-филологического ф-та импер. СПб. университета», ч. XXXVIII, 1896, стр. 38. 6—8.

поводу следующее: «Все родственники мои и люди (ἄνθρωποι) по причине труда моего и службы и в силу благосклонности ко мне благочестивых наших василевсов были удостоены чести и облагодетельствованы»⁵³. Кекавмен отмечал, что когда кто-нибудь из знати берется за какое-либо дело, то он всегда при этом имеет в виду также интересы своих «людей»⁵⁴. Советуя феодалу во время возмущения против императора сохранять ему верность, Кекавмен говорит, что в этом случае император «почтит и тебя, и твоих детей, и твоих людей»⁵⁵. Интересы господина и его «людей» настолько слитны, что если люди знатного лица наносят кому-нибудь ущерб, то негодование против них может обратиться и на их господина. И напротив — разумное правление господина в какой-нибудь области приносит выгоду и его «людям»⁵⁶.

В вознаграждение за верную службу Григорий наделял своих «людей» именьями⁵⁷. Мы уже отмечали, что вассалы Исаака Комнина получали в пожизненное владение поля, проастии и деревни⁵⁸. Воспитанник Исаака Конститца может даже оставить пожалованное ему владение своему сыну⁵⁹. Наследственные права на пожалованные имения у вассалов византийских феодалов, если судить по нашему материалу, были очень слабо развиты. Конститца — это, по существу, единственный пример, хотя какие-то права при составлении завещания имел, кажется, и Кастамонит⁶⁰.

Отношения Григория и его «людей» весьма схожи с отношениями между Исааком Комниным и его вассалами. Отметим, кстати, что в типике Исаака Комнина содержится очень интересное сообщение о взаимоотношениях господина и вассала. В главе, посвященной стратиотам двух деревень — Делеаны и Драгавасты, он пишет о том, что эти стратиоты должны теперь нести военную службу в пользу монастыря. В конце главы Исаак предписывает игумену монастыря: «Я хочу, чтобы деревни грамматика моего Михаила, которые я даровал ему, и [владения] воспитанника моего Конститцы защищались изо всех сил»⁶¹. То есть стратиоты, находящиеся в распоряжении господина (в данном случае монастыря), должны были защищать и владения его вассалов.

Кроме того, иногда вассалы получали от господина, помимо владений, еще и денежное вознаграждение. Так, например, грамматик Михаил получал определенную долю из доходов монастыря, вассалом которого он стал по воле Исаака Комнина⁶². О руге, которую выплачивает своим «людям» феодал, говорит и Кекавмен⁶³.

Что же требовали феодалы от своих «людей»? Прежде всего, помощи во всех предприятиях господина, верной службы. Здесь уместно будет отметить, что эпитет «верный» очень часто применяется к «людям» в обоих типажах. Так, например, Григорий рассказывает, что он попал в плен к чужеземцам вместе с многочисленными родственниками и самыми любимыми верными людьми (πιστῶν ἀνθρώπων)⁶⁴. Употребление этого определения в применении к вассалам можно отметить и у Кекавмена⁶⁵. Но особенно знаменателен этот эпитет в приложении к «людям» Исаака Ком-

⁵³ Пак, гл. 18, стр. 202, § 10. 13—16.

⁵⁴ Strat., p. 40. 3—6.

⁵⁵ Ibid., p. 64. 20—22. Очевидно, иногда пожалования, получаемые за верную службу вассалами крупного феодала, исходили как бы от императора через сеньора.

⁵⁶ Г. Л и т а в р и н. Был ли Кекавмен..., стр. 230.

⁵⁷ Пак, гл. 18, стр. 202, § 10. 16—17.

⁵⁸ См. выше, стр. 66, 67.

⁵⁹ См. выше, стр. 67.

⁶⁰ См. выше, стр. 66.

⁶¹ Косм., гл. 110, стр. 71, 23—26.

⁶² См. выше, стр. 67.

⁶³ Strat., p. 40. 9.

⁶⁴ Пак., гл. I, стр. 118, § 4. 13.

⁶⁵ Strat., p. 13. 22—24.

нина. Комнин говорит, что он назначает Льва Кастамонита и Михаила-грамматика помощниками игумена в управлении, т. к. они верно ему служили⁶⁶. Он отмечает, что Михаил-грамматик был верен его воле при постройке монастыря⁶⁷. Расточая похвалы Льву Кастамониту, он прежде всего называет его πιστότατος⁶⁸. Исаак утверждает, что Лев Кастамонит всегда жил «по закону искренней верности» (καθ' ἄπερ καλὴν πίστειν ὀρθογύμωνος), и именно это его качество заставляет Исаака обратиться к богу с молитвой причислить Льва после смерти к душам праведным⁶⁹. Передавая Льва и Михаила монастырю Космосотиры, он завещает им служить монастырю так же верно, как они служили ему самому⁷⁰.

Итак, можно предположить, что эпитет «верный» имеет по отношению к «людям» крупного феодала особый смысл и означает именно вассальную верность.

Основной обязанностью вассала была военная служба в интересах господина. «Люди» Исаака Комнина, Лев Кастамонит и Михаил-грамматик, должны были оберегать монастырь от любого лица, желающего причинить какой-нибудь ущерб монастырским владениям⁷¹. О том, что «верные люди» сопровождали господина в походах, говорит Кекавмен⁷². «Люди» Никулицы Дельфина участвовали в его военных предприятиях⁷³. Вообще в источниках этого периода больше всего находится свидетельств именно о военной службе вассалов⁷⁴. Военную службу в интересах господина несли и «люди» Григория. В его типике есть свидетельства о том, что люди Григория всегда вместе с ним принимали участие в многочисленных и кровавых битвах⁷⁵. Таким образом, положение «людей» Григория сходно и в этом отношении с положением вассалов других крупных феодалов.

Итак, «люди», упомянутые в типике богородицы Петрицонитиссы, это мелкие феодалы, которые несут службу (в основном — военную) в пользу своего господина и получают в награду от него имения в пожизненное владение, т. е. эти «люди» — вассалы Григория.

Типик богородицы Петрицонитиссы и типик богородицы Космосотиры свидетельствуют о такой интересной особенности византийского вассалитета, как переход вассалов от светского феодала к монастырю, феодалу духовному. Попытаемся рассмотреть некоторые аспекты этого явления.

Из предисловия типика Григория Пакуриана ясно, что монахи, населявшие обитель богородицы Петрицонитиссы, были в прошлом воинами — сподвижниками Григория. Недаром он говорит о них и о себе:

⁶⁶ Косм., гл. 12, стр. 26. 9—14.

⁶⁷ Там же, гл. 107, стр. 69. 22.

⁶⁸ Там же, гл. 54, стр. 46. 24.

⁶⁹ Там же, стр. 46. 24—37.

⁷⁰ Идея неперемной верности господину проявляется и в указаниях Исаака Комнина относительно веститартов. Он предписывает им, под угрозой лишения земли, нести военную службу только для монастыря (Косм., гл. 112, стр. 72. 1—34). Интересное наблюдение относительно идеи личной верности сделал А. П. Каждан для конца IX в. Рассматривая присягу епископов патриарху Фотию на синоде 879—880 гг., он замечает, что эта клятва никогда не оставляет Фотия и охотно пролить за него кровь, вводит в систему политических взаимоотношений империи совершенно новый принцип — принцип личной верности, прежде чуждый Византии. Он говорит, правда, что вопрос о возможности сопоставления присяги Фотию с принципами феодального оммажа, элементы которого складывались в X в., остается открытым (А. П. Каждан. Социальные и политические взгляды Фотия, «Ежегодник музея истории религии и атеизма», № 2, 1958, стр. 130—131).

⁷¹ Косм., гл. 117, стр. 74. 4—14.

⁷² Strat., p. 13. 22—24.

⁷³ Ibid., p. 68. 4—9. 29—31.

⁷⁴ Г. Л и т а в р и н. Был ли Кекавмен..., стр. 236—237.

⁷⁵ Пак., гл. 1, стр. 118, § 4. 12—19.

«Мы, люди, освоившие любой военной образ жизни и имеющие суровый жизненный опыт» (στρατιωτικὴν παντοίαν διαγωγὴν κεκτημένοι καὶ τραχυτάτην βίωσιν πεῖραν ἔχοντες)⁷⁶. Пакуриан пытается при этом обосновать положение, что люди такого закала легко перенесут тяготы монашеской жизни. Впрочем, как показывает типик далее, несмотря на строгие киновиальные правила⁷⁷, жизнь в монастыре Петрицонитиссы была не так уж трудна. Например, в четвертой главе типика провозглашается суровое правило, что монахи не должны иметь слуг. Но в той же главе делается послабление, очевидно, для людей, привыкших к слугам и оказавшихся среди братья монастыря в Петрицосе. Григорий пишет: «А если кто-нибудь нуждается в этом (т. е. в отдельном обслуживании в своих кельях. — В. А.) воистину из-за телесного недуга или из-за глубокой старости, то такая потребность пусть будет учтена и удовлетворена согласно этому и — более того, — если бы [нуждающимся] оказался кто-нибудь из высших, тот, кто вел [ранее] изнеженный образ жизни»⁷⁸. Возникает вопрос, кто же были эти люди, которые принадлежали раньше к высшему классу и жили изнеженной жизнью. Ответ на этот вопрос содержится, на наш взгляд, в главе 25-й, которая носит название: «Об ивирах, родственниках и людях наших, которые пришли или придут в монашеское звание, — как нужно их принять»⁷⁹. Григорий говорит о том, что и родственников его, и «людей» следует предпочитать другим, вступающим в монастырь⁸⁰. Они-то как раз и принадлежали к высшему классу и, вполне возможно, вели ранее изнеженный образ жизни. По нашему мнению, логично было бы предположить, что именно о них шла речь в четвертой главе. Можно полагать также, что из этих лиц избирались и попечители (ἐπίτροποι), о которых в 16-й главе говорится следующее: «Мы желаем, чтобы занимали эту должность (т. е. должность эпитропов. — В. А.) самые избранные и опытные... будь то из духовных лиц или из мирских»⁸¹.

Монастырь имел огромные земельные владения, и для того, чтобы управлять ими, в помощь игумену избирались два эпитропа. В обязанности одного из них входило наблюдение за имениями монастыря в области Филиппополя, другой наблюдал за монастырскими землями в окрестностях Мосинополя и в местах, лежащих по соседству⁸². Они вовсе не были полновластными распорядителями этих владений, так как назначались только как помощники игумена⁸³.

Для того чтобы пояснить, почему мы считаем, что именно вассалы Григория были эпитропами монастырских владений, обратимся к данным типика монастыря Богородицы Космосотиры. Исаак Комнин возлагает заботу о недвижимом имуществе монастыря на двух своих людей — Льва Кастамонита и Михаила-грамматика. Он предписывает им быть *συνεργοί* игумена и защищать монастырь от возможного насилия⁸⁴. Он дважды говорит об этой миссии в 12-й и 117-й главе⁸⁵. Исаак повелевает им вместе с игуменом, который будет править монастырем в то время, управлять до последнего вздоха всеми недвижимыми владениями монасты-

⁷⁶ Пак, стр. 100, § 4. 27—29.

⁷⁷ О киновии см. В. Григорович. Очерк путешествия по европейской Турции. Казань, 1848, стр. 88. 92. О монастырях с киновиальным образом жизни см. также И. Соколов. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX в. до начала XIII в. Казань, 1894, стр. 327, прим. 1.

⁷⁸ Пак., гл. 4, стр. 136, § 5. 4—6, § 6. 7—8.

⁷⁹ Там же, гл. 25, стр. 218. 25—28.

⁸⁰ Там же, стр. 220, § 3. 15—20.

⁸¹ Там же, гл. 16, стр. 192, § 1. 10—14.

⁸² Там же, гл. 6, стр. 150, § 4.

⁸³ Там же, гл. 16, §§ 1—2.

⁸⁴ Косм., гл. 117, стр. 74. 4—13.

⁸⁵ Там же, гл. 12, стр. 26. 9.

ря⁸⁶. Комнин четко указывает на то, что истинным владыкой монастырских владений является игумен, а оба «человека» Комнина будут лишь надзирать за тем, чтобы никто не нанес какого-либо ущерба этим владениям⁸⁷. Это указание основателя монастыря Космосотиры дает нам возможность сблизить обязанности Кастамонита и Михаила-грамматика с обязанностями двух эпитропов, о которых говорит Григорий Пакуриан⁸⁸.

Вполне возможно допущение, что и в монастыре Богородицы Петрицонитиссы эпитропами были вассалы ктитора. Григорий говорит, что эти эпитропы могут происходить либо из духовных лиц, либо из мирских. Нам кажется, что это высказывание может быть понято следующим образом. Определенное число вассалов Григория, очевидно, вступило в монастырь⁸⁹, и эти монахи, став эпитропами, и могли быть теми «духовными лицами», о которых упоминает Григорий. Такие эпитропы находились не только в материальной, но и в духовной зависимости от монастыря. Напротив, эпитропы такого типа, как Лев Кастамонит и Михаил-грамматик, несмотря на их большую близость к монастырю, все же оставались людьми светскими. Их связь с монастырем была чисто мирской и не носила характера духовной зависимости.

Еще ярче такая мирская связь выявляется на примере Вардана-проноита, о котором упоминает Григорий во второй главе своего устава. Этот Вардан, вассал Григория, управлял хозяйственными строениями (*οσπίτια*), купленными Григорием в Мосинополе⁹⁰. Из устава ясно, что он стал из вассала Григория вассалом монастыря, сохраняя, очевидно, те же обязанности. Вообще, при переходе от одного господина к другому, вассалы, очевидно, оставались в тех же отношениях с новым господином, в которых были с прежним. Исаак Комнин, например, говорит, что Лев Кастамонит и грамматик Михаил будут служить монастырю, проявляя ту же верность (*πίστιν καὶ δούλοσιν*), какую они проявляли по отношению к нему⁹¹. Григорий Пакуриан называет монастырь своим прямым наследником⁹², и все права Григория в отношении его людей переходят к монастырю⁹³. Верховные права на земли вассалов Исаака Комнина переходят к обителю Космосотиры⁹⁴ так же, как верховные права на земли вассалов Григория переходят к монастырю Петрицонитиссы⁹⁵.

Любопытно, как нам кажется, сравнить положение вассалов (*ἄνθρωποι*) Пакуриана и Комнина. В основном их положение сходно. Вассалы обоих феодалов выполняют определенную службу в интересах господина, у Пакуриана, преимущественно, службу военную⁹⁶. Они получают в вознаграждение имения. Эти имения могут быть отобраны у них в случае нанесения ущерба господину. Вассалы могут быть переданы от одного господину другому и т. д.

⁸⁶ Там же, гл. 117, стр. 74. 4—13.

⁸⁷ Там же, гл. 12, стр. 26. 9—39.

⁸⁸ См. выше, стр. 70.

⁸⁹ См. выше, стр. 70.

⁹⁰ Пак., гл. 2, стр. 122, § 5. 12—14; о проноите Вардане см. Г. Цанкова — Петкова. За аграрные отношения..., стр. 131.

⁹¹ Косм., гл. 117, стр. 74. 11—13.

⁹² Пак., гл. 18, стр. 196, § 2. 13—14.

⁹³ Там же, стр. 200, § 6. 8—12.

⁹⁴ Косм., гл. 69, стр. 52. 35—39.

⁹⁵ Пак., стр. 200, § 6, 8—12. Интересно отметить, что практика передачи светскими феодалами своих вассалов под власть крупных монастырей была распространена на территории Болгарии и в XIV в. (См. Д. Ангелов. Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. София, 1958, стр. 116—118).

⁹⁶ Что можно объяснить тем, что он был полководцем. Вообще у крупных военных деятелей было больше возможности обрести преданных себе людей, чем у человека, пусть равного им по положению, но ведущего мирный образ жизни. Вспомним хотя бы сведения Никифора Воганиата и Никифора Василаки и о преданных им людях. (Nisephorus Vogenpius. Commentarii. Bonnæ, 1836, p. 96.8—11, 297. 20—23).

Но есть и некоторые различия в свидетельствах о вассалах Григория и Исаака Комнина, которые, может быть, говорят и о разнице в положении вассалов. Во-первых, о вассалах Исаака Комнина говорится гораздо более конкретно. Нам известны их имена, отношение к ним Исаака, многие подробности их жизни и даже то, как будет обставлено их погребение и поминовение. Григорий же говорит о своих людях весьма обобщенно. В сущности, нам известны некоторые конкретные данные только о проноите Вардане. Во-вторых, в уставе монастыря Богородицы Петрицонитиссы сообщается в основном об унаследованных от Григория правах по отношению к вассалам. Мы куда больше знаем о том, при каких условиях можно и нужно отобрать пожалование у вассалов, чем о каких-нибудь обязанностях по отношению к вассалу. Напротив, Исаак Комнин указывает на ряд обязанностей господина по отношению к вассалам. Люди Исаака, как нам известно, не только пожизненно владели своими именами, но монастырь должен был выдавать некоторым из них часть доходов монастыря, деревни их должны были защищать стратиоты, подчиненные монастырю Космосотиры. А Конститца, воспитанник Исаака, даже имел право сохранить пожалованное ему имение для своих наследников.

Не значит ли это, что права вассалов со временем росли, что развитие феодальных отношений даже за этот небольшой промежуток времени (всего около полувека) привело к некоторым изменениям в положении людей, вассально зависимых от крупных феодалов.

Здесь, пожалуй, будет уместно задать вопрос, почему мы нашли упоминание о вассальных отношениях только в этих двух уставах. Ответ на него, очевидно, следует искать прежде всего в рассмотрении организации вотчины вновь основанных монастырей. Монастыри Богородицы Милостивой у Струмицы в Македонии, Богородицы Евергетиды в Константинополе, Иоанна Богослова на о. Патмосе⁹⁷ были основаны духовными лицами. Монастырские владения этих обитателей слагались из имений, движимых и недвижимых имуществ, пожалованных императорами в разное время. С самого начала вотчина этих монастырей организовывалась как монастырская. Иначе обстояло дело с владениями монастырей Богородицы Космосотиры и Богородицы Петрицонитиссы. Вотчина и того и другого монастыря выделилась непосредственно из вотчины крупного феодала. Исаак Комнин дал своему монастырю ряд имений из своих многочисленных земельных владений, ничего не меняя в устройстве и организации имений, переходивших к монастырю⁹⁸.

Григорий Пакуриан также был крупнейшим земельным магнатом — достаточно вспомнить о многочисленных земельных владениях, перечисленных в пожалованных ему хрисовулах⁹⁹. Подобно Исааку Комнину, Григорий Пакуриан передавал имения монастырю как своему прямому наследнику, непосредственно из своей вотчины, ничего не меняя в них. Вот что он пишет в главе второй своего устава: «Все эти имения, названия которых были перечислены выше в настоящем типике, были переданы нами указанному монастырю целиком со всем их имуществом, состоящим из господских упряжек волов, париков и принадлежащих им различных животных, из всевозможной земли, гористой и равнинной, кроме того, из планин, пастбищ и пахотной земли и виноградников, различных растений, приносящих плоды и бесплодных, из мельниц, приводимых в движение водой и животными, озер и необработанных земель вокруг них, из крепостей и находящихся в них разнообразных построек и всевозможного иму-

⁹⁷ См. выше, стр. 6—7.

⁹⁸ Косм., гл. 69, стр. 52. 7—39—53. 1—25.

⁹⁹ Пак, гл. 36, стр. 248—252.

щества и доходов с находящегося внутри и вне недвижимого, движимого и способного двигаться самостоятельно имущества»¹⁰⁰. И Исаак Комнин, и Григорий Пакуриан передавали своим монастырям имения, ничего в них не меняя, и если при этом среди переданных земель оказывались имения, дарованные в пожизненное владение вассалам этих вельмож, то вассалы светских феодалов становились вассалами монастыря, что нашло отражение в уставах обитателей Космосотиры и Петриционитиссы.

Но если наличие свидетельств о вассальных отношениях в типиках монастырей Космосотиры и Петриционитиссы, в отличие от типиков монастырей Богородицы Милостивой, Евергетиды и Иоанна Богослова, где такие свидетельства отсутствуют, — можно объяснить тем, что монастырская вотчина первых двух монастырей выделилась непосредственно из светской вотчины, то как можно ответить на вопрос, почему нет никаких упоминаний о вассалах в типике Михаила Атталиата. Ведь монастырь, основанный Атталиатом, получил свои владения также непосредственно из вотчины основателя. Ответ на этот вопрос, как нам кажется, следует искать в рассмотрении личности ктиторов.

Исаак Комнин — представитель семьи Комнинов, долгое время занимавшей престол византийской империи. Ясно, следовательно, что это был крупнейший феодал.

Григорий Пакуриан также был очень родовитым человеком. Он происходил из знатного армянского рода из Тайка¹⁰¹. Л. Пти, а вслед за ним и Э. Хонигман¹⁰² предполагают, что он сын того Пакуриана, о котором упоминает Скилица. Скилица же сообщает, что при царе Василии II, после захвата им Тайка, находились представители знатнейших родов этой страны: *ὁ ἴσταν χορυφαῖος ὁ Παχουριάνος καὶ Φεβδάτης καὶ Φέρσης αἱ ἀδελφοί*¹⁰³. Скилица также говорит о том, что в 1016 г. царь Василий II получил письмо от стратега Доростола Цицикия, сына патрикия Февдата¹⁰⁴. Затем Скилица сообщает еще об одном Цицикии (Джоджике), который в 979 г. во главе 12.000 человек был послан на помощь Варду Фоке Давидом Куропалатом¹⁰⁵. Хонигман сопоставляет сведения Скилицы с данными Асохика, который упоминает, что в 998/9 году при сражении в Апахунике Гурген Ивирский передал командование над своими шестью тысячами всадников «князю князей» (ипшхан ипшханов) Ферсу, сыну Джоджика, и приходит к заключению, что Цицикий, о котором пишет Скилица, повествуя о событиях 1016 г., не мог быть этим Джоджиком, отцом Ферса, а лишь племянником Ферса и тезкой первого Джоджика¹⁰⁶.

Сравнивая высказывания Скилицы и Матфея Эдесского, Хонигман выясняет имя Пакуриана, первого из трех братьев, которые находились при Василии II после захвата им Тайка. Его звали Ваче. Используя еще два высказывания Скилицы о Ферсе, как участнике восстания Никифора Фоки, и Февдате, а также некоторые другие данные, Хонигман составляет родовое древо этой семьи: Баграт — прадед Григория Пакуриана, Джоджик, «князь князей», — его дед, Ваче — его отец, Февдат и Ферс — дядья. Стратиг Доростола Цицикий — сын Февдата и, следовательно, двоюродный брат Григория¹⁰⁷.

¹⁰⁰ Пак., гл. 2, стр. 128, § 17.

¹⁰² Н. Я. Марр. Аркауи, монгольское название христиан..., стр. 21—25.

¹⁰² E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071, nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, 1935, S. 222.

¹⁰³ Cedrenus. II. Bonnæ, 1839, p. 447. 21—23.

¹⁰⁴ Ibid., 465. 16—17.

¹⁰⁵ Всемирная история Степаноса Таронского. СПб., 1885, стр. 193 (на др.-арм. яз.).

¹⁰⁶ E. Honigmann. Op. cit., p. 223.

¹⁰⁷ Ibid., p. 224.

Эта родословная показывает, что предки Григория были знатными людьми и занимали блестящее общественное положение¹⁰⁸. Уже его дед носил титул «князя князей». Этот титул унаследовал его отец¹⁰⁹. Род Пакуриана имел право на титул «*καυοξέβατος*»¹¹⁰.

Дед Григория, его отец и дядья упоминаются у хронистов не только как *χορηφαίοι* и *κατὰ γένος πρωτεύοντες*, но и как полководцы, деятельно участвовавшие в политической жизни своего времени¹¹¹. Григорий унаследовал и знатность происхождения, и воинские дарования. Он служил Византийской империи, сражался за нее на разных ее границах и приобрел расположение василевсов и огромные богатства. В 1064 г. он защищал Ани от войск султана Алп-Арслана¹¹². При императорах Михаиле VII Дуке (1071—1078) и Никифоре III Вотаниате (1078—1081) он был дуклой Карса и Феодосополя в Армении¹¹³, а также правителем фемы Смоленов в Македонии¹¹⁴. Григорий стал ближайшим сподвижником Алексея I Комнина (1081—1118). Он был среди тех лиц, которые более всего содействовали его возведению на престол¹¹⁵. Пакуриан достиг высокого положения великого доместика Запада¹¹⁶. Он оказал много услуг Алексею I во время войны с Боэмундом Тарентским¹¹⁷ и погиб при подавлении восстания Травла в 1086 г. под Белятовым¹¹⁸. Служба трем императорам имела ощутимые результаты — Григорий был крупным земельным магнатом, обладателем несорядного богатства¹¹⁹.

Родословное древо Григория, его краткий послужной список и упоминание о его богатстве понадобились нам для того, чтобы подчеркнуть, что этот феодал действительно был *grand-seigneur*, как заметил о нем Ш. Диль¹²⁰, и что у такого человека более уместно искать вассалов, чем, например, у Атталиата.

В настоящей статье мы коснулись вопроса о наличии вассальных отношений в Византии в конце XI в. Следует отметить, что вопрос о феодальной иерархии в Византии является спорным как в русской, так и в зарубежной историографии. Противники наличия феодальной иерархии в Византии отрицают ее существование, приводя в качестве единственного аргумента то, что в документах нет юридических доказательств существования вассальных отношений. Сторонники же, по существу, не приводят развернутой аргументации в защиту существования вассалитета и не пытаются, насколько нам известно, широко поставить и решить такие вопросы, как, например, какие свидетельства памятников можно расценивать как указание на наличие сеньориально-вассальных отношений¹²¹; какие термины употреблялись в Византии для обозначения вассалов; можно ли установить, какие были взаимоотношения между сеньором и вассалом, опи-

¹⁰⁸ М. М. Фрейденберг не прав, когда пишет о Григории как о человеке «довольно низкого происхождения» (М. Фрейденберг. О феодальной вотчине..., стр. 26).

¹⁰⁹ Пак., стр. 98, § 2. 23—24.

¹¹⁰ Б. А. Панченко. Коллекции Русского археологического института в Константинополе. — ИРАИК, XIII, 1908, стр. 83.

¹¹¹ E. H. O n i g m a n n. Op. cit., p. 225.

¹¹² Ibid., p. 188.

¹¹³ Пак., стр. 246. 30, 248.1.

¹¹⁴ Там же, стр. 250.89, 252.9—10; см. также И. Соколов. Грузинский монастырь..., стр. 555. О положении фемы Смоленов см. И. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 6—8.

¹¹⁵ A n n a C o m n e n a. Alexias. Bonnæ, 1839, p. 96. 1—22.

¹¹⁶ Пак., стр. 98. 2—3.

¹¹⁷ П. В. Безобразов. Боэмунд Тарентский. — ЖМНП, ч. 226, 1883, стр. 56, 59, 60, 62, 64.

¹¹⁸ A n n a, p. 235. 14—16.

¹¹⁹ Пак., гл. 36, стр. 248—252, гл. 2. стр. 128, § 16—17.

¹²⁰ Ch. D i e h l. La société byzantine à l'époque des Comnènes. — «Revue historique du Sud-Est Européen», VI-ème année, Juillet — Septembre, 1929, p. 247.

¹²¹ Исключение составляет статья Г. Г. Литаврина «Был ли Кекавмон, автор «Стратегикона», феодалом?» — «Византийские очерки». М., 1961.

раясь на не слишком богатые свидетельства памятников; в чем отличие византийского вассалитета от западного.

При этом важность вопроса о наличии феодальной иерархии расценивается византологами по-разному. Некоторые зарубежные историки, рассматривая феодализм как систему политической организации общества, придают ленной системе и феодальной иерархии решающее значение при решении вопроса о наличии или отсутствии феодализма в Византии¹²². Историки-марксисты рассматривают феодализм как систему социально-экономических отношений, и, по их мнению, наличие вассалитета — это далеко не самый важный признак существования феодальных отношений. Ленная система и феодальная иерархия сами обусловлены ходом развития социально-экономических отношений. Но все же этот вопрос достаточно важен, ибо, по словам Маркса, «иерархическая структура земле-владения и связанная с ней система вооруженных дружин давала дворянству власть над крепостными»¹²³.

Рассмотрим ряд высказываний сторонников и противников наличия феодальной иерархии в Византии. При этом следует отметить, что некоторые историки, признающие феодальные отношения в Византии, отнюдь не были уверены в существовании феодальной иерархии. Приведем для примера высказывание В. Г. Васильевского, который утверждал, что «идея вассальной связи между свободными людьми всегда оставалась чуждой византийцам»¹²⁴. А. А. Васильев в одной из своих работ писал, что «конечно, хорошо организованной иерархии, которая в феодальном обществе Запада создала длинные звенья сюзеренов, вассалов и подвассалов, никогда не сформировалось в Византии»¹²⁵.

Некоторые из историков-марксистов также не признают наличия в Византии феодальной иерархии¹²⁶. М. М. Фрейденберг, например, определенно утверждает, что в распоряжении византийских магнатов не создавалось разветвленной иерархической организации феодального типа, что в XI—XII вв. речь может идти только о министерiales, «стоявших скорее на пути превращения в рыцарей», и, в качестве единственного исключения, указывает на известия Кекамена¹²⁷. Но А. П. Каждан считает возможным, как мы отмечали выше, говорить о существовании вассалитета уже для Византии X в.¹²⁸ Г. Цанкова-Петкова в одной из своих последних работ признает наличие вассалитета в Византии в XI—XII вв.¹²⁹

Большую статью посвятил интересующему нас вопросу Г. Г. Литаврин. Он полемизирует с Лемерлем, утверждающим, что экономическое могущество и подлинно великая роль крупных собственников не придавали никакого феодального колорита византийскому обществу. Рассматривая данные Кекамена и сравнивая их со свидетельствами других источников, он приходит к выводу о существовании в XI в. иерархической лест-

¹²² P. Lemerle. *Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos*. Bruxelles, 1960, p. 80.

¹²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. III, стр. 23.

¹²⁴ В. Васильевский. *Материалы для внутренней истории византийского государства. Меры в защиту крестьянского землевладения.* — *ЖРМНП*, № 3, 1879, стр. 172.

¹²⁵ А. А. Васильев. *On the question of byzantine feudalism.* — *Byz.*, 8 (2), 1933, p. 604.

¹²⁶ Д. Ангелов. *Феодализмът във Византия.* — *ИП*, № 2, 1946—1947, стр. 227—228.

¹²⁷ М. М. Фрейденберг. *О феодальной вотчине в Византии в XI—XII вв.* — *ВВ*, XVIII, 1961, стр. 28.

¹²⁸ А. П. Каждан. *Крестьянское движение в Византии в X в. ...*, стр. 84—85, *е го же*. *Формирование феодального поместья...*, стр. 117—118, *е го же*. *Деревня и город в Византии в IX—X в. ...*, стр. 69, 117—120.

¹²⁹ Г. Цанкова-Петкова. *За аграрните отношения...*, стр. 46, 47, 132.

ницы феодального характера, правда несколько более короткой, нежели на Западе ¹³⁰.

Мы повторяем, что вопросы о терминах, которыми обозначались вассалы в Византии, о взаимоотношениях господина и вассала, об особенностях византийского вассалитета не поставлены, насколько нам известно, в современной историографии. Разумеется, мы не претендуем на разрешение этих сложных вопросов в небольшой статье. Мы попытались только выяснить, какие ответы на вопросы по византийскому вассалитету в конце XI в. может дать типик Григория Пакуриана.

В заключение мы хотим отметить, что вассалитет в Византии в конце XI в., насколько можно судить по типику Пакуриана и современным ему источникам, не был так же развит и юридически оформлен, как, например, на Западе в IX—X вв. На Западе была учреждена вассальная присяга, которая связывала вассала с сеньором, существовала церемония передачи феода (инвеститура), были четко установлены взаимные обязанности сеньора и вассала. Отнять у вассала феодал сеньор мог только в том случае, если суд всех его вассалов под его председательством признавал, что вассал нарушил клятву верности. Да и не всегда это решение можно было воплотить в жизнь, так как иногда вассал оказывался куда сильнее господина и окончательное решение нередко зависело от военного столкновения.

В Византии же мы, разумеется, не найдем юридически оформленного эммажа, инвеституры, документально обозначенных обязанностей патрона и вассала. А отнять пожалование у своего вассала византийскому феодалу, как мы видели выше, было куда легче, чем феодалу французскому.

И все же в Византии существовали такие мелкие феодалы, чьи отношения к более крупным нельзя расценить иначе, чем вассальные, во всяком случае чрезвычайно близкие к таковым.

¹³⁰ Г. Г. Литаврин. Был ли Кекавмен..., стр. 239—240.

Г
Л
И
Т
И
Л
Л
Ф
Л
Л
К
М
П
В
И
Т
К
Г
П
С
Ц
С
У
О
Д
«
—
Ч
Г
З
В
В

И. П. МЕДВЕДЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОМ ГОРОДЕ МИСТРЕ

Данная статья представляет собою первую часть подготовленной автором работы, посвященной общественно-экономическим отношениям в Мистре. В этой части мы рассматриваем вопросы, связанные с ремеслом и торговлей в Мистре, поскольку для решения проблемы общественно-экономических отношений представляется необходимым в первую очередь коснуться ее функций как центра производства и обмена, т. е. тех атрибутов, без наличия которых, как известно, «город не считается городом»¹. В свою очередь от решения этого вопроса зависит выяснение уровня зрелости (в социальном и политическом смысле этого слова) тех слоев населения Мистры, которые по своей природе могли бы стать носителями антифеодальных тенденций, т. е. торгово-ремесленных слоев. Задача представляется чрезвычайно трудной, поскольку нет ни одного источника, в котором бы эти чисто городские, торгово-ремесленные элементы населения Мистры фигурировали в качестве самостоятельного единства. Это тем более поразительно, что с XIV в. и в Византийской империи начинается, по выражению Э. Кирстена, «эпоха привилегий», дающихся центральными властями торговцам и ремесленникам византийских городов². Так, в известном хрисовуле Андроника II городу Янине жители города (ἐπιτοκοὶ τῆς Θεσσαλονίκης πόλεως Ἰωαννίνων)³ прямо-таки противостоят императору как договорная сторона. Они освобождались от всякого рода налогов, не были обязаны нести военную службу вне города, принимать на постой войска, нести охрану. Торговцы освобождались от налогов на свои сделки по всей империи. Еврейское население ремесленников и торговцев, многочисленное в этом городе, пользовалось привилегиями наравне с другими жителями Янины. Город располагал своими юридическими учреждениями и коммунальной милицией⁴. Весьма показательна в этом отношении и серия актов (императорских хрисовулов и аргировулов деспотов Мистры), пожалованных городской общине Монемвасии, этого «византийского Гибралтара»⁵, в результате которых торгово-ремесленное

¹ М. Я. С ю з м о в. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. — «Античная древность и средние века». Свердловск, 1965, стр. 6.

² E. K i r s t e n. Die byzantinische Stadt. Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress, v. 3. München, 1958, S. 36.

³ ММ, V, p. 81.

⁴ E. F r a n c è s. La féodalité et les villes byzantines au XIIIe et au XIVe siècles. — BS, XVI, 1, 1955, p. 91.

⁵ St. B i n o n. L'histoire et la légende de deux chrysobulles d'Andronic II en faveur de Monembasie. — EO, XXXVII, 1938, p. 306—307; ММ, V, p. 154—155, 171—175.

население Монеивасии получило значительные привилегии, особенно в области торговли. Пошлинные льготы, пожалованные купцам Монеивасии, ставят их, по крайней мере формально, в равное положение с привилегированными зарубежными торговцами. Особенно интересен акт от декабря 1442 г., по которому парики могли свободно устраиваться в Монеивасии, феодалы не могли больше требовать их возвращения⁶. Э. Кирстен полагает, что в данном случае был реализован принцип «городской воздух делает свободным»⁷. Правда, и по отношению к этим привилегированным городам свидетельства как о существовании купцов греческой национальности, так и о существовании ремесленников чрезвычайно скудны (за исключением, пожалуй, Фессалоники). Более того, льготы, по мнению Э. Кирстена, могли даваться из внешнеполитических и военных соображений и не обязательно должны были быть результатом особого социального развития или экономического значения города⁸. Однако Е. Франчес считает, что «в середине XIV в. создается основа реальной эмансипации городов»⁹. Нам кажется, что в данном случае прав Кирстен. Сам материал работы Франчес свидетельствует против того радикализма, который заключается в его выводе. К тому же и сам он признает в другом месте своей работы, что «в целях консолидации своего господства Византия вынуждена была давать городам существенные уступки, разрешая им *ввиду политической конъюнктуры и географического положения* (курсив наш.— И. М.) освободиться... от византийской опеки»¹⁰.

В Мистре, разумеется, также существовало торгово-ремесленное население. Знаменитый философ Георгий Гемист Плифон в своей известной речи перед правителем Мистры Феодором II Палеологом, наряду с самым многочисленным и производящим классом земледельцев (*τὸ αὐτοσχικόν*) и правящим классом (*ἀρχικόν φύλον*), выделяет в населении Мореи (думается, что в первую очередь имеется в виду Мистра, поскольку большая часть жизни Плифона связана именно с этим городом) специальный класс, к которому он относит ремесленников, купцов, лавочников и им подобных. Этот класс, по мнению Плифона, существует для обслуживания первых двух, а также всего прочего населения, причем разъясняется, что ремесленники обеспечивают людей теми предметами, в которых они нуждаются в своей повседневной жизни, купцы помогают каждой области выравнять несоответствие между излишками и недостатком предметов, а лавочники скупают у ремесленников или купцов вещи (*ἀθρόα*) и продают каждому, кто в них нуждается¹¹.

Пелопоннес располагает, как известно, значительными природными ископаемыми. В районе Мистры и Тайгета находятся богатейшие залежи железа, в частности бурого железняка¹². Особенно богатое месторождение железной руды находится у Порто Квалио (Porto Quaglio), местечка в южной оконечности Лаконии, близ мыса Тенар (ныне Матапан)¹³. В античное время лаконское железо пользовалось большим спросом. Добычей и обработкой его было занято много людей, а на рынке Спарты для изделий из железа было отведено определенное, самое лучшее место¹⁴. Разу-

⁶ MM, V, p. 172.

⁷ E. Kirsten. Op. cit., S. 42.

⁸ Ibid., S. 38.

⁹ E. Francès. Op. cit., p. 89.

¹⁰ Ibid., p. 90.

¹¹ Georgii Gemisti Plethonis ad principem Theodorum De rebus peloponnesiacis Oratio II.— PG, t. CLX, col. 849.

¹² E. Curtius. Peloponnesos, eine historisch-geographische Beschreibung der Halbinsel, Bd. II. Gotha, 1852, S. 206.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem. Литературу о железорудных копях в Лаконии и искусстве обработки железа в древности см. у Сп. Ламброста: NE, t. 3, 1906, σελ 45.4. Сведения античных авторов об этих месторождениях и других полезных ископаемых Лаконии собрал Курциус (E. Curtius. Op. cit., Bd. II, S. 308, Ann. 6).

5-
т,
1-
я
д,
г,
о-
м
к
д,
г-
а-
я
го
9.
ы
т-
ы,
та
ой
о-

а-
ой
им
ю)
у-
ая
с,
х.
ых
с-
ся
ть
ки
су,

ми
ки
де-
ка
н-
ей
де-
зу-

меется, византийцы тоже знали об этих месторождениях. «Я слышал, что Пелопоннес и особенно окрестности самой Спарты полны железорудных копей (πλήρη μετάλλων σιδήρου)»¹⁵, — говорит в письме к деспоту Мистры Константину Палеологу кардинал Виссарион, которого С. Ламброс назвал «лучшим знатоком, ресурсов Пелопоннеса»¹⁶, и настоятельно рекомендует деспоту систематически эксплуатировать эти залежи, с тем чтобы избежать импорта железа из-за границы¹⁷.

Тем не менее приходится констатировать полное отсутствие добывающей промышленности в Мистре, поскольку нет никаких сведений о разработке копей в это время и нигде не обнаружено следов каких бы то ни было производственных комплексов по переработке добытого сырья^{17а}. И наоборот, источники говорят о систематическом ввозе железа из-за границы. Так, когда в 1388 году возник конфликт деспота Мистры Феодора I с Венецией по поводу Аргоса, венецианское правительство применило к нему экономические санкции, отказав в продаже железа из Корона и Модона для нужд Морей¹⁸. Ввозилось железо и из Дубровника (Рагузы)¹⁹. Более того, даже Плифон, который ратовал за ликвидацию всякого импорта, утверждая, что страна не нуждается вообще в привозных товарах, делал исключение для железа и оружия (πλήν σιδήρου καὶ ὀπλων)²⁰.

Причиной такого положения в Мистре было отсутствие какого бы то ни было прогресса в технике, низкий уровень состояния производительных сил вообще, отсутствие умелых, знающих специалистов. Особенно чувствительной была нужда в тех ремеслах, которые были необходимы именно для развития горного дела и выплавки металлов (τῆς ὀργανικῆς καὶ μηχανικῆς καὶ σιδηροποιητικῆς по терминологии кардинала Виссариона). Живя в Италии, в которой, как известно, в это время совершалась великая техническая революция, но и не порывая связей с родиной, прекрасно зная условия жизни обеих стран, Виссарион остро чувствовал и понимал разницу в уровне их развития. Стремясь поощрить развитие горного дела в Мистре, он описывает различные механические устройства, применяющиеся в Италии для транспортировки грузов и дробления горных пород²¹. Интересен также отрывок из его письма, в котором говорится: «Бревна (в Италии. — И. М.) распиливаются автоматически, жернова крутятся с невозможной скоростью и стремительностью, кузнечные мехи при выплавке и разливке металлов, напрягаясь и расслабляясь, без всякой помощи рук отделяют металлы от имеющегося и выпадающего негодного вещества»²². Изготовление железа, по его мнению, «и столь полезно и столь необходимо людям, что без этого невозможно добиться успеха ни в военных, ни в мирных, ни в государственных делах»²³. В качест-

¹⁵ Ὑπόμνημα τοῦ καρδινάλιου Βησσαρίωνος εἰς Κωνσταντῖνον Παλαιολόγον. — NE, 3, 1906, σελ. 26. 13—14. В другом месте Виссарион наряду со Спартой указывает и Тайгет (ibid., σελ. 27. 4—5).

¹⁶ Ibid., σελ. 31.

¹⁷ Ibid., σελ. 26, 17—20.

^{17а} Ср. вывод С. Вриониса о континуитете горного дела в Византии вплоть до османского завоевания (S. V r y o n i s. The question of the Byzantine Mines. — «Speculum», XXXVII, 1962, N 1, p. 17) и возражения А. П. Каждана (BB, XXV, 1964, 259—261).

¹⁸ D. Z a k y t h i n o s. Le despotat grec de Morée, t. I. Paris, 1932, p. 134.

¹⁹ М. А. А н д р е е в а. Торговый договор Византии и Дубровника и история его подготовки. — BS, VI, 1935—1936, стр. 115, прим. 13.

²⁰ Georgii Gemisti Plethonis ad regem Emmanuelem De rebus Peloponnesiacis Oratio I. — PG, t. CLX, col. 837.

²¹ Ὑπόμνημα τοῦ καρδινάλιου Βησσαρίωνος, σελ. 26. 4—5.

²² Εἶδλα πρίζονται αὐτομάτως, μύλωνες τάχιστα τε καὶ ὡς ἐνεστὶν ἰξύτατα κινεῦνται, οἱ τε φυσητήρες τῶν ἐν χωνείας καὶ διακρίσει (τῶν) μετάλλων ἀσχοὶ ἐντεινόμενοι τε καὶ ἀνέμενοι, μηδεμιᾶς χειρὸς ὑπουργούσης, τὰ μέταλλα τῆς ἐνοούσης μοχθηρᾶς τε καὶ βροούσης διακρίνουσιν ὅλης (ibid., σελ. 26. 5—10).

²³ Ibid., σελ. 26. 10—13.

ве практической меры он советует деспоту Мистры, выбрав некоторых молодых людей, послать их в Италию для обучения необходимым ремеслам²⁴, добавляя, что такое практическое освоение этих ремесел позволит легко и в короткий срок изучить их²⁵. Из других видов промышленности, практиковавшихся в Италии, Виссарион упоминает изготовление стекла, производство шелковых и шерстяных тканей и окраску их²⁶. Действительно, как указывает Ламброс, стекольное дело процветало в Венеции, фабрики которой еще и в наше время вырабатывают художественные изделия, аналогичные тем, которые венецианские стеклодувы изготавливали в средние века, а предприятия шелковой и шерстяной промышленности экспортировали изготовленные ими ткани через порты Генуи, Анконы и Венеции в Анатолию и на Пелопоннес²⁷.

Лучше, кажется, обстоит дело в Мистре, как городе с широким размахом строительства, со строительными ремеслами и художественными промыслами. Активизация деятельности церкви выразилась в усиленном возведении многочисленных церквей и монастырей, но наряду с культовым зодчеством, которое всегда было ведущим в Византии, в Мистре в широких масштабах велось и гражданское строительство. Прекрасный строительный материал поставляли богатые леса Тайгета, которые восхваляются Иоанном Евгеником²⁸, и обилие превосходного мрамора в карьерах Лаконии, о чем говорится у Ла Гилетьера²⁹. Особенно была богата благородным камнем южная часть лаконской долины. На склонах отрогов Тайгета, окаймляющих с севера долину Гелоса, находились знаменитые порфировые каменоломни Леветоу (Levetzova), светло-зеленый камень которых когда-то относился к самым изысканным украшениям римских зданий³⁰. Еще более распространенным в античности был текарский мрамор, который римляне добывали для своих колоннад³¹. В византийское время эти сокровища послужили и грекам. На протяжении сравнительно небольшого периода были возведены тысячи построек³², многие из которых являются уникальными произведениями поздневизантийской архитектуры и искусства³³. Все это заставляет предполагать в Мистре наличие значительного числа ремесленников строительных профессий, как высококвалифицированных мастеров, архитекторов и художников, так и тех, которые, по словам Плифона, живут продажей своей рабочей силы³⁴.

²⁴ ...τινας ἐκλεξάμενος νέους εἰς Ἰταλίαν πέμψαι, τῶν τεχνῶν μαθησομένους τὰς ἀνάγκαιας (ibid., σελ. 25, 33, 26.1).

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibid., σελ. 26. 30—33.

²⁷ Ibid., σελ. 48.

²⁸ Sp. Lambros. Παλαιολόγια καὶ Πελοποννησιακά, Α. Ἀθήνησιν, 1912, σελ. 50—51. Кардинал Виссарион также говорит об изобилии и хорошем качестве строительного материала, поставляемого лесами Пелопоннеса: «πλείστην ἐν Πελοποννήσῳ καὶ καλλίστην ἔχεις ὄλην» (?Υπόμνημα τοῦ καρδινάλιου Βησσαρίωνος, σελ. 26).

²⁹ La Guilletière. Lacedemone ancienne et nouvelle. Paris, 1676, p. 398—399.

³⁰ E. Curtius. Op. cit., S. 206, und Taf. IX.

³¹ Ibidem.

³² Нынешние руины Мистры, насчитывающие около двух тысяч построек (M. Sotiriou. Mistra. Une ville byzantine morte. Athènes, 1935, p. 6), содержат и более поздние постройки времени турецкого господства, но особой перестройке или достройке город не подвергался (см. Ф. И. Шмит. Памятники Мистры. — ЖМНП, 1911, май, стр. 253). Более того, половина зданий вообще, по-видимому, не дошла до наших дней. Во всяком случае, Ла Гилетьер писал что «в Мистре насчитывают около 2000 населенных домов и столько же в Мезохорионе» (La Guilletière. Op. cit., p. 420).

³³ См. G. Millel. Monuments byzantins de Mistra. Paris, 1910; A. Orlanos. Τὰ παλάτια καὶ τὰ σπίτια τοῦ Μιστρά.— «Ἀρχαῖον Βυζαντινῶν Μνημείων τῆς Ἑλλάδος», III, 1937, σελ. 3—114; M. Sotiriou. Op. cit.; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 231—234, 370—372 и др.

³⁴ «Εἰσι δ' οἱ καὶ τὴν τοῦ σώματος ῥώμην μισθοῦμενοι, διακονοῦντες ἄλλοις ἄλλοις, διαζῶσιν» (Georgii Gemisti Plethonis... Oratio II, col. 849).

Ничего не известно об организации труда этих ремесленников и мастеров. Во всяком случае, по нашему мнению, можно быть почти уверенным в отсутствии цеховой, корпоративной организации в Мистре, поскольку исчезновение в Византии корпораций в это время, т. е. как раз в эпоху, когда в городах Запада все более и более укрепляется идея организации ремесленников и торговцев по корпорациям, констатируется повсеместно³⁵. За два века (XIII и XIV) встречается буквально несколько единичных случаев упоминания корпораций, относящихся к тому же исключительно к такому крупному городу-эмпорью, каким была Фессалоника. В частности, упоминаются цехи мироваров (τῶν μωρεψῶν) и строителей домов (τῶν οἰκοδομῶν)³⁶. Реальнее, на наш взгляд, предположить организацию в Мистре ремесленников и строительных рабочих по артелям, что, насколько нам известно, было весьма распространенным явлением в Византии. В пользу этой точки зрения говорит текучесть кадров ремесленников, особенно высококвалифицированных профессий. Так, известно, что часть фрескистов церкви Теококос Одигитрии монастыря Вронтохион, если не все, приходили из Константинополя³⁷. Вероятно, немало мастеров появлялось и с Запада, особенно из Италии, чему способствовала активная матримониальная политика деспотов Мистры³⁸. Это любопытное соединение работы мастеров разных школ, стилей и направлений, в архитектуре и настенной живописи может, на наш взгляд, в какой-то мере объяснить тот «гибридный» характер памятников Мистры, который так удивляет исследователей³⁹.

Традиционным было занятие населения Мистры, как, впрочем, и всего Пелопоннеса, текстильным ремеслом. Плифон говорит, что страна изобиловала шерстью, льном, виссоном и хлопком⁴⁰. Тутовые деревья, покрывающие всю Лаконскую долину⁴¹, особенно способствовали развитию шелководства, центром которого в Мистре были кварталы с еврейским населением. Хорошие торговцы и ремесленники, евреи издавна образовали в Византийской империи множество важных колоний⁴². Наряду с другими еврейскими колониями Пелопоннеса (в Патрах, Коринфе)⁴³, процветала и колония в Спарте, первое упоминание о которой встречается в «Житии» известного церковного деятеля X века Никона Метаноита⁴⁴. Евреи Спарты занимались работами, относящимися к изготовлению тканей. Под предлогом спасения Спарты от свирепствовавшей в это время эпидемии чумы проповедник предложил спартиатам изгнать этих «нечестивцев» из их города⁴⁵. Позднее, когда Мистра стала административным цент-

³⁵ E. Francès. La disparition des corporations byzantines.— «Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 94.

³⁶ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948, N 111, S. 303, N 112, S. 306; ср. Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 274.

³⁷ Ch. Delvoye. Considérations sur l'emploi des tribunes dans l'église de la vierge Hodigitria de Mistra.— «Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines», t. III. Beograd, 1964, p. 46.

³⁸ V. Laurent. Un argyrobulle inédit du despote de Morée Théodore Paléologue en faveur de Mastino de Cattanei, gentilhomme toscan.— REB, XXI, 1963, p. 208.

³⁹ D. C. Hesseling. Essai sur la civilisation byzantine. Paris, 1907, p. 370.

⁴⁰ Georgii Gemisti Plethonis..., Oratio I, col. 837.

⁴¹ Рихард Хаушильд полагает, что само название «Морея», утвердившееся в средние века за Пелопоннесом, связано с греческим словом μῶρον («шелковица»), μωρέα («тутовое дерево»), μωρεῶν («тутовый сад» или «тутовая страна») и является показателем высокого развития шелковой промышленности в средние века на Пелопоннесе (см. R. Hauschild. Mistra — die Faustburg Goethes. Berlin, 1963, S. 11, Anm. 2).

⁴² См. литературу: Joshua Starr. The Jews in the Byzantine Empire 641—1204. Athen, 1939; A. Andréadès. Oi Ἑβραῖοι ἐν τῇ Βυζαντινῇ Κράτει.— «Ἐργα», I. Athènes, 1938.

⁴³ A. Andréadès. Op. cit., σελ. 612.

⁴⁴ Ὁ βίος Νίκωνος τοῦ Μετανοίτου.— NE, 3, 1906, σελ. 162—166.

⁴⁵ Ibid., σελ. 163.

ром византийской Морей, там образовалась новая колония. Как и в остальной империи, еврейское население Мистры подвергалось сегрегации, имея резиденцией кварталы, расположенные за городскими стенами, в районе так называемого экзохорона или внешнего города ⁴⁶. Ла Гилетьер называет этот район «Новой Иудеей» и сообщает, что в нем насчитывалось около 1000 домов, почти полностью населенных евреями, которые имели там синагогу ⁴⁷. По-видимому, именно к этим кварталам и относится название 'Εβραϊκή, сообщаемое Сфрандзи ⁴⁸, которое Закифинос, пользующийся старым боннским изданием его «Хроники», идентифицировал с известным местечком Τρίπη ⁴⁹ и сделал на этом основании вывод, что последнее служило для евреев Мистры убежищем ⁵⁰.

Занимаясь, как уже было сказано, главным образом производством шелка, ремесленники Мистры реализовали результаты своего труда как на рынках Корона и Модона, посещая эти венецианские владения ⁵¹, так и на рынке самой Мистры. Так, в постановлении венецианского сената от 19 июня 1430 г. говорится, судя по регестам Ф. Тирье, что в течение нескольких лет венецианские кунцы отправляются в Мистру и в другие города Морейского государства, чтобы продавать там сукна и покупать шелк и кошениль (грану) ⁵². В этом же году сенат, стремясь оказать давление на деспота Мистры Феодора II Палеолога, с которым Венеция находилась в споре по поводу церковной юрисдикции латинского архиепископа Патр, запретил венецианцам Пелопоннеса покупку в Мистре шелка ⁵³. С. Ламброс полагает, что запрещение длилось до 1445 г., когда, в результате новых соглашений, была восстановлена свобода вывоза ⁵⁴. Известно, что после очередного конфликта венецианское правительство 12 сентября 1450 г. разрешило деспоту Мистры послать шелк в Венецию, не уплатив пошлины ⁵⁵.

Однако, несмотря на эту торговлю шелком, приходится снова констатировать серьезный упадок текстильного ремесла, которое, по мнению Закифиноса, не превышало рамок домашнего производства (*les limites de l'artisanat domestique*) ⁵⁶. Любопытно, что еще в первой половине XIX в., когда в Спарте стали появляться первые предприятия по разведению шелковичных червей и прядению шелка, каждый житель имел привычку разводить шелковичных червей у себя дома ⁵⁷. По свидетельству Бюшона, женщины выводили яйца коконов, вынашивая их на своей груди ⁵⁸.

Причиной такого плачевного состояния как шелководства, так и вообще текстильной промышленности в византийской Мистре был все усиливавшийся импорт иностранных товаров, представлявших собой по преимуществу готовые мануфактурные изделия. Ткани, сукна и одежды италийского производства наводняли города и деревни византийской

⁴⁶ D. Zakythinos. *Le despotat grec de Morée*, t. II. Athènes, 1953, p. 43; P. Tivčev. *Sur les cités byzantines aux XIe — XIIe siècles*. — «Byzantinobulgaria», I. Sofia, 1962, p. 158.

⁴⁷ La Guilletière. *Op. cit.*, II, p. 423.

⁴⁸ Georgios Sphrantzes. *Memorii 1401—1477*, ed. V. Grecu. București, 1966, p. 68 (XXXVII, 1); Cf. Pseudo-Phrantzes, p. 342.

⁴⁹ E. Curtius. *Op. cit.*, II, S. 160, 245 und Taf. IX.

⁵⁰ D. Zakythinos. *Op. cit.*, II, p. 43. Он сообщает, ссылаясь на работу Н. А. Векса (N. A. Veas. *Οι Έβραίοι τής Λακωνικουίας καί τού Μυστρά. Νομῆας*, III, 1905, N 166, 10), к сожалению нам недоступную, что в Лаконии до сих пор сохранились надписи на еврейском языке.

⁵¹ D. Zakythinos. *Op. cit.*, II, p. 43.

⁵² F. Thiriet. *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie*, t. II. Paris, 1959, p. 275, N 2202.

⁵³ Sp. Lambros. in: *NE*, 3, 1906, σελ. 46.

⁵⁴ *Ibid.*, σελ. 47.

⁵⁵ Thiriet. *Régestes...*, t. III. Paris, 1961, N 2835.

⁵⁶ D. Zakythinos. *Op. cit.*, II, p. 252.

⁵⁷ J. A. Buchon. *La Grèce continentale et la Morée*. Paris, 1843, 425.

⁵⁸ *Ibidem*.

Мо
сос
по
ти
раб
об
чен
чат
гот

тит
ны
зре
дил
Зам
вре
т. е
нап
бол
с в

луч
вне
сей
эко
сох
дос
ли

ее
обес
гих
Пел
ми
по
(осу
важ
ния
(
всей
Мод
реж
у
мен
ла и
приг

5
6
mi s
6;
βαφης
6
6
6
6
6
6

Мореи⁵⁹. Знать предпочитала иностранные одежды, о чем с негодованием сообщает Плифон⁶⁰. Разумеется, эта конкуренция была совершенно не по силам ремесленникам-мистрайтам, которые в лучшем случае могли противопоставить готовым изделиям итальянских мануфактур метаксу, необработанный шелк-сырец. Видимо, традиции былого высокого мастерства обработки шелка, изготовления тканей и окраски были совершенно утрачены, поскольку Виссарийон среди ремесел, которым должны были обучаться в Италии молодые люди, посланные из Мистры, упоминает и изготовление шелковых и шерстяных одежд, и окраску их⁶¹.

Что касается значения Мистры как торгового центра, то нужно отметить, что здесь проявлялось действие целого комплекса как положительных, так и отрицательных условий. В географическом отношении с точки зрения обмена Мистра была расположена крайне невыгодно. Город находился в котловине, на $\frac{9}{10}$ окруженной горами, и не имел выхода к морю⁶². Замкнутый характер Лаконии давал себя знать всегда. Как в античное время Спарта не была городом даже в тогдашнем смысле этого слова, т. е. городом-полисом, и по типу поселения напоминала деревню, так и в наши дни она представляет собою довольно захолустный городок с небольшим числом жителей, лишенный даже железнодорожного сообщения с внешним миром⁶³.

В последние века византийской истории положение было значительно лучше, поскольку, «по причине своего географического положения и внешнеполитических условий, которые превалировали в восточном бассейне Средиземного моря начиная с XI в., Морея стала важным центром экономических связей»⁶⁴. Д. Закифинос полагает, что эту функцию она сохранила вплоть до того времени, «когда оттоманское господство и недостаток золота (сarence de l'or) изменили ориентацию мировой торговли»⁶⁵.

Превращению Мистры в торговый центр способствовали два факта: ее положение как административного центра византийской Мореи, что обеспечивало приток купцов и товаров как из-за границы, так и из других мест Пелопоннеса, и близость двух важнейших портов Венеции в Пелопоннесе — Корона и Модона, являвшихся превосходными станциями для венецианских судов на их пути на Восток и представлявших собою, по выражению официального документа, два «главных глаза коммуны» (oculi capitales communis)⁶⁶. Последнее обстоятельство было особенно важно для Мистры, поскольку непосредственно вовлекало ее в сферу влияния венецианцев.

Организация обмена была довольно примитивной. Используя, по всей вероятности, кратчайший и единственно возможный со стороны Модона путь, а именно: на судах до Каламаты — порта на северном побережье Мессенского залива, — затем по горным тропам пересекающего Тайгет ущелья Лангады на лошадях, или, скорее, мулах, как это делают современные агогиоты Мистры и Трипи при перевозке через ущелье вина, масла и шелковичного кокона⁶⁷, венецианские купцы приезжали в Мистру, привозя с собой звонкую монету и товары, по преимуществу, как было вы-

⁵⁹ D. Zakythinos. Op. cit., II, p. 252.

⁶⁰ «Ἐὼν γὰρ ξενικῶν τούτων ἐσθλήτων πολλή ἀλογία καὶ δεῖσθαι» (Georgii Gemisti Plethonis... Oratio I, col. 837).

⁶¹ «...ἡ τῶν σπηριῶν, ἡ τῶν ἐξ ἐρίου ποίησις ἱρατίων καὶ προσέτι ἡ τούτων ἀμφοτέρων βαφή» (Ἐπόμνημα τοῦ καρδινάλιου Βησσαρίωνος, σελ. 26).

⁶² R. Hauschild. Op. cit., S. 4.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ D. A. Zakythinos. Op. cit., II, p. 253.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ A. A. Vasiliev. History of the Byzantine Empire. Madison, 1952, p. 466.

⁶⁷ K. Baedeker. Griechenland. Handbuch für Reisende. Leipzig, 1904, S. 368.

ше сказано, готовые мануфактурные изделия ⁶⁸. Закупали они там в основном продукты сельскохозяйственного производства: хлеб, хлопок, мед, изюм (*uva passa*), но особенно — шелк-сырец и кошениль или гра-ну — естественный краситель, изготавливаемый из высушенных и растертых самок червецов и окрашивающий ткань в пурпурный цвет. Нам известен один такой венецианский купец — Марино Виадро, — который имел право покупать в Мистре хлеб и *vallania*, плоды некоторых дикорастущих деревьев типа дуба, применяющиеся при дублении кож ⁶⁹. Обмен производился, по всей вероятности, во время ярмарок (*πανηγύρεις*) и особенно во время крупных ежегодных ярмарок (*ἐν ταῖς κατ'ἔτος γινόμεναις πανηγύρεσιν*), о которых упоминается в хрисовуле Андроника III и в аргировуле деспота Мистры Феодора Палеолога в пользу Монеμвасии ⁷⁰. Правда, имеются в виду ярмарки, происходившие в разных городах и крепостях Пелопоннеса, но думается, что Мистра не составляла исключения. В центре города находилась просторная площадь, единственная в городе и его предместьях. Орландос полагает, что она, согласно господствующим средневековым обычаям, использовалась преимущественно для практических целей: здесь происходили народные собрания, празднества и ярмарки ⁷¹. Там же находился и рынок, о чем ясно свидетельствует использование площади в этом смысле не только при турецком господстве (*Voşuk bazar*), но и византийское название *φῆρος* (от латинского *forum*) ⁷².

Необходимо заметить, что, стремясь сосредоточить всю инициативу торговли с Мистрой в своих руках, венецианское правительство запрещало своим подданным ездить в Мистру и торговать там, поскольку «для национальной экономики это чрезвычайно убыточно и лучше, если греческие купцы будут прибывать для торговли в Корон и Модон» ⁷³. Это постановление было принято 19 июня 1430 г., но известно и более раннее постановление сената (от 21 марта 1392 г.), в котором тоже говорится, что греческие подданные деспота Мистры могут приезжать в Корон и Модон и продавать свои продукты, но венецианцы должны воздерживаться от посещения портов Мореи, чтобы вся торговля сосредоточивалась в этих двух венецианских местах ⁷⁴. Правда, неоднократные постановления сената показывают, что осуществить в полном объеме эти намерения Венеции не удалось, но обратное движение купцов и товаров действительно имело место. Так, 12 сентября 1450 г. сенат ответил Афанасию Ласкарису, послу деспота Мистры Димитрия Палеолога, что если деспот заставит возвратить венецианским подданным имущество, которое его подданные похитили, Венеция вернет купцам Мистры все то, что у них было конфисковано ⁷⁵ (по всей вероятности, во время их пребывания в Короне и Модоне). Источник, судя по регестам Ф. Тирье, не упоминает, какой национальности были эти «купцы Мистры», но думается, что евреи занимали среди них самое значительное место. Во всяком случае, применительно к XVII в. Ла Гилетьер сообщает, что «вся торговля Мизитры проходит через руки евреев», добавляя, что они «являются самыми большими ростовщиками в мире» ⁷⁶.

⁶⁸ C. S a t h a s. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen âge, t. III. Paris, 1882, pp. 380—381; F. T h i r i e t. Régestes..., t. I, N 778, t. II, N 2202, t. III, N. 2835. Среди разнообразных продуктов сельскохозяйственного производства и текстильного ремесла, проходивших через Корон и Модон, о которых упоминает флорентийский купец Франческо Бальдуччи Пеголотти, известную долю, очевидно, должны были также составлять товары Мистры (см. F. B a l d u c c i P e g o l o t t i. La Pratica della Mercatura, ed. A. Evans. Cambridge, Mass., 1936, p. 145.).

⁶⁹ F. T h i r i e t. Régestes..., t. I, p. 52, N 156.

⁷⁰ MM, V, p. 167, 171.

⁷¹ A. O r l a n d o s. Τὰ παλάτια καὶ τὰ σπίτια τοῦ Μοστρά, σελ. 9—10.

⁷² Ibidem.; ср. La G u i l l e t i è r e. Op. cit., p. 391.

⁷³ F. T h i r i e t. Régestes..., t. II, N 2202.

⁷⁴ Ibid., t. I, N 812.

⁷⁵ Ibid., t. III, N 2835.

⁷⁶ La G u i l l e t i è r e. Op. cit., p. 492.

Е
в
и
б

к
К
и
(
в
н
н
М

с
р
д
р
д
н
ш
к
н
т
н
ж
ш

от
М
а
м
г
К
л
м
н
ч
н
а

ва
ла
но
зо:
Па

ла:
(G.

th

Епископальный акт 1330 г. упоминает о ростовщической сделке между занимающим митрополичий престол Лакедемонии Григорием Вутасом и двумя братьями-чаусиями ⁷⁷ Элададами ⁷⁸. Судя по фамилии, последние были евреями.

Несомненный интерес, на наш взгляд, представляют сообщения документа от 12 августа 1449 г. о греческих имуществах, находящихся в Короне, из которых коронцы требовали возместить убытки, причиненные им чиновниками деспота Мистры ⁷⁹, и упоминание другого документа (от 12 сентября 1450 г.) о находящихся там же золотых сокровищах (*des bijoux en or* — регесты Тирье), принадлежащих протостратору Эвдемоняну, которые ему оставил некий Лука из Вероны ⁸⁰. Очевидно, в Короне существовал какой-то филиал венецианского банка, в который греки Мистры вкладывали свое состояние.

Таким образом, близость Корона и Модона давала возможность осуществления непосредственных торговых контактов Мистры с венецианской республикой, втягивала ее в орбиту коммерческо-предпринимательской деятельности последней и тем самым стимулировала в какой-то степени развитие товарно-денежных отношений в Мистре. Однако отрицательное действие географического фактора все же сказывалось, особенно в сравнении с другими местами византийской Мореи. Известно, какую большую роль на местном рынке, охватывавшем все побережье Адриатического моря и втягивавшем в сферу своего влияния и Балканский и Апеннинский полуострова ⁸¹, играли Кларенца и Патры. Главными предметами этого адриатического рынка были хлеб и соль. В этом смысле соляные копи Арголиды, в частности Термосиона, Кивериона и Кастри, а также соляные копи Патр ⁸² резко повышали значение вышеназванных пунктов.

Северные области полуострова были богаты также и хлебом. Так, отмеченное Кириаком Анконским обилие вспаханных полей, по мнению М. А. Андреевой, следует искать не на юге, в Лакедемонии и Мессении, а на севере, в землях, прилегающих к Патрасскому заливу ⁸³. Настоящими носителями торговли были Коринф с его знаменитым изюмом (*uve Soranto*) ⁸⁴, кошенилем (путешественник Симон Сиголи, который посетил Коринф в сентябре 1384 г., сообщает, что в этом городе рождалась «самая лучшая в мире ярко-красная грана» — *grana di tignere scarlati*) ⁸⁵, камедью и адрагантом, а на юго-востоке полуострова — Монемвасия с ее не менее знаменитым вином. Франческо Бальдуччи Пеголотти сообщает, что в 1335 г. вино Монемвасии продавалось в Тане, генуэзской колонии на Черном море ⁸⁶.

Источники буквально пестрят упоминаниями названных пунктов как важных центров обмена. Экономическая политика деспотов Мистры была направлена как раз на то, чтобы активизировать торговую деятельность именно в этих местах. Они заключают торговые договоры с Пагузой, Флоренцией, приглашают купцов этих республик чаще посещать Патры, Кларенцу, другие места Пелопоннеса, жалуют им значительные

⁷⁷ Об этом звании см. D. A. Z a k y t h i n o s. Op. cit., II, p. 92.

⁷⁸ ἄπὲρ (речь идет об имуществе Митрополии. — И. М.) ἔδοξεν ὁ πρόην χρηματίας λαχεδαίμονίας βουτᾶς ἐκείνος πρὸς τοὺς δύο ἀδελφούς τζαουσίους τοὺς ἐλαδόδας (G. Mille t. Les inscriptions byzantines de Mistra. — BCH, XXIII, 1899, p. 123.

⁷⁹ F. Thiriet. Régestes..., t. III, N 2810.

⁸⁰ Ibid., № 2835.

⁸¹ М. А. Андреева. Указ. соч., стр. 110—111.

⁸² D. Z a k y t h i n o s. Op. cit., II, p. 250.

⁸³ М. А. Андреева. Указ. соч., стр. 115.

⁸⁴ F. Balducci Pegolotti. La Pratica della Mercatura, p. 157.

⁸⁵ Viaggio al Monte Sinai di Somone Sigoli. Milan, 1841, p. 75; cp. D. Z a k y t h i n o s. Op. cit., II, p. 247.

⁸⁶ F. Balducci Pegolotti, p. 24.

пошлинные льготы⁸⁷, но ни разу среди подробного перечисления пунктов не упоминается Мистра. Нет ни одного торгового договора или какого-либо другого соглашения, объектом которого была бы Мистра. Она была изолирована от международного рынка и вынуждена была ограничивать свою в общем-то довольно пассивную и скромную торговлю общением с вышеупомянутыми венецианскими пунктами. Особенно затруднительным становилось положение Мистры во время политических неурядиц между деспотами и республикой. Так, острый кризис в греко-венецианских экономических связях наступил с 1428 г. в связи с победоносными кампаниями Константина Палеолога на севере полуострова и в континентальной Греции, непосредственно задевавшими интересы республики. 19 июня 1430 г. сенат постановил, чтобы все товары (в частности, шелк и грана), которые из Мистры импортировались в Корон и Модон, были обложены огромной по тому времени пошлиной в 10%, в то время как на товары, экспортируемые в Мистру, пошлина составляла только 3%⁸⁸. Интересно, что, восхваляя в уже известном нам письме успех деспота Константина Палеолога, восстановившего стену на Коринфском перешейке, кардинал Виссарион упоминает о том, что у Константина было намерение основать город на Истме⁸⁹. С. Ламброс полагает, что в данном случае речь идет не только о попытке создать какой-то своего рода наблюдательный пункт (*ἡ ἐπιχειρήσῃ τὸ σκοπεῖν*), но и о перенесении в этот город столицы из Мистры, «ради более надежной защиты Пелопоннеса, подвергавшегося опасности со стороны турок»⁹⁰. Нам такое объяснение кажется малоубедительным, поскольку именно в военном отношении местоположение Мистры было исключительно благоприятным, что не раз спасало страну и ее столицу. Если у Константина Палеолога действительно было намерение перенести столицу из Мистры на север (а это представляется весьма возможным, если вспомнить, что одно время он передал управление Мистрой Сфрандзи, а сам отправился на север полуострова)⁹¹, то причиной этого могло быть стремление освободиться от опеки Венеции и дать выход новой столице к международному рынку, хотя бы ценой соглашения с другими итальянскими республиками или Рагузой, т. е. с партнерами, пользуясь выражением М. А. Андреевой, «не столь опасными в смысле политическом, но достаточно оборотливыми и могущими обслужить и свой, и греческий рынок»⁹².

Итак, рассмотренный нами материал показывает, что функция Мистры как центра производства и обмена была чрезвычайно скромной. Тот факт, что основными предметами массового товарного обращения, с которыми купцы Мистры появлялись на рынке в качестве продавцов, были не изделия городского производства (ибо удельный вес продукции текстильного производства все же был весьма невелик), но продукты сельского хозяйства, свидетельствует о том, что именно последнее составляло основу экономики города, т. е. подтверждается вывод, сделанный исследователями в отношении всего Пелопоннеса⁹³. Действительно, как путешественники XV в. почти все свидетельствуют о процветании земледельческих культур⁹⁴,

⁸⁷ D. A. Zakythinos. Op. cit., I, p. 275—284; t. II, p. 260—262; М. А. Андреева. Указ. соч.; В. Греки́. Dubrovnik (Raguse) et le Levant au moyen âge. Paris, 1961, p. 374, N 1226.

⁸⁸ F. Thiriet. Régestes..., t. II, N 2202; C. Sathas. Documents inédits, p. 380—381; ср. D. A. Zakythinos. Op. cit., II, p. 259—260.

⁸⁹ «...μή μέχρι δὲ τούτου διανοηθεῖς στήναι, ἀλλὰ προσέτι καὶ πόλιν ἐκαίῃς ἰδρύσασθαι, ἐπὶ μᾶλλον ὄξεια θαύματος ἐλογίσω». (Ἐπὶ μνημα τοῦ καρδινάλιου Βησσαρίωνος, σελ. 16).

⁹⁰ Sp. Lambros, in: NE, 3, σελ. 29.

⁹¹ Sphrantzes, 68—69 (XXVII, 2—4), cf. Pseudo-Phrantzes, p. 342.

⁹² М. А. Андреева. Указ. соч., стр. 117.

⁹³ D. A. Zakythinos. Op. cit., II, p. 245; P. Lemerle. Une province byzantine: Le Péloponnèse. — Byz., XXI, 1951, p. 352.

⁹⁴ Ibid., p. 350.

так и Плифон сообщает, что «львиная доля пелопоннесцев (τὸν πάλῳ λέβῳ) занимается сельским хозяйством, а некоторые — скотоводством, добывая себе этим средства к существованию»⁹⁵.

Но такая функция сельского хозяйства как основы экономики города предполагает наличие тесной связи между сельскохозяйственной периферией и городским хозяйством, благодаря чему вся масса натурально-хозяйственного продукта «кумулируется в городе и превращается в товар»⁹⁶. Рассмотрению этих вопросов и посвящена вторая часть нашей работы, выходящая за рамки данной статьи.

⁹⁵ Georgii Gemisti Plethonis.... Oratio I, col. 825.

⁹⁶ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 6—7. Вопросу об экономических связях византийского города с подгородным районом посвящена другая очень важная работа М. Я. Сюзюмова (Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, стр. 55—81).

Р. ГИЙАН

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АДМИСТРАТИВНОЙ ИСТОРИИ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(Заметки о некоторых классах чиновников
в IV—VI вв.)

В Византии слова *miles*, *militia*, *militare* постоянно употреблялись в приложении к гражданским должностным лицам¹. Кроме того, пояс, который служил знаком отличия для воинов, являлся и для гражданских чиновников символом ранга и должности². В Поздней Римской империи гражданская иерархия была построена наподобие иерархии военной. *Singulum*, или ζώνη, было неизменным элементом официального одеяния тех, кто находился на службе государства в качестве чиновника или солдата. Поступить на государственную службу — это означало *sumere singulum*, быть на действительной службе — ζώνην ἔχειν³, оставить службу — *singulum deponere*, τὴν ζώνην ἀφίεσαι⁴, быть отозванным — *singulo solvi*, *spoliari*, ἀποζωνοῦναι τῆς ἀξίας⁵, ζώνης ἀφαίρεσθαι⁶.

В Византии разграничивали три класса чиновников, последовательность которых регламентировалась конституцией Феодосия II и Валентиниана III⁷: 1) чиновники на активной или действительной службе; 2) чиновники *vacantes*, или запятные; 3) чиновники титулярные, обладавшие лишь *honoraria dignitas*, т. е. почетным титулом.

Чиновники на действительной службе носили различные наименования: *administratores* (Cod. Just. XII 8.2, § 2), *in actu*⁸, *in opere* (Just. Nov. 70. Praef.), *militantes* (Cod. Just. IX, 35.11 — *de injuriis*; XII, 7.2), *ordinarii* (Cod. Just., X, 31.66 — *de decurion*; Just. Nov. 70), ἄγευτες (De

¹ Joannes Lydus. De magistratibus populi Romani libri tres, ed. R. Wuensch Lipsiae, 1903, III, §§ 4, 15, 21, 28, 30, 66. См. Ch. D a r e m b e r g et E. S a g l i o. Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines. Paris, 1887; s. v. *singulum*. Ср. также: R. M a c M u l l e n. Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Camb. Mass, 1963.

² Ch. D a r e m b e r g et E. S a g l i o. Op. cit.; *singi* означало «стать солдатом», *discingi* — выйти в отставку.

³ При Андронике I Комнине (1183—1185) императрица Мария была удушена Константином Трипсином, ὡς τὴν τῆς ἐπαρειαρχείας ζώνην εἶχεν (Nicetas Choniata. Historia. Bonnae, 1835, p. 348, 20—21).

⁴ Joannes Lydus. De magistr. p. 117, 22—23. См. также: ἀνὰ δύο ἐπ' ἔτος ἕκαστον ἐκ τῶν ταχυγράφων τῆς ζώνης ὁ νόμος ἀπαλλάττει (ibid., p. 95, 23—24).

⁵ Joannes Malalas. Chronographia, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831, p. 416.

⁶ Пселл говорит об опале патрикия Елиндия — ζώνης ἀφαίρεσις (C. Sathas. Bibliotheca graeca, vol. V, Venetia — Paris, 1876, p. 208).

⁷ Cod. Just., XII, 8.2. Ср. Cod. Theod., VI, 5. Здесь идет речь только о классе иллюстриев, но весьма вероятно, что и другие классы подразделялись таким же образом.

⁸ Just. Nov. 38. Praef. 3; Just. Nov. 70, tit.; Cod. Just., X, 31. 63—64, 66.

cerim, I, 84, p. 387), ἔμπρακτοι (Just. Nov. 70) или ἔμπρακτοι (De cerim, I, 47, p. 239. Ср. комментарий Рейске: *ibid.*, II, p. 272), ὀρδινάρια⁹.

Чиновники на действительной службе именовались в соответствии со своей должностью — обычно без каких-либо специальных добавлений. Впрочем, в некоторых случаях такие добавления делались: так, консулы и консуляры довольно часто именовались ординарными консулами (консулярами), чтобы отличить себя от титулярных консулов и консуляров (Just. Nov., 62; 84). Чиновники на действительной службе получали свое назначение на срок и всегда могли быть отозваны. Всякая действительно выполняемая служба именовалась *ordinaria*, т. е. регулярная, нормальная, например *ordinaria praefectura* (Just. Nov. 70), *ordinaria dignitas* (Cod. Just., XII, 8.2), *ordinario professio* (Cos. Just., III, 24.3; X 31.66). Хронисты упоминают Симмаха — ὁ ἀπὸ βλάτου ὀρδιναρίων (Chron. Pasch., p. 623.7) и Ареовинда — βλάτου ἡγεμόνος ὀρδιναρίου (Theoph., p. 145.20).

Чиновники на действительной службе не только имели право на титул и на соответствующие их должностям почести, но также пользовались разнообразными привилегиями и освобождением от различных повинностей.

Титул действительных чиновников мог быть определен весьма четко. Каждому из аристократических разрядов (*illustres*, *respectabiles*, *clarissimi*) соответствовала определенная иерархия должностей. Около 422 г. разряд иллюстриев, о котором мы знаем лучше, чем о других, охватывал две группы чиновников:

I. 1. Префект претория;	II. 5. Квестор;
2. Префект города;	6. Магистр оффиций;
3. Магистр солдат;	7. Комит священных щедрот;
4. Препозит священной спальни;	8. Комит частных имуществ;
	9. Комит доместиков ¹⁰ .

Эти чиновники приобретали титул в соответствии с иерархией их должностей. Подобное распределение должностей не подвергалось в дальнейшем существенным изменениям. Во всяком случае, закон 372 г. рассматривает префекта претория, префекта города и магистра солдат как должностных лиц одного порядка и устанавливает, что в случае их отставки декрет закреплял за ними их прежнее положение в системе иерархии¹¹. Иерархия должностей, несомненно, была установлена и для других аристократических разрядов (*respectabiles*, *clarissimi*) и, по-видимому, не подвергалась особенно частым модификациям.

Все чиновники на действительной службе, *hi, qui in actu positi, illustres peregerunt administrationes* (Just. Nov. 70), носившие *cingulum* — как в разряде иллюстриев, так и, вполне вероятно, в других разрядах, — имели право занимать место впереди заштатных чиновников соответствующего разряда, даже если их должность находилась на более низкой ступени административной иерархии. Так, действительный (*in actu, agens*) комит частных имуществ имел преимущество перед заштатным префектом претория или магистром солдат, несмотря на то что в иерархии должностей префекту претория и магистру солдат принадлежало более высокое место, чем комиту частных имуществ [к действительным чиновникам причислялись и те лица, которые получали, будучи иллюстриями, *cingulum* и которые либо прежде исполняли, либо затем должны были исполнять часть функций действительной, регулярной службы: *aliquid ordinariae dignitatis* (Cod. Just., XII, 8. 2 § 4)].

К числу чиновников заштатных, *vacantes qui praesentes in comitatu illustris dignitatis cingulum meruerint* или *hi, quibus absentibus cingulum*

⁹ Chronicon Paschale, vol. I, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832, p. 623. 7; Theophanis Chronographia, vol. I, rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 145.20.

¹⁰ Ch. D a r e m b e r g et E. S a g l i o. Op. cit., s. v. illustres.

¹¹ Cod. Theod., VI, 7.1. Cp. Cod. Just., XII, 4.1.

illustrius mittitur dignitatis, принадлежали заштатные должностные лица при дворе или в Константинополе и заштатные должностные лица в провинции. Заштатными чиновниками назывались те, кто, будучи назначенным на ту или иную должность и получив титул и официальную инвестицию (*singulum*), на самом деле эту должность не исполнял. Весьма вероятно, что все должности могли быть превращены в заштатные, *vacantes*. Во всяком случае, в юридических документах идет речь о разнообразных заштатных чиновниках: *vacans comes thesaurorum vel comes rei privatae* (Cod. Just. XII, 8.2, § 2), *vacans magister militum*, *vacans praefectus praetorio* (ibid., § 2—4), *tribuni vacantes* (Cod. Theod., Nov. Valentiniani III, VI, 3) *de comitibus vacantibus*¹². Даже епископы могли быть заштатными¹³.

Заштатные чиновники в принципе занимали место после чиновников на действительной службе и перед титулярными (фиктивными). Однако в V в. стали допускать модификации этого правила и заштатным чиновникам сохранили преимущество только перед титулярными (фиктивными) чиновниками того же ранга. Так, заштатный квестор стоял выше титулярного квестора, но ниже титулярного (фиктивного) префекта, а заштатный *comes rei privatae* следовал после титулярных (фиктивных) квестора или магистра оффиций¹⁴.

Сохраняли ли должностные лица *vacantes* навсегда титул своей должности? Можно предположить, что они выходили в отставку подобно действительным чиновникам и что после этого они удерживали титул своей должности, предвараемой приставкой *ex*: *ex praefectis vacantes*, *ex magistris militum vacantes*. Они занимали тогда место после *vacantes*, имевших титул такого же ранга, как и у них. *Vacantes* имели те же почести, что и *agentes*, но они не пользовались соответствующими привилегиями и освобождением от податей (Cod. Theod., Nov. de mutatis. Cp. Cod. Just., *idem*).

Существовали ли заштатные должности в VI в., при Юстиниане I? В 38 новелле (*De decurionibus*) Юстиниан объявил, что только магистратуры *in ipso actu* дают освобождение от куриальной службы, но не должности *illustres*, пожалованные *propter solem honorem*. В 70 новелле Юстиниан указал, что титулярные префектуры не дают освобождения от куриальной службы; ее дают только те, что исполняются *ipso opere*, потому что для освобождения от статуса куриалов нужно было быть назначенным *in ipso singulo*. Следовательно, законодатель устанавливал, что только префектуры *in singulo* и *in actu*, но не титулярные префектуры освобождали от куриальной службы (Cod. Just., X, 31.64; 68).

Следует отметить, что после конституции Феодосия II от 440—441 гг. (*Ut dign. ordo...*) заштатные чиновники больше не составляли специального разряда, отличного от класса *honorarii*; оба разряда слились, и *vacantes* составляли лишь секцию обширного класса *honorarii*. Они имели преимущество только перед титулярными должностными лицами того же ранга (Cod. Just., XII, 8.2).

Что касается титулярных чиновников, *honorarii*, то предполагалось, что они занимают ту должность, которая была обозначена в их титуле; однако они удостоивались только тех почестей, которые соответствовали предполагаемой должности, но не удостоивались инвестиции (*sine sin-*

¹² Cod. Theod., VI, 18.1 (412 г.). Следует отметить, что в этом пассаже заштатные комиты противопоставлены комитам на действительной службе, которые заслужили этот чин собственным трудом. Этим действительным комитам противопоставлены те, *qui primi ordinis comitivam aut pretio impetravit aut gratia*. Здесь, пожалуй, скорее идет речь о титулярных комитах, нежели о заштатных.

¹³ Созомен сообщает, что Варсис и Евлогий стали епископами *οὐ πόλεως τινος, ἀλλὰ τῆς ἐνεχεν* (S o z o m e n u s. Kirchengeschichte. Berlin, 1960, S. 290, 3—4).

¹⁴ Cod. Just., XII, 8.2, 2. Cp. D a r e m b e r g et E. Saglio. Op. cit., s. v. *illustres*, p. 387, n. 8.

gulo). Титулярный чиновник назначался на должность простым императорским кодикилом (особым типом грамоты); полученный титул оставался пустым, чисто формальным и не давал его обладателю ничего, кроме почетного положения. Существовало два разряда титулярных чиновников: одни действительно вступавшие в должность, другие только считавшиеся вступавшими¹⁵. Титулярные чиновники, находившиеся при дворе и в Константинополе, praesentes in comitatu, имели преимущество перед absentes, т. е. провинциальными титулярными чиновниками.

В Византии чиновник в отставке, honoratus, сохранял право на титул своей должности, который предвлялся приставкой από, например, ó από όφφικίων¹⁶, или аналогичными выражениями: ó παύμενος (De serim., I, 84, p. 387.10), óι πληρώσαντες (De serim., I, 86, p. 392.13). Чиновник, который по какой-либо причине покидал свою должность ранее возраста, позволявшего отставку, тем не менее сохранял право на титул своей должности на тех же условиях. По-видимому, византийцы в этом отношении не проводили разграничения между чиновником, который оставил свою службу добровольно или с соизволения императора, и чиновником, отозванным или смещенным. Тот факт, что император отзывал или смещал того или иного чиновника, не уничтожал другого факта, а именно, что названный чиновник в свое время действительно занимал соответствующую должность. Победенный стратиг или неспособный префект могли быть заменены, но сплошь и рядом считалось несправедливым лишать их титула, который они носили; поэтому — если только не издавалось специальное императорское постановление — они оставались экс-стратигом, ó από στρατηγών (De serim., I, 96, p. 435.15) или экс-префектом, ó από έπαρχών πόλεως (De serim., I, 87, p. 395.16). Эти действительные чиновники в отставке причислялись к группе администраторов, иначе сказать к agentes, и они, по всей видимости, занимали место сразу же за категорией agentes. В «Книге церемоний» экс-стратиго, экс-префекты, экс-квесторы и т. п. следуют за 60 важнейшими должностными лицами, находившимися на действительной императорской службе (De serim., II, 52, p. 732).

Вполне вероятно, что действительные чиновники в отставке причислялись к разряду agentes, ибо они, вне всякого сомнения, входили в класс administratores. Не было никаких оснований относить их к vacantes, поскольку они становились частными гражданами и снимали singulum. В то же время было бы несправедливо включать их в число титулярных (фиктивных) должностных лиц, поскольку они какое-то время действительно исполняли соответствующую магистратуру.

В силу специальной привилегии некоторые чиновники получали, уходя в отставку, вместо титулярной должности, соответствовавшей их административному положению на действительной службе, титулярную должность более высокого иерархического порядка, что открывало им доступ в более высокий разряд знати. Так, примикирий нотариев, vir spectabilis по праву¹⁷, уходил в отставку не с титулом бывшего примикирия нотариев, ex primicerio notariorum, но получал титул бывшего магистра оффиций, ex magistro officiorum, словно он в действительности исполнял функции магистра оффиций¹⁸. Тем самым примикирий нотариев

¹⁵ Указ 440/441 гг. разграничивает honorarii qui praesentes a nostro nomine sine cingulo codicillos tantum honorariae dignitatis adepti sunt и hi quibus absentibus similiter sine cingulo mittuntur illustris insignia dignitatis (Cod. Just., XII, 8.2 pr. Ср. также Cod. Just., III, 24.3, § 2).

¹⁶ Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae byzantinae, vol. I. Bonnae, 1829, II, 52, p. 733, 22. Ср. Cod. Just. XII, 7. 1. pr., где сказано: Non omittant prioris vocabulum militiae. То же находим и у Лиды: μηδέν παρά την έπωνομίαν του πληρώματος απενεγκόμενος (Joannes Lydus. De magistr., ed. Bonnae, 261).

¹⁷ Notitia dignitatum utriusque imperii, ed. O. Seeck. Berolini, 1876, p. 48—49 et notes 208—271. Cod. Just., XIII, 41, 10; Cod. Theod., XI, 18.1. (409).

¹⁸ Cod. Just., XII, 7.2 (при Зиноне). Ср. Cod. Theod., VI, 10.4 (425 г.).

занимал положение выше всех заштатных чиновников, даже выше тех, чей патент считался более высоким, нежели его: *omnibus vacantibus, quamvis tempore praecedentibus, praerogandus*. Следует ли считать, что он занимал место впереди всех заштатных магистров официй? В тексте этого нет. Примикирий нотариев становился экс-магистром официй, как будто бы он в действительности исполнял эту должность: *ac si ipsam gessisset administrationem cujus consequitur dignitatem* — он, следовательно, не уподоблялся заштатному магистру официй. Он не вступал, вопреки К. Жюльяну¹⁹, в разряд заштатных чиновников, ибо об этом ничего не говорится. Вместо с тем кодекс Феодосия устанавливал, что примикирий нотариев, став экс-магистром официй, не должен был быть смешиваемым с теми, кто получал титулярный кодикил на эту должность, поскольку он действительно занимал административный пост и не мог уподобляться чиновнику без должности.

Все это свидетельствует, что примикирии нотариев приобретали, уходя в отставку, привилегированное положение, которое ставило их, как иллюстриев, выше всех заштатных чиновников. Новелла Феодосия (*Cod. Theod.*, XXV, I, § 5) вводила определенное исключение в пользу примикириев нотариев: они были приравнены к иллюстриям, занимавшим реальные чиновные посты, в отношении постоя. В самом деле, согласно новелле Феодосия от 444 г., все иллюстрии (действительные, заштатные и титулярные) пользовались до той поры известными иммунитетными правами в отношении постоя. Феодосий же решил, что отныне только иллюстрии на действительной службе должны пользоваться иммунитетными правами: иллюстрии *cum singulo*, или заштатные, а также *cum singulum pro solo honore*, т. е. фиктивные, не получали больше освобождения. Феодосий приравнивал их к *respectabiles* на действительной службе, которым был пожалован ранг иллюстриев — и только примикирии нотариев составляли исключение, ибо они пользовались иммунитетом как действительные иллюстрии.

Есть еще один текст, подтверждающий то, что было сказано относительно примикирия нотариев. Декурионы силенциариев, уходя в отставку, могли выбирать, получают ли они ранг *ex magistro officiorum inter agentes* или же будут причислены к *comites domesticorum (inter agentes)* (*Cod. Just.*, XII, 16.1, — 415 г.). По мнению К. Жюльяна, они могли быть зачислены в разряд *ex comite domesticorum* или даже *ex magistro officiorum*²⁰. Однако текст закона ничего не говорит об *ex comite domesticorum*. Следует отметить, что декурионы имели право выбора. Поскольку ранг *ex magistro officiorum* был выше, чем *ex comite domesticorum*, сомневаться в их выборе, казалось бы, не приходится. Однако, чтобы выбор действительно мог иметь место, необходимо было известное равновесие между обоими предложенными рангами. Император предлагал уходящим в отставку декурионам либо реальную (отнюдь не чисто титулярную!) честь высокой должности магистра официй, либо исполнение функций (менее почетных) комита доместиков²¹. В обоих случаях декурион, по-видимому простой *vir spectabilis*, становился *vir illustris*. Если он предпочитал стать *ex magistro officiorum*, он попадал в число настоящих магистров официй в отставке и, согласно таблицы о рангах, занимал место после *comites domesticorum* на действительной службе. Но если он желал стать действительным комитом доместиков, он приобретал, без сомнения, на некоторое время преимущественное положение перед *ex magistro officiorum*; когда же он уходил в отставку с поста комита доместиков, он за-

¹⁹ Ch. D a r e m b e r g e t E. S a g l i o. Op. cit., s. v. illustres, p. 386.

²⁰ Ibid., p. 386, n. 19.

²¹ *Cod. Theod.*, VI, 23.1. Cp. Basil., VI, 24.4. См. G. R o u i l l a r d. De l'attribution du titre de décurion au duc de Thébaïde Théodore. — Byz., II, 1925—1926, p. 146, n. 1—2.

нимал в табели о рангах место магистров официий. Короче говоря, декурсион мог выбирать между почетной, но окончательной отставкой или действительной, хотя и, видимо, короткой, службой, сопровождавшейся менее почетной отставкой. Можно было выбирать в соответствии с обстоятельствами. В обоих случаях речь шла не о заштатных, но именно о реальных должностях класса администраторов, или *agentes*.

Подобно тому как чиновники более низкого ранга, выдвинутые в момент их отставки на более высокий пост, занимали место среди *agentes*, и экс-чиновники, действительно исполнившие ранее свои функции, должны были, само собой разумеется, быть причислены к разряду *agentes*. Автор «Книги церемоний» (*De cerim.*, I, 84, p. 387.9—16), приведя отрывок из «Комментариев» Петра Патрикия (VI в.), указывает, что комит *τῶν ἀδμισιόνων*, уходя в отставку, получал диплом иллюстрия и занимал место *μετὰ τοὺς ἀγέντες πρὸ πάντων τῶν ὑπορρίων ἰλλουστρίων*.

Сохраняли ли экс-чиновники ранг, соответствующий той должности, которую они исполняли, находясь на действительной службе? Например, занимали ли экс-префект города или экс-квестор место (соответственно) после префекта города или квестора на действительной службе? Если бы мы допустили это, то префект никогда не имел бы преимущества перед действительным *magister militum*, а квестор — перед *magister officiorum*. Но этот вывод сомнителен. Вероятно, экс-чиновники *illustres* занимали место за действительными чиновниками — иллюстриями, так что префект города или квестор никогда не могли занять место в табели о рангах вслед за последним из чиновников — иллюстрием на действительной службе. У экс-чиновников иерархия оставалась той же, что и у действительных должностных лиц, и среди бывших чиновников одного разряда преимущество устанавливалось по принципу старшинства. В этом отношении «Книга церемоний», по-видимому, не вносит ничего нового, но лишь повторяет старинные установления.

В табели о рангах экс-чиновники занимали место в соответствии со своими титулами знатности, но вслед за чиновниками на действительной службе (*De cerim.*, II, 52, p. 732 sq.). В соответствии с этим, бесспорно, тот, кто по какой-либо причине терял свой титул, не мог более занимать место в чиновной иерархии и исключался из списков своего разряда. Он более не имел права на отвечающие его титулу привилегии и не получал соответствующего содержания; в равной мере он отстранялся от получения императорских раздач и лишался доли в тех суммах, которые вносились при назначении новых должностных лиц. И все-таки опальный чиновник сохранял в какой-то мере, подобно экс-чиновнику, ушедшему в отставку или отозванному, своеобразную честь, связанную с его аристократическим титулом, и именовался экс-магистр, *ὁ ἀπὸ μαγίστρον* или экс-патрикий, *ὁ ἀπὸ πατριόν*. При императорских раздачах во время праздника брумалий к магистрам приравнивали экс-магистров, приравнивших монашескую схему (*De cerim.*, II, 53, p. 784.4).

Монахи, вступая в монастырь, естественно отказывались от своих чиновных титулов, однако они оставались, к примеру, экс-магистрами, и в качестве особой милости их не лишали доли при императорских раздачах.

Что касается последовательности табели о рангах, следует отметить, что префекты претория, префекты города и *magistri militum*, уходя в отставку, причислялись к одному и тому же разряду. Они получали место в соответствии с датой их диплома, так что первыми шли те, кто получил его раньше²². То же самое распоряжение было дано относительно квесторов, *magistri officiorum* и комитов казначейства; после отставки они причислялись к одному разряду (*Cod. Theod.*, VI, 9.2, —380 г.). Препозиты священной опочивальни занимали после отставки то же положение, что

²² *Cod. Theod.*, VI, 7.1—2 (372 г.). *Ср. Cod. Just.*, XII, 4.1—2 (372 г.).

и префекты или *magistri militum*, причем преимущество определялось по старшинству получения диплома (*Cod. Theod.*, VI, 8.1, —422 г.).

Не имевшие должности чиновники *honorati*, т. е. действительные чиновники в отставке, имели преимущество перед всеми *vacantes* и даже последний из *honorati* — перед первым из *vacantes* соответствующего аристократического разряда (*Cod. Just.*, XII, 8.2, § 1).

Пожалование должностей на срок жизни было в Византии весьма редким. В качестве примера можно назвать Армата, стратилата *тоб праисеуто* пожизненного магистра солдат при Зиноне (474—491) (*Chron. Pasch.*, p. 601. 7—8). Нужно, однако, отметить, что заштатный чиновник, *vacans*, и титулярный, *honorarius*, сохраняли свой титул (кроме случаев опалы) на протяжении всей жизни, а вместе с ним — привилегии (чисто титулярные), связанные с титулом, который, таким образом, являлся подлинно пожизненным титулом. Достаточно было придать этой системе общезначимость, чтобы создавалась знать, официально оформленная в качестве перманентной, иерархически организованная. Если бы императоры принимали решение, что определенные функции или должности являются атрибутом знатности, и раздавали бы разным лицам чистые титулы аристократических функций или должностей, они могли бы создать вокруг себя аристократию. В какой-то мере они вступили на этот путь. В IX в. эта система достигла полного развития и византийская знать получила иерархическую организацию: титул (*ἀξιωμα*) был отделен от должности (*ὄφφιμιον*); титул был жалует с помощью специальных инсигний на срок жизни (хотя и не стал наследственным), тогда как должности были временными и назначение на них совершалось с помощью простого словесного указа.

Перевод Р. Ивянской

Н
Н
Р
О
(
П
П
К
Н
Х
Р
К
С
У
Н
С
М
У
Н
—
В.
Пг
ны
И.
ра
ру
А.
ти
не
жа
ми
187
под
im

А. В. ПОППЭ
**РУССКИЕ МИТРОПОЛИИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ
 ПАТРИАРХИИ
 В XI СТОЛЕТИИ**
 (Окончание)

3. ПОСЛАНИЕ ОБ ОПРЕСНОКАХ *Λεόντας μητροπολίτου τῆς
 ἐν Ῥωσσίᾳ Πρεσβυτάρας*

Пolemическое сочинение митрополита Леонтия, направленное главным образом против совершения латинянами таинства евхаристии на опресноках, издавна находится в научном обиходе и не раз привлекалось как решающее доказательство «перяславского тезиса»¹. Автора послания отождествляли с известным по русским источникам XIII—XVI вв. первым (либо вторым) митрополитом Руси Леоном, занимавшим престол митрополии, согласно Никоновской летописи, в 991—1004/8 годы². В последнее время исследованием сочинения Леонтия занялся В. Мошин и пришел к заключению, что послание об опресноках действительно является сочинением митрополита Руси с кафедрой в Переяславле и относится к концу X либо к началу XI столетия³. В. Мошин утверждает, что послание митрополита Леонтия находится на грани, отделяющей эпоху Фотия от эпохи Кирулария, предшествуя polemическим сочинениям, посвященным вопросу об опресноках, начиная с 1053 г. (Лев Охридский, Михаил Кируларий, Петр Антиохийский, Никита Стифат и Никон Черногорец). Послание Леонтия особенно близко, утверждает Мошин, современным ему сочинениям Никиты Никейца, так как они «отличаются от названных polemистов Кирулариевой эпохи тем, что не забывают, подобно последним, указать на главное, догматическое заблуждение латинян — на их учение об исхождении св. Духа»⁴.

¹ Лучшее издание послания митрополита Леонтия об опресноках — издание В. Н. Бенешевича: Памятники древнерусского канонического права, ч. II, вып. 1. Пг., 1920, № 2, стр. 73—101.

² ПСРЛ, IX, стр. 64, 68, 69. Распространению этого мнения способствовал научный авторитет Е. Е. Голубинского (указ. соч., т. I, пол. 1, стр. 274 сл., 853). См. также И. У. Б уд о в и ц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962, стр. 149.

³ В. М о ш и н. Послание русского митрополита Леона об опресноках в Охридской рукописи. — ВС, XXIV, 1963, стр. 87 сл.

⁴ В. М о ш и н. Указ. соч., стр. 97—98. Подобной точки зрения придерживались А. Попов (Историко-литературный обзор древнерусских polemических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 1—46) и А. С. Павлов (Критические опыты по истории древнейшей греко-русской polemики против латинян. СПб., 1878, стр. 26—39). Им возражал М. Чельцов, книга которого В. Мошину была недоступна (М. Ч е л ь ц о в. Poleмика между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI—XII веках. СПб., 1879). Мнение Чельцова, датировавшего послание Леонтия временем после 1053 г., подтверждается новыми изысканиями (Н. G. В е с к. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 306—322).

Это утверждение было бы весьма существенно, если бы не факт, что хотя в 1053/1054 г. в центре спора действительно находился вопрос о виде хлеба в евхаристии, однако почти одновременно в полемике того времени упоминается также и основное догматическое расхождение между восточной и западной церквями.

Константинопольский патриарх Михаил Кируларий в своем первом письме к антиохийскому патриарху Петру, перечисляя заблуждения латинян, указывает и на *filioque*. Занимавший умеренную и примирительную позицию Петр Антиохийский в своих ответных письмах (1054 г.) к венецианскому архиепископу Доминику и к патриарху Михаилу Кируларию, отмечая, что разница в практике евхаристии не так уж важна, подчеркивает значение догмата св. Троицы и осуждает учение латинян об исхождении св. Духа.

Папский легат кардинал Гумберт из Сильва Кандида в написанных в Константинополе замечаниях (июнь 1054 г.) также затронул вопрос о *filioque*. Ему посвятил свое второе полемическое сочинение «Синтезис» (1054 г.) Никита Стифат⁵. В начале полемики в 1053/4 г. учение об исхождении св. Духа, бывшее со времен Фотия кардинальным пунктом разногласий между церквями, не выдвигалось как главный предмет споров, хотя о нем не забывали упоминать. Но с момента, когда папские легаты положили на престол св. Софии в Константинополе акт отлучения от церкви патриарха и его сторонников (16 июля 1054 г.), этот вопрос уже нельзя было обойти. В отлучительной грамоте выдвигалось обвинение в том, что «отступники», подобно духоборцам и богоборцам, исключили из символа веры тезис об исхождении святого духа «и от сына»⁶.

К концу XI в. полемика по вопросу о *filioque* разгорается, ей уделяет внимание каждый византийский полемический трактат, а в XII в. по значению она занимает главное место. В диспутах греческих и латинских богословов на соборах в Бари в 1098 г. и в Константинополе в 1112 г. обсуждался преимущественно вопрос об исхождении св. Духа⁷.

В послании митрополита Леонтия опресноки занимают центральное место: из 19 пунктов полемики 12 касаются евхаристии. Только один, последний, пункт диалога посвящен вопросу о *filioque*. Он высказан в умеренном тоне, близком к тону письма Петра III Антиохийского, послания митрополита Руси Иоанна II Продрома к папе римскому Клименту (ок. 1085 г.), также к тону трактата об опресноках иерусалимского патриарха Симеона (1084—1099)⁸. При этом Иоанн II, указывая на отступление римской церкви «от правой веры», в качестве самых важных обвинений выделяет два пункта — служение на опресноках и прибавление к символу *filioque*⁹. Этим пунктом он и завершает, подобно Леонтию, перечень латинских «отступлений».

⁵ Acta et scripta, que de controversiis ecclesiae graecae et latinae seculo undecimo composita extant, ed. C. Will. Lipsiae et Marburgi, 1861, p. 181—182 (Mich. Cerul., epist. 1 ad Petrum Antioch., cap. XI—XIV), p. 201—202 (Epist. Petri Antioch., cap. XV, XXII. Ср. славянский перевод Павлова. — Указ. соч., стр. 376—377). См. PG, t. 120, col. 777 sq. 803 sq. Ср. A. Micheli. Humbert und Kerullarios, t. I. Paderborn, 1925, S. 97—111, t. II, Paderborn, 1930, S. 159—167, 343—409; H.-G. Vesck. Op. cit., S. 312, 317, 533—548.

⁶ PL, t. 143, col. 1003; Acta et scripta..., p. 153; см. также ответный эдикт патриаршего синода (Acta et scripta..., p. 158; PG, t. 120, col. 7395; Ср. A. Micheli. Op. cit., II, S. 42, 44, 90 и М. Чельцов. Указ. соч., стр. 63).

⁷ О полемике по вопросу о *filioque* в конце XI—XII в. см. H. Leib. Rom, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle. Paris, 1924, p. 290—295, 312, 331—334; М. Чельцов. Указ. соч., стр. 72—73 и H.-G. Vesck. Op. cit., S. 616.

⁸ Текст опубликован: В. Leib. Deux inédits Byzantins sur les azymes au début du XIIe siècle. Roma, 1924, p. 213—239. Авторство доказал А. Micheli. Amalfi und Jerusalem im griechischen Kirchenstreit. Rom, 1939. Ср. H.-G. Vesck. Op. cit., S. 611.

⁹ Издание греческого текста и древнерусского перевода послания см.: А. Павлов. Указ. соч., стр. 169—185, 173—174 и 184—185.

Произведенное В. Мошиным сопоставление послания митрополита Леонтия с сочинениями Никиты Никейца, как произведений, современных друг другу и близких тематически, противоречит, однако, его же хронологическим выводам. В. Мошин считает, что Никита Никеец жил на рубеже X и XI столетий, тогда как в действительности творчество этого автора развернулось во второй половине XI — начале XII в. До 1117 г. он был хартофилаком константинопольского патриарха (и в этом сане известен как писатель), а после этого года — митрополитом Никее 10. Относительно же тематической близости произведений этих двух авторов следует отметить, что она целиком объясняется использованием общих источников — сочинений Петра Антиохийского, Льва Охридского и Никиты Стифата.

В остальном же трактаты митрополита Леонтия и Никиты Никейца совершенно независимы. Это отразилось и на отношении обоих авторов к их общим источникам, и на самостоятельности их аргументации. Так, например, по вопросу о совершении евхаристии Христом Никита Никеец развивает положение Льва Охридского о двух пасхах, митрополит же Леонтий вслед за Никитой Стифатом и Петром Антиохийским защищает гипотезу о вечере в 13 день луны, за день до законной пасхи. Шире по сравнению с Леонтием (и их общими источниками) хартофилак Никита Никеец освещает и вопрос о сущности хлеба, употребляемого при евхаристии 11.

Считая Никиту Пафлагонца современником патриарха Фотия, В. Мошин отождествляет его с Никитой Византийцем, известным богословом, занимавшимся вопросом о *filioque*. Но ни он, ни живший в X столетии Никита Пафлагонец, ни, наконец, Никита Давид (всех троих часто смешивают в литературе) не писали об опресноках 12. Не входя в детали атрибуции, отметим лишь, что сам полемический трактат, приписываемый в рукописных заголовках то Никите Давиду Пафлагонцу-философу, то Иоанну Дамаскину, заслуживает особого внимания, тем более что (по мнению В. Мошина) он служил для митрополита Леонтия главным источником 13. Автором этого сочинения следует, несомненно, считать анонима, прикрывавшегося именем известного и более раннего писателя, ибо это произведение было написано позднее, когда уже велись споры по вопросу об опресноках. Ведя борьбу с «заблуждениями латинян», византийские полемисты часто прибегали к этому приему, подписывая свои сочинения именами не только Фотия и Михаила Синкелла, но и более ранних богословов — таких, как Афанасий Великий и Иоанн Дамаскин, которым также приписывались некоторые трактаты об опресноках 14. Распространенная во всяких религиозных распрях практика ссылаться на авторитеты имела целью прельстить верующих, но ею не должны «прельщаться» современные исследователи.

В трактате, подписанном именем Никиты Давида Пафлагонца, обсуждается всего один вопрос — о времени пасхальной вечери 15. Заявляя,

¹⁰ J. Hergenröther. Photius, Patriarch von Constantinopel, t. III. Regensburg, 1869, S. 802, 869 f.; М. Ч е л ь ц о в. Указ. соч., стр. 8, 9, 121; A. M i c h e l. Op. cit., I, S. 26—27; Н.-Г. В е с к. Op. cit., S. 619.

¹¹ Подробнее см. М. Ч е л ь ц о в. Указ. соч., стр. 54—55, 110, 179, 215, 269, 294; греческий и славянский тексты Никиты Никейца см.: А. П а в л о в. Указ. соч., стр. 135—144.

¹² Ср. Н.-Г. В е с к. Op. cit., S. 311, 530, 548, 565.

¹³ В. М о ш и н. Указ. соч., стр. 98. Ср. А. П а в л о в. Указ. соч., стр. 36—37. Об атрибуции этого трактата Иоанну Дамаскину и другим см.: P G, t. 94, col. 413; В. L e i b. Deux inédits Byzantins, p. 153—154.

¹⁴ P G, t. 26, col. 1327 sq.; t. 95, col. 388 sq.; J. Hergenröther. Op. cit., Bd. III, S. 172 f.; М. Ч е л ь ц о в. Указ. соч., стр. 4, 5, 25, 41—42; Н.-Г. В е с к. Op. cit., S. 522—538.

¹⁵ Произведение это находится (как и послание митрополита Леонтия) в сборниках Синодальной библиотеки в ГИМе (Москва) под №№ 366 (239), л. 106 об.—110; № 368 (240), л. 110—115; № 207 (250), л. 351 об.—356. Ср. В л а д и м и р архимандрит.

что тайная вечеря состоялась в 13 день первого месяца, автор не только расходится с положением Льва Охридского о двух пасхах, но не соглашается и с Петром Антиохийским, предлагая более тонкое толкование евангельского «первого дня опресноков» как дня, предшествовавшего празднику опресноков. Митрополит же Леонтий повторяет положение Петра Антиохийского, что под первым днем опресноков у первых трех евангелистов подразумевается 10 день первого месяца, начинающий как бы «предпраздник» пасхи¹⁶.

Было бы странно, если бы Леонтий, располагая более обоснованной и убедительной аргументацией специального трактата о пасхе, предпочел противоречивое толкование Петра Антиохийского. Леонтию трактат о хронологии пасхальной вечера, видимо, не был известен, хотя он и был написан во второй половине XI в., что явствует из упоминания о нем у архиепископа болгарского Феофилакта¹⁷.

Защита мнения, что послание митрополита Леонтия было составлено под влиянием разрыва между Римом и Византией в 996—998 гг. (либо самое позднее в 1009—1012 гг.), В. Мошин приводит в доказательство этого лишь свидетельства о возобновлении патриархами Сисинием II и Сергием II окружного послания Фотия¹⁸. Он, однако, не ставит вопроса о том, как в конце X — начале XI в. в Риме реагировали на упрек в совершении евхаристии на опресноках и на иные обвинения. Между тем до 1053/4 г. латинская письменность следов такой полемики не сохранила¹⁹. Судя по словам папы Льва IX и кардинала Гумберта, вопрос об опресноках не был, видимо, до этого времени предметом спора между Константинополем и Римом²⁰.

Послание Леонтия построено по принципу диалога — он приводит возражения противной стороны. В последних М. Чельцов, сопоставляя соответствующие тексты, с основанием усматривает некоторые перефразированные возражения кардинала Гумберта из Сильва Кандита²¹. Выдвигая гипотезу о зависимости Льва Охридского от митрополита Леонтия τῆς ἐν Ρωσῖα Προεδρίας, М. Мошин не учитывает, однако, литературной формы обоих посланий. Уже тот факт, что Лев Охридский никому не воз-

Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 313, 316, 340. По иной рукописи, приписывающей авторство Иоанну Филопону, знаменитому монофиситу VI в., текст пасхального трактата, согласно указанию Б. Лейба, издал А. Галланди (*Gallandi Bibliotheca Veterum Patrum. Venis. 1778, t. XII, p. 610 sq.*). Древнерусский перевод издал М. Чельцов (указ. соч., стр. 379—388).

¹⁶ В. Б е н е ш е в и ч. Памятники, стр. 78—82. См. также письмо Петра Антиохийского к Доминику Градскому (PG, t. 120, col. 773, sq., cap. 20). Подробнее у М. Чельцова (указ. соч., стр. 54—55, 109—110, 174—178, 180—181.)

¹⁷ PG, t. 126, col. 233 (cap. 8); Acta et scripta..., p. 239 (cap. IX). Ср. М. Ч е л ь ц о в. Указ. соч., стр. 180—185. Датировку этого сочинения Феофилакта (1089—1091 гг.) см. В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 147—149; В. L e i b. Rome, Kiev et Byzance, p. 41 sq; P. G a u t i e r. L'épiscopat de Théophylacte Néphaistos archevêque de Bulgarie. — REB, XXI, 1963, p. 162—163.

¹⁸ Ср.: V. G r u m e l. L'encyclique de Photius aux Orientaux et les patriarches des Constantinople Sisinnius II et Sergius II. — EO, 34, 1935, p. 129—138; i d e m. Les Regestes... 1—2, N 814, N 820; H. - G. В е с к. Op. cit., S. 554, 599; Даже если за полемизирующим с Грюмелем А. Михелем (BZ, 38, 1938, S. 454—457) признать достоверность показаний о возобновлении патриархом Сисинием II окружного послания Фотия (чего В. Мошин не делает), то и тогда исходная дата полемики об опресноках останется необъясненной. Автор первой половины XII в., упомянул о схизме между двумя Сергиями, добавил «Не знаю, что ее вызвало». Ср.: S. R u n c i m a n. The eastern Schism. Oxford, 1955, p. 32—34.

¹⁹ Официальной полемике, открытой посланием Льва Охридского на рубеже 1052/53 г., предшествовали в 1046—1052 гг. запреты служить литургию по греческому обряду в Италии, а по латинскому — в Византии. Ср. А. М i c h e l. Op. cit., I, S. 112f. S. R u n c i m a n. Op. cit., p. 38 sq.

²⁰ PL, t. 143, col. 775, 933; Acta et scripta..., p. 91, 94. Подробнее см.: A. Poppe. Le traité des azymes. — Byz., XXXV, 1965, p. 511—512.

²¹ М. Ч е л ь ц о в. Указ. соч., стр. 56—57.

ражает, а напоминает и наставляет, свидетельствует о первичности его послания. Сравнение содержания текстов посланий также доказывает зависимость сочинения митрополита Леонтия от трудов Льва Охридского, Петра Антиохийского и Никиты Стифата. Одновременно, как указывает М. Чельцов, Леонтий, заимствуя у своих предшественников главные доводы и соображения, излагал их совершенно свободно, языком более точным и сжатым ²².

В послании митрополита Леонтия, кроме 1) спора об опресноках, рассматриваются также вопросы: 2) субботнего поста, 3) совершения полной литургии в течение всего великого поста, 4) безбрачия священников, 5) употребления в пищу «удавленины», 6) учения о *filioque*. 1, 2, 5 и частично 3 пункты разногласий рассматривались Львом Охридским, остальные мы находим у Никиты Стифата. По вопросу о *filioque* Леонтий высказал точку зрения, господствовавшую в восточной церкви со времени Фотия. Характерно, что те же обвинения излагает ок. 1085 г. в послании к папе Клименту и митрополит Руси Иоанн II Продром, касаясь также запрета миропомазания и упоминая «о мнисеях ядущих мяса и подобная сим» ²³.

Следуя за своими предшественниками и иногда несколько восполняя их аргументацию, Леонтий дал новое толкование притче о закваске. Весьма вероятно, что новое толкование было выдвинуто вместо предложенного ранее Львом Охридским, так как последнее было опровергнуто кардиналом Гумбертом ²⁴. Из этого, как и из упомянутых выше перефразировок возражений Гумберта, можно предположить, что «Диалог» римского кардинала, переведенный в 1054 г. в Константинополе на греческий язык, был знаком митрополиту Леонтию.

В то время как митрополит Леонтий развивает заимствованное у Никиты Стифата филологическое доказательство употребления в евхаристии на тайной вечере квасного хлеба путем анализа семантики слов *ἄρτος* и *ἄζυμος* евангельских текстов, митрополит Иоанн II довольствуется лишь кратким упоминанием об этом, считая это доказательство несомненным ²⁵. Подробнее эта аргументация была развита греческими богословами конца XI — начала XII в. Никитой Сеидом и патриархом Антиохии Иоанном Окситом. Оксит, делая свой семантический вывод, что опреснок не мог быть просто назван хлебом, но его называли бы хлебом пресным (*ἄρτος ἄζυμος*), продолжал развивать мысль Леонтия *τῆς Προσδλάβας*, на что правильно указал, сопоставляя тексты, Б. Лейб ²⁶.

Итак, связь между посланием митрополита Леонтия и сочинениями византийских полемистов XI—XII вв. несомненна. Она находит выражение в заимствованиях из сочинений хорошо известных Риму авторов, начавших спор в 1053—1054 гг. Но вместе с тем послание Леонтия отличается самостоятельностью, а также отчасти меньшей разработанностью

²² Там же, стр. 128—331, 239—240; A. M i c h e l. Op. cit., II, S. 129, 131, 132, 217—218, 236—237.

²³ А. П а в л о в. Указ. соч., стр. 178, 185. Интересно отметить, что Никон Черногорец (как следует из его Тактикона, слово 40), имевший во второй половине XI в. в руках сборник с сочинениями против латинян, не упоминает о сочинении Леонтия (ср. А. П а в л о в. Указ. соч., стр. 33—36).

²⁴ М. Ч е л ь ц о в. Указ. соч., стр. 266—268, 308—309.

²⁵ См. тексты: В. Н. Б е н е ш е в и ч. Памятники, стр. 82—84; А. П а в л о в. Указ. соч., стр. 180—181.

²⁶ Греческий текст трактата Иоанна Оксита об опресноках издал Б. Лейб (B. L e i b. Deux inédits Byzantins, p. 244—263), древнерусский перевод издал М. Чельцов (указ. соч., стр. 389—405), филологическую аргументацию Оксита см. у М. Чельцова (указ. соч., стр. 392—394) и у Б. Лейба (B. L e i b. Op. cit., p. 247—250, p. 168, 193). Ср. также М. Ч е л ь ц о в. Указ. соч., стр. 205—209, 307. Иоанн Оксит, бывший патриархом Антиохии в 1089—1100 г., мог писать об опресноках в связи с переговорами об унии церквей в 1089 г., но не исключено, что он участвовал в прениях 1112 г. Ср. P. G a u t t i e r. Jean V l'Oxite, patriarche d'Antioche, notice biographique, — REB, XXII, 1964, p. 134—135.

ряда вопросов в сравнении с греческими полемистами конца XI — начала XII в.²⁷

Вывод о том, что послание об опресноках Леонтия митрополита τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσβυτάτου не является документом конца X либо первой половины XI в., а следовательно и не может служить свидетельством о существовании в то время Переяславской митрополии, не решает, однако, вопросов относительно времени и места составления этого сочинения, а также его авторства. Сравнивая послание Леонтия с другими памятниками полемической литературы, мы пришли к заключению, что его нельзя относить ко времени более позднему, чем рубеж XI в. Не исключено, что этот памятник был более ранним, чем написанное ок. 1085 г. послание митрополита Киевского Иоанна II Продрома. Но, указывая на 1054 г. как terminus ante quem non, нельзя не отметить, что послание Леонтия по общему умеренному тону полемики, несомненно, несколько отстоит по времени от года, в котором личное раздражение главных глашатаев разделения церковей, патриарха Михаила Кирулария и кардинала Гумберта, определило резкий, обличительный и оскорбительный тон выступлений. Быть может, детальное текстологическое исследование с привлечением всего материала греко-латинской полемики этого периода позволят ввести дальнейшие хронологические уточнения.

Если для определения времени составления послания митрополита Леонтия наиболее показательным его содержание, то в вопросе об атрибуции послания мы ограничены только данными, содержащимися в заглавии этого сочинения. Присмотримся же внимательно к заголовкам известных доселе рукописей²⁸. Девять из них называют Леонтия митрополитом, два — архиепископом и одна — епископом Ῥωσίας или τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσβυτάτου. Последнее определение содержится в пяти списках: 1) в списке амброзианского сборника (Милан) № 534 XIII в., 2) Московской Синодальной библиотеки (ГИМ) № 368 (240) рубежа XIV/XV вв., 3) Московской Синодальной библиотеки № 207 (250) рубежа XVII/XVIII вв., по всей вероятности, копии с Син. № 368, 4) Ватиканской библиотеки № 706 XIV в., 5) Венецианской библиотеки № 154, XVI—XVII вв. в несколько искаженном виде Λέοντος ἐπισκόπου Ῥωσίας Παλιζέβας²⁹. Хотя в трех древнейших списках XIII в. только амброзианский именуется Леонтия μητροπολίτου τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσβυτάτου, а остальные два (Valllicellus № В 53, Охридский № 69/85) — просто μητροπολίτου Ῥωσίας, именно последнее определение иерархического положения автора следует признать сокращением. Это явно следует из сопоставления заголовков:

Τοῦ θεοφιλεστάτου Λέοντος	Λέοντος μητροπολίτου
μητροπολίτου τῆς, ἐν Ῥωσίᾳ,	Ῥωσίας πρὸς Ῥωμαίους
Πρεσβυτάτου περὶ τοῦ ὅτι, ὃ	ἦτοι Λατίνους περὶ τῶν
δεῖ τελεῖσθαι τὰ ἄζυμα ³⁰ .	ἄζυμων ³¹ .

²⁷ М. Чельцов. Указ. соч., стр. 119—128, 173—174, 203, 239, 306; Н.-Г. Веск. Op. cit., S. 318, 534 f. Греческие и латинские тезисы по вопросу об опресноках до начала XII в. изложил Б. Лейб (B. Leib. Deux inédits Byzantins, p. 157—176).

²⁸ 11 списков и 2 отрывка без заголовков отмечены В. Н. Бенешевичем (Памятники, ч. II, стр. 73 сл.). 8 из них были известны Н. Никольскому (Материалы для временного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, стр. 46 сл.); след одного списка в виде заголовка в сохранившейся части Охридского сборника № 69 (85) XIII в. открыт В. Мошьявым (указ. соч., стр. 88 сл.).

²⁹ Ср. В. Бенешевич. Памятники, стр. 74 и Н. Никольский. Указ. соч., стр. 47. По-видимому, на основании Ватиканской рукописи № 706 Алляцием введен в состав полемистов Лев («Leo, item Prestlavae, quae in Russia est, metropolitae». — L. Allati u. s. De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione libri tres Coloniae Agrippinae, 1648, p. 872. Ср.: Codices Vaticani Graeci, III, 1950, p. 170).

³⁰ Цит. по Синод. списку № 368 (240), л. 243 (также и в остальных трех). См. В. Бенешевич. Памятники, стр. 73—74; В. Ладимир. Описание, стр. 317, 341; E. Martini, D. Vassi. Catalogus codicum graecorum Bibliothecae Ambrosianae, t. II. Mediolani, 1906, p. 648).

³¹ Цит. по Синод. сл. № 368 (239), л. 95 об. Ср. В. Ладимир. Описание, стр. 312.

Характерно, что ни в одном из списков не содержится заголовка, который пропускал бы ἐν Ῥωσσίᾳ, хотя именно этот оборот является в конструкции предложения определением вводным. По-видимому, уже в XIII в. для византийского книжника, которому хорошо была известна митрополия Руси, первоначальная формулировка заголовка не была достаточно ясна. Об эфемерной Переяславской митрополии уже не помнили.

Итак, согласно первоначальному тексту заголовка трактат об опресноках приписывался Леонтию, митрополиту Переяславля на Руси. В свете данных, которыми мы располагаем, такая атрибуция весьма правдоподобна. Митрополит Переяславля русского Леонтий, известный только по заголовку приписываемого ему политического трактата, не мог принадлежать к лицам, авторитетом которых хотел бы подкрепить свой диалог анонимный автор. Нет также оснований предполагать, что это был псевдоним какого-нибудь из греческих полемистов. Впрочем, и в таком случае упоминалась бы реальная историческая личность.

Можно с основанием принять гипотезу, что Леонтий, митрополит Переяславля на Руси, был автором хотя и заимствованного по тематике, но самостоятельно переработанного полемического сочинения. Оно могло быть произведением переяславского митрополита, составленным на Руси после 1054 г. Достоверные показания первоисточников подтверждают существование в 80—90-х годах XI в. Переяславской митрополии и позволяют либо относить ее начало к 70-м годам XI в. (после 1072 г.), либо по аналогии с Черниговской митрополией даже считать, что и до 1072 г. Переяславль имел титулярного митрополита. Митрополит Леонтий занимал переяславскую кафедру, по-видимому после епископа Петра, упоминаемого в 1072 г., и до поставления Ефрема (не позднее 1077/1078 гг.). Однако, учитывая титулярный характер переяславских митрополитов, можно допустить, что Леонтий фактически распоряжался кафедрой в Переяславле до епископа Петра, который или вовсе не получил титула своего предшественника, или еще не успел его получить к вышегородскому торжеству 20 мая 1072 г., в котором он участвовал. Мы склоняемся ко второй версии и считаем, что Леонтий был митрополитом на Руси до 1072 г. В пользу этой гипотезы можно выдвинуть следующие аргументы: во-первых, учитывая взаимоотношения князей на Руси, трудно объяснить, почему византийский двор, для которого в 60-е годы XI в. имели существенное значение союзные отношения с триархией русских князей, проявил свою благосклонность к Святославу Черниговскому, обходя Всеволода Переяславского; во-вторых, время правления Михаила VII Дуки Параниака (1071—1078), сносившегося с папой Григорием VII и обещавшего за помощь Запада против сельджуков и печенегов соединение церквей, не благоприятствовало полемике между церквями, хотя бы и умеренной по тону, но непримиримой по существу³². После же 1078 г., когда отношения византийского двора с папством испортились, митрополит Леонтий уже не мог занимать переяславской кафедры. Все это приводит нас к выводу, что Леонтий был митрополитом Переяславля на Руси до 1072 г., в 60-е годы XI в., когда вместе с Черниговской и была, по-видимому, учреждена титулярная Переяславская митрополия. В пользу того, что Ефрем не был единственным титулярным переяславским митрополитом,

Следует отметить, что в этой группе заголовков каждой рукописи несколько иной. Ср. В. Б е н е ш е в и ч. Памятники, стр. 74.

³² См. F. D o l g e r. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, Bd. 2. München — Berlin, 1925, N 988, а также 5 писем Григория VII, выдвигавшие проекты военной помощи Византии (Ph. J a f f é. Monumenta Gregoriana. — «Bibliotheca Rerum Germanicarum», t. II. Roma, 1965, p. 31—32, 64—65, 69—70, 145, 150—151). Ср. H o f f m a n n. Papst Gregor VII und der christliche Osten. — «Studi Gregoriani», t. I. Roma, 1947, p. 169—173, 177—178. Ср. также отлучение императора Никифора Вотаниата папой от 19.XII. 1078 г. и письмо от 1080 г. о разрыве с византийским двором (Ph. J a f f é. Monumenta Gregoriana, p. 331, 435).

а имел предшественника, свидетельствует и его русское происхождение³³. Когда в Константинополе было решено повысить епископа князя Всеволода в сан титулярного митрополита, то первый кандидат был, естественно, выдвинут из рядов греческого духовенства. Вполне возможно, что им мог быть будущий автор послания об опресноках. На Руси имелись условия для создания подобного сочинения, о чем свидетельствуют как собственно русские, так и переводные памятники того времени.

Если даже оставить в стороне сомнительное по датировке сочинение, носящее имя митрополита Георгия (в сохранившейся редакции, несомненно, более позднее), то наше внимание должно привлечь тематически близкое трактату Леонтия послание Иоанна II к папе Клименту (ок. 1085 г.). Сохранились также два послания митрополита Никифора (1104—1124) к Владимиру Мономаху и к волынскому князю Ярославу Святополковичу, излагающие «ереси латинския»³⁴.

Против написания сочинения Леонтия на Руси может, на первый взгляд свидетельствовать отсутствие его перевода, хотя в древнерусском рукописном наследии (списки XIV—XVII вв.) встречаются многочисленные переводы антилатинских полемических трактатов. Написанное по-гречески послание Иоанна II Продрома, обращенное к конкретному адресату, сразу же было переведено на славянский язык. Быть может, однако, послание митрополита Леонтия не было переведено, так же как не был переведен на славянский язык «трактат о латинах» архиепископа болгарского Феофилакта. Послание Леонтия, написанное в форме диалога, умеренное по тону, формулирующее ответы во втором лице множественного числа и начинающееся оборотом "Αυδρες Ῥωμαῖοι, ἀκούετε, являясь риторическим произведением, могло предназначаться для выступления на диспуте. Леонтий действительно мог участвовать в подобном диспуте во время одной из своих поездок в Константинополь. Такие богословские споры могли состояться и на Руси, куда часто приезжали западноевропейские посольства³⁵.

По вопросу об атрибуции рассматриваемого послания об опресноках предлагалось также иное решение. Некоторые ученые отказывались датировать этот памятник временем до 1054 г. Тем самым они не признавали автором этого сочинения митрополита Руси Льва, якобы управлявшего церковью на Руси на рубеже X—XI вв.³⁶ Однако при этом не учитывались известия источников о Переяславской митрополии, существовав-

³³ Г. Пашкевич (H. P a s z k i e w i c z. The Making of the Russian Nation. London, 1963, p. 223) под влиянием гипотезы М. Д. Приселкова о грекофильстве Всеволода и Владимира Мономаха видит в Ефреме грека, одного из инициаторов введения на Руси богослужения на греческом языке. Последнее предположение, однако, не находит подтверждения в источниках. О русском происхождении Ефрема, постриженного около 1061/2 г. в Печерском монастыре и бывшего приближенного Изяслава, убедительно свидетельствуют данные жития Феодосия и Печерского Патерика. См. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 24, 106, 149, 151 сл., 206. Пашкевич ошибается, когда пишет (H. P a s z k i e w i c z., Op. cit., p. 92, 219), ссылаясь на тот же Патерик, о греческой национальности ростовского епископа Леонтия (ок. 1071 г.). Греком сделал Леонтия — монаха Печерского монастыря — автор его жития в XII в. Политические интересы ростово-суздальского агнографа (стремление иметь свою митрополию) метко подметил Н. Н. Воронин. См. Н. Н. В о р о н и н. Житие Леонтия Ростовского и византийско-русские отношения второй половины XII века. — ВВ, XXIII, 1963, стр. 21—46.

³⁴ Н. Никольский. Указ. соч., стр. 197—202, 211 сл.; А. Попов. Указ. соч., стр. 99—118; А. Павлов. Указ. соч., стр. 48—65, 157.

³⁵ Можно указать здесь на миссию императора Генриха IV к Святославу в 1075 г., возглавляемому настоятелем кафедрального собора в Трире Бурхардом. См. ПВЛ, т. I, стр. 131; L a m p e r t i m o n a c h i H e r s f e l d e n s i s o p e r a, ed. O. Holder-Egger. Hannovergae et Lipsiae, 1894, p. 202, 225—226.

³⁶ О появлении митрополита Льва (Леона) в списках русских иерархов см. мои замечания (А. Р о р р е. Uwagi, II, str. 567—569; i d e m. Le traité des azymes, p. 524—527).

шей во второй половине XI в. На основании заголовка послания была создана гипотеза о том, что оно является сочинением Леонтия, митрополита Преславы Болгарской. Памятник датировали второй половиной XI — началом XII в.³⁷

Первая попытка подобной атрибуции принадлежит историку церкви иерусалимскому патриарху Досифею, жившему в XVII в. Досифей в своем труде уделил много внимания рассмотрению полемических греко-латинских трактатов. На основании заголовка послания Леонтия, которое было ему известно по рукописям, пересланным им в 1693 г. вместе с другими книгами в Москву и хранящимся в настоящее время в Государственном Историческом музее [упоминавшиеся выше Синод. №№ 207 (250) 366 (239)] и 368 (240)]³⁸, Досифей ввел в алфавитный список «тех греков, которые писали против новшеств латинян», Леонтия *Προσλάβας ἤτοι Μαρκιανουπόλεως*³⁹. В рукописи Досифей, естественно, встретил имя Леонтия, митрополита τῆς ἐν Ῥωσσίᾳ Προσλάβας (Син. № 368 и 207) и просто Ῥωσσίας (Син. 366), но не включил его в свой список, критически переосмыслив заголовок. Пояснительную надпись ἤτοι Μαρκιανουπόλεως он ввел, следуя церковной традиции, которая видела в преславской кафедре, основанной в связи с христианизацией Болгарии, преемницу древней балканской митрополии в Маркианополе⁴⁰.

Ошибка в списке Досифея отнюдь не редкость. Так, например, болгарский архиепископ Лев Охридский, который своим посланием к Иоанну, епископу Трани в Апулии, открыл полемцку об опресноках, фигурирует в списке Досифея дважды: перед Леонтием *Προσλάβας* (как Лев *Βουλγαρίας*) и после него (как Лев *Ἀχρίδίνος*). Именно этот церковный иерарх выступает в заголовках своих полемических посланий попеременно то как Лев Болгарский, то как Лев Охридский, ибо кафедра болгарской церкви находилась в то время в Охриде.

Сообщение Досифея безоговорочно принял Д. Цухлев как «неоспоримое свидетельство почти современного писателя». При этом он спутал действительного автора «Истории Иерусалимского патриархата» Досифея (1669—1707) с Досифеем, жившим в XII в. и также бывшим патриархом Иерусалима (1187—1189). Толкуя заголовок послания Леонтия под этим углом зрения, Д. Цухлев готов был усматривать в словах ἐν Ῥωσσίᾳ если не вставку, то искаженную запись балканского города Ῥωσσίον, из которого Леонтий мог либо происходить, либо находиться в нем на кафедре до прихода в Преславу⁴¹. Рукописная традиция послания подобных догадок отнюдь не подтверждает. Нельзя также согласиться и с М. Чельдо-

³⁷ См. М. Ч е л ь ц о в. Указ. соч., стр. 50—53; В. L e i b. Deux inédits Byzantins, p. 149; В. L e i b. Rome, Kiev et Byzance, p. 34; J. L e d i t. «Russi». — «Dictionnaire de Theologie Catholique», XIV—1, 1939, p. 217 suiv.; A. M i c h e l. Humbert und Kerularios, t. II, S. 129; Н. - G. В е с к. Op. cit., S. 312, 610, 754. Наиболее подробно см.: Д. Ц у х л е в. История на българската църква, т. I. София, 1910, стр. 865, 919—921. А. Деметракопулос причислил митрополита Леонтия к полемистам XIV—XV вв. (A. D e m e t r a c o p o u l o s. Graecia orthodoxa sive de Graecis qui contra Latinos scripserunt et de eorum scripsis. Lipsiae, 1872, p. 93).

³⁸ В л а д и м и р. Описание, стр. 310, 489, 738, 786. На этих рукописях [Син. №№ 207 (250), копия с № 368 (240)] имеются собственноручные пометы Досифея и его племянника Хрисанфа Нотары (издателя указанного в прим. 39 труда своего дяди), на что мое внимание любезно обратил Б. Л. Фонкич. Следует отметить, что послание Леонтия в Синод. № 366 (лл. 95—100) находится после сочинения Льва Охридского, вслед же за ними следует послание митрополита Иоанна II Продрома.

³⁹ Ἱστορία τῶν Ἱεροσολύμων... πατριάρχουσάντων συγγραφεῖσα... παρὰ τοῦ... πατριάρχου τῶν Ἱεροσολύμων... Δοσιθέου. Βουκουρέστιον, 1715, βιβλ. X, μέρος 3, σελ. 1144.

⁴⁰ Поэтому-то в литературе, на основании известий Досифея, ошибочно и определяется местоположение Преслава на месте древнего Маркианополиса (RE, t. XIV, S. 1510; Н. - G. В е с к. Op. cit., S. 610). См. также S. S t a n c e w. Pliska und Preslaw. — «Antike und Mittelalter in Bulgarien». Berlin, 1960, S. 219—264 (Berliner Byzantinistische Arbeiten, Nr. 21).

⁴¹ Д. Ц у х л е в. Указ. соч., стр. 919—921.

вым, что в XI в. якобы не существовало определенного значения слова *Ρωσία*, а в это понятие можно было включать и области, расположенные по Дунаю ⁴².

Следует обратить внимание на то, что в византийских памятниках XI—XIII вв. (у Георгия Кедрина, Анны Комнины, Михаила Атталиата, Георгия Акрополита, на печатях стратигов Льва Пигонита и Андроника Дуки) болгарский Преслав определяется как *μεγάλη Πρεσλάβα* ⁴³. Это является еще одним аргументом против происхождения послания Леонтия из Задунайской Преславы. Нет также никаких свидетельств в пользу существования в XI—XII вв. (до освобождения Болгарии в 1187 г.) митрополии Преславы. Известия о ней относятся лишь к началу XIII в. ⁴⁴

В научной литературе еще не было отмечено стремления переписчиков к упрощению, вернее, к «исправлению» заголовка послания Леонтия, проявившееся уже в XIII в., хотя оно упорно связывалось с Русью. Эфемерная Переяславская митрополия уже тогда была забыта. Толкование Досифея пошло в другом направлении. Переяславская митрополия на Руси показалась Досифею дивом, а так как ему была хорошо известна средневековая болгарская митрополия Преславы, то он и дал соответствующий комментарий. Следовательно, сообщение Досифея является не воспроизведением свидетельства более раннего источника, а попыткой объяснения загадочного названия, предпринятой историком церкви в XVII в.

Итак, в пользу Преславы болгарской говорит исключительно ономастическая близость названий двух городских центров на Руси и в Болгарии. В связи с четкостью определения заголовка не подлежит более сомнению, что послание об опресноках является сочинением Леонтия, митрополита русского города Переяславля. Это подтверждается и существованием на Руси во второй половине XI столетия Переяславской митрополии.

⁴² М. Ч е л ь ц о в. Указ. соч., стр. 52—53. См. А. В. С о л о в ь е в. Византийское имя России. — В В. XII, 1957, стр. 134—146; Н. Т о w n i a n s k i. O znaczeniu nazwy Ruś w X—XIV w. — «Kwartalnik Historyczny», 1957, N 1, str. 92—96; А. Р о р р е. Uwagi, II, str. 566—567. Ср. В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Русские на Дунае в XI в. — «Труды», т. I. СПб., 1908, стр. 132—4.

⁴³ В. З л а т а р с к и. История на Българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, стр. 480; N. V ä n e s s u, P. P a r a h a g i. Plombs byzantins decouverts à Silistrie. — Вуз., X, 1935, p. 602 sq; Г. Г. Л и т а в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 282.

⁴⁴ Е. Г о л у б и н с к и й. Краткий очерк православных церквей, болгарской, сербской и румынской. М., 1871, стр. 51, 94; Н. G e l z e r. Ungedruckt... Bistümerverzeichnisse... — ВЗ, II, 1893, S. 61; В. Н. З л а т а р с к и. Указ. соч., т. III. София, 1940, стр. 155, 183, 195—196, 203.

Г. Г. ЛИТАВРИН

ЕЩЕ РАЗ О ПОХОДЕ РУССКИХ НА ВИЗАНТИЮ
В ИЮЛЕ 1043 г.

Обычно Георгия Кедрина называют компилятором Иоанна Скилицы, но вернее было бы назвать его копиистом, причем копиистом в высшей степени старательным: как нам довелось убедиться, плагиат Кедрина имеет в целом гораздо меньшие отличия от текста Скилицы, чем отличаются друг от друга некоторые рукописи одного и того же автора (например, рукописи писем Феофилакта Болгарского). Тем не менее значение труда Скилицы как исторического источника для второй половины X — первой половины XI в. столь велико, что огромную важность могут иметь любые, даже, на первый взгляд, незначительные расхождения между оригиналом и плагиатом.

Не ожидая выхода в свет издания «Исторического обозрения» Скилицы, о подготовке которого было объявлено в сентябре 1966 г. на XIII Международном конгрессе византинистов в Оксфорде, мы хотим остановиться здесь на одном из разночтений между Скилицей и Кедриним, — разночтении, имеющем непосредственное отношение к последнему походу русских на Константинополь в 1043 г.

Как известно, дата этого похода (1043 г.) никогда не вызывала у историков никаких сомнений: она указана и в русских летописях, и в сочинениях Михаила Пселла, Скилицы и Михаила Атталиата — византийских авторов, рассказавших о нападении русских на Константинополь во главе с сыном Ярослава Владимиром. Не вызывал до сих пор каких-либо сомнений и месяц этого нападения. Считали, что оно произошло в июне, как это сказано у Кедрина — единственного автора, сообщающего эту подробность [*Ἐγένετο δὲ καὶ κατὰ τὸν Ἰούλιον μῆνα τῆς αὐτῆς ἐπιμεμήσεως καὶ ἡ τοῦ ἔθνους τῶν Ῥώσων κίνησις κατὰ τῆς βασιλείδος*, т. е. «В июне месяце того же индикта (11-го индикта 1043 г. — Г. Л.) случилось нападение на столицу народа Рос»¹]. Однако недоверие к этой датировке могло возникнуть уже при сопоставлении сообщений упомянутых византийских авторов.

Пселл помещает рассказ о нашествии русских непосредственно после отрывка о ликвидации восстания Георгия Маниака, о гибели мятежного полковолца под Фессалоникой и о триумфе в Константинополе после этой победы². Более краткий рассказ Михаила Атталиата об этих событиях содержит одну важную для нас деталь: этот автор сообщает, что после триумфа в столице победитель Маниака севастофор Стефан был обвинен в заговоре и приговорен к конфискации имущества, изгнанию и пострижению в монахи³. Лишь после рассказа о судьбе Стефана Атталиат

¹ Georgius Cedrenus. Joannis Scylitzae ope, II. Bonnae, 1839, p. 551. [1—2.

² Michel Psellos. Chronographie..., II. Paris, 1928, p. 7. 5—10. 25.

³ Michaelis Attaliota e Historia. Bonnae, 1853, p. 20. 3—6.

переходит к изложению обстоятельств набега русских. Причем только этот автор говорит, что решительное морское сражение с русскими близ Константинополя произошло в воскресенье⁴.

Вернемся теперь к хронике Кедрина. Хронологическая последовательность событий, излагаемых им в интересующем нас месте, кажется явно нарушенной. Рассказ о разгроме Маниака у Кедрина не имеет точной датировки. Непосредственно за описанием триумфа Стефана Кедрин делает экскурс к событиям прошлого года, сообщая о восстании на Кипре Феофила Эротика после низвержения Михаила Калафата (20 апреля 1042 г.). Этот бунт, однако, «недолго печалил» Константина Мономаха: на Кипр был отправлен военный флот, Эротика схватили и доставили в Константинополь. На ипподроме состоялся триумф, во время которого Эротика провели в женском одеянии. Он был лишен имущества и отпущен⁵. Непосредственно далее говорится о смерти патриарха Алексея Студита 20 февраля и о восшествии на патриарший престол Михаила Кирюлярия 25 марта («в день благовещенья»). Далее — под 2 мая — сообщается об ослеплении Иоанна Орфанотрофа, а сразу после этого — об обвинении Стефана как заговорщика, о конфискации его имущества, изгнании и пострижении в монахи (в полном согласии с Атталиатом), причем Кедрин говорит, что осуждение Стефана произошло «в июле месяце того же [11-го] индикта»⁶. Наконец, следует рассказ о нашествии русских, начинающийся с фразы, приведенной нами на первой странице («В июле месяце...» и т. д.).

Таким образом, изложение Кедрина прервано как будто двумя экскурсами, в которых автор возвращается к более ранним событиям. Первый из экскурсов вполне объясним: рассказав о мятеже Маниака и о триумфе по поводу победы над ним, Кедрин вспомнил еще об одном мятеже, случившемся недавно, — о восстании на Кипре и о триумфе в столице после ликвидации восстания. Вполне вероятно к тому же, что этот последний триумф мог иметь место не до, а после триумфа в честь Стефана. В таком случае сообщение о восстании на Кипре можно было бы назвать экскурсом лишь отчасти, так как расправа над Эротиком действительно могла произойти не ранее февраля 1043 г.

Гораздо труднее объяснить появление второго экскурса. Ничто, казалось бы, не оправдывает решения Кедрина изложить сначала события июля 1043 г. (арест Стефана), а затем — события июня того же года (нападение русских). Если бы мы признали рассказ Кедрина о набеге русских действительно экскурсом, мы должны были бы сделать то же самое и относительно соответствующего известия Атталиата: у того также известие о русских следует за сообщением об осуждении севастофора Стефана.

Поэтому мы вправе были бы предположить, что в написании месяцев у Кедрина, столь сходных по звучанию и графике («июнь — июль»), в одном из случаев допущена ошибка. Действительно, в латинском переводе сочинения Скилицы, сделанном и изданном И. Габием еще в XVI в., о походе русских рассказывается не под июнем, а под июлем 1043 г.⁷ Иначе говоря, русские напали на столицу Византии в том же месяце, когда был раскрыт заговор Стефана, и после расправы над Стефаном, не в июне, а в июле. Рассказ о русских, таким образом, не является экскурсом, т. е. в действительности хронологическая последовательность изложения

⁴ Attal., p. 20. 21—23.

⁵ Cedr., II, p. 549. 7—550. 5.

⁶ Ibid., p. 550. 13.

⁷ Historiarum compendium, quod... Joanne Curopalate Scilizae... conscriptum: et nunc recens a Joanne Baptista Gabio, e Graeco, in Latinum conversum. Venetiis, 1570, p. 110.

событий у Кедрина—Скилицы в этом месте, начиная с сообщения о смерти Алексея Студита и вплоть до рассказа об отношениях с папством, т. е. с февраля по сентябрь 1043 г., нисколько не нарушена.

Мы осуществили коляцию рассматриваемого места хроники Кедрина с соответствующими местами пяти рукописей сочинения Скилицы. Коляцию с Paris. Coislin. 136 мы сделали непосредственно по рукописи в Парижской Национальной библиотеке (л. 130а, строка 5), а с другими четырьмя — по микрофильмам: Vindob. Hist. 74 (л. 63в, стк. 24), Vindob. hist. 35 (л. 158а, стк. 31), Vatic. 161 (л. 337 в., стк. 27) и Ms. Vitriod. 26 № 2 (л. 225 в., стк. 7).

Во всех этих рукописях стоит отчетливое *ἰούλ* или *ἰούλιον*, в том числе и в Куаленовой № 136, которая была привлечена И. Беккером при издании хроники Кедрина. По-видимому, внимание изменило издателю и он не отметил указанного разночтения.

Новая датировка, как мы надеемся, будет не безразлична для историков, занимающихся внешней политикой Древней Руси: ее нельзя не учесть при оценке обстоятельств сборов в поход, при рассмотрении вопроса о привлечении к походу норманнских союзников. По-новому можно подойти теперь и к вопросу о дате ссоры русских с византийцами на константинопольском рынке, и к вопросу о возможности участия в походе Гаральда Гардара и т. д.

Может быть, новая дата похода русских будет интересна и византистам при более детальном анализе внутренних и внешних событий 1043 г.

Наконец, последнее замечание в связи со сказанным. Морское сражение с русскими близ Константинополя произошло, согласно приведенному выше сообщению Атталиата, в воскресенье. В июле 1043 г. воскресные дни приходились на 3, 10, 17, 24 и 31 июля. 3 июля следует, на наш взгляд, считать маловероятным: первых двух дней этого месяца едва ли хватило бы для суда и наказания севастофора Стефана, для концентрации и построения в боевой порядок на Босфоре многочисленных русских и варяжских ладей, для неоднократных посольств Мономаха к Владимиру, для снаряжения находившегося в плачевном состоянии византийского флота. По смыслу рассказов и Пселла и Скилицы, до решительного сражения с момента появления русских у Константинополя прошло по крайней мере несколько дней. Согласно известию Скилицы, арест и высылка из столицы русских купцов и русских воинов-наемников были произведены уже после подхода русских к городу. Причем арестованные русские были разосланы «по фемам»⁸. Вряд ли эту операцию можно было осуществить в один-два дня.

Также маловероятным представляется нам датировка морской битвы у Константинополя 31 июля. Действия против русских в непосредственной близости от города продолжались несколько дней и после морского сражения; сам император вернулся в столицу только на третий день после битвы⁹. В таком случае это был бы уже август, и трудно допустить, что Скилица при таких обстоятельствах отнес бы все эти события лишь к июлю месяцу. Это тем более невероятно, что Скилица далее подробно рассказывает о втором морском сражении у черноморского устья Босфора.

Поэтому мы считаем, что наиболее вероятной датой последнего морского сражения русских с византийцами близ Константинополя следует считать одно из трех воскресений июля (10, 17 или 24 июля 1043 г.).

⁸ С е д г., II, р. 551. 22—552. 6.

⁹ Ibid., р. 553. 13—14.

Н. А. КАЗАКОВА

ВОПРОС О ПРИЧИНАХ ОСУЖДЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

(Окончание) *

Обвинения, предъявлявшиеся согласно судному списку Максиму Греку на соборах, можно разбить на четыре группы: обвинения политические, уголовные, религиозно-догматические и обвинения в критике вотчинных прав и стяжательской деятельности церкви.

Политические вины Максима состояли: 1) в осуждении постановления русских митрополитов без санкции константинопольского патриарха, 2) в отрицательном отношении к восточной политике русского правительства и изменнических сношениях с Турцией, 3) в резких отзывах о великом князе.

Обвинение Максима в осуждении поставления митрополитов на Москве в судном списке встречается дважды и оба раза в отрывке о соборе 1531 г. среди вин, уже разбиравшихся собором 1525 г. Первый раз оно упоминается в обвинительной речи митрополита и второй — в передопросе Досифея. В записи передопроса Досифея сохранилась не только формулировка обвинения, но и ответ Максима Грека. Поэтому для анализа рассматриваемого обвинения используем соответствующий пункт передопроса Досифея.

Досифей спросил Максима: «Говорил еси многим людям, что здесь на Москве митрополит поставляется своими епископы русскими без благословения патриарха цареградского, а все то за гордость не приемлют патриаршескаго благословения, ставятся собою самочинно и безчинно?» На вопрос Досифея Максим отвечал, что он пытался узнать, почему русские митрополиты не ставятя у константинопольского патриарха, и ему сказали, что патриарх дал грамоту, разрешающую митрополитам ставиться по выбору русских епископов, но что он этой грамоты не видел. «Ноли здесь у них грамоты нет патриарха цареградского,— продолжал свой ответ Максим,— и они в гордости не ставятца по прежнему и по старому уставу и обычаю, от патриарха цареградского, то есть мне тем плачем Иеримиином, егда плакашеса на реце Вавилонстей, плакавшеса ни покаяния имеша, ни прощения грехов получиша»¹. Таким образом, Максим Грек полностью подтвердил свое отношение к поставлению митрополитов на Руси как к нарушению канонических правил, достойному осуждению.

Следовательно, обвинение Максима в осуждении нового порядка поставления русских митрополитов соответствует действительности. Достоверным следует признать и имеющееся в судном списке приурочение его к собору 1525 г.: повод к резким высказываниям Максима могло дать происшедшее на его глазах в 1523 г. в нарушение канонических правил

* Начало см.: ВВ, XXVIII, 1968, стр. 109—126.

¹ ЧОИДР, 1847, № 7, отдел II, стр. 13.

поставление в митрополиты Даниила. Поэтому естественно, что рассматриваемое обвинение должно было разбираться именно на соборе 1525 г.

Вопрос о порядке поставления русских митрополитов был вопросом не только церковным, но и политическим. После Флорентийской унии, признать которую отказались русская церковь и великокняжеская власть, русские митрополиты стали поставляться собором русских епископов в Москве без санкции константинопольского патриарха. Окончательно новый порядок поставления утвердился во второй половине XV в., после завоевания Константинополя турками. Для оправдания этого порядка, являвшегося нарушением канонических правил, была создана теория о том, что греческое православие вследствие подчинения греческой церкви неверным «изрушилось», потеряло свою чистоту. Эта теория выражена, в частности, в формуле, которая в 1475 г. в связи с поставлением в Константинополе на литовскую кафедру Спиридону Сатаны была внесена в обещательные грамоты вновь поставляемых русских архиереев: «а к митрополиту Спиридону, нарицаемому Сатана, взыскавшему поставления во области безбожных турок от поганого царя или кто будет иной митрополит, поставлен от латыни или от турскаго области, не приступати мне к нему»² Здесь поставление от патриарха, находящегося под властью «безбожных» турок, приравнивается к поставлению от латинян и тем самым объявляется недопустимым. В действительности за отрицанием права константинопольского патриарха на поставление скрывалось стремление русской церкви к установлению автокефальности. Это стремление было порождено процессом создания Русского централизованного государства. Оно являлось одной из сторон этого процесса и поэтому поддерживалось великокняжеской властью.

Взгляды Максима Грека на поставление русских митрополитов противоречили, таким образом, национальным устремлениям русской церкви и политике великокняжеского правительства. Теоретические основы, из которых исходил при этом Максим Грек, изложены в его произведении, написанном в связи с занятием Даниилом митрополичьей кафедры³. Оно называется «Сказание ко отрицающимся на поставлении и кленущимся своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному собору, еже не примати поставления на митрополию и на владычество от римскаго папы латынския веры и от цареградского патриарха аки во области безбожных турок поганого царя, и поставленнаго от них не примати». В «Сказании» Максим Грек полемизирует с той формулировкой теории «изрушения» греческого православия, которая была внесена в обещательные грамоты вновь поставляемых архиереев. Он высказывает мысль, что если отказ от поставления римским папой является правильным (папа отпал от «лика православных архиереев»), то этого нельзя сказать об отказе принимать поставление от константинопольского патриарха: тот факт, что в Константинополе утвердились нечестивые цари, не означает еще нарушения чистоты православия; в связи с этим Максим напоминает, что в первые триста лет своего существования до Константина Великого церковь также находилась под властью нечестивых царей, но не осквернялась, а сияла среди нечестия, как солнце, и ни один народ не отпадал от нее⁴. Идеальный стержень «Сказания» составляло представление о неоскверняемости чистоты церкви фактом подчинения ее неверным.

Это представление находилось, как нам кажется, в связи с глубокой преданностью Максима его родине. Попав в Россию и оставшись в ней по воле судьбы навсегда, став участником борьбы, происходившей в русском

² Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, первая половина тома. М., 1900, стр. 695.

³ В. Ф. Р ж и г а. Опыты по истории русской публицистики XVII века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 27.

⁴ Сочинения Максима Грека, т. II. Казань, 1897, стр. 126.

обществе, Максим тем не менее никогда не забывал, что он грек. «Грек бо аз и в Гречестей земли и родився и воспитан и постригся в иноки»⁵, — писал он много лет спустя после приезда в Россию. Горячая любовь Максима Грека к родине, его никогда не остывавшее греческое самосознание и порождали в нем глубокое убеждение в чистоте греческого православия, а следовательно, и в неправильности позиции русской церкви по отношению к константинопольскому патриарху.

Но какие побуждения заставляли Максима Грека высказывать не только устно, но и письменно свои взгляды на этот весьма щекотливый в условиях Москвы вопрос? Поступал ли он так по личной инициативе или же действовал по заданию константинопольского патриарха, эмиссаром которого он был в России, как это думает И. Денисов?⁶

Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить обстоятельства отъезда на Русь Максима Грека, которые, к счастью, детально освещены в сохранившихся документах того времени.

В марте 1515 г. из Москвы было отправлено в Турцию к султану Селиму I посольство во главе с боярином Василием Коробовым. В составе посольства находились и два посланца великого князя на Афон — Василий Копылов и Иван Варавин, везшие «милостыню» афонским монастырям, а также грамоту великого князя проту Афонской горы с просьбой отпустить в Москву для переводов богослужебных книг монаха Ватопедского монастыря Савву⁷. По приезде в Турцию Варавин был задержан в Константинополе, а Копылову было разрешено отправиться на Афон лишь 23 марта 1516 г. (перед «великим днем») ⁸. На Афоне выяснилось, что старец Савва из-за старости и болезней не может отправиться в долгий путь, и афонские власти избрали тогда для поездки в Россию другого монаха того же Ватопедского монастыря, Максима Грека, «искусна суца и пригожа к толкованию и проведению всяких книг церковных и глаголемых еленских, понеж от юности младости в сих возрасте учениях»⁹. Те же самые сведения об обстоятельствах выбора Максима для поездки в Россию сообщает и грамота Анфимия, игумена Ватопедского монастыря, митрополиту Варлааму¹⁰. В июле 1516 г. Копылов с Максимом Греком и его двумя помощниками был уже в Константинополе, где патриарх Феодит присоединил к посольству Копылова двух своих представителей — Григория, митрополита Зихновского, и священнодьякона Дионисия, отправляемых в Москву за «милостыней»¹¹. В Константинополе по неизвестным причинам посольство было задержано, и Копылов со своими греческими спутниками прибыл в Крым лишь весной 1517 г.¹², где имела место новая задержка. В Москве греки появились в марте 1518 г. Таков краткий перечень известий источников об обстоятельствах приезда Максима Грека с Афона на Русь.

Представляется совершенно очевидным, что выбор Максима Грека для

⁵ «Исповедание православной веры». Сочинения Максима Грека, т. I. Казань, 1895, стр. 30.

⁶ См. начало статьи: ВВ, XXVIII, стр. 110.

⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. — Сб. РИО, т. 95. СПб., 1895, стр. 105—106; Временник московского общества истории и древностей российских, кн. 5. М., 1805, стр. 31—32.

⁸ Сб. РИО, т. 95, стр. 369—370.

⁹ Грамота властей Ватопедского монастыря Василию III. — Временник московского общества..., стр. 32—33.

¹⁰ АИ, т. I. СПб., 1841, № 122, стр. 175—176.

¹¹ Послание патриарха Феодита митрополиту Варлааму. — Там же, № 121, стр. 175. В грамоте Феодита говорится лишь о посылке Григория и Дионисия, а Копылов со своими спутниками не упоминается. Но поскольку в Москву посланцы патриарха прибыли вместе с Максимом Греком и его товарищами (см., напр., ПСРЛ, VI, стр. 260—261), постольку очевидно, что патриарх присоединил своих представителей к посольству Копылова.

¹² Сб. РИО, т. 95, стр. 441.

поездки на Русь был не только делом рук афонских властей, но и результатом случайности: благодаря болезни старца Саввы афонские власти были вынуждены найти ему заместителя. Патриархат никакого отношения к выбору Максима не имел.

И. Денисов также отмечает, что в источниках нет никаких прямых указаний на связь между Максимом Греком и византийским патриархом Феолитом¹³. Однако, вопреки своему замечанию, И. Денисов, ссылаясь на имеющиеся в литературных памятниках известия о посылке Максима в Россию по выбору патриарха (или, согласно другому варианту, султана), а также высказывая ряд догадок (о том, что патриарх Феолит в бытность свою митрополитом Янины, расположенной вблизи Арты, родины Максима Грека, мог о нем там слышать; о том, что во время задержки посольства Копылова в Константинополе Феолит мог дать секретное задание Максиму Греку и т. д.), делает категорический вывод, что Максим Грек был эмиссаром константинопольского патриарха и действовал в Москве по его заданию¹⁴.

Хотя в некоторых «Сказаниях» о Максиме Греке действительно имеются сведения о посылке его на Русь по указанию патриарха или султана¹⁵, но в свете только что изложенных абсолютно четких и точных данных документальных источников эти сведения не могут быть признаны достоверными¹⁶. Что касается предположений И. Денисова о возможных связях между Максимом Греком и патриархом Феолитом, то они являются лишь догадками, не подкрепленными никакими фактическими данными.

Отсутствие в источниках сколько-нибудь достоверных известий о причастности патриархата к миссии Максима Грека заставляет думать, что высказывания Максима против нового порядка поставления митрополитов на Москве были не результатом выполнения им заданий патриарха, а результатом его личных побуждений, продиктованных его греческим патриотизмом и верой в неоскверняемость православной церкви фактом подчинения ее неверным. На вопрос о том, какое место эти взгляды занимали в общей системе общественно-политических воззрений Максима Грека и свидетельствовали ли они о его враждебности строительству Русского централизованного государства, мы попытаемся ответить ниже.

Обвинения Максима Грека по вопросам внешней политики сформулированы в судебном списке в обвинительной речи митрополита, произнесенной на соборе 1531 г., в перечне вин Максима, рассматривавшихся собором 1525 г. Что отвечал на них Максим, неизвестно, так как в сохранившемся отрывке передопроса Максима Досифеем о «хулах», разбиравшихся собором 1525 г., обвинительные пункты по внешнеполитическим вопросам отсутствуют.

В речи митрополита обвинения сформулированы следующим образом: «И вы с Савою, вместо благих, великому князю злая умышляли, и совешали и посылали грамоты к турецким пашам, и к самому турецкому царю, подымая его на благочестиваго и христоролюбиваго государя и велика-

¹³ E. Denisoff. Maxime le Grec et l'occident. Paris — Louvain, 1943, p. 345.

¹⁴ Ibid., 343—345, 361.

¹⁵ С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, стр. VIII, XII—XIII, XVIII—XIX, XXXI—XXXII, XXXIX, XLVIII—XLIX.

¹⁶ О посылке Максима Грека в Россию по указанию константинопольского патриарха сообщает и Герберштейн (С. Герберштейн. Записки о московских делах СПб., 1908, стр. 65). Поводом к возникновению версии «Сказаний» и сообщения Герберштейна послужило, очевидно, то обстоятельство, что Копылов и Варавин, посланные великим князем на Афон за переводчиком, выехали из Москвы в составе посольства Коробова к турецкому султану, направлявшемуся в Константинополь, где находилась и резиденция патриарха. На основании слухов об этом посольстве авторы «Сказаний», не располагавшие, очевидно, документальными данными, и составили рассказ о том, как великий князь просил султана (или патриарха) прислать переводчика Данилу (напомним, что в документах речь шла о Савве) и как вместо него был послан Максим Грек.

го князя, Василия Ивановича всеа Руси, и на всю его благочестивую державу. Да вы же говорили: Ратует князь великий Казань, да неколи ему будет и сором: турецкому ему не молчати. Да вы же ведали Искиндера турецкого посла советы и похвалы, что хотел подымати турецаго царя на государя великого князя, и на всю его державу. Да ты, Максим, то ведал, а государю великому князю и бояром его не сказал. Да ты же говорил многим людем: Быти на той земли Рустей салтану турецкому, зане же салтан не любит сродников царегородских царей, а князь великий весь Василей внук Фомы Амарейскаго... Да ты же, Максим, говорил: князь великий Василей выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал — от турецкого ему как не бежати? Пойдет турецкой, и ему либо карачь дати, или бежати»¹⁷.

Из речи митрополита следует, что Максим Грек обвинялся, с одной стороны, в действиях, а с другой — в высказываниях, направленных против государственных интересов России в турецком вопросе. Действия Максима заключались в посылке грамот турецкому правительству с целью поднять его на войну против России и в тайных сношениях с турецким послом Скиндером, также враждебно настроенным по отношению к России. В высказываниях Максима давалась резко враждебная оценка восточной политики великого князя. В совокупности все эти обвинения рисуют Максима как тяжкого государственного преступника, предателя национальных интересов России.

Тяжесть обвинений, предъявленных Максиму, становится особенно наглядной, если учесть международную обстановку, в которой оказалась Россия в 20-х гг. XVI в. В длительной борьбе России с Польско-Литовским государством за возвращение западнорусских земель в 1514 г. был достигнут крупный успех — взят Смоленск. Однако поражение под Оршей в 1517 г. задержало дальнейшее развитие военных действий. Между сторонами начались длительные переговоры, сопровождавшиеся подписанием в 1522 и 1526 гг. перемирий, но так и не приведшие к заключению твердого мира. К неустойчивости русско-литовско-польских отношений присоединилась угроза агрессии со стороны султанской Турции и ее вассалов — татарских ханств. В 1521 г. крымский хан Мухаммед-Гирей инспирировал с помощью своих сторонников переворот в Казани, посадив на престол вместо ставленника Москвы Шах-Али своего брата Сагиб-Гирея, после чего крымские и казанские войска произвели нападение на Москву. Хотя Москва не была взята, но Русскому государству был нанесен серьезный удар. В этих условиях в русских дипломатических кругах возникла идея заключения союза с Турцией. Посредством этого союза русская дипломатия надеялась обезопасить себя со стороны Крыма, направить набеги крымских татар в сторону Литвы и одновременно развязать себе руки для борьбы с Казанью. Но из идеи русско-турецкого союза ничего не получилось. Московская дипломатия склонна была приписывать неудачу русско-турецких переговоров враждебной Русскому государству деятельности турецкого посла Скиндера (был в Москве в 1522, 1524 и 1526 гг.)¹⁸. Однако причины обострения русско-турецких отношений были гораздо более глубокими. И. И. Смирнов правильно указал, что они заключались в агрессивном характере внешней политики Турции: Турция не могла отказываться от поддержки татарских ханств, являвшихся ее форпостами в Восточной Европе¹⁹. Особого обострения

¹⁷ ЧОИДР, 1847, № 7, отдел II, стр. 5. — Во второй и предпоследней фразах цитируемого отрывка мы воспроизводим пунктуацию, предложенную И. И. Смирновым, справедливо указавшим, что пунктуация, данная в этих фразах в издании судебного списка, является неудачной (И. И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком. Вопросы истории, 1946, № 2—3, стр. 123).

¹⁸ Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916, стр. 28—29; см. также ниже, стр. 119 сл.

¹⁹ И. И. Смирнов. Восточная политика Василия III. — ИЗ, т. 27, 1948, стр. 45.

русско-турецкие отношения достигли в 1524 г., когда Сагиб-Гирей признал себя вассалом Турции и объявил Казанское ханство «юртом» Сулеймана I. Но осуществить свои сюзеренные права над Казанью турецкому султану не пришлось, так как в результате похода русских войск на Казань летом 1524 г. Сагиб-Гирей бежал в Крым, а новый казанский хан должен был признать свою зависимость от Русского государства. Однако это признание было в значительной степени формальным, и новый казанский хан Сафа-Гирей продолжал занимать по отношению к Русскому государству враждебную позицию.

Таковы внешнеполитические события, непосредственно предшествовавшие процессу Максима Грека и придававшие особую остроту обвинению его в изменнических сношениях с Турцией.

Естественно, что вопрос о справедливости этого обвинения в наибольшей степени привлекал внимание исследователей, занимавшихся процессом Максима Грека. Однако, как справедливо отметил И. И. Смирнов в историографическом введении к своей статье, при решении этого вопроса исследователи, как отрицавшие виновность Максима, так и признававшие ее, исходили главным образом «из логических рассуждений на тему о совместимости (или несовместимости) характера вины, предъявленной Максиму Греку на суде, с общим обликом греческого монаха как политического и культурного деятеля»²⁰. Попытку подвести под вопрос о виновности Максима некоторую фактическую базу сделали лишь два автора — Б. И. Дунаев и И. И. Смирнов, решавшие его, как мы уже указывали, в положительном для обвинения смысле. Рассмотрим фактические основания, приводимые ими в обоснование своей точки зрения²¹.

Остановимся сначала на вопросе об обвинении Максима Грека в сношениях с турецким правительством.

Б. И. Дунаев обратил внимание на имеющиеся в описи царского архива записи: «Ящик 26-й. А в нем... список 3 грамоты, что дали во Святую Гору прежние государи 3 земли, списан у Максима Грека». И далее: «Ящик дубов. 61-й. А в нем грамоты греческие посольные, взяты у Савы, архимарита у Спаского бывшего». В этих записях Б. И. Дунаев усматривает доказательство того, что Максим и Савва имели доступ к посольским делам, в частности касающимся сношений с Турцией²². И. И. Смирнов, приводя вслед за Б. И. Дунаевым известие описи царского архива о взятии у Саввы «грамот греческих посольных», замечает: «Грудно сказать, что представляли собой эти «грамоты греческие посольные», изъятые у Саввы, но самый факт их обнаружения у единомышленника М. Грека свидетельствует о том, что греческие монахи из Москвы вели политическую переписку с заграницей и, следовательно, правительство Василия III могло узнать содержание этой переписки через своих агентов или путем захвата писем»²³.

Нам кажется, что хотя вопрос о том, что представляли собою «грамоты греческие посольные», действительно нелегко решить, так как этот термин в источниках больше не встречается, но некоторые предположения по этому поводу высказать все-таки можно. «Грамоты посольные» — это, несомненно, грамоты, привозимые послами. На территорию, откуда были привезены «грамоты посольные», найденные у Саввы, указывает термин «греческие»: привезены они были с территории Греции, находившейся под властью Турции. Но с этой территории в Россию поступали доку-

²⁰ И. И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком, стр. 109—110.

²¹ Аргументацию И. Б. Грекова в доказательство агентурной службы Максима Грека турецкому султану мы приводить не будем, так как она полностью повторяет аргументацию И. И. Смирнова (см. ВВ, XXVIII, стр. 110).

²² Описи царского архива XVI века и архива посольского приказа 1614 года. М., 1960, стр. 20, 25; Б. И. Дунаев. Указ. соч., стр. 16.

²³ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 124.

менты двух родов: от властей Турецкой империи и от греческой православной церкви. К какой именно документации в XVI в. прилагался термин «греческие», показывает сопоставление фондов «греческих» и «турецких» дел, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. В фонде «греческих дел» ко времени Василия III относятся стайные списки посольств представителей греческой церкви, приезжавших в Москву обычно с просьбой о «милостыни» (материальной помощи), грамоты, привозимые ими, а также грамоты, посылаемые великим князем монастырям (чаще всего афонским) и властям греческой церкви²⁴. Среди этих материалов ни одного документа, относящегося к сношениям с турецкими властями, нет. Последние сосредоточены в фонде «турецких дел»²⁵. Следовательно, «грамоты греческие посольные» — это грамоты, которыми снабжались представители греческой церкви. Вряд ли адресатом грамот, найденных у Саввы, был сам Савва: грамоты от властей греческой православной церкви направлялись либо великому князю, либо митрополиту. Если же предположить, что грамоты, изъятые у Саввы, представляли собою секретные письма, получаемые им от властей греческой церкви, тогда неясно, почему к ним прилагался термин «посольные» (к частным лицам послы не посылались). Нам думается, что грамоты, найденные у Саввы, были действительно «грамотами греческими посольными», т. е. официальными грамотами греческой церкви, направленными в Россию, которые из Посольского приказа каким-то образом попали в руки Саввы. Возможно, что по просьбе какого-либо из греческих посольств, постоянно приезжавших в Москву за милостыней, Савва и Максим собирали материал о сношениях Москвы с греческой церковью. Прямое указание на интерес именно такого рода дает второе известие описи царского архива о том, что у Максима имелся список с грамоты, «что дали в Святую гору прежние государи земли»²⁶. Таким образом, рассматриваемые известия описи царского архива свидетельствуют не о сношениях Саввы и Максима с турецкими властями, не о политической переписке их с границей, а об интересе к делам греческой церкви, естественном для греческих монахов.

Другой «важнейший материал в пользу доказательства наличия связей М. Грека с турецким правительством» И. И. Смирнов усматривает в известии «Турецких дел» о судьбе лекаря Марка. Лекарь Марк, по национальности фрязин, подданный турецкого султана, приехавший на службу в Москву, задерживался великим князем под разными предлогами, несмотря на просьбы султана отпустить его (за Марка хлопотал, в частности, Скиндер)²⁷. Из этого известия И. И. Смирнов делает вывод, что турецкое правительство «было прекрасно осведомлено о греках, живших в Москве, и имело с ними сношения». Как доказательство заинтересованности турецкого правительства в судьбе Максима Грека И. И. Смирнов приводит также показание Поссевино о том, что Максим Грек, «несмотря даже на энергичные настояния турецкого императора, так и не мог освободиться от заключения, где, говорят, и окончил дни»²⁸.

Вряд ли приводимые И. И. Смирновым известия могут служить доказательством связей Максима Грека с турецким правительством. То, что турецкое правительство хлопотало за лекаря Марка, не означает еще, что оно пеклось о всех своих подданных, проживавших в Москве, и поддер-

²⁴ ЦГАДА, «Греческие дела», ф. 50, кн. I, лл. 1—30.

²⁵ Б. И. Дунаев. Указ. соч., Приложение, стр. 33—92.

²⁶ Нам представляется вполне допустимым предположение Б. И. Дунаева, что грамоты, найденные у Максима и Саввы, могли попасть к ним из Посольского приказа через видного московского дипломата того времени Дмитрия Траханиота, грека по национальности (Б. И. Дунаев. Указ. соч., стр. 16).

²⁷ Там же, стр. 13—14.

²⁸ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 124.

живало с ними сношения. Что касается показания Поссевино о ходатайстве за Максима турецкого султана, то достоверность его более чем сомнительна: Поссевино писал спустя полстолетия после интересующих нас событий, писал по слухам (он сам ссылается на то, что «говорят»); о сомнительности его сведений о Максиме Греке свидетельствует, в частности, и такая грубая ошибка, как указание на смерть Максима в заточении. Внимание Поссевино к непроверенным слухам о заинтересованности турецкого султана в судьбе Максима Грека легко объясняется характером миссии Поссевино: его задачей являлось не только заключение мира между Россией и Польшей, но и вовлечение России в антитурецкую лигу²⁹. Отсюда стремление Поссевино подчеркивать происки турецкого султана.

Для доказательства справедливости обвинения Максима Грека в изменнических сношениях с Турцией И. И. Смирнов использует также новый памятник литературы XVI в., изданный М. Н. Тихомировым. По мнению И. И. Смирнова, известия этого памятника имеют такое значение, что опубликование его «окончательно решает вопрос о суде над Максимом Греком, устраняя возможность трактовки «Судного списка» как недостоверного источника»³⁰.

Источник, о котором идет речь, это летописный отрывок, освещающий события правления Василия III за 1518—1526 гг. Он находится в составе сборника Музейного собрания № 3841, заключающего несколько летописных памятников, в том числе Софийскую первую летопись, краткие погодные заметки за 1478—1524 гг., летописец патриарха Никифора. Имеющиеся в сборнике сведения о постройках в Пафнугьевом Боровском монастыре указывают на принадлежность его этому монастырю. По почерку и водяным знакам сборник (за исключением первых 22 листов, восстановленных, очевидно, вместо утерянных в конце XVII — начале XVIII в.) датируется концом XV — первой половиной XVI в.³¹

Известия нашего отрывка, описывающего, как уже сказано, события правления Василия III за 1518—1526 гг., в большинстве своем совпадают с известиями других летописей. Но среди них есть и оригинальные. К числу их относятся, в частности, статьи «О пострижении великой княгини Соломониды» и «Совокупление второго брака». На основании содержания этих статей, оправдывающих второй брак великого князя и в то же время не сообщающих о рождении у него наследника (главное оправдание брака, совершенного «чадородия ради»), М. Н. Тихомиров относит составление отрывка к 1526—1530 гг.³²

Названным статьям предшествует читающаяся только в нашем отрывке статья, помещенная под 1525 г., «О греках». Вот ее текст: «О греках. Того же лета князь великий Василей Иванович всеа Руси довел на Спаского архимандрита на Саву на Грека, да на Максима на философа измену, посылали грамоты да и поминки железца стрелные к паше к турецкому, а велели ему итти воевати украин великого князя. А Даниил митрополит всеа Руси с связанным собором довел на них ересь. Да с ними же были в совете Иван Берсен Беклемишев да Петр Муха Карпов да Федко Жареной. И сказали на соборе во всем виноваты. Государь же над Греки показал милость. Саву послал в заточенье в обитель Пречистыа на Возмища, а Максима в Сифов, а келеиника их Афонасыа в Пафнугиево, а Берсеня велел казнити главною казнию, и Муху велел в темнице заключити, а Жарену велел язык вырезати»³³.

²⁹ П. Пирлинг. Восточная идея Поссевино. — «Русская старина», т. 136, 1908, стр. 563—573.

³⁰ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 126.

³¹ М. Н. Тихомиров. Новый памятник политической литературы XVI в. — Сб. «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., 1930, стр. 105—114.

³² Там же, стр. 106.

³³ Там же, стр. 112.

Придавая исключительное значение известиям нового источника, как окончательно решающим вопрос о суде над Максимом Греком, И. И. Смирнов в обоснование их достоверности указывает на датировку летописца, его характер, происхождение известия о суде над Максимом Греком.

Рассмотрим эти аргументы.

Летописец Боровского монастыря, составленный в 1526—1530 гг., был почти современен описываемым в нем событиям. Это обстоятельство на первый взгляд действительно располагает в пользу его известий, так как автор — современник событий и имел, казалось бы, возможность полно с ними ознакомиться и правдиво их передать. Но вопрос о достоверности показаний любого источника, в том числе и современного событиям, всегда связан с вопросом о его тенденции, так как в источнике любой хронологической давности может иметь место искаженное освещение событий, обусловленное мировоззрением автора. Поэтому хронологическая близость Боровского летописца к описываемым в нем событиям, взятая самая по себе, еще не является несомненным доказательством достоверности его показаний.

В этой связи большое значение приобретает определение его характера и степени тенденциозности. И. И. Смирнов, соглашаясь с данным М. Н. Тихомировым определением Боровского летописца как летописца монастырского, пишет: «по самому своему характеру монастырский летописец — источник несравненно менее тенденциозный, чем официальные летописные своды, в которых изложение событий подчинено определенной политической схеме. Тем достовернее, следовательно, данные рассматриваемого отрывка»³⁴.

Не касаясь данной И. И. Смирновым общей характеристики монастырских летописцев как источников «несравненно менее тенденциозных», чем официальные летописные своды (эта характеристика вряд ли может быть признана удачной), остановимся на вопросе об идеологической направленности и степени тенденциозности Боровского летописца.

Его основная политическая тенденция была вскрыта еще М. Н. Тихомировым во введении к изданию: «Миросозерцание автора отрывка, — пишет М. Н. Тихомиров, — очень типично для самосознания укреплявшегося московского самодержавия и может быть выражено словами Степенной книги — «всяк хотяй озлобити христоименитое сие достояние Руськое сице вскоре потребится» (Полное Собр. лет. XXI, 603). Все враги Московского государства автором отрывка награждаются самыми бранными эпитетами и постоянно обвиняются в изменах и вероломстве и, наоборот, личность великого князя Василия Ивановича неумеренно восхваляется. Ошибки и поражения великого князя объясняются лишь его доверчивостью. В повествовании автора отрывка Василий вырастает в грандиозную фигуру венценосца, меч которого «обоюдоостр на цари и короли, на всяко племя безсерменское и на латынство»³⁵.

Пожалуй, с еще большей яркостью, нежели в изложении событий внешнеполитических, выступает тенденция летописца в описании неурядиц в личной жизни великого князя. В статье «О пострижении великая княгини Соломонида» рассказывается, что великая княгиня, «видя неплодство чрева своего», начала молить великого князя разрешить ей постричься в монахини. Великий князь, не желавший нарушать брачного обета, отверг ее просьбу. Тогда Соломония обратилась к митрополиту Даниилу, и тот «моления слез ее не презри, много много моля о сем государя со всем священным сонмом, да повелит воле ея быти». Великий князь в свою очередь «моления отца своего Данила митрополита не пре-

³⁴ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 126.

³⁵ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 105—106.

зре, повеле створити волю еа. Благоверная же великаа княгини, аки от пчел сота от царьских уст насладився, с радостью отходит в обитель». В следующей статье «Съвъкупление второго брака» повествуется о том, как великий князь пребывал в унынии и сетовании из-за разлуки со своей «подругой», как митрополит Даниил и братья великого князя, Юрий и Андрей, стали уговаривать его переменить печаль на радость и вступить во второй брак, как великий князь отвергнул их мольбы и согласился только тогда, когда к ним присоединились князь и бояре: «И ответ дал преосвященному Данилу митрополиту и благоверным князем Георгию и Андрею и всем поместным князем и бояром: воля ваша буди. Они же вси радостно и велегласно възъпиша: грех твои царю буди на нас». Заканчивается статья рассказом об избрании великому князю в невесты Елены Глинской и об их бракосочетании³⁶. Таким образом, в изложении летописца инициатором развода великого князя выступает его жена, к которой присоединяется митрополит, инициатором второго брака — митрополит и братья великого князя, к которым присоединяются князь и бояре. В обоих случаях великий князь лишь нехотя, против своего желания, уступает настояниям своих близких и представителей влиятельных общественных кругов. За поступки, являвшиеся нарушением традиционной этики, с него снималась всякая ответственность. Вряд ли нужно говорить о том, какой грубой фальсификацией являлся рассказ летописца.

В свете всего сказанного абсолютно убедительно звучит та итоговая оценка летописца, которую дает М. Н. Тихомиров: «Этот план неумеренного восхваления всех деяний великого князя невольно оставляет впечатление, что автор не столько задавался целью написать правдивые летописные заметки о своей эпохе, сколько возвеличить личность и деяния великого князя»³⁷.

Помимо стремления к прославлению великого князя Боровскому летописцу свойственна, как нам кажется, еще одна тенденция, которая особенно сильно сказывается в статьях о разводе и втором браке Василия Ш. Здесь рядом с великим князем всегда стоит митрополит Даниил: он трогательно заботится об интересах великого князя и является вдохновителем его поступков. Боровский летописец подчеркивает тот тесный союз между великокняжеской властью и иосифлянами, который установился после разрыва Василия Ш с нестяжателями³⁸.

В этой связи заслуживает всяческого внимания предположение А. Н. Насонова о том, что повествование о пострижении Соломонии и вступлении Василия во второй брак вышло из канцелярии митрополита Даниила³⁹. Оно могло попасть в Боровский монастырь при посредстве Макария, постриженника монастыря, из которого в марте 1526 г. он был вызван митрополитом Даниилом в Москву и поставлен в новгородские архиепископы. Но и после поставления в архиепископы Макарий сохранял связь с монастырем: в 1534 г. он сделал в него вклад — рукописное евангелие. Монастырь был связан не только с виднейшими деятелями иосифлянства, но и с самой великокняжеской семьей: в 1530 г. повелением Ва-

³⁶ Там же, стр. 112—114.

³⁷ Там же, стр. 106.

³⁸ Василий Ш, проводивший до 20-х гг. политику ограничения иммунитетных прав монастырей, опирался на нестяжателей, выступавших против вотчинных прав церкви. В 20-е гг., в связи с обострением внешне- и внутривосточного положения, обусловившего необходимость сплочения всех сил господствующего класса, он порывает с нестяжателями и сближается с иосифлянами, идеологами сильной воинствующей церкви, защищавшими неизбежность ее имуществ. Главою иосифлян был митрополит Даниил. Подробнее см.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 64—77.

³⁹ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — «Проблемы источниковедения», т. VI. М., 1958, стр. 248—249.

силія ІІІ, «при его великой княгине Елене», монастырю был подарен церковный покров с изображением основателя монастыря Пафнутия⁴⁰. Связями Пафнутиева Боровского монастыря с великокняжеской семьей и ее в конце 20 — начале 30-х годов иосифлянским окружением и объясняется великокняжеско-иосифлянская тенденция монастырского летописца.

Все сделанные нами наблюдения над содержанием и идеологической направленностью Боровского летописца позволяют сделать вывод о том что Боровский летописец является не менее, а, может быть, более тенденциозным источником, чем официальные летописные своды. Показательно, например, что статья «О пострижении великой княгини Соломониды» из летописных сводов встречается в одной только Типографской летописи, да и то в неполном виде⁴¹, а статья «Совокупление второго брака» не в один летописный свод включена не была.

Ярко выраженная великокняжеско-иосифлянская тенденция Боровского летописца заставляет настороженно отнестись к известиям интересующей нас статьи «О греках», рассказывающей о суде над заклятым врагом иосифлян — Максимом Греком⁴². Для оценки известий этой статьи необходимо попытаться выяснить вопрос о ее источнике. И. И. Смирнов, высоко ставящий достоверность известий статьи, в обоснование своего мнения высказывает предположение о том, что автор летописца мог получить сведения о процессе Максима Грека от келейника Максима Афанасия, содержавшегося в заточении в Боровском монастыре; это сведения «можно сказать из первых рук»⁴³. Остановимся на этом предположении.

Известие об осуждении Афанасия по делу Максима Грека и о ссылке его в Боровский монастырь читается только в статье «О греках» Боровского летописца. Из других источников Афанасий упоминается лишь в следственном деле Берсена Беклемишева и Федора Жареного, причем фигурирует здесь в качестве простого свидетеля, на которого обвинение не распространялось⁴⁴. Однако, несмотря на единичность известия Боровского летописца о ссылке Афанасия, оно представляется вполне правдоподобным: поскольку Афанасий был келейником Максима, он также мог попасть в число осужденных; официальные летописные своды, не интересовавшиеся такой скромной фигурой, не сохранили сведений о его суждении; составитель же Боровского летописца записал их, так как Афанасий был сослан именно в этот монастырь. Но то обстоятельство, что Афанасий находился в заточении в Пафнутиевом Боровском монастыре, не означает еще, что составитель летописца использовал его рассказы как источник сведений о процессе Максима Грека. Составитель летописца, излагая события правления Василия ІІІ, неизменно проводил, как это мы постарались показать, официальную точку зрения, причем под его пером эта точка зрения получала порою наиболее крайнее выражение. Поэтому если даже составитель и обращался с расспросами к Афанасию (а это неизвестно), то при освещении процесса Максима Грека он должен был руководствоваться требованиями своих социальных заказчиков.

Источником сведений летописца о суде над Максимом Греком являлась, с нашей точки зрения, официальная церковно-правительственная версия, которая легко могла дойти до монастыря вследствие его связей с великокняжеской семьей и руководящими деятелями иосифлянства. Именно этим объясняется удивительное совпадение известий летописца о том, что Максим и Савва «посылали грамоты да и поминки железиц

⁴⁰ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 107.

⁴¹ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 248—250; ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222—223.

⁴² Максим Грек, примкнувший к нестяжателям, выступал против вотчинных монастырей (см. ниже, стр. 130—131).

⁴³ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 126.

⁴⁴ ААЭ, т. I, № 172, стр. 141.

стрелные к нам к турецкому, а велели ему итти воевати украин великого князя» с обвинением Максима и Саввы на суде митрополитом в том, что они «посылали грамоты к турским пашам, и к самому турецкому царю, подымая его на благочестиваго и христолюбиваго государя и великаго князя, Василия Ивановича всеа Руси и на всю его благочестивую державу». Только официальную версию Боровский летописец расцвятил фантастическими подробностями о железных стрелах, которые греческие монахи из Москвы посылали в качестве подарков турецким пашам. Еще в одном отношении составитель Боровского летописца пошел дальше официальной версии: в рассказ он суде о включил известие о покаянии Максима и Саввы («сказали на соборе во всем виноваты»), известие более чем сомнительное, так как в судном списке Максима Грека сообщается, что его упорное непокаяние и явилось одной из причин вторичного суда над ним.

Известия летописца Пафнутиева Боровского монастыря об изменнических сношениях Максима Грека с Турцией не могут служить подтверждением справедливости его обвинения во внешнеполитической измене, так как они представляют собой вариант той же самой церковно-правительственной версии, которая была сформулирована и в судном списке⁴⁵.

Составной частью обвинения Максима Грека в изменнических сношениях с Турцией является обвинение его в связях с турецким послом Скиндером, в осведомленности о стремлении последнего вызвать войну между Турцией и Россией и в у молчании об этом. Сторонники виновности Максима Грека считают связи его со Скиндером несомненными.

Б. И. Дунаев объясняет их принадлежность Скиндера (грека, из рода князей Мангупских), так же, как и Максима Грека, к партии греческих патриотов, видевших в войне России с Турцией средство освобождения Греции. Однако доказательства, приводимые Б. И. Дунаевым в пользу принадлежности Скиндера к греческим патриотам (указание на его греческое происхождение и заявления о намерении «учинить вражду» между Россией и Турцией)⁴⁶, вряд ли могут быть признаны состоятельными. Статейные списки турецких дел рисуют Скиндера как капризного и корыстолюбивого турецкого дипломата, недовольного приемом, оказанным ему в Москве и грозившим в отместку «учинить вражду» между султаном и великим князем⁴⁷. Поэтому прав, как нам кажется, И. И. Смирнов, рассматривающий Скиндера как представителя греческой знати, перешедшей на службу к турецкому правительству⁴⁸. Но если греческий патриотизм Скиндера оказывается более чем сомнительным, то благодаря этому исчезает и почва для предположения о возможности на основе идейной близости тесного общения между Скиндером и Максимом Греком, действительно греческим патриотом⁴⁹.

И. И. Смирнов, объяснявший конспиративные связи между Скиндером и Максимом Греком их общей службой турецкому султану, в доказательство этих связей ссылается на показания Максима во время следствия по делу Берсеня Беклемишева. Максим, передавая содержание своих разговоров с Берсенем, показал, в частности: «Да Берсень жо меня въспросил: «ведаешь ли, Максим, почто сюда Турецкого посол Искандер пришол?» И яз молвил: «не ведаю; а слышу, что с ним денги салтановы, купить, что будет потребная»⁵⁰. Нам кажется, что ни вопрос Берсеня, ни ответ Максима отнюдь не являются показателями конспиративной близости

⁴⁵ Близкие к нашим возражения (но в очень лаконичной форме) на рассмотренную аргументацию И. И. Смирнова высказал И. У. Будовниц (И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 142—144, прим. 2).

⁴⁶ Б. И. Дунаев. Указ. соч., стр. 16, 22, 28—29.

⁴⁷ Там же, стр. 28.

⁴⁸ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 120—121, 123.

⁴⁹ См. выше, стр. 112, и ниже, стр. 120.

⁵⁰ ААЭ, т. I, № 172, стр. 143.

сти Максима к Скиндеру. Более того, из этого короткого диалога не видно даже, чтобы Максим вообще имел какие-то контакты со Скиндером. В ходе беседы, касавшейся различных политических событий, вопрос о цели приезда турецкого посла, с которым связывались слухи о заключении русско-турецкого союза, был естествен. Но сама форма вопроса Берсеня («не ведаешь ли») свидетельствует об отсутствии у него уверенности в осведомленности Максима. Максим в своем ответе подтвердил, что не знает о цели приезда Скиндера, добавив лишь, что слышал о привезенных им для покупок султану деньгах. Сведения Максима не включали ничего секретного, так как закупки для султана были формальной целью приезда Скиндера⁵¹ и слышать о ней Максим Грек мог отнюдь не от Скиндера, а от кого-либо из посещавших его келью московских бояр.

Известием следственного дела Берсеня Беклемишева о беседе Берсеня с Максимом по поводу приезда Скиндера завершается аргументация, используемая сторонниками виновности Максима во внешнеполитической измене. Никаких фактических доказательств конспиративных сношений Максима Грека с Турцией эта аргументация не дает.

Помимо обвинения Максима в конспиративной деятельности на суде ему было предъявлено обвинение во враждебных России высказываниях по вопросу о русско-турецких и русско-татарских отношениях. Поскольку в обвинительной речи митрополита это обвинение сформулировано в качестве резюме, без каких бы то ни было доказательств (не подлежащих поэтому проверке), постольку мы считаем возможным для решения вопроса о вероятности этих высказываний использовать произведения Максима, запечатлевшие его взгляды на вопросы внешней политики⁵².

Мы уже отмечали, что Максиму Греку было свойственно греческое самосознание, которое он пронес через всю свою жизнь. Греческая струя в мировоззрении Максима наложила отпечаток на его подход ко многим вопросам международной жизни, в частности, к вопросам, связанным с русско-турецко-греческими отношениями. Со скорбью писал Максим о судьбе своей родины, находившейся под турецким игмом, завоеванной «злобезбожным измалтянином», подверженной «агарянскому мучительству». Однако, будучи реальным политиком, Максим Грек не рассчитывал на возрождение Греции собственными силами и надежды на то, что «яко же и прежде, устроится держава царьская в Константине граде», называл «суетными»⁵³. Возрождение Греции он мыслил под эгидой сильнейшей православной державы — России. В «Послании» к Василию III по случаю окончания перевода Толковой псалтири, написанном в 1519 г., Максим обращался к великому князю со словами, исполненными глубокой веры в высокую историческую миссию России: «буди нам некогда царствовати от нечестивых работы свобоженым тобою, вся бо возможна и удобь совершаема всех владыце и, яко же древле от нижних галлов воздвигнув великаго во царех Константина, древняго Рима, зде стужима, избави от нечестивого Максентиа, сице и ныне нового Рима, тяжце волнуема от безбожных агарян, благодетивейшею державою царствия твоего да изволит свободити и от отеческих твоих престол наследника покажет и свободы свет тобою да подаст нам бедным милостию и щедротами его»⁵⁴. Свое отношение к России, как к державе, предназначенной для особой историче-

⁵¹ Б. И. Дунаев. Указ. соч., стр. 23.

⁵² Привлекая публицистические произведения Максима Грека, мы будем ограничиваться рамками рассматриваемого периода — 20—30-е годы (исходя из того, что в последующее время могла иметь место эволюция мировоззрения), и лишь в отдельных случаях (если в сочинениях Максима Грека этого периода затрагиваемые в судном списке вопросы не отражены) будем делать ссылки на его более поздние произведения.

⁵³ Инокса Максима слово второе на богоборца пса Моамефа. — «Сочинения Максима Грека», т. I, стр. 116.

⁵⁴ Сочинения Максима Грека, т. II, стр. 318—319.

ской роли, Максим Грек неоднократно подчеркивал, наделяя ее эпитетами: «богохраняемая и боговенчанная», «по благочестии и правдотворении преславнейшая» и т. д.

Но, связывая грядущее освобождение Греции с борьбой России против Турции, Максим Грек не призывал, однако, к немедленной войне с нею. Как показывает опубликованное В. Ф. Ржигой «Послание» Максима к Василию III, первоочередной внешнеполитической задачей России в 20-е гг. Максим Грек считал борьбу с татарскими ханствами. Содержание этого послания, написанного, как убедительно показал В. Ф. Ржига, по случаю нашествия на Русь крымского хана в 1521 г., сводится к следующему.

Выражая глубокую скорбь о тяжком поражении и опустошении, пережитом Русью, Максим Грек пишет, что измене «крымского пса», нарушившего свою клятву и совершившего вероломное нападение, не следует удивляться, ибо «яко же бо не мощно ест от тмы свету пройти или от желчи сладости, сице не возможно ест и от нечестиваго пройти истине». Нечестивым не следует верить, не следует посылать им даров, нужно быть готовым к брани с ними. Максим Грек призывает, не ожидая нового нападения, первыми нанести удар. Однако действовать нужно «разумно и хитростью». Так как с двумя мучителями (имеется в виду крымский хан и турецкий султан) бороться сразу трудно, тем более что поднимается и «третий волк» — казанский хан, то Максим Грек советует быстро и решительно напасть на последнего, пока нашествие не угрожает с другой стороны: «Доколе убо имамы благополучное время,— пишет он,— доколе отнекуди инуди языческое въстание не смущает нас, найдем и мы и нападём на христианоубийць града Казани, не истеряем деланий время в неплодных деяний». Завоевание Казани означало бы не только ликвидацию одного из очагов татарской опасности. Оно означало, по мнению Максима Грека, и усиление могущества России, укрепление ее позиций по отношению к другим врагам: «Скверной бо Казани от сред бывъше, удоб нам противу прочих стояти, грозным оттуда бывшим»⁵⁵.

Из содержания «Послания» следует, что Максим Грек пристально следил за событиями внешнеполитической жизни России и много размышлял над ними. Он сумел проникнуться интересами своей новой родины, и результатом его раздумий был план активной борьбы с татарскими ханствами, отвечавший насущным внешнеполитическим задачам России. Сторонником активной политики России по отношению к татарским ханствам Максим Грек оставался и в последующее время, о чем свидетельствует «Слово благодарственно... о бывшей преславной победе на крымского пса...», написанное им по случаю успешного отражения похода крымского хана на Москву в 1541 г., а также ходатайство перед Иваном IV в 1553 г. о сиротах и вдовах воинов, павших «за православие» при завоевании «прегордого и сильного бусурманского царства» — Казани⁵⁶.

Анализ публицистического наследия Максима Грека показывает, что, будучи греком, он враждебно относился к Турции и являлся принципиальным сторонником борьбы с нею. Но трезвый учет международной обстановки и внешнеполитических интересов России, которыми, повторяем, Максим Грек сумел проникнуться, побуждали его выдвигать на первый план задачу борьбы с татарскими ханствами и, особенно, Казанью. Публицистическая деятельность Максима Грека полностью отвечала политике, проводившейся русским правительством в этом вопросе. Что касается собственно турецкого вопроса, то здесь между стремлениями русской дипломатии и взглядами Максима Грека имелись расхождения: в то время как русская дипломатия безуспешно добивалась заключения сою-

⁵⁵ В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 95—103; там же. Приложение, стр. 111—116.

⁵⁶ Сочинения Максима Грека, т. II, стр. 277—290; Сочинения А. Курбского.— РИБ, т. XXXI, 1914, стр. 208.

за с Турцией⁵⁷, Максим Грек к идее русско-турецкого союза относился отрицательно, считая, что не следует заключать соглашений с неверными, так как на них нельзя полагаться⁵⁸. И надо сказать, что позиция Максима в этом вопросе была более реалистичной, нежели русских дипломатов, так как агрессивные намерения Турции исключали возможность заключения союза с нею.

В свете сделанных выводов о взглядах Максима Грека на внешнюю политику России, обратимся теперь к высказываниям по этому вопросу, которые приписывались ему на суде. Приведем еще раз соответствующий отрывок обвинительной речи митрополита: «Да вы же говорили, — обращался митрополит к Максиму и Савве, — Ратует князь великий Казань, да неколи ему будет и сором: турскому ему не молчати... Да ты же говорил многим людям: Быти на той земли Рустей салтану турскому, зане же салтан не любит сродников церегородских царей, а князь великий весь Василей внук Фомы Амарейскаго... Да ты же, Максим, говорил: князь великий Василей выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал — от турского ему как не бежати? Пойдет турской, и ему либо карачь дати, или бежати»⁵⁹. Эти высказывания, если только они принадлежали Максиму Греку, рисуют его как апологета мощи султанской Турции, утверждавшего неизбежность подчинения России Турции («быти на той земли Рустей салтану турскому») и пропагандировавшего неверие не только в возможность успешной борьбы России с татарскими ханствами, но и в способность великого князя возглавить эту борьбу: в случае войны с Казанью великого князя ожидает «сором», великий князь выдал свою землю крымскому хану (очевидно, имеется в виду данное Василием III в 1521 г. обязательство уплачивать дань крымскому хану), а если начнется война с Турцией, то ему остается одно: бежать или «дать карачь». Так думать и говорить мог только убежденный враг России, презиравший ее правительство.

Но мог ли так думать и так говорить Максим Грек, грек и православный, видевший в России «богом избранную державу», которой предназначена была высокая историческая миссия борьбы с неверными, писатель, в тяжелый для России 1521 г. призывавший великого князя не падать духом и предпринять завоевание Казани? Высказывания, приписывавшиеся Максиму Греку, находятся в таком вопиющем несоответствии с его взглядами и его творчеством, что их можно расценивать лишь как заведомую клевету обвинителей.

Что же послужило основанием для этой клеветы? Думается, что основанием для нее явилось отрицательное отношение Максима Грека к идее русско-турецкого союза. Возможно, что, высказываясь в частных беседах против этого союза, Максим Грек указывал на его нереальность, ссылаясь на то, что военные действия против Казани приведут к обострению русско-турецких отношений (обвинители переделали это в «сором» для великого князя), что агрессивная Турция стремится к расширению своего влияния в Восточной Европе (обвинители интерпретировали это как утверждение неизбежности подчинения России Турции) и т. д. Во всяком случае, несомненно одно, что высказывания по поводу внешней политики России, инкриминировавшиеся Максиму Греку на суде, представляют искажение его истинных взглядов, понадобившееся обвинителям для того, чтобы посадить его на скамью подсудимых.

Итак, обвинение Максима Грека во враждебных интересах России высказываниях по вопросам внешней политики не находит, подобно обвинению в изменнических сношениях с Турцией, никакой опоры ни в фактических данных, ни во взглядах Максима Грека. Его представления об

⁵⁷ См. выше, стр. 112—113.

⁵⁸ В. Ф. Р ж и г а Указ. соч., стр. 97—98, 101, 113.

⁵⁹ ЧОИДР, 1847, № 7. Отдел II, стр. 5.

исторической миссии России, его понимание внешнеполитических задач русского правительства исключают, как нам кажется, не только гипотезу об агентурной службе Максима Грека турецкому правительству (высказанную И. И. Смирновым), но и гипотезу о стремлении Максима Грека из чувства «греческого патриотизма» спровоцировать войну между Россией и Турцией (развитую Б. И. Дунаевым). Международное положение России в 20-х г. XVI в. было таково (угроза со стороны татарских ханств, отсутствие прочного мира с Литвой), что война с Турцией неминуемо должна была означать поражение России. И Максим Грек, трезво оценивавший международную обстановку, не призывал, как мы видели, к войне с Турцией, понимая, очевидно, ее несвоевременность для России.

В судном списке Максима Грека обвинение его в государственной измене приурочено к собору 1525 г.; оно названо в обвинительной речи митрополита на соборе 1531 г. в числе вин, разбиравшихся собором 1525 г. Думается, что это приурочение соответствует действительности: чтобы посадить на скамью подсудимых ученого переводчика и известного писателя, в течение ряда лет пользовавшегося личным расположением великого князя, необходимы были очень серьезные обвинения. И обвинители подготовили их.

Последнее из политических обвинений Максима заключалось в инкриминировании ему отрицательных отзывов о великом князе. По словам митрополита, Максим «великого князя называл гонителем и мучителем нечестивым, как и прежние гонители и мучители нечестивые были»⁶⁰. Согласно контексту речи митрополита это обвинение было предьявлено Максиму на соборе 1525 г. Таким образом, по утверждению обвинителей, Максим отзывался отрицательно о великом князе еще до того, как попал в опалу. Следовательно, с точки зрения обвинения, отзывы Максима о великом князе носили отнюдь не личный характер (великий князь не был «мучителем» по отношению к Максиму), а являлись как бы выражением осуждения всей системы его правления.

В нашей литературе довольно широко распространено мнение, что Максим Грек в 20-е годы был идеологом реакционной феодальной оппозиции и отрицательно относился к усилению великокняжеской власти. Сторонники этой точки зрения в качестве важнейшего аргумента указывают на связь между процессами Максима Грека и Берсея Беклемишева.

Оба процесса, как мы уже отмечали, действительно были связаны. Берсень действительно был частым гостем в келье у Максима и вел с ним разговоры (во время которых, по словам келейника Максима Афанасия, Максим «высылал всех нас вон»)⁶¹, касающиеся острых вопросов внешне- и внутривосточной жизни России. Но означали ли эти длительные и уединенные разговоры единство точек зрения обоих собеседников?

Проанализируем под этим углом зрения сохранившийся отрывок следственного дела Берсея Беклемишева, содержащий показания Максима о беседах с Берсением. В показаниях освещены и вопросы, затрагивавшиеся в беседах, и позиции обоих собеседников.

Первый вопрос, о котором показал Максим, касался «цареградских обычаев», — взаимоотношения между греческой православной церковью и турецким правительством. На вопрос Берсея, как живут православные греки при «царях бесерменских», Максим ответил: «цари у нас злочестивые, а у патрехархов и у митрополитов в их суд не вступаются». Ответ Максима, несмотря на свою лаконичность, дает материал для характеристики его мировоззрения: высказав резко отрицательное отношение к турецким султанам, как к «злочестивым царям», Максим Грек констатировал далее их невмешательство в высший церковный суд. Констатация эта

⁶⁰ ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 5.

⁶¹ ААЭ, I, № 172, стр. 141.

имела положительный характер (Максим Грек одобрял сохранение при турецких порядках независимости высшего церковного суда), но антимосковский оттенок в ней не было. Ответная же реплика Берсения Беклемишева: «хоти у вас цари злочестивые, а ходят так, ино у вас еще бог есть» — имела уже определенную антимосковскую направленность, простирающую при сопоставлении с дальнейшими высказываниями Берсения Беклемишева. В этих высказываниях давалась резко отрицательная оценка русских порядков, поэтому слова Берсения о турецких царях, «не вступающихся» в церковный суд, что они «ходят так, ино у вас еще бог есть», звучала как осуждение стремления великих князей московских к вмешательству в церковные дела. Общим, что соединяло обоих собеседников в этом диалоге, являлось признание независимости высшего церковного суда от светской власти.

В последующих показаниях Максим передавал содержание бесед, в которых речь шла уже непосредственно о русских порядках. Затрагивались самые различные вопросы, в том числе и об отношении Максима к политической жизни России. На вопрос Берсения к Максиму: «ты человек разумной и можешь нас ползовати, и пригоже было нам тебя въспрашивать, как устроить государю землю свою и как людей жаловати, и как митрополиту жити?» (вопрос, лестный для самолюбия Максима Грека и в то же время вызывающий на откровенность) — он лишь осторожно и лояльно заметил: «У вас, господине, книги и правила есть, можете устроитися». В дальнейшем собеседник Максима затронул еще более острую тему — о перемене порядков при нынешнем великом князе. Он стал сравнивать правление Василия III с правлением его отца, и не к пользе Василия. По словам Берсения, Иван Васильевич был «добр... и до людей ласков», а великий князь Василий «старые обычаи переменял», «людей мало жалует» и «запершыся сам третий у постели всякие дела делает». Перемену обычаев Берсень связывал с приездом Софьи Палеолог: «как пришла сюды мати великого князя великая княгини Софья с вашими греки, — говорил он, — так наша земля замешалася и пришли нестроения великие»⁶². Берсень высказал, таким образом, получивший затем широкую популярность в дворянско-буржуазной историографии тезис о влиянии на развитие единоподержавных тенденций великих князей византийских традиций, принесенных в Москву Софьей Палеолог. Больше всего возмущало Берсения в «перемене старых обычаев» появление именно этих единоподержавных тенденций, выразившихся в стремлении великого князя решать дела с двумя-тремя приближенными без обращения к боярской думе.

Как реагировал Максим на резкие суждения своего собеседника? По поводу замечания о пагубном влиянии Софьи он ответил Берсеню: «господине, мати великого князя, великая княгини Софья с обе стороны была роду великого, по отце царьский род царгородских, а по матери великого дукуса ферарийского италейские страны». По поводу жалобы на перемену великим князем старых обычаев заметил: «господине, которая земля преступает заповеди божьи, та и от бога казничает, а обычаи царские и земские государи переменяют, как лутче государству его»⁶³. Несмотря, однако, на явную приглаженность ответов Максима, вызванную, быть может, стремлением не раздражать своего обозленного собеседника, в них совершенно определенно чувствуется твердая лояльность по отношению к правительству: указанием на высокое происхождение Софьи Максим как бы нейтрализовал неблагоприятные отзывы о ней; по поводу раздражения Берсения на перемену великим князем старых обычаев высказал мнение о праве государей изменять обычаи «царские и земские» к пользе государства, мнение, которое в данном контексте звучало как оправдание

⁶² ААЭ, I, № 172, стр. 142.

⁶³ Там же.

политической линии великого князя и, в частности, его стремления к усилению великокняжеской власти. Максим Грек отнюдь не разделял приверженности своего собеседника к политической старине и его отрицательного отношения к новым политическим порядкам.

Различным было отношение собеседников и к внешней политике России. На раздраженное замечание Берсения: «а все ныне отсюды брани, ни с кем нам миру нет, ни с литовским, ни с крымским, ни с Казанью, все нам недруги, а з наше нестроенье», — Максим отвечал: «господине, не дивися тому, что нам все врази, занеже инии погании, а инии еретицы, и не подобает бояться их, занеже бог с нами; нынешней государь князь велики уподобися царю Давиду; и как господь бог сохранил царя Давида от всех окрестных иноплеменик, так и нашего государя господь бог сохраняет от всех окрестных врагов»⁶⁴. В этом диалоге были высказаны две точки зрения — недовольного сына боярского, с осуждением относившегося к активной внешней политике русского правительства, и Максима Грека, дававшего ей положительную оценку. Правда, этой оценке была придана туманная религиозно-православная форма: с соседями Русского государства не может быть мира, так как одни из них поганые, а другие еретики; но одобрение активной политики звучало совершенно определенно: врагов не подобает бояться, так как бог с нами и он сохранит великого князя, как некогда сохранил Давида⁶⁵.

На позициях лояльности по отношению к правительству Максим Грек остался и тогда, когда был затронут больной для него вопрос — о насильственном задержании в России. На сомнение Берсения в том, что великий князь отпустит Максима из России, он спокойно отвечал: «за что ему меня не отпустить? Взял государь нас от нашии братьи на том, что ему нас и назад отпустить»⁶⁶. Максим высказал, таким образом, и уважение к слову великого князя, и уверенность в том, что он его сдержит.

Анализ бесед Максима Грека с Берсением Беклемишевым показывает, что у собеседников, связанных личным расположением друг к другу, по вопросам политическим почти не было точек соприкосновения. Берсень был идеологом старины и отрицательно относился к политической линии правительства Василия III. Максим Грек, напротив, при обсуждении как вопросов политических, так и лично его касающихся, ни разу не вышел за рамки благонамеренности по отношению к правительству. Более того, по самому острому вопросу внутриполитической жизни — о прерогативах великокняжеской власти — он решительно высказался за право государей изменять государственные порядки; так же решительно он поддерживал и внешнюю политику России. Единственно в чем сходились оба собеседника — это в отрицательном отношении к вмешательству светской власти в высший церковный суд. Но побудительные причины, приведшие их к этому единственному совпадению, были различными: осужде-

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ В беседах Берсения с Максимом Греком затрагивались и вопросы русско-турецких отношений. Берсень отрицательно отзывался о проводившихся в это время с целью заключения русско-турецкого союза переговорах: «На что нам его дружба, — говорил он о султани, — лутши было с ним не дружитися» (там же, стр. 143). Ответ Максима на эту реплику в его показаниях не передан. Но известно, что Максим резко отрицательно относился к идее русско-турецкого союза. Таким образом, казалось бы, взгляды Берсения и Максима в этом вопросе совпадали. Но это совпадение было кажущимся. У Максима отрицательное отношение к идее русско-турецкого союза вытекало из его греческо-православного мировоззрения и глубокого убеждения в том, что исторической миссией России является борьба с Турцией и ее вассалами — татарскими ханствами (см. выше, стр. 121 сл.). Берсень же, как мы только что показали, был недоволен активной внешней политикой России, полагая, что лучше жить в дружбе с соседями. С этой его общей установкой не вяжется осуждение русско-турецких переговоров. Поэтому последнее являлось у Берсения не следствием принципиальной враждебности к Турции, а скорее одним из проявлений раздражения против правительства и стремления осуждать все его действия.

⁶⁶ Там же, стр. 143.

ние вмешательства светской власти в церковный суд у Берсена было связано с отрицательным отношением к политической линии правительства Василия III, у Максима Грека — с его теорией разделения властей⁶⁷.

Нам думается, что очень тонко и правильно определил взаимоотношение между Берсением и его единомышленниками, с одной стороны, и Максимом Греком, с другой, С. Н. Чернов: «они... защищали дорогую и удобную для себя старину политического и церковного строя, — в то время как Максим Грек был только их слушателем, собеседником и, может быть, самое большое — консультантом. Их дело было и осталось ему чужим, а с ними он, видимо, не ушел дальше добрых личных отношений...»⁶⁸

При формулировке этого вывода встает, однако, вопрос — в какой мере позиция Максимова, так как он выявлял ее во время следствия по делу Берсена, соответствовала действительности? Не придавал ли он своим прежним высказываниям нарочито благонамеренный тон, стремясь избежать опалы? Нам кажется, что хотя это стремление в обстановке следствия могло иметь место, тем не менее в правдивости (в целом, а не в частности, конечно) передачи Максимом его высказываний в беседах с Берсением вряд ли следует сомневаться.

В пользу этого предположения говорит сопоставление высказываний Максима с его произведениями. В беседах с Берсением Максим Грек высказывал полное одобрение активной внешней политики Василия III — его произведения 20-х годов представляли собой горячий призыв к активизации внешней политики и обоснование ее необходимости и целесообразности для Русского государства⁶⁹. В беседах с Берсением Максим высказывал одобрение (правда, в самой общей форме) и внутривластной линии правительства Василия III. К сожалению, произведений Максима Грека, относящихся к 20-м — началу 30-х годов, в которых он рассматривал бы вопросы внутривластной жизни Русского государства, не имеется. Но в произведениях более поздних (конца 30-х — начала 50-х годов) Максим Грек подробно на них останавливается: с осуждением он пишет о произволе в местном управлении, являвшемся спутником системы кормлений, со скорбью — об ослаблении центральной власти, имевшем место в период боярского правления⁷⁰; неоднократно призывает он царя заботиться не только об интересах церкви и боярства, но и дворянства⁷¹; высоко поднимает царскую власть, определяя ее природу следующими словами: «царь бо ни что же ино есть разве образ живой и ви-

⁶⁷ Мы не будем рассматривать взгляды Максима Грека на соотношение светской и духовной властей, поскольку они изложены в его произведениях, выходящих за хронологические рамки нашей работы. Отметим лишь, на наш взгляд, правильный вывод В. Ф. Рязиги о том, что идеалом Максима Грека являлась гармония светской и духовной властей, основанная на строгом разделении их функций (В. Ф. Рязига. Указ. соч., стр. 59—62). Несомненно, что этот идеал находился в некотором противоречии с характерным для XVI в. стремлением великокняжеской власти к подчинению церкви. Но он находился в противоречии и с нестяжательской программой самого Максима Грека: если бы реформа монастырей на основе ликвидации их вотчинных прав была осуществлена, то это означало бы такой крупный сдвиг в сторону подчинения церкви государству, что идеал Максима Грека о гармонии светской и духовной властей превратился бы в сплошную утопию. Поэтому, говоря о несовпадении взглядов Максима Грека на соотношение духовной и светской властей с политикой великокняжеского правительства, мы должны иметь в виду, что это несовпадение снималось его отрицательным отношением к вотчинным правам монастырей (см. ниже, стр. 120).

⁶⁸ С. Н. Чернов. Заметки о следствии по делу Максима Грека. — «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова», Л., 1934, стр. 472.

⁶⁹ См. выше, стр. 121.

⁷⁰ «Слово о неизглаголаннем божиим промысле, благодати же и человеколюбии, в том же и на лихоимствующих». — Сочинения Максима Грека, т. II, стр. 185—213; «Слово, пространнее излагающе с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последнего жития». Там же, стр. 319—338.

⁷¹ «Послание к благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». Там же, стр. 346—357.

димь, сиречь одушевлен, самого царя небеснаго»⁷². Как убедительно показал В. Ф. Ржига, творчество Максима Грека в этот период идейно обосновывало целый ряд сторон процесса государственной централизации и подготавливало деятельность избранной рады, идеологом которой и был Максим Грек⁷³. Нам думается, что отмеченные черты мировоззрения Максима Грека 30—50-х годов представляют собой развитие и конкретизацию положения, сформулированного Максимом еще в беседе с Берсением, — о праве государей изменять обычаи «царьские и земьские», положения, являвшегося одной из основных теоретических посылок процесса государственной централизации.

Таким образом, хотя в 20-е годы взгляды Максима Грека на политическое развитие Русского государства не были вполне оформленными и последовательными (в духе византийских традиций Максим высказывался против независимости русской церкви от константинопольского патриарха и против вмешательства светской власти в высший церковный суд), тем не менее его политическая позиция была ближе к позиции сторонников государственной централизации, нежели ее противников. Поэтому беседа Максима Грека с Берсением Беклемишевым, в основе которых лежала не идейная общность, а личное расположение собеседников, не могут служить доказательством принадлежности Максима Грека к лагерю феодальной оппозиции.

Все сказанное о политической платформе Максима Грека, о его отношении к великокняжеской власти исключает, как нам кажется, возможность того резко отрицательного отзыва о великом князе и системе его правления, который инкриминировали ему обвинители. Отзыв этот представляет собой, очевидно, искажение какого-либо частного замечания Максима Грека о великом князе. Может быть, поводом для его предьявления послужили высказывания Максима Грека об отношении великого князя к «вдовицам», о чем он давал разъяснения во время следствия по делу Берсения Беклемишева. Запись этих разъяснений (без начала) сохранилась на одном из черновых листков следственного дела. Вот ее текст: «Да Максим же говорил: «Истинну, господине, вам скажу, что у меня в сердце, ни от кого есми того не слыхал и не говаривал ни с кем, а мненьем есми своим те себе держал в сердце: вдовицы плачут, а пойдет государь к церкви и вдовицы плачут и за ним идут, и они их бьют; и яз за государя молил бога, чтобы государю бы на сердце положил и милость бы государь над ними показал»⁷⁴. Вполне возможно, что Максим, считавший одной из обязанностей государя заботиться о вдовах и сиротах⁷⁵, как-нибудь в беседе с неодобрением отозвался о том, что стражники великого князя разгоняли толпу нищих, сирот, вдов и всякого рода просителей, ожидавших великого князя у церкви. Это или ему подобное замечание, касающееся частных в поведении великого князя, обвинители легко могли переделать в отзыв о великом князе как о «гонителе и мучителе».

Несомненно, что рассматриваемое обвинение было инкриминировано Максиму в соответствии с данными судного списка⁷⁶ еще в 1525 г., так как обвинителям было чрезвычайно важно вызвать против Максима личный гнев великого князя.

⁷² Там же, стр. 350.

⁷³ В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 108—109. — Поскольку изучение мировоззрения Максима Грека 30—50-х гг. выходит за хронологические рамки нашей работы, постольку мы ограничиваемся указанием на некоторые наиболее характерные черты его воззрений в это время и ссылкой на исследование В. Ф. Ржиги, которому принадлежит наиболее глубокий и тонкий анализ общественно-политических взглядов Максима Грека.

⁷⁴ ААЭ, т. I, № 172, стр. 142, прим. 1.

⁷⁵ В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 74.

⁷⁶ См. выше, стр. 123.

Вторую группу обвинений Максима Грека, следующую в речи митрополита за обвинениями политическими, составляют обвинения уголовные — в колдовстве. Их два. Одно — заключалось в «волховании» с целью злоумышления против великого князя ⁷⁷, второе — в «волховании» ради достижения всезнания, о чем «похвалялся» Максим в бытность свою в Иосифово-Волоколамском монастыре ⁷⁸. Хотя в речи митрополита оба обвинения фигурируют среди вин Максима, разбиравшихся на соборе 1525 г., но совершенно очевидно, что поскольку второе связывается с заключением Максима в Иосифово-Волоколамском монастыре, постольку оно могло служить предметом разбирательства лишь на соборе 1531 г. Первое же обвинение — в колдовстве против великого князя — предъявлялось Максиму Греку в соответствии с имеющимися в речи митрополита данными, очевидно в 1525 г., так как обвинители стремились, как мы это уже подчеркивали, восстановить великого князя против Максима Грека. Оба обвинения в колдовстве — яркий показатель тенденциозности судей и их стремления любыми средствами очернить Максима.

Третья группа обвинений Максима Грека включала обвинения религиозно-догматического порядка: Максим обвинялся в хуле «на господ бога и на пресвятую богородицу, и на церковные уставы», что означало в совокупности обвинение в отступлении от православия, обвинение в ереси. Именно так поставил вопрос митрополит при допросе Максима на соборе 1531 г.: «И ты скажи нам, что еси с своими единомышленники и советники мудрствовал, и смышлял, и действовал на православную веру?» — обратился митрополит к Максиму. В доказательство отступления от православия обвинители предъявили Максиму следующие пункты: 1) распространение «хульного» учения о том, что «седение христово одесную отца мимошедшее и минувшее», 2) искажение некоторых канонических статей в «правилах» (очевидно, речь идет о Кормчей Вассиана Патрикеева, в составлении которой участвовал и Максим Грек), 3) высказывание о том, что после вознесения Христа его плоть осталась на земле, 4) «заглаживание» (пропуск) отдельных строк в Евангелии и символе веры, 5) непризнание русских книг Священного писания и богослужебных, 6) правку нескольких мест в переводе «Жития Богородицы» Метафраста, 7) «заглаживание» отдельных строк и слов в Апостольских деяниях и «великом отпущте» троичкой вечерни ⁷⁹.

Не останавливаясь на анализе каждого отдельного пункта ⁸⁰ и не касаясь вопроса о времени их предъявления ⁸¹, отметим лишь основания, использованные организаторами процесса для обвинения Максима.

Одним из центральных пунктов обвинения являлось обвинение Максима в «хульном» учении о «седении Христа одесную отца». При исправлении по поручению великого князя богослужебных книг Максим внес в Цветную триодь в службу на вознесение следующую правку: вместо «Христос взыде на небеса и седе одесную отца, ... седяй одесную отца» он написал «седев одесную отца, ... седевшего одесную отца, ... сидел одесную отца». Благодаря этой правке получалось, что «седение Христа одесную

⁷⁷ «Да ты же, Максим, волшебными хитростями еллинскими писал еси водгами на дланех своих, и распростирал длани свои против великаго князя, также и против иных многих поставлял, волхвуя» (ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 5).

⁷⁸ «А жил еси во Иосифове монастыре... и... говорил: Аз, Максим, ведаю все везде, где что деется, — ино то волхование елинское и еретическое...» (там же, стр. 5).

⁷⁹ ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 1, 7—13.

⁸⁰ Подробный разбор и комментарий религиозно-догматических обвинений Максима Грека см.: Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 712—714, 720—724 и примечания к этим страницам.

⁸¹ Согласно контексту судебного списка, сформулированные нами пункты 1—5 были предъявлены Максиму на соборе 1525 г. (вторично они рассматривались на соборе 1531 г.), пункты 6—7 — на соборе 1531 г. Специальное рассмотрение вопроса о распределении религиозно-догматических вин Максима между соборами не входит в нашу задачу.

п
че
де
не

Х
то
то
18

ке

9

тца» имело место в прошлом, а потом прекратилось; как говорили обвинители, Максим «говорил и учил... яко седение христово одесную отца мимощедшее и минувшее». С точки зрения ортодоксального православия получалась действительно еретическая мысль. Тем не менее на соборе 1525 г., так же как и на соборе 1531 г., Максим отстаивал свое написание, утверждая, что между ним и прежним «разньства ни котораго несть»⁸². Позже, в «Исповедании православной веры», написанном после 1534 г. во время тверского заключения Максима, он призвал свою правку ошибочной и объяснил ее недостаточным знанием русского языка: «занеже не у совершенно изучившу мя ся вашей беседе»⁸³. Недостаточным знанием русского языка, с одной стороны, и расхождениями между старыми русскими переводами и греческими текстами, привлекавшимися Максимом Греком, с другой, объясняются и некоторые другие неточности, имеющиеся в переводах Максима⁸⁴, которые также были использованы обвинителями для доказательства его еретических взглядов. В вину Максиму были поставлены и простые описки писцов⁸⁵ и, наконец, передача им чужих мнений⁸⁶. Все эти «вины», если бы суд был хотя бы в какой-то мере беспристрастным, легко могли быть разобраны и извинены, так как в вопросах догматических Максим Грек всегда стоял на ортодоксальных позициях⁸⁷. Но судьи, руководимые лишь стремлением очернить обвиняемого, собрали и свалили в одну кучу все — и неточности, связанные с недостаточным знанием русского языка, и простые описки, и передачу Максимом чужих мнений.

Особые старания руководители процесса приложили к тому, чтобы уличить Максима Грека в еретических взглядах на Христа: этого вопроса касалось, как мы видели, большинство обвинительных пунктов религиозно-догматического характера. И это не случайно. Христорологические споры были типичны для русской религиозно-философской мысли конца XV — начала XVI в.: сомнения в ортодоксальном учении о Христе являлись одной из форм, в которой выражалась оппозиция господствующей церкви и ее теории⁸⁸. В частности, догмат о двойной природе Христа подвергался нападкам со стороны Вассиана Патрикеева, человека, с которым Максим Грек был связан общностью взглядов на многие вопросы церковной жизни, а также личными узами. Организаторы процесса, предъявляя Максиму Греку обвинение в «хуле» на Христа, учитывали, таким образом, и религиозно-философский фон эпохи, и личные связи Максима.

С религиозно-догматическими обвинениями Максима было связано и обвинение его в непризнании русских книг Священного писания и богослужебных. Обвинители постарались этот важный для них пункт обосновать «документально»: они основывались на «записи» — доносе, поданном на Максима Протопопом московского Успенского собора Афанасием, протодиаконом Иваном Чушкой и попом Василием. «... ты здешние книги хулишь, и укоряешь, и отметаешь,— говорил Досифей Максиму, ссы-

⁸² ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 1, 12.

⁸³ Сочинения Максима Грека, т. I, стр. 26—28.

⁸⁴ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 720—722.

⁸⁵ Например, Вассиану и Максиму было поставлено в вину следующее написание правила Кирилла, патриарха александрийского, в Кормчей Вассиана: «Аще кто наречет пречистую Богородицу деву Марию, да будет проклят» (ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 12), написание, в котором перед глаголом «наречет» было пропущено по небрежности писца отрицание «не».

⁸⁶ Когда Максиму Греку было поставлено в вину высказывание о том, что плоть Христа после его вознесения осталась на земле, почерневшая, бродит по пустым местам, то Максим сначала отрицался, а потом показал, что «то он говорил к некоей рече, что то говорят лихие люди неверные», т. е. говорил, передавая чужие мнения (ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 12).

⁸⁷ В. С. И к о н н и к о в. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 197.

⁸⁸ В. И. К о р е ц к и й. Христорологические споры в России (середина XVI века).— «Вопросы истории религии и атеизма», XI. М., 1963, стр. 334—361.

лаясь на поданную «запись», — «сказываешь, что здесь на Руси книг никаких нет, ни Евангелия, ни Апостола, ни Псалтыри, ни Правил, ни уставов, ни отческих, ни пророческих». На очной ставке с протопопом Максим сказал, «что не говаривал того; а говорил, что здесь на Руси книги непрямы, а иные книги перевотчики перепортили, ино их надобно переводити»⁸⁹. Таким образом, Максим показал, что он говорил лишь о не-правильностях, имеющихся в русских переводах, и о необходимости их исправления⁹⁰. Очевидно, эти высказывания Максима, не заключавшие в себе ничего предосудительного даже с ортодоксальной русско-православной точки зрения (Максим был вызван в Россию специально для перевода и исправления русских богослужебных книг), обвинители использовали, чтобы при помощи заранее подготовленных свидетелей предъявить обвинение в полном отрицании русских священных и богослужебных книг, обвинение, которому при желании легко можно было придать политический оттенок. Максим отрицал русские священные книги, потому что он враждебно относился к русской церкви, великому князю, российской державе. Тенденциозность суда налицо и здесь.

Четвертую группу обвинений против Максима Грека составляют обвинения в критике вотчинных прав церкви. Они сформулированы в обвинительной речи митрополита на соборе 1531 г.: «Да, ты же, Максим, — говорил митрополит, — святые божия соборная и апостольская церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжание, и люди, и доходы, и села имеют; а и в ваших монастырех, во Святой горе, и в иных местех в вашей земли и у церквей, и у монастырей села есть, да и в писаниих отеческих писано: велено их держати святым церквам и монастырем. Да ты же, Максим, святых чудотворцев Петра, и Алексея, и Ионы митрополитов всея Руси, и преподобных чудотворцев Сергия, и Варлама, и Кирила, и Пафнотия, и Макария, укоряеши и хулиши, а говоришь так: Зане же они держали города и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки, и дани имали, и многое богатство имели, ино им нелзе быти чудотворцом»⁹¹.

Как мы видим, обвинение Максима Грека в критике вотчинных прав и стяжательской деятельности церкви распадается на две части: обвинение в обличении церквей и монастырей за владение селами и людьми и обвинение в отрицании святости новых русских святых и чудотворцев из-за их стяжательской деятельности. Обличение стяжательской деятельности церкви действительно занимало важное место в творчестве Максима Грека: в его произведениях даны наиболее всеобъемлющие в русской публицистике XVI в. картины вотчинного быта монастырей, бедственного положения крестьян, изнемогающих под тяжестью монастырских «деланий», паразитизма и нравственного упадка духовенства, погрязшего в пьянстве, праздности, сребролюбии⁹². И тем не менее обвинения, предъявленные Максиму на суде, не были вполне объективными.

Это относится, в частности, к их первой части — обвинению в критике церквей и монастырей за владение вотчинами. Максим Грек, ратуя в своих произведениях против вотчинного быта монастырей, никогда не выступал против права мирских церквей на обладание селами. Более того, в «Главах поучительных», написанных, правда, позднее, в конце 40-х годов, он утверждал это право за церквами, при условии употребления доходов с

⁸⁹ ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 13.

⁹⁰ Отметим, что в своих сочинениях Максим Грек также говорил лишь об имеющихся в русских богослужебных книгах ошибках и нигде не высказывал мысли о принципиальном их отрицании (Сочинения Максима Грека, т. I, стр. 23—26).

⁹¹ ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 5—6.

⁹² В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 11—21; Н. А. К а з а к о в а. Обличение духовенства в русской литературе XVI в. — «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. VII. М. — Л., 1964, стр. 99—102.

церковных имений на нужды благотворительности⁹³. Но если Максим Грек отрицание вотчинных прав ограничивал монастырями, то Вассиан Патрикеев распространял его и на мирские церкви, делая исключение лишь для соборных церквей⁹⁴. Думается поэтому, что обвинение Максима в «хуле» на церкви из-за владения ими селами возникло в результате приписывания ему взглядов Вассиана Патрикеева. Очевидно, обвинители руководствовались принципом, — «чем больше, тем лучше».

Е. Голубинский результатом распространения взглядов Вассиана Патрикеева на Максима Грека считает и обвинение последнего в отрицании святости новых русских чудотворцев⁹⁵. Нам кажется, что хотя в сочинениях Максима Грека нельзя найти и следа порицания им ни новых русских, ни каких-либо иных святых, тем не менее это обвинение не следует относить за счет тенденциозности судей. Еретика середины XVI в., в частности Феодосий Косой, ссылаясь на Максима Грека, называли «прельстившимися» тех, кто считал «преподобными» Кирилла, Пафнутия, Никона и прочих, стяжавших села; «По Максиму бо они (названные святые. — Н. К.) — чюжи спасения»⁹⁶. Думается, что эта традиция не случайна. Очевидно, Максиму Греку было свойственно отраженное либо в недошедших его произведениях, либо в устных высказываниях сомнение в святости части русских чудотворцев. Основанием для этого сомнения являлась так же, как и у Вассиана Патрикеева, их стяжательская деятельность: новые русские чудотворцы, о которых идет речь и в судном списке, и в высказываниях Феодосия Косого — это митрополиты и основатели монастырей XIV—XV вв., т. е. времени быстрого роста и развития монастырского землевладения и превращения русской церкви в крупнейшего феодала.

В судном списке в речи митрополита на соборе 1531 г. обвинение Максима Грека в критике вотчинных прав монастырей и стяжательской деятельности церкви сформулировано в настоящем времени («Да, ты же, Максим... церкви и монастыри укоряеши и хулиши...»), из чего следует, что это обвинение относилось ко времени собора 1531 г. Но согласно заключающей речь митрополита фразе о том, что из-за всех перечисленных «хул» Максим был предан суду и сослан в Иосифово-Волоколамский монастырь, получается, что обвинение в критике стяжательской деятельности церкви предъявлялось Максиму Греку уже на соборе 1525 г. Очевидно, это обвинение впервые обсуждалось на соборе 1525 г., а затем ввиду его важности было возобновлено на соборе 1531 г.⁹⁷

* * *

Анализ судного списка Максима Грека показывает чрезвычайную тенденциозность предъявленных ему обвинений.

Неточности в переводах Максима, связанные с недостаточным знанием языка, опiski писцов, непроверенные слухи были использованы для обвинения его в ереси. Факт добрых личных отношений с Берсеном Беклемишевым, а также отдельные расхождения между взглядами Максима и политикой русского правительства послужили основанием для обвинения его в изменнических сношениях с Турцией и враждебности всей внешней и внутренней политике Русского государства. Даже обвинение в критике стяжательской деятельности церкви, обвинение, которое, казалось, не нуждалось ни в каких усиливающих средствах, ибо оно соответствовало

⁹³ Сочинения Максима Грека, т. II, стр. 175; В. Ф. Р ж и г а. Указ. соч., стр. 62.

⁹⁴ Н. А. К а з а к о в а. Вассиан Патрикеев..., стр. 81—86.

⁹⁵ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 725.

⁹⁶ З и н о в и й О т е н с к и й. Истины показание к вопросившим о новом учении, Казань, 1863, стр. 908.

⁹⁷ С. Н. Ч е р н о в. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пб., 1922, стр. 65—67.

действительности, было все-таки сдобрено некоторой порцией тенденциозности — Максиму были приписаны отдельные воззрения Вассиана Патрикеева. И, наконец, к этому букету самых разнообразных обвинений организаторы процесса сочли нужным добавить еще одно совершенно фантастическое — обвинение в колдовстве и, в частности, против особы великого князя.

Мы полагаем, что все эти обвинения, в соответствии с данными судебного списка, были предъявлены Максиму Греку во время первого суда над ним в 1525 г. — таким путем вернее можно было добиться осуждения обвиняемого. Что отвечал Максим своим обвинителям, как он держался на суде — неизвестно: сохранившийся отрывок судебного списка сообщает лишь о самом начале процесса 1525 г. Думается, что Максим Грек не признал предъявленных ему обвинений в ереси и враждебности Русскому государству. Во всяком случае, во время шестилетнего пребывания в Иосифово-Волоколамском монастыре, куда он был сослан после собора 1525 г. «для покаяния и исправления», Максим, несмотря на крайне тяжелые условия заключения, не только «покаяния и исправления не показаваше», но и «неповинна во сем себе глаголаше, и отреченная мудрствоваше, и послания писаша»⁹⁸. Очевидно, находясь в заключении, Максим Грек продолжал отстаивать свою невиновность как перед тюремщиками, так и перед внешним миром, с которым он имел возможность как-то сноситься («послания писаша»).

На соборе 1531 г. Максиму Греку были предъявлены новые обвинения религиозно-догматического характера и обвинение в колдовстве с целью «всезнания». Но в центре процесса стояли по-видимому, прежние «вины» Максима, уже разбиравшиеся собором 1525 г.; это следует из двух обстоятельств: 1) именно этим винам посвящена почти целиком обвинительная речь митрополита, 2) митрополит, закончив допрос Максима о его «ныне явившихся» винах, поручил Досифею передопрос о прежних «хулах» Максима, рассматривавшихся собором 1525 г.⁹⁹ Но, к сожалению, в судебном списке сохранилось только начало передопроса, касающееся религиозно-догматических пунктов. Поэтому, как протекало разбирательство политических вин Максима на соборе 1531 г., мы не знаем, так же как не знаем этого и о первом соборе. Не знаем и какова была реакция Максима Грека по отношению к вторично предъявленным ему обвинениям. Но один штрих из поведения Максима на соборе 1531 г. известен. В «Послании к митрополиту Даниилу», написанному уже после его низложения, Максим Грек с горечью писал, что его судили «аки хульника и священных писаний тлителя... неких малых ради описей», обнаруженных в его переводах, и что несмотря на то, что он трижды простирался ниц перед священным собором, прося прощения за описки, допущенные «по неведению», его заключили в оковы и отправили в заточение¹⁰⁰. Таким образом на соборе 1531 г. Максим Грек признал себя виновным в своей невольной вине — неточностях в переводах, вызванных недостаточным знанием русского языка. Этим, по-видимому, его раскаяние и ограничилось. Во всяком случае в «Исповедании православной веры» Максим, касаясь своего осуждения, подчеркивал невиновность в ереси и враждебности России: «Понеже убо нецыи, не вем что ся им случися, еретика мене неповинна чловека называти не страшатся, и врага и изменника богохранимыя державы русския, яви ми ся нужно и праведно малыми о себе отвещати, и яже о себе научити оклеветающих мене неправедным сицевым оклеветанием, яко благодатию истиннаго бога нашего Иисуса Христа и правоверен христиа-

⁹⁸ ЧОИДР, 1847, № 7, Отдел II, стр. 4.

⁹⁹ Наши выводы о распределении обвинительных пунктов между соборами совпадают с выводами Н. С. Чернова, специально занимавшегося этим вопросом на основе текстологического анализа судебного списка (С. Н. Чернов. Указ. соч., стр. 57—71).

¹⁰⁰ Сочинения Максима Грека, т. II, стр. 369—370.

нин есмь по всему и богохранима державы русские доброхотен и прилежнейший богомолец»¹⁰¹.

Анализ обвинений Максима Грека, произведенный нами выше, показывает, что Максим Грек, отрицая свою виновность в измене России и ереси, был прав. Из всей массы предъявленных ему обвинений соответствовали действительности лишь два — обвинение в критике вотчинных прав церкви и обвинение в отрицательном отношении к независимости русской церкви от константинопольского патриарха.

Какая же из этих двух действительных «вин» Максима Грека вызвала такую ненависть к нему со стороны руководства господствующей церкви? Чему обязан был Максим Грек своим многолетним заключением, явившимся результатом двух соборных судов над ним?

Думается, что вряд ли отрицательное отношение Максима Грека к независимости русской церкви послужило основной причиной его осуждения. Вопрос о порядке поставления русских митрополитов к началу XVI в. был вопросом уже решенным: патриархат не только не протестовал против поставленья митрополитов на Москве, но и стремился поддерживать хорошие отношения с ними¹⁰². Такая позиция патриархата была обусловлена тяжелым положением греческой церкви: в конце XV — начале XVI в. турецкое правительство закрывало православные церкви, требовало от патриархата все увеличивающейся подати, и, чтобы собрать средства для уплаты ее, патриархи вынуждены были отправлять своих представителей не только по всей Греции, но и в соседние страны¹⁰³. И в Москву, начиная с первой четверти XVI в., чуть ли не ежегодно тянулись «за милостыней» греческие старцы — от афонских монастырей и от самого патриарха¹⁰⁴. Правительство Василия III охотно удовлетворяло просьбы представителей греческих духовных властей: обильная «милостыня» являлась для него средством распространения своего влияния на греческую церковь¹⁰⁵. Совершенно ясно, что в этих условиях не было никаких реальных оснований для восстановления власти патриархата над русской церковью. Поэтому высказывания Максима против поставления русских митрополитов на Москве хотя и шли вразрез с интересами русской церкви, но никакой реальной опасности для нее не представляли.

Иначе обстояло дело со второй «виной» Максима — критикой им вотчинных прав монастырей и стяжательской деятельности церкви. Вопрос о судьбе церковных земель и вотчинных прав церкви в 20-х годах XVI в. отнюдь не был уже решенным вопросом далекого прошлого. Митрополит Даниил и другие иосифлянские лидеры, судившие Максима Грека, хорошо помнили то время, когда великий князь Иван III на соборе 1503 г. собирався провести решение о том, чтобы «у митрополита и у всех владык и у всех монастырей села поимати и вся к своим соединити»¹⁰⁶. Сын Ивана III, Василий III, хотя и не ставил вопроса о секуляризации церковных земель, но проводил вплоть до 20-х годов политику ограничения вотчин-

¹⁰¹ Там же, т. I, стр. 19—20.

¹⁰² См., например, «Послание патриарха Феодита митрополиту Варлааму» (АИ, т. I, № 121, стр. 175).

¹⁰³ N. J o r g a. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. III. Gotha, 1910, стр. 196—204.

¹⁰⁴ ЦГАДА, «Греческие дела», ф. 52, кн. I, лл. 1—30; Известия о приходе греческих старцев за милостыней встречаются и в летописях.

¹⁰⁵ Н. Ф. Каптерев, исследуя сношения России с православным Востоком в XVI—XVII вв. и рассматривая, в частности, на основе большого документального материала вопрос о «милостыне», приходит к выводу, что «милостыня» являлась средством подчинения восточно-православных церквей русскому влиянию (Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев посад, 1914, стр. 105—146, 276—348).

¹⁰⁶ Ю. К. Бегунов. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 351.

ных прав монастырей. И хотя, в связи с обострением внешне- и внутри-политической обстановки, великокняжеское правительство в 20-е годы временно отказалось от наступления на вотчинные права церкви¹⁰⁷, но идейные вдохновители этого наступления продолжали оставаться опасными. Нападки Максима Грека на вотчинные права и стяжательскую деятельность церкви таили в себе и еще одну опасность для нее: срывая с духовенства маску показного благочестия и обнажая его подлинную эксплуататорскую сущность, они заигнали в обществе искры сомнения и критицизма по отношению к господствующей церкви. Эти искры нужно было потушить в самом начале. Все эти обстоятельства и заставляют думать, что основной причиной осуждения Максима Грека являлось обличение им вотчинных прав и недостойного поведения духовенства. Порицание же независимости русской церкви от константинопольского патриарха сыграло гораздо меньшую роль.

В 1525 г., когда иосифлянское руководство русской церковью сочло возможным начать решительную борьбу с нестяжателями, позиции их не были еще до конца сломленными. Хотя митрополита Варлаама, сочувствовавшего нестяжателям, сменил на посту главы русской церкви лидер иосифлян Даниил, хотя Василий III приостановил проведение ограничительных мероприятий в отношении иммунитетных прав монастырей, тем не менее он продолжал сохранять связи с нестяжателями: большим влиянием на великого князя по-прежнему пользовался Вассиан Патрикеев¹⁰⁸. В этих условиях действительных «вин» Максима Грека было, очевидно, недостаточно, чтобы посадить его на скамью подсудимых. И организаторы процесса с помощью лжи и клеветы подготовили весь тот ассортимент разнообразных обвинений, который был предъявлен Максиму: ересь, государственная измена, «волхование» против особы великого князя и т. д. Вторичный суд над Максимом Греком был вызван, с одной стороны, его упорным отрицанием своей виновности, сведения о чем, конечно, просачивались сквозь стены Волоколамского монастыря, а с другой — стремлением как можно сильнее очернить Вассиана Патрикеева. К 1531 г. положение Вассиана — «великого временного человека у великого князя ближнего» окончательно пошатнулось. Иосифлянам удалось получить от Василия III согласие на предание его суду¹⁰⁹. Одновременный вторичный процесс Максима Грека, вскрывающий связи между ним и Вассианом Патрикеевым, должен был убедить общественное мнение и великого князя в правоммерности осуждения Вассиана.

Максим Грек, так же как и Вассиан Патрикеев, был осужден за критику вотчинных прав монастырей, за обличение пороков господствующей феодальной церкви.

¹⁰⁷ Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 53—56, 64—65, 74.

¹⁰⁸ Там же, стр. 71—72.

¹⁰⁹ О суде над Вассианом Патрикеевым см.: там же, стр. 75—77.

А. И. ИВАНОВ

К ВОПРОСУ О НЕСТЯЖАТЕЛЬСКИХ ВЗГЛЯДАХ
МАКСИМА ГРЕКА

В «Византийском временнике» за 1965 г. (т. XXVI, стр. 110—136) опубликована интересная статья Н. В. Сеницыной — «Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519 гг.)». В конце статьи в качестве приложения издан и самый текст послания, которое имеет заглавие: «Изложение отчасти пребывания и чина сущих и святей горе святейших монастырей общих и глаголемых особных и отчасти сказание, яко не от человек ниже человеки, но от божественаго промышления и помощи съблюдается гора она до днесь»¹.

Приступая к характеристике публикуемого документа, Н. В. Сеницына поставила перед собой следующие задачи: «во-первых, выяснить место этого сочинения среди других русских описаний афонских монастырей; во-вторых, указать причины его возникновения, связанные с интересом московского правительства к Афону; в-третьих, определить его значение для анализа мировоззрения Максима Грека в момент его приезда на Русь»².

Не касаясь первых двух вопросов, поставленных автором статьи, нам хотелось бы сделать несколько дополнительных замечаний по поводу третьего пункта, в котором идет речь о взглядах Максима Грека на монастырскую жизнь вообще и на монастырские имения в частности.

Основываясь на публикуемом документе и еще на одном сочинении Максима об Афонской горе, написанном им в конце жизни в виде послания к игумену Троицкой лавры Артемию³, Н. В. Сеницына приходит к следую-

¹ Текст послания опубликован по списку ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, собр. Новг.-Соф. биб-ки № 1498, лл. 289—305 об. с основными разночтениями по списку ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 2, вып. 2, д. 4025, лл. 126 об. — 141 об.

Послание находится также в рукописях: ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, собр. XVI в. Кир.-Белоз. мон., № 131/1208, лл. 172—223 об.; F 1,425 (1721 г.), гл. 134, лл. 533—545; Сборн. Хлуд. № 44 (XVIII в.), лл. 888 об. — 907 (А. П о п о в. Описание рукописей и каталог книг библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, стр. 158—174).

² Н. В. Сеницына. Послание Максима Грека, стр. 113—114.

³ Сочинение это опубликовано В. Ф. Ржигой в его статье: «Неизданные сочинения Максима Грека» по рук. ГПБ им. Ленина ф. 256 — Собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 195 об. — 199 об. под заглавием «Послание об Афонской горе» (BS, VI, 1935—1936, стр. 95—99). В. Ф. Ржига высказал предположение, что послание было адресовано игумену Артемию. Мы склонны признать это несомненным по следующим соображениям: 1. Максим написал послание в последние годы своей жизни, так как в нем он жалуется, что подробно все описать ему «велики притрудно очесем уже притугающимися и руке часто болезнующи»; 2. Последние годы жизни (с 1551 по 1556 г.) он провел в Троице-Сергиевом монастыре, куда был переведен в 1551 г. по ходатайству игумена этого монастыря Артемия из тверского заточения; 3) Игумен Артемий принадлежал к партии нестяжателей и был единомышленником и почитателем Максима Грека. В период деятельности Стоглавого собора (1551 г.) он активно выступал против монастырских вотчин (РИБ, IV, стр. 1432—1441). Для обоснования своих суждений он считал важным сослаться на примеры почитаемых на Руси афонских монастырей, за

щим выводам по данному вопросу: 1. В своем позднем сочинении Максим Грек опускает критику порядков обособительных монастырей, высказанную им в первом послании Василию III⁴; 2. Нестяжательские взгляды Максима получили законченную форму только к концу его жизни и «выражены с полной определенностью» в его втором сочинении об Афонской горе⁵; 3. Эта «эволюция нестяжательских взглядов и вообще мировоззрения Максима Грека» была результатом его длительного пребывания на Руси⁶.

Нам кажется, что для полного и отчетливого представления о нестяжательских взглядах Максима Грека следует привлечь не только упомянутые два сочинения, а все его труды, относящиеся к данному предмету.

Формирование нестяжательских взглядов Максима Грека относится ко времени пребывания его в Италии, где он близко познакомился с устройством и бытом некоторых католических монастырей. В доминиканском монастыре во Флоренции, возглавляемом знаменитым флорентийским проповедником и реформатором Иеронимом Савонаролой, он даже некоторое время жил на положении монаха. Известно, что Савонарола выступал как признанный трибун не только в сфере религиозной, но и политической. Это был реформатор, стремившийся преобразовать церковную и общественную жизнь на началах патриархального равенства и евангельской нищеты. О нем К. Маркс говорит: «Его стараниями во Флоренции была введена полная демократия...», а намечаемая им программа преобразований преследовала следующие основные задачи: «реформу христианской церкви снизу доверху, восстановление первоначального равенства между людьми, патриархальный строй»⁷.

Вполне понятно, что преобразовательная деятельность Савонаролы коснулась в первую очередь монастыря, в котором он был настоятелем и в котором некоторое время подвизался Максим. Для этого монастыря он восстановил завет основателя ордена Доминика, который гласил: «Имейте любовь к ближнему, сохраняйте смирение, соблюдайте добровольную нищету: проклятие мое и божие пусть падет на того, кто позволит иметь собственность кому-либо в этом Ордене»⁸.

Влияние проповеди и реформаторской деятельности Савонаролы на мировоззрение Максима Грека не подлежит сомнению.

Об этом свидетельствует сходство не только в мыслях и направлении, но даже в способе изложения некоторых сочинений того и другого деятеля»⁹.

Под влиянием Савонаролы сложились уже в Италии и нестяжательские взгляды Максима на монастырскую жизнь. Ясное представление об этих взглядах могут дать два произведения, написанные Максимом во время пребывания в России: 1. «Повесть страшна и достопамятна и о со-

---

сведениями о которых он и обратился к своему другу Максиму Греку; 4) В послании Максим называет своего адресата «ваше преподобие», что можно отнести к духовному лицу среднего ранга. В последние годы жизни у Максима Грека не было друзей из числа духовных лиц этого ранга, с которыми бы он вел переписку, кроме игумена Артемия.

⁴ Н. В. С и н и ц ы н а. Указ. соч., стр. 123.

⁵ Там же, стр. 121—122, 125.

⁶ Там же, стр. 123.

⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 79.

⁸ Паск. В и л л а р и. Джироламо Савонарола и его время, т. I. СПб., 1913, стр. 129; II. СПб., 1913, стр. 334.

⁹ В. С. И к о н н и к о в. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 560—573; Б. И. Д у н а е в. Сочинения Савонаролы и Максима Грека.— «Древности». Труды Славянской Комиссии Московского Археологического Общества, т. IV, вып. 1. М., 1917, протоколы, стр. 56—58; E. D e n i s s o f f. Maxime le Grec et l'Occident. Paris, 1943, p. 293—299; А. И. И в а н о в. Максим Грек и Савонарола—ТОДРЛ. т. XXIII, 1968, стр. 217—226.

вершенном иноческом жителъстве»¹⁰ и 2. «Послание о католических доминиканском и францисканском монашеских орденах»¹¹.

Первое произведение — «Повесть страшна и достопамятна» делится на две части. В первой части Максим описывает жизнь католических монахов-кортезианцев и организацию их ордена. Главное отличие и достоинство кортезианских монастырей, по описанию Максима, составляют: общежительное устройство монастырей и нестяжательность монахов. «Нестя у них ничтоже свое, говорит но, он вся обща, нестяжание же любят, аки велие благо духовное, соблюдает бо их в тишине и всякой правде и непоколебании помыслов и вне всякого сребролюбия и лихоимания».

«Они не пекутся, како пристяжут избылии стяжаний, имений, стада всяческих скотов, ниже велии сокровища на земли, злата и сребра, едино у них преизобильно стяжание и сокровище неистопаемо есть прилежнейшее соблюдение и скончание всех евангельских заповедей»¹².

Основным источником пропитания монахов служит милостыня.

Отметив строгий образ жизни и взаимное согласие иноков, Максим далее подчеркивает коллегиальный характер управления. Во главе ордена стоит «генерал» (генерал), но он не единолично управляет монастырями, а в определенное время собирает всех игуменов и начальников на собор, на котором рассматриваются вопросы устройства и уставов монастырей. «Сия же и ина некая сицевая добре и богоугодне вкупе рассмотривше и исправивше, расходятся и кождо спешит ко своей обители»¹³.

Вторая половина «Повести» посвящена описанию деятельности Савонаролы во Флоренции. Во всем рассказе чувствуется, что личность Савонаролы, его пламенные проповеди, обличавшие пороки богатей и высшего духовенства, особенно лихоимство и ростовничество и его деятельность произвели на Максима Грека неизгладимое впечатление¹⁴.

Ученик Максима Зиновий Отенский уделяет этой повести особое внимание в своем сочинении «Истины показание». Он рассматривает предлагаемое в ней описание латинских монастырей как выражение нестяжательских взглядов Максима Грека, сходных с учением о том же предмете Вассиана Патрикеева, и посвящает целую главу (45-ю) опровержению их¹⁵.

Второе из указанных сочинений — «Послание о католических доминиканском и францисканском монашеских орденах» по своему содержанию примыкает к предшествующей повести. В нем также восхваляется образ жизни католических монастырей, монахи которых, по словам Максима, не имеют имений, а живут своим трудом и подаянием.

Таким образом, нестяжательские взгляды Максима Грека в отношении устройства монастырей и жизни монахов сложились еще в бытность

¹⁰ Сочинения Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, стр. 178—205. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 173 — собр. МДА фонд., № 153 (XVI в.), сл. 20; ф. 256 — собр. Румянц. № 264 (XVI в.), лл. 225—233; ГИМ Увар № 310 (XVI в.), ч. II, гл. 74, лл. 194—212; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. F1.250 (XVI—XVII вв.), лл. 52—62.

¹¹ Опубликовано В. Ф. Ржигой в статье «Неизданные сочинения Максима Грека» по рук. ГПБ им. Ленина, ф. 256 — собр. Румянцова, № 264 (XVI в.), лл. 177—178 об. (BS, VI, стр. 99—101).

¹² Сочинения Максима Грека, III, стр. 186—188.

¹³ Там же, стр. 186—187.

¹⁴ В некоторых рукописях сказание Максима о Флоренции и Савонароле выделяется в особую повесть под заглавием: «Ина повесть предивна велми» или «Ина повесть душеполезна». Начало: «Флоренция град есть прекраснейшей» [ГПБ им. Ленина ф. 256 — собр. Румянц. № 264 (XVI в.), лл. 233 об. — 239; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, O XVII. 67 (XVII в.), л. 62 и сл.].

¹⁵ Инок Зиновий «Истины показание к вопросившим о новом учении». Казань, 1863 г., стр. 887—910; Ф. К а л у г и н. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полюемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, стр. 234—244.

его в Италии под влиянием деятельности Савонаролы и в результате наблюдений над жизнью некоторых католических монастырей¹⁶. Сущность этих взглядов, как они выражены в указанных выше двух сочинениях Максима, можно свести к следующим положениям: 1. Общежительный строй монастыря, 2. Полное отсутствие личной собственности у монахов, 3. Необходимость для монахов добывать себе пропитание собственным трудом, 4. Равенство монахов в труде, потреблении и общем положении, 5. Отсутствие у монастыря имений и других богатств как источников нетрудовых доходов, 6. Монастырю разрешается принимать милостыню и собирать подаяния, но только необходимые для пропитания, а не излишние и 7. Строгая дисциплина, основанная на добровольном послушании.

С этими взглядами Максим прибыл в 1505 г. на Афон. Здесь он встретил два типа монастырей: общежительные (киновии) и особножительные (идиоритмы).

И. Денисов заявляет, что Максим Грек, усвоивший в монастыре Савонаролы идеал монашеской «бедности и нищеты», отнесся критически к афонским идиоритмам¹⁷. К сожалению, кроме маленькой эпитагмы, четырех небольших эпитафий и канона Иоанну Крестителю, опубликованных И. Денисовым¹⁸, никаких других трудов Максима Грека от периода его пребывания на Афоне до сих пор не обнаружено¹⁹. Однако можно полагать, что симпатии Максима Грека были на стороне общежительных монастырей Афона, так как они по своему уставу более соответствовали его нестяжательскому идеалу. Если он избрал для своей монашеской жизни особножительный Ватопедский монастырь, то это объясняется тем, что Ватопед был самым богатым на Афоне по собранию древних рукописей. Ему достались в XIV в. библиотеки двух византийских императоров, бывших в нем монахами, — Андроника II Палеолога (1328—1332) и Иоанна Кантакузина (1354—1383)²⁰. Эти книжные богатства Ватопеда и привлекли в него любознательного Максима, стремившегося пополнить и углубить свои разносторонние знания.

Монашеская жизнь на Афоне не внесла каких-либо существенных изменений в нестяжательские взгляды Максима. В условиях афонской действительности они приняли только более конкретный характер. Об этом свидетельствуют сочинения Максима об Афоне, написанные им во время пребывания в России, к рассмотрению которых мы и переходим.

И. Самым ранним сочинением Максима Грека об афонских монастырях, написанным им по приезду в Москву, является указанное выше послание Василию III. Поскольку подробный разбор послания имеется в статье Н. В. Сеницыной, мы ограничимся здесь лишь некоторыми выводами, которые вытекают из его содержания.

1. При описании общежительных и особножительных монастырей Максим Грек явно отдает предпочтение первым, так как в них более последо-

¹⁶ Необходимо отметить, что описанные Максимом Греком католические монастыри, не владеющие никакими имениями и живущие подаянием и личным трудом монахов, были редким исключением. Основная масса монастырей на Западе, как и в Византии, держала в своих руках огромные вотчины и другие богатства.

¹⁷ *El. Denissoff. Op. cit.*, p. 293—294.

¹⁸ *Ibid.*, p. 412—420.

¹⁹ Афонская жизнь Максима Грека вообще остается почти не освещенной не только в русской, но и в греческой литературе. Современный греческий ученый Григорий Папамихаил в своем довольно обширном труде (*Μαξιμος ὁ Γραικός ὁ πρῶτος φιλόσοφος τῶν Ῥώσων*, *Εν Ἀθήναις*, 1950) уделяет всего несколько страниц жизни Максима на Афоне, перечисляя его мелкие литературные труды, опубликованные И. Денисовым (σελ. 35—37, 412—416). Едва ли, однако, можно допустить, что Максим Грек при его любознательности и склонности к литературной деятельности за десятилетний период своей жизни на Афоне ограничился написанием только указанных произведений.

²⁰ В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 141.

вательно проводится принцип равенства монахов и обязательной для всех трудовой повинности ²¹.

2. В послании подчеркивается, как важнейшее отличие общежительных монастырей, полное отсутствие у монахов личной собственности («яко ниже до иглы, по реченому, власти дръжати в келии, кроме изволения настоятеля»). Здесь почти буквально повторяется предписание Студийского устава, которым воспрещалось инокам держать у себя в келье даже ничтожную вещь вроде иглы или кусочка пищи без благословения и разрешения игумена ²².

3. В качестве одного из главных требований выдвигается необходимость для всех монахов трудиться и полное равенство в труде. Это одинаково относится как к общежительным, так и к особножительным монастырям. Максим с явным неодобрением отзывается о привилегированном положении богатых вкладчиков в лаврах (особножительных монастырях). Вкладчика, который принесет в монастырь серебро, говорит он, «покоят в келии ключиме и подають ему и виноград, и сад, и вино, и елей пръвый год, дондеже уплодит его виноград, и сотворят его свободна от тяжких служб и во всех в покое пребывает...; в киновиях же вкладщики не именуются, но равне вси тружуются каждо по своей силе и възрасту и равне вси от обители имуть и одеания и обувения доволнаа в весь свой живот».

От вступающих в общежительный монастырь не требуется каких-либо взносов. Требование вклада Максим Грек осуждает, называя его «сребролюбием» и «братоненавидением». Здесь всякого «любезне» принимают, независимо от вклада, «наипаче лучше имеют единого трудника брата, неже десять въкладщика».

Вопрос о вкладчиках не затрагивался Максимом Греком в сочинениях о католических монастырях, так как там, по-видимому, он не наблюдал подобного явления. Максим выдвинул этот вопрос под влиянием афонской действительности.

4. В послании не упоминается о монастырских имениях с феодально-зависимым населением, несомненно, потому, что таких имений у афонских монастырей во время Максима не было.

Но при перечислении обязанностей монастырского эконома говорится о применении в монастырях наемного труда. Такой труд применялся, несомненно, в первую очередь при обработке принадлежащих монастырю земельных участков. Поскольку такие участки ввиду их незначительных размеров не служили источником обогащения монастыря и не создавали условий для тунеядства монахов, Максим Грек не высказывает к ним отрицательного отношения.

5. Далее, он не осуждает получение монастырем «милостыни от христолюбцев» в виде серебра и других дарений «от господарей и князей и от всякого православного христианина», если эта милостыня используется для удовлетворения насущных нужд монастыря.

6. Наконец, Максим Грек отмечает тот же коллегиальный характер управления в афонских монастырях, какой он наблюдал в некоторых католических, и строгую дисциплину среди монахов, построенную на началах добровольного послушания.

Во главе всех афонских монастырей стоит прот, который избирается, подобно «зенералу» (генералу) кортезианского ордена, на общем собрании игуменов и старцев афонских. Прот управляет монастырями не единолично, но для решения каждого важного дела, касающегося монастырской

²¹ О равенстве всех в киновии Феодор Студит писал в своих наставлениях: «Здесь и правитель отлагает свое господство, и богатый отвергает свое богатство, и бедный забывает о своей бедности, и сирота избавляется от своего сиротства» (Творения Феодора Студита в русском переводе, т. I. СПб., 1907, стр. LXXXVII).

²² Творения Феодора Студита, т. I, стр. LXXXV.

жизни, созывает собор представителей от каждого монастыря, которые «с Протом седевши о них же подобает советуют».

«Обычай убо великим Лаврам есть, тако же и меньшим монастырем собор имети честнейших старцев, яко же предрекохом, кои с преподобнейшим игуменом сядяще, вся монастырская с богобоязньством и прилежанием управляют».

О дисциплине среди монахов Максим Грек кратко замечает, что иноки поставленным над ними игуменом и собором старцев «повелевающим (т. е. начальникам.— А. И.) служат и покоряются абие с усердием многым и душевным веселием под иго послушания подтицают».

По-видимому, во времена Максима Грека в афонских монастырях, даже в общежительных, не применялось со всей строгостью тираническое правило Студийского устава, которое обязывало инока прежде всего повиноваться игумену беспрекословно и без рассуждений. «Истинный послушник,— гласит оно,— повинуется даже сухой палке, поставленной настоятелем, а тем более человеку и брату. Для него нет пределов послушания. Он повинуется так, как раб господину, как животное пастуху, как железо кузнецу»²³.

Из приведенного краткого обзора содержания послания Максима Грека Василию III об афонских монастырях обнаруживается, что нестяжательские взгляды Максима, сложившиеся в период пребывания его в Италии, не претерпели каких-либо изменений за время жизни его на Афоне. Под влиянием наблюдений над афонскими монастырскими порядками эти взгляды получили только по некоторым пунктам более конкретное выражение (вопрос о вкладчиках, об ограничении земельных владений, о применении наемного труда). Послание написано в спокойном тоне. В нем мы не встречаем резкой критики особножительных монастырей, как утверждают И. Денисов и Н. В. Сипицына, хотя Максим и отдавал предпочтение киновии.

II. Второе сочинение об афонских монастырях, написанное Максимом Греком в России, было направлено Вассиану Патрикееву. Оно озаглавлено: «Сказание инока Максима ко старцу Васиану о святой горе жительства»²⁴.

Сказание начинается: «Во святой горе житие разделяется на трое: на общее и на особое, сиречь на лаврское и на скитское».

Как указывается в заглавии, сказание было написано для князя-инка Вассиана Патрикеева, который ко времени приезда Максима Грека в Россию возглавлял партию противников вотчинных прав монастырей. Для подкрепления своей полемики против иосифлян-стяжателей юридическими основаниями Вассиан решил составить новую Кормчую, так как в прежних он обнаружил противоречия. За помощью он обратился к только что прибывшему в Москву Максиму Греку и встретил в его лице полного единомышленника. Для Кормчей Вассиана Максим перевел несколько соборных правил с толкованиями Вальсамона и составил данное сказание об афонских монастырях, которое Вассиан также включил в свою Кормчую.

Таким образом, время написания сказания следует отнести к первым годам пребывания Максима в Москве. Возможно, что оно было написано одновременно с посланием по тому же предмету Василию III или вскоре после него и во всяком случае, не позднее 1521 г.

²³ Творения Феодора Студита, т. I, стр. LXXXIV.

²⁴ Сочинения Максима Грека, III, стр. 243—245. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина. ф. 304 — собр. Тр. I. № 200 (XVII в.), лл. 14—15; Ф. 310 — собр. Унд. N 488 (1699 г.), л. 603; ГИМ Хлуд. № 75 (1862 г.), гл. 132, лл. 499—500; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Ф II. 74 (XVI в.), лл. 351 об.—352. Последняя рукопись содержит Кормчую Вассиана Патрикеева, датированную 1517 г.

В сказании дается краткая характеристика общежительных и особножительных монастырей в полном соответствии с содержанием предшествующего «Изложения».

«В киновии,—говорится здесь,—и труды и имение и пища и прочая вся суть обща всем и внутри монастыря и вне».

Об особножительных монастырях — Лавре Афанасия и Ватопеде — Максим пишет: «Труды внутри монастыря и вне общи всем по разсуждению и по достоинству, милостину же приходящую всю в казну полагают на всяческую потребу монастырскую со всяким брежением и на гость, а братиям по келиям дают всем на всяк день по два хлеба, а в среду и пятток по единому, а служители взимают всякую потребу от монастыря.... А котория братия в монастырь вклад дают, тем на воли, хотят делают, хотят не делают, обыче и те делают по своей силе. В киновиях же вклад не дают за свой покой, разве за благословение и милостыню».

Далее отмечается коллегиальный характер управления в афонских монастырях. «В киновиях же и лаврах обычай, читаем мы здесь, да игумен без совета братей избранных 15 и 20 не может ни которова дела сотворити едина».

В конце сказания Максим прибавляет, что «во всей святой горе... игумени на всякой службе монастырской тружаются с братиею, мирских же служителей во всей святей горе нет, разве по единому или по два, котория соблюдают мски и кони и волы монастырския».

Сказание ко старцу Вассиану, как и послание Василию III, написано в спокойном и объективном тоне и никакой критики особножительных монастырей не содержит. Не говорится здесь и о монастырских имениях, так как Максим Грек не успел еще ознакомиться с русскими монастырями и у него не было объектов для сопоставлений.

Знакомство Максима Грека с положением русских монастырей и их вотчинными владениями произошло несколько позднее, причем не столько через личное наблюдение, особенно на первых порах, сколько через информацию, получаемую от знакомых и друзей и прежде всего от Вассиана Патрикеева.

Соприкосновение с русской действительностью нашло отражение в третьем сочинении Максима Грека об Афонском горе.

III. Третье сочинение Максима Грека об афонских монастырях известно под заглавием: «Об Афонском горе и тамошних монастырях». Оно начинается: «Святая гора есть в Македонстей рекше гречестей земли, долина ее на сто верст»²⁵.

В этой небольшой статейке подчеркивается, что афонские монастыри не имеют имений и питаются от своих трудов. «И вси (монастыри афонские.— А. И.), говорится здесь, без имений, и своими трудами и питаются и одеваются, села у них несть, одны винограды и садове».

Адресат статьи неизвестен, как и время ее написания. Скорее всего ее можно отнести к ранним произведениям Максима Грека, до его первого суда 1525 г. и заточения, когда он деятельно включился в споры о монастырских имениях на стороне нестяжателей вместе с Вассианом Патрикеевым.

После заточения (1525 г.) Максим Грек на протяжении свыше 25 лет не выступал с сочинениями об устройстве афонских монастырей. За это время им написано лишь несколько сказаний об Афоне, которые воспроизводят ходившие среди афонских монахов предания легендарного характера. Таковы, например: 1. «Воспоминание отчасти святяя горы Афонския како наречена бысть святая гора и коих дел ради тако прозвася»,

²⁵ Сочинение не издано. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 256 — собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 133 об.— 134; ф. 304 — собр. Тр. I, № 200 (XVII в.), лл. 13 об.— 14; ф. 310 — собр. Унд. № 488 (1699 г.), лл. 601—601 об.; ГИМ Хлуд. 75 (1862 г.), гл. 131, лл. 498—498 об.

в котором повествуется о путешествии богородицы на Афон²⁶; 2. «Сказание о иконе богородицы от отрока пущенной на море яже прииде во святую гору»²⁷; 3. «Сказание о монастыре Ватопеди»²⁸, где рассказывается о чудесном событии, послужившем поводом к основанию Ватопедского монастыря.

Все эти три отдельные сказания в совершенно иной и явно искаженной редакции включены без всякой связи в сочинение Максима Грека «Вопрошение известно от неких: почто от тридневного воскресения Христова до Фомины субботы не воздвизаются пречистыя хлеба, токмо артус воздвизают...», которое помещено в Казанском издании²⁹.

Порфирий Успенский имел известные основания утверждать, что находящиеся в печатном издании указанные сказания являются вставкой неумелого собирателя сочинений нашего писателя³⁰. Но это можно признать справедливым только в отношении печатной редакции сказаний. Что касается отмеченных выше неизданных списков сказаний, которые не были известны Порфирию Успенскому, то принадлежность их Максиму Греку едва ли можно оспаривать. Возможно, что поводом к написанию этих сказаний послужило желание Максима поднять авторитет Афонской горы в глазах русских церковных людей, так как противники нестяжателей продолжали выступать с хулой на афонские порядки.

В 1551 г. Максим Грек был переведен из Тверского Отрочаго монастыря в Троице-Сергиеву Лавру по ходатайству игумена последней Артемия. Эта перемена в его жизни совпала с крупным событием в истории русской церкви — созывом так называемого Стоглавого собора. В связи с намечаемыми на соборе церковными преобразованиями снова оживились споры по вопросу о монастырских вотчинных владениях. Как отмечалось нами выше, друг и почитатель Максима Грека игумен Артемий принадлежал к числу нестяжателей и принимал в этих спорах деятельное участие.

²⁶ Не издано. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 304 — собр. Тр. I, № 200 (XVII в.), лл. 458—463; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина F I. 425 (1721 г.), гл. 123; рук. Хлуд. собр. № 44 (XVII в.), лл. 850 об. — 855 (А. П. О. П. О. В. Описание рукописей А. И. Хлудова. М., 1872 г., стр. 158—174); Н. В. Сидицына указывает сборник 30-х гг. XVI в. ГПБ им. Ленина, ф. 173 (фунд.), № 50, лл. 44—48 (Н. В. Сидицына. Послание Максима Грека, стр. 115, прим. 41). Порфирий Успенский опубликовал найденную им на Афоне более позднюю редакцию сказания (между 1568 и 1659 гг.), оно озаглавлено: «Сказание о святей горе Афонской, како бысть в жребий пресвятей владычицы нашей богородицы, и како святая гора наречесе и в первобль (сал) есе... списаво божественным Стефаном». Порфирий отвергает причастность к сказанию Максима Грека (Восток Христианский. История Афона, ч. II. Киев 1877 г., стр. 21, 129—131). Но с этим едва ли можно согласиться, так как Максим Грек говорит о путешествии богородицы на Афон и в своем послании Василию III об афонских монастырях (Н. В. Сидицына. Указ. соч., стр. 128—129).

²⁷ Сказание не издано. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 304 — собр. Тр. I, № 200 (XVII в.), л. 460 сл.; ф. 310 — собр. Унд., № 488 (1699 г.), лл. 555—558; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. O 1.72 (XVIII в.), лл. 112 об. — 115 об.; F I. 425 (1721 г.), гл. 124.

²⁸ Сказание не издано. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 304 — собр. Тр. I, № 200 (XVII в.), лл. 463—464 об.; ф. 310 — собр. Унд., № 488 (1699 г.), лл. 558 об. — 560 об.; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина F I. 425 (1721 г.), гл. 125.

Указанные три сказания об Афоне мы считаем возможным признать за произведения Максима Грека по следующим основаниям: 1) Все они находятся среди сочинений Максима Грека в одном из самых авторитетных рукописных сборников XVII в. (Лавр. № 200) и в ряде других; 2) По поводу содержания первого сказания — о путешествии богородицы на Афон — Максим говорит в другом своем сочинении, в «Послании Василию III об афонских монастырях». (Н. В. Сидицына. Указ. соч., стр. 128—129); 3) Сказания по содержанию своему и стилю на стоят в противоречии с другими произведениями Максима Грека об Афонской горе, отмеченными большей частью чертами легендарно-апокрифического характера; 4) Е. Голубинский в своем обзоре сочинений Максима Грека по Лаврским рукописям № 200 и 201 не высказывает каких-либо сомнений относительно подлинности этих сказаний (История русской церкви, т. II, половина 2-я. М., 1917 г.).

²⁹ Сочинения Максима Грека, III, стр. 109—115.

³⁰ Порфирий Успенский. Указ. соч., ч. III, отд. II, стр. 453—457.

Из его послания к Ивану Грозному известно, что он имел с царем речи о вотчинах монастырских³¹. Естественно, для подкрепления своих суждений он считал важным сослаться на примеры почитаемых на Руси афонских монастырей, за сведениями о которых он и обратился к своему другу Максиму Греку.

Так появилось последнее сочинение Максима Грека об афонских монастырях, известное под заглавием: «Послание об Афонской горе»³².

Оно начинается: «Живущих въ святей горе преподобных иноков, живых исповедников христовых, жителство и пребывание просившим вам от мене въкратце сказываю преподобию вашему».

Ко времени написания послания у Максима Грека накопилось вполне достаточно сведений о положении русских монастырей и не только из рассказов друзей и единомышленников, но и на основании личных наблюдений. Поэтому в послании дается более конкретная картина экономического состояния афонских монастырей путем сопоставления их с русскими монастырями.

«Все бо монастыри,— пишет Максим об Афоне,— без имений, рекже без сел живут, одними своими рукоделии и непрестанными труды в поте лица своего добывают себе вся потребна житейская. Нестя у них в казне сребро лишне лежаще, ни в людех по здешнему обычаю, чиста есть Святая гора от сицевых непохвальных прибытков».

Подчеркивая, таким образом, как и в прежних своих описаниях Афона, отсутствие у афонских монастырей как у обезжительных, так и у особенных земельных владений с зависимым населением и обязательность для монахов собственным трудом добывать себе средства к жизни, Максим Грек добавляет, что афонские монастыри не имеют лишнего серебра в казне или отданного «в рост», как это наблюдается в русских монастырях.

В последующем изложении он отмечает, что у афонских монастырей имеются как на Афоне, так и «вне святых горы» винограды и пашни, которые обрабатываются с помощью нескольких наемных людей. Наемный труд оплачивается деньгами, серебром — «милостыней от христоробцев», которая поступала и поступает в качестве пожалований от частных лиц и как руга от государства (от Византии прежде и от московских князей позднее). Все это Максим Грек не считает «стяжанием», так как все это «нужная, а не излишняя».

Надо сказать, что послание вообще не вносит чего-либо нового по сравнению с прежними сочинениями Максима Грека об Афоне. В нем излагаются те же воззрения на монастырские порядки, что и в послании Василию III. Мало того, сопоставляя сочинения нашего писателя о католических монастырях и афонских, мы приходим к выводу, что его нестяжательские взгляды на изменялись на протяжении всей жизни, оставаясь и в России такими же, какими сложились в Италии под влиянием Савонаролы³³.

³¹ Е. Г о л у б и ц к и й. История русской церкви, т. II, 1-я половина. М., 1900, стр. 836.

³² Опубликовано В. Ф. Ржигой. См. прим. 3.

³³ При сопоставлении нестяжательных взглядов Максима Грека, вынесенных им из Италии, со взглядами главных представителей русских нестяжателей — Нила Сорского и Вассиана Патрикеева, нельзя не отметить поразительного сходства между ними. Основные мысли об организации монашества во всех произведениях Максима Грека сводятся к следующему: 1) все нужное для жизни монахи должны приобретать «от трудов своих», 2) в случае необходимости они могут принимать от христоробцев милостыню, но только пужную, а не излишнюю, 3) монастыри не должны иметь вотчин и вообще не допускать стяжания от чужих трудов. Совершенно то же самое мы читаем в «Уставе» Нила Сорского и в «Собрании некоего старца на воспоминание своего обещания» Вассиана Патрикеева (Н. А. Казакова, Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 24—25, 78—81 223—230).

Если здесь и можно говорить об эволюции, то только в том смысле, что из пассивного созерцателя монастырской жизни, каким был Максим Грек в Италии и на Афоне, он превратился в России в пламенного обличителя монастырского стяжательства и монашеских пороков. Этот перелом в настроении произошел под влиянием окружающей русской действительности.

В России Максим встретил столь богатые монастыри, каких он не наблюдал на Западе и о каких на Афоне не имели даже представления. Главное богатство их составляли вотчины, населенные крестьянами, собственное хлебопашество с содержанием коровьих стад и конских табунов, рыбные ловли и соляные варницы.

Монастырские вотчинные земельные владения создавались различными путями и за счет различных источников. В северных районах страны монастырские вотчины росли главным образом за счет черных крестьянских и вотчинных боярских земель, которые переходили в руки монастырей путем займки, княжеских пожалований, купли, мены и т. д.³⁴

В центральных районах монастырские земельные имения расширялись главным образом путем широко практиковавшихся ростовческих операций. Монастыри охотно ссужали князьям, боярам и мелким вотчинникам деньги под заклад вотчин, прибирая их постепенно к рукам. Значительная часть земель поступала также в монастыри в виде вкладов. К середине XVI в. в руках монастырей сосредоточилось огромное количество земельных владений с феодально зависимым населением. По свидетельству Климента Адама, писавшего о России в 1553 г., монастырские имения составляли в то время третью часть государства³⁵. Самыми богатыми среди монастырей-вотчинников были Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский³⁶. Чтобы судить о богатстве этих монастырей, приведем несколько справок об экономическом положении Троице-Сергиева монастыря, который считался киновией и в котором Максим провел последние годы.

По Кормовой книге, составленной в 1592 г., у монастыря было около 100 сел со множеством деревень, которые достались ему путем вкладов или были приобретены покупкой. По описям XVII в., крестьян и бобылей, принадлежавших монастырю, насчитывалось свыше 100 тыс.³⁷ Кроме вотчин, Троицкий монастырь получил в дар и приобрел множество соляных варниц и рыбных ловлей. Излишки соли, получавшейся с варниц, и излишки рыбы, добывавшейся на ловлях, как и излишки хлеба, монастырь продавал, причем пользовался привилегией — свободной от всяких пошлин. Торговлю монастырь вел в таких обширных размерах, что посылал свои суда даже за море³⁸.

О богатом хозяйстве монастыря дает представление опись 1641 г., составленная царской комиссией. По описи, денег в казне монастыря оказалось 13 861 рубль, что на наши нынешние деньги составит несколько миллионов и, кроме того, еще большая сумма была в раздаче в рост, преимущественно своим крестьянам. Хлеба в монастырских житницах было 19 044 четверти и помимо того весьма значительное количество в раздаче по долгам и в сельских монастырских житницах.

³⁴ Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 6.

³⁵ *Rerum moscovitarum Commentarii. Scriptores varii: Francof., 1600, p. 153; И. У. Будовиц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 9—10.*

³⁶ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1951, стр. 181; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV—XVI вв. М.—Л., стр. 181.

³⁷ В. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, стр. 138—142; Е. Голубинский. Преп. Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Изд. 2-е. М., 1909 г., стр. 120, прим. 1.

³⁸ В. Иконников. Указ. соч., стр. 152; Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 122.

Рыбных запасов в погребах и на сушилах было: 4040 астраханских белуг (калуг), 1675 осетров, 1500 полурыбников белужьих, 190 косяков белужьих; беломорские рыбы: 1865 семог осенней ловли, 3326 семог весенней ловли, 1935 щук вялых, 1245 лещей вялых. На погребах и ледниках разных сортов пива и медов 51 бочка³⁶; меду-сырцу для приготовления медов-напитков было 3358 пудов, причем остается неизвестным, какую часть годовых запасов представляло все перечисленное⁴⁰.

На конюшенном дворе ездовых лошадей было 431 и на рабочем дворе рабочих лошадей 285; на коровьем дворе рогатого скота 53 головы и по селам 500 голов⁴¹.

Управление монастыря состояло из игумена (или архимандрита), келаря и казначея. Эти представители власти монастыря жили в неподобающей их сану роскоши. В особенности богат и знаменит был келарь Троицкого монастыря, который являлся господином над таким количеством крестьян, какого не имел ни один мирской вотчинник, за исключением самого государя. Келарь имел в своем распоряжении огромный штат чиновников и даже некоторое войско (монастырских стрельцов и пушкарей). К нему съезжалась гостить вся знатная Россия. Келаря Троицкого монастыря обычно называли «великий келарь» (а в насмешку его называли и «королем»)⁴².

Об одном келаре (Георгии Дашкове) рассказывали, что когда он ездил в приписные монастыри и для осмотра вотчин, то, забрав с собою множество всяких припасов, отправлялся в путь огромнейшим поездом: брал с собою до полутораста человек служителей и до двухсот лошадей и что дорогой для ночлегов разбивали палатки, около которых держали караул отставные солдаты, находившиеся на содержании монастыря⁴³.

О злоупотреблениях монастырских властей и их подручных чиновников-монахов и светских управителей, их «несытом мздоимстве» и «разорении крестьян» сохранилось немало официальных известий⁴⁴.

Друг Максима Грека Артемий, поставленный в игумены Троицкого монастыря в мае 1551 г., через шесть с половиной месяцев отказался от игуменства, так как порядки монастыря и нравы монахов нашел неполезными для своей души⁴⁵.

Троицкий монастырь в XVI в. был самым богатым на Руси по размерам вотчинных владений и по количеству зависимых крестьян.

³⁹ Один англичанин, посетивший Троицкий монастырь в середине XVI в., пишет о его напитках: «Монахи свели меня в погреба и заставили попробовать различных напитков: вина, пива, меду и квасов различных цветов и способов выделки; в их погребах такое множество напитков, что, полагаю, немного и государей имеют больше или столько же; здешние сосуды или бочки неизмеримой величины; некоторые имеют по три и более аршин в высоту и два и более аршина в диаметре; каждая бочка содержит от шести до семи тонн, в погребах нет бочки собственного изделия, которая содержала бы меньше тонны; в монастыре девять и десять подвалов, наполненных такими бочками» (Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 128).

⁴⁰ Читая про такие монастырские запасы, невольно вспоминаешь «Слово Максима Грека на несытное чрево и бесчисленных зол виновно иночествующим» [Сочинения Максима Грека, II, стр. 153—154. Находится в рукописи: ГПБ им. Ленина, ф. 173, № 138 (XVI в.), сл. 17; ф. 98, № 508 (XVI в.), лл. 126—127 об. и др.]. А. И. Соболевский ошибочно приписывает слово Григорию Богослову (А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси XIV—XV веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 270) на основании одной поздней старообрядческой рукописи, не заслуживающей доверия [ГПБ им. Ленина, ф. 310 — собр. Унд. № 338 (XVIII в.), ч. I, лл. 143 об. — 144].

⁴¹ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 126.

⁴² Там же, стр. 135—136.

⁴³ Там же, стр. 136.

⁴⁴ Там же, стр. 126—127; прим. 3. (Ср. Полное собрание законов Российской империи, т. X. СПб., 1830, стр. 619; «Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. Правительственного Синода», т. I. СПб., 1868, стр. 14—23; т. II. СПб., 1879, стр. 230, 541 и 711).

⁴⁵ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 127.

Из остальных монастырей, наиболее крупных по своим имениям, два имели более 20 тысяч крепостных каждый, а 7 — более 10 тысяч⁴⁶.

Надо полагать, что в большинстве богатых русских обитателей господствовали те же порядки и нравы, какие наблюдались в Троице-Сергиевом монастыре.

Максим Грек не мог равнодушно взирать на указанные выше явления в жизни русских монастырей, которые решительно не соответствовали его нестяжательским идеалам, и резко выступил против них в ряде своих сочинений.

Необходимо при этом отметить, что Максим одинаково порицал за их богатства как особножительные, так и общежительные монастыри, не делая между ними никакого различия. Вот, например, как отвечал он на попытки сторонника Иосифа Волоцкого оправдать богатства его монастыря строго общежительным уставом:

«Смешно ты говоришь, что никто из вас, владеющих землями и селами, не имеет ничего своего, а все у всех — общее. Это все равно, как если бы несколько человек, находясь в преступной связи с одной блудницей, и потом, быв обличены, стали каждый говорить в свое оправдание: я не грешен, потому что она не моя, а общая; или если бы кто, вступив в шайку разбойников и награбив с ними богатство, потом, пойманный, стал отвечать на пытке: я не виноват, потому что все осталось у товарищей, а я у них ничего не взял»⁴⁷.

Мы остановимся кратко только на некоторых обличительных сочинениях Максима Грека, направленных против монастырского стяжательства.

Первым из них и наиболее значительным является «Слово душеполезное зело внимающим ему. Беседует ум к души своей, в немже и на лихоимство»⁴⁸.

В этом слове Максим обрушивается на монахов, которые занимаются лихоимством и ростовщичеством. Такие монахи, питаясь кровью бедственно живущих, уподобляются зверям-кровопийцам и из сухих костей «тщатся сеати мозги, якоже род псов и вранов».

Отягощая бедных всякими налогами и ростовщичеством, монахи-стяжатели напоминают пагубных трутней, которые чужими трудами всегда наполняют свое чрево. Владея селами, монахи-тунеядцы не заботятся о поселянах, но как купленных рабов постоянно морят их всякими тяжкими трудами; если же они в чем провинятся, тотчас заковывают им ноги в железные кандалы.

Максим указывает далее, что монастыри, увлеченные жаждой обогащения, приобретали себе села путем подкупа в судах, старались наполнить свои кладовые съестными припасами и складывали в своих вотчинах большие стога хлеба, которые хранили на голодное время для продажи по более дорогой цене, оставляя бедных людей умирать с голода.

Не менее резко выступает Максим Грек против монастырей-вотчинников в другом большом сочинении: «Стязание о известном иноческом жителстве. Лица же стязующихся: Филоктимон да Актимон, сиречь любо-стяжательный да нестяжательный»⁴⁹.

⁴⁶ Голубинский. Указ. соч., стр. 121.

⁴⁷ Сочинения Максима Грека, ч. II. Казань, 1860, стр. 114—115.

⁴⁸ Сочинения Максима Грека, II, стр. 5—52. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 173 — собр. МДА (вр.), № 138 (XVI в.), сл. 15; ф. 98 — собр. Егорова, № 508 (XVI в.), гл. 4; ф. 256 — собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 115—134; ГИМ Увар. № 309 (XVI в.), ч. I, гл. 15, лл. 121 об.— 141 об. ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 4, д. 1622 (нач. XVII в.), лл. 183—226 об. и др.

⁴⁹ Сочинения Максима Грека, II, стр. 89—118. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 98 — собр. Егорова, № 508 (XVI в.), гл. 9, лл. 163—196; ф. 256 — собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 153—164; ГИМ Увар. № 309 (XVI в.), ч. I, гл. 20, лл. 157 об.— 170; ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. О 1.219 (XVI—XVII в.), гл. 11, лл. 114 об.— 136 и др.

Максим обличает здесь монастыри и монахов за то, что они, забыв священную заповедь о нищелюбии, мучат крестьян «тягчайших ростов истязании моряще их безпрестани и всяческими монастырскими работами, внутри же и вне горчайше их житие соделающе».

Отдавая свои деньги в рост беднякам и своим крестьянам, заимодавцы-монастыри и монахи не щадят своих должников, но когда проценты увеличатся, истязают этих бедняков, отнимают у них последнее имущество, выгоняют их «вкупе с женою и детми» из домов и даже из селений, или порабащают их «вечным порабощением, якоже и древний мучитель Фараон сыны израилевы».

Приведем, наконец, несколько выдержек, в которых обличаются стяжания монахов, из третьего сочинения Максима Грека. Оно озаглавлено: «Слово о покаянии, вельми душеполезно верою и любовью нелицемерною внимающим его, и с разумом трезвенным прочитающим его»⁵⁰.

Здесь Максим Грек, обличая монашество в лицемерном внешнем благочестии, указывает, что современные ему иноки, забыв свои обеты, «стяжания паки всякия и стада скотския себе пристяжают и всякия сладкия пици и прохлада обильно насыщаются побтом подручных поселян. Тии ж... во скудости и нищете всегда пребывают, ниже ржаного хлеба чиста ядуще, многожды же и без соли от последния нищеты».

Особенно страдают подвластные монастырям крестьяне от ростовщичества. Если крестьяне не могут уплатить процентов, то монастыри отнимают у них все имущество и выгоняют из сел с пустыми руками. Бывает и так, что поселянин, изнемогая от непосильных трудов, пытается переселиться куда-нибудь в другое место, но монахи не пускают его и требуют внести выкуп за все прожитые в селе годы, забывая все те бесчисленные труды и страдания, какие он понес за эти годы на службе монастырю.

Можно с уверенностью сказать, что ни у одного русского писателя XVI в. мы не найдем такой полной и яркой картины жестокой эксплуатации крестьян в монастырских вотчинах, какая дана в указанных выше сочинениях Максима Грека.

⁵⁰ Там же, стр. 119—147. Находится в рукописях: ГПБ им. Ленина, ф. 173 — собр. МДА. (вр.), № 138 (XVI в.), слово 19; ф. 98 — собр. Егорова, № 508 (XVI в.), гл. 8, лл. 130—162 об.; ф. 256 — собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 140 об. — 153; ГИМ Увар. № 309 (XVI в.), ч. I, гл. 19, лл. 145 об. — 157 об. и др.

Р. А. ГУСЕЙНОВ

ПОСЛЕДСТВИЯ СРАЖЕНИЯ ПРИ МАНЦИКЕРТЕ (1071 г.)
ДЛЯ ЗАКАВКАЗЬЯ *

Сельджукская эпоха является одним из важных периодов истории; в течение XI—XII вв. сельджукский вопрос занимал не только Восток, но и Запад. Сельджукское завоевательное движение¹ приняло форму переселения тюркских племен и затронуло многие страны Передней Азии и Юго-Восточной Европы (Византия, страны Закавказья, государства Балканского полуострова).

Для первых десятилетий XI в. засвидетельствованы рейды тюркских племен в Закавказье; традиция письменных источников связывает их с именем огузов. В 30-е гг. того же столетия эти набеги возглавили сельджуки. Тюркоязычные наездники все чаще стали появляться в Азербайджане, Армении, Грузии, Малой Азии, в том числе в областях, входивших в сферу влияния и интересов Византии. Вскоре, в мае 1040 г., при Данданакане (близ Мерва) они одержали важную победу над султаном Масудом I Газневидом (1030—1041), что позволило им начать завоевательное и миграционное движение на запад от Хорасана. После появления сельджуков в 40-х годах XI в. на Ближнем Востоке большое значение для Закавказья приобрели взаимоотношения между ними и Византией. Над закавказскими странами нависла угроза иноземного вторжения, но перед лицом этой грозной опасности не произошло даже временной консолидации сил феодалов, владения которых находились на пути движения сельджуков. Напротив, рост центробежных тенденций и межфеодалная рознь были характерными именно для этой эпохи². Так, из-за отсутствия согласия между руководителями объединенного армяно-грузинского войска в 1064 г. сельджуки легко одолели союзников в сражении при Карине³.

Положение Закавказья в первой половине XI в. осложнялось также эгоистической политикой Византии, которая неоднократно избирала Азербайджан, Армению и Грузию в качестве объектов для своих экспансионистских

* Статья написана по источникам восточного происхождения.

¹ Завоевания XI—XII вв. были совершены огузскими и примкнувшими к ним другими тюркоязычными племенами под руководством династии великих султанов Сельджукидов (1037—1157). Последние происходили из рода Сельджука, принадлежавшего к огузскому племени *кылык*, по имени этого родоначальника завоеватели известны как *сельджуки*. Термин приобрел собирательный характер и получил благодаря этому большое политическое звучание. Как в источниках, так и в исследованиях он распространяется на те тюркские племена, которые в XI—XII вв. принимали активное участие в событиях, разыгравшихся в Передней Азии и в том числе в Закавказье.

² Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle. Trad. par. M.—F. Brosset. Ier partie. St.-Pb., 1849, p. 299—300, 316—317, 319; Additions et éclaircissements à l'Histoire de la Géorgie. Trad. par M.—F. Brosset. St.-Pb., 1851, p. 227.

³ История князей Орбелян. Извлечение из сочинений Стефана Сюнийского, армянского писателя XIII века. Перевод с армянского X. Иоаннесова. М., 1883, стр. 5—7.

стских устремлений⁴. Подорвав военный потенциал Армении и уничтожив ее как самостоятельную политическую систему, империя лишила себя одного из заслонов против сельджукской опасности. Ф. И. Успенский замечает по этому поводу: «Едва завершены были последние мероприятия по приведению Армении в зависимое положение, как империя должна была принять на свою ответственность борьбу с тюрками, которых до сих пор держали на расстоянии независимые царства Армении»⁵. Столь же недальновидной являлась политика Византийской империи в отношении Грузии, которая содержала пятидесятитысячную армию для отражения нашествий с востока. Незадолго перед началом сельджукской экспансии Константин X Мономах (1042—1055) заменил эту натуральную повинность денежной податью и тем самым ослабил оборону восточной границы империи⁶. Что касается Азербайджана, то как конфессиональный и военный противник Византии он, естественно, был ей враждебен⁷.

Некоторые закавказские правители, будучи не в состоянии противодействовать опасности как с востока, так и с запада (со стороны сельджуков и Византии), пытались в этой сложной обстановке искать опоры у одной из враждебных сил⁸. Империя, как старый знакомец, казалась предпочтительнее, однако дальнейшие события показали, что она не оправдала возлагаемых на нее надежд. Правда, порою Византия приходила на помощь: в 1053 г. произошла первая встреча сельджуков и византийцев на поле боя около г. Беркри, где сельджуки разгромили имперские отряды, пришедшие на помощь армянским феодалам с целью преградить путь тюркским наездникам⁹.

Внешние факторы, конечно, в немалой степени способствовали падению военно-политического потенциала закавказских стран, но основные причины этого необходимо искать в их внутреннем положении. Нам представляется справедливым мнение Н. Я. Марра, который считает, что «упорные эгоистически-сословные местные домогательства подрывали могущество Кавказа и вместе с тем культурное хозяйство каждой отдельной кавказской народности, без различия исповедания, более основательно, чем самые жестокие опустошения варварских сил, чем самый беспощадный систематический гнет мировых культурных держав»¹⁰. Крупным политическим потрясениям, как правило, предшествовали внутренние неурядицы, подрывавшие силы страны накануне иноземного вторжения. И. А. Орбели полагает, что именно так обстояло дело и в Закавказье перед сельджукским нашествием¹¹. Действительно, то, что нам известно из истории Азербайджана, Армении и Грузии первой половины XI в., подтверждает, на наш взгляд, справедливость этих выводов.

⁴ Р. М. Бартикян. О значении завещания Евстафия Воилы (1059 г.) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества (XI век.) — XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, стр. 3; С. Т. Еремян. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма. — ВИ, 1951, № 7, стр. 62; Г. Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства. Ереван. 1952, стр. 57—61; *Arisdagües de Lasdiverd. Histoire d'Arménie. Trad. par M. E. Prud'homme. Paris, 1864, p. 57—58, 62.*

⁵ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 85.

⁶ *Georgius Cedrenius, II. Bonnae, 1839, p. 608.* См. также примечания к тексту С. Г. Каухчишвили (*Georgica, т. V. Тбилиси, 1963, стр. 81—82.*)

⁷ *Histoire de la Géorgie, p. 306—307, 312; Arisdaguës de Lasdiverd, p. 13—39.*

⁸ *Barhebraei Gregorii Chronicon Syriacum. Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890, p. 221.*

⁹ *Arisdagües de Lasdiverd, p. 50—51.*

¹⁰ Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.—М., 1934, стр. 28.

¹¹ И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. — III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.—Л., 1939, стр. 151.

После 1040 г. сельджукские отряды почти ежегодно появлялись в Закавказье. Проходили они и далее на запад, вплоть до Синджара, Халеба, Мосула и Амида, где вели разведку и занимались грабежом¹². Уже при Константине X Мономахе, начиная с 1047 г., восточный вопрос приобрел для Византии весьма важное значение¹³. В этот период сельджуки стали осваивать южные области Азербайджана, где вскоре создали одну из основных военно-стратегических баз для организации походов на запад. Отсюда они неоднократно проходили в северные области Азербайджана, а также в Армению и Грузию¹⁴. Здесь они готовились к операциям против малоазиатских владений Византии.

К 1054 г. сельджуки подчинили своей власти Иран, что имело большое военно-политическое значение¹⁵. В том же году очередной поход в Закавказье возглавил великий Сельджукид Тогрул-бек (1037—1063). Одной из своих задач он считал оказание поддержки единоверным местным властителям, которые могли бы в свою очередь помочь ему в борьбе против Византии¹⁶. Был предпринят ряд рейдов в направлении Абхазии, озера Ван и Анатолии¹⁷. Византийские императоры, бессильные противодействовать успешным акциям сельджуков, не отваживались даже на активную оборону. Михаил VI Стратиотик (1056—1057) не нашел более действенного средства против чинимых опустошений, чем эвакуация христианского населения черноморского побережья¹⁸.

Преемник Тогрул-бека великий Сельджукид Алп-Арслан (1063—1072) вскоре после воцарения появился в Закавказье, так как считал необходимым укрепить приграничную зону в Армении, чтобы предупредить возможность византийского вторжения и упрочить сельджукское влияние в северных областях Азербайджана. В 1064 г. он направил свой первый удар в сторону Дербенда. При этом сельджуки под предводительством одного из военачальников (эмира Сав-Тегина) пересекли владения ширваншаха Ферибурза (ок. 1065—ок. 1092) в Азербайджане и Южном Дагестане¹⁹. Затем Сав-Тегин прошел через Нахчеван в Грузию, и Баграт IV (1027—1072), был вынужден заключить невыгодный для себя мир²⁰. Третий удар пришелся по Армении, которая также подверглась опустошению²¹. Основной целью этого похода являлся Ани, стратегическое положение которого делало его выгодным пунктом для подготовки решительных действий против Византии²². Город был подвергнут осаде и захвачен в 1064 г. Потрясенный сообщениями о трагических событиях под Ани, царь Ташир-Дзорагета Кюрике II (1048—1089) признал себя вассалом сель-

¹² Chronique de Michel le Syrien. Ed. par. J.-B. Chabot, t. IV. Paris, 1910, p. 577.

¹³ Ф. И. Успенский. Движение народов из Центральной Азии в Европу. — ВВ, I, 1947, стр. 13.

¹⁴ Histoire de la Géorgie, p. 323; Additions, p. 219—225; Chronique de Matthieu d'Edesse. Trad. par E. Dulorier. Paris, 1858, p. 88.

¹⁵ Исторические записки Никифора Вриенния. — «Византийские историки», пер. с греч. СПб., 1858, стр. 26; Anonymi auctoris Chronicon ad A. C. 1234 pertinens. Ed. J.-B. Chabot. Pars posterior. Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, Scriptores Syri, ser. III, t. XV, textus. Parisiis, 1916, p. 46.

¹⁶ Cl. Cahen. La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié du XIe siècle). — Byz., t. XVIII, 1948, p. 16—17.

¹⁷ Arisdaguès de Lasdiverd, p. 90—91, 98—99; Chronique de Matthieu d'Edesse, p. 98.

¹⁸ Chronique de Michel le Syrien, p. 573.

¹⁹ V. Minorsky. A History of Sharvan and Darband in the 10th — 11th Centuries. Cambridge, 1958, p. 24—25, 50, 53.

²⁰ Histoire de la Géorgie, p. 327—328, 330; Irak ve Horasan Selçuklulari tarihi. Imad addin al-Kâtib al-Isfahaninin al-Bondari tarafından ihtisar edilen «Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Hustra» adlı kitabının tercümesi. Türkçeye çeviren: K. Burslan. İstanbul, 1943, S. 31.

²¹ Chronique de Michel le Syrien, p. 578.

²² Хронографическая история, составленная отцом Мхитаром вардапетом Айриванкским. Пер. с др.-арм. К. Патканова. СПб., 1869, стр. 407; Arisdaguès de Lasdiverd, p. 139—141; Additions, p. 227.

джуков, обязавшись платить им дань²³. В течение 60-х годов XI в. Алп-Арслан провел в Закавказье еще ряд операций, укрепив здесь сельджукское влияние²⁴. Но его действия в Азербайджане, Армении и Грузии в эти годы имели второстепенное значение, ибо основное внимание сельджуки уделяли подготовке к решительной схватке с Византией²⁵. Только после нейтрализации еще достаточно сильной империи можно было приступить к решению других ближневосточных проблем.

Не будучи вполне подготовленным, Роман IV Диоген (1068—1071) принял вызов и попытался остановить сельджукское наступление. Был задуман поход на восток, во время которого предполагалось также пройти в Закавказье. Одним из конечных пунктов похода намечался Азербайджан: император хотел уничтожить здесь важную базу концентрации турецких сил и восстановить позиции Византии в закавказских странах. Но византийская армия, едва вступившая в армянские земли, была остановлена. Недалеко от Манцикерта 19 августа 1071 г. византийской военной машине был нанесен решающий удар. Алп-Арслан продел в оба уха плененного императора кольца, означавшие, что он теперь гулям (раб) сельджукского султана. Византия была обязана платить ежедневную дань в тысячу динаров²⁶.

Сражение при Манцикерте считается началом заката византийского военного могущества: впоследствии армия империи так и не сумела добиться решающего перевеса в борьбе со своим основным противником — сельджуками²⁷. Когда столетие спустя те же противники встретились в 1176 г. в решающем бою при Мириокефале, то сил одного лишь Кониийского султаната оказалось достаточно для того, чтобы доказать преимущества сельджукской военной машины.

Исход сражения при Манцикерте имел важные исторические последствия. Византия продемонстрировала свое бессилие активно противостоять натиску с востока (не случайно вскоре она обратилась за помощью к Западу). Сельджуки, напротив, стали подлинными хозяевами положения на территории от Средней Азии до Средиземного моря и от Закавказья до Египта. Результат битвы оказал влияние на судьбы многих стран Ближнего Востока, в первую очередь — Азербайджана, Армении и Грузии, самой Византии. Только после 1071 г. сельджуки получили возможность окончательно упрочить свое владычество в Закавказье, которое теперь оказалось включенным в пределы сельджукской державы. Тогда же завоеватели сумели утвердиться и в Малой Азии, основав Кониийский султанат, который принял на себя задачи дальней-

²³ Chronique de Matthieu d'Édesse, p. 121.

²⁴ Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Н. О. Эмина. М., 1861, стр. 129; V. M i n o r s k y. A History of Sharvan, p. 85; Histoire de la Géorgie, p. 331—332; Additions, p. 227; Sadruddin Ebu'l-Hasan Ali ibn Nâsir ibn Ali el-Hüseyni. Ahbâr üd-Devlet is-Selçükiyye. Türkçeye çevireni N. Lugal. Ankara, 1943, S. 24—26.

²⁵ Anonymi auctoris Chronicon, p. 48.

²⁶ Исторические записки Никифора Вриенния, стр. 37—39; К и р а к о с Г а н д з а к е ц и. История. Пер. с др.-арм. Т. И. Тер-Григорьяна. Баку, 1946, стр. 58; Chronique de Michel le Syrien, p. 577—579; Anonymi auctoris Chronicon, p. 46—47; B a r h e b r a e i G r e g o r i i Chronicon, p. 246—249; Histoire des Seldjoucides. Extrait du «Tarikhi Guzideh» d'Hamdallah Mustaufi. Trad. par M. Defrémery. — «Journal Asiatique», IV série, t. XI, 1848, p. 437—438; R â h a t ü s S u d û r v e A y e t ü s S ü r ü r. Yazan: Muhammad Ravendi. Türkçeye çeviren: A. Ateş. Ankara, 1957—1960, S. 117; Anadolu Selçukluları devleti tarihi. III Cilt. Anonyme. Tercüme eden: F. N. Uzluk. Ankara, 1952, S. 8.

²⁷ M. H a m i d u l l a h. The Map of the Battle of Malazgird on Basis of Historical Description of the Battle. — «Islamic culture», vol. XIX/3, 1945, p. 353; C. O m a n. A History of the Art of War in the Middle Ages. New York, vol. I, 1924, p. 218; W. A. M i t c h e l l. Outlines of the World's Military History. Washington, 1931, p. 150—151; F. L o t. L'art militaire et les armées au Moyen-Âge en Europe et dans le Proche-Orient, t. I. Paris, 1946, p. 71.

шей борьбы с Византией и крестоносными отрядами западноевропейских феодалов ²⁸.

Отныне империя должна была распрощаться с планами проникновения в Закавказье. После Манцикерта, вплоть до начала Первого крестового похода, не имелось каких-либо серьезных факторов, способных воспрепятствовать дальнейшей сельджукской экспансии ²⁹.

Манцикерт явился одним из важных переломных этапов не только ближневосточной, но в какой-то степени и всемирной средневековой истории ³⁰. После 1071 г. на длительное время был решен вопрос об основной, доминирующей силе на Ближнем Востоке. Достаточно отчетливо прослеживается влияние битвы при Манцикерте не только на мусульманский, но и на христианский мир. В частности, непосредственно с результатами сражения 1071 г. связаны те военно-политические и экономические контакты, которые возникли и усилились между Востоком и Западом; в первую очередь здесь следует указать на волну крестовых походов западноевропейского рыцарства в «святую землю».

Окончательное установление сельджукского владычества в Закавказье произошло при третьем великом Сельджукиде Мелик-шахе (1072—1092) ³¹. Одной из его первых внешнеполитических акций явилось вторжение в Закавказье, подчинение которого было теперь не столь сложным делом ³². Армия Мелик-шаха появилась в Азербайджане; к этому времени, вероятно, следует отнести взыскание с Ширвана военной контрибуции в сумме семидесяти тысяч динаров и установление ежегодной дани в сорок тысяч динаров ³³. Династия Шаддадидов Арана со столицей в Гяндже была пресечена, а область подчинена сельджукской администрации ³⁴. Затем завоеватели заняли область Дербенда (ал-Баб) и «кавказские проходы» (вероятно, имеются в виду Дербендский и Дарьяльский проходы) ³⁵. Вскоре после этого к Мелик-шаху в Исфахан прибыли царь Ташир-Дзорагета Кюрике II и царь Грузии Георгий II (1072—1089), которые также признали сюзеренитет султана и обязались вносить в его казну ежегодную дань ³⁶.

Таким образом, окончательное установление сельджукского владычества в Закавказье относится к рубежу 70—80-х гг. XI в. Это событие имело важные экономические, социальные, политические, идеологические и этнические последствия для населения Закавказья. Азербайджан, Армения и Грузия оказались втянутыми не только в бурный круговорот ближневосточной политики, но сами стали составными частями экономической системы, установившейся на Ближнем Востоке с приходом сельджуков.

²⁸ В отличие от судеб населения Закавказья и Малой Азии для народов Юго-Восточной Европы исход сражения при Манцикерте имел совершенно иные последствия. Мы полагаем, что в какой-то мере он способствовал освобождению славянских народов Балкан от социально-экономического, политического и конфессионального гнета империи, форсируя процесс обретения ими независимости.

²⁹ Anonymi auctoris Chronicon, p. 50—51.

³⁰ Ср. В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. Избранные сочинения, т. I. М., 1960, стр. 41, 49; Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, стр. 89, 94, 138; е г о ж е. Движение народов, стр. 13—14, 16; R. N. Fry. Iran. New York, 1953, p. 53; Cl. Cahen. La première pénétration, p. 33; I. H. Uzuncarsili. Osmanli tarihi. I. Cilt. 2 baski. Ankara, 1961, S. 1; P. Wittek. Le sultan de Roum. «Mélanges Emile Boisacq», t. II. Bruxelles, 1938, p. 363.

³¹ Anonymi auctoris Chronicon, p. 50—51; Chronique de Michel le Syrien, p. 579.

³² Anadolu Selçukluları, p. 9.

³³ Sadruddin, S. 50; Irak ve Horasan Selçukluları, S. 133.

³⁴ V. Minor sky. A History of Sharvan, p. 5, 24.

³⁵ Ibid., p. 41, 55.

³⁶ Хронографическая история, стр. 408; Ф. Д. Жордания. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1903, стр. 9; Histoire de la Géorgie, p. 343, 345; Histoire chronologique de Mkhitar d'Airivank. Trad. par M.-F. Brosset. — «Mémoires de l'Académie imp. des Sciences de St.-Pb.», VIIe série, t. XIII, 1869, p. 94.

З. В. УДАЛЬЦОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОРИКА VI в.
АГАФИЯ МИРИНЕЙСКОГО

Творчеству Агафия Миринейского, поэта и историка, уделялось немало внимания в византиноведческой литературе: к анализу его произведений не раз обращались видные ученые¹. Историческая достоверность труда Агафия выдержала строгую проверку данными других источников и была оценена достаточно высоко².

Агафия обычно изображали как одного из последних представителей античной историографии на византийской почве. Его мировоззрение, так же как и мировоззрение Прокопия, по установившемуся мнению, было проникнуто преклонением перед неуязвимым очарованием греко-римской цивилизации и отличалось индифферентизмом в вопросах веры. Проводились аналогии при изучении трудов Агафия и Прокопия, и их мирозерцание сближалось³. Обоих этих историков считали продолжателями историографических традиций Геродота и Фукидида⁴. И казалось, мало что можно было изменить в том представлении об образе Агафия, которое прочно сложилось в науке.

И тем не менее за последние годы интерес исследователей к творчеству Агафия вновь значительно оживился. В византистике наших дней воз-

¹ W. S. Teuffel. Agathias von Myrine.— «Philologus», I. 1846, S. 495—511 (см. переработанное новое издание этого же произведения В. С. Тейффеля—W. S. Teuffel. Studien und Charakteristiken. Leipzig, 1871, S. 237—254); G. Franke. Questiones Agathianae.— «Breslauer Philologische Abhandlungen», 47. Trebnitz, 1914; N. Jorga. Médaillons d'histoire littéraire byzantine.— Byz., 2, 1925, p. 241—244; М. В. Левченко. Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение.— ВВ, III, 1950, стр. 62—84; P. Lamm. Ricerche sulla storia e la cultura del VI secolo. Brescia, 1950; H. W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959.

² M. Ite s. Zur Bewertung des Agathias.— BZ, 26, 1926, S. 273—285. Оценивая достоверность сообщений Агафия о войнах в Лавике и Италии, автор приходит к выводу, что Агафий является главным источником своего времени и мало в чем уступает Прокопию. Ср. H. E s k h a r d t. Zur Charakteristik des Procop und Agathias als Quellen-schriftsteller für den Gothenkrieg, Programm. Königsberg, 1864; L. D i n d o r f. Bemerkungen zu Agathias.— «Jahrbücher für classische Philologie», 99, 1869, S. 457—465; J. H a u r y. Die letzten Ostgoten.— «Blätter für das bayerische Gymnasialschulwesen», 51, 1915, S. 18—20.

³ O. V e h. Zur Geschichtsschreibung und Weltauffassung des Procop von Caesarea.— «Wissenschaftliche Beilage zum Jahresberichte 1951/52 des Gymnasiums Christian-Ernestinum Bayreuth». Bayreuth, 1952; i d e m. Der Geschichtsschreiber Agathias von Myrine.— «Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht 1952/1953 des Gymnasiums Christian-Ernestinum Bayreuth». Bayreuth, 1953.

⁴ G. Franke. Questiones Agathianae..., s. 87; Γ. Σπορόπουλος. Κατὰ τὴν ἰστορίαν Ἀγαθίου Ἡρόδοτον καὶ Προκόπιον. Diss. Athen, 1892.

ник спор о характере религиозно-политических взглядов этого византийского писателя. В ходе дискуссии возникли сакраментальные для всей византийской литературы раннего периода вопросы: был ли Агафий провозвестником нового мирозерцания или приверженцем старого? Выступал ли он как ортодоксальный христианин или втайне оставался верен религии своих отцов? Ученых по сей день волнует сложная дилемма: в какой мере христианская идеология коснулась мировоззрения Агафия — творца чарующих стихотворений в духе анакреонтической поэзии и последователя античной культуры. Или, быть может, христианское учение осталось чуждым его душе?

Итальянский филолог Сальваторе Констанца недавно выдвинул теорию, согласно которой Агафий был христианином православного вероисповедания. Традиции античной историографии, по его мнению, были переосмыслены Агафием в духе нового спиритуалистического христианского вероучения. Поэтому Агафий принадлежит уже христианской, а не античной греко-римской цивилизации ⁵.

Иоганнес Ирмшер, восточногерманский филолог и византист, выступил против столь прямолинейной «христианизации» мировоззрения Агафия. Полемизируя с С. Констанца, он подчеркивал, что скудость и стереотипность высказываний Агафия относительно христианства не позволяют прийти к столь категорическим выводам. По мнению И. Ирмшера, Агафий — человек, живший в переломную эпоху, отделяющую античность от средневековья, — сочетал в своем творчестве черты старого и нового мирозерцания ⁶. Весьма плодотворно, на наш взгляд, рассмотрение И. Ирмшером мировоззрения Агафия как отражения идеологических перемен, происходивших в византийском обществе VI в. ⁷

На первый взгляд, спор, разгоревшийся вокруг оценки мировоззрения Агафия, казался несколько неожиданным. Но по существу он был связан с самой жгучей проблемой истории всей ранневизантийской культуры — с осмыслением борьбы язычества и христианства в идеологической жизни общества. А споры по этому кардинальному вопросу волнуют историков и филологов наших дней и не сходят со страниц научной литературы ⁸. Делаются попытки дать сравнительный анализ религиозно-политических взглядов и отношения к христианству Аммиана Марцеллина, Малха Филадельфийца, Зосима, Менаандра, Прокопия, Агафия и Феофилакта Симокатты, прослеживается употребление языческой и христианской терминологии в их исторических сочинениях ⁹.

Борьба между языческой и христианской идеологией выдвигается как один из основных вопросов в специальных исследованиях, посвященных

⁵ S. Constanza. Orientamenti cristiani della storiografia di Agatia. — «Helikon», 2, 1962, p. 96—111.

⁶ I. Irmsher. Zur Weltanschauung des Agathias. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität Jena. Sonderheft, Tagung von allgemeine Religionsgeschichte», 1963, S. 47—53; i d e m. Über die Weltanschauung des Agathias. Methodische Vorfagen. — «Studia Partistica», IX, 1966, S. 63—68.

⁷ С подобных же методологических позиций И. Ирмшер освещает творчество и других византийских поэтов VI в. (I. Irmsher. Die poetische Ekphrasis als Zeugnis Justinianischer Kulturpolitik. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller Universität Jena, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe», Heft I, Jahrgang 14, 1965, S. 79—83.

⁸ A. Mamigliano. Pagan and Christian Historiography in the fourth century A. D., in: «The conflict between Paganism and Christianity in the fourth century» ed. A. Mamigliano. Oxford, Clarendon, 1963, p. 79—99.

⁹ A. Veril and Alan Cameron. Christianity and Tradition in the Historiography of the Late Empire. — «The Classical Quarterly», New Series, vol. XIV, N 2, 1964, p. 316—328. cp. A. Pertusi. L'attiggiamento spirituale della più antica storiografia bizantina. — «Aevum», XXX, 1956, p. 151 sq.

творчеству не только Агафия, но и Аммиана Марцеллина¹⁰, Симмаха¹¹. Зосима¹², Прокопия¹³, Феофилакта Симокаты¹⁴.

Одновременно в византиноведческой науке происходит пересмотр проблемы континуитета, прямой генетической преемственности творчества ранневизантийских и античных авторов.

Так, например, зависимость Агафия от Геродота и Фукидида, по мнению некоторых современных исследователей, была менее значительной, чем предполагалось ранее¹⁵.

Спорность многих вопросов, связанных с творчеством Агафия, заставила и нас вновь обратиться к изучению мировоззрения этого писателя. Однако мы хотим поставить проблему несколько в более широком аспекте, а не сводить ее только к борьбе язычества и христианства или преемственности античной культуры. Перед нами прежде всего встает вопрос: как историческая действительность Византии VI в. с ее лихорадочной, непримиримой социально-политической и религиозной борьбой отразилась в трудах Агафия? Каково было влияние религиозно-богословских споров того времени и формирование его историко-философских взглядов и этических представлений? Интересы каких социальных групп ранневизантийского общества в той или иной степени нашли выражение в творчестве Агафия?

Агафий был человеком двух призваний — поэтом и историком. В своем историческом труде, по его словам, он стремился соединить харит с музами¹⁶. Будучи историком, он всегда оставался поэтом, а увлекаясь поэзией, он тянулся к истории. Эти два призвания наполняли и вместе с тем раздваивали его душу. Не мудрено, что в своем произведении он сравнивает поэзию и историю и пытается определить их значение. Поэзия, полагает Агафий, занятие священное и божественное. В ней, согласно учению Платона, души человеческие проникаются возвышенным восторгом и порождают поистине прекрасное, источающее прелесть муз и напоенное страстью. Вместе с тем поэзия для человека лишь удовольствие, развлечение. История же дело великое и серьезное. Прочную славу дает людям только история, только благодаря истории деяния смертных обретают божественное бессмертие. Память людская — преходяща и быстротечна. Замена ее — история. Люди не пожелали бы подвергаться

¹⁰ W. E n s s l i n. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus. — «Klio», Beiheft XVI. Leipzig, 1923, S. 96—102; E. A. T h o m p s o n. The historical Work of Ammianus Macrellinus. Cambridge, 1947; Salvatore D' E l i a. Ammiano Marcellino e il Cristianesimo. — «Studi Romani», anno X, N 4, 1962, p. 372—390; Antonio S o l m i. Considerazioni circa Ammiano ed il Cristianesimo. — «Rivista di cultura classica e medioevale», anno VI, N 3, 1968, p. 224—261.

¹¹ F. P a s c h o u d. Reflexions sur l'idéal religieux de Symmaque. — «Historia», Bd. XIV, Heft 2, 1965, p. 215—236.

¹² Zee P e t r e. La pensée historique de Zosime. — «Studi clasice», 7, 1965, p. 263—272.

¹³ G. D o w n e y. Paganism and Christianity in Procopius. — «Church History», XVIII, 1949, p. 91f.; Averil M. C a m e r o n. The «Scepticism» of Procopius. — «Historia», 15, 1966, p. 466—482. В последней работе, например, пересматривается сложившийся в науке взгляд о религиозном «скептицизме» Прокопия. На основании анализа всех высказываний Прокопия о христианстве и христианской церкви автор приходит к выводу, что христианское мировоззрение оказало на творчество Прокопия более сильное воздействие, чем думали раньше.

¹⁴ O. V e h. Untersuchungen zudem byzantinischen Historiker Theophylactos Symokattes. — «Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht 1956/57 des Humanistischen Gymnasiums Fürth in Bayern», 1957.

¹⁵ A. M. C a m e r o n. Herodotus and Thucydides in Agathias. — BZ. 57, 1964, S. 33—52. Автор полемизирует с Г. Франком и на основе сравнительного анализа текста отдельных мест Геродота, Фукидида и Агафия приходит к заключению, что Франк преувеличил степень заимствования Агафия у этих авторов, хотя Агафий использовал их более интенсивно, чем других античных писателей.

¹⁶ A g a t h i a e Myrinaei Historiarum libri quinque, recensuit R. Keydell. — Corpus fontium historiae Byzantinae, vol. II. Berolini, 1967.

опасностям и переносить труды, если бы знали, что с их смертью умрет и их слава.

Полководец — побеждающий в войнах, зодчий — воздвигающий города, атлет — увенчанный лавровым венком на арене, воин — льющий кровь в сражениях, — все они охвачены страхом, что волны Стикса вместе с их жизнью поглотят и память о их делах. Этот страх исчезновения владеет душами людей, и только история дает им луч надежды. Недаром историю даровал людям «божественный промысел». История не только не ниже матери наук — философии, но, быть может, она приносит даже большую пользу. История — мудрый учитель, она учит людей, что делать и чего избегать. Муза Клио — неподкупный наставник, она незримо общается с людьми к добродетели. Историки, по мнению Агафия, — благодетели общества, они достойны всяческого удивления и прославления. История и поэзия — родные сестры, они близки друг другу и различаются только ритмом слов. История всегда должна быть наполнена красноречием и поэзией, она призвана и поучать и услаждать¹⁷.

Вместе с тем историк не только рассказчик, но истолкователь фактов. На нем лежит трудная и почетная миссия — передать потомкам истинные события своего времени. Ведь основная цель истории — истина, и писать историю нужно прежде всего правдиво. Агафий обрушивается с едкими нападками на тех современных ему историков (правда, к сожалению, не называя их имен), которые позорят себя низкой лестью перед живущими правителями и порицанием уже умерших¹⁸. Всегда прислуживая сильным и заботясь только о своей выгоде, подобные историки забывают, что их чрезмерные похвалы неприятны даже самим правителям, ибо «явная лесть не будет достаточной опорой их славы»¹⁹.

Самого Агафия подвигли серьезно заняться историей не только советы друзей и внутреннее призвание, но и необычайные и важные события, свидетелем которых он стал. «В мое время, — пишет Агафий, — повсеместно и неожиданно вспыхнули великие войны, совершились переселения многих варварских народов, неожиданные завершения тайных и невероятных событий, беспорядочные капризы судьбы, гибель народов, порабощение городов, переселение жителей, и как будто весь род человеческий пришел в движение»²⁰. Видя все это, Агафий решил бросить развлекаться сказками и пустыми баснями и начать писать серьезный труд, чтобы сохранить для потомства истинный ход исторических событий.

Сознавая высокий долг историка писать правду и только правду, Агафий мечтает всецело предаться этому благородному труду, однако повседневные заботы о заработке отвлекают его от любимого дела. Для создания исторического сочинения, с грустью говорит Агафий, нужна прежде всего свобода. Необходимо много работать, читать древних мудрецов и учиться у них, внимательно искать и сопоставлять исторические материалы, быть нелицеприятным во всем, и только тогда историк сможет написать правдивую историю своих дней²¹.

Идея о том, что задача истории — истина, а назначение историка — служение этой истине, отнюдь не нова как в античной, так и в ранневизантийской историографии. Однако у Агафия, пожалуй, слова меньше

¹⁷ A g a t h., Hist., praefatio. А. Камерон подчеркивает, что в своем предисловии к «Истории» Агафий в известной мере использовал Дюдора, Лукиана и Полибия (A. C a m e r o n. Herodotus and Thucydides in Agathias..., p. 51—52). Столь же связано с античной традицией и предисловие к историческому труду Феофилакта Симокатты (Th. N i s s e n. Das Prooemium zu Theophylaktos Historien und die Sophistik. — BN Jbb., 15, 1939) S. 3—13.

¹⁸ A g a t h., Hist., praef.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid., praef.

²¹ Ibidem.

расходятся с делами, чем у других современных ему историков, в частности у Прокопия.

Агафий относился к созданию исторического труда с исключительной серьезностью. Он понимал всю трудность своей задачи и пытался заложить фундамент для объективного освещения фактов в тщательном подборе источников. В этом отношении Агафий был даже более добросовестным ученым, чем Прокопий. В отличие от Прокопия, собиравшего в своих произведениях (особенно, конечно, в «Тайной истории») всякие легенды и даже просто слухи, Агафий очень внимателен к разысканию и критической проверке исторических материалов. В своем произведении он использовал много ценных документов, протоколы судебных процессов, рассказы военачальников, послов, купцов, переводчиков — отсюда достаточная жизненность и достоверность его повествования. Как известно, ему, например, удалось использовать персидские хроники, переведенные для него его другом переводчиком Сергием²².

Вместе с тем Агафий значительно менее, чем Прокопий, осведомлен во всех происходящих событиях. Его положение мелкого адвоката, скромного интеллигента не идет ни в какое сравнение, с положением Прокопия, крупного чиновника, враждавшего в правительственных сферах. Если Прокопию были открыты многие, даже секретные, документы, если он имел доступ к тайным совещаниям у его патрона Велисария, смотрел на все события с высоты правительственных сфер, то кругозор Агафия, естественно, несравненно уже, он лично мало что видел и знал. Поэтому-то ему так необходимо было прибегать к помощи друзей при сборе материалов для своего исторического труда. Поэтому-то само написание этого сочинения было для него сопряжено с гораздо большими трудностями, чем для Прокопия.

Сравнивая исторические произведения Агафия и Прокопия, мы должны, конечно, отдать предпочтение осведомленности и широте знаний Прокопия, но признать большую объективность Агафия, продуманность и целеустремленность в подходе к теме своего повествования. Справедливо, однако, мнение тех ученых, которые полагали, что Агафий уступает Прокопию в таланте и в осведомленности в военных и гражданских делах²³. Но нельзя согласиться с утверждением, будто бы Агафий — певец любовных песен, был неспособен давать верные оценки историческим фактам, что поэтическое восприятие мира притущало в нем свободу и остроту исторического взгляда, а фантазия и рефлексия затемняли достоверность рассказа.

Наоборот, нам думается, что мало у кого из византийских историков раннего периода можно найти столь продуманную, трезвую и прямо выраженную *позицию автора в оценке* происходящих событий, как у Агафия. Этот «оценочный момент» очень силен в его труде. Агафий прекрасно сознает, что историк обязан касаться разнообразных сторон жизни и пытаться дать объяснение тех или иных явлений, даже если это уводит его в сторону от основного направления его повествования. Историк должен, по словам Агафия, «...полезные деяния восхвалять, а бесполезные порицать, так как если исторические труды не станут включать этого с целью принести больше пользы человеческой жизни, но будут состоять из про-

²² Agath., Hist., IV, 30; I. Suolahti. On the Persian Sources used by the Byzantine Historian Agathias. — «Studia orientalia», XIII, 9. Helsinki, 1947; A. M. Cameron. Zonaras, Syncellus and Agathias, a note. — «The classical Quarterly», New Series, vol. 14, N 1, 1964, p. 82—85. Автор этой статьи доказывает, что ценность известий Агафия о персидских царях была столь велика, что его труд послужил основным источником сообщений Синкелла и Зонары о персидских династиях.

²³ М. В. Левченко. Византийский историк Агафий и его мировоззрение. Приложение к русск. пер. труда Агафия. М. — Л., 1953, стр. 179—180.

стого пересказа событий, то они окажутся немногим лучше тех басен, которые рассказываются в гинекеях во время прядения шерсти»²⁴.

Недаром в произведении Агафия встречается так много личных оценок событий, нравственных и философско-этических рассуждений, экскурсов естественнонаучного характера, где автор также выражает свое мнение. Все это говорит о значительной самостоятельности мышления Агафия. Показательно, что в Византии труд Агафия пользовался большой известностью и его продолжатель Менандр хвалебно отзывался об исторических знаниях своего предшественника²⁵. Историческое сочинение Агафия в свою очередь послужило источником для византийских историков и хронистов более позднего времени²⁶.

Вместе с тем надо отдать должное скромности нашего писателя. Он, например, считает себя чуть ли не невеждой по сравнению со своим блестяще эрудированным учителем Прокопием²⁷. Но, кстати сказать, преклонение перед Прокопием не мешает Агафию порою вступать в спор и опровергать мнение своего наставника²⁸.

Оселком, на котором проверялись политические взгляды писателей середины VI в., естественно, было их отношение к правлению императора Юстиниана. Историческое сочинение Агафия было написано уже после смерти Юстиниана. Теперь он мог смело и нелицемерно выражать свое мнение о правлении покойного императора. Для критики правления Юстиниана ему не нужно было, как Прокопию, писать «Тайную историю». Напротив, при дворе Юстина II всякое порицание политики Юстиниана всемерно поощрялось. Историк мог надеяться на милости нового правителя, очернив старого.

Тем не менее Агафий старается по мере возможности быть объективным в оценке царствования Юстиниана. Историк воздает должное Юстиниану за его активную внешнюю политику. Агафию импонирует идея восстановления бывшего величия Римской империи, претворяемая в жизнь Юстинианом. В этой оценке завоевательной политики покойного правителя у Агафия звучат, с одной стороны, патриотические нотки, свойственные византийской интеллигенции, приверженной к традициям сильного Римского государства. С другой стороны, в качестве подтекста можно почувствовать порицание Юстина II за его тяжелые внешнеполитические неудачи.

Оценка Агафием правления Юстиниана в целом отличается достаточной политической лояльностью. Историк видит к деятельности этого правителя как положительные, так и отрицательные черты. Достойна похвал, с точки зрения Агафия, внешняя политика этого императора в первый период его царствования. Для Агафия Юстиниан — первый из византийских государей, показавший себя как истинно римский император. Он провел величайшие победоносные войны на Западе и вернул под власть римлян Северную Африку, Сицилию, древний Рим и всю Италию²⁹. Агафий не сомневается в благодетельности византийского завоевания для западных стран и народов. Потерянные раньше провинции империи благо-

²⁴ A g a t h., Hist., I, 7.

²⁵ Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, fr. 7.

²⁶ М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы. — «Византийское обозрение», т. II, вып. 1. Юрьев, 1916, стр. 140—144. М. Я. Сюзюмов полагал, что Лев Дьякон многое заимствовал у Агафия как по содержанию, так и по стилю, описание бытовых деталей и подробностей обстановки.

²⁷ A g a t h., Hist., praef.

²⁸ A g a t h., Hist., IV, 26. Речь идет о споре Агафия с Прокопием по поводу оценки завещания императора Аркадия, по которому персидский шах назначался опекуном наследника Феодосия. Прокопий хвалит этот поступок, Агафий — порицает (A g a t h., Hist., IV, 28; *ibid.*, IV, 30). Расходились Агафий с Прокопием и по вопросам истории персов. Агафий отдает предпочтение персидским летописям в сравнении с трудом Прокопия.

²⁹ A g a t h., Hist., V, 14.

даря победам Юстиниана вновь украсились отечественными законами, а варвары приобщились к римской цивилизации.

Агафий верит в силу римского оружия, его увлекает описание не доблестей предков, а подвигов современников. Горделивое восхищение вызывает у него, например, победа византийцев в Италии над полчищами франков и аллеманов в кровопролитнейшем сражении на берегах Касилиана, когда волны реки окрасились кровью варваров³⁰.

Агафий выносит оправдательный вердикт внешней политике Юстиниана на Западе, поскольку он считает, что войны этого императора не сопровождалась завоеванием и порабощением чужеземных народов, а велись для защиты владений римлян от грозного натиска варваров. В этом аспекте историк сравнивает их с борьбой греков за независимость и свободу против персов. В связи с этим автор высказывает свои общие суждения о войнах. Если цель войны столь возвышенна и справедлива, как защита родины и борьба за свободу, то воюющей стороне сопутствует счастье; если же они порождены жаждой наживы, неблагоразумием и несправедливостью и несут с собой бедствия народам, то они губительны и для самих зачинщиков³¹.

Подобная оценка войн Юстиниана на Западе особенно знаменательна, если учесть, что Агафию не чужды пацифистские идеи. Он ненавидит войны и с потрясающей ясностью видит их губительные последствия для народов. Для него войны — порождение зла, выражение самых низменных проявлений человеческой природы, а отнюдь не осуществление воли божества. «И божество, как я думаю, нельзя считать причиной убийств и сражений. Я и сам бы не сказал и не поверил никому, утверждающему, что высшее благо, изгоняющее всякое зло, радуется сражениям и войнам. Души людей добровольно впадают в корыстолюбие и несправедливость и наполняют все войнами и смятением, и отсюда происходят многие бедствия и гибель народов и порождаются бесчисленные другие несчастья»³².

Прославляя победы византийского оружия на Западе, Агафий несколько по-иному оценивает войны Юстиниана в Восточном Средиземноморье. Хотя и здесь он ищет оправдания войн Юстиниана в защите лазов от персов, но вместе с тем он сознает справедливость стремления туземных народов к независимости и губительность грабительской политики полководцев и чиновников империи³³.

Итак, по мнению Агафия, просчеты Юстиниана в его внешней политике состояли отнюдь не в том, что он вел широкие завоевания на западе или защищал границы государства на востоке, а в том, что он не смог до конца осуществить свои грандиозные планы и полностью восстановить былое могущество Римской империи.

Отсюда во многом проистекает отрицательная оценка Агафием внутренней политики Юстиниана, особенно в конце его царствования. Последний период правления Юстиниана характеризуется общим упадком империи, вызванным тем, что император к этому времени состарился, фактически отошел от руководства государственными делами, перестал контролировать администрацию³⁴. Агафий резко порицает правителя за неудачную внутреннюю политику этого времени, за грабежи чиновников как в самой Византии, так и в завоеванных странах. Историк отнюдь не скрывает пороков современного ему общества. Он, как и Прокопий, описывает

³⁰ A g a t h., Hist., II, 4—10.

³¹ Ibid., II, 10. М. В. Левченко, на наш взгляд, несколько модернизирует взгляды Агафия на характер войн Юстиниана и приписывает ему современное нам представление о войнах «справедливых и несправедливых» (М. В. Л е в ч е н к о. Агафий и его мировоззрение, в кн.: А г а ф и й. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, стр. 188—189).

³² A g a t h., Hist., I, 1.

³³ Ibid., III, 2—8; IV, 13—23.

³⁴ Ibid., V, 14.

бесчинства византийской администрации, например, в Лазике³⁵, показывает развал византийской армии, разложение, царящее среди полководцев, ограбление населения³⁶. Он сурово критикует самого Юстиниана за то, что император позорно наживался на спекуляциях в Лазике, не обращая внимания на жалобы населения³⁷.

Однако критика внутренней политики Юстиниана, хотя она и поощрялась новым правительством Юстина II, который хотел переложить на своего предшественника всю ответственность за ослабление империи, у Агафия не приобрела столь желчного характера, как у Прокопия. В ней нет той слепой злобы, той личной ненависти против Юстиниана, которыми проникнута «Тайная история».

В противоположность Прокопию, Агафий критикует скорее дурных правителей вообще, а не правительство Юстиниана и его клики в особенности. Выходец из среды небогатых, но образованных людей византийского общества, Агафий, несмотря на свои материальные затруднения, лично не пострадал в правление Юстиниана. Поэтому в его труде отсутствуют пристрастные выпады против Юстиниана и его полководцев. Агафий далеко стоял от трона, его меньше волновали придворные интриги и столкновения политических партий. Он более спокоен, сдержан в освещении царствования Юстиниана, чем Прокопий, захваченный потоком придворной борьбы. Большая умеренность критики Агафия, по-видимому, объясняется тем, что он отражал идеологию тех кругов византийской интеллигенции, интересы которых в меньшей степени были ущемлены при Юстиниане, чем интересы сенаторского сословия, рупором которого выступал, как известно, Прокопий. Византийской интеллигенции, конечно, не нравились такие мероприятия Юстиниана, как закрытие некоторых центров образованности, например, Афинской школы философов³⁸. Но вместе с тем она не пострадала, как сенаторы, от земельных конфискации Юстиниана. Те социальные круги, к которым принадлежал Агафий, имели меньше реальных счетов с правительством Юстиниана, чем отнесенная от власти старая римская аристократия. В то же время их римский патриотизм находил удовлетворение в политической программе восстановления империи, а некоторые реформы Юстиниана, в частности установление жалования от государства профессорам и риторам, должны были им весьма импонировать.

В сочинении Агафия встречаются политические высказывания более радикальные, идеи более передовые, чем у Прокопия. Если Прокопий далек от критики самого социального строя империи VI в., очень консервативен и лоялен, то у Агафия порою звучат более демократические нотки. Политический идеал государства Агафия более прогрессивен, чем идеал Прокопия. В общественной жизни превыше всего Агафий ставит *свободу*. Правда, он понимает под ней свободу для избранных, особо одаренных творческих личностей. Идеальный образ правителя для Агафия — это мудрец философ на троне, заботящийся о всеобщем благе³⁹. Государство должно управляться достойными людьми, мудрецами⁴⁰. Чрезвычайно опасно, по мнению Агафия, давать титул царя тому, кто его совершенно не заслужил⁴¹. Политический деятель или мудрец, стремящийся к свободе, думает всегда не только о себе, но прежде всего об общем благе государства. Не могут в жизни быть соединены подлость и общая польза, жесто-

³⁵ Agath., Hist., IV, 21—22.

³⁶ Ibid., V, 14.

³⁷ Ibid., III, 9. О состоянии византийской армии по данным Прокопия и Агафия см. A. Müller. Das Heer Justinians (nach Procop und Agathias). — «Philologus», LXXI, 1912, S. 101—138.

³⁸ Agath., Hist., II, 30.

³⁹ I. Straub. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Diss. Berlin, 1938.

⁴⁰ Agath., Hist., II, 30; V, 20.

⁴¹ Ibid., IV, 7.

кость и правосудие. Для правителей и их приближенных особенно опасны заносчивость и зависть. Гордыня губит не только государей, но и тех, кто им угождает. Зависть и вражда — самые ужасные пороки, уничтожающие все лучшее на свете ⁴². Большой ущерб государству наносится и тогда, когда правители не награждают лучшие умы как за их военные подвиги и мирные деяния, так и за их личные дарования ⁴³.

Классической моделью наилучшего государственного устройства, как признает Агафий, служит государство Платона, где «философия и царство объединяются в одно целое» ⁴⁴.

Агафий очень высоко ставит труд ученого. Он особо подчеркивает, что царский двор, обстановка лести, окружающая престол царей, отнюдь не способствуют занятию науками, и ученым надлежит искать покоя и уединения ⁴⁵. Превыше всего Агафий ценит античную науку и особенно философию. По его мнению, это вершина человеческой мысли. Агафий вселячески прославляет греческих философов, бежавших после закрытия Юстинианом Афинской философской школы в Иран; по его мнению, это великие мудрецы, цвет философов, а их мудрость основана на изучении античных образцов ⁴⁶.

Агафий, однако, восхваляет не только ученых прошлого, но и своих современников. Такие великие ученые VI в., как Анфимий из Тралл, по его словам, заслуживают бессмертной славы ⁴⁷. Ученые, писатели, художники нужны государству не менее, чем полководцы. Яркий защитник истинной науки и подлинного вдохновенного искусства, Агафий жалуется на то, что правители государства часто недооценивают исключительной роли ученых и художников. Со всем пылом личной страстной убежденности он обрушивается на лженауку и ядовито высмеивает лжемудрецов, подобных Уранию ⁴⁸.

В прославлении Агафием значения науки и высокой миссии ученого в государственной жизни нашли свое выражение политические настроения образованной части византийского общества, воспитанного во многом на традициях античной цивилизации. Вместе с тем панегирик Агафия в честь истинной науки окрашен в столь ярко полемические тона, что показывает личную заинтересованность автора в этом вопросе и озабоченность его судьбами интеллигенции в византийском государстве.

По своим социально-политическим взглядам Агафий несколько более демократичен, чем Прокопий. У Прокопия никогда не встретишь осуждения поведения высшей знати как социальной группировки, а можно найти лишь критику отдельных приверженцев правительства Юстиниана. У Агафия, наоборот, открыто звучит порицание разбогатевшей знати (динатов) как определенной социальной категории. Он откровенно осуждает позорные деяния константинопольской знати. Лишь великий страх «божьей кары» в связи с разрушительным землетрясением, постигшим столицу, заставил богачей временно вернуться на стезю добродетели. Но как только страх прошел, динаты перестали совершать добрые дела и возвратились к прежнему, далеко не праведному образу жизни ⁴⁹.

Агафий сообщает о ненависти народа к знатному вельможе Анатолию, порожденной его несправедливыми делами и захватом чужой собственно

⁴² Ibid., V, 20.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid., II, 30.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibid., II, 30. Такие ученые, как Дамаский-сириец, Симплиций-киликянин, Евлакий-фригиец, Прискиан-лидиец, Гермий и Диоген, финикияне, Исидор из Газы, представляли, как говорит Агафий, выражаясь поэтическим языком, «цвет и вершину всех занимающихся философией в наше время» (ibid., II, 30).

⁴⁷ Ibid., V, 6—9.

⁴⁸ Ibid., II, 29—32.

⁴⁹ Ibid., V, 5.

сти. «Но были и другие очень многие в городе, ему подобные, даже более несправедливые...» — добавляет при этом историк ⁵⁰.

В другом месте своего исторического повествования Агафий поднимается до обобщения социального характера, указывая, что у персов богатые притесняли бедных ⁵¹.

Агафий, почти так же, как Прокопий, высокомерен по отношению к народным массам. Однако это презрение не аристократа по крови, по рождению, а аристократа духа, заносчивость человека образованного перед простой, невежественной толпой, которая неспособна к «высокому творчеству» и удел которой — суеверие и темнота. Толпа, по словам Агафия, склонна верить всяким нелепым предсказаниям обманщиков-прорицателей, особенно в годину народных бедствий ⁵². «Чернь» всегда легковерна и быстро возбудима, что зачастую приводит к мятежам. Агафий резко выступает против народных восстаний, волнений, связанных с борьбой цирковых партий. Он полагает, что цирковые ристания и увлечение борьбой «цветов» развращают юношество. Агафий предлагает изменить воспитание молодежи: по его мнению, для юношей необходимо идти на военную службу, воспитывать в себе доблесть и мужество, а не растрачивать попусту силы в конных ристаниях, в борьбе димов и партий цирка ⁵³. Историк осуждает Юстиниана за то, что в его правление «...Большая часть средств, предназначенных для войска, разбрасывалась бесцельным женщинам, возницам цирка и людям, мало пригодным для полезных дел, но зато преданным удовольствиям, занимающимся с каким-то безумным усердием и дерзостью только внутренними смутами и цирковыми спорами...» ⁵⁴.

По мнению Агафия, «...Толпа не привыкла здраво взвешивать, и она легко впадает в праздность и обо всем судит по тому, что ей приятно и желательно» ⁵⁵. Народу, толпе Агафий всегда противопоставляет избранных людей. Но это не то противопоставление украшенной знатностью и богатством родовитой аристократии безродному и нищему демосу, какое встречается у Прокопия. Это возвеличивание над толпой людей, выдающихся своими личными талантами и другими высокими человеческими качествами — мудростью, справедливостью, доблестью. Это высокомерное противопоставление ума и таланта — невежеству и легковерию.

Агафий порицает правительство за недооценку заслуг талантливых людей, говорит о зависти правителей к выдающимся личностям ⁵⁶.

В этом звучит и ндивидуализм Агафия, его неверие в творческие возможности народа. Он поднимает высоко над народом философов, поэтов, художников как избранную касту аристократов мысли и духа. Подобное противопоставление народа и интеллигенции, так свойственное античному миру, нашло отражение и в мировоззрении Агафия.

Агафий, однако, значительно в меньшей степени, чем Прокопий, склонен к консерватизму как в политике, так и в искусстве. Агафий считает, что в политических делах лучше придерживаться старого порядка вещей, но иногда необходимо маневрировать, приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствами и в случае нужды не цепляться за старое, а переходить к новому. «Когда же случается то, чем нельзя пренебрегать и что не подобает отбрасывать, то преступником оказыва-

⁵⁰ A g a t h., Hist., II, 30.

⁵¹ Ibid., V, 4.

⁵² Ibid., V, 5.

⁵³ A g a t h., Hist., V, 21. Хочется отметить, что за последнее время вновь возрос интерес ученых к проблеме борьбы димов и цирковых партий в Византии. Американский ученый Сп. Врионис сделал попытку сближения народных организаций в византийских и арабских городах в период возникновения ислама (Sp. V r i o n i s. Byzantine Circus Factions and Islamic Fātūwwa Organizations. — BZ, 58, 1, 1965, S. 46—60.

⁵⁴ A g a t h., Hist., V, 14.

⁵⁵ Ibid., II, 11.

⁵⁶ Ibid., V, 20.

ется скорее тот, кто держится за старое и в этом упорствует, чем тот, кто переходит к новому»⁵⁷.

Но определить, надо ли держаться за старое или переходить к новому, могут только мудрые правители, а отнюдь не народные массы. Склонность же черни к каким-либо новшествам не встречает поддержки у Агафия, более того, он сетует на то, что «... вообще свойственно и врожденно толпе стремиться к новизне и радоваться переменам»⁵⁸.

Таким образом, Агафий не сторонник консервативной политики во что бы то ни стало, но считает, что проведение реформ является прерогативой лишь мудрых правителей, действующих на благо государства.

По своим философским взглядам Агафий не примыкал к какой-либо определенной школе античной философии. Как и Прокопий, Агафий испытал на себе влияние и учения Платона⁵⁹ и идей философов-скептиков⁶⁰. Агафий хорошо знал и ценил Аристотеля и многих других греческих философов. В философском миропонимании Агафия, как и у Прокопия, имеются некоторые черты агностицизма. Агафий считает, что человеку не дано в этом мире познать до конца сущность вещей⁶¹. Это распространяется как на явления природы, так и в первую очередь на познание божества. Субстанция божества непостижима разумом человека. О божестве, по мнению Агафия, можно «знать только то, что оно непознаваемо»⁶². Как и Прокопий, Агафий высмеивает пустые споры «черни», необразованных людей о природе божества. Но агностицизм у Агафия менее ярко выражен, чем у Прокопия. По мнению Агафия, человек обязан изучать явления природы, хотя познать до конца их и невозможно, ибо все создано божественным разумом и высшей волей⁶³.

У Агафия чувствуется явное тяготение к пантеизму. Если Прокопий—фаталист, верит в безусловную и грозную силу рока, божества, которое слепо, капризно действует по неведомому произволу и намерению которого не могут быть разгаданы людьми, то Агафий более оптимистичен. Верховное божество — «высшее благо» по Агафию, обладает совершенным знанием, абсолютным разумом, волей, и хотя его деятельность непостижима для смертного, она — разумна и целесообразна⁶⁴. Агафий признает, что воля божества проникает во все сферы человеческой жизни, пронизывает всю окружающую человека природу. В большинстве случаев «божественный промысел» справедлив к человеку. Так, кара верховного правосудия постигает людей за совершенное ими зло. Он признает, что поражения в войнах, которые терпят люди, большей частью являются результатом их собственной «неправды», их дурных поступков. Агафий приводит многочисленные примеры этому⁶⁵.

⁵⁷ Ibid., III, 10.

⁵⁸ Ibid., III, 11.

⁵⁹ Ibid., V, 4.

⁶⁰ Ibid., II, 29.

⁶¹ Ibid., II, 15.

⁶² Ibid., II, 29.

⁶³ Ibid., II, 15. «... Каким образом можно до конца познать неизвестное и превышающее наше понимание? Пусть будет достаточно для нас знать только то, что все создано божественным разумом и высшей волей. Наблюдение же и изучение разумом (человеческим. — З. У.) начала и движения природы и причины отдельных явлений нельзя считать бесполезным и бесплодным. Думать же и уверять себя, что можно постигнуть сущность вещей, было бы самоуверенностью и невежеством, вдвое более пагубным, чем незнание».

⁶⁴ Ibid., I, 1.

⁶⁵ Так, например, в греко-персидских войнах греки сражались за свободу и победили, а Ксеркс хотел поработить тех, кто не нанес ему никакой обиды, и потерпел поражение (A g a t h., Hist., II, 10). Такой же приговор высшего суда был вынесен грекам во время их несправедливой Сицилийской экспедиции (ibidem) и Левтарису и Бутилину за их вторжение в Италию (ibid., II, 9; II, 3). Византийские войска потерпели поражение в Лазике в наказание за коварное убийство царя лазов Губаза (ibid., III, 8) и многое другое.

Вместе с тем Агафий принужден признать, что божественное возмездие все же далеко не всегда наказывает истинных грешников и многие из них при жизни ускользают от заслуженной кары ⁶⁶.

Историка постоянно волнует «вечный» и неразрешимый вопрос о воздаянии человеку после смерти за его греховную или праведную жизнь. Порою он склоняется к учению Платона, что более несчастлив тот, кто умрет, не искупив грехов насильственной смертью или другой карой. Они уйдут из жизни, «как рабы, заклеянные клеймом преступлений, прежде чем те будут искуплены» ⁶⁷. Долгая и беззаботная жизнь — еще не доказательство справедливости человека, а жестокая смерть — не подтверждение его пороков. Агафий считает желательным, чтобы в дидактических целях это учение Платона было внедрено в души людей. Вместе с тем Агафий не верит в возможность при жизни человека до конца разрешить этот вопрос. «Но истинным образом, — пишет автор, — мы узнаем, каково воздаяние и награда за эту жизнь, когда придем туда» ⁶⁸⁻⁷⁰.

В отличие от Прокопия, Агафий более склонен к философскому рационализму. Он признает силу человеческого разума и высоко ее ценит. Труд его пестрит сентенциями о значении разума в жизни человека и общества. Разум, а не физическая сила, дарует человеку победу над врагами ⁷¹. «Несчастья, происходящие от какой-либо случайности или ошибки, могут быть исправлены правильным решением разума, которое помогает приспособиться к обстоятельствам и исправлять ошибки» ⁷². Действия, лишённые благоразумия, не храбрость, а безрассудство ⁷³. Обдумывание дела не показатель нерешительности, а свидетельство достоинства и уверенности ⁷⁴. «Благоразумие, — заключает автор, — безусловное и неоспоримое благо» ⁷⁵, «Ибо свойство безрассудных — постоянно волноваться и терзаться прошедшим. Свойство же мужей мудрых — изучать неожиданности судьбы, не смущаться внезапными переменами, с тем чтобы, лишившись чего-либо в прошлом, не утратить надежду на будущее» ⁷⁶⁻⁷⁷.

Агафий фактически выступает против слепого фатализма, беспощадно высмеивает суеверие толпы, хотя и соглашается с тем, что в мире существует высшая трансцендентная необходимость. Появляющихся в годину народных бедствий гадателей, толкователей снов и прорицателей Агафий называет обманщиками, их предсказания о конце мира сеют в народе панику и вредны для общества. Агафий призывает наказывать за святотатство подобных толкователей снов «... не оставляющих для бога никакого более глубокого знания будущего» ⁷⁸.

Агафий выдвигает важный тезис о свободе человеческой воли, которая может и должна сыграть известную роль в истории человечества. Так, рассказывая о неизбежности войн в мировой истории, Агафий приходит к выводу, что «...причиной войн, полагаю, не являются, как говорят многие, движение звезд или судьба и противный разуму рок. Если бы предначертанное судьбой торжествовало во всем, то была бы отнята у людей свободная воля и право выбора и мы считали бы напрасными и бесполезными всякое наставление, искусства и обучение: оказались бы пустыми и бесплодными надежды людей, ведущих достойный образ жизни» ⁷⁹.

⁶⁶ A g a t h., Hist., V, 3—4.

⁶⁷ Ibid., V, 4.

⁶⁸⁻⁷⁰ Ibid., V, 4.

⁷¹ Ibid., V, 17.

⁷² Ibidem.

⁷³ Ibid., V, 18.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶⁻⁷⁷ Ibid., III, 11.

⁷⁸ Ibid., V, 5. Cp. *ibid.*, V, 10.

⁷⁹ Ibid., I, 1.

В вопросах этики, морали, нравственности Агафий значительно оптимистичнее своего прославленного предшественника Прокопия. В отличие от последнего, Агафий видит в человеческой природе не только одни дурные черты, но и хорошие ее проявления — доброту, милосердие, честность, мужество, благородство. Правда, как и его младший современник историк Менаандр, Агафий признает относительность моральных норм⁸⁰.

Агафий осуждает и не скрывает отрицательные стороны человеческой природы. Он подчеркивает, что люди сами большей частью не замечают своих пороков, и в связи с этим «тех, кто похож на нас, мы любим, а кто нас превосходит — чуждаемся»⁸¹.

Агафий порицает лукавые и лживые нравы византийцев, их стремление обмануть легковверные варварские народы, трусость византийских воинов. Так, например, он возмущается бессмысленной жестокостью византийских солдат, беспощадно, без всякой нужды, перебивших невинных женщин и детей из побежденного ими племени мисимиян⁸².

Вместе с тем как поэтическое творчество Агафия, так и его исторический труд проникнуты светлым, жизнеутверждающим античным мирозерцанием.

Более оптимистическое, чем у Прокопия, восприятие жизни, преклонение перед ее земными радостями, воспевание земной красоты, природы, поэзии, любви к женщинам, вину и веселью — вот жизненное кредо Агафия-поэта, которое в известной степени отразилось и в его историческом произведении⁸³. И здесь можно почувствовать стремление автора уйти от тягот жизни и пороков современного общества или в прекрасный мир красоты и радости, или подняться к сверкающим вершинам чистой науки. Агафий внутренне против аскетизма, умерщвления плоти.

Античная философия и античное мирозерцание помогают Агафию преодолеть свойственный человеку страх смерти, но не через христианское учение о бессмертии души, а через наслаждения земной жизнью. Отсюда его холодное отношение к аскетическим идеалам и презрение ко всякого рода суевериям.

Исторический труд Агафия, так же как и сочинения Прокопия и других византийских авторов VI в., полон античных реминисценций. Агафий, пожалуй, даже более, чем Прокопий, начитан в классической литературе. Агафий хорошо знает и глубоко почитает многих античных писателей, как греческих, так и латинских.

В этом отношении можно согласиться с оценкой Агафия как кабинетного ученого, в противовес Прокопию — политику⁸⁴.

Вместе с тем, ценя античные культурные традиции, сам Агафий предостерегает своих собратьев по перу от излишнего увлечения античными мифами и от легковверного отношения к ним. Так, например, приведя в своем труде легенду о соревновании Аполлона и Марсия, Агафий делает вывод, что подобные рассказы не что иное, как сказки — забава поэтов, не таящие в себе ничего ценного и правдоподобного для ученого-историка⁸⁵.

⁸⁰ М. В. Левченко. Византийский историк Агафий и его мировоззрение..., стр. 189; H. D e r e l e r. Die moralische Geschichtsauffassung der Römer. — «Gymnasium» 61 (1954).

⁸¹ A g a t h., Hist., II, 32.

⁸² Ibid., IV, 19. «Было захвачено, — пишет Агафий, — много блуждающих детей, ищущих своих матерей. Из них одних умерщвляли, жестоко разбивая о камни. Другие же, как бы для забавы подбрасываемые высоко и затем падающие вниз, принимались на подставленные копы и прозались ими в воздухе» (ibid., IV, 19).

⁸³ М. В. Левченко. Византийский историк Агафий и его мировоззрение..., стр. 184—187. Cp. F. D ö g l e r. Die byzantinische Dichtung in der Reinsprache. Berlin, 1948.

⁸⁴ М. В. Левченко. Византийский историк Агафий и его мировоззрение..., стр. 189.

⁸⁵ A g a t h., Hist., IV, 23.

Для добросовестного историка необходимо прежде всего правильно наблюдать жизнь и изучать древнейшие события, а не увлекаться поэтическими вымыслами. Агафий при этом упоминает поэта Нонна из Египта, который излишне доверял древним мифам. Современные Агафию поэты, сетует автор, рабски подражают древним и без критической проверки повторяют их легенды ⁸⁶.

Приверженность к античной культуре, естественно, наложила свой отпечаток и на религиозные взгляды Агафия. На религиозные представления Агафия, думается, оказала влияние неоплатоническая философия. В его историческом сочинении встречаются упоминания о верховном божестве как высшем благе, искореняющем зло, близкие к неоплатоническим представлениям о божестве ⁸⁷. Агафий наделяет бога высшим разумом и знанием будущего ⁸⁸. Агафий готов принять учение Платона о воздаянии людям за их дела. Он даже ратует за распространение этого учения ⁸⁹.

Но вместе с тем у нас нет данных о явных или тайных симпатиях Агафия к языческой эллино-римской религии. Историк всегда четко противопоставляет христианству языческую религию эллинов ⁹⁰, зороастризм и учение магов ⁹¹, а также примитивные языческие верования варваров ⁹². Агафий отнюдь не поклонник языческого культа и порицает обрядность не только варваров, но и эллинов, особенно кровавые жертвоприношения. «Не знаю, — пишет автор, — можно ли словами прекратить безумие и жестокость жертвоприношений, совершаемых в священных рощах, как это делается у варваров, или в честь тех богов, каких хочет иметь обрядность эллинов» ⁹³. Вызывают отвращение Агафия и жестокие религиозные обычаи персов ⁹⁴.

Агафий дает глубокое толкование правой христианской веры, которая должна выражаться отнюдь не во временных проявлениях благочестия и благотворительности, а в постоянной добродетели.

Во время землетрясения, по рассказу Агафия, жители столицы, охваченные ужасом, предались постоянным молениям в храмах, а «начальники, отказавшись от наживы, судили по законам, и прочие динаты, живя скромно и тихо, придерживались правды и справедливости и воздерживались от позорных деяний» ⁹⁵. Некоторые из них обратились к жизни анахоретов, другие занялись благотворительностью, делая богатые пожертвования храмам и в пользу бедных. Но как только страх прошел и бедствие окончилось, богачи вновь зажили неправедной жизнью. Автор подобные действия динатов называет позорным торгом и обманом с целью избежать грозящей беды, а не истинной справедливостью и благочестием, «которое обычно создается правой верой» ⁹⁶.

Агафий осуждает осквернение христианских храмов и святынь и верит в божью кару за святотатство ⁹⁷ и безбожие ⁹⁸. Агафий верит и в бо-

⁸⁶ Agath., Hist., IV, 23. О творчестве Нонна и других поэтов этого времени см. A. Cameron. Wandering Poets: A Literary Movement in Byzantine Egypt. — «Historia», XIV. Bd., Heft 4, 1965, p. 470—509.

⁸⁷ Ibid., I, 1.

⁸⁸ Ibid., V, 5.

⁸⁹ Ibid., V, 4.

⁹⁰ Ibid., I, 7; II, 25.

⁹¹ Ibid., I, 7; II, 24.

⁹² Ibid., I, 7.

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ Ibid., I, 7; II, 23—24.

⁹⁵ Ibid., V, 5.

⁹⁶ Ibidem.

⁹⁷ Ibid., II, 1.

⁹⁸ Ibid., II, 6.

жественную помощь в награду за благочестие и добрые дела⁹⁹, а также в наказание «божественного промысла» за преступления¹⁰⁰.

Историк с уважением относится к христианским храмам¹⁰¹, особенно восхваляет блеск и красоту св. Софии¹⁰², с почтением отзываясь о благочестии монахов¹⁰³, подчеркивает святость церковных убежищ и веру в их спасительную силу среди простого народа¹⁰⁴.

Агафий считает, что «самое нечестивое дело отказаться от истинной религии и священных тайн»¹⁰⁵. Он признает христианство сильным оружием в руках византийского правительства для расширения влияния Византийской империи на соседние языческие варварские народы. Так, Агафий весьма положительно относится к принятию христианства франками. Он хвалит франков за их приверженность к христианской религии и считает, что христианство должно распространиться и на язычников-аллеманов¹⁰⁶.

Вместе с тем Агафий, горячий сторонник политики полной веротерпимости. Христианство должно распространяться отнюдь не силой, а только лишь убеждением¹⁰⁷.

Осуждая языческие жертвоприношения и другие кровавые обряды аллеманнов, автор, однако, подчеркивает, что «...Безрассудство и безумие подобных верований, я полагаю, сознается даже теми, кто их придерживается, если только они не совершенно глупы, и легко может быть устранено. Уклоняющиеся от истины заслуживают скорее сострадания, чем гнева»¹⁰⁸.

Агафий решительно выступает против не только насильственного обращения варваров в христианство, но и против всяческих гонений на еретиков и язычников. Тем самым Агафий предстает перед нами смелым противником какой-либо религиозной нетерпимости и исключительности. Он признает, что нет прочного товарищества между теми, кто придерживается различных религиозных верований. «При отсутствии застрачивания и выгоды постоянная и прочная верность сохраняется только при согласии взглядов»¹⁰⁹. Тем самым Агафий показывает свое уважение к религиозным верованиям людей, к их искренним религиозным убеждениям, к их твердости в отстаивании своей веры. Отнюдь нельзя, по мнению Агафия, принуждать кого-либо вопреки его совести принимать чуждые ему религиозные воззрения¹¹⁰. Агафий, хотя и осуждает противостоящие христианству религии, в частности религию персов, но одновременно пытается найти объяснение возникновения подобных верований в исторических условиях жизни персов, в частых завоеваниях, династических переворотах и т. п.¹¹¹ Таким образом, он не просто отбрасывает прочь иные религии, не обрушивается на них с одними лишь нападками, а пытается исторически, научно осмыслить причины появления той или иной религиозной системы.

⁹⁹ Ibid., V, 17.

¹⁰⁰ Ibid., III, 8.

¹⁰¹ Ibid., II, 4; III, 5; V, 14.

¹⁰² Ibid., V, 9. См. А. М. Самерон. Procopius and the Church of St. Sophie. — «Harvard Theological Review», 58 (1965), p. 161—163.

¹⁰³ A g a t h., Hist., V, 13.

¹⁰⁴ Ibid., V, 3.

¹⁰⁵ Ibid., III, 12.

¹⁰⁶ Ibid., I, 7.

¹⁰⁷ Ibidem.

¹⁰⁸ Ibid., I, 7. «Не добровольно они ошибаются, — продолжает автор, — и впадают [в нечестие], но стремясь к добру, а затем, введенные в заблуждение какой-нибудь идеей, упорно держатся усвоенных взглядов, какого бы рода они ни были?» Далее Агафий осуждает не только кровавые обычаи варваров, но и подобные же жертвоприношения, связанные с религией эллинов (ibid., I, 7).

¹⁰⁹ Ibid., III, 12; ср. ibid., II, 18.

¹¹⁰ Ibid., II, 30.

¹¹¹ Ibid., II, 23—25.

Итак, в религиозных взглядах Агафия отразилась известная двойственность его мировоззрения. Агафий был христианин, но прочно впитавший античное мироощущение, сохранивший многие представления греческой философии, особенно неоплатонизма ¹¹². Это отнюдь не противоречило настроениям образованной интеллигенции, которая стремилась и в то время весьма активно поставить неоплатонизм на службу христианству.

Вместе с тем религиозные воззрения Агафия отличаются широкой веротерпимостью, далеки от христианской исключительности и фанатизма. Ему чужды христианское благочестие, религиозная экзальтация церковных авторов, он очень далек от догматических споров и церковных вопросов.

Для мировоззрения Агафия весьма показательным его вдумчивое и проникнутое чувством собственного достоинства отношение к варварскому миру ¹¹³. Агафию чужда римская исключительность. В отличие от Прокопия, Агафий относится к варварам с гораздо большей доброжелательностью, у него нет того презрения истого римлянина к грубым варварам, какое сквозит в трудах Прокопия. Он значительно более, чем Прокопий, терпим к соседним с империей племенам и народам.

Так, например, Агафий хотя и осуждает нравы персов, но признает их право следовать своим обычаям ¹¹⁴. Он проявляет большую широту взглядов, не всегда свойственную даже античным писателям, признавая, что люди всегда могут найти оправдание своим нравам и законам и имеют право считать их лучшими, чем у других народов ¹¹⁵. Тем самым Агафий поднимается над узкой римской замкнутостью, над римским «национализмом» до общечеловеческого понимания особенностей образа жизни различных народов.

Агафий без какой-либо недоброжелательности говорит о могуществе и высокой культуре лавов. Он пишет: «Лавы — народ очень многочисленный и воинственный. Они властвуют над многими другими племенами. Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают, и, может быть, не совсем без основания. Среди народов, находящихся под чужой властью, я не видел никакого другого, столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благопристойностью и прямою нравов» ¹¹⁶.

В противовес Прокопию, Агафий порою даже идеализирует образ жизни некоторых варварских народов. Особенно ярко это проявляется при описании нравов и обычаев франков. В историческом сочинении Агафия дается интереснейший экскурс об общественном строе франков, написанный во многом в том же духе, как знаменитая «Германия» Тацита ¹¹⁷. Агафий положительно оценивает общественные отношения у франков, подобно тому как некогда это же делал Тацит в отношении древних германцев. Мне думается, что Агафий восхваляет социально-политический строй франков с той же политической и дидактической целью, как и Та-

¹¹² Любопытно, что Агафий достаточно благожелателен к императору Юлиану Отступнику и резко осуждает его преемника Иовиана (A g a t h., Hist., IV, 25); A. M. S a m e r o n. Agathias and Cedrenus on Julian. — «The Journal of Roman Studies», 53 (1963), p. 91—94; G. D a w n e y. Julian and Justinian and the Unity of Faith and Culture. — «Church History», 28 (1959).

¹¹³ P. C o u r c e l l e. Histoire littéraire des grandes invasions germanique. Paris, Études Augustiniennes, 1964.

¹¹⁴ A g a t h., Hist., II, 23.

¹¹⁵ Ibidem. Агафий достаточно терпим к религии персов, но осуждает их за кровосмесительные браки и обычай похорон, когда покойников оставляли на растерзание диким зверям и птицам (ibid., II, 23—25).

¹¹⁶ Ibid., III, 5.

¹¹⁷ K. C h r i s t. Germanendarstellung und Zeitverständnis bei Tacitus. — «Historia», XIV. Bd., Heft 1 (1965), S. 62—74.

цит, чтобы похвала варварам звучала как порицание пороков современного автору византийского общества.

Так, Агафий, утверждает, что франки весьма благопристойны и культурны и ничем не отличаются от византийцев, кроме варварской одежды и языка. Но вместе с тем Агафий (конечно, совершенно ошибочно) стремится доказать, что у франкских племен царит единство и внутренний мир¹¹⁸, чего как раз так недостает Византийской империи.

Агафий рисует поверхностную, тенденциозную картину внутренних взаимоотношений в государстве франков, столь противоречащую тому, что мы знаем о них из труда Григория Турского и других западных хронистов. Он с похвалой отзываясь об обычаях т. наз. мартовских полей у франков, восхищается дружескими отношениями между братьями — правителями франков, которые по мирному соглашению делят между собой страну и якобы не стремятся к высшей власти. В общественном строе этих варваров Агафию особенно импонируют следующие явления: подданные франкских королей, по Агафию, склонны к справедливости и любят свою родину, а вожди в нужных случаях благожелательны и доступны убеждению. В государстве якобы царит справедливость и согласие, что делает его неуязвимым для внешних врагов. Споры решаются больше на основании права, а не силы. Несмотря на то, что государство делится между двумя или даже тремя правителями, они не начинают между собой войн и «не оскверняют отечество кровью сограждан»¹¹⁹. Идиллия, нарисованная Агафием, скорее показатель политических настроений автора, чем действительного положения вещей у франков. Историк хочет определить, чего недостает в общественной жизни Византии и чему византийцы могут поучиться у варваров.

Агафий призывает византийское правительство поддерживать дружеские, добрососедские отношения с другими народами и осуждает ошибки правителей в политике по отношению к соседям империи и ее вассалам, в частности по отношению к лазам. «Когда нависла столь тяжелая война, благоразумным людям свойственно привлекать к себе гуманностью чужестранные и еще не знакомые народы. Эти же (византийские правители Лазики. — З. У.) приложили все усилия к тому, чтобы вооружить против римлян даже те народы, которые уже давно связаны с ними самыми тесными узами»¹²⁰.

Таким образом, религиозная толерантность соединяется у Агафия с известной терпимостью и к варварским народам, окружавшим Византию.

Заканчивая рассмотрение труда Агафия, мы можем прийти к заключению, что по своим социально-политическим взглядам Агафий был более умеренным консерваторм, чем Прокопий, он хотя и был приверженцем античности, но допускал и новшества; он был более сдержан в критике существующего строя и скорее порицал дурных правителей вообще, чем правление Юстиниана в частности, отражая в этом отношении политические симпатии и антипатии образованных кругов — интеллигенции Византии. В мировоззрении Агафия сочетались черты античного восприятия мира, греко-римской философии с христианской идеологией. Однако широкая веротерпимость, отсутствие христианского благочестия и христианской концепции исторического процесса, а также интереса к догматическим и церковным сюжетам резко отличают Агафия от церковных писателей его времени. По своей философии истории, по методу и характеру исторического повествования, по общему стилю и насыщенности античными реминисценциями историческое сочинение Агафия еще близко стоит к античным авторам и является как бы знаменем переходной эпохи, в которую жил его автор.

¹¹⁸ A g a t h., Hist., I, 2.

¹¹⁹ Ibid., I, 2—3.

¹²⁰ Ibid., IV, 6.

Н. Н. КЕЧАКМАДЗЕ

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВИЗАНТИИ В XI в.

Византистика пока еще не обладает знанием фактического материала в достаточной мере для того, чтобы исследователь смог дать вполне ясную характеристику исторической обстановки, обусловившей появление оригинального учения Иоанна Итала. Мы еще не можем отчетливо представить себе главные причины возникновения этого учения. В таком же или в еще более беспомощном положении окажется тот, кто попытается проследить дальнейшие судьбы теорий Итала, выявить влияние его идей на мыслителей последующих столетий. В данное время мы в состоянии установить только некоторые моменты учения Итала, исходя главным образом из содержания его трактатов. Эти трактаты касаются разных тем, в основном философских; в них освещены и вопросы логики, грамматики, теологии, медицины, астрономии.

Но и тут ученый сталкивается с большими трудностями, иногда непреодолимыми. Почти все произведения Итала представляют собой записи лекций, читанных философом в Константинопольском университете. Записи эти сделаны не только профессором, но и его ассистентами, учениками; встречаются и посмертные записи. Так, в нескольких местах произведений мы находим выражения: «Как передает наш великий учитель; так сказал Иоанн Итал, наш учитель».

Но трудность заключается не только в том, что ученики Итала могли внести в трактаты свои исправления и добавления. Часто невозможно отделить мысли философа от мнений ученых прежних эпох: ведь он читал курс истории философии и, рассуждая о родах и видах, добродетели и космогонии, причинах и следствиях и о многом другом, излагал взгляды древних ученых, но не забывал и о собственной точке зрения. Нередко при этом он не подчеркивал особо своих взглядов, надеясь на догадливость современного ему слушателя. В таких случаях указать грань, где кончается изложение чужого мнения и где следует видеть собственные мысли нашего философа, довольно трудно, вполне возможно приписать Италу чуждую для него теорию. Немало здесь встречается противоречивых и путаных рассуждений, сложных и непонятных из-за наличия разного рода наслоений.

Тем не менее, несмотря на все эти трудности, все-таки можно хотя бы частично выделить то, что непосредственно принадлежит нашему философу; а также идеи, которых он придерживается.

При близком знакомстве с сочинениями Итала читатель выносит впечатление о ясности мысли философа, свободного от всяких предрассудков, осуществляющего чисто научный подход к исследуемым вопросам. Итал четко отличает философию от всего другого; он не признает прав и

притязаний теологии, не ограничивает себя требованиями господствующих взглядов на вещи, завоевывая уважение читателя отсутствием лицемерия и низкопоклонства перед всемогущим авторитетом церкви и правителей государства.

Такая смелость говорит о гражданской порядочности и мужестве.

Уже Михаил Пселл, не будучи таким принципиальным и мужественным человеком, как Итал, и отличавшийся ловкостью и изворотливостью придворного чиновника, «отделил философию от теологии и требовал от нее строгой доказательности»¹. Несмотря на всю ничтожность своего характера, этот государственный деятель, обладая всесторонними энциклопедическими знаниями, «исследовал природу всего сущего и стремился доказать свои положения так, как это делает математика»². Но Пселл считал богословие более высоким видом философии. По его мнению, оно с одной стороны опирается на доказательство, а с другой — основывается на вдохновении свыше. Поскольку и богословы стремятся обосновать свое учение, они не могут пренебрегать силлогизмами. «Я, — говорит Пселл, — не презирал силлогизма, так как хотел видеть господя ясно. Силлогизм есть лишь орган истины и не включает в себе ничего противного церкви»³.

Совершенно по-другому обстоит дело у Итала. Итал кое-где касается богословских вопросов, но и их он исследует в соответствии со строго научным методом, с последовательностью настоящего ученого. Он чужд всякой мистике и не признает мистический экстаз как способ постижения единого. Существует лишь знание фактов и понятий и логическое рассуждение о них, будь то вопрос о воскресении и вечности мира (88 трактат) или чисто философский вопрос о природе материи и движении, о форме, о родах и видах и пр. Вальденберг отмечает, что Итал часто обращается к Аристотелю. Ему чужда интуитивность, и сочинения его носят вполне трезвый характер. Никогда не делает он и ссылок на писание⁴.

Итал не признает аргументацию, основанную на церковных авторитетах. Примером этого является седьмой трактат, где он, рассуждая «о самосущей сущности», которая для утверждения своего бытия ни в чем другом кроме себя не нуждается, произносит знаменитые слова: «Следует считаться с принятым у греков мнением, так как они являются учителями этой науки, и подобные вопросы следует решать согласно взглядам греков, хотя бы они и противоречили церковным догматам».

В другом месте, в комментариях к *Τὰ τοπικά* Аристотеля, рассуждая о топосах в доказательстве случайного признака и говоря о топосах сравнения, комментатор перечисляет разные моральные качества, сравнивает их и отдает предпочтение лучшим из них, таким, например, как: хорошее действие лучше доброго существования; общественные интересы следует ставить выше частных, ибо «общее связывает, частное же разрушает города»; быть объектом несправедливости лучше, чем причинять несправедливость; славная смерть лучше позорного спасения; справедливая бедность лучше несправедливого богатства. Мы с большей убедительностью доказываем, утверждает он, что добродетель лучше счастья и знание лучше истинной веры (*ἐπιστήμη γὰρ ὀρθῆς δόξης αἰρετωτέραν*).

Последнее положение является самой главной мыслью Итала. При всяком удобном случае он и прямо и косвенно проводит эту главную идею,

¹ В. Вальденберг. Философские взгляды М. Пселла. — «Византийский сборник». М., 1945, стр. 252 и сл.

² Там же, стр. 253.

³ Н. G. В е с к. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 538; Н. W. Н а u s s i g. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 490.

⁴ В. Вальденберг. Указ. соч., стр. 254. См. также P. I o n n o u. Die Definition des Seins bei Eustratios von Hikaia. — BZ, 47, H. 2, 1954, S. 373.

составляющую основной смысл его деятельности. Он везде и всюду старается дойти до сути вещей при помощи силлогизмов и диалектики, без ссылок на священные книги, без учета раз принятых догматов⁵. Итал пытается вскрыть положительные и противоречивые стороны исследуемых явлений. Приведем лишь один пример этого: в начале трактата «О затмении солнца» (51 трактат) автор, как мы полагаем, только ради приличия, говорит, что «причиной затмения солнца, как и причиной других явлений, считается бог, [причем] причиной не непосредственной, а опосредствованной другими, от него возникшими силами». После этого вступления автор отбрасывает в сторону мысль о боге и объективно излагает подлинные причины, приводя вполне научные доказательства для объяснения этого явления: «Причиной затмения солнца является встреча с луной, которая превращается в спутника солнца и затемняет его. Тут перед нашими глазами появляется темнота, и для нас становится невозможным обозреть всю массу солнца. Таково затмение солнца, и мудрейшие полагают, что оно так случается».

Предпочтение, отдаваемое человеческому разуму перед верой, свидетельствует о высоком уровне образованности некоторых ученых в Византии. И в этом отношении Итал не является исключением. Константинополь был крупнейшим центром культуры. Высшая школа византийской столицы оказывала влияние на развитие науки многих стран. Со всех концов мира молодежь стекалась туда, привлеченная жаждой знаний. Во времена Пселла и Итала науки в столице процветали. Получив образование в университете, молодые люди возвращались в свои страны, где способствовали росту образованности. Этот путь был пройден и талантливым учеником Итала, Иоанном Петрици.

Средоточием образованности были города, там и появились рационалистические идеи. В XI в. представители императорской династии Дук были меценатами и способствовали процветанию высшей школы, получившей новое направление под руководством талантливого энциклопедиста Михаила Пселла. Расширение образованности и общее повышение уровня науки привело не только к созданию университета, но и к составлению многочисленных энциклопедий и сборников разнообразного содержания. Сам Пселл не пренебрегал подобными занятиями. Его перу принадлежит *Ἐπίδοξαλῖα παντοδαπῆ*, т. е. энциклопедия, в которой сконцентрированы достижения разного рода наук. Итал уже не занимается этим. Обладая всесторонними знаниями, он обобщал результаты исследований отдельных отраслей знания.

Для характеристики расцвета просвещения в Византии XI в. самым важным является рационалистическое направление, отдававшее предпочтение разуму и научному методу. Серьезное значение имело также то обстоятельство, что мыслители XI в. и в особенности Итал часто обращались к сочинениям античных писателей. В мнениях древних они нуждались как в примерах преимущества свободного разума. Будучи рационалистом, Итал интересовался материальным содержанием учений античных мыслителей, так как их рассуждения были близки к собственным взглядам философа. Традиции античного наследия в Греции не исчезали полностью ни в один из периодов самого мрачного средневековья, но никогда обращение к античным теориям не принимало таких широких размеров, как в XI в. Не случайно этот век принято считать веком ренессансных тенденций, в особенности в области философских идей. По нашему мнению, И. Дуйчев не совсем прав, утверждая в своей статье «Гуманизм Иоанна Итала», что «на самом деле родиной Ренессанса является

⁵ E. V. I v á n k a. Die Krone der Komnenen. — «Byzantinische Geschichtsschreiber», Bd. VI. Wien, 1958, S. 202.

Италия, так как первый представитель Ренессанса Иоанн Итал был родом из Италии»⁶.

Итал с большим почтением относится к высказываниям и доказательствам античных мыслителей и признает их бесспорный авторитет. Особенно часто он ссылается на Аристотеля.

В материалах процесса против Итала главным обвинением против него является приверженность нашего философа к древнегреческим ученым. Из одиннадцати пунктов анафемы шесть упоминают в связи с Италом эллинские учения (пункты II, III, IV, V, VII, X, XI)⁷. Но и остальные пять пунктов, в которых не упоминается слово «эллин», содержат такие положения Итала, которые основаны на теориях Аристотеля, Платона и других античных философов.

Из материалов судебного разбирательства и из содержания трактатов можно заключить, что та «ересь», из-за которой осудили Итала, и те ошибки, которые церковь ему приписывала, вытекали из взглядов древних философов, которых Итал детально изучал. Даже из текста анафемы явствует, что теории, толкователем которых был Итал, есть именно те теории, которые разрабатывались античными мыслителями (безначальная материя, бытие безначального Создателя, перевоплощение души, вопрос о небе и земле и т. д.). Если Итал касался главных догматов христианства, то он занимался ими в философском плане, рассматривая их в свете того или иного философского учения.

Мы попытаемся перечислить вопросы, которые создают как бы систему. В рассуждениях нашего философа есть некая система, но было бы неверно утверждать, что мнения Итала о материи, о форме, о мироздании является плодом его собственной мысли. Если не все, то большая часть этих мыслей встречается в той или иной форме у древнегреческих философов, последователем которых является Итал.

Очень сложно и запутанно учение Итала о душе. В 50-м трактате и в некоторых других трудах Итал придерживается мнения, что душу, связанную с телом, нельзя считать бессмертной, что нет развития души после гибели тела и т. д. Но в целом в учении Итала о душе чувствуются наследиия разных эпох и влияние противоречивых учений⁸.

Все досократики, Аристотель, стоики, эпикурейцы признавали вечную материю, несотворенную («голую») возможность, основу всего сущего. Для Аристотеля материя есть единая сущность вещи, возможность (*δύναμις*), переходящая в готовую действительность (*ἐνέργεια*) через образующую форму (*εἶδος*). Материя и форма находятся в таком соотношении, что не существует ни материи без формы, ни формы без материи.

Согласно Аристотелю, материя есть нечто еще не ставшее действительностью и в то же время не возникшая и не переходящая основа всех вещей⁹.

⁶ I. D u i č e v. L'umanesimo die Giovanni Italo. — «Studi Bizantini e Neoellenici», v. 5. Atti del V congresso internazionale di studi Bizantini. Roma, 20—26, Settembre, 1936; Storia filologia dritto. Roma, 1939, p. XVII.

⁷ II) «Вводящим бесстыдно или скорее нечестиво злочестивые эллинские учения в православную и соборную церковь о человеческих душах, о небе, земле и других творениях — анафема». III) кто отдает предпочтение глупой мудрости внешних философов... IV) «уащим о безначальной материи...» V) «говорящим, что эллинские мудрецы и первые из ересеначальников... лучше, чем мужи благочестивые и православные...» VI) «проходящим эллинские учения и обучающимся им не ради только обучения, но и следующие их суетным мнениям и верующим в них, как в истинные...» X) «принимающим и передающим суетные эллинские глаголы...» XI) «эллинским и инославным догматам и учениям, введенным вопреки христианской и православной вере...» (перевод А. Ф. Лосева: «Очерки античной символики и мифологии, Анафемы на Иоанна Итала, платоника XI в.).

⁸ P. I o a n n o u. Die denkende Seele in der byzantinischen Metaphysik. — «Philosophisches Jahrbuch», 64, 1956.

⁹ Metaph., VII, 1, 1042a, 32a, 3, 1043 в 14 (В и н д е л ь б а н д. История древней философии. СПб., 1898, стр. 224).

Точно с такими же определениями мы сталкиваемся и в трудах Итала. Материя вечно движется, стремится к форме; нет формы без материи, и нет материи без формы.

В 24-м трактате, где обсуждается вопрос о видоизменении вещей, явившемся результатом воздействия формы, а не материи, говорится, что материя вечно существовала и существует, она находится вне времени, а форма видоизменяется и является временной. Материя вечно находится в процессе изменения, поэтому в онтологическом смысле она и существует в одно и то же время, хотя является вечной и остается основой всех вещей. При любой форме материя едина и имеет одну сущность (70-й трактат). В этическом смысле материя является злом и лишением. Злом, так как в своем вечном движении она принуждает форму к вечной изменчивости и гибели; лишением, так как постоянно нуждается в образовании, в форме. Эта мысль также заимствована Италом у древних философов.

В 50-м трактате Итал утверждает, что существует только движение, так как изменение происходит в процессе движения и развитие есть продукт движения. При неподвижности нет развития, поэтому мнение Зенона, доказывающего, что не существует движения, является бессмысленным.

Из вышеизложенного учения о материи вытекает учение о вечности и безначальности мира; это противоречит, как уже подметил Ф. И. Успенский, основному догмату церкви о роли создателя в процессе миротворения¹⁰. Иногда Итал употребляет выражение *κόσμος φθαρτός* и доказывает тленность мира. У древнегреческих философов предполагается вечное возвращение миров, за гибелью одного мира следует возникновение другого мира. Миры постоянно погибают, а затем вновь возникают один от другого, так что в выражении *κόσμος φθαρτός* последнее слово является не абсолютным, а временным понятием. Такой же смысл имеет понятие *φθαρτός* и в трудах Итала, который, таким образом, совмещает теорию вечной переменчивости видов вещей, вечно движущейся и вечно существующей материи с теорией безысходной и окончательной гибели мира¹¹.

Таким образом, вполне логичной оказывается и мысль о том, что действительность не возникает *ex nihilo*. Создание из ничего предполагает наличие чуда. Итал не признает чуда, а следовательно и теории сотворения: *τεράτων ἀυπαράχτων* (не существует чуда), *τεράτωνδέστερον ἢ γελωιδέστερον* (более похожее на чудо или более смешное). С этим можно поставить в связь и трактовку Италом вопроса о воскресении (86-й трактат). По мнению философа, наши тела воскреснут не в той материи, которую они имели до своей гибели, так как эта материя погибает и истлевает. Тела облекутся при воскресении в иную материю.

К этой же системе прогрессивных воззрений Итала примыкают его взгляды на вопрос о родах и видах. Согласно Аристотелю, который строил свою логику на отношениях общего к частному, общее не обладает никакой отдельной от чувственных вещей высшей действительностью, оно существует лишь в частностях — в предметах. Существует единичная вещь, которая мыслится в противопоставлении своим изменяющимся состояниям и отношениям *συμβεβήχота* и притом так, что только в ней одной осуществляется общее определение. Родовые и видовые понятия (*γένη καὶ εἶδη*) всегда суть лишь качества вещей, общие многим предметам, в которых они только и могут существовать и в которых они только и могут выявляться. Они существуют не помимо многого, т. е. вещей,

¹⁰ Ф. Успенский. Иоанн Итал и его школа. Архив АН СССР, фонд Успенского № 116, опись 1, № 124 (на франц. яз.).

¹¹ См. высказывания об этом ученика Иоанна Итала, Евстратия Никейского: P. I o a n n o u. Die Definition des Seins bei Eustratios von Nikaia (1117). Der Nominalismus und die menschliche Psychologie Christi. — BZ, 47, S. 361.

а вместе с многим, т. е. с вещами. Благодаря этому пункту учения Аристотеля его впоследствии стали считать противником реализма в схоластическом смысле этого слова, т. е. в смысле признания метафизического первенства родовых понятий¹².

В основном Итал следует за Аристотелем, но у Итала учение о родах и видах представлено более сложно, как и у западных номиналистов. Исходя из Порфирия он изучает вопрос всесторонне, но всегда приходит к одному неизбежному выводу: общие понятия (роды и виды) существуют не отдельно от вещей, а в предметах; они могут относиться и к основному признаку, и к случайному; они представляют собой целое.

В своем увлечении признанием права реального, а не доксального существования всех явлений природы Итал доходит до того, что даже отрицательно относится к общему в смысле этическом. Он считает общее худшим, а частное, видимое, непосредственно чувством воспринимаемое — лучшим.

В 52-м трактате и в других работах Итал доказывает, что раз общее находится в предметах, а в предмете кроме общего есть еще и свойства отдельной вещи, то, следовательно, частное богаче, предпочтительнее, лучше общего. Дальше развита эта мысль в том же трактате: частное полнее общего, общее — беднее; действующей и развивающейся частью в предмете является частное, а общее не действует; следовательно, частное лучше общего.

При исследовании не только вопросов философии, но и других дисциплин Итал пользуется тем же методом — стремится исследовать причины явлений и найти противоречия в противоположных суждениях. Так он поступает, например, при исследовании вопросов грамматики, которыми он занимается в 64-м трактате (и в некоторых других), в письме, адресатом которого являлся талантливый грузинский ученый Иоанн Петрици, студент Константинопольского университета, ученик Итала. В этом трактате дается учение о частях речи. Автор считает неправильной ту классификацию частей речи, которая была принята в античности и удерживалась и в его время. Он рассматривает каждую часть речи, исходит из ее содержания, ищет противоречия в определениях. В каждой части речи он находит апории, что, по его мнению, создает безвыходное положение и делает неприемлемой принятую дефиницию. Итал не дает здесь позитивных определений, его цель — показать негативные стороны существующего деления и этим в дальнейшем способствовать открытию другого принципа. После грамматических дефиниций он приводит логические, так как, по его мнению, одностороннее описание, формальное или семантическое, не дает полной картины. Обращение к логике при решении вопросов грамматики вполне закономерно для грамматического мышления средневековья, но в данном случае нас интересует метод исследования ученого. Он не навязывает готовых формул, а идет по пути чистой логики и философии, в то время как предшествующие и последующие грамматики не обходились без цитат из Священного писания. Таким же образом рассуждает Итал о вопросах грамматики в трактате «О диалектике», в «Комментариях к *Περὶ ἑρμηνείας*» и в других сочинениях.

Каковы политические симпатии и антипатии этого большого мыслителя, в чем заключаются политические взгляды ученого?

Тот факт, что император Алексей Комнин вынужден был заняться процессом против Итала при самых тяжелых для империи обстоятельствах, указывает на политическое значение личности Итала¹³.

Императоры и представители столичной знати покровительствовали наукам. Из сведений Анны Комнины выясняется, что Итал был другом и

¹² В и н д е л ь б а н д. История древней философии, стр. 219—220.

¹³ Н.-Г. В е с к. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich., S. 542.

близким человеком Михаила VII Дуки, который интересовался науками. Анна в III книге «Алексиады» говорит: «С Италом вступили в дружбу царствовавший в то время Михаил Дука и его братья. Отдавая предпочтение Пселлу, они тем не менее любили Итала и использовали его в словесных состязаниях: ведь Дуки — как братья самодержца, так и сам император — были очень просвещенными людьми»¹⁴.

Друг образованного императора-мецената Итал был, наверное, недоволен победой военной партии, враждебной партии Дук, так как победа военных означала ограничение затрат на образование и умаление значения Высшей школы. Не удивительно, что при своем несдержанном характере Итал мог высказываться по этому поводу и выставить самодержца Алексея в невыгодном освещении.

Алексея Комнина меньше всего могли интересовать еретические мысли Итала¹⁵. В вопросы веры и церкви император вмешивался только тогда, когда эти вопросы оказывались тесно связанными с острыми проблемами государственной политики.

Алексей справился с богомилами, так как в их движении проявлялась классовая борьба крестьянства. В 1082 г. он конфисковал имущество церкви, так как ему нужны были средства для войны против норманнов. С Италом он боролся, так как видел в нем своего злейшего врага. Намек на эту борьбу императора с философом мы находим в 71-м трактате Итала, где, обращаясь к императору, ученый наставляет его примерно в следующих словах: «Для царя важно и полезно не только заниматься военными делами, быть полководцем, вооруженным копьеносцем, а важнее общаться с науками, исследовать детально научные вопросы. Только благодаря этому делаемся мы совершенными и обладателями добродетели. А военные дела нас отделяют от совершенства. Мы делаемся вершителями дурных дел, ибо мы отталкиваем от себя самое прекрасное, а именно — знание».

По нашему мнению, Итал выступает здесь явно против политики Алексея I, что и послужило подлинной причиной процесса против философа, а не его якобы еретические воззрения.

Таким образом, Иоанн Итал создал учение, которое содержит в себе немало черт, позволяющих характеризовать этого ученого как представителя византийского философского ренессанса, как провозвестника подлинного, итальянского Ренессанса¹⁶.

Причину того, что в Грузии сразу же после Исаанна Петрици создались условия для дальнейшего развития тенденций Ренессанса, а в Византии этого не случилось, следует искать, вероятно, в различии исторических условий, сложившихся в одно и то же время в обеих странах.

¹⁴ Анна Комнина. Алексиада. Перевод Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 172.

¹⁵ Н.-Г., В е с к. Op. cit., S. 339.

¹⁶ W. H a u s s i g. Op. Cit., S. 491.

А. П. КАЖДАН

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПУБЛИЦИСТ XII в.
ЕВСТАФИЙ СОЛУНСКИЙ *

3. ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Этические и социальные воззрения тех или иных лиц или направлений кажутся трудно сопоставимыми: на первый взгляд, их отделяет непроходимая грань. Этические нормы консервативны. Принцип «Не убий» или «Не укради» может быть применен в разных общественных условиях, выдвинут, одобрен и принят разными социальными группировками. К тому же этические нормы емки, т. е. одна и та же формулировка может заключать различное реальное содержание. Принцип «Не укради» может выдвигаться в защиту частной собственности, равно как и против нее; для такого истолкования его необходимо лишь дополнить прудоновскими словами: «Собственность — это кража».

Таким образом, этические формулировки всегда оставляют широкий простор для произвольных социологических истолкований. Чьим социальным интересам, к примеру, отвечает требование: «Твори добро»? Любая социальная прослойка, разумеется, охотно напишет этот лозунг на своих знаменах. Чтобы каким-либо способом элиминировать трудность, вытекающую из самой природы нравственных формул, из их социальной расплывчатости, исследователю необходимо соблюдать два правила: во-первых, предметом исследования должны стать не изолированные высказывания, а более или менее целостная система взглядов: во-вторых, эта система взглядов должна проверяться не абстрактными, «общечеловеческими» нормами, а соотношением с суждениями современников.

Ряд прописных истин, высказанных Евстафием, дал основание судить о нем как о благом наставнике его паствы¹. Суждение это спорно прежде всего потому, что Евстафий сумел вызвать вражду широких слоев солунян и был, как мы знаем, принужден бежать из своей митрополии. Но дело даже не в противоречии подобного суждения фактическому ходу событий — оно порочно само по себе, поскольку понятие блага (как и зла) относительно, социально и темпорально окрашено, меняется в разных условиях, хотя — повторю еще раз — и сохраняет нередко старые вывески. Дело не в том, чтобы назвать Евстафия благим или злым — он был благим для одних и злым для других. Предмет исследования состоит в том, чтобы выяснить, как Евстафий сам представлял себе добро и зло и как это представление соотносилось с его социальной программой.

* Окончание. См. ВВ, XXVII, 1967, стр. 87—106; XXVIII, 1968, стр. 60—84. Здесь приняты те же сокращения, что и в предыдущих выпусках.

¹ См. напр., А. Г о в о р о в. Евстафий... — «Правосл. собеседник», 1883, янв., стр. 36; окт., стр. 140 и сл.; Esp., p. XLVII, LII sg.

В соответствии с принципами христианского мировоззрения Евстафий исходит из представления о четком разграничении добра и зла. «Нет ничего общего, — заявляет он, — между солнцем и мраком, между истиной и лицемерием» (Opusc., p. 73.74—75). Коль скоро это так, моральные критерии становятся четкими: Евстафий отвергает многообразие и многоликость языческих образов, противопоставляя этой ненужной сложности простоту; не покатый, неустойчивый шар, а беспорочный, неподвижный куб объявляет он идеальным телом (Opusc., p. 115.52—58).

Но это — лишь теоретическая посылка. Стоит обратиться к действительности, и идеальная неподвижность и простота исчезают. Реальный, живой человек представляется Евстафию не поддающимся определению (*ἀδιὰ λόγους, ἀχαρακτήριστος*) — причиной этому многообразию и пестроты жизни, постоянной изменчивости людей: один от добродетельной жизни обращается к ее противоположности, другой из жестокого тирана становится человечным, и, напротив, милостивый обретает жестокосердие (Opusc. p. 216.82—96). Конечно, Евстафий тут же прибавляет, что задача человека уйти от изменчивости, обрести стабильность и тем самым совершенство (Opusc., p. 217.31—34) — но что такое совершенство, что такое прекрасное?

В духе христианской традиции Евстафий ищет спиритуалистическое решение проблемы: добродетель, проникающая в глубь души (Opusc., p. 187.83—85), объявляется им идеалом. И вместе с тем он не вовсе отбрасывает плоть, — напротив, он признает прекрасным гармоническое единство тела и духа. Восхваляя Дуку — брата Никифора Комнина, — он называет его прекрасным творением природы, ибо тот соединяет в себе внутреннюю и внешнюю красоту: внутренняя — это красота духовная, внешняя — телесная ².

Телесная красота не может быть стабильной, она подвижна, изменчива. Такова красота императора Мануила, как ее рисует Евстафий. Он начинает с традиционного набора признаков: торжественное величие, глаза, источающие и мягкость, и воинственность, глубокое спокойствие лица и соответственно — симметричность, ровные хорошие краски. Но это лишь иконописный канон, а не подлинный Мануил ³, и Евстафий тут же оговаривается, что таким император оставался, пока не начинало бушевать в нем скрытое море страстей. Тогда он отвергал природный лик (*ἔμφυτον ζωγράφημα*) — и можно было наблюдать смешение черт. И оно тоже было прекрасным. Тот, кто наблюдал гнев Мануила, дрожал и хотел умереть (ибо кто не задрожит перед львом, хмурым брови?). Впрочем, спешит добавить Евстафий, гнев самодержца был чисто внешним, не отравившим милосердие его души (Opusc., p. 202.1—40).

Чтобы оценить значение этого портрета разгневанного Мануила, мы обратимся к речи современника Евстафия, оратора Константина Стильва, тоже писавшего о гневе императора. Но как традиционен, как иконописен его образ в сравнении с созданным Евстафием! По словам Стильва, гнев вообще присущ человеческой природе — император же подавляет в себе человеческие страсти, смиряет заключенного в его груди льва, запирает в глубине сердца и превращает в ручное ⁴. Стильв руководствуется принципом аскетического идеала, согласно которому страсти (*πάθη*) были источником греха ⁵, и в согласии с ним трансформирует действительность —

² Opusc., p. 318. 65—68. См. также о гармонии внешнего облика и духа у патриарха Михаила III (Э, л. 175 об.). Признание гармонии тела и духа свойственно и другим авторам XII в., напр., Никифору Василяки (Fontes, II, p. 237. 5—7, 13—14).

³ Те же иконописные черты (красота очей, спокойствие облика, светлый героический лик, соразмерность тела) — и в другом панегирике Евстафия Мануилу (Fontes, I, p. 51. 10—14), вплоть до совпадения отдельных слов.

⁴ R. Brown in G. An Anonymous βασιλικὸς λόγος Addressed to Alexios I Comnenus. — Byz., 28, 1958, p. 37. 38—42.

⁵ Так, в частности, расценивает страсти и Симеон Богослов.

Евстафий идет от действительности, противоречащей аскетическому идеалу.

Итак, признавая прекрасным также и телесную красоту, Евстафий приходит к допущению совершенства и в изменчивом, подвижном мире: Мануил прекрасен в спокойствии, но прекрасен и во гневе, — где же истинное, единственное, стабильное совершенство?

В духе христианской традиции, в полном соответствии с учением мистиков Евстафий восхваляет любовь как высший жизненный принцип: ради нее, оказывается, установлены законы, созданы государства, придуманы союзы, введено все то, что упорядочивает жизнь (Opusc., p. 158.55—57). Во имя любви приходил к нам господь, научивший нас объединяться, словно мы члены и части божества (Opusc., p. 62.69—70). Любовь приносит мир, обращается Евстафий к солунянам, а с ней расцветают всевозможные ремесла и науки, укрепляются браки, крепнет торговля и расширяются ярмарки (Opusc., p. 63.10—14).

Однако действительность, как мы помним, многообразна, и Евстафий предупреждает, что не всякая любовь хороша, ибо развратник тоже любит распутство, убийца — кровь, а вор — кражу (Opusc., p. 63.46—50). Кто именуется любовью несправедливые вожделения, тот просто пользуется честным названием, чтобы прикрыть свое нечестие (Opusc., p. 63.63). Но оставим в стороне жгловую любовь. И настоящая любовь, по Евстафию, двояка: бывает любовь замкнутая, сосредоточенная на себе (αὐτοπαθής) — и любовь, обращенная вовне (Opusc., p. 69.93—95). Любовь замкнутая состоит в благочестивой жизни, в постах, в удалении от мира, в обращении к богу. Но такое монашеское пустынножительство, такой аскетический вариант любви не привлекает Евстафия — его симпатии на стороне того, кто не прячется от людей и от самого солнца, но несет свой свет во мрак жизни (Opusc., p. 70.12—18). Нам недостаточно, развивает он далее эту мысль, уклониться от зла — необходимо творить добро (Opusc., p. 73.93—95). Евстафий стоит за активное вмешательство в жизнь.

Он открыто осуждает тех, кто сломя голову бежит от зла в надежде на собственное спасение, как будто одним только бегством от мира можно достичь совершенства (Opusc., p. 76.43—46). Он смеется над анахоретами, забивающимися в «духовные уголки», в пещеры и расселины земли, пребывающими в горах (Opusc., p. 77.74—76). Места их уединения он сравнивает с золотыми россыпями, изобилующими драгоценным металлом, который не раскрывает себя, не превращается в человеческую монету, но остается во глубине руд (Opusc., p. 77.72—77).

Если важна любовь деятельная, любовь мирская, то не остается места для религиозного ригоризма: нет необходимости предъявлять к себе непременно максимальные требования, наставляет Евстафий свою паству, и если у тебя нет сил поститься, ограничься умеренностью в еде (Opusc., p. 11.82—83); не пренебрегай умыванием — быть чистым не возбраняется (Opusc., p. 11.91—95); если тебе трудно выдержать продолжительное богослужение, молись, когда есть возможность, — в любой час можно славить господа (Opusc., p. 12.9—15).

Обрядность отступает в его наставлениях перед нравственностью. Конечно, заявляет Евстафий, отдавая долг традиции, велика польза от коленопреклонений, пролития слез, исполнения трудных обрядов, от которых дрожат конечности, — но человек, живущий смиренно, разве не достигает того же (Opusc., p. 11.41—44, 61—64). «Пусть вам будет, братья, смирение взамен коленопреклонений» (Opusc., p. 11.67—68).

Да, Евстафий признает в духе христианской традиции, что пост освобождает нас, отрывает от земли, уподобляет пернатым, славящим господа, и все же пост лишь приправа к добродетелям и придаток к созданной ими красоте (Э, л. 39). И тут же со всей страстностью Евстафий обрушивается, на тех, кто хотел бы постом заменить недостаток добродетели.

«Пусть не будет пост для нас торговым делом, и воздержание от пищи не станет средством приобретения благ». Нельзя превращать божью заповедь (ἐντολή) в торговую сделку (ἐμπολή), иначе пост станет сладостен для скупца, который сможет сэкономить, опираясь на заповедь, и превратит в доблесть сбережение копеечки. Пост не служит извинением для отказа в помощи: если мы под предлогом поста оттолкнем брата и позволим ему умереть с голода, то это уже не пост (νηστεία), а разбой (ληστεία) и удушение (л. 39 об.). И в заключение Евстафий следующим образом формулирует свою мысль: «Лучше набить рот мясом — это называется мясоедством, — чем преисполниться злом, ибо это уже людоедство» (л. 40 об.).

Ряса еще не делает человека монахом, постоянно повторяет Евстафий. «Разве обитатели монастыря из племени меланхленов?» — смеется он, имея в виду, что меланхлены — в буквальном значении слова — «одетые в черный плащ» (Opusc., р. 239.6—7). Если все дело в черной одежде, так почему же при богослужении мы пользуемся цветным оплечьем (Opusc., р. 239.93—96). Не одно только черное прекрасно, ибо многоцветны драгоценные камни и облака на небе принимают разные цвета (Opusc., р. 240.26—50). Ряса — лишь оболочка, а суть дела — в том плоде, ради которого существует оболочка (Opusc., р. 240.94—96).

Остановимся на мгновение и попробуем перебросить мостик от этих этических принципов солунского архиепископа к уже известным нам его социальным воззрениям. Сдержанная оценка аскетизма вполне согласуется с критическим отношением Евстафия к монашеству как к общественной группировке; напротив, разве прославление любви активной, деятельной не дополняет его призыва к труду?

Но если в жизненной сложности многообразным и противоречивым оказывается понятие «любовь», то и ненависть далеко не проста и не однозначна. Конечно, есть ненависть недостойная, противоречащая канонам, — но наш проповедник любви оставляет место для иной ненависти, соответствующей библейским принципам, — для ненависти к врагам (Opusc., р. 87.70—81). Непротивление должно иметь свои пределы — разве не приходилось видеть, как бесславно погибали те, кто отказывался сопротивляться? (Opusc., р. 121.7—9, 34—36). И Евстафий откровенно радуется, сообщая о смерти в лагере врагов (Esp., р. 148.36; 150.7—8). Недаром Григорий Антиох писал, что Евстафий учит не только любить любящих, но и ненавидеть ненавидящих (Э, л. 401 об.).

Столь же «общечеловеческой» добродетелью, как любовь, представляется поверхностному наблюдателю дружба. И казалось бы, прославление Евстафием дружбы — лишь дань вечным идеалам. Но мы видели, что прославлению любви он сумел придать социальный оттенок, выдвинув любовь деятельную перед любовью мистико-аскетической, спасение человека — перед спасением собственной души. Поэтому мы можем ожидать, что и трактовка дружбы приобретет у Евстафия специфические, конкретные особенности.

Вопреки тому, что восхваление дружбы принадлежит к древнейшим топосам мировой литературы, оно отнюдь не свойственно всем византийским писателям. Кекавен, автор XI столетия, прекрасно знакомый с бытом императорского двора, относится к дружбе крайне настороженно, более того — подозрительно. Отношения между людьми, советует Кекавен, нужно строить на страхе: пусть тебя боятся подчиненные — страх полезен⁶. Вместе с тем — постоянно бодрствуй, будь начеку, берегись беды (Кек., стр. 79.17—31). Сразу же прекращай разговор, если речь пойдет об императоре или императрице, — многие погибли из-за подобной болтовни: ведь твой собеседник или кто-нибудь посторонний может на тебя

⁶ C e s a r i e n s i Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus. — «Зап. истор.-филол. фак. СПб ун-в.», 38, 1896 (далее: Кек.), стр. 60. 29—30. Ср., Кек., стр. 7.10.

донести. Избегай пирушек, где царит пустословие, — пусть лучше тебя ославят как необщительного скупца, нежели донесут царю о твоём участии в заговоре (Кек., стр. 4.4—10, 27—31).

Живущий в нервной атмосфере всеобщего подозрения, Кекавмен, разумеется, не верит в дружбу. Многие погибли из-за друзей, потеряли не только имущество, но и самую жизнь (Кек., стр. 50.23—25). Он настаивает: не позволяй другу жить в твоём доме, не выступай поручителем за друга, помни, что в большой беде ты не отыщешь друзей; берегись друга больше, чем врага (Кек., стр. 42 и сл., 50.16—17, 61.31—32, 80.5—6).

Кекавмен не одинок в своём скептическом отношении к дружбе, у него есть единомышленники. Симеон Богослов отвергает существование дружбы — по его мнению, есть только тяга к совместной жратве и болтовне. Он призывает к личному спасению и предостерегает, как бы человек не разрушил свой собственный дом, помогая в домостроительстве ближнему. Как и Кекавмен, он зовет замкнуться в собственной раковине — только у него этот индивидуализм принимает мистические очертания и высшей целью признается очищение человека от страстей и лицемерие божественного света⁷.

Иоанн Каматир, современник Евстафия, написал в политических стихах «Введение в астрономию», трактат о влиянии различных констелляций светил на земные дела: что предвещает неудачный поход, что — междуусобицу, что — нехватку плодов и обмеление рек. Среди его прорицаний немалое место отведено опасности, грозящей со стороны друзей: то Каматир предрекает в общем виде «опасность от родни и друзей»⁸, то пугает, что друзья лишат тебя имущества, что ты растратишь все на друзей и на наслаждения⁹. Осуждение — или даже, скорее, сожаление — вызывают те, кто имеет много друзей — они отождествляются в представлении Каматира с жалкими людьми, с теми, кто не завел семьи и общается с проститутками¹⁰.

Противоположную тенденцию — восхваление дружбы — мы встречаем у многих писателей XII в.¹¹ — но, не останавливаясь сейчас на их суждениях, возвратимся опять к Евстафию.

Высказывания Евстафия звучат прямой полемикой с Кекавменом, Симеоном Богословом и Иоанном Каматиром. Хотя на своём жизненном пути Евстафий не раз натёкался на ложных друзей, обретая шипы вместо роз, он не разуверился в совершенной дружбе, основанной не на выгоде, в существовании верных друзей, из чьих уст не вырвется злоречие (Opusc., p. 124.47—52, 74—79, p. 125.4).

Итак, исходный пункт рассуждений Евстафия тот же, что и у Кекавмена: в жизни постоянно сталкиваешься с неверностью мнимых друзей. Но Кекавмен делает из этого наблюдения пессимистический вывод — Евстафий же не отказывает людям в доверии. И если для Кекавмена лицемерие становится принципом поведения, то для Евстафия нет более ненавистного грешника, чем лицемер¹². У лицемера все обман: и глубокий поклон, и жаркие объятия, и власяница, и коленопреклонения, и походка (Opusc., p. 73.61—66). Лицемеры делают все возможное, чтобы располо-

⁷ А. П. К а ж д а н. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — BS, XXVIII, 1967, стр. 19—21.

⁸ Johannes Kamateros. *Εἰσαγωγή ἀστρονομίας*, bearb. von L. Weigl. Berlin — Leipzig, 1908, S. 44. 1356.

⁹ Ibid., S. 52. 1654; 53. 1671—1672.

¹⁰ Ibid., S. 29. 841—843; 33. 960—961.

¹¹ См., напр., у Цеца (Joannis Tzetzae epistolae. Tubingae, 1851, p. 66. 23—24) или у Продрома (L. Petit. Monodie de Théodore Prodrome sur Etienne Skylitzès métropolitain de Trébizonde. — ИРАИК, VIII, 1902, № 1—2, стр. 6.2—20).

¹² По мнению И. Кайзера, Евстафий использовал для осмеяния лицемерия потертые ныне места из «Характеров» Феофраста (J. Kayser. Theophrast und Eustathius περί ὑποκρίσεως. — «Philologus», 69, 1910, S. 348f., 356), но это суждение обосновано лишь убежденностью в творческом бесплодии византийской литературы.

жить человека к себе: блоха тебя укусила — лицемер уже готов вооружиться против коварного насекомого; он приходит в волнение, увидев соринку на твоём платье; он стоит перед тобой, подобострастно вытянувшись, словно перед царем; он скрестил руки на груди, но готов дать связать их сзади по персидскому обычаю, чтобы тем выразить свою рабскую преданность. Если ты что-нибудь пролепетал, лицемер назовет тебя Демосфеном или самим Гермесом; ты выстрелил из лука — он уже сопоставляет со знаменитым Аварисом; ты побежал — он вспоминает о Бореадах и даже о Персее, обутом в крылатые башмаки (Opusc., p. 90.62—96). Одного только не делают лицемеры — не обожествляют того, перед кем заискивают, не ставят его на священный пьедестал — но и то без конца засыпают его эпитетами «божий», «божественный», «богоподобный». Они идут за ним в баню, отгоняют мух, когда он спит, а если он сплюнет, не брезгают наступить на плевки, уверяя, что им не противно это, а сладостно (Opusc., p. 91.4—13).

У лицемеров, продолжает Евстафий, все лживо — с ног до головы. То, они босоногие, покрытые грязью, с всклокоченной бородицей — то, напротив, причесаны с чрезмерным изяществом (Opusc., p. 94.73—90). По большей части лицемер не раскрывает рта, а если говорит, то еле слышно, словно летучая мышь, — боясь, наверное, вместе со словами выдохнуть душу (Opusc., p. 95. 17—22).

Евстафий останавливается на специфической форме лицемерия — на распространенном убеждении, будто всякая критика благодетельна. Подобно тому как горькая полынь, излагает он эту мысль, полезнее для телесных недугов, чем сладкий мед, и душа извлекает пользу не только от дружеских, но и от враждебных речей (Opusc., p. 121.86—90). Пусть даже враг в своем критиканстве прибегает ко лжи, все равно немалая польза будет для подвергнутого злоречию — не только потому, что блажен страждущий от ложных обвинений, но и чисто практически — потому что порицание позволит избежать подобных прегрешений в будущем (Opusc., p. 122.4—10).

Изложив этот — видимо, распространенный — взгляд на критику, Евстафий отвергает его как софистическую игру. Не следует враждебную критику объявлять благом, замечает он; не следует врага представлять благодетелем, пощечины — поцелуями, поношение — похвалой, плевки — излиянием мирра, таскание за волосы — причесыванием (Opusc., p. 122.18—20, 43—45). Не следует называть учителем того, кто тебя поносит, ибо его цель не наставлять, а погубить (Opusc., p. 122.61—63, 80—81). Так Евстафий ополчается на систему взаимного стравливания людей, которую лицемерно объявляли благодетельной, создающей возможность для совершенствования, полезной для критикуемого.

Специальную речь посвятил Евстафий очень сложной моральной проблеме — положению человека, двое друзей которого враждуют между собой. Конечно, первая обязанность такого человека — примирить враждующих. Ни в коем случае не должен он оставаться безразличным в их споре, опасаясь за себя — иначе он предатель «акрополя дружбы», которн, годящийся на обе ноги, двурушник (*diprositos*). Больше того, он — огонь, любящий вражду, посредник ненависти, двулезвийный меч, личина дружбы — кто угодно, только не друг (Э, л. 47). Истинному другу, рассуждает Евстафий, ненавистен тот, кого возненавидел его друг, и он ссылается на Патрокла, который вместе с Ахиллом возненавидел Атрида. «Тот, кто оказался между двумя враждующими, если он истинный друг одного — возненавидит другого» (л. 46 об.).

Итак, Евстафию ненавистно двурушничество, прикрывающееся личиной дружбы. Правда, он сам несколько пугается своей «языческой» ненависти к врагам и конец речи посвящает прославлению высшей формы дружбы — человеколюбия Первого блага, общего отца (л. 47 об.), но суть

дела от этого не меняется: Евстафий верит в дружбу и ненавидит лицемерие, двурушничество.

Не одних лицемеров осуждает Евстафий, но также клеветников и доносчиков-сикофантов: тот, кто подвергся клевете, удостоивается венца от бога — независимо от того, удалось ему избежать западни или нет. А клеветников ждет тяжкая судьба: либо их заедает совесть, либо же у них разрывается сердце от неудовлетворенности их замыслов (Opusc., p. 83.28—40). Разит Евстафий и льстецов: они, увидев вонючий нарыв, уверяют, что рана благоухает нардом; они назовут робкого человека героем, посадят его верхом, а когда тот свалится с лошади, станут уверять, что во всем виновато седло (Opusc., p. 84.6—12). Лстец изобразит грабителя благодетелем, творящего беззаконие — справедливым, захватчика чужого надела — подателем земли (*προσδέττην γῆδίου*), ростовщика — щедро одаряющим, ругателя — воздателем хвалы (Opusc., p. 83.93—96).

И, словно обобщая осуждение лицемеров, льстецов, клеветников, Евстафий требует, чтобы дела соответствовали словам, чтобы люди, проповедуя одно, не действовали сами по-другому (Opusc., p. 73.48—49). Нужно не говорить о добре, а творить добро (Opusc., p. 74.44—46).

Конечно, в своих сочинениях Евстафий не раз нападал и на иные человеческие пороки — на зависть, высокомерие, ложь, на сребролюбие и жестокость, на пренебрежение божественным и неуважение к документам (Esp., p. 154.14—156.25) — но лицемерию, лести, клевете он уделил особое внимание.

И тут мы снова попытаемся сопоставить этические воззрения Евстафия с его социальными симпатиями и антипатиями. Сам он не раз связывал лицемерие с монашеством (см., напр., Opusc., p. 95.86, 187.24—27, 232.9—12), но его критика бьет дальше. Вся атмосфера византийского двора была пропитана лестью, ложью, лицемерием, клеветничеством; Евстафий, осуждавший, как мы видели, византийское чиновничество, осуждал и его специфические пороки. Прославление дружбы не было у него абстрактной и традиционной, лишенной реального содержания фразой; оно тесно переплеталось с осмеянием и отвержением лжи и лицемерия, всего того, что убивает истинную дружбу, превращает в пустые слова высшие стремления человека. Для Кекавмена и Симеона Богослова дружба представлялась коварным обманом, а осторожность — основой поведения; этические принципы Евстафия явились отрицанием кекавменовской морали — морали, на которой зиждилось здание византийской бюрократической машины.

И конечно, традиционным нормам византийской морали противоречит принцип терпимости, провозглашенный Евстафием: «И из диких цветов, и из домашних собирается мед пользы для живущих в боге, и нет в мире ничего бесполезного для нашей добродетели» (Opusc., p. 79.45—48). Евстафий осуждает тех, кто скор на обвинения: чуть человек не поклонился при встрече, мы уже объявляем его хулителем; не заговорил с тобой или не улыбнулся — значит, враг. Враги чудятся нам повсюду: кто-то похвалил другого, не упомянув о тебе, — недруг; возразил тот, кого ты обругал, — злопыхатель (Opusc., p. 68.45—52). Мы не уподобляемся милосердному высшему судии, восклицает Евстафий, но, увы, судим сурово и выносим жестокие приговоры (Opusc., p. 67.61—64).

Где терпимость — там и право на свое мнение, право сомневаться, колебаться и думать. Слушайте меня внимательно, обращается Евстафий к солунянам, но если не понравятся вам мои слова, сомневайтесь и проверяйте их на весах возражения (Opusc., p. 83.62—64). Писатель, призывавший к *παρρησία*, к свободному высказыванию собственных суждений (см. ч. 2, стр. 70 и сл.), призывает и к терпимости.

Итак, мы вправе предположить, что этические принципы Евстафия складывались как антитеза лицемерной морали византийского двора, где

мелкие и своекорыстные интересы прикрывались высокими словами о бже и об общем благе, где говорили о всепрощении, посылая человека на казнь. Евстафий был свидетелем попытки Андроника I реставрировать здание византийской монархии, расшатанное распространением феодальных институтов и феодальных идей; пережил террор Андроника, расцвеченный демократической фразеологией; наблюдал буйный расцвет предательства, клеветы, лицемерия, подозрительности. Все это не могло не наложить печать на этические воззрения солунского архиепископа, начинавшего свою деятельность панегиристом «рыцарственного» Мануила.

И поскольку византийская бюрократия стала явным препятствием для поступательного развития общества, Евстафий, критиковавший ее моральные принципы с ограниченных позиций византийского рыцарства, достигал гуманистической высоты обобщений. Его протест, по происхождению своему социально ограниченный, объективно становился всечеловеческим, отвечающим прогрессивным тенденциям времени. Круг завершался: обобщенным, абстрактно-вневременным этическим формулам Евстафий придал конкретное значение, направив их против живых пороков византийского бюрократизма, и тогда, совпав с прогрессивными тенденциями эпохи, критика Евстафия приобрела общечеловеческую значимость. Осмеяние лицемера и льстеца, клеветника и жадного монаха именно в силу своей конкретности приобрело такую жизненную силу, которая свойственна была лишь мастерам Возрождения.

4. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Критика пороков сегодняшнего дня освещается у Евстафия историзмом. Он обращается к прошлому, чтобы противопоставить великих мужей давно минувшей эпохи ничтожествам современности (Opusc., p. 21.22—29). Он разворачивает целостную картину исторического развития, в общем довольно свободную от библейских традиций, несмотря на sporадическое упоминание Адама, Евы или Моисея.

Исходным состоянием развития человечества было, согласно Евстафию, царство зла, когда не существовало ни закона, ни правил, ни разумного пастырства, ни этических установлений (Opusc., p. 13.29—32). Однако нашлись люди, в которых пылала божья искра человеколюбия; создав первоначально совет избранных, они созвали затем многолюдную сходку во имя общего блага (Opusc., p. 14.37—39, 74—77). Под влиянием этих мудрых учителей зло смягчилось, несправедливость была ограничена и человек, исполнившись стыда, обратился к небу (Opusc., p. 15.31—50). Тогда радость овладела всеми: и теми, кто творил добро, и теми, кто испытывал благодеяния; повсюду можно было видеть хороводы и слышать песни — люди, прежде жившие одиноко, собрались в общества (Opusc., p. 15.72—74, 82—83).

За моральным совершенствованием последовал и прогресс материальных условий жизни. Познав добро, люди покинули пещеры, где прежде жили, словно животные, и стали возводить дома: они научились земледелию и мореходству (Opusc., p. 20.11—13.24—25, 61). Земля стала приносить обильные плоды (Opusc., p. 16.23—27). Развитие ремесел сопровождалось созданием политического организма (*πολιτικόν σχῆμα*), тогда как прежде люди жили, не зная ни ремесел, ни политической организации (Opusc., p. 20.92—96). Первоначальные учителя пользовались всеобщим уважением, их прославляли и поставляли начальниками и главами (Opusc., p. 16.44—48).

Прежние беспорядочные половые сношения уступили место браку, и каждый мужчина стал жить с одной женщиной. Жилище принадлежало одной семье — мужу, жене, детям и тем, кто связан с ними узами

родства. Наконец-то человек стал воистину человеком (Opusc., p. 16. 28—43).

В эту счастливую пору появилась письменность (Opusc., p. 16.87—88), позволившая записать обычные нормы и создать то, что позднее мы назвали законом (Opusc., p. 17.5—7).

Приглядимся к картине, нарисованной Евстафием, — ведь в ней, по сути дела, нет места для бога. Бог не выступает как творческое начало, но лишь как этический принцип. Люди сами, без помощи божественного покровителя, переходят от дикости к цивилизации, ими руководят мудрые учителя, возлюбившие добро. Развитие человечества протекает прогрессивно: не от райского сада к погрязшему в грехах язычеству, испуганному жертвой сына божьего — но от беззаконной дикости к закону и порядку, к кротости, основанной на том, что одни жили по закону, наслаждаясь божественным миром, а других сдерживал страх наказания (Opusc., p. 17.35—56).

Но пойдём дальше. По мере того, как росла численность людей, улучшались их моральные устои (Opusc., p. 17.67—70) — и бог послал людям новый и лучший закон — Моисеев, содержащий великие и божественные принципы, но оставшийся непонятным для многих (Opusc., p. 17.78—18.15). Так мы впервые сталкиваемся в рассуждениях Евстафия с активной ролью бога в историческом процессе. Но как она ограничена! Действительно, если переход от полуживотного прозябания в пещерах к цивилизованной жизни под влиянием внутреннего самосовершенствования человечества обрисован солунским архиепископом красочно и определено, результаты Моисеева законодательства крайне смутны. Было ли в нём нечто новое — или бог только «подвел итоги» без него достигнутого прогресса? Оказал ли закон Моисея значительное влияние на человечество — или он остался непонятным большинству? Эти важнейшие вопросы оставлены без ответа: мы, во всяком случае, не узнаем, к каким переменам в жизни людей привело Моисеево законодательство.

Закон Моисея, по Евстафию, второй закон, последовавший за законом, записанным мудрыми учителями. Третий закон был дан самим богом в его воплощении (Opusc., p. 18.35—36; 19.7). В чём смысл этого третьего законодательного акта? Евстафий говорит об усовершенствовании Моисеева законодательства (*χράζει πρὸς ἐντέλειαν*) (Opusc., p. 18.46), — что, правда, неминуемо приводит к выводу о несовершенстве заветов, продиктованных Моисею богом. Евстафий говорит также о разъяснении символов и загадок, о невыразимой красоте и полной ясности третьего закона (Opusc., p. 18.47—53) — но тут же мы узнаем, что и в нём есть таинственный и скрытый смысл, который не всем понятен, хотя и может быть легко уловлен желающими (Opusc., p. 19.15—20). В чём же в таком случае отличие третьего закона от Моисеева законодательства?¹³

И ещё одно недоумение порождает созданная Евстафием концепция исторического развития. Из его рассуждений следует, что законы мудрых учителей действительно привели к совершенствованию человечества — но вот бог сам явился на землю, дал людям свой «невыразимо ясный» завет, и чего же он добился? Обращаясь к своему времени, ко времени христианскому, Евстафий с ужасом видит, что люди вновь возвратились к изначальному злу, совершают несправедливости, грабят, хулят, пишут доносы, прямым путем ведя свою душу к гибели (Opusc., p. 22. 49—52).

Итак, в общих представлениях Евстафия об историческом процессе богу практически не остаётся места: моральное совершенство и творчес-

¹³ Расчленение истории человечества на три части в соответствии с тремя законами — естественным, Моисеевым и евангельским — свойственно вообще христианской философии истории; при этом, однако, и первый закон понимается обычно как божественный, возвещанный Логосом (см. A. D e m p f. *Geistesgeschichte der altchristlichen Kultur*. Stuttgart, 1964, S. 36).

кая активность людей преобразуют мир (как тут не вспомнить об уважении Евстафия к человеческому труду вообще, о поэтизации им труда и о проклятии лениости!). Однако — и в этом опять проступает непоследовательность писателя — он не может пожертвовать идеей личного бога, вмешивающегося в течение событий.

Бога Евстафий отстаивает прежде всего от астрологов и верящих в судьбу. В слове на молитву: «Господи, помилуй» (дата этого сочинения, к сожалению, не известна) — Евстафий полемизирует с «пустыми утверждениями» людей, выводящих земные события из движения звезд (τοῦ τῶν ἀστέρων ὄρατος) и выдуманной необходимости (τῆς ἐπινοουμένης εἰμαρμένης (л. 60)). И в другом месте он отвергает существование судьбы (τύχη), «ибо, — по его словам, — для нас господь это все» (Opusc., p. 325.60—61).

Проблема судьбы и необходимости, которую сам Евстафий связывает с проблемой астрологии, не литературная реминисценция. Евстафий воюет не с языческими писателями Римской империи, а со своими современниками.

Роль судьбы (τύχη) и необходимости (εἰμαρμένη) занимала умы писателей XII в. Между Киннамом и Никитой Хониатом развернулась полемика по этому вопросу: Киннам допускал спонтанное развитие истории, подвижной не разумным божьим промыслом, а судьбой, — Никита Хониат отвергал этот тезис¹⁴. Анна Комнина была близка к Хониату¹⁵ — напротив, Константин Манасси считал, что человеческая жизнь — игралище судьбы¹⁶. Михаил Глика осуждал веру в судьбу¹⁷, а Цец утверждал, что перед τύχη преклоняется мужик, тогда как мудрец поносит ее¹⁸. Повидимому, с этим представлением о спонтанном развитии истории, о судьбе, приравненной Киннамом к необходимости, связаны попытки «научного» предвидения будущего — с помощью астрологии.

Астрология возрождается в Византии в XII в. и находит ревностного приверженца в лице Мануила I. По словам Никиты Хониата, Мануил в важнейших делах руководствовался сочетанием, положением и движением небесных светил и суждениями астрологов (Nic. Chon., p. 200. 9—14). Появляются специальные астрологические трактаты: Иоанна Каматира, Константина Манасси¹⁹. Астрологические увлечения Мануила встречают, однако, резкое сопротивление: Никита Хониат осыпал астрологов насмешками уже после смерти императора (см., напр., Nic. Chon., p. 286. 22—287. 6; 738.5—7), но Михаил Глика при жизни Мануила обратился к нему с письмом, где пытался доказать, что астрология не имеет ничего общего с христианским вероучением²⁰. Даже такой рьяный приверженец Мануила, как Вальсамон, осуждал обращающихся к астрологам (PG, 137, col. 1192 B).

¹⁴ См. подробно. А. П. Каждан. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате. — BS, 24, 1963, стр. 29 и сл. Ср. еще С. S a t h a s. Bibliotheca graeca, vol. I, p. 126.8.

¹⁵ Я. Н. Л ю б а р с к и й. Мировоззрение Анны Комнины. — «Уч. зап. Велюкского пед. инст.», 24, 1964, стр. 166 и сл.

¹⁶ К. Н о r n a. Eine unedierte Rede des Konstantin Manasses. — «Wiener Studien», 28, 1906, S. 177. 117—121. Ср. C o n s t a n t i n i M a n a s s i s Breviarium historiae metricum. Bonnae, 1837, vers. 6242.

¹⁷ M i c h a e l i s G l y c a e Annales. Bonnae, 1836, p. 53. 3—10; Catalogus codicum astrologorum graecorum, vol. V, 1. Bruxelles, 1904, p. 140. 30; 141. 23.

¹⁸ P. M a t r a n g a. Anecdota graeca, vol. II. Roma, 1850, p. 622. 1—7. Ср. еще I o a n n i s T z e t z a e Historiarum variarum chiliades. Lipsiae, 1826, p. 513.99.

¹⁹ Поэма Манасси была первоначально приписана Продрому. См. об этом К. Н о r n a. Der Jerusalemer Euripides-Palimpsest. — «Hermes», 64, 1929, S. 429 f.

²⁰ Catalogus codicum... p. 127. 25—128.35. Глика высмеивает также и гадание по птицам (см. M i c h a e l G l y k a s. Στίχοι οὐς ἔγραψε καὶ ὄν κατεσχέθη κατὰ τὸν Θεσσαλονικῆ, 1959, σελ. 3.22—24). О выпадах Анны Комнины против астрологии см. Я. Н. Л ю б а р с к и й. Указ. соч., стр. 157 и сл.

Выступая вместе с Никитой Хониатом против астрологии и веры в судьбу, Евстафий обстоятельно аргументировал свою мысль именно необходимостью сохранить представление о личном божестве. «Разве милосердие, — вопрошает Евстафий, — не есть некая душевная страсть (ὁ ψυχῶν τι πάθος)? Как же в таком случае оно может исходить от бездушного (ἐκ τοῦ ἀψύχου)», т. е. от звезд? Наши дела не определены необходимостью (οὐκ ἐστὶν ἠναγκασμένα τὰ καθ' ἡμᾶς), но зависят от бога, способного менять ход событий (μετατρέπει). Если все предопределено — к чему тогда молитва, исполнения которой мы ждем от милосердия божьего, а не от рабских звезд (л. 60)?

Не удивительно поэтому, что в объяснении конкретных событий он постоянно апеллирует к божьей воле: некий Хамадракон остался в осажденной Солуни — внешне из-за болезни, но на самом деле по промыслу божьему (Esp., p. 100. 15); божество, если верить Евстафию, противостоит злему умыслу варваров (Esp., p. 116.16); Евстафий даже уверяет, что молитвы и слезы патриарха могут повлиять — через бога — на ход событий (Fontes, I, p. 124. 1—5).

Мы могли бы следующим образом сформулировать противоречие во взглядах Евстафия на закономерность исторического процесса: допуская объективную независимость общего пути истории от божественной воли, рисуя людей творцами истории, он тем не менее признает мелочную опеку бога над частными событиями, постоянное вмешательство бога в конкретное развитие событий.

Эта противоречивость по-своему отражается в непоследовательной трактовке Евстафием проблемы знамений. Если полагать, что бог непосредственно вмешивается в ход событий, выказывая свою волю и свое отношение, естественно ожидать, что эта воля и отношение материализуются в некоторых действиях, предвещающих будущее, предупреждающих человечество. И действительно, Евстафий ссылается на то, что бог посылает знамения при взятии городов (Esp., p. 4. 12—14), и самым подробным образом перечисляет знамения, предвещавшие падение Солуни (Esp. p. 140. 9—144.17). Он уверяет также, что голос свыше предвещал избрание Михаила патриархом (л. 157 об.).

А вместе с тем в иных случаях Евстафий относится к знамениям с известным скепсисом. Это проявляется, в частности в рассказе Евстафия о знамениях (σημῶλον), предшествовавших возвышению Мануила I. Как известно, σημῶλα, предвещавшие воцарение Мануила, упомянуты также Никитой Хониатом и Киннамом, причем трактован этот эпизод обоими историками с известными нюансами: Хониат довольно определенно признает наличие ясных знамений — Киннам, напротив, не исключает возможности считать эти знамения вымыслом²¹. Евстафий склоняется к точке зрения Киннама, этого — напомним — откровенного панегириста Мануила I: хотя для него, как и для Киннама, божественность избрания младшего из сыновей Иоанна II несомненна (Opusc., p. 210. 27—29), тем не менее он считает ненужным упоминать о знамениях, предвещавших его воцарение (Opusc., p. 198. 39—41).

В объяснении причинности событий Евстафий, как мы видим, не решается порвать с традиционными христианскими представлениями. Он не идет так далеко, как Киннам или Константин Манасси, он не допускает существования судьбы и стремится сохранить идею личного бога, милосердного и вмешивающегося в человеческую жизнь. И все-таки элементы рационализма проникают — пусть очень робко — в представления Евстафия об историческом процессе и его концепция человеческой истории фактически освобождается от божественного воздействия.

²¹ См. А. П. К а ж д а н. Еще раз о Киннаме... стр. 22.

5. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Евстафий не только политик и историк, но и писатель, воспринимающий действительность в художественных образах. Конкретность видения мира, присущая Евстафию, сочетающаяся с большой идейной нагрузкой выписанных им образов, определяет в нем художника. Но вот что примечательно: чувствуя необходимость выражать действительность в ее специфической неповторимости, иными словами — воспринимающий ее эмоционально-нерасчлененно, зримо, образно, Евстафий в своих теоретических построениях с пренебрежением отметал художественно-чувственное отношение к объекту, подчиняя восприятие осмыслению, чувство — разуму, эстетическое наслаждение — идейной нагрузке. Это было естественным отношением средневекового человека к творчеству: для Евстафия, христианина, архиепископа, прекрасным было не то, что возбуждало чувства зрителя (читателя), обостряло его эмоциональное восприятие реального мира, но то, что уводило от реального мира в «чистую» сферу духа, обеспечивая спасение.

Вот почему величественные египетские пирамиды (Евстафий пренебрежительно называет их «дорогостоящими» и «отбрасывающими длинную тень»), и книдская башня, с которой Евдокс наблюдал небесные светила, и висячие сады вавилонян, и родосский колосс (по Евстафию, «родосский высоченный вздор») представляются солунскому архиепископу чудом для дураков. «Мы же, размышляющие о боге и пренебрегающие подобными вещами, считаем великим чудом устремленный ввысь столп стилита, но не потому, что он высоко вознесся, а потому, что он отвергает низменное, земное бремя и ведет к самому богу, словно некая небесная высота» (Opusc., p. 193. 38—50).

Но если эстетическая ценность памятника определяется степенью его отрыва от земного бремени и приближения к божеству (можно было бы сказать — степенью его идейной нагрузки), если столп стилита большее чудо, нежели пирамиды и родосский колосс, то дидактический вывод должен определять значимость художественного произведения. Свое сочинение «Взятие Солуни» Евстафий называет «учительным образом» (Esp., p. 158. 4—5) и видит его назначение в исправлении солунской паствы, дабы ей не пришлось еще раз изведать гнев господень и узреть десницу всевышнего, занесенную, чтобы сеять смерть (Esp., p. 152. 27—34). Актера Евстафий считает «учителем всяческой мудрости», истребляющим пороки (Opusc. p. 88. 69—72), но вместе с тем допускает, что искусство — если оно не отвечает христианским принципам — может вести к гибели (Opusc., p. 195. 59—60).

Поскольку основная ценность искусства представляется Евстафию в его дидактичности, в его спасительной роли, он отводит каждому жанру особую функцию. Строгая иерархия средневековых литературных жанров в значительной мере обусловлена дидактическими принципами искусства того времени: литература должна наставлять, а не отображать — и каждый жанр обладает своими законами воздействия.

Так, энкомий имеет целью сообщать лишь о благих событиях, а дурные — перекрашивать по-адвокатски (Esp., p. 12.32—33). С завидной откровенностью Евстафий провозглашает, что речь не должна содержать ничего неприятного для владыки вселенной (Fontes, I, p. 1. 7—8). Нагромождение пышных эпитетов, восхваление подвигов и благодеяний, описание побед — все это не проявление византийского сервилизма, но закон риторического жанра, оправдываемый и объясняемый его дидактической задачей — способствовать усилению мощи Византийского государства. «Ритор, — говорит Евстафий, — напоив свое перо чернилами, словно стрелу ядом, направляет его против варваров и погружает в их кровь» (Fontes, I, p. 27. 11—13). Он приравнивает перо к оружию, к напоенной

ядом стреле, — образ, к которому не раз возвращается дидактическая литература.

От риторического энкомия — откровенно политического жанра — Евстафий отличает историческое сочинение. Задача историка — не собиране славословий, а выяснение истины, чтобы сохранить в памяти потомков уносимое бегущим временем (Esp., p. 14.1—4). Не дружба (*φιλήτων*), заслоняющая правду, но любовь к истине (*φιλόληθες*) должна двигать историком (Esp., p. 12.28—30). Только любовь к истине может позволить историку выполнить его дидактическую задачу — установить связь между событиями прошлого и современностью и извлечь пользу для понимания теперешних событий (Esp., p. 18.8—10).

Противопоставление истории и энкомия — общее место византийской литературы²², но Евстафий идет дальше, выделяя два исторических жанра: рассказ о событиях, давно совершившихся, и повествование о пережитом, о недавнем. Тот, кто пишет о делах давно минувших лет (*χαλιστορών*), может писать бесстрастно, уделяя место самым разнообразным темам: и богословию, и естествознанию, и топографии, и описаниям — у повествователя-современника (*συγγραφέμενος*) все это многозначество отступает на задний план, ибо он переполнен страстью. Если он вышел из мирян, никто не поставит ему в вину даже чрезмерную страстность, но автору, ведущему духовную жизнь, не следует давать волю театральным страстям, понимая, сколь велико различие между скорбью и восхвалением всевышнего (Esp., p. 3.14—4.2).

Строгому соблюдению иерархии жанров соответствует и традиционализм: жанр, приспособленный к определенной смысловой нагрузке, окостеневаает, и соответственно окостеневают, становятся традиционными, переходят из одного памятника в другой те элементы, из которых строится литературное произведение. Мысли, образы, сравнения становятся клише. Евстафий ищет оправдание подобной трафаретности изображения. Когда-то Солон постановил, что резчик печатей не должен тайно сохранять модель изготовленной им геммы — резчик был обязан уничтожить ее и не воспроизводить вторично. Иными словами, Евстафию кажется, что античный языческий мир предъявлял к художнику требование уникальности — современники же Евстафия не придерживаются подобных принципов: надо постоянно вспоминать, продолжает он, словно возражая Солону, о божественных деяниях царей, надо всемерно сохранять их отображение, надо доводить их до каждого (Fontes, I, p. 98. 24—26). Бесконечные повторения, устоявшиеся клише, переселяющиеся из одного панегирика в другой, получают теоретическое оправдание. Они и в самом деле соответствуют дидактическим принципам византийской литературы, объявлявшей своей целью идею, а не художественное выражение действительности, ортодоксальную правильность формулировок, а не свежесть мироощущения.

Но Евстафий уже не может безоговорочно принять эти принципы византийского спиритуалистического искусства и принести индивидуальное в жертву типическому. Когда он переходит от общих формулировок к конкретным оценкам, понятие «прекрасного» и «нового» приобретает значение необходимого критерия. Наставления Мануила, рассуждает Евстафий, — это образец ораторского искусства. Пусть Евстафий преувеличивает, пусть мы не согласимся с его оценкой красноречия воинственного самодержца — сейчас существование иное: в чем он усматривает достоинства идеальной речи? Эти достоинства, оказывается, — в соединении серьезности мысли с изяществом, возвышенности с приятностью. Император вообще соединил несоединимое — львиный рык и соловьиные трели, торжественность речи и приятность смеха (Fontes, I, p. 54. 13—18). В другом сочи-

²² Ср. Я. Н. Любарский в кн.: Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 31.

нении Евстафий снова возвращается к ораторским талантам Мануила, к глубине его рассуждений, основанных как на апостольских речениях, так и на «внешней» (ἐξωτερικοί = светской) мудрости. Не было такой беседы, прибавляет Евстафий, когда бы император не высказал что-нибудь новое (καιнов) для слушателей²³ и вместе с тем божественное по своему смыслу (Orusc., p. 202. 74—81). И, говоря о достоинствах письма Григория Антиоха, Евстафий также восхищается не одной только высотой мысли, но и стилистическим совершенством и, в частности, многообразием образов (Orusc., p. 325. 71—81).

Более того, Евстафий начинает ощущать стертость трафаретных сравнений, которыми злоупотребляют и его современники, а иной раз и он сам. «Я очень не люблю, — замечает он, — пользоваться в речах сравнением с солнцем» (Orusc., p. 207. 30—33) — а сравнение императора с солнцем, надо сказать, было в то время одним из наиболее ходовых²⁴. Он не собирается подробно рассказывать о происхождении своего героя — патриарха Михаила, о детском его поведении, о юношеских деяниях (л. 158). В слове на смерть Николая Айофеодорита он объясняет свой отказ подробнее: и другие люди отличались родовитостью, и другие имели славную родину, и другие получили образование — он же хочет рассказать не о том, что свойственно также другим (ἃ δὲ κοινὰ καὶ ἄλλοις), но о том, что отличает его героя (л. 35 об.).

Далеко не всегда Евстафию удавалось сломать штамп, традиционную систему восприятия и выражения действительности. Он постоянно сам в плену агиографической и риторической традиции. И все-таки в нем живет убеждение в необходимости поиска новых форм.

Леммы Эскуриальской рукописи дважды отмечают нарушение Евстафием традиционных жанровых принципов. В лемме к эпитафии Николая Айофеодорита комментатор заметил, что сочинение это не просто монодия (οὐτε μονωδικὸς ἀκράτως), но произведение смешанного жанра (μικτὸς δὲ ὁ λόγος); чистая монодия, по мнению комментатора, не соответствовала достоинству ни покойного, ни автора (οὐ γὰρ ἔπρεπε τὸ τοιοῦτον εἶδος εἰς ἀκέραιον οὐτε τῷ κειμένῳ, οὐτε τῷ γράψαντι) — и потому появился жанр, слитый из двух (ἐξ ἀμφοῖν) — т. е. из классической эпитафии и монодии. «Это, — завершает комментатор, — специфический прием автора (μέθοδος ἰδίᾳ ταῦτα τοῦ γράψαντος)» (л. 34).

Слову о дружбе также предшествует лемма, отмечающая, что это сочинение построено как утвердительная декламация (κατὰ μελέτην θέσεως) с той только разницей, что опущена вводная глава, в результате чего слово приобретает несколько иной характер: οὐκ ἀπόρρητα θετικὸν ἐστὶ γύμνασμα (л. 46).

Таким образом, сами современники отмечали у Евстафия некоторую тенденцию к нарушению иерархии жанров.

Нацеленная на возвышенное, византийская литература стремилась к изображению духовных качеств, добродетелей и пороков, в их максимальной обобщенности. Тело, внешность, вообще изменчивая реальность оставались в теории падчерницей художника. В принципе и Евстафий стоит на тех же позициях: он осуждает античных художников, изображавших обнаженное тело, — «нас обнаженность не радует», — говорит он²⁵. Восхваляя красоту Мануила, он тут же замечает, что сейчас не время говорить об

²³ А в ортодоксальном словаре его современников «новый» часто было синонимом «еретического» — см. P. Wirth. Καὶνὸς θεολόγος. — «Oriens christianus», 45, 1961. S. 127 f.; А. П. К а ж д а н. Предварительные замечания... стр. 4, прим. 8.

²⁴ См., например, у Иоанна Сироула (M. B a c h m a n n. Die Rede des Johannes Syropoulos... S. 10.24) и приводимые Бахманом параллели (ibid., S. 23, A. 1). Ср. еще H. H u n g e r. Prooimion. Wien, 1964, S. 75—80.

²⁵ Orusc., p. 330. 46—48. См. конъектуру: P. Wirth. Gehört die Ethopoiie... S. 217.

этих чертах императора, которые восхищают видящих его и привлекают слушающих о нем (Fontes, I, p. 51.25—27).

Знаменательная обмолвка! Евстафий, оказывается, хорошо знает, что его современников — вопреки ортодоксальным эстетическим нормам — привлекает описание внешнего облика. Он сам и во «Взятии Солуни», и в памфлете против монахов постоянно с большим мастерством рисует внешность своих героев — и внешность эта отнюдь не безразлично-развлекательна. Евстафий в одежде, во внешнем поведении, в словах своих персонажей раскрывает их внутренний мир. Войлочная шляпа Давида Комнина — не случайная деталь его туалета, но один из тех кирпичиков, которые в целом создают зримый образ дрожащего за свою шкуру наместника Солуни. Черная повязка, скрывающая лицо монаха, которая взлетает чуть ли не до темени, едва только тот заметит что-нибудь любопытное, — пригвождает этого «посредника между богом и людьми», охочего до грязных слухов, к позорному столбу куда действенней, чем абстрактные призывы к добродетели.

Приступая к рассказу о взятии Солуни, Евстафий замечает, что человек посторонний назвал бы это событие колоссальным (*μεγάλην*), несчастнейшим (*βαρυσφόρον*), ужаснейшим (*πάνδεινον*) или воспользовался иным подобным эпитетом. Но тот, кто сам пережил падение города, не найдет, пожалуй, имени для беды. Не без оснований можно было бы сказать о «затмении великого светоча» — но эти слова отметят лишь масштаб бедствия, но не силу киевских страстей (Есп., p. 4.24. — 6.3). Значит, не всегда возможно богатство действительности зажать в обобщенную формулу; значит, недостаточно сказать: «Затмился великий светоч» — но нужно найти в действительности такие черточки, такие эпизоды, которые способны сохранить для читателя накал страстей. И вся повесть Евстафия «Взятие Солуни» — это поиск и обретение образов страстных, индивидуальных, кипящих — и потому действенных.

Практика Евстафия-художника подчас расходится с его теорией назначения искусства.

Дидактические принципы византийского искусства требовали наивысшей обобщенности образа, доходящей до абстрактной типизации, превращающейся в клише, в штамп. Евстафий видел детали, мелочи быта, конкретно-чувственную действительность. Вот он рассказывает о своих учителях, которые идут по дороге и, устав, усаживаются на рухнувшую колонну, на кучу гальки, под смоковницей, бросающей густую тень (Opusc., p. 111. 78—91). Вот он повествует о мышах, которые завелись в его доме и всю ночь скреблись, не давая ему спать. Не вытерпев, он поднялся, взяв одной рукой светильник, а другой розгу и принялся охотиться за нахальным зверьком, но тот убежал, и только дрожавший сосуд с вином (он был подвешен на веревке) напоминал о беглеце (Opusc., p. 313. 57—61).

Что это? В чем поучительность этих совершенно «безыдейных» эпизодов? Приближают ли они к спасению души читателя или автора? Конечно, не такова их задача. Обращаясь к деталям, радуясь бытовым мелочам, Евстафий по сути дела разрушает официальную христианскую эстетику. Только человек, любящий жизнь, может с такой милой усмешкой рассказывать о своей бесплодной охоте на дерзкую мышь, которой в конце концов все-таки удалось перегрызть веревку, державшую сосуд с вином, — и тогда она принялась плясать веселый и бурный танец (Opusc., p. 313. 64—69). И действительно, Евстафий говорит о любви ко всем проявлениям жизни (Opusc., p. 111. 54—56).

А когда Евстафий с восторгом описывает обед, которым угощал его Никифор Комнин после трудной зимней дороги (Opusc., p. 311. 42—54), или жирную, белую, омытую вином птицу, начиненную шариками из теста (Opusc., p. 311. 81—312. 27), которую он посылает другу, вспоминаешь скорее о раблезианской кухне, чем о суровом посте.

И именно потому, что Евстафий мыслит образами, а не обобщенными формулами, ему удается находить крохотные детали, воплощающие и выражающие суть дела. Солунь — этот «великий светоч» — пала, тысячи людей погибли, уведены в плен, умирают от голода. И внезапно Евстафий вспоминает о городских собаках, которых норманны безжалостно перебили. «А если и уцелела какая-нибудь, то лаяла и бросалась теперь только на ромея, к латиняну же подползала визжа. Познали даже собаки всю меру несчастья» (Esp., p. 114. 6—9). Собака, лающая на своих и подползающая к ногам покорителя, — как лучше можно передать бесконечность унижения солунян? Две разных системы видения мира: с одной стороны «затмение великого светоча», с другой — обыденный образ, трогательный и своей неожиданностью, и своей наивностью; образ и символический, и вместе с тем оттеняющий — по принципу противоположности — громадность трагедии.

Евстафий, так целомудренно порицавший язычников за изображение обнаженного тела, сам не брезгает натуралистическими подробностями, стремясь, например, подчеркнуть бездну бедствий, в которую были низвергнуты солуняне после захвата города норманнами. Он чувствует силу антитезы самого грубого и самого возвышенного, когда представляет варвара в церкви, который забирается на священный жертвенник и молится, посылая высокую струю. «Безмерно божье терпение, если такой негодяй остается жить на земле!» (Esp., p. 114. 35—116.1).

Евстафий писал в ту пору, когда назначением искусства было давать обобщенно-спиритуалистический образ действительности, возвышая — в идее — человека до божественного. Классическое житие наиболее последовательно отвечало этой задаче, оперируя сравнительно ограниченным количеством ситуаций, символизирующих доброту, отзывчивость, мужество или терпение святого; эти ситуации переходили из жития в житие. Отрыв от земного, пренебрежение земным было жизненной целью и святого, и его агиографа. Классическая хроника оперировала также лишь с обобщенным костяком событий, тщательно избегая конкретной плоти явлений. Когда хронист X в. Лев Диакон стремился оживить повествование, он с легким сердцем переписывал описание сражений у историка VI в. Агафия: современникам Льва Диакона приходилось собирать армии и ходить в атаку по шаблону VI столетия. Это происходило не из-за бесталанности или неосведомленности Льва Диакона, а из-за определенного эстетического принципа — из-за обобщенно-спиритуалистического восприятия действительности, восприятия не вещи и явления, а сущности вещи и явления. Лев Диакон передавал факт сражения, определяя победителя и побежденного, но конкретное протекание битвы было ему безразличным.

Начиная с XI в. (по сути дела с Михаила Пселла) византийская литература предпринимает ломку традиционного эстетического принципа, что, кстати сказать, приводит к кризису ведущих жанров VII—X вв.: жития и хроники. Обобщенно-спиритуалистический идеал остается теоретическим принципом, он остается практическим руководством для византийских мистиков, для Симеона Богослова, например, но Евстафий разрушает его, противопоставляя ему конкретное видение многообразного, пестрого и изменчивого мира. И конечно, Евстафий был не одинок в этой ломке эстетических канонов — тот же интерес к натуралистически-чувственному восприятию действительности бы свойствен также обоим братьям Хонатам, Феодору Продрому, Григорию Антиоху и многим иным писателям XII в.

Отход от принципов обобщенно-спиритуалистического восприятия действительности (с неременной дидактической ее оценкой) проявляется в допущении противоречивой сложности человеческого характера. Для классического жития, равно как и для классической хроники, оценка героя была определена и однозначна: византийская литература XII в., пытающаяся

воспринять мир не на основе априорных принципов, но исходя из конкретной деятельности людей, останавливается перед невозможностью их однозначной оценки. И в этой области ломка протекает и медленно, и непоследовательно — она не затрагивает, само собой разумеется, панегирического жанра, ораторского искусства. И все-таки Евстафий прямо формулирует, что в человеческом характере добро может быть смешано со злом (Esp., p. 128.5—7); он допускает превращение хорошего человека в дурного (см. об этом выше, стр. 178) и даже признает известные добродетели в столь ненавистном ему Давиде Комнине (Esp., p. 14.4—6).

Я пытался показать выше, сколь сложным становится под пером Евстафия образ самодержца Мануила I (см. выше, стр. 178 и сл.). То же самое относится и к портрету юного Алексея, наследника престола. Конечно, и там, и здесь панегиристическое начало заслоняет жизненную правду, но многообразие увиденного создает, во всяком случае, известную живописность.

Во II речи к патриарху Михаилу Евстафий представляет Алексея мальчиком, любящим детские радости, свойственные его возрасту. Но вместе с тем принципы царственного поведения сдерживают его и не позволяют ему развлекаться: при первом призыве он приходит в себя и, перестав резвиться, становится торжественным. Не нужно прибегать к угрозам — достаточно напомнить ему, что он император, и воспитательные цели достигнуты (л. 170 об.).

Не бесплотным ангелочком оказывался Алексей, но человеком сложных и противоречивых стремлений.

Обобщенно-спиритуалистическое восприятие действительности не оставляет места для индивидуальности повествователя. Дело не только в том, что до XI в., до Атталиата и особенно Пселла, историк избегает рассказывать о своем участии в событиях. Гораздо важнее другое: твердо зная (точнее — создавая себе иллюзию знания), где добро и где зло, повествователь VII—X вв., если так можно выразиться, объективизирует собственные оценки. Оценка людей и событий предстает не личной, не авторской, а следовательно — коренящейся в самой действительности, восходящей к высшей истине, к богу.

Создается своего рода противоречие: внешне принижая себя перед предметом повествования, отмечая свою личную точку зрения, постоянно сожалея о своем невежестве и подчеркивая свое смирение, на деле агиограф или хронист возвышал себя до положения объективного судьи. Его личные оценки и вкусы, выраженные и в выборе, и в характеристике объекта, подавались как объективно сущие — и не оставалось места для иной трактовки событий.

Евстафий порывает с этой иллюзией объективности. Прежде всего, он провозглашает право повествователя говорить о себе. Обращаясь к Иоанну Дуке с просьбой поведать о подвигах императора, он призывает Дуку не скрывать и свою роль в битвах и сражениях (Fontes, I, p. 23.20—22). И соответственно в рассказе о падении Солуни Евстафий отводит солидное место для собственной особы...

Но Евстафий — рассказчик двояко вмешивается в события: он не только участник их — он окрашивает их своим ярко выраженным индивидуальным отношением. Он занимает не позицию отстраненного наблюдателя, близкую к «божественной» — ему свойственно беспокойное, постоянное, мелочное вмешательство в описанные явления: автор постоянно здесь, открыто или скрыто; он появляется, действует, спорит, отражает обвинения.

И может быть, ни в чем так откровенно не проступает индивидуальность Евстафия, как в свойственной ему язвительной иронии. Агиографу или хронисту ирония ни к чему, он выше иронии, ибо он владеет (так ему кажется) секретом объективного суждения, критерием добра и зла. Ирония предполагает активное вмешательство художника в повествование: Евста-

фий не оценивает свои персонажи — он издевается над ними, он борется с ними, он видит и чувствует их живыми перед собой; он не может расправиться с ними, просто наклеив этикетку — ему необходима ирония, возникающая в конечном счете в результате исчезновения гордой дидактичности, надменной уверенности в своей правоте.

Конечно, было бы неверным модернизировать Евстафия: он остается в рамках средневекового мышления и средневековых изобразительных средств. Он риторичен, многословен, пользуется традиционными художественными приемами. Но он продирается сквозь путы традиции, заставляя подчас светиться по-новому избитые и надоевшие способы выражения. Что может быть более неуклюжим, чем средневековая игра слов, состоящая обыкновенно в раскрытии значения имени положительного или отрицательного героя: Феодор — «божий дар», Евфимий — «благодушный»? Евстафий постоянно играет словами — но насколько изящнее и тоньше, используя этот прием для углубления образа, применяя его вместе с другими средствами. Он осуждает лицемерие, сравнивая его с миловидным (*χαροπὸν*) зверем, чья благодность (*χαρά*) облика противоречит оскалу зубов (*τὸ τῶν ὀδόντων χάρχαρον*) (Opusc., p. 73. 40—41). «Не аскет, а распухший мех», издевается Евстафий над монахом, играя словами *ἀσκήτης* и *ἀσπίτης* (Opusc., p. 224.10). Игра слов перестает быть самоцелью, поскольку самоцелью перестала быть формула, обобщенно-спиритуалистическое выражение действительности.

Говоря о значении Евстафия как оратора, Михаил Хониат увидел в нем прежде всего защитника и спасителя риторического искусства, находящегося в опасности — ибо повсюду царила ложная риторика, пренебрегающая истинной высотой мысли и гонявшаяся за внешней красотью; по словам Михаила Хониата, Евстафий вернул риторике отеческие принципы (Mich. Ak. I, p. 291. 20—292. 17). Не понял ли Михаил Хониат роли своего учителя или сам оказался жертвой дидактических штампов, — сейчас трудно сказать, но его характеристика весьма далека от истинной оценки Евстафия-художника.

Евстафий — большой писатель. Он стоит на перепутье, сохраняя традиционные принципы и вместе с тем ломая их. Он архаист и новатор. Он воспитан в христианских эстетических принципах дидактического искусства, основанных на признании высшего идеала критерием действительности — но он отходит от этих принципов, воспринимая как художник полноценное многообразие бытия.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ²⁶

Ученые нового времени первоначально оценили Евстафия Солунского как комментатора Гомера и Пиндара, как знатока и любителя античной культуры. Потом оказалось, что он крупный историк, описавший современные ему события — труды Евстафия заняли свое место среди источников по византийской истории. Наконец, в Евстафии увидели церковного деятеля, реформатора монашества ²⁷.

²⁶ К сожалению, мне остались недоступными некоторые общие работы о Евстафии: J. Gröger. *Quaestiones Eustathianae*. Breslau, 1914; F. Dölger. *Eustathios*. — *Lexicon für Theologie und Kirche*, III, Freiburg, 1959; J. Darrouzès. *Eustathe de Thessalonique* — *Dictionnaire spirituel*, 4, 1961. Название работы Т. Хедберга (T. Hedberg. *Das Interesse des Eustathios für die Verhältnisse und die Sprache seiner Zeit*. — «*Eranos*», 44, 1946, S. 208—218) обманчиво: речь идет только о языке, но отнюдь не об отношениях (*Verhältnisse*) людей XII в. Книга Ф. Кукулеса (Ph. Koukoules. *Θεσσαλονίκης Εὐσταθίου τὰ λαογραφικά*, t. 1—2. Athenai, 1950) — свод свидетельств Евстафия о сельском хозяйстве, одежде, суевериях, танцах и т. п. (см. рецензию: F. Dölger. — *BZ*, 45, 1952, S. 59—62). Разумеется, нашей проблемы не касаются и работы, посвященные языку Евстафия (T. Hedberg. *Eustathios als Attizist*. Uppsala, 1935; Ph. Koukoules. *Θεσσαλονίκης Εὐσταθίου τὰ γραμματικά*. Athenai, 1953).

²⁷ Любопытно в этом отношении эволюция Дрезеке. В 1888 г. ему казалось, что назвать Евстафия «благороднейшей вершиной средневекового греческого богословия» —

Я попытался в этой статье сделать еще один шаг и наметить место Евстафия как в идейной борьбе XII столетия, так и в развитии византийской литературы. Он был близок к окружению Мануила I Комнина — близок не из сервилизма перед императором, но из убеждений, из сочувствия социальной программе Комнинов. Вместе с тем он расходился с Мануилом и многими его приверженцами и в некоторых политических и церковных вопросах, и в трактовке иных этических и — если так можно выразиться — историко-философских проблем.

Я старался представить воззрения Евстафия, сопоставляя и — преимущественно — противопоставляя их взглядам его современников. Конечно, не приходится специально оговаривать, что анализ суждений сторонников и противников Евстафия не может пока еще претендовать даже на относительную полноту, и выводы, из этого анализа извлеченные, должны подвергнуться проверке и, наверное, пересмотру — ведь монографическое изучение их идей остается делом будущего. Сейчас еще было бы преждевременно намечать те группировки, которые сложились в византийском обществе XII в. и которые отразились в литературной борьбе.

Но и сейчас уже можно сказать, что борьба направлений, борьба идей была свойственна византийской литературе XII столетия (как, вероятно, литературе любой эпохи). На всем творчестве Евстафия лежит печать полемики: будь то вопрос о земельных раздачах, о харистикии, о монашестве, будь то этические проблемы — дружба, лицемерие, будь то понимание логики исторического процесса. Евстафий писал не потому, что умел писать — но потому, что имел, о чем писать.

Конечно, в литературе тех лет воздействие традиции было гораздо более стойким, нежели, скажем, в общественной мысли XIX в. Подражательность оставалась достоинством, ссылки на авторитет евангелия казались лучшим аргументом. И все же вопреки традиционным канонам, нередко в явном противоречии с ними, Евстафий и его современники выражали собственное мировоззрение.

Попытка определить общественное содержание творчества одного византийского автора — такова первая и наиболее существенная задача этой статьи. Но у нее есть и другая задача — эстетическая оценка наследия Евстафия.

Кажется, все согласны с тем, что сейчас еще очень мало сделано для эстетической оценки византийской литературы, которая воспринимается прежде всего как *Schrifttum*, т. е. совокупность написанного, а не как определенная система — живая и изменяющаяся — отображения мира. А между тем она была не только сферой борьбы идей — социальных, этических, историко-философских — но и сферой борьбы эстетических принципов.

Византийская литература создала обобщенно-спиритуалистическую систему отражения мира — отражения в формулах, в обобщенных символах, непременно окрашенных назидательностью, нацеленной на спасение души. XI и XII столетия явились временем ломки этого религиозно-мистического принципа и возрастания интереса к многообразной и пестрой действительности. Евстафию, как я старался показать, принадлежит немалая роль в литературном движении тех лет.

Эстетические воззрения Евстафия нельзя просто и непосредственно связать с его социальными идеалами, скажем, с его взглядами на харистикарную систему. Но общие его тенденции к рационализму находят, по-видимому, дополнение и в его попытках разрыва с обобщенно-спиритуалистическими принципами ранневизантийской эстетики.

чрезмерное преувеличение и что это почетное звание следует отдать Николаю Мефонскому (J. D r ä s e k e. Zu Nikolaos von Methone. — «Zeitschrift für Kirchengeschichte», IX, 1888, S. 431, A. 1) — впоследствии же он характеризовал Евстафия как раз теми самыми словами, которые прежде считал преувеличенными: «er ist tatsächlich die edelste theologische Blüte der mittelalterlich-griechischen Theologie» (J. D r ä s e k e. Eustathius und Michael..., S. 487).

Н. К. ГОЛЕЙЗОВСКИЙ

ИСИХАЗМ И РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ XIV—XV вв.

Византийско-славянская идеология, вопрос о ее роли в формировании европейской культуры все чаще привлекает внимание советских и зарубежных исследователей. В этой области особое место занимает изучение мистических движений, значение которых для истории средневековья общеизвестно.

Советские ученые неоднократно указывали на существование тесных связей «между мистическими течениями общественной мысли XIV в. на Балканах и новыми явлениями в области живописи»¹. Представляется осуществимым не только вскрыть каналы, по которым осуществлялись эти связи, но и выявить различные направления в мистическом движении, показать борьбу идей, определившую пути византийского и древнерусского искусства и ярко отразившуюся в памятниках живописи.

Задача статьи — наметить возможные пути к решению этой многогранной проблемы.

* * *

Византийская догматика уже на ранних этапах своего развития подготовила почву для переосмысления остатков античного иллюзионизма в живописи. Объектом творчества художника стала не окружающая действительность, а идеальный мир вечных прообразов². Рефлексы эллинистической живописи постепенно превратились в условную систему светов, передающую отблески «сияния славы» божества. Но изображение внешнего нематериального света еще не может считаться признаком мистицизма. Согласно учениям византийских мистиков, единый источник света (благодати), сообщенного человеку, помещался внутри него. Авторитетные богословы утверждали, что этот божественный свет можно видеть³.

Проявления благодати имели индивидуальное и независимое от внешних факторов выражение⁴. Перед художниками была поставлена задача

¹ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике». М., 1960, стр. 132.

² Подробнее об этом см. В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, М., 1947, стр. 29—30.

³ Один из приверженцев учения Григория Паламы приводит на этот счет весьма убедительные высказывания Иоанна Дамаскина, Василия Великого и Григория Богослова. Вот небольшой отрывок из Иоанна Дамаскина: «Ныне узрено незримое человеческими очами; из тела земного светится сияние; тело смертное источает силу божества...» (Νῦν ὁράθη τὰ τοῖς ἀνθρώποις ἀθέατα βρῆσθαι, σῶμα γῆινον θεῖον ἀπαυγάζει λαμπρότητα, σῶμα θνητὸν δόξαν πηγάζει θεότητος...). См.: Порфирий Успенский. История Афона, ч. III, отд. II. СПб., 1892, стр. 271. Греческий текст на стр. 825.

⁴ Эту мысль хорошо выразил еще египетский мистик IV в. Марк: «едина и непременна благодать духа, действует же в каждом особо, как захочет» (Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, М., 1851, л. 34, гл. 115. Здесь и далее цитаты из «Добротолюбия» даются в моем переводе).

передать самостоятельную природу внутреннего света. Иллюзионистический световой рефлекс заменило устойчивое внутреннее свечение. Графичность, свойственная стилизованным светам в живописи XI—XII вв., была обусловлена стремлением запечатлеть не подверженную изменениям трансцендентную красоту, которую сообщает благодать. Исследованный В. Н. Лазаревым «принципиальный стилистический перелом» в византийском искусстве конца X—XII вв.⁵, ведущий к «последовательной спигригуализации форм»⁶, по времени совпадает с эпохой подъема византийской мистики (Симеон Новый Богослов, Филофей Синаит, Никита Стифат и др.).

Мистические идеи дали византийским (а затем и славянским) художникам богатый материал для стилистических поисков. Созерцательный характер этих идей был доступнее для зрительного, чем для словесного выражения⁷. В основу живописных поисков легло учение о благодати как связующем звене, посредством которого происходит единение человека с божеством, изменяющее внутреннего и внешнего человека⁸. Иными словами, допускалось изображение обожженной, измененной человеческой плоти⁹. Нетленного человека будет окружать познанный мир, где сущность каждого предмета выражается движением энергии, где каждая форма обнаруживает присутствие и действие благодати.

Согласно мнению христианских богословов, получение благодати возможно только при сознательном всецелом устремлении к добру свободной воли человека. Именно благодаря свободной воле человек может сам улучшить и усовершенствовать свою природу, существенно изменить ее свойства¹⁰. Но полного преобразования и совершенства он достигает лишь при содействии благодати. В чем же внешне выражается изменение человека при обожении? По замечанию Григория Синаита, одни под избавлением от тления подразумевают некоторое улучшение, а другие — полное изменение чувственного человека; это следует принимать, не испытывая¹¹. Однако высказывания исихастов давали и более конкретный материал, для живописца.

Григорий Синаит:

«...Человек, очистивший ум слезами, духом здесь воскресив душу, плоть

⁵ В. Н. Лазарев. Приемы линейной стилизации в византийской живописи X—XII веков и их истоки. — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 1.

⁶ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 82.

⁷ Еще Василий Великий признавал «победу» живописного изображения над словесным (Творения Василия Великого, ч. IV. М., 1846, стр. 278—279). На VII вселенском соборе специально отмечалось, что живописцы могут передавать «самую идею» изображенного (Деяния вселенских соборов, т. VII. Казань, 1873, стр. 340). Как философское оправдание этого положения приводилось мнение Псевдо-Дионисия Ареопагита: «нет точного сходства между следствиями и причинами, но следствия носят на себе образы причин, а самые причины в силу своего первенства владичествуют над следствиями» (там же, стр. 473).

⁸ Термин «внутренний человек» иногда приписывают Григорию Синаиту (Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 135; В. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 94). В действительности это очень распространенное среди мистиков выражение заимствовано у апостола Павла: «если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (II Коринф., 4, 16).

⁹ Под изменением человеческой плоти следует подразумевать изменение ее материальных свойств, но не замену материальной субстанции какой-либо другой. При обожении тело человека не утрачивает своей природы. Ср. у Августина: «согрга carnis habitura substantiam» (PL, t. 41, col. 396).

¹⁰ Ср., например, PG, t. 40, col. 765A (Немесий).

¹¹ По рукописи 1431 г. Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Ф 256 (Рум.), № 200 (далее — сборник 1431 г.), л. 307: «от тля жепрменение твари, ови, еже на лучшее изменение, ови же, съвршенное от чувствьных преложение глаголю быти...» и т. д. (Главы с краегранесием, ѓкр. 11). Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 89.

же разуму покорив... сообщил своему брэнному по физической природе человекоподобию световидный и огненный образ божественной красоты. Ибо нетление тела предполагает уменьшение в нем влаги и дебелости.

Земное (γῆινον) будет нетленное тело, без влаги и дебелости, неизреченно претворенное из душевного в духовное...»¹²

Григорий Палама:

«...Удостоившийся... света (Троицы.—Н. Г.) ум и соединенному с ним телу передает многие свидетельства божественной красоты, примиряя божественную благодать и дебелость плоти и делая плоть способной к восприятию невозможного...»¹³

Казалось бы, приведенные отрывки содержат лишь формальное противоречие. Однако различие было не только внешним.

По мнению Паламы, существо бога неделимо и не смешивается с теми, кто общается с богом¹⁴. Божественная сущность не может измениться в человеческую, а человеческая — в божественную. Иначе стало бы возможно пантеистическое слияние человека с богом, против которого фактически направлена система Паламы. Дух не может слиться с человеком по существу и сообщим ему лишь по действию. Поэтому Палама вводит понятие энергии как вещественного проявления невещественного божества. По словам Паламы, в энергии божество присутствует во всей полноте, так как «бестелесное неделимо телесно»¹⁵. Одно из проявлений энергии в мире и человеке — несотворенный свет.

Согласно учению Паламы, совершенствование человека обнаруживается в том, что приходящая от духа духовная радость изменяет человеческое тело и делает его «духовным». Изменение внешнего вида человека — результат соединения «тварного» и «нетварного», человеческой плоти и невещественного света. Видеть несотворенный свет могут, за редкими исключениями, лишь избранные — глазами, «измененными силой божественного духа»¹⁶. Но если этот свет можно видеть, следовательно, он может быть изображен; более того, он составляет необходимую принадлежность святых, их внешнее отличие. Конечно, живописная интерпретация света давала лишь земной, «тварный» образ невещественного прообраза¹⁷. В идеальном случае этот образ восходил к личному духовному опыту художника.

В отличие от Паламы, Григорий Синаит акцентирует изменение не метафизических, а реальных свойств плоти как результат действия в первую очередь субъективного фактора — свободной человеческой воли. Это конкретное физическое изменение обусловлено не только просветлением, но и очищением плоти, удалением из тела элементов, подверженных тлению. Решительнее, чем Палама, Григорий Синаит осуждает пассивность человеческой воли, влекущую за собой бездеятельность и гибель. Он возрождает и в деталях развивает восходящее к раннехристианской мистике учение о необходимости сознательной борьбы с мировыми началами

¹² «...Иже оум оубо слезами очистив, душу же отсюду въскрсив духом, плот же словом и поработив и повинув, световиден же и огнен образ божественныя красоты сътворив, иже еством калное тело свое. Елма нетление есть телесем, мокротам оскудение и дебелством. Земно будет тело нетления, без мокрот и дебелства, претваряемо неизреченно от душевнаго в духовное тело...» (Главы с краегранием, ѿхр. 45—46. — Сборник 1431 г., л. 314—314 об.) Ср. Добролюбие в славянском переводе, ч. I, л. 93. Здесь и далее в цитатах курсив мой.

¹³ PG, t. 150, col. 1083.

¹⁴ Ibid., col. 949A.

¹⁵ Ibid., col. 936B.

¹⁶ PG, t. 151, col. 433B.

¹⁷ Палама утверждал, что «невозможно адекватно изобразить в тварном нетварное» (PG, t. 150, col. 1232D).

вла¹⁸; борьбы «не против крови и плоти», но со злыми страстями, которые укоренились в человеке и материализовались в «дебелостях» и «мокротах» (влаге) плоти¹⁹.

Следуя учению апостола Павла, развитому раннехристианской мистикой, Синаит требует от подвижника непрерывной и активной деятельности²⁰. «Всякая работа, и телесная, и духовная, — говорит он, — без труда и мучения никогда не приносит плод»; лень же вызывает ложное созерцание — «мечтание» и ведет к смерти²¹. Благодать достигается не одной только верой²²; «мертвая вера» — ничто перед «живой и действующей»²³. Бесстрастие — не безразличие, а полное отсечение дурных страстей, достигнутое волей человека через активное проявление добродетелей. Если для Паламы высшая ступень совершенства (обожение) — абстрактное «превосходное и богоподобное существование и совершенная неподвижность к злу»²⁴, то для Синаита — это новая жизнь, в которой измененный человек получает неограниченные индивидуальные возможности «творить и просвещать»²⁵.

Дореволюционные русские ученые богословы и ряд зарубежных исследователей, склонных упрощать историю православной церкви, старательно затушевывают различия между направлениями византийской мистики. В их интерпретации исихасты XIV в. проявляют полное единообразие и «все... прекрасно дополняют друг друга...»²⁶. При такой трактовке на первый план выступает личность Григория Паламы, учение которого наиболее полно и последовательно выражает точку зрения официального догматического богословия.

Прочие византийские мистики XIV в. попадают в разряд предшественников или последователей Паламы. Закономерная при теологических изы-

¹⁸ Показательно, что среди цитат, приводимых Синаитом, преобладают выдержки из Нового Завета и писателей-аскетов IV—VIII вв. (Марк, Диадок, Ефрем Сирий, Василий Великий, Исаак Сирий, Иоанн Лествичник); предлагая начинающим подвижникам список писателей-мистиков, Синаит советует всех прочих, как отвлекающих ум и не соответствующих намерению, оставить «до времени» (Сказание малое Григория инок Синаита, о безмолвии, в главицах пятнадцатых, гл. 11. Сборник 1431 г., л. 275). Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 104 об.—106 об. Ср. также: «наша брань не против крови и плоти...» (Ефес., 6, 12).

¹⁹ «... Борбе нашей быти не к крови и плоти, но к началу, к властям тьмы века сего...» (Главы с краегранесием, *ахр.* 122—123. Сборник 1431 г., л. 339). Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 104 об.—106 об. Ср. также: «наша брань не против крови и плоти...» (Ефес., 6, 12). Синаит подчеркивает, что нетленный человек был сотворен без влаги. Поэтому вряд ли правомерно отрицательно окрашенный термин *αβυσος* Синаита возводить к учению Фалеса Милетского о воде (*αβυρος*) или влаги (*βυροτης*) — основе всех сотворенных вещей, как это делает П. А. Сырку (К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке, т. I, вып. 1. СПб., 1899, стр. 190).

²⁰ II солун, 3, 10: «кто не хочет трудиться, тот не ест». Ср., например, гл. 10 «Слова о молитве» Макария Египетского (IV в.), где приведено толкование: «... Посему надобно, чтобы каждый плодопринес какое бы то ни было дело... и хотя бы к чему-нибудь одному доброму расположен был ревностно; а иначе, оказавшись совершенно бесплодным, будет вовсе непричастным вечных благ» (Макарий Египетский. Духовные беседы, послание и слова. М., 1855, стр. 506). заметим, что этими же раннехристианскими источниками воспользуется впоследствии Нил Сорский («... не делая... да не ясть». — Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912, стр. 5).

²¹ «... Всяко бо делание телесное же и духовное, не имеящее болезнь, ни трюуд, никогда же плодоносит...» (Сказание малое, гл. 14. Сборник 1431 г., л. 277; Главы с краегранесием, *ахр.* 122—123, там же, л. 339 об.—341 об.). Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 121 об., л. 106—106 об.

²² Главы с краегранесием, *ахр.* 119. Сборник 1431 г., л. 337—337 об. Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 104.

²³ Главы с краегранесием, *ахр.* 28. Сборник 1431 г., л. 310 об. Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 91.

²⁴ PG, t. 150, col. 1083.

²⁵ Главы с краегранесием, *ахр.* 134. Сборник 1431 г., л. 348 об. Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 110.

²⁶ Еп. А л е к с и й. Византийские церковные мистики 14-го века. Казань, 1906, стр. 5.

сканиях, такая постановка вопроса исключает возможность объективной и разносторонней оценки исторической роли мистических движений.

Не подлежит сомнению, что среди ортодоксальных богословов XIV в. существовало единство в понимании основных догматов церкви. Но, повествуя об одних и тех же предметах, теологи-мистики отдавали предпочтение различным, иногда совершенно противоположным аспектам проблемы отношения человека и божества. Определяющее значение имел субъективный момент — личный опыт. Благодаря этому каждое учение приобретало не только яркую специфическую окраску, но и вполне определенную направленность.

Учения Синаита и Паламы дают представление о двух направлениях в византийской мистике XIV в. В живописи этого периода можно соответственно выделить две группы памятников, идейно и стилистически примыкающих к этим направлениям.

Для одной из этих групп характерна увлеченность вопросами практического противоборства злу и активного совершенствования человека, которое сопровождалось реальным изменением человеческого тела. Внутренняя напряженность и экспрессия, свойственная свободному живописному стилю этой группы памятников, передавали идею присутствия деятельного творческого начала, преодолевающего любые проявления зла в мире и человеке. Очищая и утончая плоть, сжигая «дебелости» божественным огнем духа, вездесущие пламенеющие лучи пронизывали даже неодушевленную материю²⁷.

Другая группа памятников тяготеет к абстрактно-умозрительному по своему характеру учению Паламы²⁸. Для этого официального направления характерно использование ряда важнейших положений Григория Паламы, в частности, его учения о теле. Смысл этого учения заключался в том, что не пассивная плоть, а душа виновна в человеческих грехах. Спор тела и души решался Паламой в пользу тела²⁹. Возможность осуществления греха, заложенная в душе, противопоставлялась, таким образом, потенциальной безгрешности тела. Поскольку божество, согласно учению Паламы, присутствует в энергии-свете во всей полноте, потребность в других внешних атрибутах обожения человека отпала. Тот, кто не желал прослыть еретиком, должен был изображать только реальную человеческую плоть, поскольку именно такой воспринял ее Христос, и поклоняться ей в той мере, в какой она являет божество Христа³⁰. Это, на мой взгляд, и обусловило среди художников-паламитов некоторый интерес к передаче портретных деталей³¹, впрочем, сведенной на нет идеализацией и абстрактной графической моделировкой лиц движками. Густая сетка веерообразных лучиков-движков прикрывала «дебелости» плоти, придавая ей, в соответствии с учением Паламы, «наиприятнейшую красоту»³². Иными словами, эти лучики символизировали «неизглажаемое отличие» божественной энергии от человеческого естества и от божеского существа³³.

В то время, как во всех областях византийской культуры конца XIV —

²⁷ Патриарх Каллист передает следующие слова Григория Синаита: «тот, кто возвышается к богу, благодатию св. духа, видит, как бы в зеркале, всю тварь световидною ...» (П. А. Сырку. Указ. соч., стр. 226).

²⁸ Противоположность этих двух направлений отчетливо выступает при сопоставлении новгородских фресок Феофана Грека (1378 г.) с цаленджихскими росписями Кира Мануила Евгеника (между 1384 и 1396 гг.), проведенном В. Н. Лазаревым (Фесфан Грек и его школа. М., 1961, стр. 44—45). Следует отметить, что по месту возникновения большинство памятников первой группы связано с балканскими странами и Россией, второй группы — с Византией.

²⁹ PG, t. 150, col. 1347—1372.

³⁰ Ср. J. Meyendorff. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959, p. 255.

³¹ Ср. В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр: 223.

³² Порфирий Успенский. Указ. соч., стр. 259.

³³ Там же, стр. 264.

начала XV в. безраздельно господствовало паламитское направление, в славянских странах и на Руси были органически восприняты и широко распространились идеи Григория Синаита³⁴. Исследование причин этого явления выходит за рамки статьи. Однако необходимо заметить, что немалое значение должно было иметь существование у славян и русских сложившейся и достаточно прочной литературной традиции, восходящей непосредственно к ранневизантийским источникам³⁵. Мистическое учение о созерцании, восхождении к совершенству и обожении было хорошо известно у нас с древнейших времен и уже в XI в. имело последователей-практиков³⁶. О непрерывности и развитии в Древней Руси ран-

³⁴ Заслуживает внимания тот факт, что Григорий Синаит основал свой прославленный монастырь не на византийской, а на славянской территории — в Парории (В. С. Киселев. Средновековная Парория и Синаитовит монастыр. — «Сборник в честь на В. Н. Златарски». София, 1925, стр. 103—118), где были переведены на славянский язык и его произведения (П. А. Сырку. Указ. соч., стр. 240). Григорий Синаит был «первый учитель болгаром и сербом деяния (т. е. умного делания. — Н. Г.) по преданию и художеству древних отцов» (В. И. Григорович. Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра. Одесса, 1874, стр. 23, прим. 2). Подобные высказывания о Синаите не единичны (см. архим. Леонид. Из истории юго-славянского монастыря XIV столетия. М., 1871, стр. 5). Высокую оценку сочинениям Григория Синаита дает Нил Сорский. По его словам, «блаженными сеи всех отец духовных обием списания» (Нила Сорского. Предание и Устав, стр. 23). Григорий Синаит — один из любимых и наиболее популярных авторов в славяно-русской среде, чего нельзя сказать о Паламе. В составленном А. И. Соболевским списке переводной литературы Московской Руси упомянуты лишь два незначительных произведения Паламы, не имеющие непосредственного отношения к его теории исихии (А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 20). Паламистик фактически неизвестен в древнерусской письменности. Нил Сорский, посещавший в целях изучения «умного делания» Афон и Константинополь, даже не упоминает о Паламе. О деятельности Паламы как обличителя варлаамо-акиндиновой ереси древнерусские читатели могли узнать только из упоминаний синодика (Ф. И. Успенский. Синодик в неделю православия. Одесса, 1893, стр. 30—38) и двух сочинений византийского монаха XIV в. Давида: «О еже не власти в ересь Варлаама и Акиндина» и «Сказание, како Варлаам изобрете и состави свою ересь» (оба включены в макарьевские мниен-чегии под 31 августа). Эти сочинения, переведенные, вероятно, в XV в., получили широкое распространение в XVI в. (старшие русские списки — конца XV в. См. А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 20. Греческие списки: Гос. исторический музей, Син. № 290; Венская Национальная библиотека, Cod. theol. gr. 210, fol. * 353. По списку XIV в. второе опубликовано: Порфирий Успенский. Указ. соч., стр. 821—826). О том, какие представления о Паламе бытовали в России XVI в., говорит приписка составителя сборника сочинений Паламы и Нила Кавасилы (Гос. исторический музей, Син. № 176, л. 6 об.): «Егда бысть вопрошение к царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси от римьскаго папы посланника от Антова Посивинуса о том, что есть Поламас. К нему же ответ царя Ивана сицев. Паламас есть, Григорий архиепископ селуньский муж свят, с ним же латыни много прение имели о святем душе, и с Марком Ефесским его совокупиша во единомыслие, и брань на них латыни воздвигоша...» (А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II, ч. II. М., 1859, стр. 477). Ср. также указание Курбского в письме К. И. Мамончу (Н. Устрялов. Сказания князя Курбского. СПб., 1842, стр. 264). Древнерусские писатели как будто избегают цитировать Паламу. Даже упоминания его имени древнерусскими переписчиками крайне редки (они свидетельствуют лишь об официальном культе Паламы на Афоне; см., например, П. М. Строев. Библиологический словарь и черновы к нему материалы. СПб., 1882, стр. 19 и 28). Память Паламы отмечена в некоторых месяцесловах XVI в., например, в Син. № 388 (3 и 14 ноября), № 409 (14 ноября), № 410 (5 ноября).

Не следует преувеличивать роль Григория Синаита, но его направление нужно признать более плодотворным для развития славянской и русской культуры.

³⁵ В работе «О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературе IX—XII вв.» И. П. Еремин писал: «Своей исторической путь болгарская и древнерусская литературы начали, оттакаясь от того же литературного наследства, что и литература византийская в VII—VIII вв. Проникаясь все более и более местными, национальными элементами, они развивались в IX—XII вв., значительно меньше находясь под собственно византийским литературным воздействием, чем это принято думать» (И. П. Еремин. Литература древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 17).

³⁶ Рассказ об одном из первых русских созерцателей-исихастов — Исаакии Торопечанине под 1074 г. помещен в летописи Нестора. См. Летопись по Лаврентьевско-

нехристианской мистической традиции, почти забытой к XIV в. византийцами, говорят, в частности, росписи Снетогорского монастыря 1313 г., стиль которых вызывал недоумение искусствоведов своей близостью к стилю новгородских фресок Феофана Грека, исполненных спустя 65 лет³⁷. Нет ничего удивительного в том, что идеи, по-новому сформулированные в учении Синаита, были известны у нас и ранее. Так, в работах Рублева в какой-то мере отразились идеи, высказанные много лет спустя Нилом Сорским³⁸.

О варлаамо-паламитских спорах в России стало известно во второй четверти XIV в.³⁹ Сообщение Никифора Григоры о «новых томах», присланных паламитами в Россию⁴⁰, говорит о том, что в Москве имелись копии «Исповедания» афонских исихастов 1341 г. (*Ἀγιωρετικὸς τόμος*)⁴¹ и соборных актов, фиксирующих этапы утверждения паламитства (эти акты тоже назывались «томосами»). Однако документы эти, по-видимому, не были переведены на русский язык и остались известными ограниченному кругу лиц⁴².

му списку. СПб., 1872, стр. 186—192. Этот рассказ встречается в рукописях и отдельно, например, в сборнике конца XIV в. Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Ф. 304, № 39, л. 51 об. и сл. Термины *исихия*, *исихаст* (*ἡσυχία*, *ἡσυχαστής*) в памятниках древнерусской письменности не встречаются. Вместо них употреблялись слова *безмълвие*, *безмълвник* (*безмолвеник*); *молчание* (*мълчание*), *мълчалник*.

³⁷ А. Н. Г р а б а р. Несколько заметок об искусстве Феофана Грека. — ТОДРЛ, т. XXII, 1966, стр. 83—84.

³⁸ См. В. Н. Л а з а р е в. Андрей Рублев и его школа. — «История русского искусства», т. III. М.—Л., 1955, стр. 108—112.

³⁹ А. И. К л и б а н о в. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960, стр. 146. Отголосок этих споров — «Послание о рае» новгородского архиепископа Василия Калики тверскому епископу Федору Доброму, помещенное в ряде русских летописей под 1347 г.

Косвенным свидетельством интереса к учению о преображении может служить заметное увеличение числа Преображенских Спасских монастырей и храмов, основанных у нас в XIV—XV вв. Для примера перечислю некоторые из них, основанные в XIV в. В Москве — Спас «на Бору» — храм и великокняжеский монастырь в Кремле (1330 г.), в Новгороде Великом — Спас «на Ковалево» (1345 г.) и Спас «на Ильине улице» (1374 г.), в Изборске — Спас «у святого Николы на полатах» (1349 г.), в Нижнем Новгороде — Спасский собор (1352 г.), в Торжке — храм Преображения (1364 г.), в Пскове — Спас «у старого костра» (1384 г.).

Среди Спасопреображенских монастырей, основанных в XIV в., можно упомянуть следующие: в Галиче Мерском (1335 г.), в Суздале (Спасоевфимиев, 1352 г.), в Твери (Загородный Трехсвятский и Преображенский на Соси, оба упоминаются под 1361 г.), Красносельский близ Луцка, Каргопольский Вассианов, Прилуцкий Дмитриев близ Вологды (1371 г. — Е. Е. Голубинский считает, что этот монастырь был посвящен Спасу и Богоматери. См. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909, стр. 84), в Коломне (Спас-Ядринский, упом. в 1377 г.), Преображенский у Медвежьего озера (Московская область, основан между 1362—1389 гг.) в Москве на Старом Симонове (Е. Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., стр. 76, прим. 1), в Вязме (Преображенский Вышний), Спасский на Веходне (Московская область), Преображенский Нуромский близ Вологды (кон. XIV в. По предположению Е. Е. Голубинского, первоначально монастырь назывался в честь Всемилюстивого Спаса. — Указ. соч., стр. 81), Макариев на Письме (Костромская область. Основан во второй половине XIV в. См. Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 147), в Порхове (упоминается под 1399 г.), Святоозерский Сенегский (конец XIV в.).

Сведения (помимо указанных в скобках) о перечисленных монастырях и библиографию см. В. В. З в е р и н с к и й. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890—1897, № 2059, 1158, 1202, 2078, 2075, 1160, 1174, 473, 2049, 2076, 1941, 1172, 1185, 423.

⁴⁰ PG, t. 149, col. 98.

⁴¹ PG., t. 150, col. 1225—1236.

⁴² Об этом говорит содержание упомянутого (см. прим. 39) «Послания о рае». Мнение Федора Доброга о гибели земного рая может рассматриваться как результат по-верхностного знакомства тверского епископа с идеями Паламы. Взгляды Василия Калики, примыкают к направлению Григория Синаита, что было отмечено еще А. Д. Седельниковым в статье «Мотив о рае в русском средневековом прении» (BS, VII, 1938, p. 171).

Постпаламитские идеи усиленно экспортировались в Россию⁴³; наплыв константинопольских икон, воспринимавшихся большинством художников как непререкаемые образцы для подражания, был, по-видимому, столь значителен⁴⁴ что не мог не отразиться на развитии искусства. Целому поколению живописцев предстояло кардинально переосмыслить исихастское учение и преодолеть постпаламитский синкретизм.

Приступить к решению такой задачи мог лишь русский художник-мыслитель, не уступающий по таланту работавшему в эти годы в России «великому философу» Феофану Греку.

* * *

По справедливому замечанию В. Н. Лазарева, исихазм, «сделавшись официальным церковным учением, ... быстро переродился в глубоко враждебную каким-либо индивидуальным толкованиям догму»⁴⁵. Защищаясь от нападков схоластов, Палама вынужден был сам прибегнуть к схоластическим приемам⁴⁶.

Догматизм, который воцарился в Византии после победы паламитов и оказался губительным для византийской живописи, был внутренне чужд направлению Синаита. Не связанные полемикой и придворными интригами, Синаит и его ученики трактовали трудные психологические и философские вопросы, опираясь на достижения ранневизантийской мистики. Обращение к древним традициям, тонкое поэтическое чувство, ориентация не на схоластические выкладки, а на субъективный эмоциональный опыт, — все это давало простор творческому уму и не могло не привлекать философов и художников вроде Феофана Грека.

Феофан Грек справедливо считается духовным наставником Андрея Рублева. Но чем объяснить разногласие в творческих устремлениях и манерах этих мастеров? Заслуживает внимания и другой факт. С одной стороны, произведения Рублева сохраняют ряд несомненных признаков позднепалеологовского стиля (строгость и графичность разделки деталей, применение «присмирившей плавки» в сочетании с графической системой параллельных движков и т. д.), безусловно обязательных с точки зрения окружавших художника влиятельных московских ортодоксов. С другой стороны, работы Рублева далеки от сухого академизма постпаламитского искусства. Их свободный живописный стиль говорит о свежести и своеобразии художественного мышления, о поиске новых выразительных средств.

Феофан Грек в своем творчестве исходит от идеи абсолютного торжества духа над материей. Такая трактовка неминуемо ведет к противопоставлению духа и материи, к драматическому столкновению двух вневременных сил: активного духовного начала — света, и пассивного, темного начала, олицетворявшего «ветхую» (испорченную) человеческую душу и плоть. Победа над плотью означает всецелое преобразование тела духом.

Произведения Рублева проникнуты идеей реальности обожженного человеческого естества. Действие света проявляется в нерасторжимом единстве духа и плоти. Перерождаясь вместе с душой, плоть наполняется активной энергией — светом. Красота преобразенного тела, сохраняющего земное обличье, служит залогом реального торжества в человеке этического начала.

⁴³ Главными проводниками этих идей были церковные деятели, непосредственно связанные с византийской церковью и искавшие ее поддержки.

⁴⁴ Ср., например, В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура великокняжеской Москвы. — «История русского искусства», т. III, стр. 82—84. Можно думать, мастером паламитского толка был и работавший долгие годы в России Игнатий Грек. См. о нем: В. И. Антонова. Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 569—572.

⁴⁵ В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа, стр. 23.

⁴⁶ Сильное влияние «схоластического духа» на произведения Паламы вынужден отметить даже еп. Алексей (указ. соч., стр. 48).

Феофановские персонажи вызывают восхищение, но они почти не-постижимы. Они — вестники непознаваемого духовного мира, где царят иные законы красоты и совершенства. Резко индивидуальные лица их кажутся суровыми и непрístupными.

У Рублева, при обобщенности и абстрактности изображений, святые сохранили земные черты и всецело обращены к миру. Не для того поднялись они над миром, чтобы издали судить и карать его, а для того, чтобы исправлять и врачевать.

Свет в композициях Феофана Грека подобно изменчивым языкам пламени пробивается сквозь призрачную оболочку плоти, почти нивелируя ее, сжигая очистительным огнем⁴⁷. Источник света — внутри каждого персонажа. Чтобы убедиться в этом, достаточно, изучив построение пробелов на одеждах в росписях церкви Спаса Преображения, проследить направление световых отблесков. Они возникают в глубине и распространяются лучеобразно, преломляясь в изменчивых гранях материальных форм.

Согласно учению византийских исихастов, свет проявляется материально и духовно, составляя единственно реальное связующее звено между материальным и духовным мирами. Земных законов для этого света не существует. В феофановских росписях он присутствует везде, то обрушиваясь — слева направо — косым дождем параллельных бликов на щеках, шее и груди святого, то искрами разлетаясь на волосах столпника, то мерцая огоньками на концах его пальцев. Одежды, вещи, архитектурные детали также представляют отражение невидимого и непрístupного мира и пронизаны лучистой энергией, которую сообщает им присутствие божества.

В противоположность Феофану, в иконах и фресках Рублева отсутствуют резкие блики, противопоставленные санкирию или охрению. Последовательное наложение тончайших светлых и постепенно светлеющих слоев охр создает совершенно иной эффект. Источник света — внутри, но свет не пробивается сквозь телесную ткань, а равномерно излучается ею. Он исходит на окружающие предметы и сообщает всему животворную радостную теплоту, которая передается зрителю. Спокойные параллельные движки, плавно обтекающие телесные объемы, усиливают впечатление неизменного, устойчивого свечения. Светится сама плоть.

Помещенные в ирреальном пространстве, персонажи Феофана действуют в единстве с всепроникающей сверхъестественной волей. Движения их скупы, но полны непреодолимой силы; взгляды обращены в первопричину явлений. Согласно Симеону Новому Богослову, каждый, кто достиг очищения сердца, «весь всецело бывает бог по благодати»⁴⁸. Он «слеп и не слеп; он смотрит не естественными очами, так как стал выше всякого естественного зрения... и смотрит выше естества. Бывает бездействен и недвижим, как исполнивший всякое собственное действие»⁴⁹...

Феофану, бесспорно, были хорошо знакомы учения мистиков XI—XII вв. Именно поэтому ему чуждо буквальное понимание «бездейственности» как следствия отсечения воли, как следствия механической замены личной инициативы человека устойчивым и неизменным действием благодати, — понимание, свойственное большинству византийских живописцев XI—XII вв. (ср., например, приемы линейной стилизации све-

⁴⁷ Следуя, по-видимому, словам апостола Павла «бог наш есть огонь поядающий» (Послание к евреям, 12, 29; ср. Второзаконие, 4, 24), Симеон Новый Богослов писал, что святой, «будучи весь как пламень некий и огонь палящий... обращает в бегство демонов, которые... бегут от него, чтоб не быть опаленными от исходящего из него божественного огня» (Симеон Новый Богослов. Слова, вып. II, М., 1890, стр. 522).

⁴⁸ Симеон Новый Богослов. Слова, вып. II, стр. 537.

⁴⁹ Там же, стр. 557.

тов). Приближаясь к идеям Синаита, Феофан понимал бездейственность как отсутствие отрицательных страстей, стимулирующее духовную активность⁵⁰. Его внешне неподвижные фигуры не воспринимаются застывшими благодаря экстатической напряженности и динамике неожиданных световых изломов. Подобные молниям, эти отблески должны были свидетельствовать об активной деятельности преображенного человеческого духа. Сознательно усиливая контраст несозданного света и сотворенной человеческой плоти, художник противопоставлял бессмертную духовную красоту тленной красоте материальных форм⁵¹.

Отсюда — характерные особенности палитры феофановских фресок. Изменчивое многообразие земных оттенков затрудняет восприятие идеи всеобъемлющего троичного единства. Подыскивая зрительное выражение для отвлеченных философских понятий, Феофан подчиняет красочную гамму основному тону, из которого исходят остальные, подобно тому, как бесконечность вселенной порождается одной трансцендентной сущностью. Главную роль при этом играет белый цвет, символ света.

В отличие от Феофана, Рублев не противопоставляет духовную красоту материальной. Для него разнообразие мира — свидетельство бесконечного совершенства и величия божества. Человеческое тело — вместилище духа. Отражая причину сущего, оно несет в себе божественное начало. Поэтому потенциальная возможность греха в нем, как в объекте живописи, полностью исключается. Выделив абстрагированную человеческую красоту, художник делает ее объектом поклонения и подражания.

Так же, как Феофан, Рублев стремится достигнуть воплощения красоты первоначального, нетленного человека. Так же, как Феофан, Рублев видит в этой красоте результат творческой деятельности преображенного человеческого духа. Но если для Феофана достижение совершенства означает полное изменение чувственного человека, то для Рублева этот процесс заключается в освобождении первозданной красоты, скрытой в материальных формах. Художник последовательно отбрасывает все грубое, несовершенное, злое, что присуще пассивной плоти. Человек предстает в его работах как бы очищенным от земного несовершенства.

Сохраняя индивидуальные черты, тело преобразуется силой духа. В пропорциях фигур появляется легкость. Движения освобождаются от бремена случайности. Смелая мечта средневекового человека о царстве духа и справедливости, о «мысленном рае», начинает обретать конкретные, зримые формы, становится близкой и желанной.

* * *

В росписях новгородской церкви Спаса Преображения мистическое искусство, созвучное идеям Григория Синаита, достигло вершины своего

⁵⁰ Григорий Синаит, ссылаясь на Марка Подвижника, противопоставляет духовную энергию энергии зла (Ведение известно о безмолвии и молитве. Сборник 1431 г., л. 284. Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 115). Он утверждает, что «действие благодати есть сила огня духовнаго» (там же), «божественна сила, действующи и творящи вся» (Главы с краегранесием, ахр. 117. Сборник 1431 г., л. 336 об. Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 104 об.). Синаит пишет: «яко же бо тело мртво и нечувственно есть кроме духа, сице оумртьвивши ся страсти... недействен бывает и непросвещен...» (Главы с краегранесием, ахр. 129. Сборник 1431 г., л. 345. Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 109).

⁵¹ Склонность к гиперболизации духовного начала — весьма характерная черта учений некоторых византийских theologов. Например, Григорий Нисский считал, что изначально, беспорочные люди вообще не имели тела и были духами (см. А. В. Мартынов. Учение св. Григория Нисского о природе человека. Опыт исследования в области христианской философии IV века. М., 1886, стр. 131—132).

Однако было бы грубейшей ошибкой утверждать, что содержание феофановского творчества сводится к дуализму, к проповеди уничтожения «ветхой» плоти как источника греха. Намеренно акцентируя трансцендентное начало, Феофан показывал величие и могущество человеческого духа.

развития. Эпоха резкого подъема еретических движений в России выдвинула на первый план иные задачи. Тезисом крайнего течения стригольничества было отрицание воскресения мертвых. Церкви же требовалось утвердить истинность важнейшего христианского догмата. Живописные изображения должны были убедить сомневающихся в реальности нетления тел.

Искусство, отражающее победу активного духовного начала, уничтожение всех материальных проявлений зла и полное преобразование тела, не удовлетворяло этому требованию. Более того, колеблющиеся в вере могли усмотреть в нем намек на уничтожение телесного «вещества». Не убеждало и предложенное паламитами «примирение» дебелистей плоти с божественной энергией. Однако выход был найден.

Согласно учению Синаита и его последователей, изначальное естество человека не подвержено тлению и вообще каким-либо изменениям⁵². Очищая истинное свое естество в процессе совершенствования, человек избавлялся лишь от злого пассивного начала — «дебелостей» и «мок-рот». Взамен являлась животворная влага духа. Она подобно росе насыщала очищенное нетленное тело, делая его световидным и как бы огненным⁵³.

Отказ от резкого противопоставления духовного и материального означал принципиальный сдвиг в переосмыслении идеологического наследия Византии. В искусстве на первый план выступили этические вопросы, всегда занимавшие важное место в русском национальном самосознании.

В соответствии с учением мистиков, дух мыслился как творящая трансцендентная сила. Но интенсивность его проявлений зависела от степени нравственного совершенства индивидуума⁵⁴. Посредством души дух оказывал влияние на плоть, преобразуя склад мышления, желания и склонности. В конечном итоге это влияние приводило к изменению облика, взгляда, манеры говорить и держаться. Никита Стифат писал, что печаль «слезами так истончает зиму страстей и облак греха, и из мысленного воздуха души изгоняет их, что в помыслах ума нашего тотчас соделывается ведро... и в виде лица нашего изменение...»⁵⁵

Как зрительно выражается нравственное преобразование, что вызывает у людей ответную эмоциональную реакцию, в чём принципы духовного видения красоты, — все эти вопросы, порожденные интересом к психологической теории исихастов, естественно, находились в поле зрения древнерусских писателей и художников. Было подмечено, что внешний вид человека, достигшего духовного совершенства, оказывает сильное воздействие на окружающих, поскольку в каждом заложена инстинктивная тяга к добру и красоте.

Приведу для примера отрывок из опубликованного Я. С. Лурье анонимного послания конца XV в. «Желательнейше ми есть, еже близ быти великаго пастыря и того честное лице зрети, — пишет своему наставнику неизвестный монах. — Может бо, святой владыко, господи, еже токмо

⁵² Главы с краегранием, *зкр.* 8. Сборник 1431 г., л. 306. Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 88 об.

⁵³ Каллист, ученик Григория Синаита и составитель его жития, писал: «... (благодать) всего внутреннего человека исполняет росы божественной и духа, внешнего же огненным делает» (Добротолюбие в славянском переводе, ч. II. М., 1851, л. 53, гл. 6). Свое понимание действия благодати Каллист пояснял ссылкой на Игнатия Богоносца (II в.): «нет во мне веществолюбивого огня, но есть вода действующая и глаголющая» (там же, гл. 5).

⁵⁴ Это учение вплотную примыкает к идеям Филона Александрийского и Плотина. В раннехристианской философии его развивали апостол Павел и аскеты-мистики, например, Макарий Египетский.

⁵⁵ Добротолюбие в русском переводе, т. V. М., 1900, стр. 99, гл. 61. Ср. в рукописи XV в. Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Ф. 304, № 704, л. 400 об. По-своему отмечали это и паламиты. В житии Паламы рассказывалось, что в часы «следовавшие за его затвором, а особенно после литургии, лицо его было славно, — на нем играл свет божественный» (П. А. Сыр к у. Указ. соч., стр. 84).

*видети тя, злонравную ми душу увещати, во благонравие преложитися и во умиление прийти»*⁵⁶.

Жития, сохранившие рассказы о создании посмертных изображений русских подвижников, повествуют о том, с какой настойчивостью и скрупулезностью собирали живописцы все уцелевшие сведения у «самовидцев», т. е. у тех, кто знал умершего и помнил его⁵⁷.

Любопытную историю передает житие Никиты Новгородского. Некий архиепископ велел иконописцу Симеону написать образ этого святого. Художник не знал, как выглядел преподобный, и решил на всякий случай пририсовать ему «малу браду». Только он это задумал и прилег вздремнуть, как сквозь сон услышал голос: «Симеоне помышляеши написати браду у епископа Никиты да и тому не помышляи писати брады у епископа Никиты, не быти бо брады у него. Да и прочим иконописцем сие возвестити, да не пишут на иконах у епископа Никиты брады». Проснувшись, Симеон написал икону, «яко же сам повеле святой»⁵⁸.

Древнерусские составители житий нередко подолгу перечисляют казалось бы ненужные подробности внешнего вида подвижников. «Бысть же святый средни телом, брадоу же имея продолгоу не велми и не широкоу, тьяноу, вполседоу, свилася на четверо»⁵⁹, сообщает автор жития новгородского епископа Нифонта. Составитель жития Авраамия Смоленского, передав наружность святого, отмечает плешь на его голове. И, словно оправдываясь, добавляет, что говорит это «многих ради, иже его не видеша и не слышаша»⁶⁰. Последняя реплика обращена прямо к иконописцам. Для них была важна любая деталь, которая могла дополнить внешний облик святого, нередко оказывавший такое воздействие на окружающих, что «ум их в гулы расхождашеся от сладостного взирания сладостных очию его, и мысль их сокрушашеся; и буйство сердца их яко воск таяше...»⁶¹.

Стремление запечатлеть черты учителя, передать притягивающую, гипнотическую силу его обаяния, приводило к тому, что еще при жизни святого тайно или явно делались его зарисовки, а то и писались иконы⁶².

Еще участники VII вселенского собора пришли к выводу, что душу изобразить невозможно, «однакоже никто из благомыслящих, видя порт-

⁵⁶ ТОДРЛ, т. XVI, 1960, стр. 465.

⁵⁷ Ср., например, Ю. Н. Дмитриев. О творчестве древнерусского художника. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 552—553.

⁵⁸ Гос. исторический музей, Сип. № 804, л. 1288 об. — 1289.

⁵⁹ Н. И. Костомаров. Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей. СПб., 1860, стр. 6.

⁶⁰ Н. Я. Аристов. Хрестоматия по русской истории для изучения древнерусской жизни, письменности, литературы, от начала письменности до XVI века. Варшава, 1870, стлб. 406.

⁶¹ Н. И. Костомаров. Указ. соч., стр. 85.

⁶² Ср. Ю. Н. Дмитриев. Указ. соч., стр. 552—556. Чаще всего, однако, такие иконы создавались после смерти подвижников их учениками или художниками, знавшими святых при жизни. Например, икона безмолвника Пахомия Нерехтского была написана спустя год после его смерти, в 1385 г., учеником Пахомия — Иринархом (по имеющимся сведениям, икона эта находится в действующей церкви города Нерехты). В рукописи Гос. исторического музея (бывш. собр. Царского, № 138, л. 68) содержится известие, что ученики Нила Сорского «на могилу его камень положиша и на нем подписаха лето, месяц и день преставления его, также и образ подобия его написаша, каков бе преподобный» (А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882, стр. 44). Е. Е. Голубинскому были известны «иконы-портреты» Нила Сорского и Иннокентия Охлебинина, исполненные «тотчас после кончины того и другого» (История канонизации святых в русской церкви, стр. 276, прим. 1). В своем обширном исследовании Голубинский почему-то не упомянул о курьезном случае, когда икона подвижника воссоздавалась по выкопанным из земли мощам. Рассказ об этом приведен в житии севернорусского святого XV в. Георгия Шенкурского (М. Усердов. Житие Георгия Шенкурского и грамота пресвященного Варнавы. — «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», ч. I, январь, отд. 3. М., 1885, стр. 12): В житии сообщается, что важский наместник Ивана III Михаил Васильевич Хворостинин «раскопал и невредны обрел» мощи Георгия, «и повелев, на его смотря, написати образ святого...»

рет человека, и не помыслил, что живописец отделяет человека от его души»⁶³. Такой взгляд был воспринят и русскими художниками и философами, интересующимися вопросами совершенствования. Нил Сорский утверждал, что «внутренний человек внешнему съобразуется»⁶⁴.

Живописец должен был убедительно передать образ святого, т. е. сумму тех представлений, которые сложились о его жизни и деятельности. Однако это не было только обобщением «психологических реалий». Неповторимые внешние черты должны были выразить идею реальности внутреннего человека, исполненного «росы божественной и духа».

Серьезность этой задачи явствует из слов Григория Синаита: «аще не оувемы яковы нас сътворил есть бог, не познаем каковы нас сътворил есть грех»⁶⁵.

Византийские мистики были единодушны во мнении, что лишь опытный созерцатель, способный надлежащим образом использовать свои чувства, может «через духовное созерцание» чувственного мира придти к видению «того, что выше мира»⁶⁶. Никита Стифат подчеркивал, что «в людях замечаются большие различия в естественных свойствах..., на которые верно смотреть и верно о них судить могут одни те, кои умное свое око душевное очистили... и имеют пребывающим в себе безмерный свет...»⁶⁷.

Он отмечал также, что восхождение «от красоты» чувственного мира к познанию сущности мира и человека происходит «соразмерно» с чистотой созерцателя⁶⁸.

Великих иконописцев не случайно называли в древней Руси «мудрыми» и «философами»⁶⁹. Ведь для того, чтобы посредством живописных образов «и других просветить»⁷⁰, приблизить их к состоянию созерцания⁷¹, художник должен был стать философом и «витией», который «всеведением свободно объемяет сущее как единое, показывая это единое и в разделении, и в соединении»⁷².

Исихастская теория духовного созерцания легла в основу творческого метода художников круга Андрея Рублева. По свидетельству Иосифа Волоцкого, «пресловущия иконописцы, Даниил и ученик его Андрей и инии мнози таковы же», чтобы «божественныя благодати сподобитися, и толико в божественную любовь предуспевати», всегда возносили «ум и

⁶³ Деяния вселенских соборов, т. VII, стр. 463.

⁶⁴ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 58.

⁶⁵ Главы с краегранесием, *ѡ*хр. 50. Сборник 1431 г., л. 315. Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 93 об.

⁶⁶ PG, t. 151, col. 35. Ср.: «преуспевающие в духовном совершенстве... научаемы бывают мысленно божественною благодатию ведению за ведением, восходя от созерцания сущего к познанию того, что воистину есть выше всего сущего» (С и м е о н Н о в ы й Б о г о с л о в. Слова, вып. II, стр. 555).

⁶⁷ Добротолюбие в русском переводе, т. V, М., 1900, стр. 99, гл. 63; рукопись XV в. Гос. библ. им. В. И. Ленина, Ф 304, № 704, л. 400 об.

⁶⁸ Добротолюбие в русском переводе, т. V, стр. 107, гл. 90; рукопись XV в. Гос. библ. им. В. И. Ленина, Ф. 304, № 704, л. 403.

⁶⁹ Согласно Григорию Синаиту, «истинный философ тот, кто от сущего уведал причину сущего, или от причины сущее познал», и не только познал, «но и восприял» (Главы с краегранесием, *ѡ*хр. 127. Сборник 1431 г., л. 343; Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 107 об.).

⁷⁰ Главы с краегранесием, *ѡ*хр. 127. Сборник 1431 г., л. 342 об. — 343; Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 107 об.

⁷¹ Состояние созерцателя в общении с иконой передает рассказ современника Григория Синаита — Максима Кавсокаливского. По словам Максима, он ощущал в груди и сердце теплоту и пламень, веющие от иконы, но она не жгла, а прохлаждала и услаждала, и производила в душе великое умиление (Порфирий Успенский. Второе путешествие по святой горе Афонской в годы 1858, 1859 и 1861, и описание скитов Афонских. М., 1880, стр. 358). Ср. этот отрывок в изложении П. А. Сыркову (Житие Григория Синаита, составленное константинопольским патриархом Каллистом. СПб., 1909, стр. XII).

⁷² Главы с краегранесием, *ѡ*хр. 127. Сборник 1431 г., л. 342 об.; Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 107 об.

мысль... к невестественному и божественному свету». При этом «чувственное око» они обращали к созерцанию икон, чем достигали исихастского состояния озарения: «божественные радости и светлости исполняхуся». Иосиф Волоцкий подчеркивал, что подобной практикой они занимались не только во время работы, «но и в прочая дни, егда живописательству не прилежаху»⁷³. Философские и стиливые находки этих мастеров получили применение и развитие в русском искусстве XV в.

* * *

В представлении современного человека стремление к моральным ценностям несовместимо с мыслью о полном перерождении личности под воздействием энергии божества. Казалось бы, этический уклон русской живописи с ее вниманием к человеку прямо противоположен феофановской апологии обожения. Но для богослова эти принципы равноценны. Один из популярнейших в России XV в. ранневизантийских писателей-аскетов авва Дорофей писал, что любовь к себе подобным так же приближает к богу, как любовь к богу сближает людей между собой⁷⁴.

Философское разногласие между Рублевым и Феофаном Греком получило разрешение в творчестве Дионисия. Принцип утверждения добра, обусловленный рублевской традицией, возобладавал у Дионисия именно благодаря развитию духовного начала. Этого требовали и новые задачи церковной идеологии, и условия борьбы против новгородско-московских еретиков второй половины XV в., и, наконец, необходимость преодолеть творческие разногласия среди иконописцев.

Технические приемы, выработанные в результате переосмысления исихастских идей, открывали широкий простор для формальных экспериментов. Но погоня за помпезной красотью, импонирующей определенным светским заказчикам, лишала эти приемы всякого смысла. Он был вытеснен парадным великолепием костюмов, церемониальной торжественностью намеренно усложненных композиций.

На первый взгляд, противники этого направления во главе с Дионисием⁷⁵ пользовались теми же выразительными средствами. Едва ли не в большей мере интересовались они вопросами формы и цвета. Их композиции пронизаны замедленным ритмом. Движения фигур полны благородной сдержанности. Красочность одежд волнует воображение. Однако для этих мастеров целью живописных поисков было философское проникновение в сущность явлений.

Симеон Новый Богослов, основываясь на евангельском учении⁷⁶, писал, что «...святые, будучи освещаемы... ангелами, ... делаютя равночестными с ними и подобными им»⁷⁷. Григорий Палама, со свойственной ему осторожностью, комментировал: «Хотя по образу божью мы более, чем ангелы, по подобию гораздо ниже добрых ангелов»⁷⁸. Иначе рассуждал Синаит: «Жизнью подобен (ὁμοιάτος) ангелам, как бы бесплотен и нетленен человек, очистивший ум слезами»⁷⁹. Современник Дионисия Нил Сорский прямо утверждает, что совершенного духовно человека бог «ангелам равна показает» и «лучша тех створить»⁸⁰.

⁷³ См. ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 12.

⁷⁴ PG. t. 88, col. 1696 B—C.

⁷⁵ Н. К. Голейзовский. «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи на рубеже XV—XVI вв.— ВВ, т. XXVI, 1965, стр. 233—234.

⁷⁶ «...Сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых... равны ангелам...» (Лука, 20, 35—36).

⁷⁷ Симеон Новый Богослов. Слова, вып. II, стр. 560.

⁷⁸ PG, т. 150, col. 64.

⁷⁹ «Ангелом единокителен бывает, малом чим, и бесплотен яко нетленен, иже оум слезами очистив...» (Главы с краегранесием, *апр.* 45. Сборник 1431 г., л. 314). Ср. Добролюбие в славянском переводе, ч. I, л. 93.

⁸⁰ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 29.

В интерпретации Дионисия обожение сопровождается существенным изменением свойств материальной субстанции, ее полным одухотворением. Форма выражает единство духовной и телесной красоты. Если феофановские ангелы резко отличаются от людей, то Дионисий наделяет человека «души ангельским движением богодвижным (θεοκίνητος)»⁸¹. Не наружные знаки благодати, а это движение, полное скрытого могущества, знаменует у Дионисия победу над злом и торжество духовного начала.

Одухотворение плоти изменило пропорции дионисиевских фигур. Стройные, почти прозрачные и словно излучающие свет, они едва касаются земли, парят, подобно ангелам. Утрата земной весомости называется и на внешних движениях: они становятся замедленными и едва ощутимыми. Это живописный синоним очищения — освобождения тела от дебелостей и «мокрот», синоним утончения плоти. Вслед за Нилом Сорским Дионисий утверждает возможность бесконечного совершенствования человека, способного преодолеть ограниченность плоти и стать даже «лучша» и выше ангела.

Практика духовного созерцания приблизила исихастский мысленный рай к материальному миру. Связующим звеном между ними стало нравственное преобразование, ведущее к очищению плоти. Открытия, сделанные мастерами рублевской школы, позволили Дионисию подняться до новых художественных обобщений. Пожалуй, впервые в русской живописи идея мысленного рая получила исчерпывающее и разностороннее отражение.

Приравнивая преображенного человека к ангельскому лику, Дионисий не абстрагирует его, не противопоставляет миру. Композиции построены с таким расчетом, что действующие лица как бы соучаствуют в общей молитве, направляют духовные устремления людей. Фигуры, ландшафт и фон выступают как зримые свидетельства высшей реальности. В субъективном восприятии зрителя мир расширяется. Мысленный рай становится одновременно земным раем. Каждый получает ощущение близости царства духа, смутной мечтой о котором жило человечество.

Мир этот тем ближе, что наделен знакомыми, радостными красками, вызывает земные ассоциации. Он влечет, подобно магниту, потому что прекраснее земного. Затрагивая тончайшие эмоции, он неотступно требует совершенства, пробуждает творческую активность души человека.

* * *

Критический пересмотр философского наследия Византии характеризует одну из существенных сторон идеологического движения в России XIV—XV вв.

Деятельность исихастов пробудила интерес к личности, дала богатый материал для самостоятельной разработки учения о совершенствовании. Этическим исследованиям русских философов-мистиков (от Сергия Радонежского до Нила Сорского) сопутствовали поиски художественных средств для выражения новых тенденций в искусстве.

Философская система Нила Сорского подытожила результаты длительной национальной переработки исихастских идей.

Творчество Дионисия завершило процесс формирования и развития стиля, отразившего эти идеи в живописи.

⁸¹ Главы с краегранесием, дхр. 118. Сборник 1431 г., л. 336 об. Ср. Добротолюбие в славянском переводе, ч. I, л. 104 об.

Н. И. КРЕСАЛЬНЫЙ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БАШНИ СОФИИ КИЕВСКОЙ

Сохранившиеся до наших дней юго-западная и северо-западная башни Софии Киевской уже с древних времен являются ее неотъемлемой составной частью, хотя и появились они несколько позже основного пятинефного ядра храма.

По поводу того, как проходили на хоры древнейшего ядра собора до постройки нынешних башен, было высказано не мало довольно противоречивых предположений многими учеными и исследователями этого древнейшего архитектурного памятника Киевской Руси, однако ни одно из них не может считаться хоть сколько-нибудь достоверным. Поэтому вопрос этот и в настоящее время следует считать не решенным.

Еще в середине прошлого столетия Ф. Г. Солнцев, который руководил работами по «поновлению» обнаруженных в Софии Киевской фресковых росписей, совершенно правильно полагал, что нынешние внешние галереи собора с башнями в северо-западном и юго-западном углах хотя и являются древними, но построены позже основного пятинефного ядра собора с открытыми одноэтажными галереями с южной и северной сторон¹. В схеме реконструкции первоначального ядра храма (до пристройки наружных галерей и башен), сделанной Ф. Г. Солнцевым на основе обмерных чертежей архитектора П. Спарро, для выхода на открытые северную и южную галереи, а с них на хоры показаны открытые каменные лестницы в северо-западном и юго-западном углах храма.

Эту же мысль высказывал С. Кросс², который полагал однако, что для выхода на хоры первоначально существовали не каменные, а специальные деревянные лестницы. Затем, по мнению С. Кросса, в северо-западном углу храма была выстроена каменная лестница, которая была включена в возникшие позже наружные галереи с башней в юго-западном углу.

О существовании специальных входов на хоры до возведения нынешних башен и наружных галерей высказывал предположение также Н. И. Брунов³, который, вопреки мнению С. Кросса, полагал, что лестница для выхода на хоры располагалась не в северо-западном, а в юго-

¹ Позже было установлено, что первоначальное пятинефное ядро собора было окружено открытыми одноэтажными галереями не только с южной и северной сторон, как полагал Ф. Г. Солнцев, но также с западной стороны.

² S. H. Gross. H. V. Morgilewski, K. J. Conant. The earliest mediaeval churches of Kiev. — «Speculum», XI, N 4, Oktober, N 4, p. 493—497.

³ Н. И. Брунов. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII ст. ст. — В кн. «Русская архитектура», под ред. В. Шкварикова. М., 1940, стр. 111—119.

западном квадратном угловом делении первоначальной наружной галереи Софии Киевской. Н. И. Брунов допускал также наличие специальных, возможно деревянных, переходов, которые соединяли хоры собора с несохранившимися дворцовыми корпусами, как во Владимиро-Суздальских памятниках.

Этого мнения придерживались также Д. С. Лихачев⁴, И. А. Грабовский и Ю. С. Асеев⁵, Н. И. Кресальный⁶ и до недавнего времени М. К. Каргер, который еще в довоенное время, а затем после Отечественной войны проводил исследование территории, прилегающей к Софийскому собору с запада, но не обнаружил каких-либо остатков ни дворцовых сооружений, ни предполагавшихся переходов к ним с уровня хоров собора.

В опубликованном в 1961 г. труде М. К. Каргер пишет: «Археологические исследования, проводящиеся в течение ряда лет на территории Софийского заповедника, в том числе на участках, почти вплотную примыкающих к зданию собора, позволяют нам со всей решительностью отвергнуть дожившую до наших дней старую гипотезу о «переходах» (каменных или даже деревянных), соединявших полати Софии со вторым этажом княжеского дворца, находившегося поблизости. Никаких следов дворцовых сооружений в окружении Софии нет...»⁷.

Несомненно, однако, что какие-то сооружения для выхода на хоры собора в древности существовали, но где именно и что они собою представляли, все еще остается неустановленным. Возможно, дальнейшими исследованиями и удастся обнаружить какие-либо остатки или детали этих сооружений и на их основе разрешить проблему прохода на хоры до пристройки второго пояса открытых наружных галерей сначала с башней в юго-западном углу, а несколько позже и с северо-западной башней.

О времени сооружения лестничных башен Софии Киевской, которые сохранились до наших дней, так же было высказано немало противоречивых мнений, объяснявшихся тем, что их авторы не располагали достаточным фактическим материалом о памятнике. Так, например, П. А. Лашкарев⁸, а позже И. В. Моргилевский⁹ и Н. И. Брунов¹⁰ считали, что обе башни пристроены к основному объему храма одновременно с возникшими позже наружными галереями. Такие же исследователи, как П. Г. Лебединцев¹¹, Н. А. Окунев¹², К. В. Шероцкий¹³, Ф. И. Шмит¹⁴ полагали, что северо-западная башня возникла одновременно с основным, пятинефным объемом храма, а юго-западная башня была построена позже.

⁴ Д. С. Лихачев. Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром. — «Исторический журнал», № 7, 1943, стр. 33.

⁵ С. Я. Грабовський и Ю. С. Асеев. Дослідження Софії Київської. — В кн. «Архітектурні пам'ятники. Збірник наукових праць». Київ, 1950, стр. 45.

⁶ М. И. Кресальний. Софійський заповідник у Києві. Архітектурно-історичний нарис. Київ, 1960, стр. 76—84.

⁷ М. К. Каргер. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнего города, т. II. М.—Л., 1961, стр. 175.

⁸ П. А. Лашкарев. Церковно-археологические очерки, исследования и рефераты. Киев, 1898, стр. 149—150.

⁹ И. В. Моргилевський. Київська Софія в світлі нових спостережень. Київ, 1926, стр. 102.

¹⁰ Н. И. Брунов. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры. X—XII вв., стр. 111.

¹¹ П. Г. Лебединцев. О наружности Киево-Софийского собора в древнем его виде. Киев, 1862.

¹² Н. А. Окунев. Крещальня Софийского собора в Киеве. — «Записки Отделения русской и славянской археологии русского археологического общества», X, 1915, стр. 133.

¹³ К. В. Шероцкий. Киев. Путеводитель. Киев, 1917, стр. 29.

¹⁴ Ф. И. Шмит. Мистецтво старої древньої Русі — України. Харків, 1919, стр. 37.

До недавнего времени эти и другие выводы о одновременности сооружения башен оставались дискуссионными, и только тщательные исследования памятника, проведенные в 1950—1960 гг. в ходе ремонтно-реставрационных работ, археологические раскопки внутри собора и вне его дали ценный, ранее не известный архитектурной науке материал не только о башнях, но и об отдельных деталях первоначального плана собора и его фундаментов, об архитектурном декоре фасадов памятника (особенно северного), о завершении его древних куполов и о других конструктивных особенностях¹⁵.

Исследования древней кладки стен юго-западной башни, южной и западной наружных галерей, особенно в местах примыкания их к первоначальному, древнейшему ядру храма со всей убедительностью показали, что юго-западная башня не только композиционно, и но конструктивно связана с южной и западной галереями.

Следует признать, что наружные галереи с юго-западной башней возводились позже основного объема храма, так как эти галереи конструктивно не связаны с древнейшим объемом храма, а лишь примыкают к нему.

Больше того, конструктивные полуарки наружных галерей, так наз. аркбутаны, примыкают к уже оштукатуренным и украшенным фресками наружным поверхностям пилонов древнейшего ядра храма. Это, в свою очередь, указывает на то, что пристройка наружных галерей с башнями и надстройка второго яруса над первоначальными галереями, ставшими внутренними, не являются лишь вторым этапом заранее задуманного облика храма, как утверждали некоторые исследователи. Ведь фасады первоначального ядра собора до пристройки наружных галерей с башнями были украшены не только фресками, но так же пучковыми пилястрами, декоративными нишами, шиферными карнизами и другими элементами художественно-декоративного убранства. Зодчие не стали бы делать этого, зная наперед, что все это будет закрыто на последующем этапе строительства задуманного ими храма.

Скорее всего расширение храма было продиктовано либо государственными соображениями и связанными с ними потребностями укрепившейся христианской религии, либо — и это наиболее вероятно — необходимостью укрепления здания собора, имевшего к тому времени значительные повреждения ввиду малой глубины заложения фундаментов и неравномерной осадки отдельных частей здания.

Появив причины начавшихся деформаций, зодчие, по-видимому, чтобы увеличить нагрузку на столбы первоначальных галерей, надстроили над ними вторые этажи, а влияние распора погасили конструктивными полуарками, аркбутанами, образовавшими вместе с перекрытиями второй пояс открытых галерей с северной, южной и западной сторон собора. При этом сводчатые перекрытия надстроенного второго яруса первоначальных галерей и такие же перекрытия над пристроенными вторыми одноэтажными галереями с аркбутанами, были по оси перпендикулярны к стенам основного ядра собора и, восприняв появившийся распор от всего объема здания, уравновесили все его конструктивные элементы.

Заслуга зодчих как раз и состоит в том, что они, значительно расширив и укрепив здание Софийского собора, не нарушили целостности его архитектурно-художественного облика.

Даже в сравнительно недавно опубликованных трудах¹⁶ пристройка

¹⁵ В послевоенные годы в исследовании Софии Киевской принимали участие ученые М. К. Каргер, В. Н. Лазарев, архитекторы Н. Кресальный, В. Волков, Ю. Асев, Ю. Нельговский, В. Левицкая, И. Грабовский; художники-реставраторы Л. Калиниченко, Е. Мамолат, О. Плющ.

¹⁶ М. И. Кресальный. Софійський заповідник у Києві, стр. 76—77; М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 166.

к основному объему Софии Киевской одноэтажных наружных галерей и юго-западной башни датировалась концом XI — началом XII в. Но проведенные С. А. Высоцким¹⁷ исследования надписей-граффити XI—XIV вв., сохранившихся на фресках в Софии Киевской, позволяют несколько уточнить эту дату.

Еще Н. П. Сычев связывал надпись-граффити «Спаси господи Кагана нашего» на фреске в одном из арочных проемов северной наружной галереи с именем Ярослава Мудрого на том основании, что слово «Каган» по-хазарски означало титул царя, а в древнерусской литературе прилагалось только к великим князьям Владимиру и Ярославу Мудрому. Так, например, Иларион в «Слове о законе и благодати» называет Владимира «великим Каганом», а Ярослава в так наз. изложении веры — «благоверным каганом». Автор «Слова о полку Игореве» вспоминает о былом «Каганьем времени» — времени, силы и могущества Древней Руси.

Но поскольку Владимир умер в 1015 г., задолго до постройки Софийского собора, то вторым киевским князем, носившим титул Кагана-царя, мог быть только Ярослав Мудрый. Так как надпись содержит просьбу о спасении «Кагана нашего», то Н. П. Сычев полагает, что надпись сделана еще при жизни Кагана — Ярослава Мудрого.

Ярослав Мудрый умер в 1054 г. Следовательно пристройку к основному ядру собора наружных открытых галерей и юго-западной башни представляется возможным датировать временем до 1054 г., хотя сооружение столь грандиозного здания, как София Киевская, и отделка его мозаиками и фресками в пределах 1037—1054 гг. для большинства исследователей и по сей день представляется мало вероятными.

Сылаясь на то, что М. К. Каргер пристройку наружных галерей относит к концу XI в., и допуская, что кроме Владимира и Ярослава Мудрого титул «Кагана» могли носить и другие киевские князья, С. А. Высоцкий относит надпись о «Кагане» ко времени княжения в Киеве в 1073—1076 гг. сына Ярослава Мудрого — Святослава Ярославича¹⁸.

Далее, основываясь на том, что надпись о «Кагане» сделана на фресковом изображении св. Николая и что в рассматриваемый период из всех киевских князей крестное имя Николай имел только князь Святослав Ярославич, С. А. Высоцкий делает вывод, что надпись «Спаси господи Кагана нашего» могла быть сделана вскоре или в самый день «резанья желеве» — неудачной операции, от которой, согласно летописи, Святослав и умер 27 декабря 1076 г.¹⁹

Таким образом, надпись-граффити о «Кагане» в арочном проеме северной наружной галереи, датируемая Н. П. Сычевым в пределах до 1054 г. и С. А. Высоцким — до 1076 г., является очень важным документом, уточняющим время пристройки к основному объему храма Софии Киевской открытых наружных галерей и, следовательно, южной башни с лестницей для выхода на «гульбище» и хоры собора.

В настоящее время даже такие видные исследователи Софии Киевской, как В. Н. Лазарев²⁰ и М. К. Каргер²¹, отдают предпочтение более позднему времени пристройки наружных галерей, относя ее к концу XI в., что ближе к дате, устанавливаемой С. А. Высоцким (1076 г.). Однако такие данные, как упоминание в летописи²² о том, что Успенский собор Киево-Печерской Лавры был построен в течение трех лет и освящен на двенадцатом году после окончания строительства, фрески северной

¹⁷ С. А. В ы с о ц к и й. Древнерусские граффити Софии Киевской. — «Нумизматика и эпиграфика», т. III. М., 1962, стр. 157—158.

¹⁸ Там же, стр. 158.

¹⁹ С. А. В ы с о ц к и й. Граффити XI в. в Софии Киевской. — СА, № 1, 1959, стр. 274—275.

²⁰ В. Н. Л а з а р е в. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 57, 74.

²¹ М. К. К а р г е р. Древний Киев, т. II, стр. 166.

²² См. Ипатьевскую летопись под 6583 (1075) г.

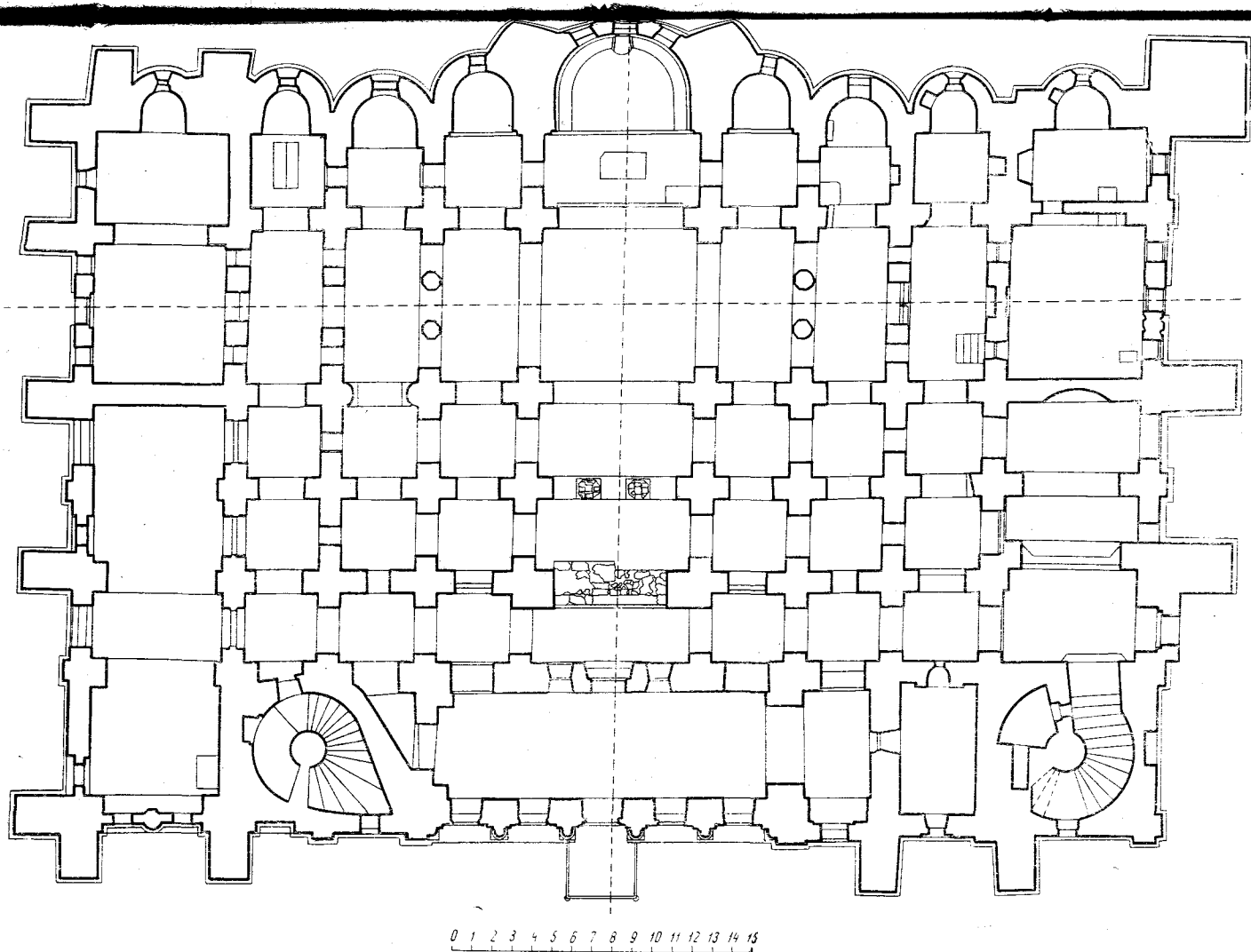

Рис. 1. План 1-го этажа
Софии Киевской.
Обмерный чертеж.

наружной] галереи, отнесенные некоторыми учеными «...к первоначальной росписи собора» (к середине XI в. ²³) и, наконец, приведенные исследования сохранившихся на фресках древних надписей-граффити, позволяют высказаться в защиту более ранней даты окончания расширенного варианта храма Софии. Иначе говоря, мы полагаем, что не исключена возможность датировать окончание Софии Киевской, с пристроенными к ней наружными галереями и южной башней, еще временем жизни Ярослава Мудрого (до 1054 г.).

Проводившиеся в последние годы исследования позволяют уточнить также время строительства северо-западной башни Софии Киевской.

При изучении тщательно выполненных обмерных чертежей плана Софии Киевской (рис. 1) было обращено внимание на то, что северо-западная башня расположена асимметрично по отношению к главной оси храма, а так же на то, что форма плана северо-западной башни и ее южной стены необычна по сравнению с формой плана и стенами юго-западной башни.

Внутри план юго-западной башни представляет собою правильный круг, равный ширине внутреннего пространства южной и западной галерей, при этом центральный круглый столб лестничной башни расположен по оси галерей, юго-западный угол которых она занимает.

Северо-западная башня своей восточной стороной примыкает к крайней западной клетке северной галереи первоначального ядра храма. По ширине эта галерея значительно уже внутренних размеров башни, поэтому ось башни и ее центральный круглый столб оказались сдвинутыми к югу как по отношению к оси северной внутренней галереи, к которой она примыкает, так и по отношению к северной стене основного пятинефного ядра храма. Дугообразная в плане южная стена северо-западной башни образовала необычную форму внутреннего плана башни, вызванную необходимостью устройства наружного входа в башню с западной стороны.

Отмеченные особенности северо-западной башни наталкивали на мысль о ее более позднем происхождении, но для доказательства этого требовались более тщательные исследования.

В связи с проводившимися в 1954 г. работами по устройству в соборе воздушно-калориферного отопления, у северной стены северо-западной башни (со стороны северной наружной галереи) была разобрана кафельная печь, сооруженная здесь в XIX в. За разобранной печью был обнаружен хорошо сохранившийся аркбутан, который всей своей толщей оказался включенным в стену северо-западной башни. Одновременно были тщательно исследованы зондажи, сделанные еще в 1920 г. И. В. Моргилевским в местах примыкания южной стены башни к ранее открытому аркбутану в нартексе. Оказалось, что южная стена северо-западной башни конструктивно не связана с крещатыми в плане столбами западной наружной галереи и лишь примыкает к ранее построенному, оштукатуренному и украшенному фресками аркбутану.

Наконец, в 1962 г. были вскрыты чугунные плиты пола второго этажа северной внутренней галереи в месте примыкания к ней верхней ступени северо-западной башни ²⁴. При этом было обнаружено, что и восточная стена северо-западной башни конструктивно не связана с крещатыми столбами и перекрытием галереи и лишь примыкает к ней, на что указывает обнаруженный зазор между кладкой галереи и башни, равный 3—5 см (рис. 2).

Все это является наглядным доказательством того, что северо-западная башня была построена не одновременно с центральной частью собора,

²³ В. Мясоедов. Фрески северного притвора Софийского собора в Киеве. Пг., 1915, стр. 4—5.

²⁴ В 1962 г. исследования проводились автором этой статьи.

Рис. 2. Деталь примыкания восточной стены северо-западной башни к западному торцу внутренней северной галереи в уровне хоров.

как утверждали многие исследователи ранее, а позднее не только центральной части, но и наружных галерей с аркбутанами. Северо-западная башня была встроена в уже существовавшую западную наружную галерею, столбы и аркбутаны которой ко времени строительства северо-западной башни уже были оштукатурены и украшены фресками. Башня заняла два членения западной наружной галереи, поэтому один из аркбутов этих членений (средний) был полностью разобран.

Еще не так давно время сооружения северо-западной башни было отнесено нами к первой половине XII в.²⁵ Однако исследования внутреннего устройства башни, проведенные в 1962 г., позволяют датировать ее строительство концом XI столетия, о чем подробнее будет сказано ниже.

В исследовании башен Софии Киевской, кроме рассмотренного нами вопроса о времени их сооружения, большой интерес представляет также вопрос о их первоначальных внешних формах и внутреннем устройстве.

В конце XVII — начале XVIII в. Софийский собор в результате капитальных достроек и переделок приобрел совершенно новый архитектурный облик. Над его наружными, южной и северной, галереями были надстроены вторые этажи с двумя куполами над каждой из них. Всем куполам вместо прежней параболической формы была придана характерная для украинской архитектуры того времени грушевидно-барочная форма. По всему периметру здания стены собора были подведены под один карниз, фасады собора укреплены контрфорсами, украшены изящными барочными фронтонами, оштукатурены и побелены, а кровля куполов и главок вызолочена сусальным золотом.

До неузнаваемости был изменен при этом и внешний облик башен, обветшавшие верхи которых были разобраны и перекрыты куполами барочной формы, а древние наружные входы в башни заложены и вместо них пробиты новые входы изнутри собора.

В исследовании архитектуры и художественного убранства Софии Киевской некоторую помощь оказывают данные летописей, а также сохра-

²⁵ М. Й. Кресальний. Софійський заповідник у Києві. Держбудвидав УРСР. Київ, 1960, стр. 77.

нившиеся записи и рисунки современников, видевших Софию в разные эпохи. Однако эти свидетельства бывают недостаточно точными.

Павел Аленский, например, посетивший Софийский собор в 1654 г., пишет о его башнях: «...на каждом из западных углов круглая огромная башня... Каждая башня имеет двери с запада; от нее входил по широкой поместительной и длинной лестнице со многими ступеньками к самой верхней бойнице, через которую входил на вторую верхнюю окружную галерею церкви»²⁶. Художник А. ван-Вестерфельд в 1651 г. изобразил юго-западную башню Софии также круглой. Это привело некоторых исследователей к выводу, что в древности башни Софии Киевской были круглыми. Однако еще И. В. Моргилевский путем многочисленных зондажей, сделанных на фасадах собора, со всей убедительностью доказал, что снаружи, в нижней своей части, башни имели прямоугольную форму. Нашими исследованиями в 1952—1953 гг. было обнаружено, что снаружи башни собора в древности все же были круглыми, но лишь выше уровня шиферного карниза открытых наружных галерей, а не на всю высоту, как показано на рисунке А. ван-Вестерфельда. Никаких остатков от древних верхов башен, к сожалению, не сохранилось, поэтому в новом проекте реконструкции собора²⁷ древние лестничные башни завершены куполами предположительно, исходя из общей композиции памятника и по аналогии с сохранившимися завершениями и архитектурным декором других куполов храма.

В середине XIX в. в Софийском соборе проводились большие ремонтно-строительные работы, в ходе которых полы собора, ступени и лестничные площадки обеих башен были покрыты чугунными плитами. При этом не только были скрыты древние ступени лестниц, но и сильно изменены их размеры и ритм, местами оказались закрыты новыми ступенями нижние части фресковых композиций на стенах башен.

В целях выяснения сохранности древних ступеней, скрытых под чугунными плитами XIX в., М. К. Каргер еще в 1939 г. сделал зондажи в верхней части северо-западной башни (у выхода на хоры), а в 1949 г. — на площадке перед порталным проемом в нижней части башни. Под вскрытыми чугунными плитами были обнаружены хорошей сохранности древние ступени, выложенные из плинфы на известково-цемяночном растворе, при этом на некоторых подступенках были найдены фрагменты мозаичного набора, на других — лишь отпечатки от несохранившихся мозаик.

Полученные сведения о сохранности древних ступеней северо-западной башни уже тогда заставили поставить задачу полного раскрытия древних лестничных маршей. Однако практически эти работы стало возможным осуществить только в 1961 г.

В ходе работ по раскрытию древних ступеней северо-западной башни встал вопрос о возможности и целесообразности раскрытия древнего портала в западной стене башни, заложенного в XVIII—XIX вв. Специальная комиссия установила, что удаление позднейших закладок не отразится на конструктивной прочности портала, поэтому раскрытие его также было осуществлено в 1961 г.

В результате полного раскрытия древних ступеней северо-западной башни, проводившихся в 1961 г. под руководством М. К. Каргера, были получены весьма ценные сведения о конструкциях, строительных материалах и других особенностях внутреннего устройства башни.

²⁶ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алепским. Перевод с арабского Г. Муркоса, вып. II. М., 1897, стр. 68.

²⁷ Реконструкция Н. И. Кресального при участии архитекторов Ю. С. Асеева и В. П. Волкова.

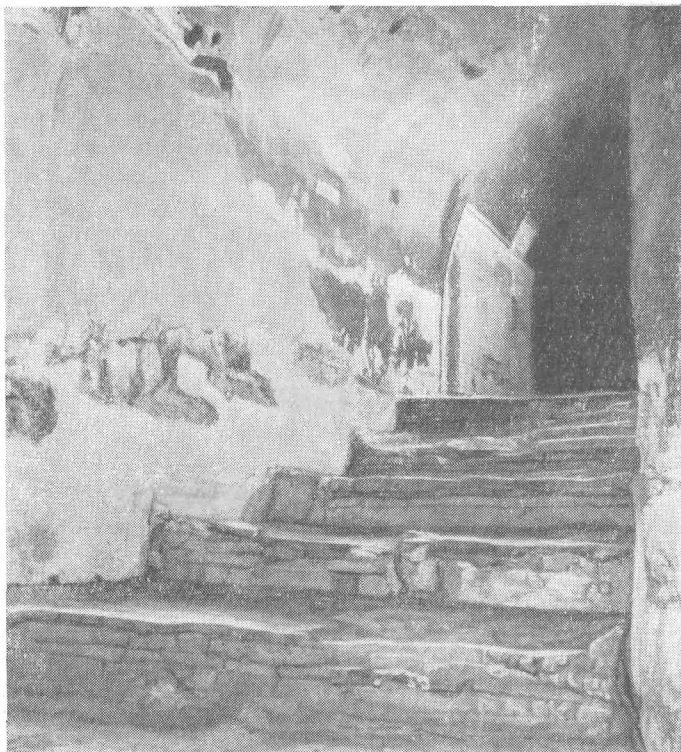

Рис. 3. открытый раскопками верхний марш древней лестницы северо-западной башни (вид с первой лестничной площадки).

Раскрытие древних ступеней было начато с уровня хоров и велось постепенно по ходу лестницы вниз. Вначале убирали чугунные плиты, затем разбирали кирпичную кладку ступеней, сложенных на известково-песчаном растворе, удаляли подсыпку из строительного щебня, сделанную в середине XIX в., и лишь под ней обнаружили древние ступени различной сохранности. Местами эта подсыпка достигала толщины 1,2 м, закрывая нижние части фресковой росписи на стенах башни.

На первом участке лестничного марша (рис. 3) (от уровня хоров до первой площадки) было открыто шесть ступеней. Пять из них сложены из плинфы на известково-цемяночном растворе при толщине швов равной толщине плинфы. На внутренней поверхности северной стены башни сохранилась древняя штукатурка с фресковой росписью, которая доходит до лицевой поверхности подступенка и проступи каждой из ступеней, повторяя их древние контуры. По этим контурам с достаточной точностью определяются ширина проступи и высота подступенка древних ступеней этого участка лестничного марша. Так высота подступенков оказалась равной: I и II — по 26 см, III — 24 см, IV — 23 см, V — 25 см. Ширина проступей у северной стены башни равна: I ступени — 47,5 см, II — 71,5 см, III — 69,0 см, IV — 79,0 см, V — 73,0 см.

Открытые древние ступени рассматриваемого участка лестничного марша оказались в хорошей сохранности: у первой ступени не сохранилось лишь шиферное покрытие ее проступи и частично разрушен подступенок у северной стены башни. На второй ступени по всей длине разрушена верхняя кромка подступенка, но на проступи хорошо видны отпечатки покрывавших ее шиферных плит, толщина которых, судя по отпечаткам в известково-цемяночном растворе, была равна 6—8 см. У тре-

твей ступени так же несколько разрушена кромка подступенка, но сохранились отпечатки двух шиферных плит на ее проступи и даже небольшие фрагменты самой шиферной плиты (у северной стены и у круглой башни). Отпечатки в известково-цемяночном растворе указывают на то, что проступь этой ступени была покрыта двумя шиферными плитами различной толщины. Плита, примыкавшая к северной стене, была толщиной в 6 см, а к круглому столбу башни — 3—4 см. Нижние поверхности плит были грубо отесаны, а края плит несколько тоньше их средней части. У четвертой ступени несколько разрушена кромка подступенка и верхняя подмазка под шиферные плиты у круглого столба башни. Судя по отпечаткам в цемяночной подмазке, проступь этой ступени была покрыта шиферными плитами толщиной в 6,0 см. Фрагмент шиферной плиты шириной 11,0 см и длиной 95,0 см сохранился *in situ* у самого подступенка правой половины ступени, примыкающей к круглому столбу башни. Отпечатки двух шиферных плит хорошо видны также на проступи пятой ступени, при этом у северной стены башни, в древнем растворе, сохранились *in situ* незначительные фрагменты шиферной плиты толщиной 6,0 см.

Проступь шестой, самой нижней, ступени рассматриваемого участка лестничного марша оказалась покрытой кирпичом XVII—XVIII вв. на сером известково-песчаном растворе. М. К. Каргер принял эту ступень, как и пять предыдущих, за древнюю, лишь отремонтированную в XVII—XVIII вв.

При более тщательном исследовании открытых ступеней северо-западной башни, проводившемся автором данной статьи в 1962 г., было обращено внимание на то, что подступенки пятой и шестой ступеней значительно ниже остальных древних ступеней (по 18 см вместо 24—26 см) и что сохранившаяся на стене и круглом столбе башни древняя штукатурка закрыта кирпичной вымосткой проступи шестой ступени, а ее подступенок, в отличие от подступенков других ступеней, оштукатурен известково-песчаным раствором и забелен.

Сделанные нами зондажи в местах примыкания кирпичной кладки этой ступени к северной стене и круглому столбу башни со всей убедительностью показали, что М. К. Каргер ошибочно принял эту ступень за древнюю. В действительности она оказалась наново выложенной, вероят-

Рис. 4. Дополнительная ступень верхнего марша лестницы, сложенная в XVII—XVIII вв. из кирпича на известково-песчаном растворе.

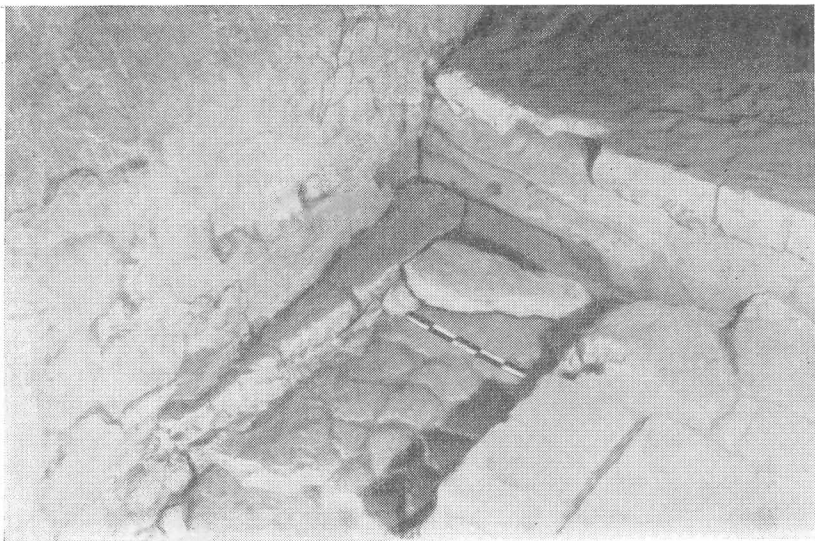

Рис. 5. Деталь покрытия 1-й лестничной площадки керамическими поливными плитами, обнаруженными под дополнительной ступенькой XVII—XVIII вв.

но, в конце XVII — начале XVIII в. из кирпича²⁸ на обычном известково-песчаном растворе (рис. 4). Под разобранной кладкой ступени были открыты фресковая штукатурка на северной стене и круглом столбе башни, контуры которой определили высоту подступенка древней пятой ступени, равную 26 см, и фрагмент керамической поливной плиты, которыми в древности была покрыта открытая раскопками 1961 г. лестничная площадка северо-западной башни. Обнаруженный фрагмент керамической плиты (рис. 5) толщиной 6,0 см, на поверхности которой сохранилась полива желто-зеленого цвета, лежит *in situ* на выравнивающем слое известково-цемяночного раствора, толщина которого у северной стены равна около 4,0 см и сходит на-нет к круглому столбу, что объясняется наличием уклона лестничной площадки от столба к наружной стене башни.

Устройство дополнительной ступени было вызвано тем, что во время проводившегося в конце XVII — начале XVIII в. большого капитального ремонта здания Софии Киевской были удалены, вероятно, обветшавшие к тому времени, керамические поливные плиты, покрывавшие лестничную площадку северо-западной башни. При этом уровень площадки был понижен почти на 10 см (6,0 см толщины керамических поливных плит и около 4,0 см — слой цемяночной подмазки под плиты) и на столько же увеличилась высота подступенка пятой древней ступени рассматриваемого участка лестничного марша, достигнув высоты $26 + 10 = 36$ см. Такая высота подступенка оказалась слишком великой и не удобной для пользования и поэтому была разделена тогда же на два равновеликих подступенка (по 18 см) путем устройства дополнительной, шестой ступеньки рассматриваемого участка лестничного марша.

Нижние части стен и круглого столба башни, а также подступенок новой, шестой ступени еще в XVII—XVIII вв. были оштукатурены и побелены. Это указывает на то, что лестничная площадка после снятия с нее керамических поливных плит больше ничем не облицовывалась. Зна-

²⁸ Размеры кирпича колеблются в пределах: длина — 27,5—28,0—28,5 см, ширина — 14,0—14,5—16,0 см, толщина — 4,0—4,5—5,0 см.

чительная изношенность кирпичей на проступи дополнительной, шестой ступеньки свидетельствует о том, что после ремонта в конце XVII — начале XVIII в. древней лестницей северо-западной башни пользовались вплоть до середины XIX столетия, когда была изменена конфигурация всего лестничного хода, а ступени и площадки покрыты дошедшими до нашего времени чугунными плитами.

Обнаруженная на лестничной площадке северо-западной башни поливная керамическая плита по размерам, структуре материала и цвету поливы оказалась точно такой же, как и поливные керамические плиты раскопанного нами в 1954 г. пола восточной оконечности наружной северной галереи. Существует мнение, что крайняя восточная клетка северной наружной галереи путем закладки арочных проемов была превращена в закрытое помещение — усыпальницу для захоронения в ней в 1093 г. сына Ярослава Мудрого Всеволода Ярославича²⁹. Поскольку поливные керамические плиты в усыпальнице и в северо-западной башне идентичны и уложены на известково-цемяночном растворе, представляется возможным думать, что северо-западная башня была построена одновременно с усыпальницей, и датировать ее не XII в., как предполагалось прежде, а концом XI в. (до 1093 г.). В пользу более ранней датировки строительства северо-западной башни высказываются художники-реставраторы (Л. П. Калинин, Е. С. Мамолат, О. Ф. Плющ), которые относят фресковую живопись на стенах этой башни также к концу XI в.

В середине XIX в. строители не посчитались с хорошо сохранившимися к тому времени древними ступенями и лестничными площадками башен Софии Киевской и задались более плавным подъемом и другим ритмом лестниц, а отсюда и размерами ступеней, покрытых чугунными плитами. Это привело к тому, что на отдельных участках древние ступени мешали укладке новых чугунных ступеней и поэтому были почти полностью срублены до конструкции сводов (в отдельных местах были частично срублены даже конструкции сводов), на которых выкладывались древние ступени. На отдельных участках новые чугунные ступени, которым был придан новый подъем и ритм, укладывались выше древних ступеней. Поэтому древние ступени на этих участках, будучи засыпанными строительным щебнем и прикрыты сверху новыми ступенями, сохранились до наших дней.

В северо-западной башне сравнительно хорошей сохранности оказались ступени уже рассмотренного нами лестничного марша (от уровня хоров до первой площадки), а также несколько нижних ступеней лестничного марша между первой (верхней) площадкой и площадкой перед западным порталом башни. Большая часть ступеней этого марша в середине XIX в. была сильно повреждена или срублена полностью.

Так, на половину высоты оказался разрушенным подступенок первой лестничной площадки, от уровня которой берет начало второй участок лестничного марша.

Первая (по ходу вниз) ступень этого марша в средней части разрушена до кладки в средней части конструктивного свода, но у самой стены башни значительная часть ступени сохранилась полностью.

От второй ступени сохранился лишь небольшой участок примыкающий к стене башни и подступенку предыдущей, первой ступени.

Последующие пять древних ступеней оказались срубленными полностью до конструкции свода, а местами частично срублена и кладка сводов (рис. 6). Границы и размеры этих ступеней удалось установить лишь по незначительным остаткам отдельных конструктивных элементов и по

²⁹ О захоронении в 1093 г. в Софии Киевской сына Ярослава Мудрого Всеволода Ярославича упоминается в Лаврентьевской летописи под 6601 (1093) г.

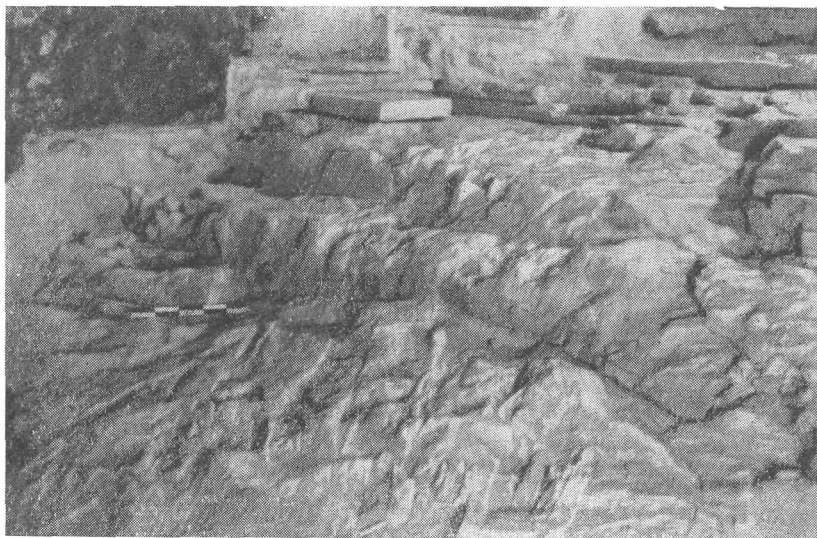

Рис. 6. Фрагмент древнего свода одного из лестничных маршей северо-западной башни.

фрагментам древней фресковой штукатурки на стене и круглом столбе башни.

Лучше сохранились десятая, одиннадцатая, двенадцатая, тринадцатая, четырнадцатая и особенно нижняя, пятнадцатая ступени рассматриваемого участка лестничного марша. Так, на проступи десятой ступени не достает лишь верхнего цемяночного слоя, на котором укладывались шиферные плиты. На проступи одиннадцатой ступени верхний цемяночный слой сохранился почти полностью и в нем видны отпечатки шиферных плит, покрывавших в древности проступь этой ступени.

У двенадцатой ступени сохранился на всю высоту подступенок, а на проступи — слой цемяночной обмазки с отпечатками шиферной плиты толщиной 6,0 см.

На всю высоту сохранился также подступенок тринадцатой ступени, а на ее проступи, в углу между стеной башни и подступенком предыдущей, двенадцатой ступени, а также у круглого столба, сохранились значительных размеров фрагменты цемяночной обмазки с отпечатками от шиферных плит толщиной 8,0 см.

У четырнадцатой ступени (рис. 7) полностью сохранилась цемяночная обмазка подступенка, на лицевой поверхности которого видны отпечатки смальт мозаичного набора³⁰, близкого по рисунку отдельным фрагментам мозаичного пола в центральной части Софии. На проступи этой ступени (у стены и подступенка предыдущей, тринадцатой ступени) сохранились фрагменты цемяночной обмазки и в ней отпечатки шиферных плит толщиной 6,0 см.

Наиболее полно сохранилась самая нижняя, пятнадцатая ступень этого участка лестничного марша башни (рис. 8. Схема I).

Проступь этой ступени покрыта двумя плотно подогнанными друг к другу, к стене и круглому столбу башни шиферными плитами, а лицевая поверхность подступенка, как и у предыдущей, четырнадцатой ступени, была украшена мозаичным набором, от которого остались лишь отпечатки смальт квадратной и треугольной формы (рис. 9).

³⁰ Мозаичный набор был выложен из смальт квадратной формы размером 5×5 и 3,5×3,5 см и смальт треугольной формы со сторонами 2,5×2,5×3,0 см.

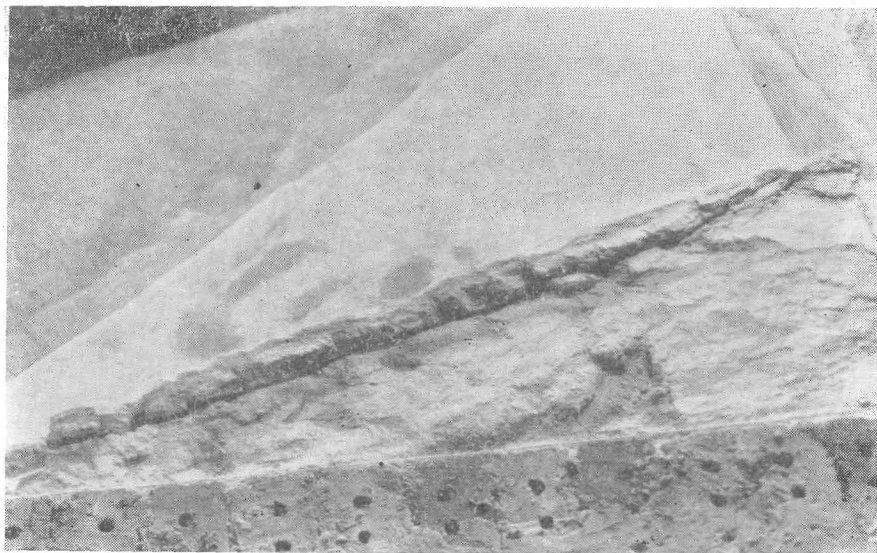

Рис. 7. Образовавшийся зазор (щель) между конструктивной кладкой 14-й ступени и плитой мозаичного подступенка.

Лестничная площадка перед западным порталом башни в древности также была покрыта шиферными плитами, от которых сохранились лишь плиты, примыкающие к подступенку нижней, пятнадцатой ступени рассмотренного участка лестничного марша (рис. 10. Схема II). На остальной части площадки шиферные плиты и слой известково-цемяночного раствора, на котором они были уложены, срублены, по-видимому, в середине XIX в. Под срубленными плитами и цемяночной подмазкой сохранилась своеобразная подготовка из битой плинфы и мелкого камня, залитых цемяночным раствором.

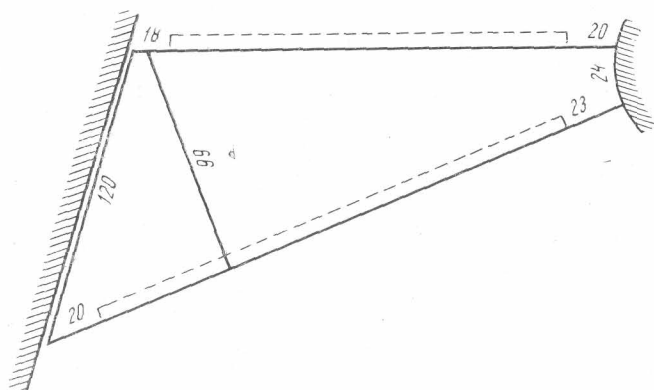

Рис. 8. Схема I.

С предпортальной площадки в арочный проем западного портала ведут две лестничные ступени, проступи которых покрыты шиферными плитами (рис. 11). Подступенки этих ступеней, а так же сохранившийся наполовину высоты подступенок предпортальной площадки украшен мозаикой гофрированного рисунка, подобно сохранившемуся мозаичному орнаменту в центральном подкупольном барабане Софии. Смальта мозаичного набора этих подступенков мелкая, в виде разноцветных кубиков, из которых выложены мозаичные изображения в центральной части Софии

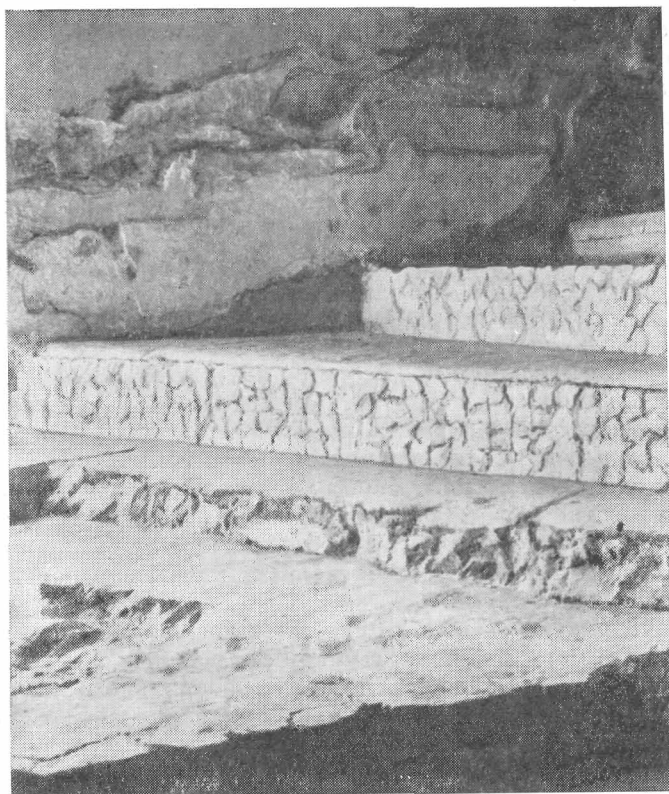

Рис. 9. Фрагмент предпортальной площадки и древних ступеней с отпечатками мозаик на подступенках.

Киевской. В местах утраты смальты сохранились ее отпечатки на цементном растворе подступенков.

В древности с предпортальной площадки по ступеням можно было спуститься в подлестничное помещение, стены и своды которого украшены фресковой живописью. По-видимому, в XVII — начале XVIII в. этот участок лестничного марша был разрушен, а вход в подлестничное помещение прорублен в северной стене башни, со стороны северной наружной галереи.

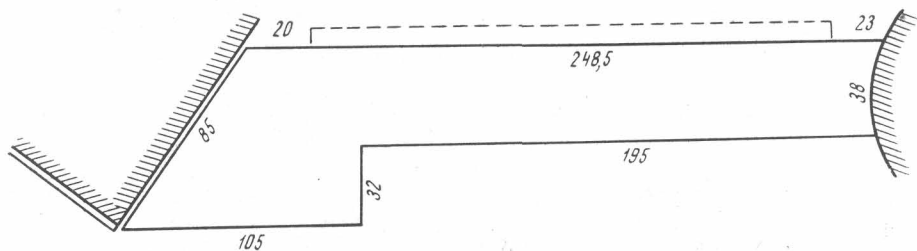

Рис. 10. Схема II.

В середине XIX в. этот участок лестничного марша был восстановлен уже в новых конструкциях и материалах (ступени были выложены из кирпича на подсыпке из строительного мусора и покрыты чугунными плитами). Тогда же, вероятно, был прорублен новый дверной проем в

восточной стене башни, который и поныне служит входом в северную башню с внутренней западной галереей собора. Никаких следов древних ступеней на этом участке лестничного марша обнаружить не удалось, поэтому после проведенных в 1961—1962 гг. исследований он восстановлен в прежнем виде.

Различная сохранность открытых раскопками 1961—1962 гг. древних ступеней и лестничных площадок северо-западной башни позволила не только исследовать ее конструкции, но и уяснить порядок производств работ при возведении и окончательной отделке башни и ее лестничных маршей.

Наружные стены и центральный круглый столб башни сложены из плинфы и естественного камня на известково-цемяночном растворе. Одновременно выкладывались и своды лестничных маршей, конструктивно связанных с кладкой стен и круглого столба башни. Сами своды сложены из плинфы на известково-цемяночном растворе, при толщине швов равной толщине самих плинф. Образовавшиеся у стен и круглого столба пазухи сводов заложены кладкой из кусков плинф, уложенных горизонтальными рядами на известково-цемяночном растворе. Местами в пазухах сводов уложены керамические горшки, подобные тем, что были обнаружены в заполнении пазух между стенами подкупольных барабанов и сводами центрального объема храма.

Заполнение пазух пустыми горшками намного облегчало вес лестничных маршей. По мере подъема лестничных ступеней, в соответствии с их уклоном, уступами и с поворотом вокруг центрального круглого столба башни, поднимались и своды. Лестничным площадкам соответствуют горизонтальные участки сводов, протяженность которых равна длине площадок.

Сами ступени лестничных маршей выкладывались из плинф, уложенных горизонтальными рядами на известково-цемяночном растворе при толщине швов равной толщине плинф.

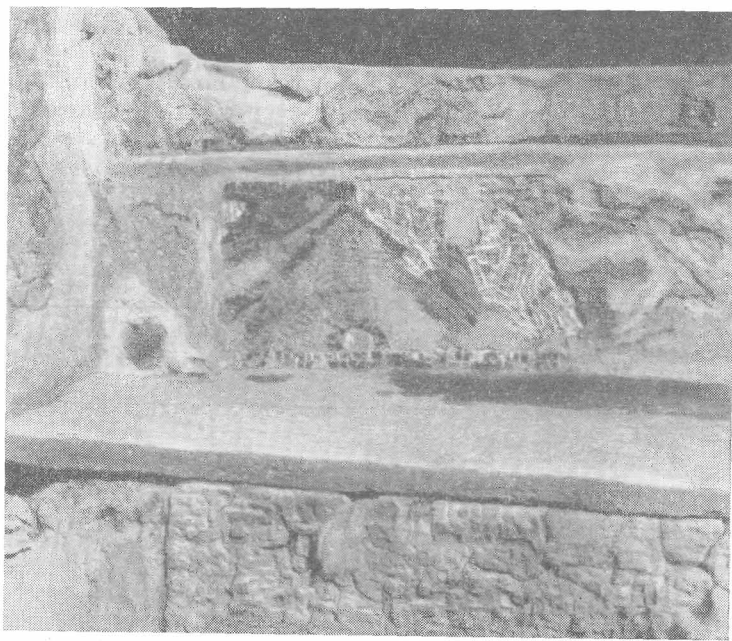

Рис. 11. Фрагмент древних ступеней в проеме западного портала с остатками мозаик на подступенках.

с
Г
П
М
М
К
Л
С
С
Б
П
Р
Д
Т
Н
В
Л
В
П
Ц
П
О
С
Ш
С
Р
П
К
—
18
и

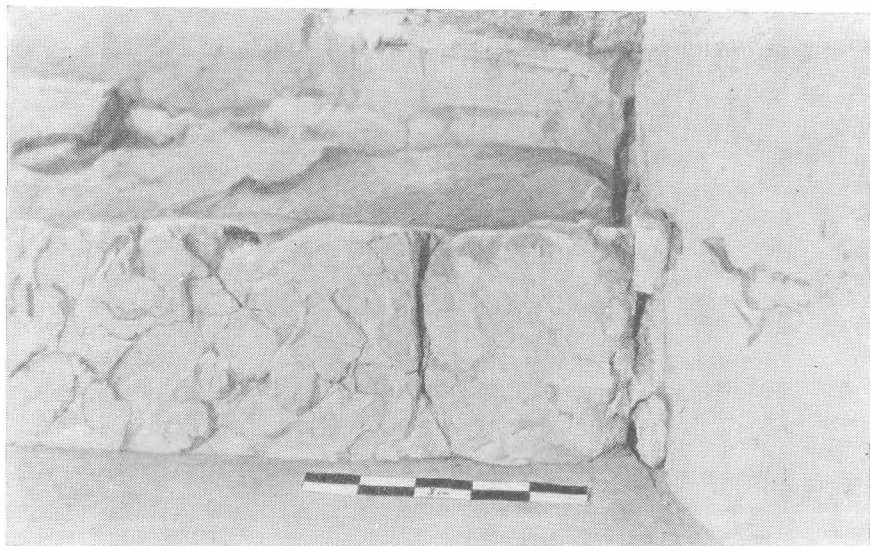

Рис. 12. Деталь примыкания подступенка 14-й ступени к столбу башни.

Работы по устройству ступеней и их окончательной отделке велись снизу вверх по мере подъема всего лестничного хода до уровня хоров. Вначале шиферными плитами была покрыта предпортальная лестничная площадка. Затем на шиферную плиту этой площадки устанавливался мозаичный подступенок самой нижней, пятнадцатой ступени лестничного марша, а проступь ступени покрывалась шиферными плитами на известково-цемяночной подмазке. Подступенок следующей, четырнадцатой ступени устанавливался на шиферное покрытие предыдущей, пятнадцатой ступени и т. д. В такой последовательности производилась отделка подступенков и проступей всех ступеней лестничного хода северо-западной башни.

Сохранившиеся подступенки четырнадцатой и пятнадцатой ступеней представляют собою заранее изготовленные из известково-цемяночного раствора плиты различной длины (для четырнадцатой ступени — 1,57 м, для пятнадцатой ступени — 2,05 м), но одинаковой ширины (22 см) и толщины (8—9 см), лицевая поверхность которых была украшена мозаичным набором из разноцветных смальт квадратной и треугольной формы, вдавленных в еще не затвердевший раствор плит в процессе их изготовления. В готовом виде такие плиты устанавливались на тонком слое известково-цемяночного раствора, но не закрывали всей длины подступенков, поэтому по краям (у стены и круглого столба) они дополнены известково-цемяночным раствором³¹ (рис. 12). Эти дополнения не имеют на лицевой поверхности отпечатков смальт и являются монолитно-целыми с цемяночной обмазкой, на которой укладывались шиферные плиты проступи каждой из ступеней.

Оштукатуривание поверхностей стен и круглого столба башни и роспись их фресками производились одновременно с работами по отделке ступеней и по ходу лестницы снизу вверх. При этом работы по оштукатуриванию и росписи стен в начале опережали работы по отделке ступеней и лестничных площадок, поэтому в нижней части лестничного хода фресковая штукатурка доходит до конструктивной кладки ступеней, а в верх-

³¹ Для подступенка четырнадцатой ступени эти дополнения равны: у стены — 18 см и у столба — 20 см, а для подступенка пятнадцатой ступени: у стены — 20 см и у столба — 23 см.

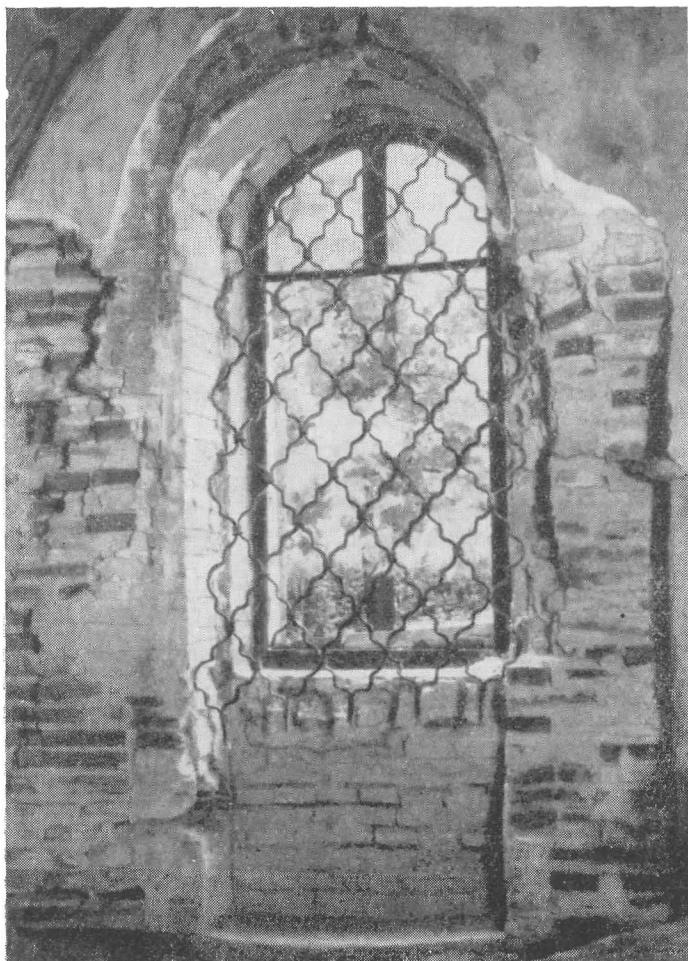

Рис. 13. Западный портал башни. Вид изнутри до начала работ по его раскрытию от позднейших закладок.

ней — лишь до лицевой поверхности мозаичных подступенков и шиферных плит на проступи каждой из ступеней.

Таким образом, проведенными в последние годы исследованиями было установлено, что ступени и лестничные площадки северо-западной башни сохраняли свои первоначальные древние формы и пропорции вплоть до середины XIX в. В конце XVII — начале XVIII в. они были лишь капитально отремонтированы: частично обрушившиеся мозаичные подступенки и обветшавшие шиферные плиты ступеней были заменены кирпичной кладкой на обычном известково-песчаном растворе, а небольшие выбоины заделаны только раствором; износившиеся керамические поливные плиты, которыми был облицован пол первой (по ходу сверху вниз) лестничной площадки, были полностью удалены, в связи с чем была устроена дополнительная ступень на этой площадке, а открывшаяся со низу кладка стены и круглого столба вместе с подступенком дополнительной ступени были оштукатурены и побелены и т. д. Эти и другие чинки древних ступеней, произведенные в конце XVII — начале XVIII в., сохранились до наших дней и были открыты проводившимися в 1961 г. исследованиями под руководством М. К. Каргера, а также нашими исследованиями в 1962 г.

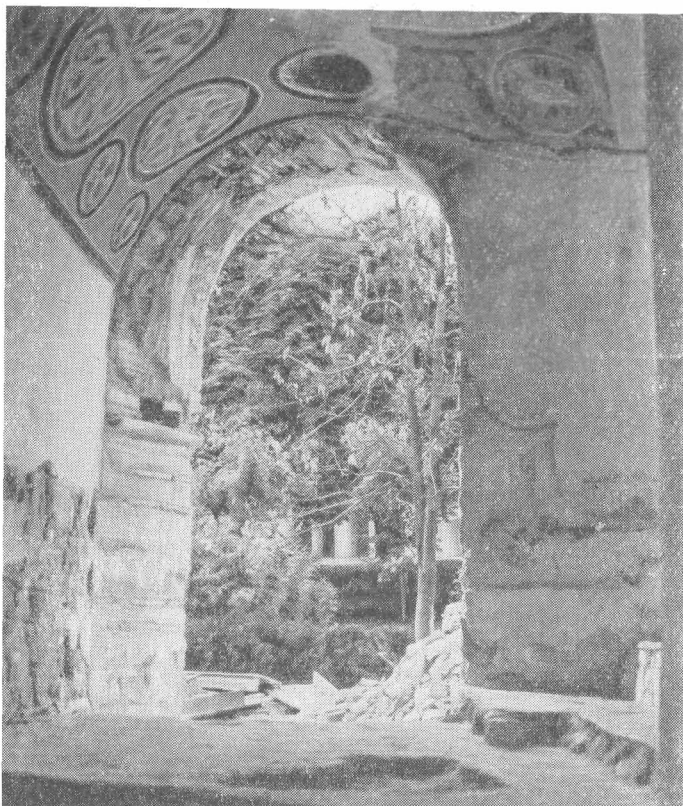

Рис. 14. Западный портал башни. Вид изнутри после раскрытия его от позднейших закладок.

Коренной перестройке лестничные марши и площадки северо-западной башни были подвергнуты лишь в середине XIX столетия, когда был принят новый уклон лестничного хода и его ступеней, покрытых специальными чугунными плитами.

Полное раскрытие всего древнего лестничного хода северо-западной башни повлекло за собою необходимость раскрытия арочного проема в западной стене башни.

Сделанные в разное время зондажи на внутренней и наружной поверхностях проема показали, что он заложен кирпичом на обычном известково-песчаном растворе. Специальная комиссия, обследовав закладку проема, установила, что она не является конструктивно необходимой, поэтому в 1961 г. проем был полностью раскрыт. Тщательными исследованиями арочного проема в ходе удаления его позднейших закладок было установлено, что до постройки северо-западной башни он был одним из арочных проемов открытой западной галереи, а после постройки башни превращен в ее западный портал.

В нижней части арочного проема (до imposta в уровне пят полуциркулярной арки) была устроена входная дверь, в связи с чем к древним пилонам проема были пристроены впритык небольшие четверти из плинфы на известково-цемяночном растворе, а полуциркулярная часть проема над impostом закрыта остекленной фрамугой.

После удаления позднейших закладок на северном пилоне арочного проема был обнаружен небольшой фрагмент четверти, а в нижней части проема — шиферная плита с углублением для подпятка входной двери. На внутренних поверхностях пилонов и фрагменте более поздней четвер-

Рис. 15. Западный портал башни. Вид снаружи после раскрытия его от позднейших закладок.

ти, а также в арке сохранились фрагменты фресковой росписи, причем орнаментальная роспись в арке в древности разделялась по ширине на две неравные части деревянной остекленной фрамугой, следы которой хорошо видны в древней штукатурке.

В конце XVII — начале XVIII в. западный портал башни был частично заложен кирпичом и превращен в узкий дверной проем с прямоугольным окном над ним. Этой дверью, как входом в башню с западной стороны, пользовались вплоть до середины XIX столетия, когда вход в башню был устроен изнутри собора, а наружная западная дверь переделана на широкое окно с железной решеткой, которое и сохранилось до полного раскрытия древнего западного портала башни в 1961 г. (рис. 13).

Раскрытый тогда же древний портал северо-западной башни (рис. 14 и 15) с сохранившимися фрагментами фресок на его пилонах и арке, со ступенями, отделанными мозаиками и шиферными плитами, является одним из замечательнейших фрагментов древнего собора, убедительно раскрывающим его первоначальные формы и конструктивные особенности.

В ходе работ по исследованию древней лестницы и портала северо-западной башни производились архитектурно-археологические обмеры и фотофиксация раскрытых архитектурных элементов и конструкций³².

³² В 1961 г. раскопки в северо-западной башне, фотофиксация работ и архитектурно-археологические обмеры выполнялись Республиканскими реставрационными мастерскими Госстроя УССР под руководством М. К. Каргера.

На основе материалов исследования Республиканскими реставрационными мастерскими разработан проект восстановления лестничного хода и западного портала башни ³³.

Проектом предусмотрено восстановление ступеней и площадок лестничного хода башни в их первоначальном, древнем ритме, размерах и отметках, что позволит, в свою очередь, сохранить открытые раскопками первоначальные пропорции внутреннего пространства северо-западной башни. Утраченные места и выбоины в древней кладке ступеней дополнены новым кирпичом на обычном известково-песчаном растворе. Поверху ступени покрыты специально отлитыми (вместе с подступенками) чугунными плитами. Западный портал после консервации его древних элементов остеклен специальным стеклопакетом.

По завершении всех работ интерьер северо-западной башни и ее западный портал приобрели свой первоначальный древний вид и заняли достойное место в экспозиции Софийского музея — одного из замечательнейших архитектурных памятников Киевской Руси.

---

³³ Авторы проекта архитектор А. Кулагин и инженер А. Галинская.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

УНЦИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВИЗАНТИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Историю письма в Византийской империи принято разделять на два больших периода; в течение первого, охватывающего IV—VIII вв., в качестве книжного письма употребляется унциал, а в течение второго, следующего за первым и тянущегося вплоть до 1453 г., в качестве книжного письма господствует минускул.

Число минускульных рукописей значительно превосходит число унциальных. Общее число сохранившихся до нашего времени византийских рукописей достигает приблизительно 30 тысяч¹; унциалы составляют среди них очень небольшой процент — их никак не более 500².

В унциальных рукописях преобладают библейские тексты (как Ветхого, так и Нового завета)³. Не будет преувеличением сказать, что вся византийская литература предстает перед нами в рукописях, написанных минускулом; средневековые списки произведений античных авторов также написаны минускулом. По этой причине, а также и потому, что минускул представляет больше трудностей при прочтении, в литературе по истории греческого письма в средние века унциалу уделяется меньше внимания, чем минускулу. Меньше и число образцов унциального письма, представленных в сборниках средневековых греческих рукописей⁴.

¹ По подсчетам П. Мааса — 20 тысяч. См. P. M a a s. Griechische Paläographie. — V. A. G e r s k e und E. N o r d e n. Einleitung in die Altertumswissenschaft. 3. Aufl. Bd. I, Heft 9. Leipzig und Berlin, 1927, S. 69—81. А. Дэн (см. A. D a i n. La transmission des textes littéraires classiques de Photius à Constantin Porphyrogénète. — DOP, VIII, 1954, p. 31—47). называет цифру в 25000. Мы считаем возможным увеличить эту цифру за счет фрагментов (они не всегда учитываются в хранилищах в качестве отдельных единиц) и за счет смытых текстов в палимпсестах, которые, на наш взгляд, так же должны рассматриваться как самостоятельные памятники. Мы полагаем, что 30000 есть предельная цифра.

² Скорее 350—400. Но по указанным в прим. 1 причинам мы считаем возможным назвать максимальную цифру.

³ Например, из 20 унциальных рукописей IV—VI вв., которые перечисляет в своей книге Р. Дэвресс, всего 4 содержат светские тексты. См. R. D e v r e e s s e. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954, pp. 24—25.

⁴ См., например, следующие издания: В. Н. Б о н е ш е в и ч. Памятники Синая археологические и палеографические, II СПб., 1912; Collezione Fiorentina di facsimili paleografici greci e latini illustrati da G. Vitelli e C. Paoli. Firenze, 1884—1897; P. F r a n c h i d e' S a v a l i e r i et Joh. L i e t z m a n n. Specimina codicum graecorum Vaticanorum. Vopnae, 1910 (второе издание мне недоступно); Ch. G r a u t et A. M a r t i n. Facsimiles des manuscrits grecs d'Espagne, texte et atlas. Paris, 1891; Н. О м о н т. Facsimiles des plus anciens manuscrits grecs en onciale et en minuscule... de IVe au XIIe siècle. Paris, 1892; С а в в а епископ Можайский, Specimina palaeographica codicum graecorum et slavonicorum Bibliothecae Mosquensis Synodalis saec. VI—XVII. Москва, 1863; архим. А м ф л о х и й. Палеографическое описание греческих рукописей IX и X века определенных лет, т. I. Москва, 1869; W. W a t t e n b a c h. Scripturae graecae specimen in usum scholarum.... Berlin, 1887 (есть еще издания 1877 г. и 1881 г.);

Мы, однако, полагаем, что период употребления унциала в качестве книжного письма является весьма важным в истории письма и книги в Византийской империи и заслуживает более внимательного рассмотрения, чем это обычно принято.

Число унциальных рукописей, находящихся в хранилищах Советского Союза, достигает 150 единиц (цельных кодексов, фрагментов разной величины и смытых текстов в палимпсестах). Таким образом, мы располагаем достаточным числом образцов византийского унциала — более чем третью всех сохранившихся до нашего времени памятников этого типа письма.

* * *

Итак, древнейший тип византийского книжного письма есть унциал, который представляет собой книжное письмо эллинистического времени, перенесенное из папирусного свитка на листы пергаменного кодекса⁵.

Название «унциал» для этого типа письма было впервые употреблено Монфоконом в его книге «Palaeographia Graeca», третья глава которой посвящена унциалу⁶. Как это письмо называлось в Византии, определено не установлено; существовало несколько названий: *στρογγύλος* (закругленный), (это название, по всей вероятности, применялось к тому виду унциала, для которого характерны овальные и угловатые формы букв), *καλόγραφον* (красивое, хорошее письмо) и *μεγαλόγραφον* (крупное письмо)⁷.

Современные греки называют унциал *μεγαλόγραμματος βυθμός* или *μεγαλόγραφία* (писание крупно)⁸. В трудах по русской и славянской палеографии унциал чаще всего называют уставом⁹.

В эллинистическое время употреблялось два типа письма — книжное письмо, характерной особенностью которого было стремление к четкости и красоте, и курсив, употреблявшийся для написания документов, писем, ученических тетрадей и т. п. записей; обычно курсив рассматривается как деловое письмо, отражающее стремление к быстроте, к экономии писчего материала и труда писца.

Византийский унциал представляет собой четкое, большей частью довольно крупное письмо, применявшееся для написания книг и литературных текстов и известное нам по рукописям IV—XII вв.

Это письмо маюскульное, т. е. письмо, определяемое двумя параллельными линейками и не выбрасывающее (точнее — почти не выбрасывающее) за пределы этих двух, мысленно проводимых, линеек никаких деталей, важных для определения отдельных букв¹⁰.

четвертое издание 1936 г. мне недоступно); А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—X вв. СПб., 1913.

⁵ C. H. Roberts. The Codex.— «Proceedings of British Academy», v. XL, 1954, p. 183—184, 197.

⁶ B. de Montfaucon. Palaeographia graeca sive de ortu et progressu litterarum. Parisiis, 1708.

⁷ V. Gardthausen. Die Namen der griechischen Schriftarten.—BNJb, III, 1922, S. 1—11.

⁸ Α. Πολίτης. Ὁδηγὸς καταλόγου χειρογράφων. Ἀθήναι, 1961, κεφ. 5 (Γενικὸν Συμβόλιον Βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος, 17). Ἀ. Σιγαλάς. Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς Γραφῆς. Θεσσαλονίκη, 1934, κεφ. 3.

⁹ См., например, следующие работы: В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 16; А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—XI вв. СПб., 1913; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 158—164; Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, глава I, и др. работы.

¹⁰ Об унциале см., например, V. Gardthausen. Griechische Paliographie. 2. Aufl. Bd. 2. Leipzig, 1913, S. 88—159; E. M. Thompson. An Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912, p. 198—217; B. A. van Groningen. Short Manual of Greek Palaeography. 2 ed. Leiden, 1955, p. 32—34; R. Devreesse. Introduction..., p. 22—30 и др. работы.

Историю развития унциала принято разделять на три периода:

- 1) Древнейший или старший унциал.
- 2) Младший или наклонный унциал; среди рукописей этого периода многие написаны остроконечным унциалом.
- 3) Литургический унциал.

Древнейший период существования унциального письма должен изучаться не только по пергаменным рукописям, но одновременно и по литературным папирусам. Работа эта только начата, так как между папирологией и изучением средневековых рукописей существует разрыв, который надлежит еще преодолеть палеографам¹¹.

Древнейший унциал известен по рукописям IV—VI вв. Характерны следующие его особенности: буквы стоят на строках прямо (наклон встречается редко); округлые буквы (o, c, p, e) образуют правильный круг; остальные буквы образуют квадрат или могут быть вписаны в квадрат; надстрочные знаки отсутствуют; из аббревиатур употребляются сокращения священных имен (так наз. *Nomina Sacra*), союза *καί*, буквы «v» в виде горизонтальной черточки на конце строки. Орнаментация инициалов в рукописях этого периода только намечается.

Историю византийской книги принято начинать с рассмотрения трех древнейших кодексов Библии, написанных старшим унциалом — Ватиканского, Синайского и Александрийского. Два первых из них датируются IV в.; предполагается, что эти рукописи относятся к числу тех списков Библии, которые, по свидетельству Евсевия Кесарийского¹², были написаны в середине IV в. по распоряжению императора Константина для вновь создаваемых христианских церквей.

Ватиканский кодекс хранится в Ватикане, где он находился ранее, неизвестно. Позднее (возможно, в XII в.) письмо кодекса было подновлено¹³.

Синайский кодекс был найден К. Тишендорфом в монастыре св. Екатерины на Синае. В настоящее время большая часть кодекса хранится в Британском музее, а 43 листа — в Университетской библиотеке в Лейпциге. Три маленьких отрывка находятся в Гос. Публичной библиотеке в Ленинграде¹⁴.

Александрийский кодекс Библии датируется V в. Хранился в Александрии, а в 1627 г. патриархом Кириллом Лукарисом был подарен английскому королю Карлу I. В настоящее время находится в Британском музее¹⁵.

К тому же древнейшему периоду истории византийского унциала относятся широко известные иллюстрированные кодексы Библии, а именно Россанский и Синопский кодексы¹⁶, а также Сармисахлийское (Codex N) евангелие VI в., написанное на пурпурном пергамене серебром и золотом; хранится в Гос. Публичной Библиотеке в Ленинграде¹⁷. Эти

¹¹ В пределах Советского Союза хранится лишь небольшое число папирусов литературного содержания.

¹² Eusebii Vita Constantini, IV, 36 (PG, t. 20, col. 1185 A—B).

¹³ См. о нем: W. H. P. Hatch. The Principal Uncial Manuscripts of the New Testament. Chicago, 1939, pl. XIV; C.-R. Gregory. Textkritik des Neuen Testamentes. Bd. I. Leipzig, 1900, S. 32—40.

¹⁴ Литература о Синайском кодексе обширна. См., например, следующие работы, где имеется библиография исследований о рукописи: H. Milne and T. C. Skeat, Scribes and Correctors of the Codex Sinaiticus. London, 1938; The Codex Sinaiticus and the codex Alexandrinus. Published by the Trustees of the British Museum. London, 1955. См. также нашу работу: Каталог греческих рукописей Ленинградских хранилищ, вып. I. Рукописи IV—IX вв. — ВВ, XVI, 1959, стр. 220, № 2.

¹⁵ См. The Codex Sinaiticus and the Codex Alexandrinus, pl. XVIII—XIX.

¹⁶ См. W. H. P. Hatch. Op. cit., pl. XXVII, XXVIII.

¹⁷ См. Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей..., вып. I, стр. 223, № 18.

роскошные рукописи представляют значительный интерес для истории искусства книги в Византии.

Из рукописей светского содержания, написанных старшим унциалом, отметим следующие:

1. «Венский список» Диоскорида VI в., написанный двумя писцами, один из которых пишет с легким наклоном вправо; рукопись снабжена рисунками растений и превосходной выходной миниатюрой с изображением самого Диоскорида. Датируется рукопись по имени Юлианы Аниции, дочери консула Флавия Аниция Олибрия (463—528), посвящение которой имеется в начале рукописи¹⁸.

2. Амброзианский кодекс «Илиады» Гомера V в.¹⁹

3. Рукопись Диона Кассия V в., хранящаяся в Ватикане под № 1288²⁰.

4. Отрывки из комедии Менандра IV в., хранящиеся в Гос. Публичной библиотеке в Ленинграде²¹.

Во втором периоде истории унциала (VII—VIII вв.) чаще встречается остроконечное наклонное письмо. Этот период очень важен, так как именно в эти века складывается наиболее характерное для средневековья письмо — минускул. К сожалению, ввиду крайней скудости материала и почти полного отсутствия датированных памятников, наше суждение об унциале VII—VIII вв. может быть только общим²².

Последний период употребления византийского унциала относится к IX—XII вв. Это время господства так наз. литургического унциала, т. е. унциала, употреблявшегося для написания литургических текстов. Литургический унциал известен лучше всего, так как сохранилось достаточное количество его образцов, причем не только фрагментов, но и целых кодексов; имеются также и некоторые датированные рукописи²³.

Унциал выполнял роль не только книжного письма, но и курсива. Среди образцов этого вида унциала следует указать отрывок папируса юридического содержания, найденный на Синае²⁴, и отрывок математического трактата, известный под названием *Fragmentum mathematicum Bobiense*²⁵.

Нередко таким унциалом курсивного назначения писали схолии в рукописях ученого содержания, написанных минускулом, — письмо схолий должно было отличаться от письма текста.

В унциальном письме различают также так наз. «национальные типы», или «дукты», а именно: коптский, западноевропейский, грузинский и

¹⁸ Рукопись издана: *Codex Aniciae Julianae pictures illustratus, nunc Vindobonensis Med. Gr. I. Leyden, 1906 (=Codices Graeci e Latini photographice depicti duce Sc. de Vries, 10).*

¹⁹ *Homeri Iliadis pictae fragmenta Ambrosiana; phototypice edita cura A. M. Ceriani et A. Ratti. Mediolani, 1905.*

²⁰ *Fr. de' Cavalieri et Jo. Lietzmann. Specimina codicum graecorum Vaticanorum. Bonnae, 1910, tab. 2.*

²¹ См. Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей..., вып. I, стр. 220, № 1.

²² Образцы см. W. H. P. Hatch. *Op. cit.*, pl. XXXIV—XLIII.

²³ См., например, W. H. P. Hatch. *Op. cit.*, pl. XLIV—LXXVI, а также А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. Образцы уставного греческого письма по преимуществу IX—XI веков. СПб., 1913.

²⁴ См. Ch. Graux. *Notes paléographiques. 2. L'onciale des fragments juridiques du Sinai.* — «Revue de Philologie», V, 1881, p. 124—127; V. Gardthausen. *Griechische Paläographie.* Bd. 2, S. 108—109; O. Lenzel. *Zum Papyrus Bernardakis.* — *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*, Bd. III. *Romanistische Abtheilung*, H. 2, 1881, S. 233—237 (со снимком).

²⁵ E. M. Thompson. *An Introduction to Greek and Latin Palaeography.* Oxford, 1912, pp. 211—212. Унциалом «курсивного назначения» следует также считать унциал, которым написан фрагмент тропая на глиняном черепке. См. статью S. Pétridès. *Un trotaire byzantin sur un fragment de poterie égyptienne.* — EO, 12, 3me Année, 1899—1900, p. 361—367.

праславянский²⁶. Первые три из указанных «национальных типов» византийского унциала не представляют собой какие-либо своеобразные типы (или дукты) греческого письма; возникновение их следует объяснять индивидуальной манерой писцов, привыкших писать коптским, латинским или грузинским письмом, а потому несколько видоизменяющих греческие буквы в соответствии с формами букв своего национального письма. Это соображение подтверждается происхождением и содержанием рукописей.

Среди рукописей «коптского» дукта цельных кодексов не сохранилось, за исключением одной двуязычной рукописи, написанной на коптском и на греческом языках; остальные памятники представляют собой фрагменты, не имеющие каких-либо указаний на их происхождение²⁷.

Все образцы «коптского» дукта византийского унциала датируются IV—VII вв. «Западноевропейский дукт» представлен двуязычными кодексами, содержащими параллельный текст на греческом и на латинском языках; рукописи эти написаны в западноевропейских монастырских скрипториях и относятся к VIII—IX вв.²⁸

«Грузинский дукт» представлен двумя евангелиями VIII и IX вв., найденными в грузинских монастырях; обе рукописи не имеют никаких указаний на их происхождение²⁹.

Перейдем к рассмотрению «праславянского типа» византийского унциала. Сам этот термин представляется нам неудачным, так как он применяется к письму греческих рукописей X и XI вв., когда уже существовала славянская письменность; следовательно, этот «праславянский» тип отнюдь не предшествовал славянскому письму. Можно лишь говорить о сходстве кирилловского устава некоторых рукописей (например, Остромирова евангелия) с письмом отдельных греческих рукописей, имеющих исключительно литургическое содержание³⁰. Никаких данных о происхождении рукописей «праславянского типа» не имеется. По мнению К. Вайцманна, эти рукописи происходят из Центральной Азии³¹.

²⁶ Эти «национальные типы» византийского унциала названы так, очевидно, по аналогии с «национальными типами» латинского письма. Любопытно отметить, что, хотя Маффей и доказал непригодность термина «национальные типы латинского письма», однако, во всех руководствах по латинской палеографии эта классификация Мабильона сохраняется. См., например, О. А. Д о б и а ш - Р о ж д е с т в е н с к а я. История письма в Средние века. Изд. 2-ое. Л., 1936, стр. 88—141; V. N o v a k. Latinska paleografija. Beograd. 1952, pogl. IV. «Национальные дукты» византийского письма наиболее подробно рассматривает В. Гардтхаузен (V. G a r d t h a u s e n. Griechische Paläographie, Bd. 2, S. 257—261). См. также нашу работу: О связи кирилловского устава с византийским унциалом.— ВВ, III, 1950, стр. 218—229, где приведены образцы всех четырех дуктов.

²⁷ J. I r i g o i n. L'onziale grecque de type copte.— JOBG, VIII, 1959, S. 29—51; В. К. Е р н ш т е д т. Греческая рукопись коптского письма.— ЖМНП, май 1884, Отд. классич. филол., стр. 28; D. S e r r u y s. Contribution à l'étude des «canons» de l'onziale grecque.— «Mélanges Chatelain». Paris, 1910, p. 492—499.

²⁸ О. Д о б и а ш - Р о ж д е с т в е н с к а я. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les Corbeiensis Lenínopolitani. Leningrad, 1934, p. 102—103.

²⁹ См. Е. Э. Г р а н с т р е м. Греческие рукописи в собраниях Сов. Союза (дополнительные сведения).— ВВ, XI, 1956, стр. 285—291, где указана важнейшая библиография об этих рукописях.

³⁰ В нашей статье «О связи кирилловского устава с византийским унциалом», которую мы считаем неудачной, мысль о взаимоотношении между византийским унциалом и кирилловским уставом изложена недостаточно четко, что дало повод авторам некоторых рецензий на эту статью говорить о влиянии кирилловского устава на византийский унциал. Но в нашей статье нет речи о таком влиянии. Мы лишь полагаем, что термин «праславянский унциал» здесь неприменим, так как он прилагается к рукописям более позднего времени, чем возникло само славянское письмо. Речь идет не о влиянии одного письма на другое, а о внешнем сходстве между ними. См., например, J. I r i g o i n. Les manuscrits grecs 1931—1960.— «Lustrum», Bd. 7. Göttingen, 1963, p. 5—93 (ср. p. 40, 44).

³¹ К. W e i t z m a n n. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Berlin, 1935, S. 65. Anm. 381.

Мы полагаем, что само это понятие, как и термин, является заблуждением, возникшим вследствие плохого знания немецкими палеографами древних славянских и русских рукописей. Первым высказал мысль об этом «праславянском дукте» немецкий палеограф и богослов А. Шольц, отметивший, что многие греческие унциальные рукописи фракийского происхождения напоминают своим письмом древние славянские рукописи³².

В начале XIX в., когда писал А. Шольц, число известных древнеславянских рукописей было очень невелико; какие именно «славянские рукописи» имел в виду А. Шольц, неизвестно.

Сам термин «праславянский» (praeslavisch) ввел В. Гардтхаузен, который однако чрезвычайно осторожен в своих высказываниях по этому поводу³³. В. Гардтхаузен указывает всего две рукописи, могущие служить образцами письма разбираемого дукта — Евангелие 980 г., написанное в Каппадокии, и Евангелие 995 г., происхождение которого неизвестно. Но немецкому палеографу были известны из славянских рукописей лишь немногие древние русские памятники, что и было отмечено И. В. Ягичем. «Указания на славянские рукописи в изданиях Саввы, — писал он, — относятся к русским текстам XI—XII вв., но в очень древних рукописях южнославянского происхождения, например, в отрывках Кирилла Иерусалимского, в листках Ундольского, а также в Саввиной книге, видны еще наклонения букв в правую сторону и овально сплюснутый остроугольный характер письма; то и другое очень напоминает греческий унциал IX столетия»³⁴.

К вышесказанному мы считаем необходимым добавить, что нельзя говорить о «праславянском» письме без определения, о каком именно из древних славянских алфавитов идет речь — пракириллическом или праглаголическом.

Поскольку именно глаголица является древнейшей славянской азбукой, поскольку именно она была изобретением Кирилла, постольку считать праславянским следовало бы тот греческий алфавит, который был положен в основу глаголицы, а не кириллицы.

Таким образом, «национальные типы» византийского унциала представляют собой случайное явление в истории греческого письма, число образцов этих «национальных» типов невелико (для грузинского — всего две рукописи), и (самое главное) они не оказали какого либо влияния на дальнейшее развитие унциального письма в Византии.

Итак, унциальный период в истории средневекового греческого письма принято рассматривать только с точки зрения последовательной смены одного вида этого письма другим или так наз. «национальных» его дуктов. Представленный таким образом, этот период выглядит малоинтересным и незначительным. Однако, с точки зрения историко-культурной, этот период заслуживает большего внимания, так как именно в течение IV—VIII вв. развились и сложились важнейшие особенности византийской книги.

³² A. Scholz. Biblisch-kritische Reise in Frankreich, der Schweiz, Italien, Palästina und im Archipel, in den Jahren 1818, 1819, 1820, 1821, nebst einer Geschichte des Textes des Neuen Testaments. Leipzig und Sorau, 1823, S. XII—XIII.

³³ V. Gardthausen. Griechische Paläographie, Bd. 2., S. 244—262; В. Гардтхаузен. Греческое письмо IX—XII веков. СПб., 1911 (=Энциклопедия славянской филологии, вып. 3); E. M. Thompson. An Introduction, p. 214. Томпсон указывает еще несколько рукописей, являющихся образцами литургического унциала, иначе говоря, для Томпсона литургический унциал с наклоном вправо и заметной разницей между тонкими и толстыми штрихами букв является «славянским» (Slavonic) унциалом.

³⁴ В. Гардтхаузен. Греческое письмо..., стр. 50.

Унциальный период наступил непосредственно вслед за наиболее значительным событием в истории книги, которое произошло до изобретения печатного станка, а именно — после замены свитка кодексом³⁵.

Изменение формы книги и широкое применение нового писчего материала — пергамена, повлекли за собой изменения в структуре и составе книги, новые приемы в оформлении листа, в распределении текста на листе, в расположении иллюстраций. Пергаменный кодекс есть характерная форма средневековой книги; к началу IV в. нашей эры кодекс окончательно заменил собой прежнюю форму книги — папирусный свиток. В последующие века, вплоть до VIII в., происходит постепенная выработка приемов оформления средневековой книги, а также постепенная подготовка к замене унаследованного от эллинистической Греции книжного письма — унциала типичным средневековым письмом — минускулом.

Перейдем к описанию особенностей средневековой книги, выработанных в течение унциального периода ее существования.

1. Форма книги; тетради.

В течение II и III вв. нашей эры на смену папирусу приходит пергамен, получивший вскоре широкое распространение. Новый писчий материал, гибкий, а не ломкий, как папирус, изменил форму книги — на смену свитку пришел кодекс, книга современной формы. Изменение это повлекло за собой и другие нововведения. Из отдельных листов пергамена составлялись тетради, а из тетрадей — кодекс. Очень рано, уже в IV—V вв., определилось число листов, из которых обычно составлялась тетрадь византийской книги — это так наз. кватернион, т. е. тетрадь из четырех перегнутых листов или восьми полулистов. Установился и порядок складывания листов — каждая тетрадь начиналась и кончалась мясной стороной пергаменного листа, более светлой и гладкой, нежели сторона, обращенная наружу, к шерsti; мясной стороной тетрадь должна была открываться в середине³⁶.

В случае нарушения этого порядка складывания листов или в случае иного их числа в тетради следует предполагать, что данная рукопись — негреческого происхождения.

Разделение книги на тетради повлекло за собой нумерацию тетрадей, предшествовавшую современной пагинации. Номер тетради обычно ставили на первом листе и на обороте последнего листа каждой из них.

2. Разлиновка листа; распределение текста на листе; использование полей.

На папирусе полагалось писать только на лицевой стороне листа, где волокна растения образовывали как бы естественные линейки. Пергамен имеет другую фактуру, нежели папирус; пергамен надо было линовать, так как иначе строки не могли быть написаны ровно. Разлиновка листов унциальных кодексов обычно не бывает сложной. Но важнейшие приемы разлиновки и ее техника были выработаны византийскими писцами именно в это время. Обычно лист накальвали по краям и между этими уколами (точками от иглы или от кончика ножа) проводили линии острым орудием, так что с одной стороны пергаменного листа линейки оказывались углубленными, а с другой стороны — выпуклыми. Позднее системы разлиновки

³⁵ С. Н. Roberts. The Codex. — «Proceedings of British Academy», v. XL, 1954, p. 169; K. Weitzmann. Illustrations in Roll and Codex. A study of the origin and method of text illustration. Princeton, 1947, p. 69.

³⁶ См. С.-R. Gregory. Les cahiers des manuscrits grecs. — «Comptes rendus de L'Académie des Inscriptions», 1885, p. 261—268; R. Devreesse. Op. cit., p. 20—21. Возможно, этот прием расположения пергамена связан с тем, что папирус обычно использовался только с его лицевой, более гладкой, стороны. По аналогии с гладкой стороной папирусного листа и гладкая сторона пергамена могла восприниматься как более красивая.

пергаменных листов бывали нередко очень сложными, в зависимости от происхождения и назначения рукописи ³⁷.

На листе пергамента текст распределялся иначе, чем в папирусном свитке, не имевшем полей. Когда читающий разворачивал папирусный свиток, перед его глазами открывалось лишь небольшое пространство, обычно — четыре столбца текста; столбцы располагались в ряд, один за другим. При появлении новой формы книги сперва сохранялась старая манера, т. е. текст писали на пергаменном листе в три или четыре столбца. Так написаны уже упомянутые выше Ватиканский и Синайский кодексы. Позднее пришли к выводу, что удобнее читать текст, расположенный в один или два столбца; именно таким образом, за очень немногими исключениями, написаны средневековые рукописи.

При разлиновке пергаменного листа выделялись чистые поля, обрамляющие текст с четырех сторон. Использование полей для разнообразных помет и указаний к тексту началось с IV в.; в дальнейшем этот прием оформления книги получил широкое распространение. В рукописях VII и VIII вв. на полях помещают колонтитулы, зачала, указания служб, когда надлежит читать тот или иной текст и т. д. ³⁸

3. *Применение разных шрифтов для текстов разного назначения и для разных частей одного и того же текста.*

Разделение письма на письмо деловое и книжное было, как уже сказано выше, известно писцам античности и эллинистического времени ³⁹. Но в рассматриваемом периоде это разделение шрифтов в соответствии с назначением текста пошло глубже. Выработан был также новый важный прием употребления разных шрифтов для отдельных частей текста. Именно таким путем достигалось четкое выделение заголовков, указателей и комментариев к основному тексту ⁴⁰.

В древнейших кодексах IV в. заголовки написаны тем же письмом, что и текст, а инициалы никак не выделены. В Александрийском кодексе V в. уже появляются несколько увеличенные и выдвинутые на левое поле инициалы. Но эта манера еще не была устойчивой, так как в некоторых других рукописях V в. инициалы по-прежнему не выделены ⁴¹.

В дальнейшем, в VI—VIII вв., прием выделения заголовков и инициалов развивается; уже в рукописях VII в. можно встретить орнаментированные инициалы.

Заголовки и колонтитулы, как и текст, писали унциалом. Однако, этот унциал несколько отличался от унциала, которым писали текст; в заголовках и колонтитулах встречается больше сокращений, а в формах букв замечается некоторое своеобразие. Это различие между письмом текста и письмом заголовков, возникающее в V—VI вв., в VIII в. предстает завершенным в своем развитии.

³⁷ См. Kirsopp and Silva L a k e. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200. I—X. Boston, 1934—1945; в каждом выпуске помещены чертежи разлиновки. Разлиновка листов может служить важным подспорьем для определения происхождения рукописей. См. J. I r i g o i n. Pour une étude des centres de copie Byzantins. «Scriptorium», t. 12, 1958, p. 208—227; t. 13, 1959, p. 178—209.

³⁸ См., например, G. W a t t e n b a c h. Scripturae Graecae specimina. Ed. altera. Berolini, 1883, tab. VII; H. O m o n t. Fac-similes des plus anciens manuscrits grecs en onciale et en minuscule de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1892, pl. VI; W. H. P. H a t c h. Op. cit., pl. XXXIV, XXXVII—XLIII and oth. Об использовании полей для миниатюр и орнамента см. ниже, пункт 4.

³⁹ См. C. H. R o b e r t s. Greek Literary Hands 350 B. C.—A. D. 400. Oxford, 1956. Introduction.

⁴⁰ Эта важная особенность средневековой книги перешла из византийской письменности в славянскую, в армянскую и грузинскую. Разграничение шрифтов в зависимости от содержания и назначения текста сохраняется и в современной печатной книге.

⁴¹ См. The Codex Sinaiticus and the Codex Alexandrinus, pl. IV, VI, VII; H. J. M i l l e n e and T. C. S k e a t. Scribes and Correctors of the Codex Sinaiticus, Tables; W. H. P. H a t c h. Op. cit., pl. XVII, XXI, XXII.

Сокращения в заголовках специфичны и довольно стандартны, так как сокращались заглавия отдельных отрывков евангельского текста, предназначенных для чтения во время церковной службы, например, ἐκ τοῦ κατὰ Ματθαίου, ἐκ τοῦ κατὰ Λουκᾶ и т. п.

Не менее стандартными были и указания на дни церковного года и службы, когда надлежало читать тот или иной текст — Τῷ σαββάτῳ τῆς τετάρτης ἐβδόμης, τῇ παρασκευῇ τῶν ηἱερασιῶν и т. п.

Эти указания выполняли чисто служебную роль, помогая быстро и легко ориентироваться в тексте, а потому и могли быть написаны сокращенно⁴². Однако разнобоя в сокращениях такого рода не допускалось, так как в противном случае они стали бы непонятными даже для профессионалов-священнослужителей.

Для схолий употреблялся мелкий беглый унциал, о котором уже упоминалось выше. Мелкий унциал отличается от унциала основного текста не только размером, но и меньшей тщательностью в написании деталей букв.

Поэтому этим видом письма можно было писать довольно быстро. Процесс письма вдобавок облегчался также свободно применяемыми сокращениями.

4. Миниатюры и орнамент в рукописях.

Применение различных шрифтов для различных частей текста сперва преследовало только цель наиболее рациональной организации книги, облегчения читателю поисков нужных ему глав текста. Ту же цель преследовали и первоначальные простейшие заставки, как, например, заставки в Синайском или Александрийском кодексах.

В. Н. Лазарев пишет, что «расцвет орнаментального искусства в монументальной живописи повлек за собой, естественно, и расцвет книжного орнамента. Именно в иконоборческую эпоху (т. е. еще в период господства унциала как книжного письма.— Е. Г.) были заложены основы византийской орнаментики, получившей такое блестящее развитие в X—XII веках»⁴³.

Живописный орнамент, украшающий листы лучших памятников византийской книги, получил позднее самостоятельное значение; поэтому выполняемая орнаментом функция разграничения отдельных частей книги современными исследователями истории византийской живописи в некоторых случаях не учитывается⁴⁴.

В папирусном свитке орнамента не было. Для свитка типичной была иллюстрация в столбце, с которым она образовывала некоторое неделимое целое. Пергаменный кодекс предоставлял больше возможностей для развития миниатюры, нежели пергаменный свиток. «Конечным результатом художественных возможностей кодекса было создание отдельной картины, занимающей целую страницу»⁴⁵. Однако, этот последний прием был выработан уже в минускульной книге. В унциальной книге миниатюры помещались на полях, с любой стороны от текста, в чем следует усматривать сохранение традиции иллюминации свитка.

5. Ударения и придыхания.

⁴² Канонический текст священного писания сокращать было недопустимо — с точки зрения средневекового человека священное писание, «слово божие», было неприкосновенно, искажение его вело к ереси. См., например, V. Gardthausen. Griechische Paläographie, Bd. 2, S. 426.

⁴³ См. В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М.—Л., 1947, стр. 67.

⁴⁴ См., например, H. Gerstinger. Die griechische Buchmalerei, Bd. I. Text. Wien, 1926, S. 11—26; D. Diringer. The Illuminated Book, its History and Production. London, 1958, ch. II.

⁴⁵ K. Weitzmann. Illustrations..., p. 104. (Здесь же см. о развитии иллюстраций в кодексе).

В течение унциального периода в византийских рукописях вводится регулярное употребление ударений и придыханий, из которых последние появляются раньше — в IV—VII вв., а ударения — несколько позднее — в VIII—IX вв.⁴⁶

6. *Специальные значки и знаки-символы, применение их в христианской письменности.*

Специальные значки, имеющие смысловое значение, и знаки-символы, выполнявшие функции, подобные функциям современных химических формул, были известны уже в глубокой древности и встречаются в папирусах. В течение унциального периода в византийской письменности происходило восприятие этих знаков христианской письменностью. Поясним нашу мысль примером. Древними комментаторами поэм Гомера была разработана система знаков, применявшаяся при критике текста этих поэм. Так, обелом ($\delta\beta\epsilon\lambda\acute{o}\varsigma$) отмечали стих, не принадлежавший Гомеру; звездочкой ($\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\sigma\kappa\alpha\varsigma$) указывали на подлинно гомеровский, по мнению комментатора, стих. Звездочка с обелом означала, что подлинный гомеровский стих помещен не в том месте, где ему надлежит находиться.

В IV в. Епифаний Кипрский (ок. 315—403) написал сочинение о весах и мерах в библейских книгах, в этом сочинении, между прочим, говорится и о знаках, применявшихся при критике библейских текстов, причем среди этих знаков были уже упомянутые обел и астериск. Одни знаки указывали на упоминание имени Христа, другие — на неясности в священном писании и т. д. В течение унциального периода подобные же знаки были применены для критики текста сочинений Григория Богослова, имевших столь важное значение для выработки основных положений христианской догматики. Так, астериском в рукописях этих сочинений отмечались места, где шла речь о рождении Христа, так как это событие (по словам комментаторов) было возведено волхвам звездой; знак $\odot$, означавший в астрологических текстах «солнце», указывал на упоминание бога, так как «солнцем справедливости называется бог в божественных писаниях». Двумя начальными буквами слова $\phi\rho\alpha\iota\omicron\nu$ «отмечались места, где речь была изукрашена или мысль расцвечена», а начальные буквы слова $\sigma\upsilon\nu\mu\epsilon\iota\omega\sigma\alpha\iota$ предупреждали читателя о том, что в данном месте содержится нечто противное догме.

7. *Состав книги и распределение отдельных ее частей.*

Папирусный свиток не мог заключать в себе больше 2—3 печатных листов текста; поэтому свиток, как правило, содержал какое-либо одно произведение или одну главу большого произведения, например, одну из песен «Илиады» или одно из Четырех евангелий. Собрания сочинений или антологии до возникновения книги в форме кодекса не были возможны⁴⁷. «В век сокращения культуры и падения грамотности, — пишет английский палеограф Робертс, — кодекс приобретает новую функцию, по меньшей мере — функцию антологии, по большей мере — функцию сохранения существенного минимума сочинений какого-либо автора. Видимо, известные издания избранных пьес трех греческих великих трагиков существовали с самого начала в форме кодекса. Действительно, число избранных пьес могло быть установлено в соответствии с объемом кодекса в III в.»⁴⁸.

⁴⁶ V. Gardthausen. Griechische Paläographie, Bd. 2, S. 381—394; R. Devesse. Introduction..., p. 29—30; И. М. Тронский. Древнегреческое ударение. М.—Л., 1962, стр. 15—23.

⁴⁷ Fr. Kenyon. Books and Readers in Ancient Greece and Rome. 2nd ed. Oxford, 1951, p. 100. Слово $\delta\acute{\rho}\mu\omicron\beta\epsilon\lambda\acute{o}\varsigma$ означало произведение, которое умещалось в одном свитке. См. В. Н. Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов. СПб., 1905, стр. 139, прим. 2.

⁴⁸ C. H. Roberts. The Codex, p. 203.

Кодекс среднего размера содержал приблизительно в шесть раз больше текста, нежели свиток⁴⁹; поэтому кодекс с самого начала своего существования приобрел функцию антологии, в кодексе сохранялся некоторый минимум сочинений одного автора. Включение в состав книги не одного, а нескольких произведений повлекло за собой составление перечней отдельных частей содержания книги. Возникли *оглавления* кодексов. Форма кодекса обусловила также перемещение *заглавия* в начало текста, тогда как в свитке заглавие помещалось в конце. Все эти изменения в структуре книги происходили постепенно. В древнейших кодексах заглавия находятся еще в конце текста или и в начале и в конце его (Синайский, Ватиканский и Александрийский кодексы).

* * *

Кроме изменений в оформлении и структуре книги в течение рассматриваемого периода византийской письменности произошла перестройка процесса производства книги. Как известно, в древности книги писали под диктовку в мастерской книготорговца, причем писцы обычно были рабами. В IV в. наряду с сохранением этой старой манеры переписки книг возникли монастырские скриптории, где монахи переписывали рукописи, копируя текст с лежащего перед глазами раскрытого листа, читая текст *про себя*, поскольку одной из главных добродетелей монаха почиталось молчание. Эта новая манера могла возникнуть лишь при использовании книги в форме кодекса.

Переписка под диктовку, вероятно, оставалась в употреблении на протяжении всего средневековья. Нам представляется, что в древности была в употреблении также и переписка текста, лежащего перед глазами писца. Применение той или иной манеры зависело от условий переписки, от назначения книги и от личности писца. Писец-ремесленник, работавший в мастерской предпринимателя-книготорговца, писал под диктовку, так как это был наиболее выгодный для хозяина способ производства книги. Под диктовку наставника писали также подлежащие изучению тексты учащихся. Но ученый или любитель литературы, которые переписывали текст для изучения или для чтения, словом, для своих личных нужд, могли писать, копируя тексты глазом. Переписанные таким образом рукописи не были задуманы как книги, но исполняли роль книги, поскольку до распространения книгопечатания не всегда можно было четко разграничить понятия «книга» и «тетрадь».

Далее, в течение унциального периода византийской письменности возникли скриптории средневекового типа. Видимо, первыми известными нам скрипториями были скрипторий при Александрийской библиотеке и императорский скрипторий в Константинополе. Сведения о скрипториях, особенно о светских, очень скудны. Несомненно только, что светские скриптории, как и светское образование, существовали на всем протяжении византийской истории.

Для средневекового скриптория характерна тесная связь с библиотекой, вернее, библиотека и скрипторий в средние века представляли собой нечто единое, были неотделимы друг от друга и связаны с высшей школой. Начало такого порядка можно видеть в церковных школах и церковных библиотеках раннего христианства. Существовали не только монастырские, но и светские скриптории и библиотеки, как, например, императорская библиотека, связанная с Константинопольским университетом, библиотека Нисибийской высшей школы и др.

В связи с появлением монастырских скрипториев и книг Священного писания, изменился также взгляд на труд писца, который раньше был

⁴⁹ С. Н. Roberts. The Codex, p. 201—202.

рабом в мастерской книготорговца или ремесленником, зарабатывавшим себе пропитание с помощью переписки. Писец же, который переписывал священное писание — книгу *κατ' ἐξοχήν*, «слово божие», совершал богоугодное дело, что и выражалось в характерных для средневековья формулах, которыми писцы любили заканчивать свой труд по переписке отдельных книг. В таких записях писцы обычно возносили благодарность богу за помощь при выполнении предпринятого писцом труда, называли себя грешными и ничтожными, обращали к будущему читателю просьбы об исправлении допущенных ошибок. Формулы этих записей общеизвестны.

Писцы-ремесленники продолжали переписывать книги на всем протяжении византийской истории, но сведений о них, относящихся к интересующему нас периоду, нет.

Перестройка процесса производства рукописной книги и выработка важнейших особенностей ее оформления необходимо должны были предшествовать обширным филологическим и энциклопедическим студиям, предпринятым византийскими учеными IX и последующих веков, в особенности — работам по транслитерации минускульным письмом античных, эллинистических и ранних средневековых текстов, сохранившихся в унциальных кодексах. Унциальные рукописи, оригиналами которых были свитки папируса, постепенно выходили из употребления и заменялись минускульными рукописями⁵⁰.

Работа по транслитерации текстов не была простым механическим копированием текста; над текстом одновременно проводилась углубленная критическая работа. Рукописи, переписанные таким образом в скрипториях Константинополя, были как бы матрицами, с каковых надлежало делать копии. Таково было назначение многих рукописей Патриаршей библиотеки.

Но работа эта не была бы осуществимой без «технической базы», т. е. без отработанной, установившейся формы книги, без ряда технических приемов придания книге определенной структуры. Таковы перечисленные выше приемы использования полей на листе, разлиновки листа, применения различных шрифтов для отдельных частей текста, оглавления книг и т. д.

Таким образом, унциальный период византийской письменности был периодом создания средневековой книги, периодом, во время которого были разработаны важнейшие приемы построения возникшей перед началом этого периода новой формы книги — кодекса, сделавшие эту форму столь совершенной, что она сохраняется и в наши дни.

⁵⁰ К сожалению, процесс этот прослеживается с трудом, ввиду малого числа сохранившихся памятников. Однако в настоящее время существует уже немало работ по вопросу о транслитерации текстов, например, A. D a i n. La transmission des textes littéraires classiques de Photius à Constantin Porphyrogénète. — DOP, 8, 1954, p. 31—47; A. D a i n. Les manuscrits. Nouvelle édition revue. Paris, 1964, ch. III; T. W. A l l e n. Palaeographica. III. A Group of Ninth-century Greek Manuscripts. — «Journal of Philology», v. XXI, 1893, p. 48—55; M. B e r t h e l o t. Collection des anciens alchimistes grecs. 2me livraison. Paris, 1888, p. V—VI; B. H e m m e r d i n g e r. Essay sur l'histoire du texte de Thucydide. Paris, 1955 (Collection d'Etudes Anciennes publ. sous la patronage de l'Association G. Budé); Geschichte der Textüberlieferung der antiken und mittelalterlichen Literatur, Bd. I. Antikes und mittelalterliches Buch- und Schriftwesen. Überlieferungsgeschichte der antiken Literatur. Zurich, 1961, passim.

В. С. ШАНДРОВСКАЯ
ПАМЯТНИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКИ
В ЭРМИТАЖЕ

Памятники сфрагистики служат одним из важных источников для изучения истории и истории культуры Византии. Предназначавшиеся для скрепления официальной и частной корреспонденции, иногда для опечатывания таможенных товаров маленькие по размеру подвесные свинцовые печати (моливдовулы) дают ценный материал для самых разных эпох, к которым они принадлежат.

Спутники деловых и личных отношений, они точно передают реальную действительность. Говоря о достоинствах моливдовулов, Н. П. Лихачев в своей монографии, в которой он дал анализ иконографических изображений Богоматери на основании памятников иконописи и сфрагистики, отмечал, что «каждая печать — памятник на отдельный случай». Имеющиеся на нем надписи подлинны: «они не приписаны, как на многих иконах, и не прибиты позднее, как на некоторых окладах»¹. Обращение к печатям открывает широкие возможности для ознакомления со сложным административным устройством империи, со структурой ее государственного, гражданского, военного, церковного аппарата, с иерархией феодального общества.

Моливдовулы могут дать многое для уточнения отдельных моментов истории общественных движений (например, иконоборчество), при исследовании таких проблем, как роль города в жизни Византии, культурно-исторические и торговые связи внутри империи и связи с сопредельными странами и т. д. Исключительную ценность имеют моливдовулы для просопографии.

Сведения, заключенные в легендах, иконография бытующих на печатях образов (Богоматери, Христа, святых), язык надписей (греческий, иногда латинский или какой-либо из восточных), метрическая форма стихов, палеографические особенности письма достойны внимания историка и искусствоведа, филолога и палеографа.

Собрание моливдовулов Государственного Эрмитажа в Ленинграде включает на данный момент свыше 12 тысяч экземпляров. Его основу составляют материалы бывшего Русского археологического института в Константинополе (около 5 тыс.), поступившие в музей в 1931 г., и коллекция Н. П. Лихачева (около 6,5 тыс.), принятая в Эрмитаж в 1938 г. из Института истории АН СССР. Часть памятников (она незначительна по сравнению с общим количеством печатей) была издана Г. Шломберже, Сабатье, Н. П. Лихачевым, Б. А. Пащенко, И. И. Толстым, Н. В. Из-

¹ Н. П. Л и х а ч е в. Историческое значение итало-греческой иконописи, изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911, стр. 39.

майловой. Известное число подверглось изучению, однако еще ожидает своей публикации (речь идет, в частности, о рукописном наследии Н. П. Лихачева).

Введение в научный оборот этих печатей требует полного раскрытия коллекции, в целях чего в настоящее время ведется работа по их систематизации и классификации. Это позволило выделить отдельные памятники и группы печатей, заслуживающих внимания исследователя в первую очередь.

Главный интерес представляют моливдовулы с именем владельца. В преобладающем большинстве они начинаются с обращения к Богоматери или Христу, далее идут слова «рабу твоему», затем следует имя, фамилия², чин, должность владельца, иногда даны географические указания.

Эрмитажная коллекция насчитывает значительное количество именных печатей. Однако выявление их — дело непростое. Не говоря уже о трудностях расшифровки надписей, связанных с наличием сокращений, стихотворных формул, с сохранностью печатей³, освоение огромного материала нашей коллекции требует немало времени.

Из обследованных мною 3,5 тыс. моливдовул удалось выявить 194 имени и 129 фамилий. Если принять во внимание, что свод Г. Шломберже, по византийской сфрагистике⁴, вышедший в 1884 г., дает 200 фамилий, немало и установленное нами число (129). Следует учесть к тому же, что нам предстоит просмотреть еще около 5 тыс. печатей с надписями.

Мы располагаем рядом интересных с различных точек зрения именных моливдовул. Так, можно указать печати Ставракия⁵, императорского протоспафария, управляющего императорским частным имуществом и возглавляющего «бюро» варваров; четыре экземпляра из них дают прекрасной работы портрет Ставракия.

Следует назвать печати, принадлежащие известным деятелям церкви и государства — патриарху Фотию⁶ и болгарскому архиепископу Феофилакту, имена которых не менее важны и для истории византийской литературы. Владельцами нескольких сфрагистических памятников являются знаменитая Анна Комнина⁷ и византийский историк конца XII — начала XIII в. Никита Хониат⁸.

² Фамильные наименования на печатях установились позже, чем в письменных источниках. Как указывал Н. П. Лихачев (рукопись «Моливдовулы греческого Воска», стр. 11), едва ли можно назвать моливдовулы IX в., показывающие принадлежность владельца к тому или иному роду.

³ Как известно, свинец поддается сильному разрушению, что особенно губительно сказывается на надписях. «Чтение и восстановление полуистертых букв напоминает распутывание головоломных шарад», — писал в свое время Н. П. Лихачев. Реставрации моливдовул в Эрмитаже уделяется много внимания. Она осуществляется силами сотрудников реставрационных мастерских методом электролиза. Однако эта работа, в силу ее специфики, идет медленными темпами, что в значительной степени тормозит освоение множества моливдовул.

⁴ G. Sch l u m b e r g e r. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884.

⁵ Н. П. Л и х а ч е в. Моливдовулы..., табл. LXXX, 9, 10; А. В. Б а н к. Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1960, № 92. Печати Ставракия подготовлены мной к изданию.

⁶ Н. П. Л и х а ч е в. Печати патриархов Константинопольских. — «Труды Московского Нумизматического общества», II. М., 1899, стр. 60, 61 и 113, табл. III, 1; е г о ж е. Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров. М., 1911, стр. 37, рис. 69; V. L a u r e n t. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, t. V. Paris, 1963, p. 8, n° 8.

⁷ Одна из печатей Эрмитажного собрания, M-6528: G. Sch l u m b e r g e r. Sigillographie... p. 641; V. L a u r e n t. Les Bulles métriques dans la sigillographie byzantine, n° 106. — «Ελληνικά», ετ. Δ', τευχ. I. Ἐν Ἀθήναις, 1931, M-7979 и M-6504 описаны Н. П. Лихачевым (Моливдовулы..., табл. LXV, 6).

⁸ Печатам Феофилакта Болгарского, Анны Комнины и Никиты Хониата мы посвятим отдельную статью.

В Эрмитажной коллекции имеются печати видных политических и церковных деятелей, выдающихся полководцев и известных дипломатов, представителей известных феодальных родов (Комнины, Дуки, Каматиры, Контостефаны и др.).

Атрибуции печатей, принадлежавших историческим деятелям, помогают различного рода источники. Они позволяют найти ряд имен владельцев печатей, хранящихся в Эрмитажной коллекции. Так, например, в «Исторических записках» Никифора Вриенния, охватывающих события 976—1087 гг., упоминается более 20 действующих лиц, печатями которых мы обладаем. В «Алексиаде» Анны Комнины их насчитывается 40, в «Истории» Никиты Хониата — 35.

Сведения, извлекаемые из легенд моливдовулов, в сопоставлении с данными источников позволяют составить характеристику как самих владельцев печатей, так и современной им общественной среды.

Выявление экземпляров печатей, поддающихся идентификации, имеет большое значение для хронологического определения однотипных сфрагистических памятников.

Мною взята группа печатей, которые относятся главным образом, как будет показано ниже, к периоду, известному под названием иконоборческого. В эпоху ожесточенных споров иконоборцев с иконопочитателями в пылу борьбы беспощадно уничтожались исторические источники, памятники материальной культуры и искусства. Изучение этого периода представляет значительные трудности⁹.

Сведения письменных источников о недошедших до нас памятниках этого времени крайне скудны, судить на их основании о характере искусства иконоборцев весьма сложно. Точно датированных произведений культуры и искусства Византии VIII—XI вв. известно в настоящее время немного. Вот почему разыскание памятников, которые можно отнести к иконоборческому периоду, их изучение, будь то фресковая живопись, миниатюры рукописей или печати, особенно привлекательно¹⁰.

Избранная мною группа моливдовулов имеет крестообразную монограмму: Θεοτὸς βοῦδης — «Богоматерь, помоги», известную в современной сфрагистической литературе, в частности, в работах крупного французского исследователя сфрагистики В. Лорана, под типом V (он приводит 16 различных типов крестообразной монограммы, заключающей обращение к Господу или Богоматери)¹¹. По сторонам креста на большинстве памятников помещена формула τῷ δουλῷ σου — «рабу твоему», а в некоторых случаях — имя владельца.

Формулу и имя при указанном типе монограммы можно прочесть на печати хорошо известного исторического деятеля VIII в. Варасвакурия (см. схему и табл. II, 1)¹². Сподвижник и полководец императора Юстиниана II, он был патриkiem и комитом «богохранимого» императорского Опсикия, что подтверждает и легенда его печатей. Патрикий — сановник высокого ранга, комит азиатской фемы Опсикий, занимавшей в это время особое положение, очень важное и высокопоставленное лицо. Печати Варасвакурия (две из трех, имеющихся в нашей коллекции) были предметом изучения Н. П. Лихачева и помещены под №№ 8 и 9 таблицы LIX его рукописи «Моливдовулы греческого Востока» (M-8001, M-8018)¹³.

⁹ См., например, Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первой половины IX в. М.—Л., 1961, стр. 16.

¹⁰ Ценный археологический материал, относящийся к эпохе иконоборцев, собран в исследовании А. Грабара (A. G r a b a r. L'iconoclasme byzantin. Paris, 1957).

¹¹ V. L a u r e n t. La collection C. Orghidan. Paris, 1952, p. 8, pl. LXX.

¹² T h e o p h a n i s Chronographia, ed. C. de Boor, v. I. Lipsiae, 1883, p. 380. 29. 373. 18, 380. 14, 380. 30.

¹³ Третья печать — M-726 из собрания РАИК, размером 3,5×3,2 см, по-видимому, одной матрицы с M-8001. Лицевая сторона повреждена, чтение надписи полностью восстанавливается лишь благодаря сопоставлению с другими экземплярами.

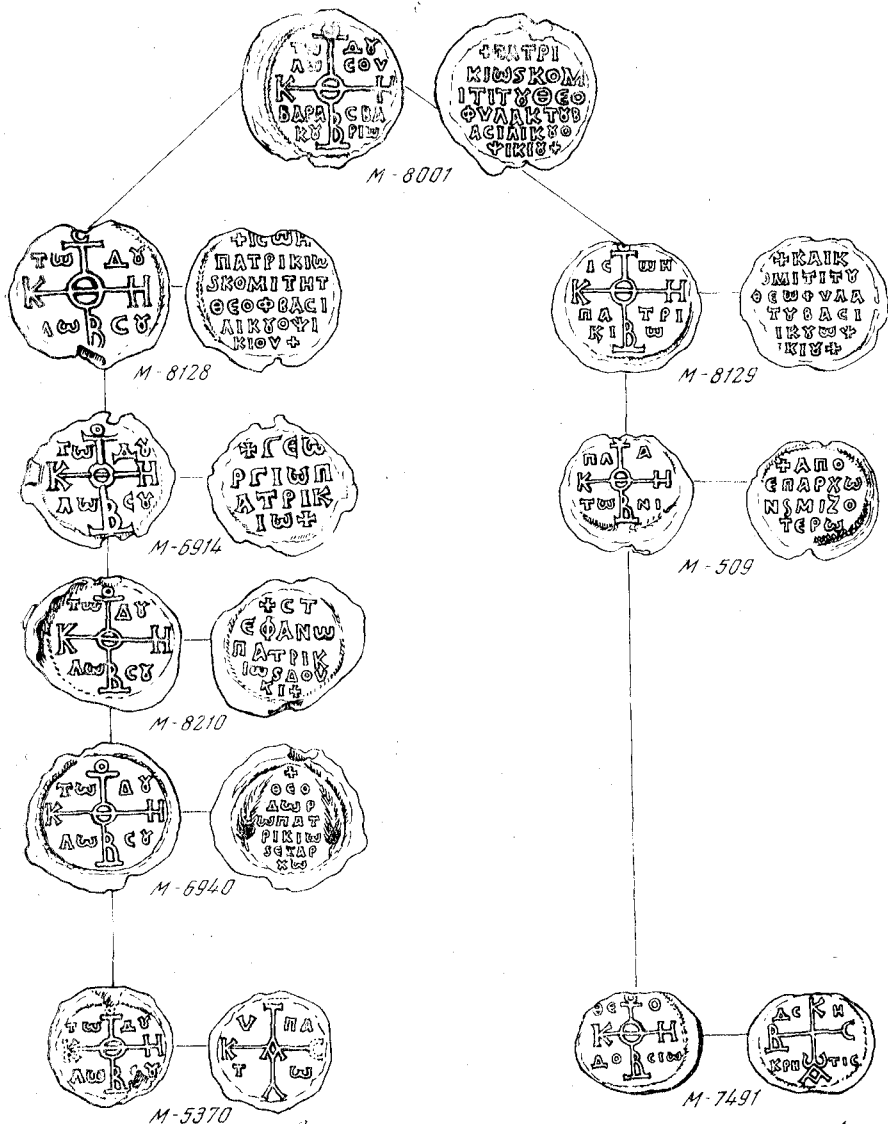

Таблица (схема) I.

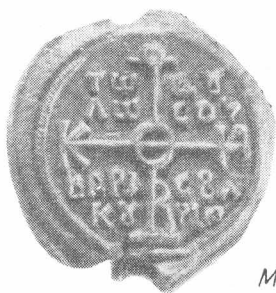
Хотя Н. П. Лихачев указывает на «необыкновенное вписание надписи по сторонам креста по две строки», следует несколько уточнить сказанное: необычным является здесь также сочетание формулы с именем (τῷ δοῦλῳ σου Βαράσβακουριῷ). Из просмотренных мною 12 тыс. экземпляров нашей коллекции и ряда сфрагистических работ это сочетание встретилось только на трех печатях Варасвакурия. Печати точно датируются: они относятся ко времени до 711 г., так как известно, что Варасвакурий погиб в бою в этом году.

Хронологическая атрибуция данных сфрагистических памятников необычайно важна, ибо, как отметил Н. П. Лихачев¹⁴, она показывает несостоятельность суждения, что тип печатей с крестообразной монограммой и формулой τῷ δοῦλῳ σου (взятой нами) или τῷ σῷ δοῦλῳ (о ней ниже) — специфически иконоборческой. Этот тип действительно получил распро-

¹⁴ Н. П. Лихачев. Моливдовулы..., стр. 427.

1

M-8001

2

M-8128

M-8129

3

M-6917

M-6914

M-8122

M-8125

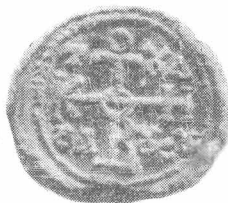
4

M-8130

M-632

M-6915

M-6929

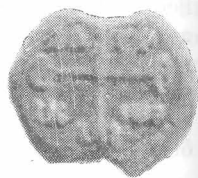
5

M-1167

M-1185

M-5372

Таблица II.

странение в иконоборческий период, когда священные изображения были запрещены, но, как видно на примере моливдовула с именем Варасвакурия и других печатей, возник он до иконоборчества.

Лицевая сторона печати Варасвакурия служит для нас отправным моментом для рассмотрения, с одной стороны, моливдовулов с формулой (см. схему, слева), и, с другой, — с именем (схема, справа).

На первом месте стоят две печати — М-8128, М-8129 (см. схему и табл. II, 2), принадлежащие одному лицу — патрикию и комиту Опиския по имени Исоия (важные политические деятели могли иметь несколько экземпляров печатей в одно и то же время)¹⁵. Исоия стал начальником фемы спустя два года после Варасвакурия и был убит в 719 г. «Памятник является не только историческим, но и драгоценной хронологической вехой в жизни византийских сигиллографических типов»¹⁶. Итак, речь снова идет о начале VIII в.

При сопоставлении печатей Исоии между собой отчетливо видна разница их лицевых сторон. О печати М-8129 Н. П. Лихачев писал, что «по типу и надписи она до подробностей схожа с печатью Варасвакурия»¹⁷. С этим, однако, нельзя согласиться, ибо сочетание формулы и имени заменено здесь именем и чином. Близки же они по содержанию легенды и характеру начертания букв.

Обратимся к печатям на схеме слева. На лицевой стороне — монограмма с формулой, на обороте — имя и титулатура, переданные либо в виде строчной надписи, либо в виде крестообразной монограммы имени владельца и чина по сторонам креста.

Моливдовулы М—6913, М—6914, М—8122, М—8125 (II, 3)¹⁸ близки по своим палеографическим особенностям к печатям Варасвакурия и Исоии. Принадлежность к одному дукту позволяет датировать их также началом VIII в.

Однако большая часть моливдовулов принадлежит к иному дукту, что видно на примере печати патрикия и куропалата Артавазда (М—8130, II, 4)¹⁹, известного деятеля первой половины VIII в. См. также М—632, М—6915, М—6929, (II, 4) и М—8210 (схема)²⁰.

¹⁵ Н. П. Лихачев. Моливдовулы..., стр. 64.

¹⁶ Там же, табл. LXXII, 7, 8.

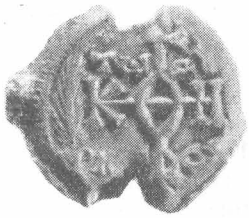
¹⁷ Там же, стр. 372.

¹⁸ М-6913 — печать Хумура патрикия. VII—VIII вв. (G. Sch l u m b e r g e r. Sigillographie, p. 564) М-6914 — лицевая сторона: крестообразная монограмма типа V с формулой τϙ δοβλϙ сов оборотная сторона: + ΓΕΩ | ΡΓΙΩΠ | ΑΤΡΙΚ | ΙΩ + 2,9 × 3,3 см. Коллекция Н. П. Лихачева. М-8122 — печать Пантолеона, ипата. Первая половина VIII в., может быть, конец VII в. (Н. П. Лихачев. Моливдовулы..., табл. LXXII, 12. Ср. Sch l i m b e r g e r. Sigillographie, p. 479, 15). М-8125 — печать Сергия, патрикия и стратига. VIII в. (Н. П. Лихачев. Моливдовулы..., табл. LXXII, 10). В нашем собрании имеется еще одна печать Сергия — М-6938. Лицевая сторона: крестообразная монограмма типа V с формулой τϙ δοβλϙ сов; оборот: СЕРΓΙΩ | ΠΑΤΡΙΚΙ | ΩΣΤΡΑ | ΤΗΓΩ; 2,6 × 3,1 см. Коллекция Н. П. Лихачева (ср. V. L a u r e n t. La collection..., n°337).

¹⁹ М-8130 — печать патрикия и куропалата Артавазда. Моливдовул относится примерно к 722—735 гг. (G. Sch l u m b e r g e r. Sceaux byzantins inédits, 4 série. Paris, 1900, n° 180; Н. П. Лихачев. Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров. М., 1911, стр. 34, рис. 64; е го же. Моливдовулы..., табл. LXXII, 6).

²⁰ М-632. Лицевая сторона: крестообразная монограмма типа V с формулой τϙ δοβλϙ сов, оборот: четырехстрочная надпись СΙCΙΝΝΙ | ΟΥΑΠΟΕ | ΠΑΡΧΩΝ | ΑΜΝ с характерным начертанием буквы альфы (Α) и редко встречающимся на печатях словом «амнь». 3,3 × 3,4 см. Собрание РАИК. М-6915 — печать Мины, ипата и друнгария. VII—VIII вв. — по Шломберже (G. Sch l u m b e r g e r. Sceaux... — RN, 4 série, t. 9. Paris, 1905, n° 266), по Н. П. Лихачеву (рукописные заметки, приложенные к вещам) это едва ли не конец VII в. М-6929 — печать Ильи, ипата (G. Sch l u m b e r g e r. Sceaux..., n° 177). Н. П. Лихачев (рукописные заметки) высказывал мысль, не датировать ли ее 711 г. М-8210 — печать Стефана, патрикия и дуки. VIII в. (Н. П. Лихачев. Моливдовулы..., табл. LXXI, 15; G. Sch l u m b e r g e r. Sigillographie, p. 342, VIII ou IX siècle).

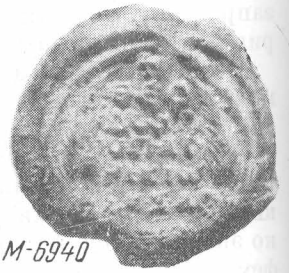
1

M-603

M-6939

M-6940

M-4727

M-10428

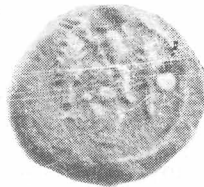

M-3643

2

M-6368

M-8096

M-6245

3

M-8026

M-898

M-6993

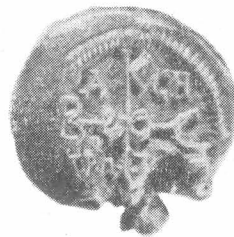

M-478

4

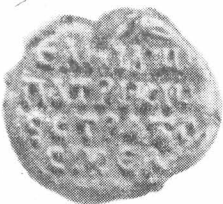

M-1152

M-1127

5

M-7990

M-7958

Таблица III.

Нередко печати (например, М—6915 или М—6929) носят следы провинциального изготовления, и тогда вопрос их датировки еще более осложняется, так как печати провинциального происхождения более консервативны: они порой удерживают черты, присущие более ранним столичным образцам.

Моливдовулы М—632 и М—6929 обращают на себя внимание также тем, что буква альфа имеет на них необычную форму. Согласно Н. П. Лихачеву, это обстоятельство является характерным признаком для датировки сфрагистических памятников VII в. Просмотр коллекции позволил мне проследить, на каких именно группах печатей встречается такая альфа. Чаще всего — это печати VI—VII вв., имеющие на лицевой стороне изображение бюста Богоматери между крестиками, орла и монограммы, а на обороте — также монограммы. Ряд эпиграфических памятников свидетельствует тоже о ранней датировке альфы такой формы. Ее выход за пределы VII в. не исключен полностью, однако в каждом конкретном случае этот факт имеет, по-видимому, свое объяснение.

Говоря о печатях с формулой на лицевой стороне и со строчной надписью на обороте, следует остановиться на нескольких экземплярах, несущих наряду с монограммой и надписью изобразительный элемент в виде кипарисов по сторонам (М—603, М—6939; III, 1)²¹. Подобные на материале нашей коллекции аналогии (М—4727, М—10428, М—3643, М—6368, М—8096, М—6245; III, 2)²² датируются VI—VII вв. Среди них моливдовулы с изображениями Богоматери и святого, с надписями, монограммами, крестом.

Исходя, когда это возможно, из наличия однотипных печатей исторических лиц, мы можем подкрепить датировку указанной группы VII в. Такова, например, печать с именем Феодора, патрикия и экзарха в Италии, находившегося там при императоре Константине Погонате, т. е. VII в. (см. схему, слева и табл. III, 1)²³.

²¹ М-603. Лицевая сторона печати: крестообразная монограмма типа V с формулой $\tau\tilde{\omega} \delta\omicron\lambda\phi \varsigma\omega\upsilon$, по сторонам монограммы — кипарисы, оборот: надпись между кипарисами $MA | \nu\rho\omega | \text{ПАТР} | \text{ΙΚΙ}|\omega$; $2,7 \times 3,0$ см. Собрание РАИК. Того же происхождения печать М-4536; нижняя строка ее надписи читается полностью; $2,7 \times 3,0$ см. Печати разных матриц. М-6939. Лицевая сторона: крестообразная монограмма типа V с формулой $\tau\tilde{\omega} \delta\omicron\lambda\phi \varsigma\omega\upsilon$ оборот: шестистрочная надпись между кипарисами $\Theta\text{E} | \Delta\text{O}\rho | \omega\text{ПАТ} | \text{ΡΙΚΙ}\omega | \text{CΤΡΑ} | \text{Τ. Γ}\omega$; $2,7 \times 3,0$ см. Коллекция Н. П. Лихачева. В Эрмитажной коллекции имеется еще два экземпляра этой печати: М-733 из собрания РАИК и М-11855, изданная Н. В. Измайловой (Описания византийских печатей из собрания Академии. — «Известия РАИМК, т. III, Л., 1924, стр. 344, № 345, табл. XV, 15). Издатель датирует печать VII—VIII вв.

²² М-4727. Лицевая сторона: крестообразная монограмма типа V между кипарисами, оборот: четырехстрочная надпись — $\Theta\text{E}\omega\Delta | \omega. \omega | \text{.AT.} | \text{AAT}$; $2,0 \times 2,4$ см. Собрание РАИК. М-10428. На лицевой стороне, между кипарисами, надпись: $\text{ΚΟ} | \text{CMA}$, на обороте, между кипарисами, надпись: $\text{VII} | \text{AT} | \text{OV}$; $2,0 \times 2,4$ см. Коллекция Н. П. Лихачева. М-3643. Лицевая сторона: орел с распростертыми крыльями, между которыми —

монограмма: $2,4 \times 2,4$ см. Собрание РАИК. М-6368 — печать Христофора, митрополита Иераполиса Пакатианы. XI—XII в. — по Шломберже (G. Sch l u m b e r g e r. Sigillographie, p. 255). В. Лоран датирует печать VII в. (V. L a u r e n t. Le Corpus, t. V, n° 728). М-8096. Лицевая сторона: Богоматерь с младенцем, сидящая на троне между кипарисами, оборот: крестообразная монограмма имени (?). Печать раннего времени (Н. П. Л и х а ч е в. Моливдовулы..., табл. LXIV, 12). М-6245 — печать Иоанна, апоистага. Конец VII — начало VIII в. (Н. П. Л и х а ч е в. Моливдовулы... табл. LVIII, 2. На стр. 13 он пишет: «Если мы примем во внимание закрытую форму начертания буквы R, отсутствие сокращений в формуле $\Theta\text{EOTOKE BON}\Theta\text{E}$, толщину пластинок, ободок из листьев, мы должны признать, что этот экземпляр относится к ранним типам моливдовулов. По внешнему виду и палеографическим особенностям мы должны поставить памятник в самое начало именно иконоборческого периода и, таким образом, приписать ему значительную древность — исхода VII — начала VIII в.»).

²³ В нашем собрании имеются два экземпляра печати Феодора, патрикия и экзарха. Первый экземпляр — М-6940. Лицевая сторона: крестообразная монограмма типа V с формулой $\tau\tilde{\omega} \delta\omicron\lambda\phi \varsigma\omega\upsilon$, оборот: между кипарисами — шестистрочная надпись:

Заметим, что сходный нумизматический материал, в частности серебряные монеты, дают указание также на VII в. ²⁴

Показом памятников сфрагистики, относящихся к более раннему времени, мы не снимаем основной датировки моливдуволов с монограммой типа V и формулой τϕ δοῦλφ σοῦ VIII веком.

Рассматривая группу, замыкающую левый ряд схемы (M—1167, M—1185, M—5372; II, 5 и M—5370, см. схему) ²⁵, как разновидность печатей со строчной надписью, я думаю, что их можно датировать также VIII в.

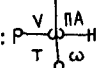
Как и на печатях Варасакурия и Исойи, на лицевой стороне печатей, расположенных на схеме справа, читается имя, на обороте — титулатура то в виде строчной надписи (M—8026, M—898, M—6993, M—478; III, 3 и M—509; см. схему) ²⁶, то по сторонам монограммы (M—1152, M—1127; III, 4) ²⁷, передающей, по моему мнению, слово βασιλικός («императорский»).

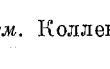
Несколько печатей с именем вместо формулы при V типе монограммы, приведенных в работах Шломберже ²⁸, Лихачева ²⁹, Панченко ³⁰, Лора-

+ΘΕΟ | ΔΩΡ | ΩΠΑΤ | ΡΙΚΙΩ | ΣΕΞΑΡ | ΧΩ | 3,5 × 3,4 см. Собрание Н. П. Лихачева. Другой экземпляр — M-861 — плохой сохранности: от надписи сохранилось — ΕΟ | ΔΩΡ | . . . ΑΤ | Ρ | . . . ΣΕΞΑΡ | ΧΩ +. Собрание РАИК. О печатях Феодора, патрикия и экзарха см.: V. Laurent. Les sceaux byzantins du Médailleur Vatican. Città del Vaticano, 1962, n° 100.

²⁴ И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. VI. СПб., 1914, монеты Ираклия: № 36, 37, 38, 39, 223; вып. VII. СПб., 1914, монеты Константа II: № 113, 117.

²⁵ M-1167 — печать Феодосия, ипата. VI—VII вв. (Б. А. Панченко. Каталог моливдуволов. ИРАИК, XIII, 1908, стр. 81, № 311). M-1185. Лицевая сторона:

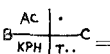
крестообразная монограмма типа V с формулой τϕ δοῦλφ σοῦ, оборот: 2,3 ×

× 2,8 см. Собрание РАИК. M-5372. Лицевая сторона: крестообразная монограмма типа V с формулой τϕ δοῦλφ σοῦ, оборот: 2,3 × 2,6 см. Коллекция Н. П. Лихачева.

M-5370. Лицевая сторона: крестообразная монограмма типа V с формулой τϕ δοῦλφ σοῦ, оборот: Н. П. Лихачев (рукописные заметки) датирует печать ипата

Каллиста (?) концом VII — первой половиной VIII в. В. Лоран (V. Laurent. La collection..., n° 280, pl. LXIX) IX в.

²⁶ M-8026 — печать Анфимия, императорского магистраиана. VII в. (?) (Н. П. Лихачев. Моливдуволы..., табл. LIX, 5). M-898. Лицевая сторона: крестообразная монограмма типа V с именем по сторонам креста — ΦΕΟΦΑΝΕΙ, оборот: шестистрочная надпись — [V]ΠΑ | ΤΩΣΠΑ[Θ] | ΑΡΟΚΑΝΔ | ΙΔΑΤΩΣΤ | [ΩV]ΡΜΑΡ[ΧΩ] 2,5 × 3,2 см. Собрание РАИК. M-6993. Лицевая сторона: крестообразная монограмма типа V с именем по сторонам креста — ΒΑΣΑΚΙΩ, оборот: надпись ΣΠΑΘΑ | ΡΩΚΑΝΔ | ΙΔΑΤΩ. VIII в. Коллекция Н. П. Лихачева. Ср. экземпляр собрания Ватикана, изданный В. Лораном (V. Laurent. Les sceaux... Vatican, n° 72, VIII s) M-478. Лицевая сторона: крестообразная монограмма типа V с именем по сторонам креста — ΙΩΑΝΝΗ оборот: надпись — +VH | ΑΤΩΣ | ΔΡΩΓΑ | ΡΙΩ | 2,8 × 3,2 см. Собрание РАИК. M-509. Лицевая сторона: крестообразная монограмма с именем по сторонам креста — ΠΑΑΤΩΝΙ, оборот: надпись — +ΑΠΟ | ΕΠΑΡΧΩ | ΝΣΑΙΖΟ | ΤΕΡΩ | 2,6 × 3,0 см. Собрание РАИК.

²⁷ M-1152. Лицевая сторона: крестообразная монограмма с именем по сторонам креста — ΘΕΟΔΟΣΙΩ, оборот: монограмма — = βασιλικός ἀσκηρῆτις В нашем

собрании имеется несколько печатей Феодосия, императорского асикрита: M-7491, M-7501, M-7534, M-4032, M-4112, M-1127. Лицевая сторона: крестообразная моно-

грамма с именем по сторонам креста: ΙΩΑΝΝ[Η], оборот, монограмма —

3,0 × 3,2 см. Собрание РАИК.

²⁸ G. Schlumberger. Sigillographie, p. 336, 515, 529, 603.

²⁹ Н. П. Лихачев. Моливдуволы..., табл. LIX, 5, M-8026.

³⁰ Б. А. Панченко. Каталог моливдуволов, № 316.

на³¹, датированы от VI до IX—X вв. Большей частью датировка не аргументирована. Однако некоторые печати определяются хронологически точно на основании сообщений источников об их владельцах. Таковы, например, печати Григория, митрополита Неокесарии (начало VIII в. ³²), и спафарокандидата Ваасакия (VIII в.) ³³. Отнесение печатей к VII—VIII или VIII—IX вв. возможно, но для этого существуют, видимо, иные хронологические критерии, чем те, из которых мы исходили в настоящее время. Чаще всего это связано с употреблением терминологии, касающейся чинов, званий, должностей. Так, на печати Феодота, ипата и дуки Сардинии, сочетание титулов ипата и дуки возможно скорее для второй четверти VII в., чем для второй половины VIII в. ³⁴

Думается, что IX—X вв. должны быть совершенно исключены, ибо известно, что в это время бытует крестообразная монограмма с другой формулой, а именно — τϞ σϞ δοβλϞ. Н. П. Лихачев ³⁵ относит надпись широкого шрифта на таких печатях ко второй половине VIII и первым годам IX в. (например, М—7990; III, 5) ³⁶, надпись крупного продолговатого шрифта — к первой половине IX в. с возможностью уклонения на несколько лет в ту или иную сторону (М—7958; III, 5) ³⁷.

Отдельные печати с этой формулой относятся к VII в., встречаются они и в первой половине VIII в., сосуществуя с уже известной нам формулой, которую все же следует считать более ранней ³⁸.

Можно предполагать, что развитие типа печатей с крестообразной монограммой (тип V) и именем, расположенным по сторонам креста, шло параллельно печатям с тем же типом монограммы и формулой τϞ δοβλϞ σϞ.

Итак, большинство рассмотренных памятников (всего подверглось обследованию около 150 моливдовулов), будучи сопоставленными с одноименными печатями исторических деятелей, время жизни которых хорошо известно, может быть, как мне кажется, датировано с полным основанием VIII в. Отдельные экземпляры, как было показано, относятся к VII или началу VIII в., т. е. (что необходимо подчеркнуть) появляются уже в доиконоборческий период.

Установление хронологических рамок, исходными моментами для чего должны служить не только характер изображения, но и содержание легенды и палеографические особенности письма, поможет нам в дальнейшем как в отыскании в источниках лиц, имена которых начертаны на печатях, так и в выявлении близких индентифицированным экземплярам сигиллографических типов.

Проделанная нами работа является лишь первой попыткой классификации и систематизации памятников византийской сфрагистики, хранящихся в Эрмитаже.

³¹ V. Laurent. La collection... n° 41, 249, 254; i d e m. Les sceaux... Vatican, n° 72; i d e m. Le Corpus... t. V, n° 487.

³² V. Laurent. Le Corpus... t. V, n° 487.

³³ V. Laurent. Les sceaux... Vatican, n° 72.

³⁴ Ibid., n° 112.

³⁵ Н. П. Лихачев. Моливдовулы..., стр. 62, 65, 104.

³⁶ М-7990 — печать Элидия, патрикия и стратига Сицилии. VIII в. (G. Schlu m b e r g e r. Sceaux, n°148; Н. П. Лихачев. Моливдовулы..., табл. LIX, 10)

³⁷ М-7958 — печать Константина, архонта вихитов (?). По Шломберже (G. Schlu m b e r g e r. Sigillographie, p. 731) VIII или IX в., по Н. П. Лихачеву (Моливдовулы..., табл. LX, 3) — первые десятилетия IX в.

³⁸ Н. П. Лихачев. Моливдовулы..., стр. 431.

И. В. СОКОЛОВА

НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ VI—XII вв.
В КРЫМУ

Проблемы византийского города продолжают оставаться в центре внимания византиноведов. Доклад Е. Кирстена «Византийский город» на XI международном конгрессе византинистов¹ и совместный доклад Н. В. Пигулевской, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмова и А. П. Кажда на XII конгрессе показали степень изученности разных аспектов этой темы и поставили перед исследователями ряд важных проблем. Одной из них является социальная, политическая и экономическая жизнь так называемых провинциальных городов, их взаимоотношения с окружающей сельской средой. Систематические раскопки важнейших населенных пунктов Крымского полуострова, которые ведутся почти столетие, и недавно начатые исследования сельских поселений дают значительный материал для изучения данной проблемы на примере этой далекой окраины Византийской империи. Центральное место среди археологических памятников византийского времени в Крыму принадлежит, безусловно, Херсонесу (средневековому Херсону), не только из-за его большей по сравнению с другими памятниками исследованности, но и благодаря его роли в средневековой истории Северного Причерноморья.

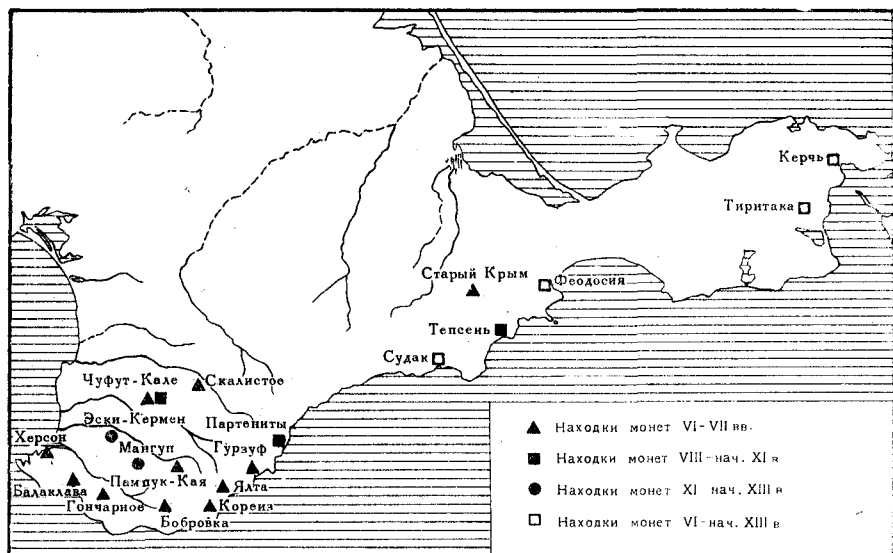
В данном докладе делается попытка обобщения только одного рода вещественных свидетельств культуры этого времени, добытых археологами за многие годы, а именно: монет. При исследовании этого наиболее обширного по количеству материала возникает такое множество вопросов, которое, безусловно, не может быть разрешено в рамках одной статьи. Значительной части их можно лишь вкратце коснуться, разработку других приходится отложить на будущее.

Крым представляет собой область, где на небольшом пространстве соседствовали самостоятельные варварские государства, находившиеся под византийским влиянием и входившие в Византийскую империю районы. В каждом из них были свои условия и особенности обращения византийских монет, что в известной мере прослеживается по монетным находкам. С начала систематических раскопок Археологической комиссии в Крыму найдено более 12000² монет византийского времени (как центральных мо-

¹ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt.— «Berichte zum XI. Internationalen byzantinischen Kongress». Bd. 3. München, 1958.

² Н. В. Пигулевская, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов, А. П. Кажда и др. Город и деревня в Византии в IV—XII вв.— «Actas du XIIe Congrès international d'études byzantines. Rapports», t. I. Beograd, 1963.

³ Сведения о находках византийских монет в раскопках Херсонеса в 1888—1908 гг. помещены в «Отчетах» и «Известиях» Археологической комиссии за соответствующие годы. К. К. Косцюшко-Валюжинич, руководитель раскопок, давал под-

Находки византийских монет VI—XIII вв. в Крыму. Местонахождение обозначено по древним поселениям либо по современным близлежащим населенным пунктам.

нетных дворов, так и Херсона) и из них только около 80 экземпляров в юго-западном, восточном и западном Крыму, все остальные — на херсонесском городище. Такое резкое различие в количестве найденных монет хотя и зависит в какой-то мере от степени изученности памятников, но, несомненно, отражает и объективную картину уровня развития денежного обращения в сельских местностях и в крупных центрах варварского мира, с одной стороны, и в византийском городе Херсоне — с другой. Большое количество найденных на херсонесском городище монет — бесценный источник, позволяющий если не решить некоторые вопросы средневековой истории города, то хотя бы высказать обоснованные гипотезы.

При знакомстве со списками монет из раскопок Херсонеса прежде всего бросается в глаза подавляющее преобладание в находках медных монет. За 80 лет, прошедших с начала раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, на территории городища найден лишь 21 экземпляр монет из драгоценных металлов. Среди них решающее значение принадлежит золоту. За многие годы раскопок найден всего один милиарисий Иоанна Цимис-

робные списки только херсонских монет, остальные в подавляющем большинстве случаев записаны суммарно вместе с монетами римских императоров («Дела Археологической комиссии по Херсонесу» за соответствующие годы в Архиве ЛО ИА). Это ограничивает возможность их использования. Более точны публикации монет из раскопок Р. Х. Лепера и Г. Д. Белова, сделанные Л. Н. Беловой (Л. Н. Б е л о в а. Монеты из раскопок Р. Х. Лепера в 1908—1912 гг. — «Херсонесский сборник», вып. III. Симферополь, 1931; е е ж е. Хронологическое описание монет, найденных в Херсонесе при раскопках 1926 г. — «Херсонесский сборник», вып. II. Симферополь, 1927; е е ж е. Монеты из раскопок Херсонеса в 1931—1932 гг. — МИА, № 4, 1941, стр. 270—272; е е ж е. Монеты из раскопок Херсонеса в 1934 г., в кн.: Г. Д. Б е л о в. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Крымиздат, 1936, стр. 41—50; е е ж е. Описание монет из раскопок Херсонеса в 1935 и 1936 гг., в кн.: Г. Д. Б е л о в. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Крымиздат, 1938, стр. 139—154 и 317—344; е е ж е. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII. — МИА № 34, 1953). Списки монет из раскопок последних лет частично изданы А. М. Гилевич. (Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. — «Херсонесский сборник», вып. V. Крымиздат, 1959, стр. 191—205; е е ж е. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1958—1960 гг., в кн.: Е. Г. С у р о в. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961). Данные о находках монет в остальных районах Крыма собраны в книге и статье В. В. Кропоткина (Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, стр. 33—35; е г о ж е. Новые находки византийских монет на территории СССР. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 174—177).

хия и одна серебряная монета Алексея I Комнина. От более раннего времени в Херсонесском музее сохранилась гексаграмма Константа II, происхождение которой неясно: в отчетах не упоминается о находке подобной монеты. Золотые же монеты начали открывать с первых лет раскопок Археологической комиссии. В 1889 г. была найдена номисма Михаила III с Феодорой и Феклой; в 1891 г. — две номисмы Василия I и одна — Иоанна Цимисхия, в 1895 г. — еще одна монета Иоанна Цимисхия, а также две — Алексея I Комнина, одна — Иоанна II, две — Мануила I Комнинов; в 1897 г. — номисма Василия I и Константина, а в 1901 г. — еще одна золотая монета Алексея I Комнина. За годы раскопок Р. Х. Лепера и Г. Д. Белова найдены золотые монеты Анастасия, Юстиниана I, Фоки, Константина V, Михаила III, Василия I. Таким образом, в литературе опубликовано 19 золотых византийских монет. Это довольно значительное число, если сравнить с Афинами ⁴, где не найдено ни одного золотого, и Коринфом, где из обнаруженных приблизительно 200 экземпляров (на 43 тыс. общего числа) большая часть принадлежит двумкладам времени Алексея I и Мануила I Комнинов ⁵. Сочетание золотых монет с огромным количеством медных при почти полном отсутствии серебряных и иноземных монет ⁶ не оставляет никаких сомнений в том, с каким государственным образованием политически и экономически был связан Херсон в VI—XII вв. Две серебряные монеты в Херсоне, пять в Афинах, две-три в Коринфе отражают ту незначительную роль, которую играло в денежном обращении Византии VI—XI вв. серебро, предназначавшееся в основном, очевидно, для внешнего рынка. Когда некоторые города попадали на какое-то время в сферу действия иных денежных систем (как, например, Гераса ⁷ или Корум ⁸), при раскопках это выражалось прежде всего в увеличении находок серебряных монет, игравших большую роль как в Западной Европе, так и в странах Ближнего Востока ⁹.

Состав медных монет из раскопок Херсонеса показывает, что закономерность их обращения в Херсоне имела свои особенности, речь о которых будет ниже, но в какой-то мере отражала и общеимперские тенденции. Так, почти все херсонские монеты Маврикия имеют знаки стоимости в 4 (Δ) и 8 (Н) денежных единиц ¹⁰, хотя монеты эти крупные, по весу и размеру равны фоллам и полуфоллам Византии того времени. В 1911, 1937 и в 1941—1948 гг. были найдены монеты Маврикия, чеканенные в Херсоне и во всем подобные его монетам со знаком Δ и Н, но имевшие обозначение номинала К и М ¹¹. Таким образом, выяснилось, что при Маврикия

⁴ The Athenian Agora, II. Coins roman-venetian, by M. Thompson. Princeton, New Jersey, 1954.

⁵ J. M. H a r r i s. Coins fund at Corinth. — «Hesperia», 1941, X, 2, p. 155.

⁶ При раскопках найдено лишь несколько куфических фельсов VIII—IX вв. Из Херсонеса происходит также клад дирхемов (П. С. С а в е л ь е в. Мухаммеданская нумизматика, т. I. СПб., 1846, стр. 24).

⁷ A. R. B e l l i n g e r. Coins from Jerash. New Jersey, 1938; i d e m. Coins and Glansware. Gerasa, Sity of Decapolis. New Haven, 1938, p. 497.

⁸ D. N. S o x. Coins from the Excavations at Corium. New Jersey, 1959.

⁹ Напомню также, что на территории Византии не зарегистрировано ни одного клада серебряных византийских монет VI—XII вв. Большинство серебряных византийских монет этого времени встречается в составе кладов восточных и западноевропейских монет (см. S. M. M o s s e r. A Bibliography of Byzantine Coin Hoards. New Jersey, 1935) И. В. С о к о л о в а. Клады византийских монет как источник по истории Византии... — ВВ, XV, 1959, стр. 59).

¹⁰ А. В. О р е ш н и к о в. Херсоно-византийские монеты. — Труды московского нумизматического общества, т. III. М., 1905, стр. 363—364, №№ 5—10. В. Рос считает, что цифры 8 и 4 означают количество пентауммиев. Однако он не объясняет, чем вызвано такое изменение счета (W. W r o t h. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, v. 1. London, 1908, p. 158—159).

¹¹ А. В. О р е ш н и к о в. Указ. соч., стр. 363, № 4; ег о ж е. Херсоно-византийские монеты (Дополнение). — «Нумизматический сборник», т. I. М., 1911, стр. 109; Л. Н. Б е л о в а. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII, стр. 264, № 255, стр. 276, № 234.

в Херсоне была изменена денежная единица. По-видимому, событие это того же порядка, что и прекращение выпуска пентануммиев при Юстине II на всех византийских монетных дворах, кроме итальянских. Это явление в экономике и денежном обращении Византии еще не изучено, и трудно судить о его причинах и содержании. Скорее всего, оно связано с кризисом, отражает вздорожание цен и инфляцию, а изменение знака стоимости на херсонских монетах (при сохранении неизменными веса и размера монет) — попытку урегулирования денежного обращения.

Большинство монетных дворов Византии прекратило свое существование в правление Константа II. К сожалению, мы не можем сказать точно, когда закрылся монетный двор Херсона. Он действовал периодически. Последними точно датированными являются доброкачественные, полновесные монеты Ираклия и с его надчеканками херсонские монеты Маврикия¹². Казалось бы, прекращение выпуска монет в Херсоне совпадает с закрытием большинства византийских монетных дворов. Однако имеется несколько экземпляров литых херсонских монет, по типу подражающих монетам Маврикия, но по качеству исполнения не имеющих с ними ничего общего. На лицевой стороне их помещены изображения двух людей, стоящих во весь рост, в фас; на оборотной стороне — один человек и справа от него — Δ .

Первый экземпляр такой монеты был издан А. В. Орешниковым и отнесен им без всяких объяснений ко времени Маврикия¹³. В 1941 г. Л. Н. Белова издала второй подобный экземпляр, найденный при раскопках 1935 г.¹⁴ Она обратила внимание на отличие этой монеты от монет Маврикия, но по сходству ее типа с типом монет последнего отнесла данную монету к правлению этого императора.

Предложенная атрибуция, однако, мне представляется неправильной. Во-первых, как экземпляр, изданный Л. Н. Беловой, так и известные мне монеты из частной коллекции и Эрмитажного собрания — литые. Напротив, все монеты Маврикия — чеканенные. Чеканена и находящаяся в Эрмитаже монета Ираклия из собрания И. И. Толстого. Надчеканки Ираклия на монетах Маврикия также свидетельствуют о пользовании техникой чеканки, а не литья монет еще в правление Ираклия. Следовательно, литые монеты, в том числе и интересующие нас, появились в Херсоне позднее. Во-вторых, тип монет не полностью совпадает с обычными монетами Маврикия, причем каждый из четырех рассмотренных мной экземпляров имеет свои особенности. Экземпляр А. В. Орешникова ближе всего к монетам Маврикия, однако у него плохо сохранилась лицевая сторона и можно лишь предполагать, что справа в поле была какая-то буква. На экземпляре из раскопок Г. Д. Белова на лицевой стороне между фигурами помещен крест, который поддерживает правая из представленных на монете особ. (На монетах Маврикия император изображен с державой, императрица — с крестом, который она держит на правом плече.) На оборотной стороне крест почти сливается с Δ . Изображенные на лицевой стороне монеты И. И. Толстого два лица имеют мало общего с изображениями императора и императрицы на монетах Маврикия: отсутствуют короны, какие-либо царские регалии в руках, вид одежды совершенно не определен, во всяком случае, это не парадное облачение, в котором пред-

¹² Н. Н. Мурзакевич. Херсонская монета императора Ираклия. — ЗООИД, т. XI, 1879, стр. 314—316. И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. VI, СПб., 1914, стр. 700, № 371. Предложенное К. В. Голенко определение монет с надчеканками как боспорских недостаточно аргументировано и не может быть принято (К. G o l e n k o. Gegenstempel auf chersoner Münzen des Maurikios Tiberios. — «Hamburger Beiträge zur Numismatik», Н. 18/19, 1964/65, S. 5—12. Ср. Ph. G r i e r s o n. The Crimean countermarks of Heraclius. — «Numismatic chronicle», 1966, VII serie, v. 6, p. 221—224).

¹³ А. В. Орешников. Указ. соч. — «Нумизматический сборник», т. 1, стр. 108, № 2.

¹⁴ Л. Н. Белова. Неизданные монеты Херсонеса. — СА, VII, 1941, стр. 328.

ставлен василевс на монетах Маврикия. Нет никаких различий в изображении обоих лиц, которые позволили бы считать одного из них императрицей. На оборотной стороне изображение слева стерто, справа — Δ, над ней слева — крест. На четвертой монете, происходящей из собрания Русского археологического общества, изображенные лица представлены в плащах, крест на оборотной стороне слился с Δ, изменив смысл этого знака.

Таким образом, все имеющиеся в моем распоряжении монеты отличаются друг от друга и от монет Маврикия и указывают на значительную продолжительность их выпуска, в течение которой цифра на оборотной стороне переосмыслилась в крест на голгофе. И. И. Толстой относил свою монету (с буквой В в поле) к правлению Василия I, хотя и с большим сомнением. Принять его атрибуцию нельзя по двум соображениям. Тип этих монет резко отличается от всей серии херсонских монет IX—X вв. Трудно предположить, что уже после того, как выработался новый стандартный тип монеты, херсонцы вспомнили существовавший два века назад и в подражание ему начали лить монеты. Нам еще не известно, что означает В на лицевой стороне, и прежде чем принять ее за начальную букву имени императора, нужно это доказать.

К сожалению, чрезвычайно важное археологическое свидетельство — обстоятельства находки одной из монет в раскопках — мы не можем привлечь для установления даты серии. Монета, найденная Г. Д. Беловым, была обнаружена в могиле № 12 базилики 1935 г. Автор отчета пишет, что кладбище на месте базилики появилось после разрушения храма, и датирует весь комплекс могильника XI—XIII вв.¹⁵ Однако могилы как по характеру погребений (костницы или единичные труположения), так и по глубине захоронения и по инвентарю очень разны. Верхний край одной, несомненно очень поздней, детской могилки находился на уровне стены часовни, построенной на месте разрушенной базилики. В могиле была найдена одна тонкая медная восточная монета. Как показывают многолетние раскопки, тонкими медными восточными монетами, находимыми на херсонесском городище, являются, как правило, монеты татарские.

Наряду с этой могилой в отчете описаны и такие, где среди инвентаря встречаются монеты более раннего времени, например могилы №№ 24, 25, 26 и др., содержавшие монеты Василия I, Романа II, Иоанна I Цимисхия, Льва VI. В могиле № 1 возле черепа лежала монета Юстиниана I; возможно, что погребение современно этой монете, так как, судя по отчету, оно не было повреждено и в нем не было повторного захоронения.

Могилы № 12 также не была использована вторично. Она находилась под часовней в среднем нефе базилики и, можно предполагать, относится к более раннему, чем часовня, времени. Однако отчет не дает материала для более точной датировки.

Таким образом, остается недатированной и серия литых монет, подражающих херсонским монетам Маврикия. Мне кажется, что пока можно говорить лишь о том, что они выпускались небольшими партиями после правления Ираклия, но до вступления на престол Василия I^{15а}. Между тем, правильная датировка этих монет очень важна для решения многих вопросов истории города и, в частности, для выяснения причин и длительности перерыва в монетных эмиссиях.

Причины, которые привели к закрытию монетного двора в Херсоне, были теми же, что и в большинстве городов империи. Однако среди них нельзя назвать, по нашему мнению, перерыв в существовании города. Кроме письменных источников, сообщающих о событиях и людях Херсо-

¹⁵ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Крымиздат, 1938, стр. 113 и сл.

^{15а} Так думает и В. А. Апохин, работа которого (Обзор монетного дела средневекового Херсона. — «Нумизматика и сфрагистика», III, 1968, стр. 102—103) вышла в свет после сдачи в печать этой статьи.

на в начале и конце VIII в. (я имею в виду события, происшедшие в правление Юстиниана II и письма Феодора Студита), есть и некоторые нумизматические свидетельства, позволяющие это мнение отстаивать.

По данным публикаций Л. Н. Беловой и А. М. Гилевич, на городище найдено 8 монет VIII в. Они распределяются следующим образом: Юстиниана II и Тиберия — 1 экз., Константина V — 3 экз., Льва IV — 3, Константина VI и Ирины — 1 экз. Конечно, монет VIII в. значительно меньше, чем монет VI, VII, IX и X вв. херсонского чекана, которые распределяются следующим образом:

VI в.	VII в.	IX в.	X — начало XI в.
Анастасий I — 138	Фока — 3	Никифор I — 1	Лев VI — 7
Юстин I — 10	Иракий — 10	Михаил I — 1	Роман I — 17
Юстиниан I — 10	Констант II — 12	Лев V — 21	Никифор Фока — 16
Тиберий — 2	Константин IV — 6	Михаил II — 2	Иоани Димисхий — 1
Маврикий — 6		Феофил — 6	анонимные — 21
		Михаил III — 1	
		Василий I — 1	

В поступлении монет в Херсон на протяжении этих пяти веков трудно усмотреть какую-то закономерность, можно отметить лишь его непрерывность. Небольшое количество привозных монет не могло покрывать потребности города в деньгах. В отличие от других византийских городов, в Херсоне VI—VII вв. и второй половины IX—X в. эта потребность удовлетворялась за счет собственного монетного чекана. Спрашивается, что могло служить средством обращения в VIII—первой половине IX в., когда собственной эмиссии в Херсоне не было?

Очень интересную догадку высказала на этот счет А. М. Гилевич, по мнению которой в VIII в. могли обращаться монеты предшествующего времени¹⁶. К сожалению, материал автора не подтверждает его мысли, однако в таком предположении нет ничего невероятного. Период обращения монет в Византии, как о том свидетельствуют клады, очень велик. Монета циркулировала, как правило, до своего естественного выхода из обращения в результате ее потери, ухода в сокровище, несовместимости с новыми монетными выпусками и т. п. Следовательно, априори можно сказать, что в VIII в. продолжали ходить монеты VI—VII вв. Клад, найденный в 1949 г. на Бастионной улице г. Севастополя, служит этому доказательством. Он содержал херсонесскую монету III в. н. э., римскую IV в., монету Аркадия, монету Гонория, римскую IV—V вв., херсонскую Зинона, монету Юстиниана I, монету Константина V, две монеты Константина VI и Ирины, восемь монет Льва V, монету Василия I¹⁷. В. В. Кропоткин считает временем его сокрытия конец IX в. Однако Л. Н. Белова в выступлении на одном из докладов в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа высказала предположение, что клад был коллекцией нашего современника и зарыл, возможно, в последнюю войну. Единственная причина для сомнений — слишком большой диапазон содержащихся в нем монет. Поскольку, таким образом, подлинность клада оспаривается, необходимо остановиться на его датировке.

Прежде всего нужно отметить, что клад мог быть составлен только в Херсоне и нигде больше. Об этом свидетельствуют 3 монеты херсонского чекана, которые не уходили далеко за пределы города, а также монеты Льва V. Все монеты этого императора, бывшие в кладе, относятся к так наз. провинциальному чекану и на территории СССР встречаются лишь

¹⁶ А. М. Гилевич. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г., стр. 193.

¹⁷ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, стр. 34, № 217.

в Херсонесе¹⁸. Монеты Василия I — пожалуй, самые обильные среди всех херсонских монет, но и их ареал ограничен европейской частью СССР (лишь одна монета найдена в Коринфе). Единственное место, где совместно находят ранние херсонские, провинциальные Льва V и херсонские монеты Василия I, — это Херсонес. Что касается главного и единственного аргумента против признания клада подлинным, а именно что промежуток времени между самой древней и самой поздней монетой слишком велик, то он отвергается таким достоверным сравнительным материалом, как несомненные клады. Близ самого Херсонеса был найден клад времени Юстиниана I, содержащий монеты Константина Великого, Констанция, Валериана, Феодосия Великого, Аркадия, Гонория, Зинона, Льва I, Анастасия и Юстиниана I — всего 317 экземпляров¹⁹. Другой клад, найденный на территории Крыма, содержал, наряду с 742 экземплярами татарских, генуэско-татарских и турецких серебряных монет, одну медную боспорскую²⁰. Наиболее близок к кладу с Бастионной улицы клад, найденный в Коринфе во время раскопок 1937 г. В его состав входили: монета середины IV — середины III в. до н. э., монета Нумериана, монета Константина Великого, монета Констанция II, монета Валентициана, шесть монет Маркиана, три монеты Льва I, девять монет Зинона, 92 монеты Анастасия I, шесть монет Юстиниана I, 48 неопределенных монет V в. и 217 прочих²¹. В данном клade хронологический промежуток между крайними монетами равен девяти векам, а не шести, как в севастопольском. Таким образом, разновременность чеканки монет клада не может быть бесспорным свидетельством в пользу его «коллекционного» происхождения.

Признавая севастопольский клад подлинным, сокрытым в начале правления Василия I, нужно, однако, подчеркнуть его особенность сравнительно с византийскими кладами этого времени, происходящими из центральных районов империи. Она заключается в том, что клад содержал предиконоборческие, иконоборческие и послейконоборческие монеты. В центральных областях Византии кладов подобного состава до сих пор не найдено. Клады золотых монет свидетельствуют об изъятии номисм иконоборцев после победы иконопочитателей²². Два клада золотых монет времени Льва III служат хронологической гранью между циркуляцией монет доиконоборческого и иконоборческого периодов²³. Херсонцы, лишенные возможности пополнять запас средств обращения за счет собственного чекана и получавшие чрезвычайно ограниченное количество монет извне, очевидно, были вынуждены принимать в качестве ходячей монеты денежные знаки всех времен. Безусловно, такое положение было возможно лишь при ограниченном обмене. К сожалению, стратиграфия раскопок ничего не дает для проверки выводов, сделанных на материале клада. Достаточно напомнить, что во всех изданных отчетах совершенно отсутствует описание слоя VIII в.²⁴ Монеты из раскопок 1950 г., опубликованные А. М. Гилевич²⁵, не выходят за пределы V столетия и поэтому не могут быть использованы для характеристики денежного обращения VIII в. Единственная

¹⁸ I. V. Sokolova. Les monnaies siciliennes du IXe siècle des fouilles de Chersonèse. — «Atti del congresso internazionale di numismatica», v. II. Roma, 1965, p. 565—570.

¹⁹ ИАК, № 2, 1902, стр. 34.

²⁰ ИАК, № 4, 1903, стр. 134—135, 172.

²¹ J. M. Harris, Coins found at Corinth, p. 145.

²² И. В. Соколова. Клады византийских монет..., стр. 60.

²³ S. M. Mosser. Op. cit., p. 61—62; S. Vryonis. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins from the Thomas Whittemore Collection and Numismatic Evidence for the Urban History of Byzantium. — ЗРВИ, VIII, 1963, стр. 291—300.

²⁴ Лишь в одном случае помещения датированы VI—X вв., а именно: в совместном отчете Г. Д. Белова и С. Ф. Стржелецкого о раскопках в кварталах XV и XVI (МИА № 34, 1953, стр. 104).

²⁵ А. М. Гилевич. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г., стр. 190 и сл.

монета более позднего времени — с монограммой $\mathcal{L}$ — должна быть датирована периодом XI—XIII вв. и попала в засыпь, вероятно, случайно.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на разновременность, все монеты клада принадлежат приблизительно к одной весовой группе. Все они небольшого диаметра (15—20 мм), весом 1,5—3 г. Вероятно, в процессе обращения в Херсоне выработался какой-то денежный стандарт, по которому монеты и отбирались естественным путем. По этому стандарту была начата эмиссия IX—X вв. Первые ее монеты (с буквами П на лицевой и Х на оборотной стороне), как опубликованные А. В. Орешниковым²⁶, так и содержащиеся в кладе из раскопок И. А. Антоновой, подготовленном к изданию, не превышают 13—20 мм в диаметре и 2 г в весе. Таким образом, эмиссия IX—X вв. появилась не на пустом месте. В ее монетах нашли отражение традиции денежного обращения, а также монетного дела предшествующего времени, как, например, техника литья (а не чеканки) монет, впервые примененная в VII в. Существует немало и других фактов, как нумизматического, так и не нумизматического характера, подтверждающих существование непрерывной традиции в разных сторонах экономической жизни Херсона. Это и приводит нас к убеждению, что не глубокий упадок города, равносильный перерыву в его существовании, вызвал прекращение эмиссии в VII в., хотя, несомненно, денежное обращение сократилось. Это явление представляется более сложным и находится в связи не только с экономическими, но и политическими тенденциями в Византийской империи. Напомню, что возникновение афинского монетного двора, бездействовавшего в течение V—VII вв., приходится на самый тяжелый, кризисный момент в жизни империи²⁷ (конец VII — начало VIII в.). Хотя это и звучит парадоксально, но прекращение его деятельности, кажется, следует связать с монетной реформой Льва III и Константина V, приведшей к упорядочению монетного дела и стабилизации денежного обращения. С прекращением функционирования афинского монетного двора Византия даже в период своего расцвета в правление Македонской династии имела в восточных областях империи только один официальный монетный двор — константинопольский^{27а}. Можно полагать, что право выпуска собственной монеты, унаследованное провинциальными городами еще от античности, было у них изъято. Однако Херсон, сохранивший самоуправление до XI в.²⁸, оказался в особом положении.

Монеты, выпуск которых начался в середине IX в., наиболее многочисленны среди найденных в Херсонесе. Их оригинальный тип, техника изготовления и метрологические данные, по-видимому отличавшиеся от константинопольских, но, как уже говорилось выше, связанные с монетами предшествующего времени, обращавшимися в Херсоне, — все заставляет думать о замкнутости денежного обращения в городе, об известном сходстве местной экономической ситуации с политическими и экономическими условиями в итальянских провинциях, где большая близость к Западной Европе, чем к Византии, отразилась как на метрологии монет и их типе, так и на характере денежного обращения. Херсонская эмиссия этого периода еще совершенно не изучена с точки зрения монетной системы и отношения этой системы к общеимперской. Предпринятая попытка точнее определить и классифицировать данные монеты привела к выделе-

²⁶ А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты, стр. 365, № 17.

²⁷ M. Thompson. Some Unpublished Bronze Money of the Early Eighth Century. — «Hesperia», v. IX, n. 3, 1940, p. 358—384.

^{27а} Высказанное Ф. Гриерзоном и М. Томпсон предположение о существовании в Византии монетных дворов, не ставивших обозначения на монетах (The Athenian Agora, v. II, by M. Thompson. New Jersey, 1954, p. 7), пока остается недоказанным, несмотря на большую работу, проделанную Д. М. Меткалфом (D. M. Metcalf. Coinage in the Balkans. Thessaloniki, 1965).

²⁸ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, 63, 1959, стр. 53.

нию из них большой группы с монограммой ξ и вынесению этой группы за пределы IX—X вв.^{28а} Предложенная нами предатировка существенно меняет представление о херсонской экономической жизни в XI—XIII вв.

В отличие от Херсонеса, находки византийских монет в других районах Крыма невелики: зафиксировано 80 золотых, серебряных и медных монет, из которых 18 — херсонского чекана (причем 12 из них — с монограммой ξ). Следует, однако, подчеркнуть, что эти сведения содержатся лишь в публикациях. В действительности число найденных монет должно быть больше, так как некоторые материалы раскопок не изданы, например данные о раскопках интересного средневекового поселения на горе Тешень. Разумеется, если бы были известны все находки, наши суждения были бы объективнее, ибо при немассовости материала любое новое открытие может привести к изменению наших представлений. В таких условиях единственное, что оправдывает предлагаемые выше выводы, — это то, что большинство монет происходит из раскопок и подкреплено другим материалом.

Итак, если не учитывать клад палеологовского времени из Судака, насчитывающий 21 экземпляр, то окажется, что на первый период (два века — VI, VII) приходится около трети всех найденных монет, на остальные семь столетий — две трети. К первому периоду относятся следующие монеты: Юстина I — 1 экз. (Суук-Су); Юстиниана I — 4 золотые монеты (2 — Старый Крым, 1 — Керчь, 1 — Кореиз), 5 медных (Чуфут-Кале, Балаклава, Суук-Су, Керчь), 1 субэратная (Чуфут-Кале); Маврикия — 1 золотая (Феодосия), 4 медных (3 — Керчь, 1 — Скалистое), 6 херсонских (Керчь, Кореиз, Гурзуф, Гончарное, Бага, бухта близ Севастополя); Фоки — 1 медная (Керчь), Ираклия — 1 золотая (Пампук-Кая), 1 серебряная (Чуфут-Кале); Константа II (Восточный Крым), Константина IV — 1 золотая, 2 медные (Восточный Крым); Тиберия III — 1 медная (Восточный Крым). Как это особенно наглядно видно на карте, медные монеты Юстиниана I и херсонские монеты Маврикия концентрируются в основном в Юго-Западном Крыму (долина Черной речки и южный берег до Гурзуфа). Монеты второй половины VII в., а также золотые монеты найдены в Восточном Крыму. Особо следует выделить находки в Чуфут-Кале, которые дают типично варварский материал.

Чем может быть объяснена разница в составе монет в Юго-Западном и Восточном Крыму? По-видимому, прежде всего их разным отношением к Херсону, а также различиями в системе тех политических сил, которые соперничали здесь в VI—VII столетиях. Как было указано выше, медь и золото были основными металлами внутреннего денежного обращения Византии, причем в повседневном обращении находилась исключительно медь. С этой точки зрения Юго-Западный Крым с преобладающими находками медных монет (к тому же херсонского чекана) представляется внутримперской областью, зависимой от Херсона, что соответствует и показаниям письменных источников и археологическому материалу. Восточные области Крыма также входили в сферу византийского влияния, но скорее всего их отношения с метрополией осуществлялись самостоятельно, без посредничества Херсона, так как среди монет, найденных там, преобладают медные и золотые монеты константинопольского чекана. Как было отмечено, район Бахчисарая (Чуфут-Кале) отличается по характеру находок и от Юго-Западного и от Восточного Крыма: там были найдены субэратные монеты и гексаграмма Ираклия, даже подражания византийским монетам, которые не свойственны византийскому денежному обращению.

^{28а} И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона. — «Нумизматика и сфрагистика», III, стр. 86—113.

Второй половине второго периода (вторая половина IX—X в.) соответствует чрезвычайно обильный выпуск литых херсонских монет с именами императоров, о котором упоминалось выше. Казалось бы, при большом количестве этих монет можно было бы ожидать их широкое распространение в Крыму. Однако они найдены всего в двух местах — в Партенитах (7 экземпляров) и в Керчи и Тиритаке (по одному экземпляру). Если учесть, что херсонские монеты найдены в Тмутаракани, Саркеле, Кieve и даже в Коринфе, то их отсутствие в других районах Крыма еще более резко подчеркивает безденежный характер сельского хозяйства полуострова в VIII—X вв. и ориентацию экономики Херсона на внешнюю торговлю. Судя по данным нумизматики, Херсон был лишен товарной земельческой периферии. Это отнюдь не означает, что вокруг Херсона, в горном Крыму и на южном побережье, не было земледельческого населения. Это не означает также, что херсонцы не занимались сельским хозяйством или не были с ним как-то связаны. Говоря об отсутствии товарной земельческой периферии, я имею в виду, что окружавшее Херсон земледельческое население не поддерживало с ним товарных отношений. Напротив, городские и торговые центры Крыма (Партениты, Керчь) были связаны с Херсоном. Следует напомнить, что Партениты были торжищем, куда приходили корабли из Малой Азии. Это поселение все еще не раскопано. Найденные же там монеты происходят из храма «12 апостолов», открытого в конце прошлого столетия²⁹. И если только в помещении церкви найдено больше херсонских монет, чем во всем остальном Крыму, нужно думать, что это поселение часто посещалось херсонцами и здесь можно ожидать значительные находки херсонских монет IX—X вв.

Собственно византийские монеты этого времени представлены в Крыму всего двумя номисмами (Василия I и Константина VII), найденными в районе Судака. Двух монет, разумеется, слишком мало, чтобы делать какие-либо выводы. Немногим больше и монет VIII в., однако почти все они найдены в одном месте, на плато Тепсень (за исключением одной монеты Константина V, происходящей из Чуфут-Кале). Мы уже упоминали, что монеты, найденные здесь, полностью не изданы и поэтому следует быть осторожным в выводах, но, согласно опубликованным данным. Тепсень предстает перед нами как чрезвычайно интересное и единственное в своем роде поселение VIII в. Как отмечалось выше, монеты VIII в. редки не только в Крыму, но и в самой Византии. На раскопе найдены лишь монеты императоров-иконоборцев и к тому же только золотые. Если учесть, что один золотой солид равнялся 288 счетным фоллам, а плата византийскому рабочему в то время колебалась от трети солида до двух солидов в месяц, то можно себе представить, почему преобладает медь в раскопках византийских городов. Отсутствие ее — явный признак неразвитости товарных отношений. Поэтому находки золотых монет на плато Тепсень лишь подчеркивают, что это поселение было значительным политическим центром варварского мира в Крыму.

Византийские монеты XI—XII вв. еще более редки на крымской территории, чем монеты предыдущего времени: появление итальянцев в Крыму, по-видимому, начало оказывать свое влияние. Те немногочисленные находки, которые нам известны, свидетельствуют о некоторых изменениях в распространении как византийских, так и херсонских монет. Следует отметить их появление в Бельбекской долине, в районе средневекового княжества Феодоро, куда они проникали, очевидно, через Херсон. Так, на Мангупе найдена одна анонимная монета, на Эски-Кермене — две херсонские с монограммой (см. стр. 262) и одна монета никейского императора Феодора II Ласкариса. Остальные пять монет найдены в тех же

²⁹ Н. И. Репников. Партенитская базилика. — ИАК, № 32, 1909, стр. 95—98.

центрах, что и монеты предыдущего периода: одна — в Керчи, три — в Парthenитах и одна — в Судакe.

Нумизматический материал еще только начинает привлекаться в византийских исследованиях как равноправный источник. Методика его использования не выработана, неразработанность большинства проблем в самой византийской нумизматике ограничивает исследователя. Мы приняли здесь лишь попытку систематизировать сведения о находках византийских монет на ограниченной замкнутой территории и связать их с проблемами жизни и исторического развития данной области. Автор целиком зависел от наличного материала. Накопление новых сведений неизбежно должно привести к корректировке некоторых наших выводов, однако объективная ценность монет как исторического источника от этого не утратится.

А. В. БАНК

ДВА ПАМЯТНИКА МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ ИЗ ФЕССАЛОНИКИ

В 1958 г. известный американский знаток византийского прикладного искусства Марвин Росс издал весьма интересный сосуд из серпентина, хранящийся в сокровищнице Сан Марко в Венеции¹ (рис. 1).

Эта ложчатая чаша, известная и ранее², скрывала на дне (внутри), под позднейшим венецианским обрамлением с крышкой, впервые опубликованное Марвином Россом рельефное изображение св. Димитрия. Возможно, Марвин Росс прав, полагая, что форма чаши была издавна знакома византийскому искусству: на это предположение его наводит пример сосуда, изображенного в сцене «Поклонения волхвов» (в руках одного из волхвов) в церкви Сант Аполлинаре Нуово в Равенне. Следует указать, однако, что рассматриваемый тип чаш до последнего времени считался характерным для различных стран Востока, начиная от Сасанидского Ирана³ и кончая Китаем⁴; известные там экземпляры (керамические или изготовленные из золота и серебра) датируются не позже IX в. Тем более интересна византийская чаша из Сан Марко, которую ее издатель относит к XII или даже началу XIII в. и предположительно приписывает ей фессалоникское происхождение.

Свои заключения Марвин Росс строит, привлекая аналогии, имеющие отдельные общие черты с интересующим его памятником, однако во многом от него отличающиеся. Приведенный им мраморный рельеф из Сан Марко⁵ сходен с чашей лишь в том, что в обоих случаях Димитрий представлен извлекающим меч из ножен. Во всем остальном, начиная с положения фигуры (в одном случае стоящей, а в другом сидящей), и иконографически и стилистически оба произведения резко различаются.

О. Демус определил рельеф из Сан Марко как произведение византийского искусства (несмотря на сопровождающую его латинскую надпись) и отнес его к концу XII или даже второй половине XIII в. Не рискуя

¹ Marvin C. Ross. A byzantine Bowl in Serpentine.— «Greek and Byzantine Studies», July 1958, San Antonio, Texas, p. 43—48.

² A. P a s i n i. Il tesoro di San Marco in Venezia. Venezia, 1885—1886, p. 66, tav. LIV, n. 128. За содействие в получении фотографии чаши искренне благодарю г-на Марвина Росса (США, Вашингтон).

³ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 57, 58, 63.

⁴ W. W i l l e t t s. Chinese Art, v. II, Pelikan Book. Suffolk, 1958, p. 459—462, fig. 66; B. G y l l e n s v a r d. Tang Gold and Silver. Göteborg, 1957, p. 58—60, fig. 20—21, pl. 4a. За указание на эти памятники приношу глубокую благодарность Б. И. Маршаку.

⁵ R. L a n g e. Die byzantinische Reliefikone. Recklinghausen, 1964, n. 28, S. 87—88; O. D e m u s. Die Reliefikonen der Westfassade von San Marco.— JÖBG, 3, 1954, S. 95 und ff.

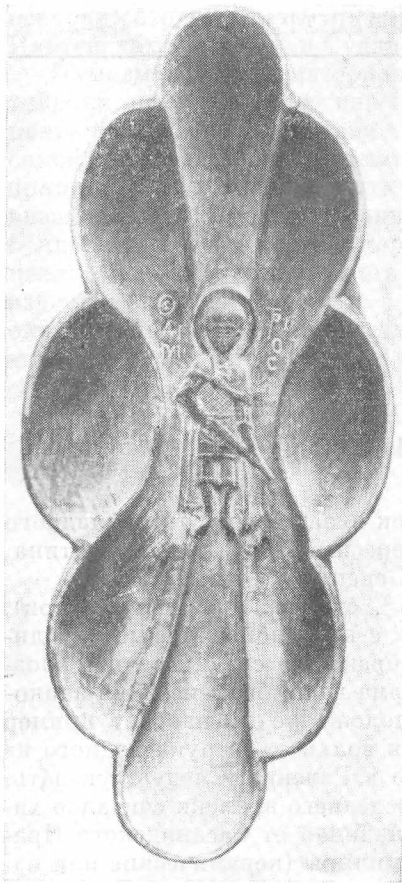

Рис. 1. Чаша с изображением св. Димитрия, серпентин. Сокровищница Сан-Марко в Венеции.

жест стоящего воина, извлекающего меч из ножен, его не вполне обычное (сочетающее элементы патрицианской и воинской одежды) одеяние, сходен тип лица и трактовка отдельных его частей. Мастера применили одинаковые приемы для передачи волос и для украшения хитона характерными зигзагами. Правда, хитон на херсонесской иконке несколько длинней и отчетливо видны полусапожки (кампаги), которые не различимы на чаше. Несколько иное положение фигуры на иконке скорее всего объясняется наличием второго воина — Георгия, к которому обращен Димитрий. Быть может, большие размеры херсонесского памятника (19,9 × 14 см; к сожалению, Марвин Росс не указывает размеры чаши, но, по-видимому, фигура воина довольно миниатюрна) обусловили возможность более тщательной передачи чешуйчатого доспеха. Впрочем, аналогичными ромбиками он трактован на фигуре Георгия. Близко, хотя и не абсолютно, совпадает

спорить с О. Демусом (хотя венецианский рельеф и выходит за обычные представления о византийской скульптуре допалеологовского периода), я полагаю, однако, что этот памятник относится к совершенно иному художественному кругу, чем чаша из серпентина. Несколько ближе к ней другой пример, приведенный Марвином Россом: это камей с изображением Алексея Дуки, преклоненным перед св. Георгием⁶. Однако и здесь заметны различия в трактовке волос, в характере исполнения лиц и одежды; едва ли можно усомниться в том, что камей относится к более позднему времени.

Св. Димитрий нередко изображался на византийских памятниках прикладного искусства⁷, в частности на изделиях из слоновой кости и стеатита: тип мученика в патрицианских одеждах, с крестом в руке постепенно вытеснялся образом воина. Среди других широко известна многократно изданная иконка из черного сланца (найденная в Херсонесе и хранящаяся с 1895 г. в Эрмитаже; инв. № X 103) с изображением святых воинов Георгия и Димитрия⁸. Эта чрезвычайно близкая аналогия для изображения св. Димитрия на чаше из Сан-Марко ускользнула от внимания Марвина Росса (рис. 2 и 3).

Изображения святого на обоих памятниках представляют редкое для произведений византийского прикладного искусства сходство: совпадает

⁶ H. Wentzel. Datierte und datierbare byzantinische Kameen. — «Festschrift Friedrich Winkler». Berlin, 1959, S. 10—11, Abb. 2/3.

⁷ A. Grabar. Quelques reliquaires de Saint Démétrios et le martyrium du Saint à Salonique. — DOP, V, 1950, p. 1—28.

⁸ Наиболее тщательное и разностороннее исследование этого предмета принадлежит С. М. Гайдину (Резная шиферная икона свв. Димитрия и Георгия. — «Сборник Государственного Эрмитажа», II, 1923, стр. 31—42).

Рис. 2. Деталь чаши:
св. Димитрий.

Рис. 3. Икона с изображением святых воинов
Георгия и Димитрия. Сланец. Государственный Эрмитаж.

начертание надписи, в частности лигатура букв «Т» и «Р». В целом черты сходства, несомненно, преобладают над различиями.

Ряд исследователей датировал херсонесскую иконку X—XI вв. Ближе к истине, очевидно, Н. П. Кондаков и С. М. Гайдин, определившие время изготовления херсонесской иконы XI—XII вв. Отнесение Марвином Россом сосуда из Сан Марко к концу XII—первой половине XIII в. на основании весьма отдаленных аналогий не представляется убедительным.

Исходя из иконографических и стилистических особенностей обоих памятников (характера одежды, формы меча, трактовки лиц и волос), а также начертания надписей, представляется наиболее вероятной их датировка концом XI или началом XII в.

Особенно важен вопрос о локализации интересующих нас предметов. Как Марвин Росс, так и особенно С. М. Гайдин (независимо друг от друга) привели ряд убедительных доводов в пользу Фессалоники как вероятного места их изготовления. С. М. Гайдин писал: «Так как об искусстве Солуни мы знаем очень мало и число памятников ее чрезвычайно ограничено, то отнесение к числу солунских памятников Эрмитажной иконы придает ей особую ценность и значение»⁹. Со времени публикации работы С. М. Гайдина прошло более 40 лет; теперь об искусстве Фессалоники известно много больше — главным образом о ее монументальной живописи. Тем не менее, выявление еще одного памятника, связанного с этим вторым по значению византийским центром, представляет большой интерес. Его значение возрастает из-за близости к херсонесской иконе. Факт изготовления в одном центре двух произведений прикладного искусства, притом ис-

⁹ С. М. Г а й д и н. Указ. соч., стр. 42.

полненных в разных, хотя и сходных, материалах, дает опорную точку для более широких обобщений.

Как известно, исследователи византийского прикладного искусства располагают для периода X—XII вв. крайне ограниченным числом точно датированных (и тем более локализованных) памятников. Вместе с тем приходится встречаться с группами произведений, которые можно сблизить по тем или иным особенностям. Иногда это иконографические и стилистические признаки, а в некоторых случаях поражает сходство отдельных деталей. Автору этих строк приходилось обращать внимание на такого рода серии предметов, при изучении серебряных изделий XI—XII вв.¹⁰ На значительном числе памятников, изготовленных из стеатита и других пород камня, приходится наблюдать сходные, порой совпадающие элементы: иногда их сближает своеобразная типология лиц или характерные сдвоенные и перевязанные колонки, иногда привлекает к себе внимание относительно редкая форма так называемого норманнского щита; порой близки орнаментированные нимбы, или орнаменты, украшающие одежду или мебель, порой совпадает начертание надписи¹¹.

Совокупность совпадающих или близких деталей наводит на мысль об изготовлении группы предметов в одном центре, быть может, даже в одной мастерской. Географическое определение такого центра чрезвычайно затруднительно. Даже единое место находки не дает твердых данных, поскольку мелкие поделки могли перевозиться на далекое расстояние. Возникает сомнение, не случайно ли совпадение признаков? Приведенный пример значительной близости по ряду элементов двух памятников, по всей вероятности изготовленных в Фессалонике, заставляет относиться более оптимистически к возможности делать заключения о центрах производства на основании совпадения деталей изделий.

¹⁰ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. — ВВ, XIII, 1958, стр. 214—224; XIV, 1958, стр. 234—242. См. также: А. В. Банк. Опыт группировки памятников некоторых отраслей византийского прикладного искусства XI—XII вв. — «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 год». Л. — М., 1966, стр. 44—43.

¹¹ A. V. Bank. Quelques problèmes des arts mineurs byzantins au XIe siècle. — «Proceedings of the XIIth. International Congress of Byzantine Studies». Oxford. 5—10 September 1966. London, 1967, p. 237—239, pl. 1—4.

Т. С. КАУХЧИШВИЛИ

ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ КАЗРЕТИ

Взаимоотношения между Грецией и Грузией прослеживаются с незапамятных времен (отображенные в мифе об аргонавтах события имели, разумеется, какую-то историческую основу), но древнейшие греческие надписи, найденные в Грузии, относятся лишь к I в. н. э.¹ Однако большинство этих надписей относится к византийской эпохе, когда после распространения христианства греческий язык стал как бы официальным языком для ряда православных стран, в том числе и для Грузии.

От этой эпохи в Грузии обнаружено очень много фресковых греческих надписей и немало надписей на всякой утвари. Сравнительно меньше имеется лапидарных надписей.

По содержанию фресковые и лапидарные надписи в принципе не отличаются друг от друга. Следует, однако, отметить, что в лапидарных надписях в большей мере отображена реальная историческая действительность, в то время как фресковые надписи большей частью являются цитатами из священного писания.

Найденные на территории Грузии лапидарные греческие надписи VII—X вв. имеют разное содержание. Так, например, атенская надпись представляет собой обращение к господу с просьбой о помощи «своим рабам»; в сепиетской надписи св. Стефана, в честь которого, по всей видимости, была построена церковь, «раб его» Филоктист просит Стефана быть посредником ему и всем сродникам его; сильно пострадавшая вашнарская надпись содержит слова *καρδενική* и *βαπτίζετω*, свидетельствующие о том, что камень с надписью представлял собой обломок церковной стены и что в этой церкви было выделено либо специальное отделение для женщин (гинекей), либо особая «крещальня», либо то и другое. Надпись с Нового Афона, датированная 929 г., упоминает неизвестного по другим документам мастера, «недостойного раба божьего пресвитера Евстафия художника». Все эти надписи изучены и опубликованы ранее.

10 августа 1964 г. дманисская археологическая экспедиция, возглавляемая В. Джапаридзе, обнаружила в Дманисском районе, в двух-трех километрах от с. Казрети, развалины маленькой базилики. Посреди церкви валялся обломок камня с греческой надписью, вторая часть этого же камня была вделана в стену церкви. Оба фрагмента представляют собой хорошо обработанный камень призматической формы, который, по мнению В. Джапаридзе, является пьедесталом стелы.

На двух противоположных сторонах камня сделано по одному медальону с так наз. болнисским крестом, а на другой паре сторон высечены удлиненные кресты в сводах. На этих же сторонах сделаны греческие надписи.

¹ Значительно древнее найденная на Кубани известная фиала с греческой надписью с упоминанием Фасиса.

По мнению искусствоведа В. Долидзе, медальоны с крестами сделаны раньше (примерно в V—VI вв.), чем кресты в сводах (они высечены приблизительно в VIII—IX вв.).

Высота призматического камня равна 62 см, ширина тех сторон, где находятся греческие надписи, также равна 62 см, а двух других, где изображены медальоны с болнисскими крестами, — 58 см.

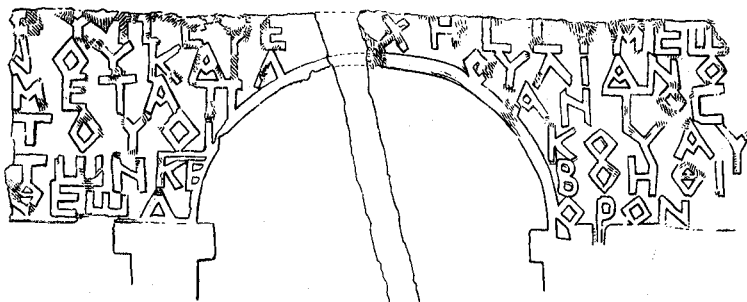

Рис. 1. Греческая надпись на пьедестале Казретской стелы. Гос. музей Грузии им. С. Н. Джанашиа.

Ниже пойдет речь о той надписи, которая поддается прочтению, хотя первая строка и весь левый край надписи повреждены. От второй надписи уцелело лишь 7 букв. Приводим текст надписи и нашу его реконструкцию (см. рис. 1).

+ ὀπερ... | χησσομεω
 νουχα... Λ|ουλιανου
 μεταπ|αντος
 τουσι |κουαυ
 τωνε |βοηθη
 θεωδ |ορον

+ ὕπερ ε[ὐ]χῆς Σιμεῶ =
 νου κα[ὶ] Ἀουλιανῶ
 μετά παντός
 τοῦ οἴκου αὐ=
 τῶν. Κ[ύρι]ε, βοήθει
 Θεόδωρον.

Т. е. «В моление Симеона и Авлиана вместе со всем их домом. Господи, помоги Феодору».

Высота надписи — 18 см. Надпись рельефная. Среди известных до сих пор греческих надписей Грузии в такой же манере резьбы выполнена только одна, сепиетская, датированная мною VI—VII вв.

Надпись нанесена после того, как на камне уже был сделан свод с орнаментами. Надпись вписали в верхней части свода: первая строка находится над сводом, а остальные пять вписаны по обе стороны свода, симметрично (начиная с третьей строки до конца, количество букв по обе стороны свода одинаково). Общий стиль надписи хорошо гармонирует с геометрическим орнаментом свода.

Надпись сделана заглавными, угловатыми буквами, но это не та угловатая письменность, которая характеризовала архаический период. Эта письменность, развитие которой дало курсив в лапидарных надписях и которая встречается примерно со II—IV вв.²

Среди найденных на территории Грузии греческих надписей по общему внешнему виду ни одна не похожа на казретскую надпись. В надписи встречаются 19 разных букв, начертание которых передано на рис. 2. До полного греческого алфавита не хватает только пяти букв (γ, ζ, ξ, φ и ψ). Буквы в первой строке несколько крупнее, чем в следующих. В среднем высота букв равна 3 см, ширина — от 2 до 3 см (только ω имеет в ширину 4 см).

² W. L a r f e l d. Griechische Epigraphik. München, 1914, S. 270—274.

Своим начертанием внимание привлекают следующие буквы: α с ломаной, угловатой переключкой (α); β , похожая на восьмерку; $\circ$, который встречается в этой надписи часто и каждый раз имеет форму ромба ($\diamond$); δ , имеющая тоже форму ромба, но с поперечной черточкой посередине ($\diamond$); π с переходящей за вертикальные штрихи горизонтальной черточкой и ω — угловатая, похожая на печатное заглавное русское Ш. Угловаты также во всех случаях ϵ , σ , ρ , χ , ν . Остальные буквы (ι , η , λ , δ , κ , ρ , τ , υ , γ) менее специфичны.

Подобное начертание букв встречается: а) в надписях римского периода; б) в надписях позднеимперской эпохи или раннего средневековья; в) в датированных надписях 220, 236, 249, 307 гг., 383—395 гг., 436/7 и 538 гг.; д) в византийских надписях V—X вв.³

Следовательно, буквы, похожие по начертанию на буквы казретской надписи, датированы приблизительно III—X вв. Конечно, такая датировка не может нас удовлетворить. Попробуем сузить рамки. В надписи встречается слово под титулом ($\text{ΚΕ} = \text{Κύριε}$). Сокращения слова κύριε в виде ΚΕ встречается в V—VI вв.⁴

В надписи наблюдается один случай иттацизма: $\beta\sigma\eta\theta\iota$ вместо $\beta\sigma\eta\theta\epsilon\iota$.

В языковом отношении следует отметить следующие особенности:

1) В классическом греческом языке дополнение при глаголе $\beta\sigma\eta\theta\acute{\epsilon}\omega$ всегда ставилось в дательном падеже. Такое управление глагол $\beta\sigma\eta\theta\acute{\epsilon}\omega$ сохраняет еще и в Новом завете. В казретской же надписи дополнение при глаголе $\beta\sigma\eta\theta\acute{\epsilon}\omega$ стоит в винительном падеже: $\text{Κύριε, } \beta\sigma\eta\theta\epsilon\iota \text{ Θεόδωρον}$ («Господи, помоги Феодору»), что нередко встречается в греческом языке именно византийского периода⁵. Подобного рода примеры дают и греческие надписи Грузии. Например, в атенской надписи VIII—IX вв. читаем: $\text{Κύριε, } \beta\sigma\eta\theta\epsilon\iota \text{ τοὺς δούλους σου}$ («Господи, помоги рабам своим»)⁶. В херсонской надписи первой половины X в. написано: $\text{Κύριε, } \beta\sigma\eta\theta\epsilon\iota \text{ τὸν οἶκον τοῦτον}$ («Господи, помоги этому дому»)⁷. В одной из лидийских надписей VIII—IX вв. также читается: $\text{Κύριε, } \beta\sigma\eta\theta\eta \text{ τοὺς δούλους τοῦ θεοῦ}$ («Господи, помоги рабам божьим Василию, Варде и Иоанну»)⁸.

Таким образом, казретская надпись дает еще один пример употребления грамматической формы, характерной для греческого языка византийской эпохи.

α - Λ	γ - N
β - β	$\circ$ - $\diamond$
δ - Δ	Π - Π
ϵ - E	ρ - ρ
η - H	σ - σ
θ - Θ	τ - T
ι - I	υ - Y
κ - K	χ - X
λ - Λ	ω - ω
μ - M	

Рис. 2. Начертание букв в надписи.

³ В. Л а т ы ш е в. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896, стр. 88, № 86; стр. 98—105, № 98; табл. X, стр. 105—109, № 99; табл. XI, стр. 26—27, № 13; И. П о м я л о в с к и й. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1884, стр. 19, № 36; Э. С о л о м о н и к. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, стр. 178—179, 189; Т. К а у х ч и ш в и л и. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951, стр. 242, 243, 264; Мадарский конник. София, 1956, стр. 80 и сл.; Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien, hrsg. von V. Beševliev. Berlin, 1964, Tafel 34. 95, Inschrift № 96; Tafel 87, 227, Inschrift № 204; Tafel 99. 252, Inschrift № 23.

⁴ М. А в и - J о н а h. Abbreviations in greek inscriptions (N. E. 200 B. C. A. D. 1100). London, 1940, p. 76.

⁵ Δ. Δ η μ η τ ρ ά κ ο υ Μ έ γ α λ ε ξ ι κ ό ν τ η ς έ λ λ η ν ι κ η ς γ λ ώ σ σ η ς. Α θ ή ν α ι, 1949, s. v.

⁶ Т. К а у х ч и ш в и л и. Греческие надписи Грузии, стр. 192.

⁷ В. Л а т ы ш е в. Сборник христианских надписей..., стр. 23—26, № 12.

⁸ Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure par H. Grégoire, fasc. I. Paris, 1922, p. 127.

2) Собственное имя $\Sigma\upsilon\mu\epsilon\acute{\omega}\nu$ достаточно распространено в греческих памятниках. В родительном падеже это имя имеет обычно форму $\Sigma\upsilon\mu\epsilon\acute{\omega}\nu\omicron\varsigma$ или же остается без изменения. Однако в византийский период от того же корня была произведена другая, как бы «более греческая» форма: $\Sigma\upsilon\mu\epsilon\acute{\omega}\nu\eta\varsigma$ род. пад. — $\Sigma\upsilon\mu\epsilon\acute{\omega}\nu\omicron\upsilon$ ⁹. Форма $\Sigma\upsilon\mu\epsilon\acute{\omega}\nu\eta\varsigma$ встречается у Прокопия Кесарийского¹⁰ и Созомена¹¹ и в греческих надписях Сирии VI в.¹² Форма $\Sigma\upsilon\mu\epsilon\acute{\omega}\nu\omicron\upsilon$, засвидетельствованная в казретской надписи, также является род. пад. имени от византийского варианта — $\Sigma\upsilon\mu\epsilon\acute{\omega}\nu\eta\varsigma$ (при этом слово $\Sigma\upsilon\mu\epsilon\acute{\omega}\nu$ произносилось как «Симеон», а $\Sigma\upsilon\mu\epsilon\acute{\omega}\nu\eta\varsigma$ как «Симеонис»).

3) Имя $\Theta\epsilon\omega\delta\omicron\tau\omicron\varsigma$ в казретской надписи имеет форму $\Theta\epsilon\omega\delta\omicron\tau\omicron\nu$, которая является отклонением от обычных норм правописания. Однако следует отметить, что в литературе много других примеров неправильного написания этого имени: $\Theta\epsilon\omega\delta\omicron\tau\omicron\omicron\varsigma$, $\Theta\epsilon\omega\delta\omicron\tau\omicron\omega\varsigma$, $\Theta\epsilon\omega\delta\omicron\tau\omicron\omega\omicron\varsigma$, $\Theta\epsilon\omega\delta\omicron\tau\omicron\omega\omicron\omega\varsigma$, $\Theta\eta\delta\omicron\tau\omicron\omega\omicron\varsigma$ ¹³.

4) Особо следует остановиться на имени, которое восстановлено мной как «Авлиан». По правой стороне второй строки надписи определенно видно $\omicron\upsilon\lambda\iota\alpha\lambda\omicron\nu\omicron\upsilon$, что является, несомненно, род. пад. собственного имени, а на левой стороне той же строки читается: NOYKA... Λ . NOY , что представляет собой окончание начатого в предыдущей строке имени $\Sigma\upsilon\mu\epsilon\omega$; KA мы считаем частью союза «и» ($\kappa\alpha\iota$) (хотя далее не видно никакой буквы, но есть место как раз для одной буквы — примерно 3 см). И по смыслу надписи здесь должен стоять союз $\kappa\alpha\iota$. В тексте идет речь о двух лицах и должно упоминаться два имени, судя по местоимению $\alpha\upsilon\tau\omega\acute{\nu}$ («их») в конце фразы.

После отмеченного свободного места, у самого края свода, написана одна буква, которую можно прочесть как Λ , Δ или Λ . Ясно, однако, что с этой буквы начиналось имя, уцелевшая часть которого читается как $\omicron\upsilon\lambda\iota\alpha\lambda\omicron\nu\omicron\upsilon$. Следовательно, полное имя можно восстановить в трех вариантах: $\overset{2}{\Lambda}\omicron\upsilon\lambda\iota\alpha\lambda\omicron\nu\omicron\upsilon$, $\Delta\omicron\upsilon\lambda\iota\alpha\lambda\omicron\nu\omicron\upsilon$ или $\Lambda\omicron\upsilon\lambda\iota\alpha\lambda\omicron\nu\omicron\upsilon$.

В греческих словарях собственных имен в приведенных формах такого имени не встречается. В грузинском тексте «Лимонария» Иоанна Мосха, изданном по рукописям X в., упомянуты два «Лулиана» (с вариантом «Ивлиан»). В предисловии к тексту И. В. Абуладзе пишет, что форма «Лулиан» происходит от арабской версии لوليان , тогда как в греческом тексте в соответствующих местах стоит форма «Ивлиан»¹⁴.

Г. В. Церетели, однако, считает имя арабского текста لوليان искажением правильной формы يوليان , соответствующей греческой Ιουλιαν (Ивлиан)¹⁵. Следовательно, нет арабского имени لوليان (Лулиан), как нет такого и греко-римского имени. Встречаются же имена: Aulienus ¹⁶, $\overset{2}{\Lambda}\omicron\upsilon\lambda\iota\alpha\lambda\omicron\nu\omicron\varsigma$ ¹⁷, $\Delta\omicron\upsilon\lambda\iota\lambda\iota\omicron\varsigma$ ¹⁸ (форма $\Delta\omicron\upsilon\lambda\iota\lambda\iota\omicron\varsigma$ может иметь вариант — $\Delta\omicron\upsilon\lambda\iota\lambda\iota\alpha\lambda\omicron\nu\omicron\varsigma$, по аналогии: Аврелий — Аврелиан, Юлий — Юлиан, Юстин — Юстиниан, Клавдий — Клавдиан, Лукий — Лукиан, Флавий — Флавиан и т. п.).

В соответствии с приведенными выше данными полагаем, что $\omicron\upsilon\lambda\iota\alpha\lambda\omicron\nu\omicron\upsilon$ можно восстановить как $\overset{2}{\Lambda}\omicron\upsilon\lambda\iota\alpha\lambda\omicron\nu\omicron\upsilon$, что близко к латинскому Aulienus ,

⁹ J. M a s p e r o. Papyrus grecs d'époque byzantine, II. Paris, 1913, 67161, 19 (VI).
¹⁰ P r o c o p i u s C a e s a r i e n s i s. Opera omnia, I. Berolini, 1962, p. 78—79 (De bello persico, I. 15. 27—28).

¹¹ W. P a r e. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884, S. 966.

¹² Inscriptions grecques... de la Syrie, V, 1959, p. 31.

¹³ F r. P r e i s i g k e. Namenbuch enthaltend alle griechische, lateinische... Menschennamen... Heidelberg, 1922.

¹⁴ На «Лимонарий» с именем «Лулиан» нам указала Е. П. Метревели, за что приношу ей благодарность [см. И о а н н М о с х. Лимонарий. Текст издал и комментариями снабдил И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.)].

¹⁵ Свое мнение Г. В. Церетели высказал в личной беседе с автором данной статьи.

¹⁶ RE, II, 2, S 2409 (время Августа и Тиберия).

¹⁷ F r. P r e i s i g k e. Namenbuch..., S. 37.

¹⁸ W. P a r e. Wörterbuch..., S. 423.

произносившемуся как «Авлиенус». Параллельной греческой формой будет, по нашему мнению, Ἀβλιανός, ибо среди римских имен встречается Aulus — греч. форма Αὔλιος¹⁹, от которой вполне закономерно могло быть произведено Ἀβλιανός (лат. Aulienus)^{19a}.

Впрочем, в казретской надписи стоит Ἀουλιανού вместо Ἀβλιανού. Однако *ου* отнюдь не обязательно в данном месте произносить как самостоятельный звук «у». Возможно, это сочетание передает лишь второй компонент дифтонга *αυ*. Подобные случаи встречаются и в других греческих надписях, найденных на территории Грузии. Например, в надписях I—III вв.: εὐεργετή (вместо εὐεργέτη)²⁰ и ζηουαχου (вместо Ζευάχου)²¹. В надписях римского времени из Северного Причерноморья встречается форма Ἀουαίων, равнозначная форме Ἀβαίων²² (значит, и здесь дифтонг *αυ* передан как сочетание *αου*).

Таким образом, восстановленное нами в виде Ἀουλιανού имя следует произносить как «Авлиан».

Надпись включает две трафаретные формулы: ὑπὲρ εὐχῆς («в моление ...») и Κύριε, βοήθει ... («Господи, помоги»), которые часто встречаются в византийских надписях. Так, первая из формул содержится в надписи бичвинтской мозаики: ὑπὲρ εὐχῆς Ὁρθὸν καὶ παντός τοῦ οἴκου [αὐτοῦ] («В моление Орела и за весь его дом»). Надпись датирована нами V—VII вв.²³ Сходная надпись найдена в Херсонесе: ὑπὲρ εὐχῆς Μάλχου καὶ πάντων τῶν διαφερόντων αὐτοῦ («В моление Малха и всех сродников его»). Датруется она первой половиной X в.²⁴ Надпись VI в. на монастырской стене в Геллеспонте гласит: ὑπὲρ εὐχῆς τῶν χωρίων καὶ τοῦ λαοῦ («В моление окрестностей и народа») ²⁵. В надписи на элевсинской базилике, датируемой временем не позднее VIII в., читаем: ὑπὲρ εὐχῆς Ἀρτεμισίου καὶ παντός τοῦ οἴκου αὐτοῦ («В моление Артемисия и всего дома его») ²⁶.

В надписи VIII—IX вв. из Болгарии сказано: ὑπὲρ εὐχῆς καὶ σοτηρίας Πολιχρονίου καὶ Σισινίου («В моление и спасение Полихрония и Сисиния») ²⁷.

Из всех вышеприведенных надписей только формулы элевсинской и бичвинтской полностью тождественны формуле казретской надписи. Тем не менее надписи, включающие в себя формулу ὑπὲρ εὐχῆς, не столь редки. Разумеется, гораздо чаще они встречаются в восточных странах, чем в западных, где главенствовал латинский, а не греческий язык.

Мы не решаемся на категорическое заявление, что формула ὑπὲρ εὐχῆς не употреблялась до V—VI вв. Это было бы чересчур смело. Однако, судя по материалу, имеющемуся у нас под рукой и содержащемуся в сводной работе С. М. Кауфманна²⁸, в которой много подобных более или менее точно датированных формул, такое предположение высказать можно. С учетом того же материала можно наметить и вторую, верхнюю грань: после X в. формула ὑπὲρ εὐχῆς как будто не встречается.

Вторая формула (Κύριε, βοήθει) столь часто встречается в памятниках всего христианского времени, что нет никакой необходимости приводить здесь какие бы то ни было примеры (см. стр. 271).

¹⁹ W. P a p e. Wörterbuch..., S. 423.

^{19a} Ibid., S. 175.

²⁰ Т. К а у х ч и ш в и л и. Греческие надписи Грузии, стр. 240.

²¹ Там же, стр. 250.

²² L. Z g u s t a. Die Personennamen der griechischen Städte. Praha, 1955, S. 361, § 905.

²³ Т. К а у х ч и ш в и л и. Греческая надпись бичвинтской мозаики. — «Известия АН ГССР», т. XVI, № 1, 1955, стр. 73—80.

²⁴ В. Л а т ы ш е в. Сборник..., стр. 26—27, № 13.

²⁵ Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineur, par H. Grégoire, fasc. 1. Paris, 1922, p. 8.

²⁶ Recherches archéologiques à Eleusis par F. Lenormant. Recueil des inscriptions. Paris, 1862, 379—381.

²⁷ Spätgriechische und Spätlateinische Inschriften aus Bulgarien, S. 123.

²⁸ S. M. K a u f m a n n. Handbuch der altchristlichen Epigraphik. Freiburg, 1917.

Таким образом, казретская надпись и по начертанию букв, и по имеющимся в ней формулам принадлежит к группе тех греческих надписей, которые издателями обычно датируются византийским временем. Такая датировка, однако, слишком неопределенна. Мы полагаем, что ее можно значительно уточнить. Учитывая содержащиеся в надписи формулы, ее можно отнести к V—X вв. По начертанию же букв она аналогична надписям V—VI—VIII вв. (ср. надписи V—VI—VIII вв., найденные в Болгарии). Орнамент (кресты в сводах), который на казретском камне высечен одновременно с надписью, следует датировать, по мнению искусствоведов, VIII—IX вв. (см. стр. 270). Все это позволяет нам отнести казретскую греческую надпись приблизительно к VII—IX вв.

Датировка надписи в пределах трех веков, конечно, недостаточно удовлетворительна. Однако мы предпочитаем осторожность, так как не видим пока возможности еще более сузить хронологические рамки. Методика датировки надписей еще далека от совершенства. В свое время открытая на Боспоре надпись Евпатерия привлекла к себе интерес многих выдающихся ученых. Некоторые из них считали ее надписью VI в., другие — XII в. В конце концов ее сочли памятником VI в. В. Латышев писал по этому поводу: «Хотя форма букв эпиграфических памятников в римские и византийские времена не может служить столь надежным хронологическим указателем, как во времена, предшествующие нашей эре, но тем не менее между характером письма на камнях в VI и XII веках есть большая разница»²⁹.

Такие же затруднения при датировке вызывает начертание букв нашей надписи: сходные формы встречаются в разных веках, но наиболее характерны они для памятников V—VI—VIII вв.

В казретской надписи упомянуты три лица: Симеон и Авлиан, которые за какие-то заслуги в молении за себя и за весь свой дом воздвигли стелу, и Феодор, который, по всей вероятности, сам является автором — создателем этой стелы и дошедшего до нас пьедестала.

Трудно сказать, что именно было сделано Симеоном и Авлианом, но бесспорно одно: Симеон и Авлиан были знатными людьми, они имели какие-то заслуги перед родиной или церковью, сделали определенные затраты (на что, неизвестно), и в память о них (в их молении) была воздвигнута стела. Эти два лица были как-то связаны между собой. Либо они были родственниками, либо их сближало общественное положение (должность?).

Что касается имен Симеона и Феодора, то они ничем не могут помочь в разгадке смысла надписи — эти имена (с их вариантами) были широко распространены среди грузин в средние века. Редкое имя Авлиан заслуживало бы особого внимания, но, к сожалению, пока что в грузинских памятниках не обнаружено другого случая употребления этого имени.

Так же трудно (как и в других аналогичных случаях) сказать что-либо о личности мастера. С некоторой определенностью можно говорить, по нашему мнению, лишь о его этнической принадлежности. Мне кажется бесспорным, что стела была сделана на месте (в Казрети, или Дманиси, или где-то в этом районе). Весьма вероятно поэтому, что скульптором был грузин, местный житель. То обстоятельство, что он пишет по-гречески, а не по-грузински, не противоречит этому предположению: уже вскоре после распространения христианства греческий язык стал для восточных христианских стран международным языком, и в последующие времена здесь отдавалась дань этой традиции.

²⁹ В. Л а т ы ш е в. Этюды по византийской эпиграфике... — ВВ, II, 1895, стр. 167.

Б. Л. ФОНКИЧ

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ПАТРИАРХ ДОСИФЕЙ
И ЕГО РУКОПИСИ В МОСКВЕ¹

Среди греческих рукописей Государственного Исторического музея находится группа манускриптов, присланных в Москву в 1692 г. иерусалимским патриархом Досифеем. При передаче этих рукописей в 1693 г. в Патриаршую библиотеку к верхней крышке переплета каждого кодекса была наклеена полоска бумаги с записью, содержавшей указание на присылку рукописи Досифеем, на количество листов и начало текста. Сохранились на эти записи, Х.-Ф. Маттеи, издавая в 1805 г. каталог греческих рукописей Синодальной библиотеки, перечислил номера семнадцати кодексов Досифея². Однако до нашего времени старый переплет с указанной записью сохранили лишь пять манускриптов: №№ 226, 237, 239, 243, 256³. Поэтому, прежде чем приступить к исследованию рукописей Досифея, попытаемся проверить сведения, сообщаемые Х.-Ф. Маттеи.

Наша задача значительно упрощается благодаря сохранившейся росписи «осмнатцати книгам рукописанным, которые прислал к великим государем к Москве святейший иерусалимский Досифей патриарх, дабы они напечатаны были на еллинском языке»⁴. Роспись была составлена в Посольском приказе при передаче этих рукописей в библиотеку патриарха и содержала те же сведения, что и наклеенные на переплете каждого кодекса записи о количестве листов и начале текста манускриптов.

«1-я книга, в ней листов 157, ей же начало: тии убо, о божественнейший царю». Такое начало (Σὺ μὲν, ὁ Θεϊότατε βασιλεῦ ...) находится в рукописи № 244, состоящей — по нумерации XVI в. — из 157 л.

¹ За постоянную помощь в работе, ценные советы и важные библиографические указания приносим свою глубокую благодарность сотрудникам Отдела Рукописей Гос. Исторического музея (ГИМ) и Центрального Гос. Архива Древних Актов (ЦГАДА), а также Е. Э. Гранстрем (Ленинград) и д-ру Хр. Патринелису (Средневековый Архив Афинской Академии наук, Греция). Ценные данные сообщил нам также покойный проф. Дж. Сулис (Калифорнийский университет, США).

² Chr.-Fr. Matthaei. *Accurata codicum graecorum manuscriptorum bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio*. Lipsiae, 1805: NN 13, 32, 208, 278, 302, 315, 324, 352, 353, 354, 355, 364, 369, 393, 394, 395, 396.

³ Здесь и далее все номера рукописей указаны по каталогу архим. Владимира: Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Сост. архим. Владимир. Часть первая. Рукописи греческие. М., 1894.

⁴ Роспись издана Н. Каптеревым: Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669—1707 гг.). М., 1891, стр. 104. Обнаружив, однако, у Каптерева важную для отождествления рукописей опечатку в месте, заключающем в себе указание на количество листов 13-й книги (307 лл. вместо 207), мы сверили издание с подлинником (ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, 7201 г., дело № 4, лл. 193—194), по которому и приводим текст росписи.

«Во 2-й книге листов 316, ея же начало: воспросим латинов», что соответствует рукописи № 245 (нач.: Ἐρώμεθα τοὺς λατίνους), имеющей 316 лл.

«В 3-й книге листов 160, ея же начало: ныне аз дивлюся любезный». Именно такое количество листов и соответствующее начало (Ὁὐκ ἔγωγε θαυμάζω, φιλότις...) имеет рукопись № 254.

«В 4-й книге листов 102, ея начало: метанию владыко». Начало μετάνοια, δέσποτα... и 102 лл. находим в рукописи № 248.

«В 5-й книге листов 388, в ней же начала и конца нет, обаче тако начинаецца: отпустиша некое искушение чрез послание». Такое же начало ...καθῆκα δέ τινα πείραν δι' ἐπιστολῆς... имеет рукопись № 253, состоящая, однако, из 330 листов по нумерации XVII в.

«В 6-й книге листов 242, ея же начало: еже о св. духе глаголати о Боге есть глаголати». Это — рукопись № 239, сохранившая старый переплет с записью о присылке книги Досифеем.

«В 7-й книге листов 130, ея же начало: речеши ли яко невозможная вещь есть папе не быти православному». Это — рукопись № 243 с сохранившейся записью 1693 г.

«В 8-й книге листов 289, ея же начало: паки лютая и начало злобая змия». Со слов: Πάλιν ὁ θεῖνος καὶ ἀρχέκακος ὄφις... начинается рукопись № 249, содержащая по счету XVII в. 289 листов.

«В 9-й книге листы не описаны, потому что та книга изо всех книг выбрана и часть той книги у архимандрита иерусалимскаго оставлена, ея же начало: благоугоднейшему во Христе отцу». Этой характеристике соответствует рукопись № 250, начинающаяся: Τῷ εὐλαβεστάτῳ ἐν Χριστῷ πατρὶ ... .

«В 10-й книге листов 129, ея же начало: ныне убо Христова церковь». Названное количество листов и начало: Ἄρτι μὲν ἡ τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησία имеет рукопись № 242.

«В 11-й книге листов 457, ея же начало: Леонта философа предисловие», что соответствует началу: Λέοντος φιλοσόφου προοίμιον и нумерации листов рукой XVI в. в рукописи № 441.

«В 12-й книге листов 306, ея же начало: еже о Христе житие растет убо». Это — кодекс № 252 (306 лл., нач.: Ἡ ἐν Χριστῷ ζωὴ φέεται).

«В 13-й книге листов 207, ея же начало: вопрошаеши о списаниях Акиндинова». Это — рукопись № 237, сохранившая на переплете запись 1693 г.

«В 14-й книге листов 209, ея же начало: осмотрился ли в себе быв брате». Указанное число листов и начало: Ἐπεσκέψω κατὰ σεαυτὸν γενόμενος, ἀδελφέ... находятся в рукописи № 238.

«В 15-й книге листов 371, ея же начало: предобрая убо вода оный рече, сия книга есть Мелетиева Пига, бывшего александрийскаго патриарха». Это — имеющая запись 1693 г. рукопись № 256.

«В 16-й книге листов 407, ея же начало: иже в синодике прилежащим проклятием». Со слов: ... τοῖς ἐν τῷ συνοδικῷ ἐγκειμένοις ἀναθεματισμοῖς... начинается кодекс № 240, насчитывающий по нумерации XVII в. 406 лл.

«В 17-й книге листов 550, в которой хотя начала нет, обаче тако начинаецца: имянуемая чиновная сложивши сие есть догматическое всеоружие». Это — рукопись № 226, сохранившая старый переплет с записью 1693 г.

«Осмнатцатая книга есть напечатана Григория Паламы и Георгия Схолария».

Сведем результаты сопоставления рукописей Исторического музея с росписью Посольского приказа в таблицу (см. сл. стр.).

Итак, благодаря приказной росписи, отождествлено 17 рукописей Досифея. Такое же количество манускриптов указывает и Х.-Ф. Маттеи, но с той разницей, что среди присланных иерусалимским патриархом

Роспись Посольского приказа	Рукописи ГИМ	Роспись Посольского приказа	Рукописи ГИМ	Роспись Посольского приказа	Рукописи ГИМ
книга 1	рукопись № 244	книга 7	рукопись № 243	книга 13	рукопись № 237
» 2	» 245	» 8	» 249	» 14	» 238
» 3	» 254	» 9	» 250	» 15	» 256
» 4	» 248	» 10	» 242	» 16	» 240
» 5	» 253	» 11	» 441	» 17	» 226
» 6	» 239	» 12	» 252		

кодексов им не называется рукопись № 249, связываемая нами с именем Досифея; вместо этого манускрипта в каталоге 1805 г. фигурирует рукопись № 336, отсутствующая в нашей таблице.

Действительно, рукопись № 336, «в ней же собрание законов о различных винах в пятидесяти главах», попала в Москву одновременно с названными семнадцатью манускриптами: все эти рукописи привез посланник иерусалимского патриарха, его племянник, архимандрит Хрисанф. Однако мы не находим ее в рассмотренной выше росписи Посольского приказа по той причине, что эта роспись отметила лишь книги, которые — по просьбе Досифея — должны были печататься в русской столице на греческом языке. Рукопись же № 336 не предназначалась для печати; она была прислана в дополнение к одиннадцати печатным греческим и греко-латинским книгам канонического и полемического содержания, привезенным Хрисанфом русским царям и патриарху Адриану ⁵. На основании сделанной рукой Досифея пометы на л. 12 ⁶ Х.-Ф. Маттеи и отнес эту рукопись к числу манускриптов, присланных иерусалимским патриархом.

Что же касается рукописи № 249 (а едва ли можно сомневаться в правильности нашего отождествления: это — единственный кодекс Исторического музея, имеющий указанные в росписи количество листов и начало текста), то следует предположить, что уже в конце XVIII—начале XIX в. она утратила запись 1693 г. Поэтому Х.-Ф. Маттеи и не упомянул ее среди рукописей Досифея.

В процессе составления в Посольском приказе росписи присланных Досифеем книг каждая рукопись была отмечена соответствующим ей в росписи номером ⁷. Номера ставились на первых чистых листах кодексов. До настоящего времени свои номера сохранили лишь девять рукописей:

№ 244 — α'	№ 239 — ζ'	№ 441 — ια'
№ 245 — β'	№ 243 — ζ'	№ 237 — ιγ'
№ 254 — γ'	№ 250 — θ'	№ 226 — ιζ'

Остальные восемь рукописей сейчас этих номеров не имеют, но и приведенные данные подтверждают результаты сопоставления приказной росписи с самими манускриптами ⁸.

⁵ Сведения о привезенных Хрисанфом в 1692 г. одиннадцати печатных книгах и одном рукописном каноническом сборнике находятся в написанном от лица патриарха Адриана предисловии к славянскому переводу сочинений Симеона Солунского, изданном А. Горским и К. Невоструевым в «Описании славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» (Отдел второй. Писания св. отцов. 2. Писания догматические и духовнонравственные. М., 1859, стр. 486—489). Интересно отметить, что текст этого же предисловия был внесен в Москве русским переписчиком на лл. 1об.— 2 присланной Досифеем рукописи № 336.

⁶ См. прим. 11.

⁷ При этом употребляли нумерацию греческими буквами, написанными, как это легко распознать, рукой негрка. Это и служит доказательством того, что номера были поставлены в Посольском приказе, а не до прибытия рукописей в Москву.

⁸ На наличие греческой нумерации в рукописях Досифея обратила наше внимание Е. Э. Гранстрем.

Итак, архимандрит Хрисанф привез в Москву в конце 1692 г. 11 печатных книг и 18 греческих рукописей. Эти последние и являются предметом нашего исследования.

* * *

Все названные рукописи (кроме № 336) представляют собой сборники полемических сочинений против латинян и включают в себя произведения греческой философско-богословской мысли IV—XVI вв. Среди 18 рукописей два кодекса датируются XIV в. (№№ 239, 240), один — XV в. (№ 226), восемь — XVI в. (№№ 242, 243, 244, 245, 248, 249, 252, 441), семь — XVII в. (№№ 237, 238, 250, 253, 254, 256, 336).

Каково происхождение этих манускриптов? Как попали они в руки иерусалимского патриарха?

К сожалению, не все рукописи дают возможность получить определенный ответ на эти вопросы: №№ 239, 248, 253 не имеют никаких помет, которые позволили бы сделать вывод об их происхождении, а относительно кодексов №№ 237, 242, 243, 249, 256 можно лишь предполагать, что они были приобретены Досифеем или Хрисанфом: записи переписчиков (№№ 237, 256) и владельцев (№№ 242, 243, 249) этих рукописей показывают, что в XVI—XVII вв. они находились в пределах европейских владений Турции (Константинополь, Афины, Адрианополь, Фессалоника, Троицкий монастырь на о-ве Халки), где их и могли приобрести Досифей и его племянник во время своих многочисленных поездок по Востоку⁹.

Зато рукописи №№ 226, 240, 254 снабжены пометами, свидетельствующими об их принадлежности Хрисанфу¹⁰, а в № 336 имеется запись, из которой следует, что рукопись изготовлена на средства Досифея¹¹.

Благодаря помете, сделанной Досифеем в рукописи № 441, удается проследить судьбу еще пяти кодексов, присланных иерусалимским патриархом в Россию. На л. 3 об. в № 441 Досифей оставил следующую запись¹²: 'Ελωθέντος τοῦ κατὰ τὴν Κρήτην Χάνδακος παρὰ τοῦ Ἀχμέτ πασᾶ βεζύρη ἐν ἔτει τῷ σωτηρίῳ ὁ μέγας τῆς βασιλείας ἐρμηνεὺς Παναγιώτης ἦκε φέρων καὶ τὴν παρούσαν βιβλίον εἰς Κωνσταντινούπολιν ὃν κοιμηθέντος ἐν τῷ κατὰ Ῥωξολάνων πολέμῳ παρὰ τὸν Δάνουβιν, ἐλάβομεν ἡμεῖς πρὸς τοῖς ἄλλοις καὶ τὸ παρὸν παρὰ τῆς ἐκείνου συζύγου κυρίας Περούζης, καὶ ἀφιερῶσαμεν τῷ ἁγίῳ τάφῳ. Εἶη δὲ ὑπόδικος τῷ ἄλλῳ ἐπιτιμῳ ὁ τοῦτο ὁπωσδήποτε τοῦ ἁγίου τάφου ἀφαιρησόμενος. 1674 ἐν Κωνσταντινουπόλει. Ὁ Ἱεροσολύμων Δοσίθεος ἀποφαίνεται.

⁹ Хронология и география этих поездок, составленная на основании сочинения самого Досифея «Περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων», приводится в кн.: Χ. Α. Παπαδόπουλος. Δοσίθεος πατριάρχης Ἱεροσολύμων (1641—1707), Ἐν Ἱεροσολύμοις, 1907, σελ. 56—59.

¹⁰ № 226, л. 1: Χρυσάνθος ἱεροδιάκονος τῷ παναγίῳ τάφῳ. № 240, л. 2: Διὰ Χρυσάνθου ἱεροδιάκονου κτήμα αἰώνιον τῷ παναγίῳ τάφῳ. № 254, л. 1: Ἐκ τῶν Χρυσάνθου Ἱεροσολύμων βιβλίων (рукой самого Хрисанфа).

¹¹ На верхнем поле л. 12 рукой Досифея написано: Συναγωγὴ νόμων ἐκ διαφόρων νομίμων, ἣν ἐποίησατο ὁ Ἱεροσολύμων πατριάρχης Δοσίθεος κόπῳ, σπουδῇ καὶ δαπάνῃ, καὶ ἀφιέρωσεν εἰς τὸ πανευαγγέλῳ πατριαρχεῖον τῆς βασιλευούσης μεγάλης Μοσχολίας εἰς μνημόσυνον αἰώνιον ἀχρῆς (1687). Ὁ Ἱεροσολύμων Δοσίθεος.

¹² Архимандрит Владимир не раскрыл этой пометы, дав лишь указание на то, что в рукописи имеется собственноручная подпись Досифея (указ. соч., стр. 672). Исследовавший эту рукопись М. А. Шангин (Письма Арефы — новый источник о политических событиях в Византии 931—934 гг. — ВВ, I (XXVI), стр. 235—260; Византийские политические деятели первой половины X в. — «Византийский сборник». М. — Л., 1945, стр. 228—248) также не уделил внимания этой важной для истории кодекса записи.

Из записи выясняется, что великий драгоман Оттоманской империи Панайотис Никузиос¹³ после взятия Крита турками (1669 г.) привез эту рукопись в числе других манускриптов (на что указывают слова: *καὶ τὴν παρῶσαν βιβλίον*) в Константинополь. Досифей, после смерти Панайотиса (последовавшей 2 октября 1673 г.¹⁴), получил эту рукопись вместе с другими кодексами (*πρὸς τοὺς ἄλλοις καὶ τὸ παρὸν*) в 1674 г. от его жены, передав приобретенные рукописи Святогробскому монастырю в Константинополе.

Среди рукописей, вывезенных Панайотисом с Крита, были также, по нашему мнению, попавшие впоследствии к Досифею №№ 244, 245 и 252. К такому заключению приводят следующие соображения. Рукописи №№ 441, 244, 245, 252 являются автографами Максима Маргуния, епископа о-ва Киферы¹⁵. Маргуний, умерший в 1602 г., завещал свои автографы критянину Мануилу Мосхиотису¹⁶, находившемуся последние годы жизни Маргуния вместе с ним в Италии¹⁷. По-видимому, именно через Мосхиотиса автографы Маргуния попали на Крит (три из них имеют пометы критского монастыря св. Антония τοῦ Βροντησίου)¹⁸. В 1669 г. они оказались в Константинополе, откуда, пролежав в библиотеке Святогробского монастыря более 20 лет, были отосланы в столицу Русского государства.

Тем же путем — с Крита в Константинополь, от Панайотиса Никузиоса к Досифею — прошел кодекс № 238. Он писан двумя писцами: первый — лл. 1—138, второй — лл. 140—210. Бумага, использованная первым копиистом, имеет филигрань типа Briguet¹⁹ № 737 (1598 г.). Водяные знаки бумаги второй части рукописи («агнец» и «патриарх») хотя и не поддаются точной идентификации с вариантами, приводимыми Брике, однако датируются — как и все филигранные подобного типа — концом XVI в. Почерк позволяет датировать кодекс началом XVII в. Обращает на себя внимание состав сборника. Его первая часть (лл. 1—138) содержит сочинения эпохи исихастских споров XIV в., в точности повторяя как порядок статей, так и все особенности текста лл. 260—306 рукописи № 252. Вторая часть представляет нам три сочинения: одно — Максима Маргуния и два — Мануила Мосхиотиса. Любопытное совпадение! Первый писец имеет непосредственное отношение к автографу Маргуния (рукописи № 252), второй проявляет интерес к сочинениям этого греческого ученого, а также к посланиям и трактатам его друга и тоже имеет отношение к автографам Маргуния: на последних лл. рукописи № 252 и на л. 146 об. рукописи № 441 его рукой сделано несколько помет. При этом оба переписчика, судя по их почерку и бумаге, — современники.

¹³ Литературу о нем указывает Э. Лерран (E. L e g r a n d. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au XVIIe siècle, t. V. Paris, 1903, p. 426—427).

¹⁴ К. Σάθας, Νεοελληνική Φιλολογία, Βιογραφία τῶν ἐν τοῖς γράμμασι διαλαμπάντων ἐλλήνων, ἀπὸ τῆς καταλόσεως τῆς βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας μέχρι τῆς ἐλληνικῆς ἐθνεγερσίας (1453—1821). Ἐν Ἀθῆναις, 1868, σελ. 332.

¹⁵ См. нашу работу «Греческие писцы эпохи Возрождения». — ВВ, XXVI, стр. 269—271.

¹⁶ E. L e g r a n d. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs aux XVe et XVIe siècles, t. II. Paris, 1885, p. 392.

¹⁷ Этот факт мы устанавливаем путем сравнения следующих данных. Маргуний некоторые свои письма 1601 г. помечает: Ἐκ Μουσουλέντου (P. K. E n e r e k i d e s. Maximos Margunios an deutsche und italienische Humanisten. — JÖBG, X, 1961, S. 128—129). В том же году Мануил Мосхиотис пишет из Муссоленте, небольшого итальянского города провинции Виченца, свое послание Гавриилу Северу (копия этого послания находится в рукописи ГИМ № 238: см. архим. Владмир. Указ. соч., стр. 310).

¹⁸ № 244, л. 1: ἐκ τῶν τῆς μονῆς τοῦ Βροντησίου. № 245, л. 2: βιβλίον τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου Ἀντωνίου τοῦ Βροντησίου. № 252, л. 2: τὸ παρὸν ἐστὶ τῆς μονῆς τοῦ Βροντησίου. Все эти пометы сделаны рукой XVII в.

¹⁹ C. M. B r i q u e t. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier, 2ème éd. Leipzig, 1923.

Кто же эти писцы, имевшие в нач. XVII в. доступ к находившимся в этот момент на Крите автографам Маргуния? Не является ли второй писец рукописи № 238 Мануилом Мосхиотисом, получившим эти автографы в 1602 г.? Палеографические данные этому не противоречат, а факт совместного существования на каком-то отрезке времени в нач. XVII столетия рукописей №№ 238, 252, 441 и интерес писцов кодекса № 238 к сочинениям Маргуния свидетельствуют в пользу нашего предположения. Если эта гипотеза верна, тогда также верна и мысль о том, что рукопись № 238 попала вместе с автографами Маргуния через Панайтотиса Никузиоса к Досифею. Итак, из общего количества (18) рукописей мы с большей или меньшей долей вероятности выяснили судьбы 14 манускриптов: все они являются частью большой коллекции греческих рукописей, собранной иерусалимским патриархом и его племянником на протяжении второй половины XVII в. и хранившейся в библиотеке Свтогробского подворья в Константинополе ²⁰.

Однако остался без анализа еще один кодекс — № 250, к исследованию которого мы и переходим.

Рукопись не имеет помет, содержащих указание на место или время ее написания. Обращает на себя внимание наличие большого количества записей и исправлений текста, сделанных Досифеем и — в значительно меньшей степени — Хрисанфом. Этот факт, а также отсутствие подобных записей и исправлений в остальных семнадцати рукописях, за исключением небольшой правки текста в № 240 и помет в №№ 254 и 336, наводит на мысль о том, что названные лица проявляли большой интерес к рукописи № 250. Попытаемся выяснить причину такой заинтересованности:

Кодекс № 250 — сборник полемических сочинений против латинян. Он состоит из 635 лл. размером 320 × 220 мм. Его текст написан тремя писцами XVII в. ²¹ Основную часть работы выполнил первый копиист, написавший более 500 листов ²². Вторым писцом переписано лишь ок. 70 листов ²³. Третий писец написал еще меньше, всего ок. 40 листов ²⁴, но на него была также возложена задача корректора выполненной работы: им просмотрен и исправлен текст почти всей рукописи.

Изучение других рукописей XVII в., присланных Досифеем в Москву, дало возможность обнаружить полнейшее тождество почерков второго и третьего копиистов № 250 с почерками первого и третьего писцов рукописи № 336 ²⁵. Но уже приводившаяся нами помета, сделанная рукой Досифея в рукописи № 336 и свидетельствующая о том, что этот кодекс

²⁰ Многочисленные рукописи с пометами о принадлежности их Досифею и Хрисанфу или являющиеся их автографами (мы не указываем те рукописи, которые были приобретены Хрисанфом и вложены им в Свтогробский монастырь после 1707 г., когда он стал иерусалимским патриархом) описаны в кн.: Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη ἤτοι κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ ἀγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων ἐλληνικῶν κωδίκων. Ἐν Πετροῦπόλει; т. I, 1891, №№ 5, 27, 94, 150, 157, 222; т. II, 1894, №№ 504; т. III, 1897, № 50; т. IV, 1899, №№ 20, 31, 34, 35, 43, 44, 51, 80, 94, 121, 124, 174, 177, 193, 196, 198, 200, 202, 205, 216, 248, 249, 254, 260, 261, 271, 276, 317, 326, 328, 332, 334, 337, 343, 352, 357, 402, 416, 423; т. V, 1915, №№ 451, 457, 473, 527, 531, 535, 540, 553, 570, 615, 621, 622, 638, 641, 643, 645, 664, 668, 671, 692, 771, 775, 787.

²¹ Чистыми остались лл. 1—9, 89, 189, 200 об. — 201 об., 210—211 об., 260 об. — 261 об., 486, 509—510 об., 541.

²² Лл. 10—81 об., 82—87 об., 90—187 об., 212—470 об., 552—571 об., 573—577, 581—618, 622—634 об.

²³ Лл. 81 об. — 82, 88—88 об., 190—200, 202—209 об., 471—484 об., 487—508, 511—525 об., 635—635 об.

²⁴ Лл. 484 об. — 485 об., 526—540, 542—551 об., 577 об. — 579 об., 618 об. — 621.

²⁵ В № 336 работа писцов распределилась следующим образом: 1-й писец — лл. 12—80 об., 2-й — лл. 80 об. — 91 об., 3-й — лл. 93—117.

переписан на средства иерусалимского патриарха, заставляет предполагать то же самое и относительно рукописи № 250.

О тесной связи Досифея и переписчиков рукописей №№ 250 и 336 свидетельствуют также факты, полученные нами при изучении греческих грамот Исторического музея. Оказалось, что третьим писцом рукописи № 250 писаны в 1693 г. два письма Досифея русскому патриарху Адриану²⁶, а вторым писцом рукописи № 336 писаны в 1689—1691 гг. грамоты с текстами постановлений, в издании которых принимал участие иерусалимский патриарх²⁷.

Два рассмотренных манускрипта и шесть греческих грамот представили нам образцы письма четырех переписчиков, работавших по заказу Досифея. Анализ их почерка приводит к заключению, что все они принадлежали к одному и тому же скрипторию²⁸. Где же находилась эта мастерская письма, услугами которой пользовался патриарх? Ответ на этот вопрос дают сами рукописи Досифея.

В рукописи № 240 на л. 2 имеется помета о вкладе Хрисанфом манускрипта в Святогробский монастырь²⁹. Помета сделана, очевидно, рукой библиотекаря этого монастыря. Почерк святогробского библиотекаря почти не отличается от почерка первого писца рукописи № 250³⁰. Это совпадение и дает нам возможность предположить, что указанный скрипторий находился в Святогробском монастыре в Константинополе³¹. Но именно с этим монастырем, архимандритом которого долгие годы был Хрисанф (прошедший — о чем свидетельствует его почерк — обучение каллиграфии, по-видимому, также в этом монастыре), Досифея связывали необычайно тесные узы: здесь была его константинопольская резиденция, здесь же, в монастырской библиотеке, хранились собранные самим патриархом и его племянником на Ближнем Востоке многочисленные манускрипты. Все это делало естественным обращение Досифея к услугам копиистов святогробской обители. Факты работы монастырских переписчиков по заказу Досифея и выявило изучение почерков кодексов и грамот Исторического музея.

Итак, рукописи Досифея позволили установить место написания полемического свода № 250. Эти же рукописи дают возможность сделать еще одно интересное наблюдение: выявить протографы исследуемого здесь кодекса и — что особенно важно — определить роль самого Досифея в отборе, проверке и редактировании переписанного святогробскими копиистами текста.

В росписи привезенных Хрисанфом книг, составленной в Посольском приказе, при характеристике девятой книги (отождествленной нами с

²⁶ Архим. В л а д и м и р. Указ. соч., стр. 738: №№ 549, 550².

²⁷ Там же, стр. 736—737: №№ 541, 542, 543, 545.

²⁸ Мы не ставим здесь своей задачей описание графических приемов и особенностей этой мастерской письма.

²⁹ См. прим. 10.

³⁰ К сожалению, краткой пометы святогробского библиотекаря в рукописи № 240 недостаточно для решительного отождествления его с первым писцом рукописи № 250, хотя почерк того и другого позволяет выдвинуть такое предположение.

³¹ Именно в Константинополе вторым писцом рукописи № 336 были написаны в 1689—1691 гг. пять грамот за подписью константинопольского патриарха Каллиника, иерусалимского патриарха Досифея и других иерархов (Архим. В л а д и м и р. Указ. соч., стр. 736—737; №№ 541—545). На Константинополь как на место написания кодекса № 250 указывает и бумага этой рукописи (филигрань типа: Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, ч. I—III, № 3539 с разнообразными контрамарками): на такой же бумаге написаны в Константинополе рукопись № 243, принадлежавшая современнику Досифея константинопольскому патриарху Дионисию, а также посланная из Константинополя в Москву русским послом Емельяном Украинцевым грамота о заключении мира с турками (ГИМ Синод. грам. 1157, 1700 г.; сообщила Т. В. Дианова).

№ 250) обращают на себя внимание следующие слова: «В 9-й книге листы не описаны, потому что та книга из всех книг выбрана...» Эта фраза, а также наличие в рукописи № 250 многих сочинений, имеющих в других рукописях Досифея, заставили искать протографы свода № 250 среди манускриптов, присланных в Москву.

Особенно близкой по содержанию к нашему кодексу оказалась рукопись № 240. Она имеет двойную нумерацию листов — XVII и XIX вв. В процессе изучения рукописей Досифея удалось подметить, что против большинства заглавий переписанных в № 250 трактатов проставлены цифры, совпадающие с номерами XVII в. тех листов рукописи № 240, где находятся соответствующие сочинения, скопированные святогробскими писцами. Это наблюдение позволило предположить, что значительная часть кодекса № 240 явилась оригиналом для № 250. В процессе колляции двух манускриптов это предположение было подтверждено как фактом полной адекватности текста той и другой рукописи, так и совершенно точным воспроизведением в № 250 всех маргинальных помет, сколий, знаков, встречающихся в рукописи № 240. Перечислим номера тех листов № 250, текст которых переписан с рукописи № 240, а также номера соответствующих листов их протографа.

№ 250	№ 240 *	№ 250	№ 240 *
лл. 51—52 об.	лл. 74—76	лл. 323 об. — 335 об.	лл. 51 об. — 62 об.
» 53—75	» 30 об. — 51 об.	» 336—356	» 94 об. — 115
» 75—87 об.	» 62 об. — 73 об.	» 356—371	» 137 об. — 149 об.
» 90 об. — 95 об.	» 89—94 об.	» 371 об. — 391 об.	» 172 об. — 187
» 96—107 об.	» 129—137 об.	» 391 об. — 418 об.	» 221 об. — 247 об.
» 107 об. — 138 об.	» 149 об. — 172 об.	» 419 — 432	» 267—279 об.
» 138 об. — 167 об.	» 193 — 221 об.	» 432 об. — 446 об.	» 286—297 об.
» 168—181	» 252 — 287	» 446 об. — 451 об.	» 187 об. — 193
» 181 об. — 188	» 279 об. — 286	» 452—460 об.	» 115—124
» 301 — 312 об.	» 19 об. — 30 об.	» 471—484 об.	» 2—19 об.
» 312 об. — 320	» 247 об. — 252	» 622—635	» 76—89
» 320 об. — 322 об.	» 298—301		

* Здесь указаны номера листов этой рукописи по фоллиации XIX в.

Таким образом, из рукописи № 240 переписан текст, занимающий в № 250 несколько более 300 листов.

Дальнейшее сопоставление между собой рукописей Досифея выявило оригиналы еще нескольких текстов, скопированных в № 250.

Так, находящееся в этом своде на л. 190 сочинение имеет заглавие: Ἀδῆλον περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου πνεύματος, ζῆται δὲ τὰ πρῶτα δύο κεφάλαια. Этот же трактат, с тем же самым заглавием, расположен в сборнике XVI в. — № 244, принадлежавшем Максиму Маргунию и переписанном в значительной степени его рукой. Однако лл. 149—157 об. (по нумерации Маргуния), на которых читается интересующий нас текст, переписаны другим писцом, Маргунию же принадлежит лишь заглавие. Не зная автора находящегося на этих листах сочинения, Маргуний дал ему заглавие: Ἀδῆλον περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου πνεύματος, а так как текст трактата начинается с третьей главы, то епископ Киферы пометил для себя: ζῆται δὲ τὰ πρῶτα δύο κεφάλαια. Писец кодекса № 250, автомагически копируя текст лежащего перед ним оригинала, принял написанную не на полях, а прямо под заглавием помету Маргуния за составную часть названия этого богословского произведения и в точности переписал ее.

Трактат «Неизвестного автора об исхождении св. духа» в сборнике Маргуния не имеет конца; он обрывается на л. 157 об. на словах: τῆς αὐτῆς ἐνεργείας τῷ πατρὶ καὶ τῷ υἱῷ ὁμοίον τὸν... На этом же месте текст трактата обрывается и в № 250 (л. 197).

Колляция текста обеих рукописей окончательно уничтожает всякие сомнения в том, что протографом переписанного в № 250 на лл. 190—197 сочинения служили лл. 149—157 об. кодекса № 244.

Установив этот факт, можно было предположить, что писцы свода № 250 еще раз воспользуются рукописью № 244. Так оно и оказалось. Причем опять помогли сами сборники Маргуния. Этот греческий ученый, переписывая интересовавшие его богословские сочинения, обычно отмечал все особенности копируемого им оригинала: пометы и схолии на полях, неразборчиво написанные или стершиеся от времени слова, обрыв текста и проч. Зная это, легко было, встретив в рукописи № 250 на л. 209 об. слова: ἔλειπεν τὸ ἐξῆς (служащие пояснением обрывающегося в месте: ἐαυτοῦς ἀπελαύουσιν· εἰ текста), установить, что здесь писец кодекса № 250 имел перед собой ту же рукопись № 244, где на л. 108 Маргуний записью: ἔλειπεν τὸ ἐξῆς ἐκ τοῦ ἀντιβόλου, расположенной на поле против слов: ἐαυτοῦς ἀπελαύουσιν· εἰ, указал начало лакуны в тексте своего протографа.

Итак, с лл. 107—108 рукописи № 244 переписан текст л. 209 рукописи № 250. В этом месте находится небольшая часть сочинения Фотия «Περὶ τῆς τοῦ ἁγίου πνεύματος μυσταγωγίας».

Колляцией текстов в сочетании с только что описанными приемами удалось далее установить, что в кодексе № 250:

лл. 197 об.—200 являются копией лл. 147—161 об. рукописи № 245,
» 287—300 об. являются копией лл. 1—28 рукописи № 242,
» 487—505 » » » » 226—247 рукописи № 252,
» 505—508 » » » » 255—259 об. рукописи № 252,
» 511—525 об. » » » » 29—79 об. рукописи № 244,
» 577 об.—579 об. » » » » 268 об.—271 об. рукописи № 245,
» 592 об.—594 об. » » » » 79—80 об. рукописи № 245,
» 595—618 » » » » 103—126 рукописи № 245.

Для сочинений, расположенных в № 250 на лл. 10—50 об., 212—260, 262—286 об., 323, 461—470 об., 484 об.—485 об., 526—551 об., 552, 552 об.—577, 580—592, 618 об.—621, протографы не определены: среди присланных Досифеем рукописей их нет. Эти части нашего свода могли быть списаны с рукописей, хранившихся в константинопольском Святогробском монастыре; описанные А. И. Пападопуло-Керамевсом греческие рукописи этого монастыря содержат многие произведения, вошедшие в состав кодекса № 250, однако окончательное заключение о том, были ли именно эти манускрипты протографами досифеевского свода или нет, делать рискованно: для таких выводов необходимо сличение текста свода непосредственно с рукописями Святогробской библиотеки, богатства которой в настоящее время являются, к сожалению, совершенно недоступными для исследователей³²⁻³³.

Определив для большей части текста рукописи № 250 протографы, присланные Досифеем в Москву вместе с исследуемым здесь манускриптом, мы получили возможность проанализировать работу писцов, трудившихся над копированием кодекса № 250, и установить степень участия иерусалимского патриарха в создании этого полемического свода.

Уже при сопоставлении тех частей рукописи № 250, которые были переписаны с № 240, можно было заметить, что первый писец (а именно,

³²⁻³³ M. R i c h a r d. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. 2ème édition. Paris, 1958, p. 114.

его рукой, за исключением лл. 471—484 об., сделана эта доля работы) копирует текст кодекса № 240 не подряд, а в каком-то определенном порядке, помещая иногда рядом сочинение, списанное почти из конца протографа, с трактатом, входящим в его начало, часто пропуская значительное количество листов, заключающих в себе одно или несколько целых произведений, с тем, однако, чтобы обязательно вернуться потом к пропущенному месту и переписать его. Чем же вызваны эти перестановки?

Порядок следования сочинений в рукописи № 250 (несмотря на бросающуюся в глаза незавершенность работы над всем сборником) убеждает нас в том, что Досифей, редактор этого свода (в пользу чего говорит как установление факта работы писцов *по заказу* патриарха, так и правка его рукой текста рукописи), предполагал поместить в начале манускрипта произведения греческой антилатинской литературы, трактовавшие вопрос об исхождении св. духа, расположив вслед за ними сочинения об опресноках. В угоду своему замыслу он, очевидно, и дал задание первому писцу скопировать текст рукописи № 240 в указанном порядке. Вот почему писец, переписывая, например, сочинения философа XI — нач. XII в. Евстратия Никейского, находящиеся в рукописи № 240 на лл. 129—172 об., списал первоначально текст лл. 129—137 об. и 149—172 об., где содержится полемика Евстратия на тему об исхождении св. духа, и вернулся к тексту на лл. 137об.—149 (сочинения Евстратия об опресноках) только после того, как скопировал более двадцати трактатов других авторов. Так же этот переписчик поступает и по отношению к сочинениям многих других писателей.

Однако первый писец соблюдал указанный порядок копирования текста лишь тогда, когда оригиналом изготовлявшейся им копии был кодекс № 240. Переписывая же текст другой, неизвестной нам рукописи (или рукописей)³⁴, он писал подряд все сочинения, порядок которых был изменен потом, по-видимому, самим Досифеем. Приведем примеры.

Закончив на л. 50 об. переписывание трактата об исхождении св. духа, принадлежащего полемисту XV в. Ангелу Григорию, писец в нижнем правом углу листа поставил слова: *περὶ τῶν θείων* — кустод, т. е. первые слова текста, который должен находиться на следующем листе. Однако мы находим этот текст не на л. 51, а только на л. 461, где тем же переписчиком скопировано произведение Ангела Григория «*Περὶ τῶν θείων μυστηρίων, καὶ ὅτι οὐ δι' ἄζῳρον τὸ μυστήριον ἐποίησεν ὁ Χριστὸς καὶ οἱ αὐτοῦ μαθηταί, ἀλλὰ δι' ἐνζῳρον*». Сюда его поместил, очевидно, Досифей.

На л. 300 об. в нижнем правом углу тот же первый писец поставил: *ἀμαρτωλὸς Νεῖλος τῷ*, однако сочинение с таким началом находится не на 301 листе, а на л. 10: *Ἀμαρτωλὸς Νεῖλος τῷ ἀπὸ Γραϊκῶν Ἰταλῶ κυρῷ Μαξιμῷ*, переместившееся сюда по замыслу иерусалимского патриарха.

Все же обращает на себя внимание тот факт, что и в этих случаях писец переписывает, например, трактат Ангела Григория «*Περὶ τῶν θείων μυστηρίων*» не сразу вслед за только что скопированным сочинением того же автора, хотя имеет достаточно места для того, чтобы начать здесь же другое произведение (л. 50 об. покрыт текстом лишь на одну треть), а на новом листе. В этом можно видеть влияние заранее известного писцу желания Досифея впоследствии разделить переписанные сочинения по темам: «Об исхождении св. духа» и «Об опресноках». Если же это так, то полученные наблюдения позволяют усмотреть в описанных фактах две стадии работы редактора и переписчика над текстами протографов, копируемых для нового полемического свода: 1. Протограф — неизвестная

³⁴ В № 250 — лл. 10—50 об., 212—260, 262—286 об. и т. д.

рукопись (рукописи). Досифей уведомляет писца о своем замысле сгруппировать все переписанные сочинения в указанном порядке, для чего писец на отдельных листах начинает сочинения одного и того же автора, но посвященные двум разным вопросам полемики. 2. Протограф — рукопись № 240. Редактор решает указать писцу тот порядок трактатов, в котором они будут расположены в новом сборнике, и копиист выполняет работу в точном соответствии с полученными указаниями. По-видимому, именно на этой стадии были привлечены к переписыванию текстов — правда, с других оригиналов — второй и третий писцы.

Разумеется, все эти соображения чрезвычайно гипотетичны, хотя и основаны на наблюдении особенностей кодекса № 250 в сравнении с имеющимся в нашем распоряжении рукописным материалом.

Сравнительное изучение оригиналов (рукописи №№ 240, 242, 244, 245, 252) и их копии (№ 250) также показало, что Досифей дал для работы писцам рукописи *без предварительного внимательного изучения их содержания и особенностей*. Добросовестные скрипторы переписали в указанном им порядке произведения греческой полемической литературы, одновременно тщательно скопировав все схолии и пометы на полях, частично оказавшиеся — как мы в этом вскоре убедимся — ненужными и даже, по мнению Досифея, вредными для читателей и удаленные патриархом в процессе редактирования свода. Так как определенные нами протографы принадлежали самому Досифею, он мог бы проделать работу по предварительному «улучшению» их текста прежде, чем они попали в руки копиистов. Досифей уже было приступил к препарированию текста протографов (свидетельством чего являются пометы и незначительная правка текста рукописи № 240), однако, по-видимому, решив, что гораздо легче и быстрее эту работу можно будет провести в манускрипте, писанном почерком своих переписчиков, оставил исправление отобранных оригиналов и, раздав их писцам Святогробской обители, ограничился лишь самыми общими указаниями относительно порядка расположения сочинений в будущем своде.

Получив от копиистов готовую рукопись, Досифей внимательно просмотрел большую часть ее, выявив и исправив значительное количество ошибок писцов (лл. 51—56 об., 59, 60 об., 62—64, 76—82, 91—95 об., 110 об., 301—310, 317 об.—318 об., 544 об., 577 об.—579). Однако этим патриарх не ограничился. Им было проведено редактирование почти всего текста нового полемического свода: устранены некоторые места из переписанных сочинений, прокомментированы пассажи, которые могли вызвать вопросы читателя, изменены заглавия некоторых трактатов.

Начнем с заглавий. Лист 10. Сюда, как было показано выше, по замыслу Досифея было помещено послание Нила Максиму. Но редактора не удовлетворило заглавие: Ἀμαρτωλὸς Νεῖλος τῷ ἀπὸ Γραικῶν Ἰταλῷ κυρῷ Μαξίμῳ, и он написал на верхнем поле листа: Κύρ Νεῖλου ἱερομονάχου καὶ πνευματικοῦ πατρὸς, τοῦ ἐπιλεγομένου Νταμυλᾶ, τοῦ Κρητὸς, τοῦ ἐν τῇ Ἱερᾷ Πέτρᾳ ἐν τῇ μονῇ τῶν Καρχασιῶν, ἐτῆ ἀπὸ Χριστοῦ αὐ'. Эта приписка Досифея представляла читателю автора, сочинением которого открывался текст кодекса³⁵.

³⁵ Над пометой Досифея Хрисанф сделал интереснейшую запись: Οὕτως εὑρήται καὶ ἐν τῇ βασιλευούσῃ Μ. ὡστε ἀληθὴς ἡ ἐπιγραφή καὶ βεβαία. Она указывает на то, что иерусалимский патриарх не сам придумал заглавие к сочинениям Нила Дамиласа, а взял его из какой-то рукописи. Можно думать, что написанные Досифеем над введенным выше заглавием слова: ἐξ ἀντιγράφου ἀρχαίου ἐστὶν и являются обозначением этой рукописи. Быть может, с этого же «древнего кодекса» была переписана хранящаяся ныне в Публичной библиотеке в Ленинграде греческая рукопись СПб. Дух. Акад. БИ 5, имеющая точно такое же (с одним лишь разночтением) заглавие, как и ἀντίγραφον ἀρχαίου Досифея: Κύρ Νεῖλου ἱερομονάχου καὶ πνευματικοῦ πατρὸς τοῦ ἐπιλεγομένου Νταμυλᾶ τοῦ Κρητικοῦ τοῦ ἐν τῇ Ἱερᾷ Πέτρᾳ ἐν τῇ μονῇ τῶν Καρχασιῶν.

Интересна запись Хрисанфа и в другом отношении. Какое слово может быть сокраще-

Лист 212. Переписчик скопировал текст сочинения Варлаама Калабрийского, имевшего в оригинале следующее заглавие: Βαρλαάμ μοναχὸς καὶ φιλοσόφου λόγος κατὰ τῶν, ἐξ ὧν καὶ αὐτὸς εἶλκε τὸ γένος, δυτικῶν Ἰταλῶν, περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου πνεύματος, συντεθεὶς ὡς ἐχρῆν ἐκεῖνον πρὸ τοῦ πολλαῖς καὶ ἀτόποις αἰρέσεσιν ἐμπεσεῖν, ὡς μὴ ὄφειλε καὶ αὐτῆς ὑποστρέφαι δίκην κενῆς πρὸς τὸν ἴδιον ἔμετον, τὴν λατινικὴν φημι δόξαν. Досифей оставил от заглавия лишь первую часть (до слова: συντεθείς), зачеркнув всю его вторую половину.

Лист 471. Здесь начинается текст, скопированный писцом с рукописи № 240, лл. 2 слл. В оригинале сочинение носит заглавие: Μάρκου τοῦ Ἐφέσου διάλεξις κατὰ τῶν πρέσβειων τοῦ πάπα, причем слово Μάρκου зачеркнуто черными чернилами. Очевидно, это сделал Досифей, оставивший в копии данного произведения — на л. 471 рукописи № 250 — следующую запись: Δοσίθεος Ἱερασολ[ύμων]. Τὸ σύγγραμμα τοῦτο δοκεῖ εἶναι Ἐφέσου μητροπολίτου τινος, οὗ τοῦ Μάρκου ἐκεῖνος γὰρ ἦν ἐπὶ τῶν ὑστάτων Παλαιολόγων βασιλείων, οὗτος δ' ἦν ἐπὶ τοῦ Λασκάρεως, πολλῶν ἐτῶν χρήματι πρότερον.

В тексте рукописи имеется значительное количество мест, которые иерусалимский патриарх счел необходимым устранить. Приведем несколько примеров.

Лист 51. Просматривая приписывающийся Фотию трактат «Πρὸς τοὺς λέγοντας ὡς ἡ Ῥώμη πρῶτος θρόνος»³⁶, Досифей зачеркнул следующий абзац: Ἐτι εἰ διὰ τὸν Κορυφαῖον Πέτρον ἡ Ῥώμη ζητεῖ τὸ πρωτεύειν, δι' Ἀνδρέαν τὸν Πρωτόκλητον, καὶ γενέσει πρότερον ἀδελφόν, τὸ Βυζάντιον πρῶτον. Οὐκ ὀλίγοις γὰρ ἔτεσι τοῦ Βυζαντίου τὴν ἐπισκοπὴν ἔφθασε προλαβών, πρὶν τὴν τὸν ἀδελφὸν Ῥωμαίων μετὰ τὴν Ἀντιόχειαν ἐπισκοπεῖσαι³⁷, написал на поле: μάταιον.

Лист 96. Копируя текст сочинения об исхождении св. духа Евстратия Никейского, писец переписал из своего протографа, рукописи № 240, и характеристику автора, содержащую указание на неверное истолкование Евстратием некоторых догматических вопросов³⁸. Досифей зачеркнул эту характеристику.

Лист 154. Из сочинения Никиты Сеида, византийского полемиста нач. XII в., Досифей изъясил 20 строк текста, начинающегося словами: καλὴ μὲν γὰρ καὶ ἡ Ῥώμη καὶ περιφανὴς καὶ περιβλεπτός, указав на полях на необходимость устранения этого места как явной клеветы.

Лл. 314об.—315. Здесь находится связывавшийся с именем Фотия трактат «Ποσάνις οἱ Ῥωμαῖοι ἀπεσχίσθησαν καὶ ἐπὶ ποίῳν καιρῶν καὶ διὰ

но заглавной буквой М в сочетании «ἐν τῇ βασιλευούσῃ Μ.»? Архим. Владимир (указ. соч., стр. 335) расшифровывает сокращение, как «ἐν τῇ βασιλευούσῃ μεγάλου πόλεως», что представляется нам совершенно неверным. В обширной переписке Досифея и Хрисанфа с русским правительством с причастием «царствующая» (а здесь именно женский род) обычно фигурирует слово «Москва». Поэтому данную запись Хрисанфа нужно, по нашему мнению, читать: Οὕτως εὔρηται καὶ ἐν τῇ βασιλευούσῃ Μοσχοβία... Если это так, то мы получаем здесь важное сведение об имевшейся в конце XVII в. в Москве греческой рукописи, содержавшей сочинения Нила Дамиласа. Не был ли этой рукописью ленинградский манускрипт СПб. Дух. Ар. В II 5? К сожалению, его происхождение неизвестно.

Помета Хрисанфа — если опять-таки мы верно читаем сокращенное слово — интересна еще и тем, что, судя по ее содержанию, она сделана иерусалимским архимандритом в Москве. Следовательно, Хрисанф, находясь в русской столице с поручением хлопотать о помощи «святым местам» и заботиться о подготовке к печати присланных Досифею рукописей, просматривал привезенные с собой кодексы.

³⁶ Н. - G. В е с k. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 522.

³⁷ Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἁγίων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων, καὶ τῶν ἱερῶν οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν συνόδων, καὶ τῶν κατὰ μέρος ἁγίων πατέρων, ἐκδοθέν... ὑπὸ Γ. ῬΑ. Ῥάλλη καὶ Μ. Πότλη, τ. IV, Ἀθήνησι, 1854, σελ. 410.

³⁸ Ф. У с п е н с к и й. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891, стр. 191—198.

ποιας ὑποθέσεις». Весь текст перечеркнут рукой Досифея, и на нижнем поле л. 314 об. написано: *παλιστὶκόν* ³⁹.

Подобного же рода исправлениям Досифей подверг и многие другие места свода (лл. 51 об., 56, 56 об., 58, 58 об., 406 об.—407, 592 об.). Кроме того, им были отчасти объяснены встречающиеся в тексте имена и написаны схождения к некоторым местам сочинений Марка Эфесского.

Таков характер исправлений и изменений, внесенных Досифеем в полемический свод № 250. Редакторская правка этой рукописи, выявляя желание иерусалимского патриарха дать свободный от ошибок писцов и доступный читателю текст многочисленных произведений греческой богословской мысли, вместе с тем свидетельствует о стремлении Досифея устранить из переписанных сочинений те места, которые могли бы предоставить латинянам возможность, опираясь на имевшиеся в некоторых греческих трактатах положительные характеристики отдельных сторон католического вероисповедания, оказать противодействие православным ортодоксам. По-видимому, такое отношение Досифея к тексту кодекса № 250 не случайно, но раскрыть его смысл можно было бы лишь в том случае, если бы удалось определить дату составления этого свода и установить время работы иерусалимского патриарха над вошедшими в его состав произведениями.

К счастью, датировка в данном случае как раз и не представляет больших трудностей. *Terminus ante quem* — август 1692 г., время отправления в Москву архимандрита Хрисанфа, привезшего с собой исследуемые здесь рукописи ⁴⁰. *Terminus post quem* помогает определить приведенная выше помета Досифея о приобретении им в 1674 г. рукописей, явившихся протографами нескольких переписанных в № 250 сочинений. Следовательно, после 1674 г. была скопирована часть текстов, оригиналами которых служили рукописи №№ 244, 245, 252. Но поскольку над изготовлением кодекса № 250 трудились писцы одной обители, работавшие под руководством Досифея, постольку естественно допустить, что писцы работали одновременно, и, таким образом, начало создания нашего полемического свода следует относить ко времени после 1674 г.

Итак, 1674—1692 гг. — хронологические рамки написания манускрипта № 250 и работы Досифея над просмотром и редактированием его текста.

Чем же было вызвано появление именно в эти годы огромного сборника греческих полемических сочинений, направленных *против католиков*? Почему инициатором создания этого сборника явился иерусалимский патриарх Досифей?

Указанное нами двадцатилетие было особенно напряженным в жизни иерусалимского патриархата: православному населению Палестины, входившей в состав Османской империи, пришлось столкнуться с проникшими сюда французскими католическими миссионерами. Активная дипломатия Франции эпохи Людовика XIV, не ограничиваясь стремлением к установлению супрематии на Европейском континенте, развернула свою деятельность и на Ближнем Востоке. Опорным пунктом своего влияния на местное население французы предполагали сделать «святые места» в Иерусалиме, бывшие местом поклонения всего православного мира.

Настойчивые попытки обосноваться в Иерусалиме католики предприняли еще задолго до Досифея. Внимательно наблюдая за внешней поли-

³⁹ А. П а в л о в. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 66.

⁴⁰ Августом 1692 г. датированы посланные с Хрисанфом грамоты иерусалимского патриарха русским царям и московскому патриарху Адриану (Н. К а п т е р е в. Указ. соч., Приложения, стр. 9, 72).

тикой Турции, они использовали все ее неудачи и, предлагая помощь Франции в борьбе Порты с европейскими державами, выдвигали взамен, помимо прочих условий, требование передачи французским католикам «святых мест». Досифей, занявший иерусалимскую патриаршую кафедру в 1669 г., сразу же вынужден был продолжить традиции своих предшественников в деле сопротивления планам латинян. Борьба Досифея с французами за «святые места» не прекращалась все 38 лет его правления патриархией. Почти сорокалетний период антикатолической деятельности этого патриарха можно разделить на два этапа.

Первый этап — 1669—1689 гг. За это время французы предприняли четыре попытки захватить православные святыни в Иерусалиме. Три схватки латинян с патриархом (в 1669, 1673—1675, 1683 гг.) закончились в пользу последнего. Причину этих удач Досифея следует усматривать в относительно успешной внешней политике турецкого правительства, когда оно еще могло отказываться от посредничества Франции в своих взаимоотношениях с европейскими государствами. Потерпев, однако, в сентябре 1683 г. страшное поражение под Веной и оказавшись в 1684 г. перед лицом грозного врага — «Священной лиги», созданной для борьбы против Порты Австрией, Венецией и Польшей, к которым через два года примкнула Россия, Оттоманская империя, опасаясь, как бы Франция не поддержала коалицию, решила уступить латинянам «святые места» в Иерусалиме, о желании получить доступ к которым они вновь — уже в четвертый раз — заявили в 1686 г. Большая часть иерусалимских святынь отошла к французским католикам по султанскому указу 1689 г.

Второй этап — 1689—1707 гг. — время безуспешных стремлений Досифея вернуть утраченную долю своих владений⁴¹.

Совершенно очевидно, что сборник № 250, вышедший из рук Досифея и включивший в себя созданные на протяжении нескольких столетий византийской истории сочинения греческой *антикатолической* литературы, обязан своим появлением на свет именно всем этим событиям. Лишенный, как и остальные восточные патриархи, всякой возможности принимать активное участие в политической жизни Оттоманской империи и не имеющий средств воспрепятствовать французской экспансии на Ближнем Востоке, Досифей видел единственный выход из создавшегося положения в новой вспышке укореившейся в среде православного населения еще с момента разделения церковей вражды к латинянам. Эту вспышку и должен был вызвать созданный иерусалимским патриархом полемический свод. Однако для того чтобы оказать необходимое воздействие на религиозно-патриотические чувства православных, этот свод должен был быть размножен, причем не старым способом переписывания, а на печатном станке.

Наблюдения над рукописью № 250 позволяют заключить, что *этот манускрипт и был создан с целью подготовки к изданию большого корпуса полемических сочинений*.

Об этих планах Досифея свидетельствует прежде всего то, что текст рукописи самым тщательным образом, в несколько приемов, был сверен с оригиналами не только основным корректором — третьим писцом, но и самим патриархом. Устранив все ошибки переписчиков, Досифей изъясил из текста и без того резко антилатинского по духу свода все места, содержащие хотя бы самые слабые намеки на объективное отношение к «папаникам» или могущие повредить авторитету ортодоксальных авторов полемических трактатов. Кроме того, в рукописи № 250 имеются факты, которые, как нам кажется, дают возможность еще больше утвердиться во мнении о подготовке Досифеем этого свода к печати.

⁴¹ Подробно об истории борьбы Досифея с католиками за «святые места» см. Н. К а п т е р е в. Указ. соч., стр. 282—359.

Закончив на л. 594 об. одно из сочинений Марка Эфесского, писец, копировавший текст л. 80 об. рукописи № 245, переписал, следуя оригиналу, сразу же вслед за текстом схолию. Досифей, отчеркнув эту схолию от текста, заметил на полях: Δοσίθεος. ταῦτα σχόλια δοκεῖ τινος καὶ οὐ δεῖ κεῖσθαι κατὰ συνέχειαν τῷ χειμένῳ.

На л. 628 об. писец написал схолию к определенному месту текста на поле. Досифей же решил, что будет лучше, если эту схолию ввести в самый текст. Поэтому, поставив два одинаковых знака против текста и схолии, он пометил: παρενθετέον τὸ σχόλιον ἔσω ἐνταῦθα, ὅπου τὸ σημεῖον, То же самое — на л. 629 об.

Возникает вопрос: где «не следует располагать схолию рядом с текстом»? Где «должно ввести схолию в текст в месте, отмеченном знаком»? В рукописи № 250? Но для таких перестановок на указанных листах нет места. Может быть, предполагалось переписать заново эти листы или даже изготовить новую копию свода № 250, в которой были бы учтены все замечания редактора, все исправления и изменения? Едва ли. Новая копия нескольких листов не меняла существа дела, ибо текст полемических сочинений, собранных воедино Досифеем, оставаясь в виде рукописи, не был доступен хоть сколько-нибудь значительному числу людей; новая же копия всего свода добавила бы к только что указанным трудностям еще значительные расходы на покупку бумаги и оплату труда переписчиков. Если же видеть в приведенных заметках Досифея указания на расположение текста в процессе подготовки текста к печати, тогда сам собой разрешается поставленный выше вопрос об отношении текста и схолий.

Наконец, есть еще один довод в пользу нашего мнения о том, что рукопись № 250 предназначалась для печати. Прислав в Москву 17 полемических сборников с просьбой напечатать их на греческом языке, Досифей приложил к рукописям список тех сочинений, которые он хотел бы размножить типографским способом, указав номера кодексов, содержащих эти сочинения. Из этого списка мы и черпаем факты, необходимые для подтверждения мнения о подготовке свода № 250 к печати. Текст росписи Досифея приводим по русскому переводу (греческий подлинник не сохранился), сделанному в Посольском приказе ⁴².

л. 165

Перевод с еллиногреческого письма с росписи, какову подал в Посольском Приказе присланной святейшаго иерусалимского патриарха Досифея архимандрит Хрисанф, о книгах, о которых он святейший патриарх великим государем бьет челом, чтоб их напечатать на Москве.

1. Довод правильный, когда латини от соборной церкви отлучились. Книга 1, лист 124 ⁴³.
2. Слово сложное от разных сечений Богослова Григория и Великого Василия, годное к мудрым латином глаголатися. Книга 9, лист 79 ⁴⁴.
3. Никифора Григора беседа, еже неимети прения с латинами. Книга 11, лист 377 ⁴⁵.
4. О святом Символе, яко не подобает прибавити что, или убавити, по сед-

⁴² ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, 7201 г., дело № 4, лл. 165—176. Роспись была издана Н. Каптеревым (указ. соч., стр. 100—104), не сверившим, однако, ее данные с самими рукописями и поэтому допустившим значительное количество ошибок. Это обстоятельство, а также то, что роспись дает сведения, подтверждающие один из выводов настоящей работы, и, кроме того, содержит пространный перечень тех сочинений, в напечатании которых Досифей нуждался для успешной антилатинской агитации, заставило нас еще раз издать здесь текст росписи по подлиннику (русскому) ЦГАДА.

⁴³ № 244, лл. 124—129 об. (пагинации XVI в.).

⁴⁴ № 250, лл. 49—50 об. Приказная роспись для этой рукописи указывает номера листов, проставленные рукой Хрисанфа.

⁴⁵ Сочинение: Τοῦ σοφωτάτου κὺρ Νικηφόρου τοῦ Γρηγορᾶ περὶ τοῦ μὴ δεῖν ἀχαίρωσ καὶ ἀπερισχίπτωσ θεολογεῖν κατ' ἕξουσίαν τοὺς βουλομένους καὶ κατὰ λατίνων находится на лл. 325—329 об. (пагинации, сделанной рукой Хрисанфа) рукописи № 441.

ми вселенских соборов, и яко Святыи Дух от единого отца исходит. Книга 9, лист 48⁴⁶.

- л. 166
5. Епифания патриарха цареградского, како и каким образом отлучены латини от диптихов, сиречь от синодиков, и от первенства своего. Книга 9, лист 54⁴⁷.
  6. В котором времени и когда и от которых еретиков взяли латини свои новые уставы. Книга 10, слово 9⁴⁸.
  7. Ко глаголющим, яко первый престол римский. Книга 9, лист 83⁴⁹.
  - л. 166 8. Фотия патриарха цареградского соборное послание к патриархом восточным.
  9. Того ж патриарха послание ко архиепископу аквиллийскому.
  10. Деяние собора при том же Фотии патриархе (сей есть собор имянуемый первый и второй), в них же сохранить надобно, дабы правила того же собора, и два послания к Фотию папы Иоанна напечатаны были. Книга 12, лист 236⁵⁰.
  11. Доводительные главы Фотиевы же о исхождении Святаго Духа. Книга 9, лист 313. Книга 1-я, лист 100 и 10-я книга Сисиния патриарха Цареградского⁵¹.
  12. Михаила Кирулария патриарха цареградского послания к Петру патриарху ко антиохийскому. Книга 9, лист 654⁵².
  13. Того ж антиохийского отповедь к нему. Книга 9, лист 657⁵³.
  14. Доминика аквиллийского к нему ж Петру антиохийскому послание. Книга 9, лист 649⁵⁴.
  15. Антиохийского патриарха к Доминику аквиллийскому послание. Книга 9, лист 650⁵⁵.
  16. Никиты пресвитера Грудатаго послание к римляном, в нем же и некое прегрешение латинов исчисляет.
  - л. 167 Книга 9, лист 615 и книга 6, лист 86⁵⁶.
  17. Никиты Пафлагонского философа, иже и Давид. Книга 9, лист 620⁵⁷.
  18. Феофилакта болгарийского розговор некоему из учеников болгарийскому кир Феофилакту, о которых делех обличаются латини. Книга 9, лист 574⁵⁸.
  19. Неимянованного некоего сложение на франгов. Книга 9, лист 580⁵⁹.
  20. Того же обличение о еже недобре мудрствующим или творящимся от латинов. Книга 9, лист 581⁶⁰.
  21. Неимянованного некоего сложение, его же начало: владыка мой все-святейший, светило вселенское. Книга 9, лист 752⁶¹.
  22. Иоанна патриарха антиохийского ко андрианополюскому митрополиту, книга 9, лист 609⁶².

⁴⁶ № 250, лл. 33 об. — 36.

⁴⁷ № 250, лл. 36 об. — 37.

⁴⁸ № 242, лл. 87—92.

⁴⁹ № 250, лл. 51—52 об.

⁵⁰ № 252, лл. 236—247.

⁵¹ В рукописи № 250 на указанном росписью листе нет сочинения Фотия об исхождении св. духа. Отрывок из него находится в этой рукописи на л. 209. № 244, лл. 100—108. Из сочинений константинопольского патриарха Сисиния в рукописях. Досифей имеет лишь Ἐγκύκλιος ἐπιστολή πρὸς τοὺς τῆς ἀνατολῆς ἀρχιερατικούς θρόνους... в № 250, лл. 266—269 об.

⁵² № 250, лл. 385 об. — 387 об.

⁵³ № 250, лл. 388—391 об.

⁵⁴ № 250, лл. 380—380 об.

⁵⁵ № 250, лл. 381—385.

⁵⁶ № 250, лл. 346 об. — 351. № 239, лл. 86 об. — 90.

⁵⁷ № 250, лл. 351—356.

⁵⁸ № 250, лл. 305—311.

⁵⁹ № 250, лл. 311—312 об.

⁶⁰ № 250, лл. 312 об. — 314.

⁶¹ № 250, лл. 445—446 об.

⁶² № 250, лл. 340—346.

23. Евстратия митрополита Никейского два слова о исхождении Святаго Духа. Книга 9, лист 173⁶³.
24. Того же на пресноки два слова. Книга 9, лист 625⁶⁴.
25. Исложение прения пред царем Алексеем Комнином с епископом медиоланским Глосоланом, и обличительные два слова Евстратия Никейского. Книга 9, лист 96. Книга 6, лист 65⁶⁵.
26. Прение монаха Иоанна Фурна с медиоланским епископом Петром. Книга 9, лист 162⁶⁶.
27. Евфимия Зигавина. Книга 6, лист 104⁶⁷. л. 168
28. Никиты Сеиды Иконийского о Святом Дусе. Книга 9, лист 284 и 700⁶⁸.
29. Никиты патрикея цареградского о исхождении Святаго Духа. Книга 9, лист 131, да первая книга лист 131⁶⁹.
30. Греческого самодержца Маноила Комнина прение с некоторыми кардиналами о исхождении Святаго Духа. Книга 6, лист 189⁷⁰.
31. Николая епископа Мефонского слова два о Святом Дусе, и два ж слова на опресноки, и единое, како возможно на нас латинник. Книга 9, лист 320 и 727⁷¹.
32. Феодора Курополата Смирненнина на опресноки. Книга 9, лист 759. Книга 6, Иоанна патриарха антиохийского на опресноки ж⁷².
33. Николая Музалона к царю Алексею. Книга 6, лист 81⁷³.
34. Да которые писаны после взятия Царяграда от латинов. л. 169
35. Георгия великого лагофета Акрополитенина два слова о исхождении Святаго Духа. Книга 9-я, лист 258⁷⁴.
36. Николая Идрунского. Книга 9-я, лист 87 и 592⁷⁵.
37. Безымени некоего безглавное слово. Книга 9-я, лист 361⁷⁶.
38. Германа иже в Никее константинопольского патриарха послание к Григорию IX, папе римскому. Книга 9-я.⁷⁷
39. Того ж папы к нему ж Герману отповедь. Книга 9-я⁷⁸.
40. Того ж исповедания веры, его ж начало страдавшими. Книга 9-я⁷⁹.
41. Мефодия патриарха Царяградского иже в Никее на опресноках⁸⁰.
42. Льва архиепископа Балгарийского три послания. Книга 9, лист 640⁸¹. л. 170
43. Льва митрополита приславского сииречь Маркианопольского на опресноки. Книга 9, лист 724⁸².
44. Безымени некоего списания, его же начало, иже в сборнике лежащем проклатии. Книга 9, лист 777⁸³.

⁶³ № 250, лл. 96—107 об.

⁶⁴ № 250, лл. 356—371.

⁶⁵ № 250, лл. 107 об.—112. В росписи ошибочно указан лист 96 вместо 196. № 239, лл. 65—68; № 250, лл. 112 об.—132, 132 об.—138 об.; № 239, лл. 52—58, 58 об.—65.

⁶⁶ № 250, лл. 90 об.—92 об., 92 об.—95 об.

⁶⁷ № 239, лл. 104—104 об.

⁶⁸ № 250, лл. 151 об.—167 об., 391 об.—412 об.

⁶⁹ № 250, лл. 75—88 об. В № 244 этот же трактат находится на лл. 131—144 об.

⁷⁰ № 239, лл. 189 слл.

⁷¹ № 250, лл. 169 об.—188; 419—439; 439 об.—444 об.

⁷² № 250, лл. 452—460 об.; № 239, лл. 40 об.—48; № 250, лл. 340—346.

⁷³ № 239, лл. 81 об.—86 об. Здесь находится указанное выше сочинение антиохийского патриарха Иоанна. Произведение Николая Музалона расположено в этой рукописи на лл. 102—103 об.

⁷⁴ № 250, лл. 138 об.—151.

⁷⁵ № 250, лл. 53—64 об.; 323 об.—326.

⁷⁶ № 250, лл. 190—197.

⁷⁷ № 250, лл. 535 об.—538.

⁷⁸ № 250, лл. 538—539 об.

⁷⁹ № 250, лл. 542—544 об.

⁸⁰ № 239, лл. 105 об.—106 об.

⁸¹ № 250, лл. 371 об.—379 об.

⁸² № 250, лл. 413—418 об.

⁸³ № 250, лл. 471—484 об.

45. Иоанна митрополита Клавдиополского на пресноки. Книга 6, лист 68 и книга 9-я, лист 605⁸⁴.
46. Безыменного некоего на пресноки, его же начало от Сиона глаголет пророческое слово, изыти слову. Книга 9-я, лист 753⁸⁵.
47. Митрополита Керкирского Василия послание к папе римскому. Книга 9, лист 603⁸⁶.
48. Навпацкого Иоанна Коронскому митрополиту кир Афонасию. Книга 9-я⁸⁷.
- л. 171 49. Собор против Века учиненный, собор, который был при Андронике третьем Палеологе. Книга 10. Его же начало, бяше убо случившееся не зело давно⁸⁸.
50. Послание святогорцов к Михаилу царю. Книга 10. Его же начало, Державнейший и богом венчанный⁸⁹.
51. Повесть о убиенных отцев во Святой Горе. Книга 10-я. Ея же начало Михаил первого Палеологов⁹⁰.
52. Нида на латинов обличительные главы. Книга 12, лист 100, и книга 9⁹¹.
53. Хрисолора перечень тех же главизн. Книга 3, лист 118⁹².
54. Того ж Нила Кавасила книжица перечневая на латинов еже есть шестое на десятое слово в 10 книге, ея же начало, иже в богословии догматов, и книга 9, лист 789⁹³.
- л. 172 55. Варлаама о исхождении Святаго Духа. Книга 9, лист 405, и книга 7⁹⁴.
56. Того ж о соединении. Книга 9-я.
57. Безыменно некоего к Димитрию Кидони, и протчие к тому свидетельства. Книга 3⁹⁵.
58. Панарета обличение на Фому о чистительном огне. Книга 2, лист 167⁹⁶.
59. Максима Плануда некоторые главы. Книга 2, лист 159⁹⁷.
60. Того ж книга о платоническом рачении, и потом на латинов о исхождении Святаго Духа⁹⁸.
61. Матфея Властаря, его ж начало, ныне церковь Христова. Книга 9 и книга 10, лист 721⁹⁹.
62. Нила Дамила о исхождении Святаго Духа. Книга 9, и книга 10¹⁰⁰.
- л. 173 63. Ангела Григория о исхождении Святаго Духа и на опресноки, и о святых тайнах, яко не восприяша святые царства небесного, ниже грешницы муки вечные. Книга 9, лист 64 и 768¹⁰¹.
64. Монаха Кирида на пресноки. Книга 6, лист 105¹⁰².
65. Исповедание Нила иеромонаха Траханиота. Книга 4¹⁰³.

⁸⁴ № 239, лл. 68—71; № 250, лл. 336—340.

⁸⁵ № 250, лл. 446 об. — 451 об.

⁸⁶ № 250, лл. 334—335 об.

⁸⁷ № 250, лл. 301—304 об.

⁸⁸ № 242, лл. 92—103 об.

⁸⁹ № 242, лл. 103 об. — 112 об.

⁹⁰ № 242, лл. 112 об. — 115.

⁹¹ № 252, лл. 100—236; № 250, лл. 487—495.

⁹² № 254, лл. 118—160.

⁹³ № 242, лл. 123 об. — 127 об.; № 250, лл. 320 об. — 323 (в росписи ошибочно назван лист 789 вместо 589).

⁹⁴ № 250, лл. 212—260; № 243, лл. 2—13.

⁹⁵ № 254, лл. 1—35.

⁹⁶ № 245, лл. 167—205.

⁹⁷ № 245, лл. 159 об. — 160.

⁹⁸ Среди присланных Досифеем рукописей сочинения Максима Плануда содержат лишь № 245 (лл. 159 об. — 160) и № 441 (лл. 360—443).

⁹⁹ № 250, лл. 287—300 об.; № 242, лл. 1—28.

¹⁰⁰ № 250, лл. 10—27; № 242, лл. 115—115 об.

¹⁰¹ № 250, лл. 37—40, 461—470 об.

¹⁰² № 239, лл. 104 об. — 105 об.

¹⁰³ № 248, лл. 26 об. — 31.

66. Послание Мартина папы, его ж начало, Прясныи государи. Книга 4¹⁰⁴.
67. Латинов противоречей и греков на то разрешение. Книга 9, виршамми¹⁰⁵.
68. Мефодия патриарха Цареградского о пресноках¹⁰⁶.
69. Исповедание кир Иосифа архиепископа константинопольского. Книга 2, лист 302¹⁰⁷.
70. Германа исповедание истинное сущие веры. Книга 9¹⁰⁸.
71. Книги изданные по соборище иже во Флоренции¹⁰⁹. л. 174
72. Схолария надгробное казание на погребение ефесийскаго Марка, Книга 9 и 2-я, лист 268¹¹⁰.
73. Маноила великого ритора о Марке Ефесийском и о Флоренском соборище, и против Емиста и Виссариона, и обличение на нечестивые их писания. Книга 1, лист 112 и книга 7¹¹¹.
74. Ефесийскаго списания и словеса, Аз ради послушания книга 2, лист 272¹¹².
 Аз благодатию Христовою, книга 10¹¹³.
 Аз поучением святым, книга 9¹¹⁴.
 Иже злое на нас пленение, книга 10¹¹⁵.
 Вопросим латинов, книга 2 и десятая¹¹⁶.
 Божества вина, книга 9¹¹⁷.
 Понеже любовью отвещаете, книга 2, лист 130¹¹⁸.
 Яко воистину много истязания, книга 2, лист 108¹¹⁹.
 Понеже явнее нас вопросите, книга 2, лист 121¹²⁰.
 Яко не токмо от владыческих словес, но и от благословения иереова освящаются святые тайны, книга 9¹²¹.
 Доводительные главы о исхождении Святаго Духа, книга 9¹²².
 Свидетельства собраны от святаго писания о исхождении Святаго Духа, книга 9¹²³.
 Слово на усение Корона, 2-я книга, лист 162¹²⁴. л. 175
 О молитве Господи Иисусе Христе, книга 2, лист 164¹²⁵.

¹⁰⁴ № 248 лл. 31—31 об.

¹⁰⁵ № 250, лл. 534 об.— 535 об. Слово «виршамми» составитель приказной описи добавил, по-видимому, от себя, приняв перечисление латинских пунктов и греческих их опровержений за стихи. Этот факт свидетельствует о том, что в Посольском приказе не просто перевели роспись досифеевских книг, но и сверяли эту роспись с самими рукописями.

¹⁰⁶ № 239, лл. 105 об.— 106 об.

¹⁰⁷ № 245, лл. 315—316 об. Роспись ошибочно указывает л. 302.

¹⁰⁸ № 250, лл. 542—544 об.

¹⁰⁹ Здесь Досифей, очевидно, имел в виду как многочисленные рукописные сочинения, посвященные Флорентийской унии, так и печатную продукцию XVI—XVII вв., знаковую, по-видимому, в значительной части и русскому читателю.

¹¹⁰ № 250, лл. 577 об.— 579 об.; № 245, лл. 268 об.— 271 об.

¹¹¹ № 244, лл. 112—123 об.; № 243, лл. 79—82 об.

¹¹² № 245, лл. 272—273 об.

¹¹³ № 242, лл. 60 об.— 71.

¹¹⁴ № 250, лл. 556 об.— 558 об.

¹¹⁵ № 242, лл. 71—76 об.

¹¹⁶ № 245, лл. 1—43. В росписи ошибочно указана десятая книга вместо девятой: № 250, лл. 581—592.

¹¹⁷ № 250, лл. 529 об.— 594 об.

¹¹⁸ № 245, лл. 103—108 об. Лист 130 (вместо 103) указан в росписи ошибочно. Это же сочинение находится в № 250 на лл. 595—600.

¹¹⁹ № 245, лл. 108 об.— 121 об. В № 250 это сочинение занимает лл. 600 об.— 614.

¹²⁰ № 245, лл. 121 об.— 126=№ 250, лл. 614 об.— 618.

¹²¹ № 250, лл. 618 об.— 621.

¹²² № 250, лл. 561—577.

¹²³ № 250, лл. 622—635 об.

¹²⁴ № 245, лл. 162—163 об.

¹²⁵ № 245, лл. 164—165.

Беседа о талантах, книга 2, лист 82¹²⁶.

Беседа о пределах житий, книга 2, лист 143¹²⁷.

Беседа о божественном промысле, его же начало, и ты убо, о божественнейшем царю, книга 1-я и десятая ¹²⁸.

Толкование на число, иже во евангельской притче.

Книга 2, лист 82¹²⁹.

75. Схоляриевы книги,

Послание Ефесийского к нему, книга 2, лист 80¹³⁰.

Последняя беседа Ефесийского, и послание к Схолярию, отповедь Схоляриева к нему, книга 12, лист 167¹³¹.

Сложения его ж которые напечатаны¹³².

Сечения их же начало, превысочайшему царю Трапезонскому, книга 5, лист 170¹³³.

Двоесловие его же, имяна Олвиян и Евлогий и Венедикт. Книга 7¹³⁴.

Его же двоесловие иное в нем же имяна Неофрон и Палетим, книга 5, лист 182¹³⁵.

Его же рыдание и поношение на цареградцких жителей, книга 10 и 9¹³⁶.

л. 176

Того же кто даст мне крыле, книга 9¹³⁷.

76. Соборное истязание и повеление патриархов восточных против Флоренского соборища. Его же начало, понеже прииде и преосвященный митрополит здесь. Книга 1, лист 97 и книга 10¹³⁸.

77. Уставы святого и вселенского собора который собрався в Царе Граде по взятии его, его же начало, веруем во единого бога, с последованием иливела (?), книга 10¹³⁹.

78. Патриарха сирийского к царю. Книга 1, лист 99¹⁴⁰.

79. Иеромнима послания к Амасийскому. Книга 1, лист 85¹⁴¹.

80. Того же двоесловие. Книга 4¹⁴².

81. Максима Маргуния о исхождении Святого Духа. Книга 1, лист 29¹⁴³.

82. Все что писал Палама и еликая к тому делу належат ¹⁴⁴.

83. Догматическое всеоружие Евфимия Зигавина ¹⁴⁵.

84. Мелетия Пига патриарха Александрийского на папистов и лютеров калвинов книга ¹⁴⁶.

¹²⁶ № 245, лл. 82—83.

¹²⁷ № 245, лл. 143 об.— 146.

¹²⁸ № 244, лл. 1—5 об.

¹²⁹ № 245, лл. 82—83.

¹³⁰ № 245, лл. 80 об.— 81 об.

¹³¹ Здесь в росписи допущены две ошибки: названные сочинения находятся не в 12-й, а во 2-й книге (№ 245) и не на л. 167, а на лл. 267—268 об.

¹³² Вероятно, имеется в виду «осмятцатая книга», которая «есть напечатана Григория Паламы и Георгия Схолярия».

¹³³ № 253, лл. 165 об.— 167 об.

¹³⁴ № 243, лл. 85—94.

¹³⁵ № 253, лл. 168—187 об.

¹³⁶ В 10-й книге указанного произведения Схолярия нет. № 250, лл. 548—551 об.

¹³⁷ № 250, лл. 544 об.— 548.

¹³⁸ № 244, лл. 97—98; № 242, лл. 79 об.— 81 об.

¹³⁹ № 242, лл. 81 об.— 84 об.

¹⁴⁰ № 244, лл. 99—100.

¹⁴¹ № 244, лл. 85—86.

¹⁴² № 248, лл. 1—26 об.

¹⁴³ № 244, лл. 29—79 об. Это же сочинение в № 250 находится на лл. 511—525 об.

¹⁴⁴ Здесь Досифей, очевидно, имеет в виду всю полемическую литературу, возникшую в период споров Варлаама и Паламы и имевшую в значительной части и в России. Кроме того, речь идет, конечно, о рукописи № 237 (сочинения Паламы против Варлаама и Акиндина) и печатной книге, содержащей сочинения Паламы и Геннадия Схолярия и обозначенной в приказной росписи номером восемнадцать.

¹⁴⁵ № 226.

¹⁴⁶ № 256.

Из 84 сочинений роспись называет 66 полемических трактатов, вошедших в состав рукописи № 250 и занимавших в ней более 500 листов; иначе говоря, вся основная часть нашего свода должна была по просьбе Досифея печататься на греческом языке в Москве.

Приведенных данных, на наш взгляд, достаточно для вывода о создании сборника № 250 с целью подготовки к печати содержащихся в нем греческих полемических сочинений против латинян.

Если же это так, то имеется возможность с еще большей точностью, чем это сделано выше, определить время создания кодекса № 250. XVII столетие — время обострения борьбы православной церкви с протестантами. Одним из ярких эпизодов этой борьбы была антипротестантская полемическая деятельность Досифея¹⁴⁷. Важнейшим средством борьбы была полемика по основным вопросам вероисповедания церковью — православной и кальвинистско-лютеранской. Однако условия, в которых находился Досифей, резко отличались от положения его противников: эти последние имели многочисленные и великолепно оборудованные типографии, где могли в нужном количестве печатать всю необходимую для пропаганды своих взглядов литературу; Досифей же долгое время не имел в своем распоряжении ни одного печатного станка, не мог издать ни одной книги. Ища выход из создавшегося положения, иерусалимский патриарх сделал попытку использовать в своих интересах антипротестантскую политику Людовика XIV и напечатать во Франции несколько греческих антипротестантских сочинений — попытку, не давшую никаких результатов¹⁴⁸. Нужно было строить собственную типографию. Это удалось Досифею лишь в 1680 г., когда он основал греческую типографию в одном из яских монастырей в Молдавии¹⁴⁹. И если до этого времени Досифею не удалось напечатать ни одной книги, то теперь из типографии иерусалимского патриарха выходят в свет один за другим несколько объемистых полемических сборников¹⁵⁰.

Ясно, что если мысль о напечатании греческого *антикатолического* свода возникла у Досифея еще до 1680 г., она могла быть воплощена лишь тогда, когда патриарх основал свою собственную типографию. Поэтому можно точнее, чем это сделано выше, определить время создания предназначавшегося для печати свода № 250 : 1680—1692 гг.

Однако изучение самого кодекса № 250 дает в руки исследователя факты, позволяющие уточнить и эту датировку и прийти к заключению, что исследуемый здесь манускрипт был написан между 1689 и 1692 гг.

Весь свод, несмотря на то, что над исправлением и редактированием его текста усердно трудился сам иерусалимский патриарх, производит впечатление работы, не доведенной до конца. К такому выводу приводит прежде всего порядок следования сочинений. Как уже отмечено, в основном соблюдается определенный принцип группировки полемических трактатов, однако иногда он нарушается: например, на лл. 511—525 об. расположено сочинение Маргуния «Об исхождении св. духа», тогда как все сочинения на эту тему, исключая произведения Марка Эфесского, которому отводится почти вся последняя четверть рукописи, находятся на первых трехстах листах. Внутри больших разделов «Об исхождении св. духа» и «Об опресноках» местоположение сочинений не подчинено, на наш взгляд,

¹⁴⁷ E. Turdeanu. Le livre grec en Russie: l'apport des presses de Moldavie et de Valachie (1682—1725). — RES, 26, 1950, p. 69—87.

¹⁴⁸ Ibid., p. 70.

¹⁴⁹ Дату основания типографии указывает сам Досифей в своем сочинении «История иерусалимских патриархов» (см. E. Legrand. Bibliographie Hellénique..., t. II, p. 402). Э. Турдеану ошибочно принял за дату основания типографии время выпуска в свет первого сочинения в 1682 г. (E. Turdeanu. Op. cit., p. 69).

¹⁵⁰ E. Legrand. Bibliographie Hellénique..., t. II, p. 401—408, 414—416, 458—473; t. III, p. 5—6, 28—29, 30, 30—37, 54—59, 61—75.

какому-либо определенному принципу. Вызывает удивление само наличие в этом сборнике архиправославных творений названного трактата Маргуния, содержащего призыв к объединению церковей (!) ¹⁵¹. Значительная часть свода вообще не была проверена ¹⁵². В рукописи имеются листы, на которых написана лишь часть некоторых сочинений, причем эти фрагменты не содержат в себе какого-либо законченного по содержанию отрывка, а, по-видимому, случайно отделены от полностью переписанного произведения ¹⁵³.

Сам Досифей, посылая в Москву кодекс № 250 в числе других манускриптов, писал: «А тыя книги, которыя присланы..., иныя не правописаны писаны, иныя трудным письмом, и обретаются от того в них погрешения, и требуют исправления не малого»¹⁵⁴, давая понять, что предстоит еще большая подготовительная работа, прежде чем эти книги попадут в руки наборщиков.

Чем же объяснить описанное нами состояние свода № 250? Правильнее всего, нам кажется, объяснить это недостатком времени, которое имел в своем распоряжении Досифей для работы над этим сборником. Вероятно, начало работы над написанием рукописи № 250 и ее подготовкой к печати было отделено небольшим хронологическим промежутком от времени отправления Хрисанфа в Россию ¹⁵⁵. Из известных нам дат, определяющих собой этапы борьбы Досифея с французами, ближе всего к 1692 г. 1689 год, которым помечен султанский указ о передаче французам части «святых мест», завершивший первый период сопротивления Досифея притязаниям католиков, — сопротивления успешного и потому позволявшего иерусалимскому патриарху использовать все свои издательские возможности для печатания антипротестантских сочинений. Но этот же указ открывает собой второй период попыток Досифея вернуть свои потерянные владения. Прекрасно понимая, что при сложившейся в Европе ситуации турецкое правительство в интересах своей внешней политики теперь уже не пойдет на уступки требованиям православного патриарха, Досифей предпринял попытку борьбы с католиками собственными средствами и собрал греческие антикатолические сочинения, издание которых позволило бы ему вести агитацию против французов среди местного православного населения ¹⁵⁶.

Однако материальная нужда заставила Досифея отказаться от мысли о скором выпуске в свет этого важного для него свода ¹⁵⁷ и обратиться к самой сильной православной державе — Русскому государству — с просьбой оказать давление на Турцию и потребовать передачи иерусалимскому патриарху уступленных французам «святых мест», а также с просьбой устроить в Москве греческую типографию и напечатать основные антикатолические сочинения, содержащиеся в посланных патриар-

¹⁵¹ Объяснить этот факт мы можем лишь тем, что Досифей, знавший Маргуния как выдающегося представителя православной церкви 2-й половины XVI в., не был знаком с двумя его неизданными трактатами «Об исхождении св. духа», написанными в 1583 и 1584 гг. и содержащими доказательства в пользу filioque. Поэтому отбирая материал для писцов и бегло просматривая имевшиеся в его распоряжении полемические сборники, Досифей, встретив имя Маргуния, без колебаний включил его сочинение в состав свода № 250. Затем, в процессе редактирования текста свода, трактат Маргуния также не был изъят: по-видимому, Досифей не успел просмотреть ту часть сборника, где находилось это сочинение (см. след. сноску).

¹⁵² лл. 10—50 об., 212—300 об.

¹⁵³ лл. 90, 209, 323, 552.

¹⁵⁴ Н. Каптерев. Указ. соч., Приложения, стр. 82.

¹⁵⁵ См. прим. 40.

¹⁵⁶ Не противоречат этой датировке и данные, приводимые Х. А. Пападопулосом-Керамсом (Χ. Α. Παπαδόπουλος-Κεραμής. *Ἱεροζολυμίτικὴ βιβλιοθήκη*), а также место и время написания писцами Досифея грамот ГИМ.

¹⁵⁷ Н. Каптерев. Указ. соч., стр. 100; Приложения, стр. 82.

хом рукописях¹⁵⁸. С поручением к русским царям Досифей отправил своего родственника и помощника архимандрита Хрисанфа, который и привез в Москву 18 кодексов.

* * *

Русское правительство сочувственно отнеслось к просьбе Досифея издать присланные им полемические трактаты; 3 апреля 1693 г. последовал указ «устроить типографию еллиногреческую» и содержащиеся в сборниках иерусалимского патриарха сочинения «напечатать, сколько их будет надобно и пристойно на греческом языке»¹⁵⁹. Однако прежде чем рукописи могли попасть в руки наборщиков, нужно было провести значительную работу по отбору и редактированию сочинений. На первых порах этим занимался, по распоряжению царей, сам Хрисанф. Очевидно, для обработки текста он и удержал у себя часть кодекса № 250, как о том свидетельствует приказная роспись¹⁶⁰. И в самом своде сохранились следы работы над ним в Москве посланника иерусалимского патриарха: в подтверждение можно привести указанную нами выше помету Хрисанфа к заглавию одного из посланий Нила Дамиласа, сделанную на л. 10 рукописи № 250.

Однако в начале 1694 г. Хрисанф был отозван Досифеем в Валахию, и подготовка рукописей к изданию должна была теперь быть поручена другому человеку: преподаватели Славяно-греко-латинской академии братья Лихуды, которые по царскому указу обязаны были заниматься «выправкой» присланных Досифеем книг, после ссоры с Хрисанфом, а затем и с самим иерусалимским патриархом были устранены от этой работы, и Досифей, считая, по-видимому, что в Москве нет больше людей, которые могли бы редактировать текст греческих полемических сочинений при их издании, обещал найти нужного кандидата на Востоке. Между тем наступил 1697 г., и московский патриарх Адриан известил Досифея, что все необходимое для устройства греческой типографии оборудование готово, и просил поторопиться с присылкой справщика. Но Досифею не удалось прислать в Россию ни одного надежного и достаточно ученого человека, который мог бы выполнить указанную работу. В 1700 г. умер последний русский патриарх Адриан. Местоблюстителем патриаршего престола стал Стефан Яворский, которого Досифей считал приверженцем латинян и с которым не захотел вести дальнейшие переговоры о напечатании свода греческих полемических сочинений.

Так и остались лежать в недрах Патриаршей библиотеки эти рукописи, сохранившие на своих листах следы работы над ними иерусалимского патриарха Досифея и бывшие свидетелями его неутомимой борьбы против проникновения католиков на Ближний Восток.

Приложение I

АВТОГРАФЫ ДОСИФЕЯ В РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЯХ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА¹

1. ЦГАДА, ф. 181, оп. 14, № 1282, 1665 г. Феофил Коридалевс, «О душе». Досифеем написаны лл. 1—61 об., 73 об. — 82.
2. ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, № 631, 1669 г., 30 октября. Три письма Досифея к Паисию Лигариду.

¹⁵⁸ Там же, стр. 99—109, 310.

¹⁵⁹ Там же, стр. 103—105.

¹⁶⁰ ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, 7201 г., дело № 4, л. 193: «В 9-й книге листы неописаны, потому что та книга изво всех книг выбрана и часть той книги у архимандрита иерусалимского оставлена...».

¹ Автографы выявлены путем сравнения почерка изучавшихся рукописей и документов с собственноручными записями иерусалимского патриарха на л. 3 об. кодекса № 441 и л. 12 рукописи № 336.

3. ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, № 632, 1669 г., 1 ноября. Грамота Досифея к царю Алексею Михайловичу о прощении находящегося в Москве Паисия Лигарида.
4. ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, № 636, 1671 г., 13 августа. Письмо Досифея к греческому иеродиакону Мелетию.
5. ГИМ, греч. № 441, 1674 г. Запись на л. 3 об. (текст см. на стр. 279 данной статьи).
6. ГИМ, греч. № 336, 1687 г. Запись на л. 12 (текст см. на стр. 279, прим. 11).
7. ГИМ, греч. № 250, 1689—1692 гг. Редакторская правка всего кодекса.
8. ГИМ, греч. № 240, 1689—1692 гг. Правка отдельных мест текста.
9. ГИМ, греч. № 245, 1689—1692 гг. Заметка на л. 105 об.
10. ГПБ, собр. СПбДА Б II 4, до 1692 г. Пометка на л. 38.

Приложение II

АВТОГРАФЫ ХРИСАНФА В РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЯХ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА¹

1. ЦГАДА, ф. 181, оп. 14, № 1282. 1677 г. Феофил Коридалевс, «О душе». Рукой Хрисанфа писаны лл. 83—84 об. и несколько помет на полях.
2. ГИМ, греч. № 529. 1682 г., 18 января. Грамота Досифея московскому патриарху Иоанниму. Рукой Хрисанфа писан адрес.
3. ГИМ, греч. 531. 1682 г., апрель. Грамота антиохийского патриарха Кирилла о разрешении московского патриарха Никона.
4. ГИМ, греч. 536. 1682 г. Грамота Досифея о разрешении Никона.
5. ГИМ, греч. 535. 1682 г., 15 мая. Грамота Досифея московскому патриарху Иоанниму.
6. ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, № 658. 1682 г., май. Грамота Досифея к царю Федору Алексеевичу.
7. ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, № 659. 1682 г., май. Грамота Досифея к боярину Голицыну.
8. ГИМ, греч. 538. 1686 г., апрель. Грамота Досифея московскому патриарху Иоанниму.
9. ГИМ, греч. 539. 1686 г., апрель. Грамота Досифея Иоанниму.
10. ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, № 668. 1686 г., апрель. Грамота Досифея к русским царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу.
11. ЦГАДА, ф. 181, оп. 14, № 1280. До 1690 г.² Запись на л. 1: ἑδωρησίμην καὶ ταύτην τῷ λογιῶν καὶ μουσικῶν ἱερομονάχῳ Διονυσίῳ ἐξ Ἰωαννίνων. Χρυσάνθος.
12. ЦГАДА, ф. 181, оп. 14, № 1286/2. До 1690 г. Помета на л. 1: Εἰς χρῆσιν Χρυσάνθου τοῦ Πελοποννησίου.
13. ГИМ, греч. 547. 1692 г., 21 июня. Грамота Досифея московскому патриарху Адриану.
14. ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, № 684. 1692 г., 28 июня. Грамота Досифея к русским царям Иоанну и Петру.
15. ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, № 685. 1692 г., 28 июня. Грамота Досифея к малороссийскому гетману Ивану Мазепе.
16. ГИМ, греч. 250. 1689—1693 гг. Пометы на лл. 10, 32 об., 58, 102 об., 112 об., 202, 212, 290 об., 470 об., 519, 519 об., 533.
17. ГИМ, греч. 226. До 1692 г.³ Запись на листе, приклеенном к верхней крышке переплета, о времени деятельности Евфимия Зигавина.
18. ГИМ, греч. 254. До 1692 г. Помета на л. 1: Ἐκ τῶν Χρυσάνθου Ἱεροσολυμίου βιβλίων.
19. ГИМ, греч. 336. До 1692 г. Заметка на л. 1 об.
20. ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, дело 4. 1692—1693 гг. Рукой Хрисанфа писаны лл. 372—373: «Предисловие книгам, которые будут печататься на Москве, (которые) прислал святейший иерусалимский патриарх Досифей»⁴.
21. ГПБ, собр. СПбДА, Б II 4, Сборник богословских сочинений. 1693 г., сентябрь. Дарственная запись на л. 1: Χρυσάνθου ἱεροδιακόνου, τανῶν δὲ δεδωρηταὶ παρ' αὐτοῦ τῷ λογιωτάτῳ κυρίῳ Νικολάῳ Συμεῶνος ἐλθόντος ἐν Μοσχῶν ἀρχιμανδρίτου ἀχ^τ γ^μηνὶ σептемβριῶν.
22. ГИМ, греч. 265. 1701 г. Литургия Василия Великого, свиток. В начале свитка запись Хрисанфа о передаче рукописи в дар Типографской библиотеке.

¹ Автографы выявлены путем сравнения почерка исследуемых рукописей и документов с собственноручной записью Хрисанфа в рукописи ГИМ № 265.

² Рукописи ЦГАДА №№ 1280 и 1286 попали в Россию в 1690 г. в составе библиотеки иеромонаха Дионисия. См. С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, стр. 51—65.

³ 1692 г. — время присылки рукописей ГИМ №№ 226, 254, 336 в Москву.

⁴ Это предисловие должно было, по мысли Досифея, предшествовать тексту тек полемических сочинений, которые иерусалимский патриарх прислал в Москву с просьбой издать их на греческом языке.

23. ЦГАДА, № 3027^а. 1701 г. Τόμος καταλλαγῆς, 1692—1694 гг. На титульном листе запись Хрисанфа о поднесении этой книги в дар Типографской библиотеке.
24. ЦГАДА, № 3029. 1701 г. Τόμος ἀγίτης κατὰ λατίνων, συλλεγεῖς καὶ τυποθεῖς παρὰ Δοσιθέου πατριάρχου Ἱεροσολύμων, 1698 г. На титульном листе запись Хрисанфа о передаче книги в дар Типографской библиотеке.
25. ГПБ, собр. СПбДА, Б II 6, Георгий Козин, «О церемониях константинопольского двора». Между 1688—1707 гг.⁵ На л. 64 об., после текста, запись Хрисанфа: Τὸ παρὸν εἰς ἀπλήν μετηνέχθη διάλεκτον παρὰ Χρυσάνθου Νοταρᾶ καὶ ἀρχιμανδρίτου τοῦ δεσποτικῆς τάφου, ἀξιώσει τοῦ ὑψηλοτάτου ἡγεμόνος Οὐγκροβλαχίας κυρίου Ἰωάννου Μπασαράμπα βοεβόνδα.
26. ГИМ, греч. 323. Не позже 1701 г.⁶ Помета на л. 241: Οὗτος ὁ νόμος οὐκ ἔχει ἰσχὺν ἐν τῷ Ἀρστελοδάμ.

⁵ Датировка рукописи определяется временем правления молдавского господаря Иоанна Басараба, по поручению которого был сделан перевод, и датой последнего приезда Хрисанфа в Россию.

⁶ Помета могла быть сделана в один из приездов Хрисанфа в Москву, либо в 1692—1694 гг., либо в 1701 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

ОТ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ К ВИЗАНТИИ

Сектором византиноведения Института истории АН СССР при участии ряда византистов из других научных учреждений подготовлено и опубликовано трехтомное издание истории Византии¹. Рецензируемая книга — первый том этого издания².

Уже сам по себе факт подготовки советскими историками подобного труда — знаменательное событие. Еще в дореволюционной России византистика имела значительные научные достижения. Русскими буржуазными историками был подготовлен и ряд синтетических трудов по истории Византии. Советские историки, восприняв лучшие научные традиции русских буржуазных ученых, основывались в своих исследованиях, однако, на совершенно иных методологических принципах. Им приходилось заново разрабатывать все главные проблемы византийской истории.

Естественно поэтому, что в течение ряда десятилетий советские византисты занимались главным образом исследованием узловых проблем социально-экономической и политической истории Византии, и результаты этих исследований находили свое отражение в монографиях и статьях. Обобщающие же труды по истории Византии до последнего времени не издавались, если не считать сжатого очерка, опубликованного в 1940 г. М. В. Левченко. Поэтому появление в 1967 г. обобщающего труда по истории Византии свидетельствует о завершении важного этапа в развитии советской византистики.

Первый том охватывает IV—VII вв., т. е. тот период, когда происходил переход от античности к средневековью в восточных провинциях Римской империи, когда складывалось Византийское государство.

Разложение рабовладельческого строя в восточных римских провинциях осуществлялось во многом иначе, чем на Западе. Особенности генезиса феодализма в восточной части империи до настоящего времени по-разному оцениваются советскими византистами.

Перед авторским коллективом I тома стояла поэтому сложная задача: последовательно излагая ход исторических событий в Поздней Римской империи, в первую очередь на Востоке, одновременно раскрывать сущность социально-экономических, политических преобразований, сдвигов в идеологической жизни общества, происходивших в рассматриваемый период.

В книге советских историков большое место занимают проблемы экономического развития. Уже этим новый труд по истории Византии существенно отличается от большинства обобщающих работ зарубежных византистов, в которых главное внимание уделяется политической истории.

В рецензируемой книге наряду с социально-экономическими проблемами находят свое отражение и другие стороны общественной жизни Византии. Помимо глав, посвященных аграрному строю, городам, ремеслу и торговле, мы находим здесь главы, в которых рассматриваются внутренняя и внешняя политика Византии, народные движения, христианская церковь, наука, литература и искусство.

В первой главе охарактеризованы многообразные источники по истории ранней Византии — исторические произведения и хроники, политическая и публицистическая литература, юридические памятники, папирусы, эпиграфические, археологические и нумизматические материалы. Несмотря на обилие источников, относящихся к рассматриваемому периоду, автору главы удалось сжато, но четко и на достаточно высоком

¹ «История Византии» в трех томах, т. I—III. М., 1967.

² Ответственный редактор З. В. Удальцова.

научном уровне охарактеризовать важнейшие исторические памятники. Наиболее обстоятельным является описание юридических источников и византийской историографии. По-видимому, следовало бы более четко дифференцировать собственно византийских историков и тех римских авторов, которых нельзя еще тесно связать с восточной частью империи, хотя в их произведениях и содержатся некоторые данные о восточно-римских провинциях. Так, например, Аммиана Марцеллина, несмотря на его греко-сирийское происхождение, вряд ли можно считать византийским историком. Среди юридических памятников следовало бы, хотя бы кратко, упомянуть и сирийский законник. Естественно, что в рамках одной небольшой главы не было возможности подробно остановиться на археологическом и эпиграфическом материале. Но значение таких важных источников, как папирусы, следовало бы изложить более обстоятельно.

Во второй главе, посвященной образованию Византии, содержится анализ особенностей социально-экономического развития восточных провинций Римской империи к IV в., их природных условий и этнического состава населения.

Этот анализ в общем не вызывает возражений. Автор главы справедливо отмечает постепенное обособление восточной и западной частей Римской империи и перемещение центра экономической и политической жизни на Восток. Но существенная дифференциация в уровне экономического и культурного развития всегда была характерна для провинций империи. Остается не вполне понятным, почему обособление восточной и западной части сделало неизбежным выделение восточных провинций в самостоятельное государство в конце IV в. Ссылка на кризис рабовладельческого общества носит слишком общий характер.

В главе третьей сосредоточена основная часть того анализа экономики Византии, который содержится в книге. В этой главе рассматривается аграрный строй IV—VII вв., крупное землевладение, значение труда рабов, колонов и свободных земельных держателей в сельском хозяйстве, характер общинного устройства в византийской деревне, различные виды условного землевладения. Согласно утверждению автора, основную массу сельского населения в V в. составляли колоны; довольно значителен был слой свободного крестьянства, особенно во Фракии, Дакии и внутренних областях М. Азии. Для крупного поместья в этот период характерно сокращение его господской части и расширение земельной площади, обрабатываемой мелкими держателями.

Основной тип деревенской общины — митрокомия, соседская община, в которой для крестьян сохраняются некоторые ограничения в праве отчуждения земли. Указанные положения автора в общем соответствуют взглядам, утвердившимся в специальной литературе. Особенно ценно в данной главе то, что в ней отмечаются особенности аграрного строя различных районов Византии. Интересен также собранный автором материал по малоизученному вопросу — о структуре виллы некоторых восточных провинций. Отдельные заслуживающие внимания тезисы автора, к сожалению, недостаточно раскрыты. Так, например, в конце главы высказано важное соображение о том, что в ряде областей империи «...раннефеодальные отношения стали складываться на основе внутренней эволюции рабовладельческого строя». Это положение затрагивает главное отличие генезиса византийского феодализма от процесса возникновения феодальных отношений в Западной Европе. Но этот важный социологический тезис сформулирован бегло, без прямой связи с предшествующим изложением, изолированно. Остановившись на хозяйственной структуре византийской виллы и ее эволюции, автор не касается важного вопроса — в какой мере это поместье было связано с рынком. Между тем в следующей главе говорится об устойчивости товарно-денежных отношений в ранней Византии.

Как известно, одной из важнейших особенностей истории Византии в IV—VII вв. было сохранение значительной роли городов в экономике и в целом в общественной жизни. В четвертой главе описывается состояние городов, торговли и ремесла в IV—V вв., взаимоотношения Константинополя и провинций. Автор раскрывает противоречивый характер развития византийской экономики в этот период. В основных областях Византии еще в значительных размерах сохранялись товарно-денежные отношения, ремесло. Городские ремесленники обслуживали потребности городского и сельского населения. Константинополь был важнейшим центром торговли и ремесла. Имела место экономическая специализация отдельных областей страны. В то же время число подисов сокращалось, а значительная часть городов аграризировалась, пришла в упадок муниципальная система. Произошли изменения и во внешнем виде города, сближавшие его с феодальным городом (обилие церквей, наличие городских стен, стесненность в размещении домов и улиц). Автор сумел рассмотреть большой круг сложных и в ряде случаев спорных вопросов. Некоторым проблем можно считать то, что в данной главе не освещен вопрос о мелких курiales, мало отличавшихся по своему положению от свободных крестьян, а также об эксплуатации городской верхушкой сельского плебса городской округи.

Глава пятая содержит характеристику социально-политического и государственно-го строя империи в IV—V вв. Византийское государство представляло собой «централизованную военно-бюрократическую монархию». Его социальная сущность — это «диктатура крупных земельных собственников-рабовладельцев и богатой торгово-ростовщической верхушки» (стр. 130). Автор отмечает также такие черты социально-политического устройства, как строгое разграничение сословий и привилегированное по-

ложение сенаторского сословия, останавливается на роли димов (партий цирка) в политической жизни. Против такой характеристики социально-политического строя трудно что-либо возразить. Для того чтобы анализ политического устройства был полным, следовало бы однако, остановиться на положении варварской служилой военной знати, которая играла в то время большую роль в государственной жизни Византии.

Шестая глава посвящена христианской церкви IV—VI вв. В ней содержится большой фактический материал о структуре церкви в рассматриваемый период, борьбе за церковное единство, положении епископата, роли вселенских соборов, о монашестве. Автор делает научно обоснованные выводы относительно положения христианской церкви в Византии. Некоторые выводы о связи между взглядами отцов церкви и социальными противоречиями того времени представляются, однако, спорными. Так, например, известное замечание Августина о том, что государство есть не что иное, как «великий разбой», рассматривается как отражение в какой-то степени воззрений народных масс (стр. 162). Для того чтобы у читателя не возникло одностороннего представления о взгляде гнипонского епископа на государство, следовало бы добавить, что отрицание государства отнюдь не было абсолютным. Отождествляя государство с разбойничьей пайкой, он добавлял: «...если оно не основано на справедливости».

В седьмой — девятой главах рассматриваются основные события политической и военной истории, а также религиозной жизни Византии в IV—V вв. Автор стремится проанализировать сложные взаимоотношения между государственной властью и различными слоями господствующего класса, а также политику государства по отношению к народным массам. Византийское государство в рассматриваемый период, по мнению автора, выражало интересы в первую очередь городской верхушки. Это особенно характерно для времени правления Феодосия II и Анастасия. Политика Зинона — ставленника «военно-феодалной знати Исаврии» также была направлена против крупной поземельной знати. Государство решало в этот период трудную проблему взаимоотношений с варварами, находившимися на его территории (готами, гуннами). Считая, что наиболее острой формой социальной борьбы в IV в. были религиозные столкновения, автор в указанных главах уделяет большое внимание ересям — арианству, несторианству, монофизитам, роли монашества в общественной жизни. Ценно то, что, стараясь обнаружить связь между событиями религиозной жизни и социально-экономическим развитием, автор, как правило, достаточно осторожен и избегает упрощенного схематичного толкования подобных вопросов. Он не выводит ереси непосредственно из тех или иных социальных интересов народных масс, как это нередко делалось в прошлом в исторической литературе. Изучая возникновение ересей, автор учитывает не только стихийный социальный протест народных масс, но также и противоречия внутри господствующего класса, локальные интересы населения различных провинций империи. Можно признать совершенно справедливым мнение автора, что стихийная, неорганизованная борьба народных масс в Византии была обречена на поражение.

Некоторые положения, высказанные в данных главах, представляются спорными. Так, например, трудно согласиться с утверждением, что крупная землевладельческая знать из сенаторского сословия в этот период уже уступила свое господствующее положение городской торгово-ростовщической верхушке. Некоторые мероприятия государства истолкованы слишком односторонне, как покровительство городским слоям или мелким земельным держателям, осуществляемое в ущерб крупным землевладельцам. Практика эмфитевзиса, которая, как полагает автор, развивалась в соответствии с интересами городских ктиторов, могла быть использована и крупными землевладельцами для приобретения земель из доменов фиска. Закон Анастасия, изданный около 500 г., закреплял, по мнению автора, за мелкими держателями земли, которые они обрабатывали в течение 30 лет и более, и не предоставлял выгод для крупных землевладельцев. Но в действительности, объявляя таких съемщиков колонами, данный закон лишал их свободы ухода, прикреплял навеки к земле. Правительство неоднократно издавало законы против патронииев крупных земельных магнатов, но оказалось не в состоянии добиться соблюдения этих законов.

Десятая — четырнадцатая главы посвящены эпохе Юстиниана, обстоятельному рассмотрению всех аспектов деятельности крупнейшего византийского императора, его социально-экономической, законодательной и церковной политике. То, что данному периоду уделено столь значительное внимание, вполне понятно. Речь идет об эпохе экономической и политической стабилизации Византийского государства после кризиса IV—V вв. Важнейшей целью внутренней политики Юстиниана было, как думает автор, наступление на крупное сенаторское землевладение, борьба против сепаратистских и децентрализаторских устремлений знати. В течение определенного времени Юстиниан пользовался поддержкой куриалов и средних землевладельцев. Правительство вело политику дальнейшего закрепощения колонов и стремилось лишить имущественных прав не только энапографов, но и так называемых «свободных колонов». Правда, одновременно возрастала реальная хозяйственная связь колона с его земельным участком. Изменение форм и методов использования рабского труда выразилось в широком распространении пекулия, применении рабов для ведения мелкого хозяйства и в городе и в деревне. Ведя борьбу против роста крупного сенаторского землевладения, стараясь опереться на средние слои землевладельцев и куриалов, Юстиниан на

определенном этапе создал широкую социальную базу своему режиму. Отражением сдвигов в социально-экономических отношениях явились изменения в праве. Они выражались в уничтожении различий между существовавшими ранее формами собственности, нивелировке гражданских прав свободного населения, улучшении юридического статуса рабов. Все вопросы гражданского права решались в соответствии с принципом господства полной частной собственности. Правительство старалось укрепить союз государства с церковью на основе никейского символа веры. Оно содействовало росту церковного землевладения, боролось против ересей и язычества, подавило, в частности, восстание самаритян в Палестине. В то же время Юстиниан отстаивал примат светской власти над церковной. В названных главах, как и в предыдущих, уделяется большое внимание народным движениям и внутренней политической борьбе. Особенно освещается восстание «Ника», во время которого против Юстиниана под руководством венетов и прасинов выступили широкие слои народа. Подробно охарактеризованы также попытки Юстиниана реставрировать империю на Западе, войны в Северной Африке, Италии и Испании. Не ограничиваясь описанием хода военных действий, автор характеризует внутреннее положение в соответствующих варварских королевствах накануне византийского вторжения и политику Юстиниана на завоеванных территориях. В общем перед читателем предстает во всей многогранности общественная жизнь Византии в «век Юстиниана».

В большинстве случаев сложные проблемы социально-экономического и политического развития Византии решаются в данных главах в такой мере, в какой позволяет это сделать современное состояние византистики. Некоторые же выводы и формулировки автора представляются неясными или недостаточно убедительными. Трудно, например, установить, как различаются «средние землевладельцы-рабовладельцы и куриалы». Некоторое улучшение статуса рабов (расширение прав сервов на пекулий и запрещение убивать рабов), отмечаемое как явление, присущее VI в., заметно значительно раньше, еще в Ранней Римской империи. Вряд ли можно считать политику Византии на завоеванных в Африке и Италии территориях «восстановлением рабовладельческих порядков» (стр. 304—321), так как эти порядки не отменялись и в варварских королевствах, а лишь постепенно изживались. Спорным является вопрос о характере тех сдвигов в социально-экономических отношениях, которые происходили в Византии при Юстиниане. Утверждение, что в этот период нарождались раннефеодальные отношения, плохо согласуется с большим материалом о стабилизации рабовладельческих отношений, который приводится в этих же главах. Может быть, уместно употребить иные формулировки, говорить о возникновении некоторых предпосылок для будущей феодализации или об элементах феодальных отношений. Складываются же феодальные отношения после VII в. (ср. 16 главу).

В пятнадцатой главе рассматриваются события, которые имели важнейшее значение для судьбы Византии, — вторжения славян и их расселение на землях империи. Автор характеризует социальный строй славян к VI в., последовательно описывает их набеги на территорию Византии, которые приводят в конечном счете к оседанию завоевателей в различных районах Балканского полуострова. Славянское поселение привело к укреплению местных сельских общин и мелкой свободной собственности, ускорило изживание рабовладельческой формы эксплуатации и увеличило производительный сельскохозяйственный слой населения Византии. В данной главе собран значительный фактический материал по рассматриваемому вопросу и сделаны обоснованные, как правило, выводы. Не разъясненным до конца остается, однако, важный вопрос: если Византия во второй половине VI в. оказалась беспомощной перед славянскими завоевателями, то почему ей все же удалось сохранить государственную самостоятельность, а славянские поселенцы оказались, как отмечает автор, налогоплательщиками и воинами Византийского государства.

Одним из наиболее интересных разделов первого тома «Истории Византии» является шестнадцатая глава, в которой освещается внутреннее и внешнее положение империи во второй половине VI—VII в. и делается попытка решить вопрос о характере перехода от античности к средневековью в Византии. Автор отмечает децентрализацию административного устройства, осуществленную при Маврикии, описывает политику террора Фоки, направленную против высшей знати, захват власти Ираклием, возникновение фем, останавливается на борьбе Византии против арабов и других внешних врагов, на изменении территориального и этнического состава государства (утрата Египта, Сирии, Палестины). Важнейшим социально-экономическим преобразованием было то, что крупные рабовладельческие поместья были подорваны, а местами уничтожены; на территориях, где эти поместья были расположены, установилось господство крестьянской общины. Происходила дальнейший упадок городов, этого оплота рабовладельческой системы. «Рабовладельческая эксплуатация перестала быть основной формой классового гнета» (стр. 376). В Византии происходил тот же процесс упрочения мелкого независимого крестьянского производства и распространения свободного крестьянства, что и на Западе. Но эти явления осуществлялись не в рамках новых варварских королевств, а «... в условиях ослабления римской государственности и античных муниципиев».

Нельзя отрицать смелость и последовательность данной концепции социального переворота, осуществленного в Византии в VI—VII вв. Она связана с тем

фактическим материалом об историческом развитии Византийского государства, который приводится в соответствующих главах книги. Это не означает, разумеется, что в рецензируемой книге решены все вопросы, связанные со сложнейшей задачей, давно стоящей перед специалистами, — генезисом феодализма в Византии. Неясной остается, например, социальная база того государства, при котором осуществлялась экспроприация сенаторской землевладельческой знати и упрочение свободного крестьянства. Слишком неопределенны данные о соотношении свободного крестьянства и зависимых землевладельцев в различных византийских провинциях, и нет уверенности в том, что вывод о господстве крестьянской общины достаточно обоснован. Но в целом, как рабочая гипотеза, охарактеризованная выше концепция социального переворота в Византии имеет положительное значение.

Духовная культура Византии IV—VII вв. рассматривается в книге как прямое продолжение античной культуры. Новое заключалось в том, что античному наследию придавалась богословская направленность, во всяком случае оно перерабатывалось в соответствии с христианским вероучением. В Византии не было такого удачка образования, как на Западе. Некоторые отрасли науки продолжали здесь прогрессировать, например география, право, химия, медицина. В крупных городах сохранялись высшие школы, библиотеки, развивались далее все жанры литературы. Для искусства также характерны взаимодействие и сопереживание между христианской культурой и античной. В философии происходила борьба между неоплатонизмом и христианской философией — восточной патристикой. Характеристике основных черт неоплатонической философии и ее эволюции в IV—VI вв. посвящена специальная глава, в которой излагается интересный материал. Определение социальной базы этого философского направления («узкая прослойка городской рабовладельческой знати, связанной с городским самоуправлением», стр. 408) носит, однако, слишком умозрительный и искусственный характер.

В общем же авторским коллективом I тома «Истории Византии» проделана большая плодотворная работа. Заново, в соответствии с материалом, накопленным современной византистикой, освещен переходный период от античности к средневековью, от Восточной Римской империи к Византии. Ряд положений, высказанных в книге, остается спорным. Но это свидетельствует лишь о том, что авторы не уклонились от перепенных исторической наукой вопросов и предложили собственное их понимание.

Книга написана живо, хорошим языком. Рецензируемое издание является не только ценным вкладом в советскую византистику, но и станет книгой, доступной как специалистам, так и широким слоям читателей исторической литературы.

А. Р. Корсунский

НОВАЯ РАБОТА ПО ИСТОРИИ СЕРБО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIV в.

Сербской Академией наук и искусств недавно издана монография выдающегося византиста Г. А. Острогорского «Серрская область после смерти Душана»¹, посвященная истории сербо-греческого княжества, существовавшего в Юго-Восточной Македонии в 1356—1374 гг. и имевшего столицей греческий город Серры. Выбор автором этой темы нельзя не признать весьма удачным и своевременным. История сербо-византийских отношений в XIV в., история греческих областей, потерянных Византией и вошедших в состав территорий своеобразных сербо-византийских государств (Сербо-Греческое царство Стефана Душана и сформировавшиеся после распада этого царства в Македонии, Эпире, Фессалии и Албании княжества сербских династий) разработана еще очень слабо. Совершенно прав Г. А. Острогорский, что «для изучения отношений между сербами и греками в старых византийских землях нет более интересной области», нежели эта, Серрская (стр. 1).

Разумеется, предпочтение, отданное этой области, обусловлено не только тем, что Серрское княжество, как отмечает автор, в наибольшей мере соприкасалось с Византией и имело в своем составе греческие области и города Южной Македонии (включая Афон). Это, по нашему мнению, вызвано также тем (заметим в противовес словам автора о «скудости» и «малочисленности» наличных источников — стр. 1—2), что именно для Серрского княжества, в отличие от других сербо-греческих государств (таких, как Фессалийское царство, Веррийское княжество Хлапена, Воденское княжество Фомы Прелюбовича, княжество Богдана и др.), наука располагает относительно большой документальной базой. Немало актов сохранилось в афонских монастырях, пользовавшихся благоволением и милостями сербских властителей Серр (царицы Елены-Елизаветы, вдовы Душана, и ее преемника, деспота Иоанна Углеши). Для воссоздания же ис-

¹ Г. Острогорски. Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965, 171 стр. (с картой: «Владения деспота Иоанна Углеши»).

тории почти всех прочих сербо-греческих княжеств мы фактически не имеем не только актов, но даже и такого одностороннего и тенденциозного, хотя живого и яркого, нарративного материала, который содержится в Эпирской хронике.

Монография Г. А. Острогорского вызывает большой интерес. Автор впервые в историографии свел воедино и проанализировал рассеянные по многим публикациям (в том числе недавним) материалы, углубил и расширил произведенные им ранее excursus по данному кругу проблем истории Византии и сербо-византийских отношений². Большим достоинством книги следует признать также то, что автор исследует вопросы как политической, так и социально-экономической и даже этнической истории Серрского княжества. Так, начиная с освещения внешнеполитической истории, проблем возникновения этого государства и его границ (гл. I и II), Г. А. Острогорский рассматривает далее имеющиеся данные о населении и экономике княжества (гл. III), о его внутриполитической системе, администрации и суде (гл. IV). В конце работы автор возвращается к вопросам внешней политики и истории церкви (гл. V — «Серрская митрополия и Афон под властью сербов», гл. VI — «Великая война против турок»). С вопросом о восточных границах Серрского княжества связаны два эпюда, завершающие монографию: первый — о византийских феодалах Алексее и Иоанне Палеологах, утвердившихся в 1356—1357 гг. в Хрисополе и Анакторополе, второй — о датировке захвата турками византийского города Комотины (Гюмюрджинь) во Фракии, на восточных рубежах Серрского государства.

Рассмотрение всех этих вопросов позволило автору сделать много весьма интересных и ценных выводов и наблюдений, а также гипотез и предположений, имеющих немалое значение для истории самого Серрского княжества и для освещения как сербо-византийских взаимоотношений во второй половине XIV в., так и сложных международных отношений на Балканском полуострове в связи с усилением турецкой экспансии (в частности, обстоятельство антитурецкого похода Углеша и его брата Вукашина, последствий их разгрома и гибели на р. Марице в 1371 г. и т. д.).

Как нам представляется, с особым мастерством написан раздел об установлении в Серрах власти Иоанна Углеша и взаимосвязи этого переворота с так наз. «узурпацией» его братом, королем Вукашином, власти в Сербии (стр. 6—12). Тщательно аргументирован раздел об этнической принадлежности масс населения (главным образом греков и славян) и представителей господствующей верхушки (феодалов и чиновников) в Серрском княжестве (стр. 42—56, 100—102). Много нового вносит автор и в определение восточных границ княжества при Углеше; в частности, весьма убедительной представляется критика мнения югославского историка Г. Шкриванича о наличии сербской власти в Родопах еще до завоеваний Углеша, равно как и предложенная автором датировка присоединения Углешей этих районов области Волерон 1366—1369 гг. (стр. 31—37). Привлекает внимание заключение автора, что «монастырские имения были крепче и стабильнее прочих» (стр. 62), поскольку этим можно объяснить стремления светской знати и императорского двора захватить богатые церковные имения и, таким образом, осуществить частичную секуляризацию в Византии (впрочем, при этом следовало бы учитывать и односторонность сохранившегося документального материала — преимущественно монастырских актов). Совершенно обоснованны также и возражения Острогорского против поспешной идентификации разных церковных деятелей той поры (стр. 105, прим. 6; стр. 110, прим. 27).

Отмечая некоторые из многочисленных достоинств книги Г. А. Острогорского, мы не можем не высказать сожаления, что автор отказался от мысли дать целостную картину политической истории Серрского княжества и его отношений с Византией и Сербией, ограничив тематические и хронологические рамки своей монографии.

Было бы весьма интересным узнать мнение Г. А. Острогорского о статусе Серрской области в рамках Сербо-греческого царства: было ли оно самостоятельным государством (и когда) или же его можно считать лишь полусамостоятельным уделом Сербо-Греческого царства (в частности, в период правления царицы Елены и даже в начале правления Иоанна Углеша, о чем Г. А. Острогорский упоминает на стр. 5 и 18).

Весьма желательным было бы также найти в монографии анализ данных о походе императора Матфея Кантакузина против Серрского государства в 1357 г.

Следует пожалеть также, что во второй главе («Территория») автор не проследивает границы Серрского государства за весь период его существования (1356—1371), говоря о территории княжества лишь при Иоанне Углеше (1365—1371). Предшествующего периода он касается главным образом при анализе свидетельств о судьбе Хрисостола, Хрисополя и других владений Алексея и Иоанна Палеологов (стр. 28—31). В связи с этим мы хотели бы высказать ряд соображений и уточнений. По нашему мнению, распространенные представления³ о территории и роли Серрского княжества страдают преувеличениями, так как при этом не учитываются результаты византийского наступления в Македонии (после 1350 и после 1355 гг.). Поэтому остается спор-

² Например: Г. Острогорски. Пронија. Београд, 1951; его же. Радоливо, село светогорског манастира Ивирана. — ЗРВИ, кн. 7, 1961.

³ Ср. Т. Д. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в., вып. 2. СПб., 1882, стр. 189.

ным, действительно ли были катастрофическими последствия гибели княжества в 1371 г. для Византии и южных славян (см. стр. 1, 143, 145).

Уже после 1350 г. контуры сербо-византийской границы часто менялись и притом скорее всего в пользу Византии, нежели в пользу сербских правителей (в том числе и властителей Серрского княжества). Г. А. Острогорский пишет, что царь Стефан Душан «уже в январе 1351 г. снова взял Водену, а вскоре после этого Хлапен занял и Веррию, так что в существующем положении ничего не изменилось» (стр. 130, курсив наш. — Е. Н.). Однако в единственном источнике, рассказывающем об этом эпизоде сербо-византийских отношений — «Истории» Иоанна Кантакузина, ничего не говорится о том, что Веррия и другие города, отвоеванные византийскими императорами, были тогда снова взяты сербами, а тем более — что Веррия была вскоре после падения Водены занята Хлапеном⁴.

Как известно, именно этот сербский вельможа Хлапен в 1350 г. перешел к Иоанну Кантакузину вместе с другим сербским феодалом Толиславом⁵. Следовательно, Хлапен не мог занять тогда снова Веррию в качестве военачальника сербского царя, которому он изменил. Рассказ Эпирской хроники о взятии Веррии Радославом Хлапеном позволяет полагать, что это случилось уже после распада Сербо-Греческого царства, видимо в 1356—1357 гг., когда Хлапен в период борьбы претендентов (Уроша и Симеона) за царский престол и нашествия византийцев мог вновь перейти на сербскую сторону. Действительно, как следует из Эпирской хроники, он стал одним из приближенных царя Уроша⁶. Заметим, кстати говоря, что с данными Кантакузина об успешном византийском наступлении против Сербии в 1350 г. целиком согласуется и свидетельство византийской простагмы от марта 1351 г., которое приводит Г. А. Острогорский (стр. 75—76).

Самый факт издания простагмы и, следовательно, отказа монахов монастыря Ксиропотама от выгодного пожалования Душана, показывает, что уже в марте 1351 г. вся Халкидика снова находилась под властью Византии. Там сказано, кроме того, о минувшем «нашествии сербов», что уже издатель этой грамоты Бомпер толковал как доказательство восстановления власти империи на Халкидике до марта того года.

Мы полагаем, что именно этим возвращением после 1350 г. Халкидики и других смежных районов Южной Македонии под власть византийского императора и надеждами афонских монахов на скорое освобождение от «противозаконной» сербской власти прочих городов (в том числе Серр), искони входивших в состав Римской империи, объясняется в действительности тот «парадокс», о котором неоднократно упоминает Г. А. Острогорский и который заключается в издании византийскими императорами и патриархом Каллистом в 1350—1357 гг. жалованных грамот в пользу монастырей Афона, находившегося, по мнению автора, непрерывно под сербской эгидой вплоть до 1371 г. (стр. 41, 119—123).

Нам представляется, что объяснять этот «парадокс» «двойственности» сербо-греческой власти на Афоне «мощью вековых традиций» и «непрерывностью» связи афонских монахов с Византией можно было бы лишь в том случае, если бы в 1350—1357 гг. позиции Сербии на македонском побережье были так же сильны, как в 1345—1349 гг. Однако соотношение сил Сербии и Византии менялось, усиливался распад Сербо-Греческого царства, и все более опасными для него становились походы Иоанна и Матфея Кантакузинов, Никифора Эпирского, Алексея и Иоанна Палеологов, которые привели, как известно, к сужению территории Сербского царства, в том числе и Серрского княжества.

Следует заметить, что и позднее (в 1358 г.) владения Серрского княжества были не столь обширны, как полагает Г. А. Острогорский. Простагма великого воеводы Углеши (октябрь 1358 г.) свидетельствует, по нашему мнению, не только и не столько о том, что Углеша играл тогда в княжестве видную роль (стр. 17), сколько о том, что юго-восточная часть Струмской области или находилась тогда под властью Византии (Углеша «по милости нашего государя» деспота Мануила подтверждает дарение кесариссы, жены сербского кесаря Воихны⁷), или же, по крайней мере, Византия обладала верховной властью над уделом или буферным государством Воихны, вероятно, владшего в немилость у царицы Елены (быть может, именно за его связи с Византией во время похода Матфея Кантакузина).

Хочется поспорить с автором также в вопросе о роли царицы Елены в событиях. В источниках есть данные о значительном политическом влиянии царицы Елены-Ели-

⁴ Joannis Cantacuzeni historiarum libri IV, v. III. Bonnae, 1832, p. 162 (ср. Т. Д. Флоринский. Указ. соч., стр. 189). К. Иречек, на которого ссылается Г. А. Острогорский, пишет лишь, что дата завоевания сербами Веррии неизвестна (К. Иречек. Историја Срба, т. I. Београд, 1952, стр. 230).

⁵ Cantacuzeni, v. III, p. 135 (ср. Т. Д. Флоринский. Указ. соч., вып. 1, стр. 106—107; вып. 2, стр. 186). Между прочим, Иречек ничего не говорит об этом переходе Хлапена и Толислава к Кантакузину.

⁶ Г. Дестунис. Историческое сказание инок Комнина и инок Прокла о разных деспотах Эпирских и о тиране Фоме Прелумбове Комнине, деспоте. СПб., 1858, стр. 9.

⁷ P. Lemerle. Actes de Kutlumus. Paris, 1945, p. 231.

заветы (напомним хотя бы о ее деятельности еще при Душане, о ее стараниях заключить союз с Никифором Эпирским, о переговорах с Каллостом и т. п.); Г. А. Острогорский, по нашему мнению, принижает ее роль в жизни Серрского княжества, называя ее «скромной», хотя тут же пишет, что она «не только формально» возглавляла княжество (стр. 6). Также спорным, на наш взгляд, остается вывод о распространении пронии в Серрском княжестве и о преобладании прониаров в войске серских правителей (стр. 63), поскольку имеется лишь единственное упоминание прониара (притом, возможно, еще византийского).

Говоря об историко-экономических аспектах монографии Г. А. Острогорского, нельзя не выразить сожаления, что внимание автора к источникам неравномерно: исследуя социально-экономические проблемы, он привлекает материал всех наличных источников (начиная с начала XIV в. и кончая даже свидетельствами XVI в.), касаясь же вопросов политической истории, автор отказывается в доверии свидетельствам «Истории» Кантакузина, Эпирской хроники и др., хотя именно в области политической истории, как нам представляется, как раз эти источники могут помочь решить немало спорных вопросов, в особенности в области сербо-византийских отношений во второй половине XIV в.

Появление интересной монографии Г. А. Острогорского является важным событием в византиноведении и славяноведении. Оно, несомненно, приведет к расширению исследований всех аспектов этой интересной проблемы.

Е. П. Наумов

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВИЗАНТИЙСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Изучение истории народонаселения в Византии, собственно говоря, только еще начинается. Проблема эта весьма важна: разумеется, не следует в демографических переменах видеть конечную причину социальных преобразований, как это иногда делается¹, однако представление о численности населения империи и о его относительном движении, несомненно, должно уточнять наше суждение о социальных процессах в Византии.

Трудность, однако, состоит в том, что мы располагаем лишь скудными и случайными, по большей части недостоверными цифрами. Даже исчисление количества жителей Константинополя базируется главным образом на косвенных данных: так, Д. Якоби, исходя из площади этого города и данных о плотности средневековых городов Италии, пришел к выводу, что население византийской столицы в VI в. не могло быть выше 375 тысяч². П. Харанис полемизирует с ним, опираясь на цифры Прокопия о смертности во время чумы 541 г., и склоняется к тому, что население Константинополя было близко к 600 тысячам³. Однако оперировать свидетельствами нарративных источников при статистических расчетах — крайне рискованно; к тому же Г.-Г. Бек показал, что внимательное истолкование Прокопия не дает основания для выводов, сделанных Харанисом: те цифры потерь, которые Харанис распространил на весь период эпидемии, относятся на самом деле лишь к ее кратковременному апогею⁴.

Итак, важнейшей задачей византийской демографии на настоящем этапе является выявление источников для исчисления народонаселения империи. В этом отношении прежде всего необходима критическая проверка цифр, извлекаемых из нарративных источников, — проверка на основании иного, более надежного материала. Опираясь на нарративные источники, Харанис исчисляет население крупных византийских городов (Эдесса, Никея, Пруса, Траллы) в 25—35 тысяч; Солунь, по его мнению, имела свыше 100 тысяч жителей; он отмечает, что в Эрзеруме в 1049 г. турки убили 140 тысяч человек — впрочем, он не оговаривает своего отношения к этой цифре, сообщаемой Скилицей⁵. Принципиально иные выводы были получены А. Л. Якобсом в результа-

¹ К этому, в частности, склоняется Дж. Тилл, полагающий, что уменьшение народонаселения в Константинополе в конце VI в. позволило империи преодолеть кризис (J. T e a l l. The Grain Supply of the Byzantine Empire. — DOP, 13, 1959. p. 133). Напротив, П. Лемерль связывает преодоление кризиса с иным — но опять-таки демографическим — фактором, с возрастанием сельского населения в VII—VIII вв. в результате славянских вторжений (P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. — RH, 249, 1958, p. 64).

² D. J a c o b y. La population de Constantinople à l'époque byzantine. — Byz., 31, 1961. Следует подчеркнуть, что Якоби говорит о максимально возможной, а не о действительной цифре; к тому же, на мой взгляд (см. мою рецензию: ВИ, 1962, № 5, стр. 191 и сл.), и она должна быть несколько уменьшена.

³ P. S h a r a n i s. Observations on the Demography of the Byzantine Empire. — The Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies. London, 1967, p. 449 f.

⁴ См. тезисы Г.-Г. Бека: *ibid.*, p. 474 f.

⁵ P. S h a r a n i s. Observations on the Demography, p. 452. Иногда население Солуни исчисляют даже в 200 тысяч (см. P. A. H a s l e d o v a. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. — ВВ, VIII, 1956, стр. 77 и сл.).

те подсчета жилищ в Херсоне: по его данным, Херсон X в. населяло не более 6—7 тысяч человек, а в XII—XIII вв. — всего 5—6 тысяч ⁶.

Чрезвычайно существенно в этой связи небольшое исследование Н. Икономидиса о византийских *кастро* (городках) XI в.: половина одного из таких «кастронов» состояла всего из 6 домов и 5 хижин ⁷.

Можно отметить и начало критического пересмотра цифр, относящихся к византийскому монашеству: давно уже стала традиционной, переходящей из работы в работу, цифра монахов Студийского монастыря — тысяча человек; теперь Р. Жанэн показал, что подобное количество монахов просто не могло бы поместиться в монастырской церкви ⁸. По-видимому, в критическом пересмотре нуждаются и данные о численности византийских войск — сводную работу на эту тему следовало бы приветствовать.

В качестве источника по византийской демографии были использованы в последние годы византийские практики. Разумеется, их значение довольно ограниченное: они относятся к одному району (бассейн р. Стримон) и к короткому промежутку времени — к первой половине XIV в. И все-таки они позволяют представить себе движение населения в нескольких западномакедонских деревнях этого времени.

Две работы, написанные независимо одна от другой, посвящены статистической обработке практиков первой половины XIV в. Д. Якоби обследовал владения монастырей Ивирского, Ксенофонта, Зографского и Ксиропотамского ⁹, Н. Кондов ограничился наиболее подробными из описей — ивирскими ¹⁰. Различие между обеими работами проявляется еще и в том, что Якоби уделяет большое внимание вопросу о достоверности цифр в описях, тогда как в исследовании Кондова центр тяжести лежит на исторических выводах, которые можно сделать из данных практиков. Наконец, Якоби составляет таблицы по отдельным деревням, выдвигая на первый план многообразие путей развития, тогда как Кондов предлагает суммированную таблицу по всем ивирским владениям.

При всем различии методов оба автора направляют свое исследование к одной цели — к исчислению того, что Якоби называет «дворовым коэффициентом» (*coefficient de feux*), т. е. среднего количества душ на один двор. По данным Кондова (табл. 1) он составлял:

в 1301 г.	4,49
в 1316 г.	4,03
в 1317 г.	3,48
в 1321 г. ¹¹	3,73
в 1341 г.	4,34

Таким образом, согласно Кондову, после известного уменьшения среднего размера дворов начинается его возрастание, к 1341 г. доходящее почти до уровня 1301 г. У Якоби мы находим иные цифры: в деревне Мелинциани «дворовый коэффициент» почти не изменился за эти годы; в Гомату он достигал 5,2 в 1301 г., резко упал к 1317 г. — до 3,3 и оставался далее на этом же уровне; в деревне Йерисс упал с 4,7 в 1301 г. до 3,6 в 1317 г. и, наконец, в Като-Волвос упал с 5,2 в 1301 г. до 3,2 в 1317 г., чтобы затем несколько подняться к 1320 г. — до 3,9 (на том же примерно уровне он остается и в 1341 г.). Опись 1316 г. относится к двум *другим* деревням Ивирского монастыря: Радоливо и Вориск, для которых мы не располагаем описью 1301 г. Поэтому включение данных этой описи в общую таблицу, как это сделал Кондов, ведет к затемнению общей картины демографической эволюции, ибо создается иллюзия какой-то катастрофы, совершившейся в 1316—1317 гг. — на самом же деле никакой катастрофы не было, просто исследователь сопоставил цифры, относящиеся к *разным* деревням ¹². Что касается этих двух селений, то в одном из них, Радоливо, дворовый коэффициент несколько вырос к 1341 г. — от 4,3 до 4,8, тогда как в Вориске уменьшился от 5,2 до 4,4.

⁶ А. Л. Якобсон. О численности населения средневекового Херсонеса. — ВВ, XIX, 1961, стр. 154—167.

⁷ N. O i k o n o m i d e s. The Donations of Castles in the Last Quarter of the Xth Century. — «Polychronion». Heidelberg, 1966, p. 414.

⁸ R. J a n é n. Le monachisme byzantin au moyen âge. — REB, 22, 1964, p. 29 sq.

⁹ D. J a c o b y. Phénomènes de démographie rurale à Byzance aux XIIIe, XIVe et XVe siècles. «Études rurales», 1962, № 5—6, p. 161—186.

¹⁰ N. K. K o n d o v. Demographische Notizen über die Landbevölkerung aus dem Gebiet des Unteren Strymon in der ersten Hälfte des XIV. Jahrhunderts. — «Études balkaniques», 2—3, 1965, p. 261—272.

¹¹ Дата эта, по-видимому, — результат механической описки: имеется в виду опись Константина Пергамина и Георгия Фарисея от 1320 г. (см. F. D ö l g e r. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1949, S. 7.)

¹² Кондов допускает еще одну ошибку: он включает в подсчеты на 1316 г., помимо Радолива и Вориска, еще две деревни, Овил и Добровикию, которые в других практиках не фигурируют и, следовательно, вообще ни с чем не могут быть сопоставлены.

Следовательно, обрисованная Кондовым картина демографического движения в Македонии первой половины XIV в. оказывается ложной: мы можем констатировать уменьшение размера дворов в деревнях Гомату, Иерисс и Като-Волвос в 1301—1317 гг. (при дальнейшей стабилизации) и в деревне Вориск в 1316—1341 гг. В Мелинциани положение на протяжении всего периода оказывается стабильным, а в Радоливе (самом большом из учтенных селений) дворовый коэффициент несколько вырастает за годы 1316—1341. Что здесь происходило в 1301—1316 гг., мы, к сожалению, не знаем.

В какой мере, однако, достоверны приведенные Якоби цифры? Для проверки произведем еще раз расчеты для деревни Вориск. По данным Якоби, там было в 1316 г. 62 крестьянина на 12 дворов, а также 2 «карликовых хозяйства»; дворовый коэффициент как уже было сказано, 5,2. Однако в 12 дворах Вориска жило не 62, а 58 человек (четыре составляли два «карликовых хозяйства»), и, следовательно, коэффициент должен быть уменьшен до 4,9. Можно было бы думать, что Якоби вносит 10%-ную прибавку, поскольку, по его мнению (стр. 170 и сл.), практики опускают 20% женщин, т. е. 10% всего населения — но он не делает этого в других случаях (например, в Радоливе в 1316 г. 961 человек, 222 двора, коэффициент 4,3). Если же учесть все 14 дворов, то коэффициент окажется 4,4.

Переходим к описи Вориска в 1341 г. Согласно Якоби, в деревне 76 человек, в действительности — 75. Это различие ничтожно, существеннее расхождение в числе дворов. Помимо четырех «карликовых хозяйств», Якоби отмечает 16 дворов — на самом деле их было 13. Возможно, правда, что он считает за отдельные хозяйства: 1) семью Птохариса Томбрина и его невестки Марии и 2) семью Василия Босака и его брата Георгия, но каждая из этих семей живет в одном доме и платит единый налог. В описи 1316 г. аналогичная семья Георгия Докиана и его брата Слава посчитана за одно хозяйство. Следовательно, считая без «карликовых хозяйств», мы получаем для Вориска 1341 г. коэффициент 5,2, а вместе с ними — 4,4. Выходит, что дворовый коэффициент Вориска за годы 1316—1341 не претерпел серьезных изменений. Во всяком случае, о том падении коэффициента, которое следует допустить согласно цифрам Якоби, — от 5,2 к 4,4, — на самом деле не приходится говорить.

Оба исследователя делают ряд интересных наблюдений, нередко совпадающих, но по-разному истолкованных; например, они отмечают высокий процент неженатых и незамужних лиц в практиках: по мнению Якоби (стр. 169), это свидетельствует о том, что описи учитывают население, начиная с младенческого возраста; по мнению Кондова (стр. 265), это отражает характерную для Балкан форму свободного брака. Оба отмечают низкий процент женщин в описях: для Якоби, как уже было сказано, это — результат неполноты практиков, для Кондова (стр. 270) — свидетельство обеспеченности населения рабочей силой. По-разному оценивают исследователи и роль миграции: Кондов подчеркивает появление в бассейне Стримона приселенцев из далеких краев, в том числе Михаила Русина (стр. 272), — напротив, по мнению Якоби, перемещение населения было незначительным (стр. 184).

Все эти погрешности в подсчетах и расхождении в истолковании фактов заставят снова вернуться к статистической обработке практиков XIV в. с учетом тех проблем, которые поставлены Якоби и Кондовым.

Очень интересный путь демографического исследования был намечен Э. Антониадис-Бибикю, которая предприняла попытку подсчитать количество запустевших деревень в Греции, упомянутых в источниках, начиная с XI в.¹³ Она составила таблицу, показывающую, сколько деревень приходило в запустение на протяжении полустолетия. Воспроизвожу эту таблицу (стр. 364):

XI век: первая половина — 3
вторая половина — 83
XII век: первая половина — 10
вторая половина — 20
XIII век: первая половина — 9
вторая половина — 57
XIV век: первая половина — 136
вторая половина — 322
XV век: первая половина — 65

Метод подсчета, предложенный Антониадис-Бибикю, не безупречен; она считает запустевшими поселения, упоминания о которых не встречаются в позднейших памятниках (стр. 359), тогда как поселение могло существовать некоторое время, не будучи упомянутым в источниках. Далее, количество упомянутых деревень зависит в какой-то степени от количества и характера источников, относящихся к тому или иному столетию: так, резкое возрастание «запустевших» селений XIV в. (стр. 370 и сл.) объясняется не только политическими и экономическими условиями этого столетия, но и тем фак-

¹³ H. Antoniadis-Bibicou. Villages désertés en Grèce. Un bilan provisoire. — Villages désertés et histoire économique. XIe—XVIIIe siècles. Paris, 1965, p. 343—417.

том, что именно к первой половине XIV в. относятся практики, наиболее богатые источники для изучения аграрной истории.

Не абсолютизируя цифры, полученные Антониадис-Бибику, мы тем не менее не должны пренебрегать ими: любопытно, в частности, что они рисуют картину известной демографической стабилизации в XII — первой половине XIII в.

Исследователям византийской демографии предстоит еще большая работа. Было бы желательно собрать сведения о численности семей и о продолжительности жизни в разные эпохи византийской истории: сколь ни отрывочны эти данные, они могут пролить известный свет на проблему движения населения. Так, для 27 позднееримских писателей IV в. средний возраст оказался 67 лет, для 13 греческих и латинских писателей VI в. — 62 года, а для 15 византийских авторов конца XI—XII в. — 71 год. Конечно, эти цифры слишком скудны, чтобы говорить о возрастании продолжительности жизни в Византии XII в., но все же они наводят на размышления...

Одним из важных элементов истории народонаселения является история этнических групп — весьма разнообразных в Византии. Эта проблема стоит уже давно в историографии — особенно проблема славянских вторжений VI—VII вв.¹⁴ История этнических групп более позднего времени изучена гораздо хуже¹⁵. Хотя изучение перемещений племен и народов по византийской территории, как правило, не позволяет получить надежные цифровые данные, тем не менее без учета этих перемещений судьбы народонаселения империи окажутся охарактеризованными односторонне и неполно.

Демографические проблемы не существуют сами по себе — они тесно переплетены с историей византийской экономики, процветания или упадка городов и деревень. Чисто статистические данные о численности населения, продолжительности жизни или размере семей проверяются косвенным образом по фактам экономической истории. Для византийской демографии поэтому существенны такие сведения, как рацион питания «среднего» византийца, стоимость пропитания, одежды, жилища, успехи техники, — проблемы, которые сами еще ждут исследователей. В самое последнее время Антониадис-Бибику подчеркнула стабильность цен в Византии, связав это явление с «демографической устойчивостью» империи, с отсутствием здесь роста населения в XI в.¹⁶ К сожалению, ограниченность доступных нам источников делает подобные выводы пока еще довольно проблематичными.

А. П. Каждан

¹⁴ См. в последнее время: В. Т ъ п к о в а - З а и м о в а. Нашествия и этнически промени на Балканите. София, 1966.

¹⁵ Тщательный очерк этнического состава населения некоторых малоазийских владений Византии в XI — начале XIV в. см. Н. А h r w e i l e r. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317) particulièrement au XIIIe siècle. — «Travaux et mémoires», I. Paris, 1965, p. 19—28.

¹⁶ Н. А n t o n i a d i s - B i b i c o u. Problèmes d'histoire économique de Byzance au XIe siècle: démographie, salaires et prix. — BS, 28, 1967, p. 255—261.

АННОТАЦИИ

Ю. В. БРОМЛЕЙ. СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА В ХОРВАТИИ

(К изучению процесса классовобразования у славян)

Москва, 1964 г., 407 стр.

Выход в свет монографии Ю. В. Бромлея, посвященной формированию феодальных отношений в Далматинской Хорватии и становлению раннефеодального строя в этих районах современной Югославии, заслуживает тем большего внимания, что проблемы раннего средневековья Хорватии, являющиеся объектом исследований советских и югославских ученых, представляют в сравнительном плане большой интерес и для медиевистов, изучающих сходные социально-экономические процессы в истории Византии, народов СССР, Центральной и Западной Европы. К тому же эта книга, поскольку рассматриваемые территории в исследуемый период входили некоторое время в состав владений Византии и Венеции, имеет немалое значение и для историков, занимающихся вопросами внешней политики Византийской империи, историей ее славянских провинций и балканской периферии империи в целом.

Важность работы Ю. В. Бромлея для анализа процессов раннефеодального периода у других славянских народов (вспомним, в частности, о трудах Б. Д. Грекова по славянскому «окружению» Русской правды) не вызывает сомнений, так как для прочих славянских стран (например, для Болгарии, Сербии, Руси) в X—XII вв. наука почти совершенно не располагает частно-правовыми и другими документальными источниками, необходимыми для воссоздания картины общественно-политического развития страны.

Наличие довольно обширной (по сравнению с другими славянскими землями) источниковедческой базы — хотя некоторые хорватские акты считаются подложными или сомнительными — и обилие противоречащих друг другу тезисов в имеющейся литературе заставило автора, открыв книгу сжатым, но очень интересным и веским обоснованием избранной темы (стр. 3—7) и введением о происхождении хорватов и их политической истории до начала XII в. (стр. 8—17), посвятить обширную первую главу (стр. 18—80) историографии и источникам. Подробный анализ имеющихся работ советских и югославских историков по истории феодального аграрного строя в Далмации и Хорватии Ю. В. Бромлей вполне закономерно и обоснованно заключает выводом, что в действительности, несмотря на немалую литературу, разработка социально-экономической проблематики хорватского средневековья находится еще на начальном этапе (стр. 30).

Все это, разумеется, обусловило пристальное внимание Ю. В. Бромлея к вопросу о достоверности сохранившихся древнехорватских актов. Скрупулезный источниковедческий анализ, опирающийся на данные дипломатики и палеографии и на разыскания автора в югославских архивах (в частности, Ю. В. Бромлей обнаружил любопытные варианты некоторых средневековых хорватских документов), привел его к чрезвычайно важному заключению: хотя примерно 40 актов сомнительны, по крайней мере 200 достоверны (стр. 71). Этот вывод открывает большие возможности дальнейшего исследования социально-экономической проблематики средневековой Хорватии. Он позволяет избежать легковесных гипотез и заключений, основанных лишь на сомнительных или фальсифицированных документах (в частности, против некоторых из таких выводов Е. А. Ефремова, М. М. Фрейденберга и других историков автор весьма успешно полемизирует в своей книге, например, на стр. 255—256, 259, 261, 294, 366 и др.).

Тщательная разработка источниковедческих вопросов, помогающая разобраться в обширной литературе, пристальное внимание ко всем особенностям сохранившихся актов и их истолкование с учетом широкого сравнительно-исторического материала разных стран (в частности, материалов этнографических) служат отличительными чертами монографии Ю. В. Бромлея. Следует сказать не только о больших достоинствах

книги в плане разработки определенных частных вопросов, но и о ее беспорной методологической ценности, источниковедческой обоснованности, а следовательно, и о правомерности осуществленных в ней весьма интересных сопоставлений в области истории первобытнообщинного и раннефеодального общества, новых теоретических обобщений проблем становления классового общества у славян.

Автор рассматривает сельское поселение и соседскую общину в Далматинской Хорватии X—XII вв. (гл. 2, стр. 81—126), семейную общину и коллективы родственников, не ведущих совместного хозяйства (гл. 3, стр. 127—197), изучает данные источников о свободных общинниках-аллодистах (гл. 4, стр. 198—251), о крупной земельной собственности и зависимом сельском населении (гл. 5, стр. 252—371). Кроме того, в ходе своего исследования Ю. В. Бромлей высказывает ряд весьма любопытных гипотез по истории расселения славянских племен на Балканском полуострове, по вопросу о существовании в хорватских землях так наз. «братской» семейной общины. Автор предлагает новое определение переходных производственных отношений в раннесредневековой Далматинской Хорватии (в X—XII вв.) как полусоседейскообщинных — полуфеодальных (стр. 386). Заключение (стр. 372—389), суммирующее результаты исследования автора вопроса о сущности этого строя, представляет, как нам кажется, само по себе большую по своей научной значимости работу. Книгу завершает указатель авторов цитируемых и упоминаемых работ (стр. 391—393) (который, к сожалению, не может заменить списка литературы), а также список сокращений (стр. 390), терминологический, именной и географический указатели (стр. 394—406).

Е. Н.

РОМАН МИМИНОШВИЛИ. ГРУЗИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «ИЗЛОЖЕНИЯ» ИОАННА ДАМАСКИНА

Тбилиси, 1966,

стр. 194 (на груз. яз., резюме на русском языке, стр. 173—194) .

Изучение литературного наследия Иоанна Дамаскина — выдающегося представителя византийской литературы, замечательного поэта, талантливого полемиста, систематизатора ортодоксальной христианской догматики — давно уже привлекает пристальное внимание исследователей. Творения Дамаскина оказали существенное воздействие не только на византийских писателей, но и на литературу соседних народов.

В деле изучения творчества Дамаскина большое значение приобретают ранние переводы его сочинений, среди которых важное место принадлежит и грузинским версиям. Как известно, в Византийской империи жили и творили такие выдающиеся представители грузинской литературы, философии и науки, как Петр Ивир¹, Евфимий Мтацмидели (Святогорец), Иоанн Петрици и многие другие. Кроме того, древнегрузинские переводы заслуживают большого внимания при изучении тех византийских памятников, оригиналы которых, по всей вероятности, утеряны безвозвратно. В других случаях переводы, греческие оригиналы которых сохранились, таят в себе такие различия, что мы зачастую вынуждены считаться с ними, признав существование другой редакции греческого подлинника, не дошедшей до нас.

В этом отношении не представляет исключения и «Изложение» Иоанна Дамаскина, являющееся основной частью его известного сочинения «Источник знания».

Книга Р. Миминошвили представляет собой интересную попытку решения вопроса о грузинских версиях этого сочинения. Как известно, первый грузинский вольный перевод «Изложения» был выполнен за сто с лишним лет до первого латинского перевода. Он принадлежал перу Евфимия Мтацмидели (умер в 1028 г.). Два других перевода (Ефрема Мцире и Арсена Икалтоели) были сделаны в конце XI столетия.

Следует отметить, что в научной литературе уже предпринимались попытки выяснить, почему Арсен Икалтоели приступил к работе над новым переводом, несмотря на то, что он принимал активное участие в работе над ефремовской версией. Вопрос об евфимиевской редакции не вызывает сомнения, ибо это не вольный перевод «Изложения», а целый сборник отрывков из разных сочинений Дамаскина и других византийских писателей, возможно, объединенных грузинским автором. К. Кекелидзе утверждал, что Арсен Икалтоели, перейдя от платонизма к аристотелизму, счел необходимым выполнить новый перевод; по мнению же Ш. Нуцубидзе, к этому Арсена побудило то обстоятельство, что он принадлежал к реакционному лагерю грузинской философии и не мог признать удовлетворительным труд прогрессивного деятеля — Ефрема. Эти высказывания грузинских ученых совершенно не объясняют причину повторного перевода «Изложения», тем более что указанные соображения высказаны без сравнительного

¹ В последнее время, благодаря трудам Ш. Нуцубидзе и Э. Хонигмана, утвердилось мнение, согласно которому Псевдо-Дионисием Ареопагитом являлся Петр Ивир, деятель V в. (см. Ш. Нуцубидзе и Э. Хонигмана. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942; E. Honigman et P. Pierre l'Ibérien et les écrits de Pseudo-Dénys l'Aréopagite. Bruxelles, 1952).

изучения грузинских версий и греческого оригинала. Таким образом, один из важных вопросов древнегрузинской письменности до сих пор фактически оставался открытым.

В книге Миминошвили исследование ведется на основе тщательного сличения обеих грузинских версий (Ефрема и Арсена) с греческим оригиналом.

Особенно важным достоинством рецензируемой книги следует признать выявление предполагаемой редакции греческого оригинала, которая, по всей вероятности, послужила источником для грузинских переводов. В конце исследования автор приводит обширные отрывки (в грузинских переводах), которые отсутствуют в изданном греческом подлиннике и, по-видимому, отражают более древнюю редакцию. К сожалению, эти тексты приведены только на грузинском языке. Нам кажется, что автору следовало бы привести их в латинском или русском переводе, чтобы указанные различия могли быть доступны более широкому кругу специалистов.

Сличение грузинских версий «Изложения» с греческим оригиналом позволило автору заключить, что перевод Арсена был вызван не соображениями идеологического характера, а желанием упорядочить терминологию, еще больше приблизиться к первоисточнику. Кроме того, перед Арсеном Икалтоели, который в то время работал над созданием большого догматико-полемического труда «Догматикон» (отметим, кстати, что такого сборника не знает византийская литература), где все сочинения византийских авторов были переведены им же, встала дилемма: или отказаться от такого значительного сочинения, как «Изложение», которое прямо отвечало назначению сборника, или же включить в свой сборник перевод, выполненный другим автором. Поэтому-то Арсен и счел необходимым заново перевести этот труд, тем более что у него оказалась рукопись, которая отличалась от ефремовского подлинника с редакционной точки зрения. С этим мнением автора рецензируемой книги нельзя не согласиться. Однако при этом следует сделать некоторую оговорку. Нам кажется, что автор проявляет чрезмерную осторожность, заявляя, что греческие первоисточники переводов Ефрема и Арсена хотя и принадлежали к одной и той же редакции, однако относились к различным группам рукописей (стр. 189). Как понимать это утверждение? Ведь автор сам говорит, что перевод Арсена вместо 100 глав оригинала и ефремовского перевода фактически содержит 99 глав. Кроме того, автор книги указывает и на многие другие различия грузинских переводов. Если этих фактов недостаточно для того, чтобы говорить о разных редакциях, то вообще можно ли ставить вопрос о другой редакции «Изложения», послужившей источником грузинских переводов? Правда, есть много черт, объединяющих грузинские переводы в одну редакцию, отличную от издания Миня, но ведь и сам автор отмечает немало различий. Нам кажется, что Ефрем и Арсен пользовались при переводе разными редакциями «Изложения».

Одним из достоинств рецензируемой книги является то обстоятельство, что автор глубоко изучил комментарии грузинских переводчиков. Из этих комментариев (кстати говоря, очень важных для истории грузинской литературы) мы узнаем об их переводческом методе, можем в некоторой степени судить о развитии научной мысли той эпохи и т. д. В комментариях Ефрема заключаются важные историко-литературные сведения.

На стр. 178 рецензируемой книги автор пишет: «Критика Иоанна Дамаскина с атеистической точки зрения в данный момент не входит в нашу задачу. Мы должны изучить его сочинение в историческом аспекте. Правда, в последующие времена $\pi\alpha\lambda\lambda\acute{\iota}\ \gamma\upsilon\beta\epsilon\omega\varsigma$, как догматическое произведение, задерживало развитие свободной мысли, но в свое время оно сыграло немаловажную роль в развитии научного мышления. Если мы хотим в полной мере изучить древнюю письменность, в том числе и древнегрузинскую литературу, то нельзя не учитывать тех сил, которые благоприятствовали или препятствовали ее развитию». Автор убедительно аргументирует эту свою мысль примерами из древнегрузинской литературы (Антон Цагерели-Чковидели, Антон Багратиони, Сулхан-Саба Орбелиани). Миминошвили справедливо говорит и о том, что «изучение лексики и содержания грузинских версий «Изложения» поможет решению ряда рустелологических проблем, и в частности — подготовке научно-критического текста «Витязя в тигровой шкуре» (стр. 194).

К сожалению, Миминошвили хотя и обещал в аннотации к своей книге издать подготовленный им текст грузинских версий «Изложения», однако до сих пор этот ценный источник все еще не опубликован.

Несмотря на отдельные недостатки, которые читатель, несомненно, обнаружит в рецензируемой книге, нельзя не признать, что исследование Миминошвили с интересом будет встречено всеми теми, кого занимают проблемы древнейших литератур.

И. Богомолов

КАТАЛОГ РУКОПИСЕЙ МАТЕНАДАРАНА ИМЕНИ МАШТОЦА, том I.

Составили О. Еганян, А. Зейтунян, А. Антабян.
Введение О. Еганяна, под редакцией Л. Хачикяна, А. Мнацаканяна.
Издательство Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1965,
1635 стр., цена 6 руб. (на арм. языке)

Коллекция армянских рукописей Матенадарана имени Маштоца является самой богатой в мире. Во время составления первого тома данного «Каталога» здесь насчитывалось 10 171 фолиант и 1683 фрагмента. В основе армянских рукописей Матенадарана лежит собрание рукописей Эчмиадзинского монастыря, библиотека которого имеет полуторатысячелетнюю историю.

Попытки составить каталоги имеющихся в Эчмиадзинском монастыре рукописей были предприняты давно. Еще в 1828 г. Манвел Гюмушханеци составил первый каталог, в котором дал описание 1809 рукописей. В 1837 г. Ованес Шахатунияз составил второй каталог, включавший описание 2740 рукописей. Этот каталог был переведен на русский язык и издан в 1840 г. Броссэ. В конце 40-х годов прошлого века Шахатунияз окончил работу над составлением нового, тематического каталога, который был переведен на французский язык и издан Броссэ в 1849 г.

Однако все эти каталоги не отвечали требованиям развивающейся науки, и в 1863 г. в Тифлисе Акопом Каренянцем был издан новый каталог, известный до сих пор как «Каталог Каренянца», составленный вардапетом Даниелом Шахназарянцем и Андреасом Константинопольским. В нем были описаны все имевшиеся тогда в Эчмиадзинском монастыре 2338 рукописей.

Одновременно в Эчмиадзине велась большая работа по собиранию разбросанных по миру армянских рукописей. В начале 1921 г., когда Декретом Ревкома Армении рукописи Эчмиадзинского Матенадарана стали достоянием созданного 5 февраля 1921 г. Культурно-исторического института, их насчитывалось 6576.

В годы Советской власти число рукописей Матенадарана почти удвоилось. Кроме армянских, в Матенадаране имеется много иноязычных рукописей, большей частью арабских и персидских, а также греческие, сирийские, грузинские, еврейские, эфиопские, латинские, русские и др.

Во введении (стр. 12—214) О. Еганян дает подробную историю Матенадарана с V в. до наших дней, указывает, когда и каким образом были собраны рукописи. Он подробно останавливается на всех изданных (60 названий) и неизданных (76 названий) каталогах армянских рукописей, составленных у нас и за рубежом.

Первый том Каталога рукописей Матенадарана имени Маштоца дает краткое описание 5000 армянских рукописей. При описании сообщаются следующие данные: время написания рукописи, место написания, имя писца, иллюстратора, переплетчика, заказчика, количество листов рукописи, материал, количество столбцов на странице, вид письма, количество строк на каждой странице, наличие миниатюр, переплетный материал, памятная запись писца, получателя, записи последующего времени, а затем — краткое содержание рукописи.

Книга имеет подробные указатели:

- 1) Хронологический. Здесь в хронологической последовательности приведены все 5000 рукописей с указанием №№ в собрании Матенадарана; древнейшая из них датирована IX в.
- 2) Указатель имеющихся в рукописях памятных записей, а также других записей и помет, не связанных с содержанием рукописи.
- 3) Указатель содержания рукописей. Все 5000 рукописей, согласно их содержанию, разделены на отдельные группы с указанием №№ рукописей. Имеются группы: историография, поэзия, география, философия, право, церковные каноны, грамматика, арифметика, космография, календарь, музыка, химия, медицина, ботаника, Библия, Евангелие, Талмуд, Коран, жития, богословско-догматические произведения, речи, риторические сочинения, минология, эртологи, толкования, песнопения, плачи, псалмы, рассказы, проповеди, басни, вопросы и ответы, видения, наставления мудрых, о растениях и животных, о драгоценных камнях, мера и вес и т. д.
- 4) Список фрагментов — защитных листов рукописей, с указанием их содержания и № рукописи, в которой они находятся.
- 5) Список географических названий.
- 6) Список личных имен.

Указатели составлены О. Еганяном.

Каталог рукописей Матенадарана представляет большой интерес не только для арменоведов, но и для антиковедов, медиевистов и особенно — для византинистов и сириологов. Византинисты, в частности, теперь могут легко узнать, какие византийские памятники имеются в армянских переводах. Прилагаю далеко не полный список авторов, труды которых переведены на древнеармянский язык и находятся среди описанных в первом томе «Каталога» 5000 рукописей: Августин, Афанасий Александрийский, Афиноген, Акакий Мелитенский, Анастасий Синаит, Анатолий, Антоний Римский, Василий Кесарийский, Геннадий Константинопольский, Григорий Чудотворец, Григорий Назианский, Григорий Нисский, Дионисий Ареопагит, Епифаний Кипрский

Евагр, Ефталий, Евсевий Александрийский, Евсевий Эмесский, Евсевий Кесарийский, Ефрем Сирий, Игнатий Антиохийский, Ириней, Киприан Анкирский, Кирилл Иерусалимский, Кирилл Александрийский, Иероним, Ипполит Римский, Макарий, Немеций, Нил, Ноннос, Петр Александрийский, Прокл, Псевдокаллистен, Севериан, Сильвестр, Серапион Тмутский, Тимофей Элур, Феликсиан, Филоксен, Феофил Александрийский, Филон Александрийский, Филон Еврей, Фотий и т. д.

Из древнегреческих авторов в древнеармянских переводах имеются: Гомер, Галиен, Дионисий Фракийский, Зенон, Иппократ, Иосиф Флавий, Клавдий Птолемей, Порфирий, Евклид, Феон Александрийский и др. Переводы трудов Аристотеля и древнеармянские их толкования можно встретить в более чем 220 рукописях.

Р. Б.

H. KOPSTEIN. ZUR SKLAVEREI IM AUSGEHENDEN BYZANZ.
BERLIN, 1966, S. 134.

В то время, как существование рабства в раннесредневековой Византии не вызвало сомнений, обычно считалось, что в поздний период византийской истории рабство практически перестало существовать¹. Х. Кэпштейн, сотрудница Института греко-римских древностей в Берлине, выступила против этого тезиса и, собрав материал разнообразных источников, исследовала терминологию поздневизантийского рабства (XIII—XV вв.), его источники, сферу применения рабов и их статус. Особенно следует подчеркнуть, что автор, не ограничиваясь византийскими документами, широко привлекает данные нарративных источников, а также итальянские акты². Всесторонняя картина обрисована с необходимой осторожностью, и вместе с тем исследовательница не останавливается в растерянности перед разноречивостью источников, но приходит к выводам, представляющимся убедительными.

Хотя рабство и существовало в Византии XIII—XV вв. и византийцы участвовали в работорговле (стр. 95—97), применение рабства было весьма ограниченным: никакими источниками не засвидетельствовано применение рабов в сельском хозяйстве, ремесле, горном деле, на галерах (стр. 110—114); труд рабов использовался исключительно в домашнем хозяйстве государей, знати, купечества и высшего духовенства (стр. 103—110)³. Соответственно источники рабства были незначительными: хотя мы слышим время от времени о продаже византийцами пленников в рабство (особенно показательный пример Ducas, p. 323. 4—7: см. стр. 69, 97, прим. 1), ни война, ни пиратство, ни работорговля, ни естественный прирост не давали в империи значительного притока невольников (стр. 132). Любопытно в этой связи развитие в Византии представления о недопустимости порабощения православных (стр. 58 сл.); впрочем, из приводимого самой Кэпштейн материала (стр. 95) видно, что этот принцип далеко не всегда применялся; можно добавить, что изданный Дж. Феррари формуляр XIII в. (см. выше, прим. 2) называет русских на первом месте среди византийских рабов.

Очень осторожно трактован вопрос о положении рабов в Византии: Кэпштейн подчеркивает, что правовые сборники XIV в. не учитывали комниновское законодательство о рабах и отражали давно уже пройденный этап; вместе с тем устаревшие правовые нормы продолжали оказывать влияние на сознание людей и, в частности, вели к негативной оценке рабства (стр. 124 сл.).

Анализ терминов для рабов и рабства приводит Кэпштейн к выводу об отсутствии строгой терминологии византийского рабства, что, по ее мнению, является одним из свидетельств незначительности роли рабов в империи (стр. 134); впрочем, неопределенность терминологии вообще свойственна средневековью, и из одного факта терминологической «рыхлости» вряд ли можно делать какие-либо выводы. Многозначность таких терминов, как *δούλος*, показана очень убедительно (стр. 32—37) — пожалуй, менее ярко обнаруживается сохранение за ними старого значения — «раб». В связи с терминологией рабства позволю себе несколько уточнений и дополнений: Кэпштейн, к сожалению, не анализирует такие производные от *δούλος* термины, как *ἡδούλος* или

¹ Обзор историографии дан во введении (стр. 21—26). См. подробнее: H. Köpstein. Die byzantinische Sklaverei in der Historiographie der letzten 125 Jahre. — «Klio», 43—45, 1965, S. 560—76. Поскольку Кэпштейн затрагивает также историографию ранне- и средневизантийского рабства (см. особенно стр. 23, прим. 1), можно указать на пропуск некоторых существенных для этой темы работ, например Г. Г. Лита в р и н. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 181—192.

² В какой-то мере круг источников мог быть расширен за счет формуляров XIII в., в том числе формуляров отпускных грамот (G. Ferrari. Formulari notarili inediti dell'età bizantina. — «Buletino dell'Istituto storico italiano», 33, 1913), или писем середины XV в., где идет речь о судьбе византийских пленников (J. Darrouzès. Lettres de 1453. — REB, 22, 1934).

³ Хотя Кэпштейн критикует мои высказывания о вырождении рабства в поздней Византии (стр. 54, прим. 6; стр. 132, прим. 1), расхождения между нами не столь велики, как ей кажется: ведь я и признавал сохранение рабов в качестве челяди (А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 134).

εφελαδδουλος; справедливо считая, что термин δουλευτης не обозначал рабов (стр. 40), она, к сожалению, не отмечает, что анализ этого термина был уже дан в советской литературе, например в указанной выше книге Литаврина⁴; термин σκλάβος в значении «раб» встречается впервые не в XII в., как вслед за Дэльгером полагает Кэпштейн (стр. 42 сл.), но уже в документе из Южной Италии XI в.⁵

А. К.

Н. ANRWELER
BYZANCE ET LA MER. PARIS, 1966, P. 502

Большая монография французской исследовательницы Э. Арвейлер посвящена истории византийского военного флота в VII—XV вв. Автор характеризует типы боевых кораблей, экипажи, судостроительство (стр. 397—439), рассматривает эволюцию военно-морской администрации (командование, морские округа) и участие флота в политической истории империи (войны с арабами, с норманнами, переворот Андроника I, падение Константинополя в 1204 г., отвоевание Константинополя в 1261 г. и т. п.).

Книга основана на разнообразных и одновременных источниках, в том числе и таких, которые совсем недавно были введены в оборот, напр. так наз. «тактикон Икономидиса» — табель о рангах конца X в. (р. 118—122)¹. Автор стремится связать историю византийского военного флота с основными линиями социальной и политической истории империи; особенно интересна и плодотворна, на мой взгляд, характеристика административной политики Алексея I (стр. 200—205), в которой Арвейлер стремится выделить конструктивные элементы²; исследовательница приходит к выводам, близким к тем, которые независимо от нее и несколько раньше были сделаны Я. Н. Любарским³. Точно так же и при рассмотрении судеб византийского флота в XI в. Арвейлер учитывает борьбу социальных групп внутри господствующего класса (стр. 136—139).

Однако этот социальный подход к проблеме осуществляется далеко не всегда. Ограничусь одним примером. На стр. 117 исследовательница делает остроумное и справедливое наблюдение: с середины X в. византийское правительство, осуществляя экспансию на суше, оставляет военный флот в пренебрежении. Насколько обогатилось бы это наблюдение, если бы Арвейлер связала его с борьбой двух социальных сил X столетия — столичной знати и провинциальной аристократии. Легко видеть, что командование флотом находилось в эту пору в руках представителей служилой верхушки, таких людей, как Роман Лакапин или внух Вринга, тогда как сухопутной армией командовали провинциальные феодалы: Склиры, Дуки, Фоки и им подобные. Пренебрежение интересами флота совпадает и, по-видимому, стоит в зависимости с торжеством провинциальной знати в середине X в.

И может быть, эта непоследовательность в выяснении социальной природы борющихся сил (а с другой стороны — сознательный отказ от анализа экономического развития и, в частности, торговых связей) приводит Арвейлер к построению четкой и ясной, но, на мой взгляд, несколько абстрактной схемы: история византийского флота целиком сводится к осуществлению одной идеи, la Grande Idée, как называет ее Арвейлер, — химерической идеи восстановления империи (стр. 394).

Книга Арвейлер содержит много интересных частных наблюдений, особенно по вопросам административного устройства Византии. По ее мнению, фема Карависианов никогда не существовала, а стратиг Карависианов был командующим византийским флотом (стр. 25)⁴; архонтов морских портов она считает командирами военных баз, контролирующими территориальные воды империи (стр. 61)⁵; должность друнгария

⁴ Можно было бы привлечь и статью В. А. Сметанина (Византийское крестьянство в терминологии греческих актов XIII—XV веков. — «Античная древность и средние века» 2, 1963), где учтены также некоторые из рассмотренных Кэпштейн терминов, например, ὑπηρετής или φοχάρια.

⁵ А. П. К а ж д а н. Об одной южноитальянской грамоте XI в. — СВ, 17, 1960, стр. 319 сл. У Дэльгера заимствует Кэпштейн (стр. 97, прим. 3) и неверное положение о существовании особого чиновника — императорского работаровца.

¹ См. о нем теперь: N. O i k o n o m i d è s. Un taktikon inédit du Xe siècle. — «Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 177—183. Арвейлер пользовалась машинописным экземпляром диссертации Н. Икономидиса.

² Ср. А. П. К а ж д а н. Загадка Комнинов. — ВВ 25, 1964, стр. 98.

³ А н н а К о м н и н а. Алексиада. М., 1965, стр. 10—13.

⁴ Ср. также Н. A n t o n i a d i s - V i b i c o u. Etudes d'histoire maritime de Byzance. A propos du «thème des Caravisiens». Paris, 1966, p. 78.

⁵ В связи с вопросом об архонтах Арвейлер затрагивает спорную проблему — истолкование печати Музалонисы, «архонтисы России» (стр. 58, прим. 1). Она критикует предложенное А. Соловьевым отождествление Михаила, «архонта Матрахов» с Михаи-

флота, согласно Арвейлер, была введена только в начале IX в., и в «Тактиконе Успенского» он занимал еще скромное место (стр. 74 и сл.); только в связи с централизацией, осуществленной Василием I и Львом VI, друнгарий приобретает важное значение (стр. 98); введение должностей великого дуки и великого domestика Арвейлер связывает с реформами Алексея I (стр. 209)...

Особенно следует отметить характеристику административных преобразований в середине XI в. и, в частности, наблюдение исследовательницы относительно роли так наз. экономических секретов (Манганы, Мирелеон и др.), т. е. специальных ведомств, управляющих государственным (я бы сказал, доменальным) хозяйством (стр. 141); их развитие Арвейлер справедливо связывает с общей централизацией этого времени⁶.

Широта охвата и смелость в трактовке существенных проблем византийской истории делают книгу Арвейлер существенной для каждого византиста, даже если он не будет соглашаться с отдельными ее оценками (мне представляется, напр., что в характеристике Романа Диогена, Иоанна II, Мануила I Арвейлер оказывается излишне суровой, тогда как Константину IX Мономаху она чрезмерно симпатизирует). Но эта широта и смелость приводит в некоторых случаях к недостаточно внимательному анализу текстов и к ошибкам.

Так, на стр. 28, доказывая существование должности стратига флота (πλοῖμον), или Карависианов, Арвейлер, ссылаясь на Феофана, утверждает, что логофет Иоанн был назначен *stratège des ploimata* (=des karabisianoï). Однако у Феофана в указанном месте (Theoph. I, 385.6) совершенно нет технической терминологии: император, говорит Феофан, отобрал из своего флота быстрые корабли, посадил на них воинов из фемы Осикий и назначил командиром (στρατηγὸν καὶ κεφαλῆν) логофета геникона Иоанна.

На стр. 87 и сл. Арвейлер решительно отмечает возможность того, что ἀρχὼν Βουλγαρίας в IX в. был болгарским должностным лицом, и считает его непременно командиром византийской эскадры в болгарских водах. Однако аргумент ее — грекоязычность печати, упоминающей архонта Болгарии, — не выдерживает критики: ряд русских князей и митрополитов, как известно, пользовались мольдвулами с греческой легендой; известна греческая печать великого жулана Болгарии⁷, — а термины жулан и архонт в словоупотреблении Константина Багрянородного почти неразделимы.

На стр. 207, анализируя пассаж «Алексиады» (XII, 8.4: т. III, р. 79.8—10), Арвейлер безоговорочно утверждает, что «скифы» Анны Комнины — это русские, и на основании этого говорит об участии русских в византийском флоте. Однако Анна, во-первых, четко противопоставляет моряков и «скифов» (οἱ μὲν οὖν ναυτικοὶ... τῶν δὲ γὰρ Σκυθῶν), а во-вторых, чуть ниже, описывает «скифов» как нехристей (ἀπίστους, παγάνους) и конных лучников, что заставляет видеть в них не русских, а печенегов или иных степняков.

На стр. 268 Арвейлер говорит об анонимном риторике, восхвалившем Мануила I, — на самом деле речь принадлежит, как это показал П. Вирт, Григорию Антиоху.

На стр. 275 Арвейлер утверждает, что дука Крита именовался ἀνδρωπος, зависимым человеком великого дуки, командующего флотом. Она ссылается при этом на MM VI, р. 96, 125. Но на стр. 125 вообще нет ни термина ἀνδρωπος, ни упоминания великого дуки — речь идет лишь о дуке Крита Стефане Кондестефане (отмечу, что на стр. 277, прим. 2 те же места указаны как свидетельствующие о существовании претора Элады и Пелопоннеса, хотя документы говорят лишь о Крите!). Обратимся к стр. 96. Там действительно назван «великий дука и претор» Евмафий Филокали, известный наместник Крита при Алексее I; в какой мере он реально мог быть командующим византийским флотом, мне неясно⁸. Но не в этом дело: в документе идет речь о судебном трибунале катепана Крита Иоанна Эладика и «ближнего человека святого нашего господина пансеваста, севаста, великого дуки Евмафия Филокали»; следовательно, не катепан Крита назван «человеком» великого дуки, а сам дука — «ближним человеком» императора.

Все эти и подобные неточности естественны в книге, построенной на столь обширном материале источников. В целом же книга Арвейлер — первая монография о византийском флоте — представляет большой интерес.

А. К.

лом-Олегом Святославичем. К сожалению, она не учитывает дискуссии по этому вопросу в советской литературе (последняя работа — В. Л. Янин. Печати Феофана Музалон. — «Нумизматика и сфрагистика», т. 2, Киев, 1965, стр. 76—90).

⁶ О развитии императорских доменов и усложнении их администрации с IX в. и особенно в XI в. см. также А. П. Карташова. Деревья и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 128—137.

⁷ V. Beševliev. Protobulgarische Inschrift auf einer Silberschale. — Byz., 35, 1965, р. 1—9. Надпись впервые была опубликована в 1964 г.

⁸ См. о нем: А н н а К о м н и н а. Алексиада, стр. 548, прим. 887; V. Laurent. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Città del Vaticano, 1962, № 68. Евфимий упоминает также в «Житии Кирилла Филеота», где он назван «дукой» (E. Sargollog o s. La Vie de Saint Cyrille le Philôte. Bruxelles, 1964, р. 146. 8—9); против него обращено стихотворное отречение Николая Музалона, из которого ясно, что Евмафий обладал реальной властью на Крите.

ПУБЛИКАЦИИ

Г. М. ПРОХОРОВ

ПУБЛИЦИСТИКА ИОАННА КАНТАКУЗИНА
1367—1371 гг.

В Москве, в Государственном Историческом музее, в Синодальном собрании, под № 233 ($\frac{143}{\text{CXLIV}}$) хранится греческая рукопись, содержащая богословское полемическое сочинение (*Ἀντιρρήτικὰ*) экс-императора монаха Иоанна-Иоасафа Кантакузина, направленное против иеромонаха Прохора Кидониса. В Москву эта рукопись была привезена в 1655 г. из афонского монастыря св. Дионисия Арсением Сухановым¹, ездившим за книгами на Афон по поручению патриарха Никона. Листы 3—20 кодекса содержат изложение взглядов Прохора Кидониса по теологическим вопросам, касающимся божественной сущности, энергии и фаворского света, листы 21—98 об. заключают указанное сочинение Иоанна Кантакузина, к коему приложены выдержки из «Слов на Преображение» Иоанна Златоуста, Афанасия Великого, Иоанна Дамаскина и Андрея Критского, а также из богословских глав Дамаскина на Пятидесятницу (лл. 99—105 об.); лист 106—106 об. — чистый; лист 107 начинается с середины фразы на четвертом пункте оглавления или конспекта из 14 пунктов (лл. 107—109); этим открывается вторая часть кодекса, в которой счет тетрадей начинается с начала и которая содержит богословский «диалог» между императором (Кантакузином) и Прохором (Кидонисом) (лл. 109—164).

Архимандрит Владимир, автор каталога греческих рукописей Синодального собрания, ошибочно отнес эту рукопись к XV в.² По водяным знакам бумага кодекса датируется 60—70 гг. XIV в.³, т. е. рукопись современна ее автору, Кантакузину (ум. в 1383 г.).

Кроме этой рукописи сейчас известно еще девять, сохранивших списки того же сочинения Кантакузина⁴. Пять из них (Paris. gr. 1241, Paris. gr. 1242, Vatic. gr. 673, Vatic. gr. 674 и Метеорская № 23) относятся к XIV в. и четыре (те же, кроме Paris. gr. 1242) писаны рукой Мануила Цикандилиса

¹ Что явствует из надписи «Арсений ἁγ. Διονυσίου».

² Архим. В л а д и м и р. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 305.

³ 1. Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. III. Альбом снимков. СПб., 1899 (далее — Л), №№ 232—233, 907—1369 г.; Vladimir A. Mošini Seid M. T r a l j i ć. Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka, I—II. Zagreb, 1957 (далее — М), № 4682—1369 г.; 2. Л 163—1369 г., М, 5861—1360—1390 (1357) гг.; 3. Л, 251—252—1375 г., М, 2346—1375 г., 2347—1376 г.; Л, 2029 = ?, М, 4205 = 1371 г., С. М. В r i q u e t. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier, t. I—IV. Paris, 1907 (далее — Вr), № 7397 = 1361 г.; 5. Л, 2122 = 70-е гг. XIV в., М, 2473 = 1366 г., Вr., 3564 = 1365—1375 гг.

⁴ Это: Paris. gr. 1240, Paris. gr. 1241; Paris. gr. 1242, Paris. gr. 1247; Vatic. gr. 673 и 674, Metoch. S. Sep. 130, Μεταόρος (τοῦ Ρουσάνου), № 23 и Моск. синод. № 254. Э. Воордекер (E. V o o r d e c k e r s. Quelques remarques sur les prétendus «Chapitres

(Μανουὴλ ὁ Τζικανδῶλης) на Пелопоннесе⁵, в Мистре, в промежутке между сентябрем 1369 и июнем 1370 г., когда Кантакузин гостил при дворе сына, морейского деспота Мануила. Мануил Цикандилис — известный писец сочинений Иоанна Кантакузина, Григория Паламы, античных авторов, — человек, «который служил секретарем интеллектуалов, группировавшихся вокруг Иоанна Кантакузина»⁶.

Рукопись написана двумя почерками. Один из них — почерк Мануила Цикандилиса; им написана большая часть рукописи (лл. 3—37 об., 48—138 об., 141—144 об., 157—165). Имя владельца второго почерка (лл. 38—47 об., 139—140 об., 145—156 об.) пока установить не удалось. Но его рука знакома нам по другой рукописи Синодального собрания — № 337 ($\frac{206}{\text{CCVII}}$), которая датируется по водяным знакам тем же временем^{6а},

посвящена той же тематике — исихастским спорам и вышла также из лагеря сторонников Григория Паламы и Иоанна Кантакузина. Есть сходство и в оформлении обеих рукописей: в подавляющем большинстве случаев в них 23 строки на странице; сигнатуры, которыми обозначаются тетради, стоят в середине нижнего поля первого и оборота последнего листа каждой тетради. Сближает эти рукописи и датировка их содержания. «Опровержения» Прохора Кидониса (Ἀντιρρήτικὰ κατὰ Προχόρου τοῦ Κιδώνη) были написаны Кантакузином в связи с последним исихастским собором, т. е. около апреля 1368 г. № 337 содержит подборку исихастских материалов, в составе которой — три соборных определения против Варлаама и Акиндина (от августа 1341, от 1347 и от 1351 гг.). Определений собора 1368 г. нет. Можно предположить, что сборник составлен непосредственно перед этим собором по инициативе Кантакузина и написан кем-то из его окружения, кто был затем вместе с ним и Цикандилисом в Мистре.

За период с 1367 по 1369 г. из-под пера Кантакузина, несомненно, вышло три произведения: «Беседа» с легатом Павлом о проекте восьмого вселенского собора (издана И. Мейендорфом⁷), «Переписка» (изложение разговоров) с тем же Павлом на богословские темы, в которой Кантакузин убеждает Павла в правильности исихастских концепций (готовится к изданию Э. Воордекером⁸) и «Опровержения» Прохора Кидониса. Это свидетельствует о большой писательской активности экс-императора в это время. Сохранившиеся рукописи (они указаны выше) говорят также о его энергичной «издательской» деятельности в 1369—1370 гг. Более всего переписывались и распространялись «Опровержения» и «Переписка». По-видимому, и синодальная рукопись (№ 237) «Опровержения» была написана

théologiques» de Jean Cantacuzène. — Вуз. XXXIV, 1964, p. 620—621) в числе этих рукописей называет также Vatop. 347, но это ошибка — там нет Ἀντιρρήτικὰ.

⁵ Образцы его почерка можно найти: H. Oumont, Fac-similés des manuscrits grecs datée de la Bibliothèque Nationale du IXe au XIVe siècle. Paris, 1894, №№ 87—88, 93; A. Turyn. Codices Graeci Vaticani saecules XIII et XIV scripti annorumque instructi. In civitate Vaticana, 1964, tab. 140, 142.

⁶ J. Meyendorff. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959, p. 331.

^{6а} 1. M, 4414 = 1373 г.; Л, 2040—2042 = 1360—1375 гг.; 2. Br, 11669 = 1364—1366 гг.; M, 6284 = 1364 г.; 3. Br, 3230 = 1367 г.; M, 2160 = 1367 (1360—1380) г., 2161 = 1360—1370 гг., 2162 = 1360—1380 гг.; Л, 2082 = 1360—1380 гг. 4. Br, 702 = 1362 г.; M, 197 = 1325—1328 гг. Арх. Владимир «омолодил» целый ряд греческих рукописей XIV в. «исихастского» содержания. Помимо упомянутых кодексов, ответственных им к XV в., можно назвать: № 257 (164), Сочинения патр. Филофея (по Влад. — XV в.); № 212 (69), Сочинения Гр. Паламы (по Влад. — XV в.); № 241 (389), Сочинения Нила Кавасилы (по Влад. — XV в.); № 394 (293), Жития (по Влад. — XVI в.); № 431 (349), Сочинения патр. Филофея (по Влад. — XV и XVI вв.); № 236 (290), Полемический сборник (по Влад. — XV—XVII вв.). Более подробно об этих рукописях я надеюсь написать особо.

⁷ J. Meyendorff. Projets de concile oecuménique en 1367. Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul. — DOP, 14, 1960, p. 149—177.

⁸ E. Voordcker s. Op. cit., p. 619—620.

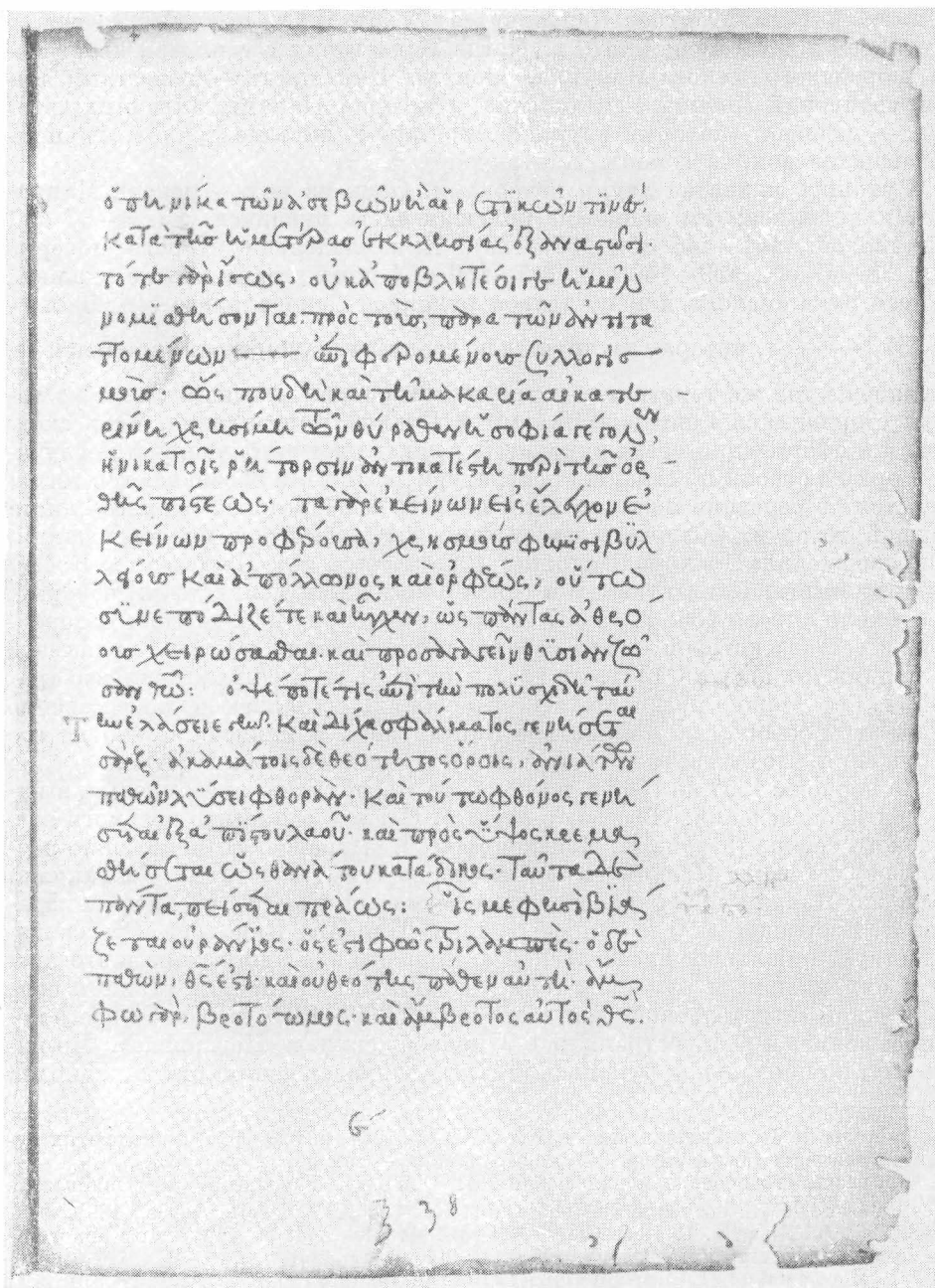

Рис. 1. Лист 38 из Московской Синодальной греческой рукописи № 223 (143 IV).
Второй почерк.

Цикандилисом тогда же. Датировка филиграней этому не противоречит. Но цель «Опровержений» была достигнута, казалось бы, уже в апреле 1368 г., когда собор патриарха Филофея лишил Прохора Кидониса священнического сана и предал его за латинофильские взгляды анафеме⁹. Зачем же нужно было Кантакузину многократно «издавать» свое сочине-

⁹ См. PG, t. CLI, col. 693—716.

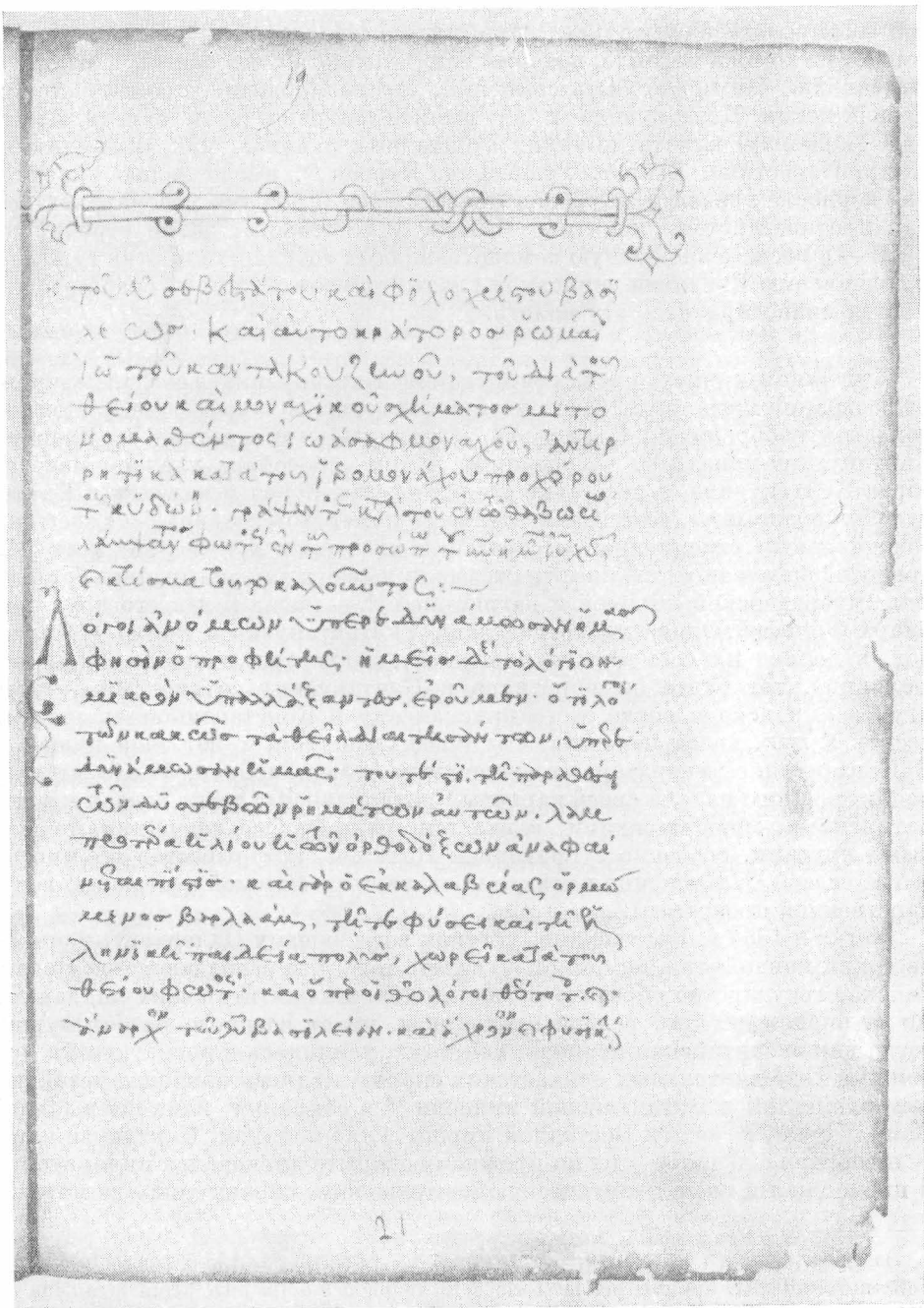

Рис. 2. Лист 21 из Московской Синодальной греческой рукописи № 233 (143 IV).
Начало «Опровержений». Почерк Мануила Цикандилиса.

ние после собора? Очевидно, как и «Переписка», оно было рассчитано на широкую публику и, несмотря на отвлеченный богословский сюжет, имело важный для современников публицистический смысл.

В августе 1369 г. император Иоанн V Палеолог, зять Кантакузина, прибыл в Рим к папе Урбану V для подписания символа унии. Сентярем этого года датирована первая из сохранившихся рукописей (Paris. gr. 1244), переписанных Цикандилисом в Мистре. (Весьма вероятно, что Кантаку-

зин со своим окружением прибыл на Пелопоннес из Константинополя на том же корабле, который вез Палеолога с его свитой в Италию, в Неаполь.) Не может быть сомнений, что размножение проихастских произведений Кантакузина и их распространение (если верить Дмитрию Кидонису) влечь до таких отдаленных районов, как Малая Азия, Кипр, Палестина, Египет, Трапезунд, Херсон¹⁰, имело целью укрепление верности греков и не греков православию и должно рассматриваться как противодействие политике Иоанна V Палеолога, давно стремившегося — в расчете на военную помощь западных государств против турок — к подчинению Византии церковной власти римского папы и теперь решившегося лично признать эту власть.

Художник-миниатюрист, современник Кантакузина, создал в числе иллюстраций Paris. gr. 1242 его двойной портрет: на одном фоне, рядом, он поместил изображение Иоанна VI Кантакузина-императора и Иоасафа Кантакузина-монаха¹¹. Художник таким способом удачно передал образ Кантакузина, а не только его облик, ибо монах и политик в Кантакузине неразрывны. «Этот замечательный император издавна был одержим божественным стремлением и страстным влечением к отшельничеству»¹², православием и апостольскими и отеческими догматами он гордился больше, чем императорской короной и багрянницей¹³, — писал о нем его друг патриарх Филофей. Однажды, когда Иоанн VI Кантакузин и Иоанн V Палеолог, в период их совместного правления, заглянули в келью старца отшельника, тот будто бы обратился к Кантакузину со словами — «отец игумен!», а вскоре после этого прислал ему в Константинополь сухарь, чеснок и лук, велев передать: «ты будешь монахом, и вот твоя пища!»¹⁴ В Кантакузине-императоре современники видели монаха. И это не мудрено: «с самого начала своей карьеры Кантакузин был тесно связан с антилатинскими, монастырскими, исихастскими и вообще ведущими церковными кругами, особенно с Григорием Паламой, который стал во многом его alter ego»¹⁵. Концепция исихазма стала неотъемлемой частью его государственной программы.

Когда в 1354 г. Кантакузин, уступая восставшему Палеологу, покидал трон для монашества, он не мог не видеть того, что распадающееся Византийское государство обречено и уже не может защитить своих подданных ни от экономического разбоя итальянцев, ни от военного разбоя турок, тогда как византийская церковь, напротив, усилилась и догматически окрепла в ходе длительных исихастских споров, являясь наиболее устойчивым элементом в Византийской империи¹⁶ и сохраняя влияние в Малой Азии, Сирии, Египте и Восточной Европе. Став монахом, Кантакузин вовсе не порвал с двором — он по-прежнему открыто именовался императором и продолжал и свою политическую деятельность, сменив лишь ее методы.

¹⁰ G. Mercati. *Notizie di Procoro e Demetrio Cidone Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ad altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV.* — «Studi e Testi», 56. Città del Vaticano, 1931, p. 340.

¹¹ Воспроизведение см.: A. Grabar. *Byzantine painting*, ed Skira, s. 1., 1953, p. 184.

¹² Φιλοθέου πρὸς τὸν φιλόσοφον Γρηγοριᾶν λόγος ἀντιρόητικὸς 13 (Порфирий Успенский и др. История Афона, III. Афон монашеский, 2. СПб., 1892, № 50, стр. 849, а также PG, t. 151, col. 1128).

¹³ Φιλοθέου λόγος ιστορικὸς εἰς τὴν παρὰ τῶν Λατίνων γενομένην πολιορκίαν καὶ ἄλωσιν τῆς Ἁρακλείας. — Συλλογὴ Ἑλληνικῶν ἀνεκδότων. Ἐπιστάσις Κ. Τριτανταφύλλου καὶ Ἀ. Γραππούτου, τόμος Α', τεύχος Α'. Ἐν Βενετίᾳ, 1874, σελ. 8.

¹⁴ Феофан. Житие Максима Кавсокаливита. — «Афонский Патерик», I. М., 1897, стр. 49.

¹⁵ С. Р. Kyrris. John Cantacuzenus and the Genoese 1321—1348. — «Miscellanea storica ligure», III. Milano, 1961, p. 22.

¹⁶ Ср. G. Ostrogorsky. *History of the Byzantine State.* New Brunswick — New Jersey, 1957, p. 433—434.

Если прежде его политика служила богословию, то теперь посредством богословия он проводил свою политику.

Объединение индивидуального подвига с общественной деятельностью произошло в исихазме, по-видимому, в 30-е гг. XIV в. Некоторые жития содержат рассказы о том, как люди, «спасавшиеся от мира», стали поворачивать обратно к миру — с целью его «спасения». Мистические повеления учить людей тому, чего они достигли сами, получили, согласно их житиям, Григорий Палама¹⁷ и Максим Кавсокаливит¹⁸. Максиму велел выступать «пред человеки, а не пред пустынными скалами» и такой видный исихаст, как Григорий Синаит¹⁹.

Сначала аудитория новых проповедников ограничивалась монашескими кругами, но в ходе споров с Варлаамом и Акиндином их голос зазвучал по всей стране. Резко расширился и контингент их слушателей²⁰. Во времена, когда «церковная догма была исходным моментом и основой всякого мышления»²¹, исихазм не мог не вобрать в себя многих общественных тенденций, не мог не стать активным общественным движением. И нет ничего удивительного в том, что исихазм оказывал огромное влияние на политику и сам в какой-то мере стал политическим течением.

В гражданской войне 1341—1347 гг. большинство монахов-исихастов поддерживало Кантакузина, считая его, как и будущий патриарх Филофей, «истинным предстоятелем и защитником церкви»²². Весьма показательна также политическая позиция, которую твердо занял такой признанный вождь исихастов, как Григорий Палама. Именно стремление сохранить верность православию позволило ему, как говорит И. Мейендорф, «принять по отношению к завоевателям туркам относительно примирительную позицию — в той мере, в какой они предоставляли христианам религиозную свободу. Будучи психологически готов принять падение Византийского государства, он был далек от того, чтобы занять по отношению к нему чисто фаталистическую позицию: пока это государство существовало, надо было его поддерживать и защищать его единство и его традиционное православие»²³. Коротко, эта позиция сводилась к следующему: предпочитать то, что меньше угрожало православию, и защищать тех, кто защищал православие. Практически в то время это означало: считать турок меньшим злом, чем латиняне, и поддерживать Кантакузина, которому Григорий и оставался открыто верен до самого конца. Именно за «канта-

¹⁷ Φιλοθέου λόγος ἐγκωμιαστικός εἰς τὸν Γρηγόριον τὸν Παλαμᾶν. — PG, t. CLI, col. 580.

¹⁸ «Афонский Патерик», I, стр. 38.

¹⁹ Там же, стр. 46.

²⁰ «Ты не хочешь монахом беззаботно довериться мне, — говорит под пером Григория Паламы персонифицированная Благодать, — ... Не хочешь этого? И с целомудренной супругой, любимой тобой, я приветствую тебя и принимаю несколько не хуже... Ты, пожалуй, боишься бедности и простоты (монашеской) жизни, тяжести поста, суровости иноческого лишения, стесненности во всем житья, необычности уклада, не можешь жить вне города, без домашнего очага, нестяжательным? Живи в своем городе, считая своим какой хочешь; имей жилище, соответствующее характеру климата, имей пропитание и одежду и будь этим доволен. Я не понуждаю тебя сурово отрешиться от всего против воли; стремись к одному только необходимому и не предавайся стяжательству» (Λόγος ἐπιστολιμαῖος πρὸς Ἰωάννην καὶ Θεόδωρον. — Св. Г р и г о р и я П а л а м ы, митрополита Солунского, тритворения, доселе не бывшие изданными, изд. еп. Арсений, Новгород, 1895, стр. 16). Еще резче эта тенденция выражена у Николая Кавасилы: «и искусствами можно пользоваться без вреда, и к занятию какому-либо нет никакого препятствия, и полководец может начальствовать войсками, и земледелец возделывать землю, и правитель управлять делами...» (Семь слов о жизни во Христе. М., 1874, стр. 136).

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 495.

²² Φιλοθέου λόγος ἐγκωμιαστικός... PG, t. CLI, col. 603 (цитирую в переводе пером. Антония. — «Житие и подвиги св. Григория Паламы, архиепископа Фессалонийского». Одесса, 1889, стр. 73).

²³ J. M e y e n d o r f f. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959, p. 170.

кузинизм» он почти четыре года просидел в тюрьме, три года дождался возможности занять свою кафедру в Фессалонике и испытал много других невзгод.

С течением времени отставной император-монах Кантакузин не терял, а, напротив, увеличивал свой общественный вес, посвятив себя литературной деятельности. В четырех талантливых исторических книгах он оправдывал свою прошлую политическую деятельность, в богословских трудах — защищал и пропагандировал взгляды Паламы. В словах Филофея о росте его авторитета, по-видимому, есть доля правды: «И тогда (т. е. до отречения. — Г. П.) подданные и подчиненные чтили его как своего властелина, [хотя] может быть и не все искренне... — ныне же почти все чистосердечно с подобающей доброжелательностью и любовью [чтят его], а прежде всех и больше всех императоры и императрицы...»²⁴

В июне 1367 г. император Иоанн V Палеолог просил именно Кантакузина вести от имени Византии переговоры с папским легатом Павлом об унии. Очевидно, Кантакузин был главным лицом, сопротивление которого принятию папских условий (сначала подчинение, а потом помощь) хотели сломить император и легат. Последний прямо и грубовато говорил ему: «ты подобен вертелу, на котором все, как куски мяса, висят; и если ты сдвинешься, и они вместе с тобой повернутся» (см. Приложение — «Беседа», § 14).

Кантакузин видел для страны выход «либо в немедленном союзе с турками, либо в крестовом походе православных народов, который его друг Филофей старался организовать»²⁵. Объединение с католическим миром, заявил он Павлу, может быть только дружеским, равноправным, на основе нового вселенского собора, на котором присутствовали бы представители всех православных патриархатов и митрополий, а не выражаться в подчинении одних другим (§§ 10, 25).

Павел вынужден был принять выдвинутое Кантакузином условие — собор. Патриарх Филофей тут же разослал приглашения. Болгарскому патриарху он писал: «...мы вовсе не хотим поступиться ни одним словом, ни одной черточкой» своих догматов, «...ведь для того мы так договорились с папскими представителями, чтобы, если на соборе окажется наше... мнение сильнее латинского, они пришли [в единомыслие] с нами и согласились с тем, что мы говорим. Смело полагаемся на Бога, что так и будет...»²⁶ Таким образом, партия Кантакузина и Филофея, как впоследствии православная партия на Флорентийском соборе, «считала возможным заключение унии только на базе догматической капитуляции католичества»²⁷. Исихасты, победив внутри Византии и проводя отныне собственную международную политику (в частности, в отношении Руси), бросали теперь папству вызов на идеологический поединок.

Турки к этому времени (1367 г.) уже взяли Дидимотику, Адрианополь и Филиппополь. Адрианополь уже два года был их столицей. Но ни экономический гнет, ни религиозная нетерпимость турок, конечно, не могли сравняться с соответствующими тенденциями политики латинян, от которых, по словам Филофея, ромеи претерпевали «наиболее оскорбительные и страшные из всех [своих бед]»²⁸ и которые, относясь к грекам «не как друзья и братья, а наставнически, самовластно и как если бы вы, — говорил Кантакузин Павлу, — были господами» («Беседа», § 8), становятся врагами греков «не только в отношении тел и добра, но и по отношению

²⁴ Φιλοφθέου πρὸς τὴν φιλόσοφον Γρηγορῶν λόγος — Порфирий Успенский. — Указ. соч., стр. 850.

²⁵ J. Me y e n d o r f f. Projets..., p. 151.

²⁶ PG, t. CLII, col. 1411—1412.

²⁷ З. В. У д а л ь ц о в а. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссарiona Никейского в заключении унии. — ВВ, III, 1950, стр. 115.

²⁸ τὰ πάντων ἀσχητότα καὶ δεινότετα. — Φιλοφθέου λόγος ἱστορικός..., σελ. 11.

к самим душам...» (там же, § 12). Вполне ясно, что имеет в виду Кантакузин, цитируя евангелиста Матфея: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (там же, § 22). Турки лишь грабили и сокрушали «Империю Ромеев», государство Палеологов, которым многие греки в то время, кажется, мало дорожили: немало фракийских архонтов после отречения Кантакузина «предпочли турецкую власть правительству Палеолога, чем облегчили утверждение турок во Фракии»²⁹. Кантакузин говорил Павлу, что «некоторые из здешних туда (т. е. к туркам.— Г. П.) перебегают, некоторые же, не имея возможности это сделать легко, пребывают здесь против своей воли» (там же, § 23)³⁰. Латинян, очевидно, подавляющее большинство греков боялось гораздо больше, чем турок. В такой ситуации исихасты старались спасти то, что еще можно было спасти: сохранить основы культурной и духовной жизни, общие и грекам, и болгарам, и сербам, и грузинам, и русским.

Папство в то время не было склонно к диспуту с греками: оно рассчитывало, что лучшим аргументом в его пользу будет турецкая сабля. Не был заинтересован в соборе и Палеолог: ему нужна была военная помощь для спасения государства, а не торжество исихазма. Тайно он обещал легату Павлу и графу Амедею Савойскому, своему дяде по матери, что в скором времени лично сам явится с изъявлением покорности к папе. В залог исполнения обещания он доверил легату сумму в 20 000 флоринов и драгоценности³¹.

Осенью 1367 г. в Византию пришли ответные письма от папы Урбана V. Папа ни словом не обмолвился о проекте собора, а только хвалил адресатов за намерение «вернуть греков к единству римской и всемирной церкви» и требовал от Кантакузина, который «может сделать для унии больше, чем кто бы то ни было, если не больше, чем император», убедить Иоанна V, согласно обещанию, прибыть к апостольскому престолу³². Двойная игра императора была разоблачена.

В поддержку политики императора выступали братья Кидонисы: Дмитрий, уже перешедший в католицизм, доказывал необходимость — ради помощи Запада — подчиниться папе³³, монах Прохор сначала на Афоне, а затем в Константинополе начал письменно и устно выступать против исихастов³⁴.

На выступление Прохора Кидониса Кантакузин ответил «Опровержениями».

Церковный собор, состоявшийся в апреле 1368 г., не только осудил латинофильские взгляды Прохора Кидониса, лишил его сана и предал анафеме, но причислил Григория Паламу, на учение которого Прохор нападал, к лику святых, постановив ежегодно праздновать его память. Этот собор, в отличие от прежних, не был созван императором³⁵: патриарх Филофей, поддерживаемый Кантакузином, действовал независимо и в направлении, противоположном не только политике императора, но и политике определенной церковной группировки, во главе которой, по видимому, стоял игумен столичного монастыря τῶν Ὀδηγῶν, епископ Тирский,

²⁹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 748.

³⁰ Τινὲς δὲ τῶν ἐνταῦθα, οἱ μὲν ἐκείσε αὐτομολοῦσιν, οἱ δὲ μὴ εἰόντες ἐκλόως τοῦτο ποιῆσαι προσμένουσιν ὄψε καὶ μὴ βουλόμενοι (ср. J. M e y e n d o r f f. Projets..., p. 176).

³¹ Ibid., p. 160.

³² Ibid., p. 152, 161.

³³ См. K. K r u m b a c h e r. Geschichte der Byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende der Oströmischen Reiches, 527—1453. München, 1897, S. 488; R. J. L o e n e r t z. Les recueils de lettres de Démétrius Cydonès.— «Studi e Testi», 131. Città del Vaticano, 1947, p. 111.

³⁴ См. G. M e r c a t i. Op. cit., p. 47—49.

³⁵ Под соборным определением нет подписи императора (см. PG, t. CLI, col. 715—716).

о чем свидетельствует написанный им примерно в это время ³⁶ проект антиохийских определений, подвергающих анафеме паламитов. Кантакузин, надо думать, имел в виду именно этих людей, когда писал в предисловии к «Опровержениям», что «уже в четвертый раз поднялись некие и подобно предыдущим высказали кощунственные слова о божьем свете». Совпадение активизации деятельности антипаламитов с подготовкой поездки Иоанна Палеолога в Рим вряд ли может быть случайным. О шатком в это время положении исихастов в столице может свидетельствовать и тот факт, что патриарх Филофей вынужден был прибегнуть к хитрости, чтобы заманить Прохора на одно заседание собора, но не смог побудить того явиться на остальные ³⁷. Момент, видимо, был критическим.

В сентябре 1368 (6877) г. вернулись в Византию от папы два греческих посла, после чего Иоанн V должен был ехать в Рим. Надежда на созыв вселенского собора еще теплилась, и потому Кантакузин приложил все силы к тому, чтобы «обратить» в исихазм и Павла, ведя с ним богословские разговоры ³⁸, пока Павел в августе 1369 г. не выбыл из Константинополя с вестью к Урбану V о скором прибытии Иоанна V. Разговоры с Павлом были выпущены Кантакузином в свет в виде переписки ³⁹, когда, удалившись в Мистру, он занялся издательской деятельностью.

18 октября 1369 г. Иоанн V Палеолог в Риме торжественно подписал символ унии. Но с ним не было ни одного священника ⁴⁰, а это означало, что практически дело подчинения «схизматиков» осталось в прежнем положении. Подданные императора продолжали держать сторону экс-императора и патриарха.

Помимо дальнейшего развития самих событий, ряд документов ясно свидетельствует, на чьей стороне осталась тогда моральная победа. В апреле 1369 г. некий монах Феодорит, который «был отлучен от церкви и уходил к латинянам», письменно порицал критиков исихазма и латинские обычаи ⁴¹. В июне того же года подобным образом поступили братья Хлор, Димитрий и Даниил ⁴². В октябре оправдывался и порицал «западников» монах Нифон ⁴³, а в июне 1370 г. — некий Филипп Ламелин ⁴⁴. В мае 1371 г. «отбрасывает нечестие» иеромонах Симеон ⁴⁵, в октябре заявляет о непричастности к варлаамитам Ксенофонт ⁴⁶...

В 1370 г. папа официально отверг идею собора, так как бесплодные дискуссии, заявил он, могут набросить тень сомнения на доктрины, уже одобренные римской церковью ⁴⁷. Последние надежды на возможность дружеского союза с Западом против турок должны были рухнуть.

³⁶ В этом проекте сказано, что борьба между Варлаамом и Паламой началась почти тридцать лет назад (πρὸ ἡρώων δ' ἔγγυς τῶν τριάκοντα — G. Mercati. Op. cit., p. 210, n. 2; p. 213—214). Меркати, отправляясь от 1339 г., датирует документ 1369—70 гг. Представляется, однако, что 1368 г. больше соответствует данным источника.

³⁷ G. Mercati. Op. cit., p. 49—51.

³⁸ Л. Максимович в недавно вышедшей работе [Л. Максимович. Политичка улога Гована Кантакузина после абдикације (1354—1383). — ЗРВИ, IX, 1966, стр. 161—162] доказывает, что эта дискуссия состоялась в 1366 г. Согласиться с ним не позволяет ясное указание самого Кантакузина, что разговоры с Павлом велись им после вторичного прибытия того в Константинополь в начале 6877 г., т. е. после сентября 1368 г. См. ниже перевод предисловия к «Переписке».

³⁹ Перечень девяти сохранившихся списков «Переписки» см.: E. Voordeskers. Op. cit., p. 620.

⁴⁰ G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 480.

⁴¹ F. Miklošich, I. Müller. Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV—MCCCLII, t. I. Vindobonae, 1860, p. 501.

⁴² Ibid., p. 503.

⁴³ Ibid., p. 530.

⁴⁴ Ibid., p. 506.

⁴⁵ Ibid., p. 568.

⁴⁶ Ibid., p. 574.

⁴⁷ J. Meyendorff. Projets..., p. 161. В 1347 г. новгородцы отказались обсуждать вопросы веры с католиками шведами, предложив им обратиться в Византию. Шведы вызывали новгородцев на такой диспут перед тем, как пойти на них войной.

Иоанн Палеолог вернулся в Византию только через два года, с трудом выбравшись из венецианской долговой тюрьмы. Тогда же вернулся в Константинополь из Мореи, от своего сына, и Иоанн Кантакузин. От неприятностей, которые для бессильного императора могли последовать от поданных за измену православию, спас несчастного Палеолога, надо думать, его авторитетный тесть ⁴³, который неутомимо продолжал свою деятельность: теперь он заботился о состоянии умов на Кипре ⁴⁹.

Таким образом, выступление Кантакузина с «Опровержениями» против Прохора Кидониса можно рассматривать как эпизод внутренней борьбы в Византии, в которой император из династии Палеологов снова потерпел неудачу ⁵⁰. Полное, теперь моральное поражение понесло и государство Палеологов. В дальнейшем церковь уже не имела опоры в государстве, а, напротив, сама его поддерживала ⁵¹, но лишь в той мере, в какой политика этого государства не причиняла ущерба православию.

С этой поры вплоть до падения Константинополя Палеологи, будучи не в силах изменить свою традиционную политику, все более утрачивали реальную власть над греческим народом. Обретали же ее турки и православная церковь. В статуте Османской империи фактическое положение вещей было лишь закреплено юридически.

Р. С. Уже после того, как статья была сдана в печать, я получил, наконец, микрофильмы интересующих меня частей Paris. gr. 1241 и Paris. gr. 1242. Считаю необходимым добавить некоторые замечания относительно публикуемого мной предисловия к «Опровержениям» Прохора Кидониса.

1) Парижские рукописи дружно дают единственное по сравнению с московской различие. В последней фразе на листе 21 об., в московской рукописи: ... *potè meν ... potè ... potè ...*; в парижских же: ... *... oi mèν... oi de... oi de ...*. Различие в смысле состоит в следующем. Согласно московской рукописи: «и то называют их творениями, то сотворенными и несотворенными, то ни несотворенными, ни сотворенными». Согласно парижским: «и одни называют их творениями, другие сотворенными и несотворенными, третьи ни несотворенными, ни сотворенными».

2) В Paris. gr. 1242 то, что мы называли Предисловием к «Опровержениям», направленным против Прохора Кидониса, помещено на лл. 6—8 об. отдельно, без самих «Опровержений». Это еще раз убеждает нас в правомерности отдельной публикации данного текста. Кроме того, здесь есть разбивка на абзацы; приятно было убедиться, что она близка к той, которую я дал в переводе. Далее в этой рукописи (с л. 9) следует сочинение Иоанна Кантакузина против Исаака Аргира; кто-то из читателей счел Предисловие к «Опровержениям» предисловием к этому сочинению, зачеркнул имя Прохора Кидониса, выскоблил «иеро» из слова «иеромонаха» и вписал туда «Исаак».

(См. John L. I. Fennell. The Campaign of Magnus Eriksson against Novgorod in 1348: an Examination of the Sources.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Neue Folge, Bd. 14, H. 1, März 1966. Wiesbaden, S. 1—9). Теперь же Византия получила отказ от католиков.

⁴⁸ Ср. J. Meendorff. Projets..., p. 151—152.

⁴⁹ Письмо Иоанна Кантакузина епископу Иоанну на Кипр, перевод которого предлагается нами в конце публикации, датировано 1371 г. (J. Dagouze's. Lettre inédite de Jean Cantacuzène relative à la controverse palamite.— REB, XVII, 1959, p. 7—12, 50).

⁵⁰ Не могу согласиться с мнением Л. Максимовича (Л. Максимович. Политичка улога..., стр. 180), что религиозная капитуляция Иоанна V в Риме была тяжелым ударом по престижу и политике Кантакузина. Мне кажется, напротив, Кантакузин и патриарх Филофей в 1367—1370 гг. одержали победу и сумели отстоять и укрепить позиции исихастской церкви в стране. Поражение же потерпела и внешняя, и внутренняя политика Иоанна V Палеолога.

⁵¹ Ср. G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 492.

3) Почерк Paris. gr. 1241 (т. е. почерк Мануила Цикандилиса) оказался полностью тождественным с первым почерком московской синодальной рукописи № 233.

Ниже прилагаются:

- 1) Беседа Кантакузина с легатом Павлом (в июне 1367 г.);
- 2) Предисловие Кантакузина к «Опровержениям», направленным против Прохора Кидониса (между ноябрем 1367 г. и апрелем 1368 г.);
- 3) Предисловие к «Переписке» Кантакузина с легатом Павлом (в промежутке между сентябрем 1368 и августом 1369 г.);
- 4) Письмо Кантакузина епископу Иоанну на Кипр (1371 г.).

Г. Прохоров

Беседа, которую вел император Кантакузин в июне месяце пятого индикта шесть тысяч восемьсот семьдесят пятого года с господином Павлом, который пришел от папы вместе с графом Савойским и который, являясь митрополитом Фив, назван теперь папой патриархом Константинополя*.

1. Император Палеолог, придя из Венгрии, и граф Савойский, который вместе с господином Павлом, прежде бывшим митрополитом Фив, ныне же наименованным папой патриархом Константинополя, пришел из той страны¹, встретились в Созополе. Здесь и был поставлен ими, т. е. графом и Павлом, вопрос о единстве церквей. Император ответил им так:

«Я один ничего не могу сказать об этом; разве только, когда мы вернемся в Константинополь, ибо там находится мой отец-император и пребывает патриарх, и его собор выслушает то, что вы говорите; мы все вместе дадим вам на это ответ».

2. По прибытии их в Константинополь, когда Павел захотел и старался увидаться и обсудить с патриархом вопрос о церкви, тот не пожелал [этого], сказав: «Как могу я при соборе видаться с ним и обсуждать какие бы то ни было вопросы о церкви, когда он не принес с собой письма от папы? Но если он хочет побеседовать [со мной] дружески, один на один, я уступаю ему и соглашаюсь».

Графу и Павлу это показалось в высшей степени удручающим и как бы знаком некоторого презрения, так что последний стал решительным образом требовать ответа на эти вопросы. Поскольку же император Палеолог, патриарх и ахиереи просили императора Кантакузина, чтобы он с этой целью встретился [с ним] и побеседовал, он взялся вести этот спор сам. В назначенный день вместе с ним прибыли во Влахернские палаты его сын император Палеолог, его дочь деспина госпожа Елена, император господин Андроник и деспот господин Мануил, их дети, еще же некоторые из архонтов и его духовный отец господин Марк, а также три архиерея — Эфесский, Гераклеяский и Адрианопольский — с другими избранными церковными архонтами; вошел и Павел и, сотворив обычное приветствие, сел.

3. И после того, как [все] расселись, император Кантакузин спросил его: «Каковы твои воля и желание и чего ты добиваешься?» Тот ответил: «Единства церкви». Император ему: «Ты стремишься к хорошему и богоугодному делу, но каким путем: силы и самовластия или убеждения, истины и церковного общения и постановления?» Тот: «Путем убеждения и истины и согласно церковному установлению и порядку».

* Перевод сделан с греческого текста, изданного И. Мейендорфом по рукописи Lavra A 135 (J. M e u e n d o r f f. Projets de concile oecuménique en 1367. Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul. — DOP, 14, 1960, p. 169—177).

¹ Т. е. из Италии.

4. И император, возблагодарив Бога и его за его мнение и ответ, сказал следующее:

«Люди, не сохранив божественную заповедь мира, предались чудовищным страстям и делам и разделились: одни из них стали врагами христиан и присущего им по душе и телу, каковыми являются нечестивые и последователи Магомета, другие же — врагами их добра, а иногда и тел, каковыми являются единоверные нам и придерживающиеся церкви, т. е. болгары, сербы и им подобные, — ведь стоит им захотеть разграбить [наше] добро, как отсюда начинаются войны, и по необходимости за ними следуют телесные смерти. Но есть и иные, кажущиеся друг другу друзьями; они — единоплеменники, но забыли об этом и являются врагами тех, кто имеет с ними дело; ведь если кто-нибудь, обманув, сможет получить от другого что-либо, стоящее много денег, дав взамен немного, то не считает, что приобрел это хищнически, обманно и чуть ли не путем воровства, но радуется, как будто совершил какое-нибудь доброе дело, а в итоге постепенно становится врагом другого.

5. Так обстоит дело с врагами, с друзьями же дело обстоит следующим образом.

Оказываются ведь друзьями [люди], которые, сойдясь из разных стран и земель, относятся друг к другу по-дружески, как мы — ведь ты из Калабрии (ибо тот был калабриец [родом]), а я из здешних. Есть опять же люди, ставшие друзьями: одни — из разных городов, другие — из одного отечества и рода. И еще третьи есть, которые еще роднее этих, например отец с сыном и брат с братом. А жена со своим мужем — не только друзья, но и плоть одна². Но ни одна дружба, ни одно самое полное соединение из тех, что я перечислил, не может сравниться с духовным единением и любовью церкви. Да что я говорю о многих? Даже отдельный человек, даже индивидуум не может сам по себе быть цельным и единым так, как духовный человек, т. е. церковь, ибо именно церковь есть тело Господне, голова коего — Христос.

6. И поэтому тот, кто хочет расколоть церковь, раскалывает само тело Господне и сам есть распявший Господа и проткнувший бок его копием. Я того в первую очередь приравниваю к распявшему Его, кто вызвал этот нынешний раскол. Но я сказал бы, что и тот, кто может соединить церковь, но не сделал этого либо из-за собственного пристрастия, либо по какой бы то ни было причине, не лучше первого, и что про этого человека можно сказать, что даже кровавый мученический венец не освободит его от кары; ведь на моей стороне сказавший: «Если и страдает кто, не венчается, если не законно страдать будет»³. Я утверждаю, что не только из-за множества людей, которых спас Христос, промысел воплощения его совершился, но и будь в мире всего только один человек — только ради него одного он воплотился бы и страдал, чтобы спасти его. Итак, если бы я не понимал, сколь великим злом является [разделение церкви], то кара божия мне была бы умеренной, но поскольку я точно и отчетливо знаю, сколько добра может принести единство и сколько зла [приносит] раскол церкви, то, если только есть у нас возможность достигнуть этого единства и оно не будет достигнуто, не знаю, как я вынесу достойную кару. Я говорю это, свидетельствуя перед Богом и его избранными ангелами, что, ниспосли он мне смерть в огне ради единства церкви, я бы сам, собрав дрова, зажег их и вошел бы в огонь с большим желанием и рвением.

7. И не говори мне, что я говорю это просто потому, что желаю, чтобы Римская церковь присоединилась к нашей; ибо, с одной стороны, я уверен, что [именно] наша церковь правильно мыслит, — как сам Христос научил и его ученики и апостолы, — и готов десять тысяч раз умирать за это; это

² Бытие, II, 24.

³ II Тим., II, 5.

совершенно ясно, и вы, как и мы, ничего против этого не имеете. [Но], с другой стороны, свидетельствуя, что наши мнения хороши и правильны, вы считаете еще, что и ваши правильны, поскольку они не являются противоречащими тому, что думаем и говорим мы. Потому-то я и говорю, что с готовностью предаю свое тело сожжению, чтобы выяснить и обнаружить перед Богом и людьми подлинно обнаженную истину, если только есть истина в том, что вы говорите. Ведь мы в это не верим.

8. Так вот, поскольку дела и истина находятся в таком состоянии, ни один человек — ни из нашей церкви, ни из Римской — не сможет сказать, что стремится к единству больше меня. Ибо едва ли не с той поры, как на свет появился и увидел солнце, я охвачен стремлением и желанием увидеть единство церкви. Не случилось же этого, я полагаю, потому, что все время — с того момента, как разделение церкви сделалось всеобщим, и доныне — вы подходите к вопросу объединения не как друзья и братья, а наставнически, самовластно и как если бы вы были господами, заявляя, что ни мы, ни вообще кто-либо из людей, не может иметь взгляды отличные от того и противоречащие тому, что папа говорит или же скажет, поскольку он является наследником Петра и говорит то же самое, что и Христос, но что мы должны выслушивать его слова, склоняя сердца и головы, как если бы они исходили от самого Христа.

9. Так вот, знай, архиерей, что пока подобное мнение держит у вас верх, воссоединить церковь невозможно. Но если ты хочешь, чтобы была общая польза, послушайся моего совета и не сочти меня человеком гордым и хвастливым. Мы, полководцы, когда собираемся выступить в поход и вторгнуться в землю наших врагов, следуем не только своему мнению, но пользуемся и советами солдат, находящихся на границе, которых мы зовем глазами войска, и хотя по знаниям очень от них отличаемся, принимаем их мнение — как специалистов и людей, имеющих сведения о прилегающих к границе районах. Поскольку я опытнее тебя в здешних делах, прими мой совет. Состоит он в следующем.

10. А именно: надо, чтобы состоялся кафеолический и вселенский собор, на который собрались бы в Константинополь архиереи, находящиеся под властью вселенского патриарха — и те, которые близко, и те, которые далеко пребывают, как-то: [митрополит] России с несколькими его епископами, [митрополиты] Трапезунда, Алании, Зикхий⁴, также другие патриархи: Александрии, Антиохии и Иерусалима, а кроме того — католикос Ивирии, патриарх Тырнова и архиепископ Сербии; — собор, на который и папа прислал бы [своих] представителей, согласно с установленными издревле порядком и обыкновением. И когда они соберутся, надо чтобы они с любовью всеятого Духа и братским расположением исследовали существующие причины конфликта между нами и вами. И если так будет, я уверен, что Бог не скроет от нас свою святую волю и истину.

11. Если же будет не так, как я сейчас советую, а так, как безрассудно в данный момент ты стараешься, чтобы было, то не только не произойдет объединения, но и начнется еще худший, чем прежде, раскол. А ведь этот церковный раскол уже дошел до такой чудовищности, что некоторые из ваших вздумали крестить заново людей, принадлежащих к нашей церкви: ведь венгерский король делает это безбожно и уже перекрестил многих, в том числе и сына болгарского царя Александра, как будто наше крещение недействительно! Что пользы перечислять поименно?! Самого императора, моего сына, когда он там находился и просил у короля помощи против нечестивых, и сам король, и его мать, и их вельможи настойчиво пытались окрестить заново вместе со свитой, заявляя: «В ином случае, если ты сначала этого не сделаешь, мы не сможем оказать тебе помощи!»

⁴ Зикхийская митрополия находилась на Северном Кавказе, на берегу Черного моря, в районе Тмутарокани (см. J. M e u e n d o r f f. Projets..., p. 158, n. 44).

12. И, наконец, подумай, какая нелепость: ведь, будучи перекрещен из нашей веры, человек оказывается полностью отверженным и лишенным первого крещения, второго же крещения нет, ибо христианским крещением мы только раз крестимы; такой человек поневоле становится безбожным, ибо ясно, что кто не имеет крещения, не имеет и Бога. И ясно, как мы сказали выше, что те, кто поступает так, вместо того, чтобы быть нашими друзьями, братьями и [соучастниками] в духовном теле Христа, становятся [нашими] врагами — и не только в отношении тел и добра, но и по отношению к самим душам, а это, как мы сказали вначале, — характерная особенность нечестивых!

13. Потому, если произойдет так, как сказано, будет хорошо, если же нет, то и среди тех, кто далеко, и среди самих тех, кто находится в Константинополе, произойдет раскол, так что одни из них убегут в чужие земли, другие подчинятся нашей воле, третьи будут противостоять ей до [самой] смерти, считая себя мучениками. Ведь так и произошло при самодержце и предке моем императоре господине Михаиле, первом из Палеологов: было сделано не так, как я советую сейчас, а так, как в настоящее время ты стараешься, чтобы случилось. И отсюда возникла тирания и [началось] немалое гонение, пользы же не было никакой, вследствие чего его дело вскоре оказалось непрочным, и [все] снова вернулось в прежнее состояние. Так вот, чтобы снова не произошло того же самого, послушайся моих слов и совета».

14. Услышав это от императора, Павел сказал: «Но какая мне польза от собрания многих? Я обращаюсь только к тебе, а через это мне доступно все, ибо ты подобен вертелу, на котором все, как куски мяса, висят; и если ты сдвинешься, и они вместе с тобой повернутся».

15. Император: «Это не так, архиерей. О себе я скажу, что если бы я был таким человеком, которого легко убедить твоими словами, и если бы ты этого достиг, то тебе, конечно, никоим образом не следовало бы полагаться на мои слова, ибо если бы я так легко послушался твоих слов, то в будущем так же легко обратился бы к чему-нибудь другому. Что же касается необходимости исследования тех вопросов, по которым возникают и существуют споры, то с этим я согласен, одобряю это и желаю этого от души. И когда [по рассмотрении] окажется, что ваше учение здраво, истинно и не противоречит нашим догматам, то первым, кто примет и возлюбит его, буду я. В ином случае не питай никакой надежды на то, что ты хочешь относительно меня».

16. Далее: если я подобен вертелу и все висят на мне, как ты говоришь, то это — не так просто; эти люди следуют в этих вопросах за мной, принимая мои слова и склоняясь к ним как к причастным божественной истине и правильным догматам, и никоим образом не иначе. Некоторое время назад, когда встал вопрос о церковных догматах, было произведено [их] рассмотрение — и не один раз, но дважды и трижды — и церковь высказала свое мнение по этим вопросам. Но некоторые, не будучи убеждены и этим, сказали: «Мы согласны с твоими предписаниями во всем, то касается тел; [такие предписания] мы приветствуем и следуем им, подчиняясь [тебе], поскольку ты наш император. Но в том, что нам представляется [идушим] во вред нашим душам, мы не можем за тобой последовать». Таким образом, они сохраняют верность своей воле по сей день, хотя я вполне мог бы как самодержец применить к ним моей властью все, что захотел бы: конфискацию, изгнание, смертную казнь. Но это не свойственно нашей церкви, поскольку вынужденная вера — не вера. Так вот, если эти отдельные [здешние] люди, которых можно легко пересчитать, не захотели внять ни церковному, ни нашему решению, тем более [могут не послушать нас] многие [верующие], живущие далеко [отсюда]».

17. Павел: «Нет правильной веры без решения папы; и из этого ясно,

что с той поры как вы отошли от общения с ним, верх над вами взяли нечестивые и отобрали у вас ваши земли».

Император ему: «Твои слова о том, что с тех пор, как мы порвали общение с папой, нечестивые осилили нас, не убедительны: ибо и Антиохию, большой и знаменитый город, и множество находящихся в той земле крепостей они захватили до раскола. И не только это: ведь и в ваших пределах многое было захвачено еще раньше. Я имею в виду Африку, Карфаген и другие земли вблизи Испании. И потому не доказательны твои слова, что якобы нечестивые захватили наши земли из-за раскола церкви. Это произошло из-за многих других наших грехов, совершая которые мы не раскаяваемся».

18. Что же касается нашей веры, то я заявляю, что не только одни мы убеждены, что по сей день храним ее неизменной, как приняли от Христа, апостолов и их преемников, но и вы сами то же самое по сию пору свидетельствуете, да и ты сам говоришь, что наши убеждения не противоречат нашим. Если же ты осмелишься сказать, что наша вера и наши слова не содержат истины, справедливости и праведности, пусть разведут огонь и давай войдем в него!»

На вопрос Павла относительно того, когда будет огонь, император сказал: «Я не поднимусь со стула до тех пор, пока не разожгут огонь».

Некоторое время Павел, возможно, считал, что эти слова сказаны императором не всерьез, и [потому] соглашался. Когда же он понял, что это не пустые и напрасные слова, но реальное дело, он сразу начал отказываться, говоря: «Я жить, а не умереть хочу». Император сказал: «То же самое хочу и я, но я абсолютно уверен, что при божьем содействии в пользу православного учения я не только не сгорю, но окажу вам помощь. Поэтому-то я и осмеливаюсь войти в огонь. Ты же, похоже, сомневаешься в своей вере и потому боишься смерти».

19. Павел некоторое время помолчал, затем император спросил его: «Что же ты думаешь по поводу сказанного мной?»

Тот ответил: «Правду говорю, не обманываю: [все] это хорошо, истинно и справедливо. Остается только тебе встретиться с папой. И если это случится, много произойдет добра».

Император: «Я полагаю, что безумен человек, который, желая перейти реку, простодушно влез в воду, не изучив предварительно выхода из нее. Я говорю это в качестве примера к твоему ответу. Ведь то же самое, что ты сейчас говоришь и утверждаешь, говорит папа; потому, если, как ты сказал, одобришь мои слова и совет — то, что мы исследуем, решено; если же нет, то и прибыв к папе, я услышу от него то же самое, что и от тебя сейчас, и то же самое, что говорю тебе, скажу ему и я, и, значит, мое прибытие к нему было бы напрасным».

20. Павел: «Вы, императоры, усевшись на вершине императорской власти, не соглашаетесь посетить папу. Потому-то ты и не хочешь отправиться к нему».

Император: «Прежние, бывшие до меня императоры справедливо и не без причины, я полагаю, — и при том основательно полагаю, — не прибывали к нему. Но говорить здесь об этом пространней я отказываюсь, чтобы мы, забыв дело, не занялись посторонним. Я же ради единства церкви — не то что на лошадях или на корабле — пешком отправился бы к нему, будь он даже на самом краю света. Всякий, кто прибывает к нему, целует его ногу. Для меня это весьма удивительно. Но ради, повторяю, объединения церкви я бы не только его ногу поцеловал, но и его лошади, и даже пыль под ее ногами».

21. Павел: «Если ты согласишься с моими словами и отправишься к папе, чтобы исполнить его волю, поскольку она справедлива и хороша, то папа даст тебе не только средства для защиты границ и иных целей, но и

перстень, который он носит. Если же нет — знай: великая и грозная сила придет и обрушится на вас, так что вы испытаете огромные бедствия».

22. Император, слегка усмехнувшись, сказал ему: «Союз предполагает нечто большее, чем перстень. Допустим, папа даст вместе с перстнем и свою мантию и — ничего больше. Этим он исполнит твое обещание, нам же от этого не будет никакой пользы. Но я это сказал шутя. Серьезно же говорю, что если догматы, которых придерживается папа и вы, окажутся правильными и истинными, то мы сами по себе примем их — без какой бы то ни было помощи и даров. Если же нет, то ни огонь, ни меч, ни сабля не заставят нас отступить от истинных и правильных догматов, ибо нам сказано: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить»⁵, а также: «Никто не может похитить овец моих из руки Отца моего»⁶. Так что овец, находящихся у Христа в руке, никто не сможет похитить, хотя бы и убивал тело десять тысяч раз».

23. Когда же Павел сказал: «Христиан, живущих среди нечестивых, я ставлю наравне с этими самыми нечестивыми, поскольку они терпят, слыша как каждый день поносится имя Христова», император ответил ему: «Я не только не считаю их всех, как ты говоришь, нечестивыми, но думаю, что многие из них лучше и благочестивей многих из живущих в здешних краях: ведь те, оказавшись в плену и в руках у нечестивых за известные Богу грехи и не имея даже возможности отсюда уйти, тем не менее тщательнее [этих] блюдут свою святую и веру. А из здешних некоторые туда перебегают, некоторые же, не имея возможности это сделать легко, пребывают здесь против своей воли. Потому я и сказал, что тамошних [христиан] я считаю православными, а этих — нечестивыми. Судьбу же их ведает праведный судия Бог! А что плененные христиане, слыша имя божие поносимым, ничуть не терпят ущерба, ясно следует из того, что победоносные [исповедники] и святые мученики, находясь среди нечестивых идолопоклонников, будучи христианами и слыша хулу в адрес Бога, не терпели ущерба. Но первые умирали естественной смертью, без мученичества, и уходили с тем, чтобы дать отчет в своих делах; другие же в решающий момент сами отдавали себя на мученическую смерть с тем, чтобы ее посредством приобрести вечные и неувядающие венки».

24. После этих слов беседа подошла к концу. Когда они немного перевели дух, император снова, как прежде, спросил: «Что ты думаешь по поводу сказанного, архиерей? Если это несправедливо, то изобличи несправедливость, если же это оказывается речами истины и справедливости, послушайся моих слов и совета!»

Павел: «Перед лицом Христа и истины, как прежде сказал, так говорю и теперь: свято, прекрасно и истинно то, что ты говоришь. И потому я соглашаюсь и приветствую, чтобы был созван собор».

25. Император: «Как дела, так и слова мои пусть будут ясны и понятны, чтобы они не потребовали иного объяснения в будущем. Если ты хочешь, чтобы был такой собор, как древние вселенские соборы, замечательно, и слов нет. Но если вы собираетесь прибыть, чтобы учить нас истине, то мы учителей не приглашаем, если судьями — тем более. Ибо как вы будете выступать одновременно и судьями и стороной в споре? А если же вы придете дружески и братски, без вражды и высокомерия, как люди, от души ищущие истину, мир и согласие, то это будет угодно Богу и нам, его рабам, приятно. Итак, если, собравшись вместе, мы изучим взгляды друг друга и придем все к соглашению — слава святому Богу! Если же всем руководящий и движущий Бог за ему известные грехи попустит, чтобы опять явилось такое же разногласие между нами и вами и разгорелся спор, то, дабы не оборвалась связь и не возникла у нас вражда и еще бóльшая

⁵ Матфей, X, 28.

⁶ Иоанн, X, 29.

распря, чем теперь, пусть каждая церковь останется при том, чего она держится сейчас, с тем чтобы все от души просили и умоляли миротворца Бога ниспослать свой святой мир и единство так, как он сам ведает».

26. После того, как император это сказали и Павел заявил, что он с этим согласен, было постановлено, чтобы этот собор состоялся в Константинополе в промежутке между началом июня пятого индикта шесть тысяч восемьсот семьдесят пятого года и концом мая седьмого индикта ⁷.

ΠΡΕΔΙΣΛΩΒΙΕ ΙΟΑΝΝΑ ΚΑΝΤΑΚΟΥΖΙΝΑ
Κ ΕΓΟ «ΟΠΡΟΒΕΡΓΗΝΙΑΜ» ΠΡΟΧΟΡΑ ΚΙΔΟΝΙΣΑ

[По рукописи Московского Синодального собрания 233 ($\frac{143}{\text{CXLIV}}$)]

π. 21. Τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ φιλοχρίστου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ, τοῦ διὰ τοῦ θεοῦ καὶ μοναχικοῦ σχήματος μετονομασθέντος Ἰωάσαφ μοναχοῦ, ἀντιρρήτικῶς κατὰ τοῦ ἱερομονάχου Προχόρου τοῦ Κυδώνη, γράφαντος κατὰ τοῦ ἐν τῷ Θαβωρίῳ λάμπαντος φωτός ἐν τῷ προσώπῳ τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ κτίσμα τοῦτο καλοῦντος.

Λόγοι ἀγόμενοι ὑπερδυναμίωσαν ἡμᾶς, φησὶν ὁ προφήτης; ἡμεῖς δέ, τὸ λόγιον μικρὸν ὑπαλλάξαντες, ἐροῦμεν, ὅτι λόγοι τῶν κακῶς τὰ θεῖα διατησάντων ὑπερδυναμίωσαν ἡμᾶς, τουτέστι τῇ παραθέσει τῶν δυσσεβῶν ῥημάτων αὐτῶν. Λαμπροτέρα ἡλίου ἢ τῶν ὀρθοδόξων ἀναφαίνεται πίστις· καὶ γὰρ ὁ ἐκ Καλαβρίας ὀρμώμενος Βαρλαάμ, τῇ τε φύσει καὶ τῇ ἐλληνικῇ παιδείᾳ πολὺς, χωρεῖ κατὰ τοῦ θεοῦ φωτός. Καὶ ὕπερ οἱ θεολόγοι θεότητα καὶ ἀναρχον τοῦ Θεοῦ βασιλείαν, καὶ ἄχρονον καὶ φυσικὴν λαμπρότητα, καὶ ἰδίωμα θεῖον, καὶ ἑτεράττα ¹ ὅμοια τούτοις ἀπολαλοῦσιν, οὕτως κτίσμα καὶ φάσμα, καὶ ἤττον νοήματος ἀπεφήνατο. Διὰ τοῦτο ἐποιήθη τῷ Θεσσαλονίκῃ Γρηγορίῳ τῷ μακαρίτῳ βιβλίον πᾶν ὕψωμα κατὰ τοῦ Θεοῦ καθαιροῦν τὸ παρά τοῦ Βαρλαάμ κακῶς ἐκτεθέν. Συνόδου τοίνυν συγκροτηθείσης ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει παρὰ τοῦ μακαρίτου καὶ ἀοιδίμου βασιλέως Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου, τοῦ ἀδελφοῦ μου, Ἰωάννου τοῦ Καλέκα τὸν πατρι-
αρχικὸν κατέχοντος θρόνον, παρόντος καὶ αὐτοῦ δὴ τοῦ Θεσσαλονίκῃ, κατεδικάσθη καὶ ἀπεπέμφθη ὡς αἰρετικὰ φρονῶν ὁ ῥηθεις Βαρλαάμ. Καὶ γίνεται τόμος συνοδικὸς κατ' αὐτοῦ. Οὕτω τοιγαροῦν τοῦ πράγματος γεγονότος, ἀναφέρεται ὁ ἐκ Μυσσῶν Ἀκινδύνος σὺν ἑτέροις τισὶ τούτῳ ὁμοίοις, ἀναδεξαμένοις τὰ ἐκείνου, συμμύσταις οὖσιν ἐκείνῳ καὶ ὁπαδοῖς. Καὶ Βαρλαάμ μὲν κατὰ τοῦ θεοῦ φωτός χωρεῖ, οὗτοι δὲ πρὸς τούτῳ καὶ κατὰ τῶν θεῶν ἐνεργείων; καὶ ποτέ ² μὲν αὐτὰ καλοῦσι κτίσματα, ποτέ ³ κτιστὰ καὶ ἄκτιστα, ποτέ ³ — μήτε ἄκτιστα, μήτε κτιστὰ, ἔστι

π. 21. 06. δ' ὅ τε, αὐτὴν εἶναι τὴν μακαρίαν οὐσίαν τοῦ Θεοῦ, μήθ' ἂ λέγουσιν εἰδότες, μήτε περὶ ὧν διαβεβαιοῦνται. Καὶ συναθροισθείσης αὐθις δευτέρας συνόδου παρὰ τῆς ἀοιδίμου καὶ μακαρίτιδος δεσποίνης, τῆς ἀδελφῆς μου τῆς Παλαιολογίνης, ἐν ταύτῃ δὴ τῇ βασιλίδι πῶν πόλεων, καταδικάζεται μὲν οὗτος δὴ ὁ Ἀκινδύνος, συγκатаδικάζεται δὲ καὶ ὁ ῥηθεις πατριάρχης ὡς τὸ ἐκείνου φρονήσας. Γεγονότος καὶ αὐτὶς ἑτέρου τόμου συνοδικοῦ, ἐπικυροῦντος μὲν τὴν κατὰ τοῦ Βαρλαάμ ῥηθέντα τόμον, καταδικάζοντος δὲ καὶ τὸν Ἀκινδύνον τόνδε σὺν τῇ ἑταιρεία αὐτοῦ. Ἐπειτα διαδέχεται τὸν πατριαρχικὸν θρόνον Ἰσιδώρος ὁ μακάριος, ὁ ὄντως τοῦ Θεοῦ ἄνθρωπος. Οὐ πολὺ τὸ ἐν μέσῳ καὶ ἀνίσταται ὁ φιλόσοφος Γρηγορᾶς Νικηφόρος, ἐπειδικῶν τὰ τε Ἀκινδύνου καὶ Βαρλαάμ. Καίτοι γε τὴν φιλόσοφον, ὡς φιλόσοφον, πείθεσθαι ἔδει τῇ ἀληθείᾳ καὶ ἡρεμεῖν — ὁ γὰρ φιλοσοφίας ὄρας τοιοῦτός ἐστιν, ὥστε τὸν ταύτην ἀσπασάμενον ἄπλαστον εἶναι προσήκει καὶ συνετὸν ὡσπερ τοῦναντίσῃ — ἀναίσχυντον πάντῃ καὶ ἰταμόν, τὸν πονηρίᾳ συζῶντα καὶ βασκανία.

π. 22 06. Ὁ γάρ τοι τοιοῦτος. Κἂν μυριάκις ἐπιστομισθῇ τοσαυτὰκις ἀνθίσταται ἥλιν. Ὁ δὲ

⁷ T. e. между началом июня 1367 г., когда состоялся этот разговор, и концом мая 1369 г.
¹ Так в рукописи.
² οἱ — Paris. 1241 et 1242.
³ οἱ δὲ — Paris. 1241 et 1242.

τὴν φίλην ἀλήθειαν ἀποθέμενος, καὶ ἐτέρους προσλαβόμενος ἱκανούς, κατὰ τῆς ἀληθείας ἵσταται. Ἄλλ' οἱ ἐχθροὶ Κυρίου ἐφείσαντο αὐτῷ. Καὶ τοίνυν καὶ αὐθις τρίτης συνόδου συγκροτηθείσης καὶ αὐτῆς ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει παρ' ἐμοῦ, τὸν πατριαρχικὸν θρόνον τοῦ μακαρίου Καλλίστου κοσμοῦντος, πάλιν γίνεται τόμος, ἐπεκδικῶν μὲν καὶ ἐπιστηρίζων τὸν τε πρῶτον καὶ δεῦτερον τόμον καταδικάζων δὲ τὸν Γρηγοράν σὺν τε τῷ Ἀκινδύνῳ καὶ Βαρλαάμ. Ὁ δὲ, τὴν κατ' αὐτοῦ τοιαύτην ἐνεχθεῖσαν ψῆφον μὴ ἐνεγκῶν, κατὰ τοῦ τόμου χωρεῖ. Καὶ οὐτ' ἀπὸ τῆς θείας γραφῆς, οὐτ' ἀπὸ τῆς διδασκαλίας τῶν θείων πατέρων καὶ θεολόγων, ἀλλ' ἀπὸ τῆς κοιτίας αὐτοῦ βλάσφημα ἐξερεύγεται ῥήματα. Ἐνθὲν τοι καὶ τῷ ἀγιωτάτῳ πατριάρχῃ Φιλοθέῳ βιβλίον ἐξεπονήθη κατὰ πάντων αὐτῶν, τῷ σοδομητικῷ πυρὶ ἔοικός, τῷ τεφροῦντι γλώσσας βλασφημίας καὶ ἀσεβείας. Οὕτω γοῦν τοῦ πράγματος ἔχοντος, οὐκ ἂν ποτε εἰς τοσαύτην μανίας ἔλθοιμεν κορυφῆν, ὡς τε τὰ ἐκείνων ἀτελεῖ νομίσει καὶ τέλος ἐπιθεῖναι τοῖς γράμμασιν. Ἄλλ' ἐπειδὴ καὶ τέταρτον ἤδη τινὲς διανέστησαν καὶ ποῖς πρωτέροις παραπλησίως βλάσφημα ῥήματα περὶ || τοῦ θείου φωτὸς εἰρήκεισαν, ἐπιχειρήμασι δυσδιαλύτοις, ὡς αὐτοῖς δοκεῖ, τὸ ¹¹ 23 ἰσχυρὸν ἔχουσι, τὸ φεῦδος πειρώμενοι συνιστᾶν. Πρέπον μὲν ἦν ἂν μηδεμίαν ἀπόκρισιν δοῦναι πρὸς αὐτοῖς ἢ πρὸς ἐτέροις, εἴπερ ἐπιχειρήσει ποτέ τις λαλῆσαι περὶ τῶν προλαληθέντων, ἀρκετοὶ γάρ εἰσι Θεοῦ χάριτι οἱ προγεγονότες τόμοι, ἀλλὰ δὴ καὶ τὰ ἐκπονηθέντα βιβλία, ὡς εἴρηται, παρὰ τε τοῦ μακαρίου Θεσσαλονίκης καὶ τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου Φιλοθέου, ἀλλ' ἐπειδὴ τῶν φίλων τινὲς ἤξισαν εἰπεῖν καὶ ἀπολογηθεῖσθαι πρὸς τὰ παρὰ τῶν ῥηθέντων λεγόμενα, εἰ καὶ ἀδυνάτως πρὸς τὴν τούτων ἐγγεῖρησιν ἔχομεν, ὅμως τὸν Ἰησοῦν ἐπικαλεσάμενοι — τὸ πατρικὸν φῶς, τὸ ὄν, τὸ ἀληθινόν, ὃ φωτίζει πάντα ἄνθρωπον ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον, δι' οὗ τὴν πρὸς τὸν ἀρχίφωτον Πατέρα προσαγωγὴν ἐσχίκαμεν, — τὴν τούτων ζήτησιν ἐκπληροῦντες, τοῦ προκειμένου ἀγῶνος ἀρχόμεθα. Καὶ εἶθε ἱκανότης ἡμῖν ἐκ Θεοῦ δωρηθεῖη!

ПЕРЕВОД

Благочестивейшего и христоролюбивого императора и самодержца Ромея Иоанна Кантакузина, ради божественного монашеского чина переименованного в Иоасафа монаха, Опровержения иеромонаха Прохора Кидониса, написавшего о свете, просиявшем на Фаворе в лице господя нашего Иисуса Христа, и называющего его [этот свет] творением

«Словеса беззаконник премогаша нас» говорит пророк ¹; мы же, немного изменив изречение, скажем, что словеса тех, кто пагубно толкует священное, превозмогли нас вследствие нагромождения нечестивых речей их.

Светлее солнца сияет вера православных. И действительно, Варлаам из Калабрии, сильный своими природными данными и эллинским образованием, ополчается [именно] на божественный свет. Именно то, что богословы называют божественностью, безначальным царством Божиим, вневременным и природным сиянием, божественным свойством и другим тому подобным, он объявил творением, призракoм и [явлением] низшим мышления. Потому-то блаженной памяти Григорием Фессалоникийским и была создана книга, сокрушающая всю заносчивость, которую Варлаам злобно выставил против Бога.

И вот, когда блаженной памяти прославленным императором Андроником Палеологом, моим братом, был созван в Константинополе — при патриархе Иоанне Калеке — собор ², на котором присутствовал и сам [Григорий] Фессалоникийский, упомянутый Варлаам был осужден и отлучен как еретик. И появляется соборное определение против него.

¹ Псал., 64, 4.

² В 1344 г.

Когда таким-то образом обернулись дела, появляется мисиец * Акиндин с некоторыми другими ему подобными, воспринявшими его взгляды и являющимися его соучастниками и последователями. И Варлаам ополчается на божественный свет, а эти сверх того — и на божественные энергии; и то называют их творениями, то сотворенными и несотворенными, то ни несотворенными, ни сотворенными³; а иногда [они заявляют], что есть одна только блаженная сущность божия, не ведая, что говорят и утверждают.

И на втором соборе⁴, вновь созванном прославленной блаженной памяти императрицей, сестрой моей Палеологиней, в том же царствующем граде, осуждается и этот Акиндин, а вместе с ним — и упомянутый патриарх, как единомысленный с ним. И снова появляется [уже] второе соборное определение, утверждающее упомянутое определение против Варлаама и осуждающее Акиндина этого с его сторонниками.

Затем блаженный Исидор, истинно божий человек, получает патриарший престол. Проходит немного времени, и выступает Григора Никифор, защищая взгляды Акиндина и Варлаама. Между тем философу — [именно] как философу — подобает следовать истине и пребывать в покое. Ведь правило философии таково, что преданному ей [человеку] свойственно быть честным и рассудительным, как и в противном случае — совершенно бестыдным и дерзким, погрязшим в порочности и зависти. А он именно таков. И хотя бы десять тысяч раз его обуздывать, столько же раз он станет противоречить снова. Ведь он, пренебрегши милой истиной и обзаведшись достаточным количеством сторонников, обращается против истины.

Но враги Господа обманули его (Григору. — Г. II.).

И вот, когда вновь, в третий раз, опять в Константинополе, был мною при блаженном Каллисте, украшавшем патриарший трон, созван собор⁵, тогда снова появляется определение, защищающее и подтверждающее первое и второе определения, а Григору осуждающее вместе с Акиндином и Варлаамом. Григора же, не стерпев это вынесенное против него решение, выступает против определения [и исходит] не из божественного писания, не из учения божественных отцов и богословов, но изрыгает кощунственные речи из нутра своего. Из-за этого-то и святейшим патриархом Филофеем была создана книга, подобная содомскому огню, испепеляющему кощунственные и нечестивые языки.

Так ведь обстояло дело. Не дошли ли мы, пожалуй, [в споре] до такого крайнего накала страстей, что надо бы счесть [все] их нападения бесплодными и положить конец писаниям [опровержений]?

Но потом, уже в четвертый раз, поднялись некие и, подобно предыдущим, высказали кощунственные слова о божьем свете. В неоспоримых умозаключениях они, как им кажется, имеют силу, пытаясь доказать ложь. Подобало бы никакого ответа не давать ни им, ни другим, если кто когда-нибудь попытается сказать об упомянутом выше: ведь достаточно божьей милостью появившихся раньше определений, а также книг, написанных, как сказано, блаженным [Григорием] Фессалоникийским и святейшим патриархом Филофеем.

Но некоторые из [наших] друзей пожелали, чтобы мы выступили в защиту и опровергли то, что говорят упомянутые [люди]. Хотя нам и нелегко браться за это дело, однако, исполняя их желание, призвав Иисуса — свет отеческий, сущий, истинный, который просвещает всякого человека, грядущего в мир, благодаря которому мы получили доступ к источнику света — Отцу, начинаем этот спор. И да будет нам дарована сила от Бога!

* Акиндин был родом из Болгарии (прим. пер.).

³ О имеющемся здесь разночтении с парижскими рукописями см. стр. 328, пункт 1.

⁴ В 1347 г.

⁵ В 1351 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПЕРЕПИСКЕ» ИОАННА-ИОАСАФА КАНТАКУЗИНА С ЛЕГАТОМ ПАВЛОМ¹

С наступлением шесть тысяч восемьсот семьдесят седьмого года² в Византии (т. е. в Константинополь.— Г. П.) из Италии прибыл ученый муж именем Павел — тот самый, который, выполняя посольскую миссию по некоторым государственным делам от римского папы Урбана к императору Иоанну Палеологу, объявил себя патриархом Константинополя. И этот вот Павел, услышав много хулы от единомышленников Варлаама и Акиндина, наводящих клеветы на святую константинопольскую церковь, очень захотел осведомиться у кого-нибудь из сторонников церкви, верно ли то, что говорят о них, или нет. Узнав об этом, император Кантакузин послал Павлу приглашение во дворец.

И поговорив с ним об интересующих его вопросах дважды, трижды и многократно, доказал ему, что те, кто рассуждает подобно Акиндину и Варлааму, плохо рассуждают и что они к тому же суть клеветники и наглецы не только по отношению к константинопольской церкви, но и по отношению к святым учителям и что святая константинопольская церковь правильно мыслит и в согласии со всеми святыми.

Эти разговоры, разъясняющие каждый пункт исследования, изложены в настоящей книге по частям.

ПИСЬМО ИОАННА КАНТАКУЗИНА ЕПИСКОПУ ИОАННУ НА КИПР¹

Возлюбленный Богом епископ Карпасии, проэдр Констанции и Амохоста, господин Иоанн! Царственность моя, хотя и не имела обыкновения писать к тебе, возлюбленному Богом, но ради добродетели, коей ты наделен от природы, и боговдохновенного образа мыслей, который ты питаешь, принимала тебя прежде и [теперь] намерена написать тебе и сообщить о некоторых необходимых вещах. До сих пор некоторые обстоятельства этому препятствовали. Теперь же я излагаю и объясняю тебе то, чего не сообщил доньше.

Уже тридцать лет назад и [даже] больше, как некий человек, калабриец родом, по имени Варлаам, воспитанный на эллинской премудрости, прибыв сюда и пробыв здесь немало времени, начал обвинять находящихся здесь исихастов и извергать из себя нечестивые догматы. Когда святейший митрополит Фессалоники господин Григорий Палама, бывший тогда иеромонахом, стал его опровергать, тот дошел до такой степени бесстыдства, что дерзнул написать особую книгу, наполненную его зломысленными богохульствами и зловредными мнениями, и нагло вручить ее тогдашнему патриарху господину Иоанну. Узнав об этом, высочайший император Ромеев блаженной памяти прославленный господин Андроник Палеолог, брат царственности моей, созвал собор в досточтимом божественном храме премудрости Слова Божьего, призвав [на него] многих из пребывающих в исихии, которых сей Варлаам обвинял в порочных мнениях, и особо — упомянутого достойнейшего иеромонаха господина Григория Паламу —

¹ Греческий текст издан по рукописи XVII в. А. Пападопуло-Керамевсом: *Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη ἢτοι κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων ἐλληνικῶν κωδίκων.* Ἐν Πετρούπολει, 1899, σελ. 116, № 130. Текст был сверен мной с Vatopedi 347 (XV в.), лл. 153—153 об.

² Начало 6877 г. соответствует сентябрю 1368 г.

¹ Греческий текст издан по рукописи Vatopedi 434 (конец XIV в.): J. D a r g o u z è s. *Lettre inédite de Jean Cantacuzène relative à la controverse palamite.*— REB, XVII, 1959, p. 15—21.

того, который позже занял Фессалоникийскую кафедру. На заседании император сам лично, в присутствии патриарха, всего синклита и собора приблизительно тридцати шести архиереев, произвел рассмотрение этого вопроса. И было объявлено, как со стороны самого императора, патриарха и синклита, так и всего явившегося во множестве народа, словно из одних уст, что то, что Варлаам говорит и пишет, преисполнено кощунств, порочных заключений и далеко от христианского мировоззрения. Потому и при таких обстоятельствах появилось соборное определение, оправдывающее вышеупомянутых монахов, особенно же господина Григория Паламу Фессалоникийского; оно было помечено подписями патриарха и всего собора: да будут преданы анафеме те, кто осмелится опровергать и оспаривать это определение.

Варлаам, как сказано, ушел. Некий же монах, Григорий Акидин по имени, будучи прямым учеником этого Варлаама, воспринял его заблуждения и ересь. Затем, сочтя некоей неожиданной удачей то смятение, которое произошло среди нас, когда император, брат царственности моей, умер, он обучил [ереси] многих из здешних. Узнав об этом, высочайшая императрица ромеев, сестра царственности моей, госпожа Палеологиня, славная и блаженная, созвала в своем присутствии собор. Собор постановил, чтобы то, что говорит этот Акидин, было с гневом отвергнуто и изгнано, и чтобы сам он, как еретик и [человек] порочных мнений, равно как и учитель его, тот Варлаам, были отлучены, по обычаю, с амвона в неделю Православия. Но это не все, что было сделано по отношению к ним: тогдашний патриарх, господин Иоанн, рукоположивший в дьяконы Акидина и защищавший его слова, был разжалован. И не потому только он был разжалован, что явно держался еретических и пагубных догматов того, но и потому, что сам писал и подписывал соборное определение, подвергаящее анафеме всякого, кто в какой-либо степени захотел бы его опровергнуть.

И вот снова архиереями, составившими первое определение, и теми, кто были рукоположены и стали архиереями после того, было выпущено второе соборное определение, подтверждающее и подкрепляющее первое. Это произошло и было сделано, когда я находился еще вне Константинополя, ибо я еще им не владел. После же того, как я вошел в этот возвеличенный Богом Константинополь и вся власть над ромеями оказалась у моей царственности, воззвали ко мне все принявшие сторону Акидина, крича, что они подверглись несправедливости и просят суда, который и состоялся тогда согласно их просьбе. По этой причине царственность моя через послов приглашает из Фессалоники названного господина Григория Паламу. И по просьбе тех был созван собор. В течение многих дней рассматривалось сказанное ими — и не одинажды и не дважды, но три и пять раз, — и снова, как всегда, они были единогласно осуждены, причем об этом было выпущено еще и третье определение, подписанное царственностью моей, высочайшим императором ромеев и любимейшим сыном царственности моей господином Иоанном Палеологом, патриархом господином Каллистом и собором.

Они же, совершенно как неизлечимо больные, не захотели принять лекарства раскаяния. Одни из них еще здесь находятся, другие же ушли куда кто захотел, так что некоторые появились и там [у вас], а именно — сначала кувиклярий Атуэм, Антоний, называемый Финикийцем, и другие, потом — и [епископ] Тира, который, подделав простагмы, как будто он был там назван, и таким же образом изготовив патриархии письма, явился в Сирию и, склонив некоторых на свою сторону, стал патриархом Антиохии; будучи же обличен и там, он был смещен. Это люди, [которые прибыли туда] тогда.

В настоящий же момент прибыл туда, как узнала царственность моя, некий монах, называемый Анфимом Каливой. Подобно тому, как известный Симон Маг и Кинопс выступали против святых апостолов, называя

нечестивыми светочей [христианства], и еще как последователи Ария звали тритеитами Василия Великого и Григория Богослова, учителей церкви, за то, что они чтили и почитали Святую Троицу, так и эти оговаривают и называют политеистами нас за то, что мы говорим, что как природа Божия несотворенна и неизъяснима, так и энергия блаженной сей сущности несотворенна и неизъяснима. Они же измышляют против нас такие клеветы, какие сам дьявол не решился бы сказать.

Ибо попались мне некие главы, здесь ими написанные, которые они послали на ваш остров, чтобы сбить с пути по мере возможности тамошних христиан и убедить их последовать нечестию этих Варлаама и Акиндина; отчего и показалось царственности моей полезным написать и показать твоему священству, чтобы ты и все находящиеся там христиане узнали, как таковые еретики клеветуют на нас, бесясь из-за ненависти и злобы, которые они питают против нас, милостью Христовой православных.

1. Ведь они говорят, что мы будто бы исповедуем в Боге две божественности: одну — сущность, а другую — не сущность. На это я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же исповедуем одну божественность Отца и Сына и Святого Духа.

2. Еще говорят они против нас, что мы сопоклоняемся разным божественностям в ипостасях Св. Троицы. На что я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же поклоняемся одной божественности в трех ипостасях Отца и Сына и Святого Духа.

3. Еще они говорят, что мы поклоняемся иному Богу, похожему на сияние, видимое телесными очами. Я же говорю: да будет предан анафеме тот, кто поклоняется такому богу. Мы же поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу — Троице единосущной и нераздельной.

4. Еще они говорят, что мы поклоняемся бесчисленному количеству безначальных низших богов, исходящих из сущности Божией, которых мы по большей части и называем богами и божественностями. А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же веруем в одного Бога в Отце и Сыне и Святом Духе.

5. Еще они говорят, что мы разделяем природу Божию на части и элементы. Я же говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же поклоняемся Отцу безначальному, Сыну собезначальному, обладающему всей природой Отца, и Духу Святому с Отцом и Сыном сопоклоняемому и сославимому, тоже обладающему всей природой Отца, точно так же, как и Сын.

6. Еще они говорят, что мы считаем, что природная энергия Бога видима, будучи сама по себе как свет. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же считаем, что природная энергия Бога сама по себе ничего не представляет, но является неотделимой от безначальной и неизъяснимой сущности Божией.

7. Еще они говорят, что мы говорим, что безначальная Божья природная энергия инакоприродна, неодинакова, во много раз слабее, безыпостасна, без сущности и так относится к природе [божьей], как Сын к Отцу и Духу Святому. А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же говорим, что безначальная Божья природная энергия является неотделимой от природы, и где природа — там и энергия, и где энергия — там и природа.

8. Еще они говорят, что мы полагаем, что все совершают низшие боги, а Божья природа ничего из сущего не совершает, но, будучи ограниченной, находится вне всего. А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы поклоняемся единому триипостасному Богу (имеющему одну природу, одну силу, одну энергию, одну божественность), находящемуся во всем и выше всего; и нет места, в котором нет Бога по сущности.

9. Еще они говорят, что мы говорим, что причастные низшим божественностям становятся безначальными, несотворенными и вечными.

А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Я ведь говорю, что очистившиеся от грехов и совершившие дела, достойные того, чтобы соединиться с Богом, соединившись с ним, становятся и сами богами по благодати, согласно словам Господа: «Я сказал: вы — боги и сыновья Всевышнего все»².

10. Еще они говорят, что мы говорим, что божья природа и субстанциональная энергия является общей и у нас, и у ангелов. А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Я полагаю, что божья природная и субстанциональная энергия является общей у Отца и Сына и Святого Духа; люди же и ангелы приобщаются к Богу по благодати, каждый в соответствии со своей чистотой.

11. Еще они говорят, будто мы считаем Сына Божия и Дух Святой природными произведениями, творениями и энергиями низшими, слабейшими и худшими и Отца и друг друга. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы считаем Отца безначальным, Сына собезначальным, Духа совечным и равным по славе и почету Отца и Сыну, сопоклоняемым и славимым.

12. Еще они говорят, что мы говорим, будто плоть приняла ипостась Слова и Сына Божия. А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так говорит. Мы ведь говорим, что вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог, и в последний день Слово стало плотью и вселилось среди нас, и что ипостась Слова Божьего восприняла плоть, и стало, таким образом, две природы одной ипостаси Слова Божьего, но не плоть приняла ипостась Слова, как они обвиняют нас.

13. Еще они говорят, будто мы говорим, что голубка, появившаяся при крещении Господа, не была Духом Святым. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Напротив, мы говорим, что Дух Святой сошел как бы в виде голубки и остался на Христе.

14. Еще они говорят, что мы говорим, будто следствия безначальны. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же полагаем, что следствия являются творениями, имеющими акт творения в качестве начала; сила же, их создавшая, — безначальна.

15. Еще они говорят, будто мы говорим, что обожествленное тело Господне, которое ныне вкушая, мы становимся причастниками божественной природы, освящает и обожествляет не та божественность, которая то распятое тело осватила на кресте, но некая другая божественность, бессущественная и низшая. Я же говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы говорим, что та же самая божественная сила или божественность, которая осватила распятое вечно святое тело, [полученное] от Девы, освящает благословенный хлеб и благословенную чашу и претворяет хлеб в самое тело Господне, а виноградное вино — в самую чтимую кровь Его. И мы веруем, что это — не что иное, как чтимое тело и кровь Христовы, и что тот, кто не перерожден водой и Святым Духом и кто не вкушает тело Господа нашего Иисуса Христа и не пьет крови Его, не может наследовать царства Божия.

16. Еще они говорят, будто мы говорим, что Слово Божие родилось у святой Девы позакону естества, а не сверхъестественно. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Напротив, мы говорим, что не только он рожден был сверхъестественно, но что и ангелам, и людям неизвестен способ вочеловечения Слова Божия.

17. Еще они говорят, что мы считаем, что уготованное от Бога святым является несотворенным. Ведь во всем они лгут, а в этом говорят истинно, ибо мы думаем [именно] так. Из их же слов следует — хотя они обвиняют в этом нас, — что сами они рассчитывают насладиться чем-то созданным. Мы же наставлены и обучены Христом, что он сам есть наследие спасен-

² Псал., 81, 6.

ных; еще же — и апостолом Павлом, что святые становятся наследниками Божиими и сонаследниками Христовыми. [Таким образом] по необходимости наследие спасенных — несотворенно. Потому и злословие их да обратится на их [же] головы!

18. Еще они говорят, будто мы говорим, что у Бога не три ипостаси, но много различных сил и энергий. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы именуем Отца и Сына и Святого Духа тремя ипостасями, но одной сущностью, силой и энергией, а не многими, отличающимися друг от друга, как эти жалкие клеветуют.

19. Еще они говорят, что мы считаем огонь, виденный на купине, и огненную колесницу, восхитившую Илию, несотворенными богами и божественностями. Да будет предан анафеме тот, кто так думает! Мы же говорим, что огонь, явившийся на терновнике, был символом воплощения Слова Божьего в Деве: как терновник горел, но не сгорал, так и Дева не была сожжена, приняв огонь божественности. Относительно же огненной колесницы, восхитившей Илию, я точно не знаю; но, [видимо], по божьему приказанию некая божественная сила восхитила его.

Царственность моя написала это к твоему священству, чтобы знал ты и все тамошние христиане клеветы этих зломысленных. Я намеревался написать об этом пространней, но так как я занят и так как я был вдали от Константинополя³, как ты узнаешь от доставляющего это [письмо], я не написал ничего больше.

Напиши мне, чтобы я узнал, дошло ли до тебя в сохранности настоящее [письмо]; тогда и царственность моя напишет твоему священству пространнее и яснее, из чего ты [лучше] узнаешь их зломыслие и нечестие.

Иоанн, во Христе Боге верный император и самодержец ромеев, Кантакузин, ради божественного монашеского чина переименованный в монаха Иоасафа.

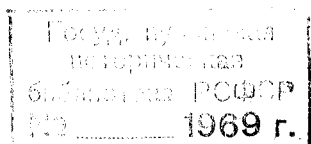

В заключение от души благодарю Б. Л. Фонкича и А. И. Зайцева, помогавших мне в работе над этой публикацией.

³ Имеется в виду пребывание на Пелопоннесе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты археографической экспедиции
 АИ — Акты исторические
 БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
 ВВ — Византийский временник
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ГИМ — Государственный Исторический музей в Москве
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств в Москве
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗРВИ — Сборник Радова. Византологички институт
 ИАК — Известия Археографической комиссии
 ИЗ — Исторические записки
 ИП — Исторически преглед
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
 МГУ — Московский государственный университет
 МДА — Московская духовная академия
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 ПВЛ — Повесть временных лет
 ПДП — Памятники древней письменности
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РАИК — Русский археологический институт в Константинополе
 РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РИБ — Русская историческая библиотека
 СА — Советская археология
 Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
 СВ — Средние века
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГАИЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде
 BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
 BNJb — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
 BS — Byzantinoslavica
 Byz. — Byzantion
 BZ — Byzantinische Zeitschrift
 DOP — Dumbarton Oaks Papers
 ЕЕВЗ — 'Επετηρίς 'Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
 EO — Echos d'Orient
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JJP — Journal of Juristic Papyrology
 JÖBG — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
 MM — F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi.
 NE — Νέος Ἑλληνομνημῶν
 PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Leries Graeca
 PL — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Latina
 RE — Pauly — Wissowa — Kroil. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 REB — Revue des Études Byzantines
 RES — Revue des Études Slaves
 RH — Revue historique

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Виктор Никитич Лазарев (К семидесятилетию со дня рождения)	3
М. Я. С л о з ю м о в (Свердловск). Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (В порядке дискуссии)	32
И. Ф. Ф и х м а н (Ленинград). К развитию патрициев в византийском Египте	45
✓ Е. Э. Л и п ш и ц (Ленинград). К истории «Земледельческого закона» в Византии и в средневековых балканских государствах	53
В. А. А р у т ю н о в а (Ереван). К вопросу об «эвфротом» в «Тишике» Григория Пакуриана	63
И. П. М е д в е д е в (Ленинград). Некоторые вопросы общественно-экономических отношений в поздневизантийском городе Мистре	77
Р. Г и й а н (Париж). Исследования по административной истории Византийской империи (заметки о некоторых классах чиновников в IV—VI вв)	88
А. В. П о п п э (Лодзь). Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии (Окончание)	95
Г. Г. Л и т а в р и н (Москва). Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г.	105 ✓
Н. А. К а з а к о в а (Ленинград). Вопрос о причинах осуждения Максима Грека (Окончание)	108 ✓
А. И. И в а н о в (Ленинград). К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека	135 ✓
Р. А. Г у с е й н о в (Баку). Последствия сражения при Манцикерте (1071 г.) для Закавказья	148
З. В. У д а л ь ц о в а (Москва). Мировоззрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского	153
<u>Н. Н. К е ч а к м а д з е</u> (Тбилиси). Из истории общественной мысли Византии в XI в.	170
А. П. К а ж д а н (Москва). Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский (Окончание)	177
Н. К. Г о л е й з о в с к и й (Москва). Исихазм и русская живопись XIV—XV вв.	196
Н. И. К р е с а л ь н ы й (Киев). Новые исследования северо-западной башни Софии Киевской	211
Е. Э. Г р а н с т р е м (Ленинград). Унциальный период византийской письменности	232
В. С. Ш а н д р о в с к а я (Ленинград). Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже	244
И. В. С о к о л о в а (Ленинград). Находки византийских монет VI—XII вв. в Крыму	254
А. В. Б а н к (Ленинград). Два памятника мелкой пластики из Фессалоники	265
Т. С. К а у х ч и ш в и л и (Тбилиси). Греческая надпись из Казрети	269
Б. Л. Ф о н к и ч (Москва). Иерусалимский патриарх Досифей и его рукописи в Москве	275

Критика и библиография

Рецензии

А. Р. К о р с у н с к и й (Москва). От Восточной Римской империи к Византии	300
Е. П. Н а у м о в (Москва). Новая работа по истории сербо-византийских отношений в XIV в.	304
А. П. К а ж д а н (Москва). Новые исследования по византийской демографии	307
	343

Аннотации

Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии (К изучению процесса классовобразования у славян). М., 1964, 407 стр.	311
Роман Миминошвили. Грузинские переводы «Изложения» Иоанна Дамаскина. Тбилиси, 1966, 194 стр. (на груз. яз.; резюме — на русск. яз., стр. 173—194)	312
Каталог рукописей Матенадарана имени Маштоца, т. I. Составители О. Еганян, А. Зейтуян, А. Аншабян. Введение О. Еганяна, под редакцией Л. Хачикяна, А. Мнацаканяна. Издательство АН Арм. ССР. Ереван, 1965, 1635 стр. (на арм. яз.)	314
Н. К ö p s t e i n. Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Berlin, 1966, S. 134	315
Н. A h r w e i l e r. Byzance et la mer. Paris, 1966, p. 502	316

Публикации

Г. М. Прохоров (Ленинград). Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 годов	318
Список сокращений	342

Византийский временник, том XXIX

Утверждено к печати Институтом истории АН СССР

Редактор Д. Л. Галис
Редактор издательства Ф. Н. Архий
Технический редактор И. А. Жмуркина и О. Г. Ульянова

Сдано в набор 10/VI 1968 г. Подписано к печати 17/XII 1968 г. Формат 70×108^{1/16}. Бумага № 1.
Усл. печ. л. 30,1. Уч.-изд. л. 31,4. Тираж 1400. Т-16295. Тип. зак. 785
Цена 1 р. 97 к.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
64	29 сн.	τῆς	τῆς
100	20 сн.	ἦτοι	ἦτοι
100	21 сн.	Ῥωσία	Ῥωσία
102	25 сн.	Ἄνδρες	Ἄνδρες
119	10 сн.	он суде о	о суде он
135	22 сн.	Салтыкова-	Салтыкова-
143	14 сн.	Голубицкий	Голубинский
145	4 сн.	Правительственного	Правительствующего
169	16 сн.	франских	франских
173	11 сн.	VI	VII
180	7 сн.	νηστεία	νηστεία
186	10 сн.	ἀστέρων	ἀστέρων
190	26 сн.	ἀχέρατον	ἀχέρατον